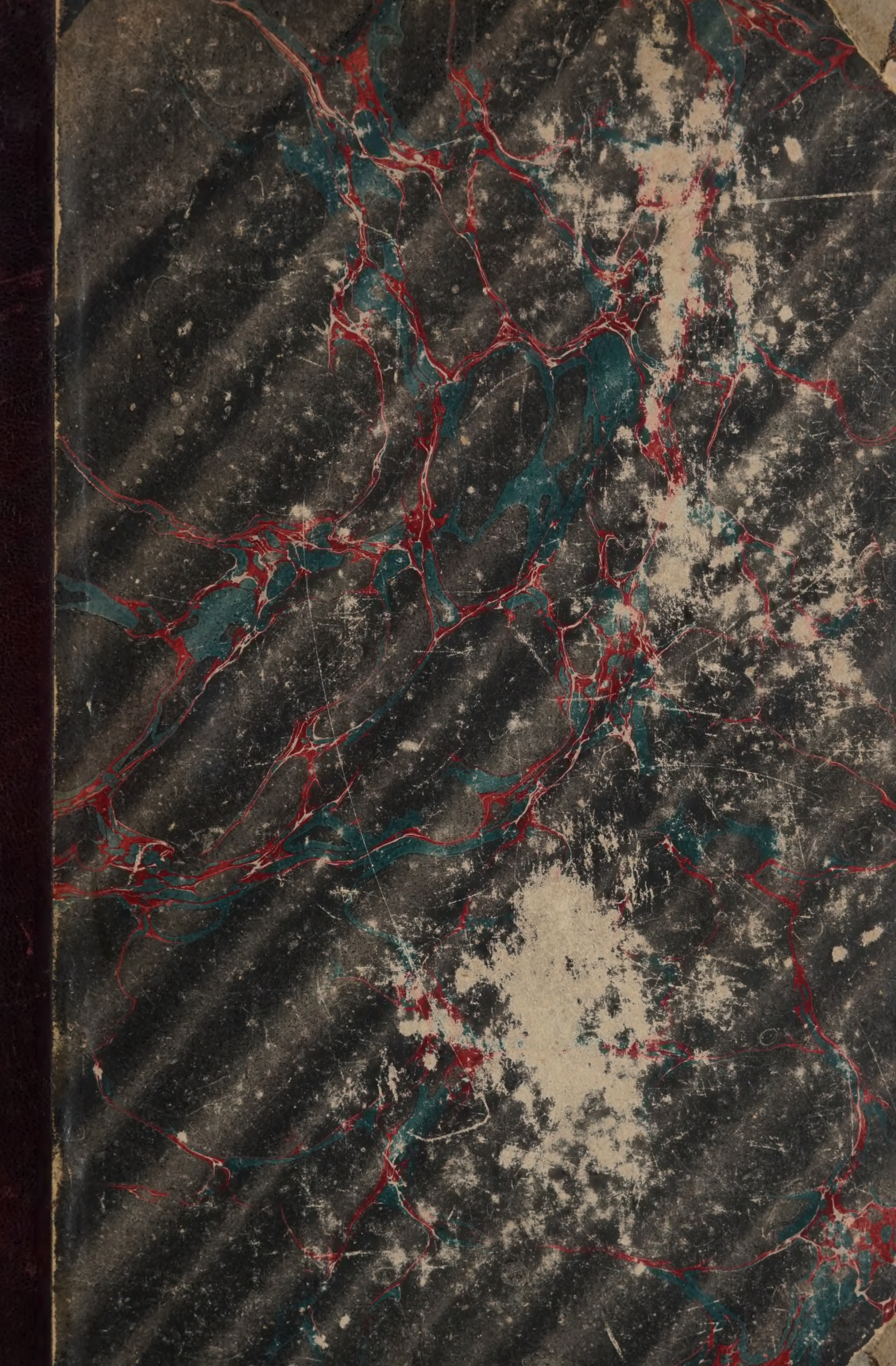
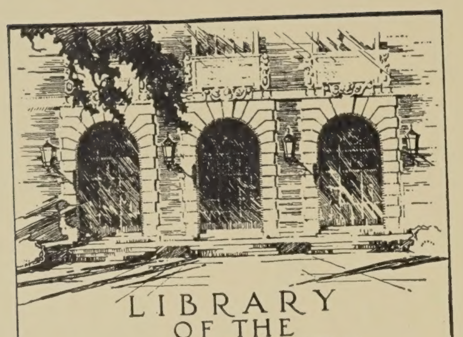




ОЧЕРКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

XVIII — XIX вв.

Н. П. Павловъ-Сильванскій

СОЧИНЕНІЯ

Томъ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28
1910

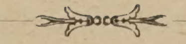
Н. П. Павловъ-Сильванскій

ОЧЕРКИ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ

XVIII—XIX вв.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28
1910

3961

Въ послѣдній годъ жизни Николая Павловича Павлова-Сильванскаго сильно занимала мысль объ изданіи сборника статей. Въ его бумагахъ сохранились многочисленные планы и проекты, дающіе возможность судить о составѣ сборника и о формѣ изданія. Многія изъ статей, намѣченныхъ къ включенію въ книгу, должны были еще подвергнуться обработкѣ, для возстановленія единства Н. П. предполагалъ написать нѣсколько новыхъ очерковъ. Такъ, по мысли автора, его статьи о петровской эпохѣ, изданныя раньше, въ связи съ тѣми, которыя онъ еще хотѣлъ написать, должны были составить очерки по исторіи общественнаго движенія при Петрѣ I.

Въ настоящій сборникъ включены всѣ тѣ статьи, которыя были бы внесены самимъ авторомъ. Всѣ онѣ были напечатаны раньше, и только одна („Мнѣнія верховниковъ о реформахъ Петра Великаго") печатается впервые по рукописямъ. Нѣкоторыя изъ статей Н. П. появились въ двухъ редакціяхъ. Въ примѣчаніяхъ къ тексту указаны тѣ основанія, по которымъ дано предпочтеніе той, а не иной редакціи. Тамъ же отмѣчены всѣ редакціонныя измѣненія и дополненія.

П. Щеголевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Графъ Петръ Андреевичъ Толстой [1]).

(Пращуръ графа Льва Толстого).

„Великій писатель Русской земли“, какъ назвалъ Л. Н. Толстого Тургеневъ, сталъ въ послѣднее время великимъ писателемъ европейскимъ, и у французовъ, отличающихся чуткой и смѣлой отзывчивостью, недавно возникъ проектъ поставить Толстому при жизни его памятникъ въ столицѣ европейской культуры, въ Парижѣ. Если мысль о памятникѣ Льву Толстому возникла недавно, то уже долгое время изучается біографія его, какъ писателя, исключительнаго по своему значенію. Будущій историкъ литературы будетъ подавленъ множествомъ извѣстій о жизни графа Льва Николаевича; найдетъ онъ нѣкоторые матеріалы и для первой главы его біографіи, выясняющей загадочную связь великаго писателя съ его родомъ, съ длиннымъ рядомъ его предковъ, въ которыхъ очень трудно или вовсе нельзя уловить хотя бы слабыя черты его генія.

---

[1]) Н. П. Сильванскому принадлежатъ двѣ статьи о гр. П. А. Толстомъ, въ „Русск. Біогр. Слов.“ и въ „Истор. Вѣст.“ (1905, іюнь). Послѣдняя является воспроизведеніемъ первой съ нѣкоторыми перемѣщеніями и пополненіями, но съ опущеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ подробностей въ виду общедоступнаго характера журнала. Здѣсь перепечатывается статья „Ист. Вѣст.“, при чемъ выброшенныя авторомъ детали (преимущественно о служебной дѣятельности Толстого) приводятся въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ текста и обозначаются прямыми скобками. *Ред.*

Отецъ и дѣдъ графа Льва Николаевича извѣстны по роману „Война и миръ". Дѣдъ его—старый, добрый и простодушный графъ Илья Андреевичъ Ростовъ, памятный всѣмъ въ яркихъ картинахъ помѣщичьей жизни, съ охотами, святочными вечерами, съ „графскими вистами и бостонами, за которыми онъ, распуская всѣмъ на видъ карты, давалъ себя каждый день на сотни обыгрывать сосѣдямъ", и какъ почтенный членъ московскаго англійскаго клуба, гдѣ онъ устраивалъ въ честь героя, князя Багратіона, великолѣпный парадный обѣдъ съ свѣжею земляникою зимою и съ исполинскою стерлядью. Давъ ему вымышленную фамилію Ростова, Л. Н. Толстой сохранилъ его имя и отчество: графъ Илья Андреевичъ. Воспроизведя типичныя черты его личности, художникъ изъ жизни его взялъ, однако, только то, что соотвѣтствовало его характеру.

Добродушный графъ Илья Андреевичъ, всегда составлявшій свое мнѣніе по рѣчамъ другихъ и никогда не умѣвшій разобраться въ плутняхъ своего управляющаго Митеньки, попалъ подъ конецъ жизни въ совершенно несвойственную ему обстановку, когда назначенъ былъ въ 1815 году губернаторомъ въ Казань. Здѣсь онъ оказался безпомощнымъ передъ плутнями десятковъ „Митенекъ"—приказныхъ дѣльцовъ, и не прошло пяти лѣтъ, какъ въ Казань была назначена сенаторская ревизія, раскрывшая вопіющія злоупотребленія въ губерніи; сенатскимъ указомъ 25-го февраля 1820 года графъ Илья Андреевичъ Толстой былъ отрѣшенъ отъ должности и въ томъ же году скончался.

Въ романѣ развязка приходитъ иначе: старый графъ Ростовъ для поправленія своихъ дѣлъ выходитъ изъ предводителей дворянства, потому что должность эта была сопряжена съ большими расходами, ѣдетъ въ Петербургъ искать мѣста, ничего не находитъ и вскорѣ затѣмъ умираетъ въ Москвѣ въ 1813 году. Онъ долгое время,—„какъ въ огромныхъ тенетахъ, ходилъ въ своихъ дѣлахъ, стараясь не вѣрить тому, что запутался, и съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе запутываясь". Въ 1812 году пожаръ Москвы, смерть на войнѣ сына Пети, отчаяніе дочери Наташи—все это ударъ за ударомъ падаетъ на голову стараго графа. „Онъ, казалось, не понималъ и чувствовалъ себя не въ силахъ понять значеніе всѣхъ этихъ событій и, нравственно согнувъ свою старую голову, какъ будто ожидалъ и просилъ новыхъ ударовъ, которые бы его при-

кончили". Дѣла его приходятъ въ полное разстройство естественно и безъ опущеннаго Толстымъ случайнаго эпизода съ неудачнымъ губернаторствомъ, но графъ Илья Андреевичъ Ростовъ такъ же, какъ и графъ Илья Андреевичъ Толстой, „неожиданно" умираетъ, „именно въ то время, когда дѣла графа такъ запутались, что нельзя было себѣ представить, чѣмъ все это кончится, если продолжится еще годъ".

Такъ же, какъ дѣдъ графа Л. Н. Толстого, хорошо извѣстенъ по роману „Война и миръ" его отецъ, графъ Николай Ильичъ, изображенный въ лицѣ молодого графа Николая Ростова. Прямо изъ жизни взятъ его характеръ и нѣкоторыя данныя его біографіи, какъ, напримѣръ, женитьба на богатой княжнѣ Маріи Волконской (Болконской) и жизнь въ отставкѣ въ имѣніи жены. Но біографія и этого героя романа не вполнѣ соотвѣтствуетъ біографіи его историческаго прообраза. Авторъ разбилъ біографію своего отца на двѣ части и позднѣйшіе эпизоды отнесъ къ Николаю Ростову, а эпизоды изъ его ранней молодости къ мальчику Петѣ.

По роману, графъ Николай Ростовъ служитъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку и участвуетъ въ кампаніи 1805—1807 годовъ. Въ дѣйствительности же отецъ графа Л. Н. Толстого, Николай Ильичъ, такъ же, какъ и Петя, поступилъ на военную службу гораздо позже, въ 1812 году, и при томъ совершенно какъ Петя, подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія отечественной войны, зачисленъ былъ въ гусарскій Иркутскій полкъ 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ.

Кромѣ отца и дѣда графа Л. Толстого, мы знаемъ также хорошо родного брата его дѣда, а именно графа Ѳедора Андреевича Толстого, извѣстнаго историкамъ своимъ замѣчательнымъ собраніемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Онъ былъ однимъ годомъ моложе своего брата, графа Ильи Андреевича (родился въ 1758 г.), и умеръ на 82-мъ году жизни, 11-го апрѣля 1849 года. Графъ Ѳедоръ Андреевичъ былъ женатъ на единственной дочери богатаго купца-старовѣра, С. А. Дурасовой; домъ его въ Москвѣ былъ богато убранъ бронзою и фарфоромъ; своими обѣдами и балами онъ славился на всю Москву. Широкой жизнью и непрактичностью онъ, подобно своему брату, совершенно разстроилъ состояніе своей жены и въ 1830 году долженъ былъ продать свое собраніе рукописей въ Публичную Библіотеку за 150.000 рублей,

изъ которыхъ не получилъ ни копейки, такъ какъ деньги были переведены за долги въ опекунскій совѣтъ. Онъ страстно увлекался собираніемъ рукописей и книгъ и издавалъ ихъ описанія, хотя самъ въ составленіи каталоговъ не принималъ участія. Въ благожелательныхъ отношеніяхъ его къ археографу Строеву, описывавшему его собранія, личность графа рисуется въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ.

Очень мало извѣстенъ прадѣдъ графа Л. Толстого, графъ Андрей Ивановичъ, умершій въ 1803 году. Мы имѣемъ о немъ, къ сожалѣнію, лишь два-три отрывочныхъ свѣдѣнія. Какъ и многіе другіе члены рода Толстыхъ, онъ дожилъ до глубокой старости и, родившись при Петрѣ Великомъ (въ 1721 году), умеръ въ царствованіе Александра I, 82-хъ лѣтъ (30-го іюня 1803 года). Между прочимъ, онъ былъ депутатомъ отъ суздальскаго дворянства въ Екатерининской комиссіи 1767 г., но ничѣмъ не выдѣлился изъ ея рядовыхъ членовъ; затѣмъ до 1774 года служилъ президентомъ главнаго магистрата.

Отъ этого графа Андрея Ивановича уже недалекъ переходъ къ виднѣйшему представителю рода Толстыхъ въ древнее время, а именно, къ извѣстному дѣятелю Петровскаго времени, Петру Андреевичу, первому графу Толстому (съ 1724 года). Графъ Андрей Ивановичъ, прадѣдъ графа Л. Н. Толстого, былъ внукомъ этого Петра Толстого. Л. Н. Толстого отдѣляютъ отъ Петра Толстого, какъ видно изъ прилагаемаго маленькаго родословія, четыре поколѣнія; Л. Н. Толстой родился сто лѣтъ спустя послѣ его смерти.

Родъ Толстыхъ ведетъ свое начало отъ полулегендарнаго Индроса, выѣхавшаго въ Черниговъ „изъ нѣмецкой земли“ (вѣрнѣе, изъ Литвы), и отъ его потомка, Андрея Харитоновича, переселившагося изъ Чернигова при великомъ князѣ Іоаннѣ III. Въ слѣдующемъ XVI вѣкѣ, вѣкѣ Іоанна Грознаго, Толстые оставались въ тѣни, и лишь при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣсколько выдвинулся одинъ изъ представителей этого рода, Василій Ивановичъ Толстой, по прозванію Шарпъ, въ преклонныхъ годахъ дослужившійся до чина окольничаго (назначенъ окольничимъ въ 1646 или въ 1647 году и умеръ въ 1649 году). Сынъ его, Андрей Васильевичъ (отецъ графа Петра Толстого), также получилъ чинъ окольничаго въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны (1682 г.) и умеръ въ этомъ званіи (въ 1690 г.), не получивъ высшаго чина

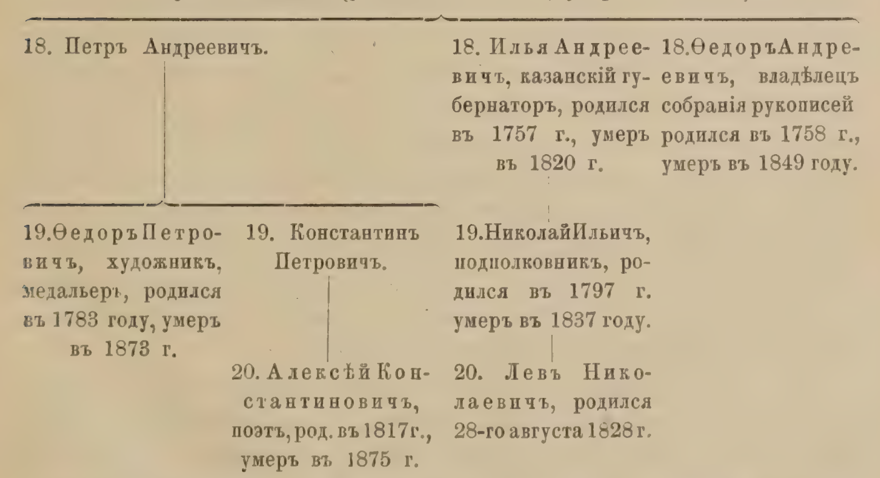
боярина. Оба они, ничѣмъ не выдаваясь изъ рядовыхъ воеводъ, стольниковъ и окольничихъ, служили на воеводствахъ и при дворѣ, участвуя въ торжественныхъ выходахъ и богомольныхъ походахъ царей. Андрей Васильевичъ въ 1665 году отличился мужественной обороной Чернигова отъ казаковъ во время возстанія гетмана Брюховецкаго.

Первымъ, наиболѣе выдающимся дѣятелемъ изъ рода Толстыхъ былъ его сынъ, графъ Петръ Андреевичъ, отъ котораго происходитъ нѣсколько замѣчательныхъ представителей рода. Кромѣ стоящаго внѣ ряда графа Льва Николаевича изъ нихъ наиболѣе извѣстны: поэтъ графъ Алексѣй Константиновичъ, затѣмъ художникъ, авторъ замѣчательныхъ медалей на отечественную войну, графъ Ѳедоръ Петровичъ и министръ графъ Дмитрій Андреевичъ.

Графы Толстые.

(Счетъ поколѣній отъ Индроса, XIV вѣка).

15. Петръ Андреевичъ (умеръ въ 1729 г.).
16. Иванъ Петровичъ (умеръ въ 1728 г.).
17. Андрей Ивановичъ (родился въ 1721 г., умеръ въ 1803 г.).



Иванъ Петровичъ (ум. въ 1728 г.) былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Троекуровой и имѣлъ пять сыновей и три дочери. Графское достоинство, котораго они лишились послѣ ссылки отца въ Соловки въ 1727 г., возвращено имъ было указомъ 26-го мая 1760 г.

От третьяго сына его, Ѳедора Ивановича (17), происходитъ въ пятомъ колѣнѣ (20) графъ Дмитрій Андреевичъ, министръ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ (умеръ 25 апрѣля 1889 г.).

Отъ пятаго сына Ивана Петровича, Петра Ивановича (17), происходятъ графъ Николай Александровичъ (19), оберъ-гофмаршалъ императора Александра I (умеръ 9-го декабря 1816 г.) и графъ Петръ Александровичъ (19), извѣстный посолъ при дворѣ Наполеона (умеръ 28-го сентября 1844 г.).

I.

Въ Петровской эпохѣ, которая выдвинула графа Петра Андреевича Толстого, много жизни, движенія и яркихъ красокъ: новые голландскіе костюмы, изломанный языкъ съ иноземными словами, безпорядокъ строящагося города, кипучая работа на верфяхъ, частыя шумныя торжества съ пушечной пальбою и фейерверками, по случаю спуска галеръ или побѣдъ надъ шведами, ассамблеи съ нѣмецкими танцами и попойками, кровавыя пытки и казни, послѣ которыхъ на площадяхъ города Санктъ-Питербурха оставлялись неубранными отрубленныя головы и тѣла колесованныхъ. На этомъ фонѣ—героическая фигура Петра Великаго и съ нимъ компанія его знаменитыхъ дѣльцовъ,—пестрая компанія, въ которой рядомъ съ родовитыми князьями и боярами много людей темнаго происхожденія. Сильные характеры и необузданные, грубые нравы, подъ внѣшнимъ лоскомъ княжескихъ и графскихъ титуловъ, богато расшитыхъ мундировъ, бритыхъ по-нѣмецки лицъ, пышныхъ париковъ. Между ними не разъ происходятъ бурныя ссоры, оканчивающіяся бранью и дракой, даже въ высшемъ присутственномъ мѣстѣ—сенатѣ; у нихъ много грѣховъ на душѣ по части казнокрадства и грубыхъ насилій. Только Петръ могъ управлять этими людьми, просто, дружески держась съ ними и всегда подавляя ихъ своею несокрушимо властною волею.

Въ полулегендарномъ освѣщеніи эпохи герои петровскаго времени запечатлѣны всѣ своими особыми, рѣзкими чертами. Здѣсь, на первомъ планѣ, Меншиковъ—сначала любимецъ Петра Алексашка, потомъ гордый свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ, олицетворенный честолюбецъ, попавшій „въ князи изъ грязи“; здѣсь князь-кесарь Ромодановскій, безпощадный въ розыскахъ тайной канцеляріи, рвеніе котораго Петръ останавливалъ словами:

„звѣрь, долго ли тебѣ кровь пить"; среди нихъ—князь Яковъ Долгоруковъ, рыцарски благородный, безстрашный совѣтникъ царя, всегда говорящій ему правду въ лицо, и фельдцейхмейстеръ Брюсъ, ученѣйшій нѣмецъ—не то ученый, не то чернокнижникъ; и рядомъ съ ними хитрый Петръ Толстой—олицетвореніе тонкаго ума и коварства, своего рода театральный „злодѣй" драмы петровскаго царствованія.

Въ анекдотическихъ разсказахъ изъ петровскаго времени графъ Петръ Андреевичъ всегда рисуется человѣкомъ умнымъ и въ высшей степени коварнымъ, не останавливающимся даже передъ убійствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Хорошо извѣстны изъ одного такого разсказа слова Петра Великаго къ Толстому: „Голова, голова, кабы ты не такъ умна была, давно бы я отрубить тебя велѣлъ". По другому разсказу, Петръ говорилъ о Толстомъ, что „онъ очень способный человѣкъ, но, ведя съ нимъ дѣло, надо держать за пазухой камень, чтобы выбить ему зубы, если онъ вздумаетъ укусить". Одинъ изъ современниковъ также характеризовалъ Петра Толстого и его брата Ивана, какъ людей—„въ умѣ зѣло острыхъ и великаго пронырства и мрачнаго зла въ тайнѣ исполненныхъ".

Въ молодости Толстой дѣятельно участвовалъ въ подготовкѣ стрѣлецкаго бунта 1682 г., направленнаго противъ малолѣтняго Петра, и хотя онъ вскорѣ, черезъ 3—4 года, перешелъ на сторону Петра, но дѣло это наложило на него несмываемое пятно на всю жизнь. Въ трехдневныхъ убійствахъ 15—17 мая онъ не участвовалъ, но отвѣтственность за нихъ падала и на него, такъ какъ онъ подготовилъ бунтъ стрѣльцовъ на тайныхъ ночныхъ совѣщаніяхъ съ стрѣлецкими головами въ домѣ своего покровителя, боярина Ивана Милославскаго. Утромъ въ день бунта онъ вмѣстѣ съ племянникомъ Милославскаго проскакалъ по Стрѣлецкой слободѣ, крича, что Нарышкины задушили царевича Іоанна Алексѣевича, и этимъ ложнымъ извѣстіемъ побудилъ стрѣльцовъ толпою итти въ Кремль противъ Нарышкиныхъ и всѣхъ сторонниковъ Петра. Это участіе въ бунтѣ и близость къ Милославскому, главному дѣятелю заговора, никогда не могли быть забыты и, много лѣтъ спустя, ставили Толстого въ неловкое положеніе передъ Петромъ, который во всѣхъ своихъ врагахъ видѣлъ „сѣмя Ивана Милославскаго". Андрей Нартовъ, извѣстный токарь Петра Вели-

каго, разсказываетъ, какъ Петръ напомнилъ Толстому объ этомъ старомъ дѣлѣ на одной вечеринкѣ, устроенной корабельными мастерами. Когда послѣ обѣда гости слишкомъ подвеселились, Толстой,—„уклоняясь отъ хмеля, сѣлъ противъ камелька и притворился пьянымъ, дремлющимъ, шаталъ головою и снялъ съ себя парикъ; въ самомъ же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другіе подгулявшіе откровенно государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ и увидя плѣшивую голову сидѣвшаго на стулѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темени раза два и сказалъ:

— „Притворство, господинъ Толстой".

„Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: „Эта голова ходила прежде за иною головою (Милославскаго), повисла,—боюсь, чтобъ не свалилась съ плечъ".

„А притворщикъ, очнувшись, взглянувъ на государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: „Не опасайтесь, ваше величество, она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда; что было прежде—не то послѣ, теперь и впредь".

— „Видите,—сказалъ государь,—онъ притворился, а не пьянъ. Поднесите ему стакана три добраго флина (грѣтое пиво съ коньякомъ и лимоннымъ сокомъ), такъ онъ поравняется съ нами и будетъ также сорочить" [1]).

Особенно строго осуждали Толстого за его участіе въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, за то, что онъ обманомъ выманилъ его изъ заграничнаго убѣжища, Неаполя, гдѣ онъ скрывался отъ гнѣва отца, привезъ въ Россію и велъ весь розыскъ, окончившійся смертью царевича. Недоброжелатели Толстого прибавляли, что онъ, въ угоду мачехѣ Алексѣя Петровича, Екатеринѣ, намѣренно велъ дѣло къ его погибели. Они взвели на него тяжкое обвиненіе въ убійствѣ царевича и составили подложное письмо, въ которомъ отъ имени одного изъ соучастниковъ Толстого (Румянцева) заявлялось, что онъ задушилъ Алексѣя Петровича подушками въ ка-

---

[1]) Повидимому, другой, болѣе извѣстный разсказъ, записанный Порошинымъ со словъ графа Н. И. Панина въ 1764 г. („случалось, когда Петръ Великій въ компаніи подвеселится, а Толстой тутъ, то государь, снявши съ него парикъ и колоти его по плѣши, говаривалъ: „голова, голова" и пр.), представляетъ собою лишь позднѣйшій варіантъ цитированнаго разсказа Андрея Нартова, болѣе правдоподобнаго.

зематѣ крѣпости. Какъ отголосокъ этихъ обвиненій, въ родѣ Толстыхъ сохранилось преданіе, что царевичъ въ мукахъ пытки проклялъ Толстого и весь родъ его до 25-го колѣна, и что вслѣдствіе этого въ каждомъ поколѣніи на ряду съ выдающимися людьми рождаются безумные и слабоумные. При жизни Толстого въ народѣ прямо обвиняли его въ убійствѣ царевича и говорили, что кара за это падетъ на весь его родъ. Въ неизданномъ подметномъ письмѣ 1726 г. находимъ слѣдующую угрозу, обращенную къ племяннику Толстого (Петру Михайловичу): „царевичева смерть вамъ съ дядею и со всѣмъ родомъ отомстится". Неизвѣстный авторъ этого письма припомнилъ и другое преступное дѣло Толстого, участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г.: „а дядѣ твоему полно и девяностова году (т.-е. 6190 отъ сотворенія міра, или 1682), какъ онъ стрѣльцовъ посылалъ царя и царицу убить, и то ему прошло, не повѣшенъ. Царевичу онъ же сдѣлалъ убійство; дважды своровалъ, а въ третье не задастся".

Обвиненія эти и проклятія не были вполнѣ заслуженными. Хотя, уговаривая въ Неаполѣ царевича вернуться въ Россію, Толстой и покривилъ душою, но все же онъ въ то время не могъ ожидать, что самой жизни царевича грозитъ опасность. И дѣйствительно, первый московскій розыскъ (до марта 1718 г.) окончился благополучно, и Петръ готовъ былъ исполнить то, о чемъ Алексѣй Петровичъ условился съ Толстымъ при возвращеніи въ Россію. Дѣло приняло трагическій для царевича оборотъ лишь во время второго, петербургскаго розыска, послѣ слишкомъ откровенныхъ показаній его фаворитки Евфросиньи. Есть даже извѣстіе, что Толстой въ это время осторожно заступался передъ Петромъ I за царевича Алексѣя. Нартовъ разсказываетъ, что, когда Петръ I, разсуждая объ этомъ дѣлѣ, сказалъ: „всему виною бородачи, старцы и попы", то Толстой замѣтилъ: „кающемуся и повинующемуся (т.-е. царевичу) милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха". Въ государственномъ архивѣ сохранились, однако, письма Толстого къ Екатеринѣ по дѣлу Алексѣя Петровича, которыя рисуютъ его отношеніе къ этому дѣлу въ очень неблаговидномъ свѣтѣ и показываютъ, что онъ изъ угодливости не только передъ Петромъ I, но и передъ Екатериною, способенъ былъ на нѣчто, подобное тому, въ чемъ его обвиняютъ. Уговоривъ царевича и выѣхавъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Неаполя,

Толстой „съ первой почты“ отъ этого города спѣшитъ увѣдомить объ этомъ Екатерину I и униженно проситъ у нея награды: „Симъ моимъ всеподданнѣйшимъ дерзаю вашему величеству донести, что государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, оставя противности, намѣрился въ Санктъ-Питербурхъ ѣхать и уже изъ Неаполя сего нижеписаннаго числа (14 октября 1717 г.) выѣхалъ... Свидѣтельствуюся, государыня, живымъ Богомъ, что со всякою прилежною вѣрностью неусыпно трудился привести оное дѣло къ доброму окончанію, что съ помощію Всемогущаго и сдѣлалось. Того ради ваше величество всенижайше прошу, благоволи, всемилостивая государыня, сей мой трудъ и вѣрность милостиво принять и его царскому величеству о мнѣ предстательствовать, дабы и его величество сію мою рабскую вѣрность благоволилъ милостиво принять“. Эта „рабская вѣрность“ была принята весьма милостиво и Екатериной—мачехой царевича и Петромъ I. Наградой Толстому за участіе въ дѣлѣ царевича были чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, орденъ св. Андрея Первозваннаго и деревни въ Переяславскомъ уѣздѣ (Аврама Лопухина и Ѳедора Дубровскаго). [Въ указѣ 13 декабря 1718 г. Петръ говоритъ, что онъ жалуетъ Толстого этими наградами „за показанную такъ, великую службу не токмо мнѣ, но паче ко всему отечеству въ привезеніи по рожденію сына моего, а по дѣлу злодѣя и губителя отца и отечества“].

Характеризуя коварство Толстого, его біографы, иностранные дипломаты, разсказываютъ, что, будучи посломъ въ Константинополѣ, онъ не задумался отравить подьячаго, который донесъ на него или хотѣлъ на него донести. Говорятъ, что передъ отъѣздомъ въ Турцію онъ получилъ громадную сумму въ 200.000 червонцевъ для подкупа турецкихъ сановниковъ и значительную часть ея присвоилъ себѣ; узнавъ же, что посольскій секретат написалъ на него доносъ, отравилъ этого секретаря, обвинивъ въ измѣнѣ и въ секретныхъ сношеніяхъ съ визиремъ. Фактъ отравленія подьячаго подтверждается собственнымъ донесеніемъ Толстого въ посольскій приказъ, въ которомъ онъ даетъ понять, что самъ отравилъ подьячаго, давъ яду въ рюмкѣ вина, и объясняетъ, что поступилъ такъ потому, что подьячій хотѣлъ обратиться въ магометанство. Объясненіе это представляется довольно сомнительнымъ; но еще болѣе выдаетъ Толстого та форма, въ какой онъ

сообщаетъ объ этомъ дѣлѣ Головину, начальнику посольскаго приказа. Съ явною цѣлью отклонить отъ себя всякія подозрѣнія, онъ въ особомъ секретномъ донесеніи разсуждаетъ о томъ, что опасается измѣны отъ своихъ домовныхъ людей и совращенія ихъ въ басурманскую вѣру,—„малоосмысленную, но зѣло прелестную“, и послѣ этого, лишь въ видѣ примѣра, разсказываетъ объ отравленіи подьячаго, якобы хотѣвшаго принять магометанство: „и у меня и прежде сего уже такое дѣло было“: подьячій Тимоѳей „позналъ турецкій языкъ и, познався съ турками, намѣрился было конечно быть басурманомъ, о которомъ его намѣреніи Богъ мнѣ помогъ увѣдать; и призвавъ его къ себѣ тайно, началъ ему о томъ говорить; на которыя мои слова отозвался явно, что хочетъ быть басурманъ; которыя его слова я услышавъ, заперъ его у себя въ избѣ, гдѣ сплю, до ночи. А въ ночи онъ выпилъ рюмкѣ вина, скоро умеръ, и тѣмъ Богъ сохранилъ отъ такой бѣды“. Относительно возможныхъ злоупотребленій Толстого съ деньгами, бывшими въ его распоряженіи для подкуповъ, слѣдуетъ замѣтить, что злоупотребленія эти не могли быть значительны, такъ какъ правительство высылало ихъ скупо, и даже жалованье Толстому платило соболями, которые распродавались съ трудомъ (письмо Толстого 10-го января 1706 г.)

II.

Человѣкъ, на совѣсти котораго лежали такія темныя дѣла, былъ въ обхожденіи сдержанъ, учтивъ и любезенъ, выдѣлялся замѣчательной для своего времени житейской культурностью, былъ очень благочестивъ, отличался большой любознательностью, за границей усердно учился, написалъ замѣчательный дневникъ своего путешествія по Италіи и обширное описаніе Турціи, наконецъ, трудился надъ переводомъ „Метаморфозъ“ Овидія съ итальянскаго языка, которымъ владѣлъ прекрасно [1]). Увлекшись одною

[1]) Три тетради этого перевода „Метамороосеосъ, т.-е. премѣненіе“, писанныя рукою Толстого, взяты были въ синодъ для исправленій въ 1727 г. Въ Публичной Библіотекѣ хранится переводъ Метаморфозъ петровскаго времени, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный. Рукопись эта написана не почеркомъ Толстого. Переводъ въ общемъ очень тяжелый, но нѣкоторыя мѣста удачны для своего времени:

чертою характера Толстого, его первые біографы, два иностранные дипломата, написавшіе о немъ мемуары послѣ его смерти, всю его служебную карьеру до высшей должности члена верховнаго тайнаго совѣта объясняютъ его коварствомъ и угодливостью предъ вліятельными сановниками. Они сдѣлали ту именно ошибку, которую Л. Н. Толстой считалъ обязательной для историковъ, говоря, что они,—„перегибая истину, подводятъ всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую вложили въ это лицо". Не отрицая коварства Толстого, той „идеи", подъ которую его біографы подводятъ каждый его шагъ, я покажу, что возвышеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ не столько нѣкоторымъ темнымъ своимъ дѣламъ, сколько своему уму, усердному ученью за границею и поразительной работоспособности, которою онъ отличался даже въ преклонныхъ годахъ, въ концѣ царствованія Петра.

О молодости и первой большей половинѣ его жизни, къ сожалѣнію, сохранились немногія, случайныя свѣдѣнія. Онъ родился въ 1645 году, въ годъ воцаренія Алексѣя Михайловича и, какъ сынъ родовитаго человѣка, думнаго дворянина (Андрея Васильевича), 31-го года получилъ чинъ стольника. Въ 1682 году Толстой, какъ мы уже говорили, участвовалъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, какъ родственникъ боярина Милославскаго по матери (родной сестрѣ Ив. Милославскаго) и какъ его „конфидентъ" (или „держальникъ"). Переходъ власти въ руки царевны Софіи послѣ этого бунта не далъ ему никакихъ выгодъ; только отецъ его, можетъ быть, за заслуги сына, былъ награжденъ чиномъ окольничаго. Черезъ три года покровитель Толстыхъ, Милославскій, умеръ, и Петръ Толстой во́-время удалился отъ сторонниковъ царевны, вслѣдствіе чего и не пострадалъ при ея паденіи въ 1689 году. Черезъ другого своего родственника Апраксина (будущаго графа и генералъ-адмирала) Толстой сблизился съ сторонниками Петра и въ 1693 г. назначенъ былъ на два года воеводой въ Великій Устюгъ, гдѣ, между прочимъ, ему пришлось въ іюлѣ того же года устраивать торжественную встрѣчу, съ пушечною пальбою, двад-

---

„Тамо живяше лютый змій марсовъ, никому не знаемъ; упещренъ былъ весь златыми пестринами, и очи его горѣли огнемъ великимъ, а тѣло наполнено ядомъ вредительнымъ, и изъ челюстей показывались три языка, а въ челюстяхъ тремя рядами стояли смрадные зубы".

цатилѣтнему Петру, проѣзжавшему черезъ Устюгъ въ Архангельскъ.

Въ январѣ 1697 года Толстой въ числѣ 60 другихъ стольниковъ получилъ повелѣніе Петра ѣхать за границу для изученія морского дѣла. Разсказываютъ, что Толстой самъ вызвался ѣхать за границу, рѣшившись пойти навстрѣчу планамъ царя-преобразователя, и „доказалъ своимъ путешествіемъ, что его способности равнялись скрывавшемуся въ немъ честолюбію". Все это заключаютъ изъ того, что онъ при отправленіи за границу имѣлъ 52 года и былъ гораздо старше другихъ „молодыхъ" стольниковъ, назначенныхъ одновременно съ нимъ въ заграничную поѣздку. Но, на самомъ дѣлѣ, разница лѣтъ Толстого и его товарищей по путешествію была не такъ велика, какъ думаютъ. Если ему было 50 лѣтъ съ небольшимъ, то среди стольниковъ, отправленныхъ за границу, было нѣсколько человѣкъ 40 лѣтъ, и, повидимому, ему не было надобности напрашиваться на путешествіе, потому что Петръ отправилъ въ заграничное ученье всѣхъ придворныхъ „комнатныхъ" стольниковъ.

30-го января 1697 года Толстой получилъ изъ посольскаго приказа проѣзжую грамоту на имя дворянина Петра Андреева посланнаго для науки воинскихъ дѣлъ; почти мѣсяцъ онъ собирался въ дорогу, и 28-го февраля выѣхалъ изъ Москвы. Путешествіе на собственныхъ лошадяхъ съ большимъ числомъ дворовыхъ совершалось крайне медленно; въ Смоленскѣ, готовясь переступить польскую границу, онъ отпустилъ домой большую часть своихъ людей, а съ собственными лошадьми разстался только въ Силезіи. Въ Вѣну онъ прибылъ почти черезъ два мѣсяца послѣ выѣзда изъ Москвы (22-го мая), прожилъ здѣсь шесть дней и, наконецъ, 11-го іюня добрался до конечной цѣли своего путешествія, Венеціи. Здѣсь онъ началъ учиться математикѣ и морскому дѣлу. Для практики мореходства взялъ себѣ мѣсто на кораблѣ и полтора мѣсяца, въ сентябрѣ и октябрѣ, плавалъ по Адріатическому морю. Проведя зиму въ Венеціи, онъ съ марта 1698 года сдѣлалъ сухопутную поѣздку по сѣверной Италіи и въ іюнѣ два морскихъ плаванія на югъ, затѣмъ вернулся въ Венецію сухимъ путемъ черезъ Римъ.

Во время своего почти двухлѣтняго путешествія Толстой велъ обстоятельный дневникъ, подробно записывая всѣ свои на-

блюденія. Этотъ обширный его трудъ занимаетъ первое мѣсто среди нѣсколькихъ извѣстныхъ путевыхъ дневниковъ русскихъ людей петровскаго времени. Заграничныя впечатлѣнія Толстого живо рисуютъ намъ контрастъ между московской и западно-европейской жизнью и обрисовываютъ главныя черты его любопытной личности.

При чтеніи дневника Толстого прежде всего бросается въ глаза его религіозность и особенно его крайнее обрядовое благочестіе. Въ этомъ отношеніи онъ является вполнѣ человѣкомъ допетровской старины. Интересы церкви, вѣры, вѣроисповѣданія у него большею частью на первомъ планѣ; въ польскихъ городахъ онъ считаетъ число церквей католическихъ, уніатскихъ и „благочестивой греческой вѣры", и не забываетъ отмѣтить незначительныя обрядовыя различія въ православномъ богослуженіи западнаго края. Къ католическимъ святынямъ онъ относится съ большимъ уваженіемъ; великолѣпіе храмовъ его подавляло, въ подлинности множества реликвій онъ не сомнѣвался; за неимѣніемъ православныхъ храмовъ, онъ молился въ римскихъ „костелахъ"; въ этой терпимости къ католичеству онъ также былъ вѣренъ традиціямъ Москвы, которая совершенно враждебно относилась только къ протестантамъ, какъ главнымъ противникамъ обрядоваго благочестія, рѣзко отличая ихъ отъ католиковъ. Но въ то же время Толстой остается твердо убѣжденнымъ въ единственной спасительности православія. Въ городѣ Борисовѣ ему показали икону Богородицы, которая находилась раньше въ православномъ монастырѣ, а затѣмъ, когда городъ Борисовъ перешелъ къ Польшѣ,—помѣщена была въ польскомъ костелѣ. „Съ этого времени, — разсказываетъ Толстой, — на иконѣ появилось черное пятно, величиною въ копейку, которое, несмотря на всѣ старанія католиковъ, не удалось закрасить, и оно все прибавляется". Проѣзжая на обратномъ пути черезъ тотъ же городъ, Толстой вновь идетъ поклониться образу Богородицы и съ наивной вѣрою замѣчаетъ: „и на томъ образѣ чернаго мѣста прибыло много съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ тотъ самый образъ, ѣхавъ съ Москвы".

Интересы церкви хотя и занимали большое мѣсто въ жизни и путешествіи Толстого, но далеко не поглощали всецѣло его вниманія. Какъ человѣкъ высшаго московскаго придворнаго круга

конца XVII вѣка, онъ явился за границу нѣсколько подготовленнымъ къ ознакомленію съ свѣтской образованностью Запада. Нѣкоторыя познанія о наукахъ ему не были чужды такъ же, какъ нѣкоторыя познанія по древней исторіи изъ польскихъ книгъ и русскихъ переводовъ. Онъ интересуется академіями, въ которыхъ „учатся высокимъ наукамъ, даже и до философіи“ и устраиваются „диспуты“, интересуется библіотеками и книгами древнихъ лѣтъ, венеціанскимъ „мастеромъ математики, космографіи и иныхъ тому подобныхъ наукъ“. Имена Нерона „мучителя“, поганскаго бога Венуса, Меркурія, Геркулеса, Ахиллеса не были чужды его слуху, когда ему называли ихъ, показывая древнія статуи; разсказывая о божницахъ поганскихъ боговъ, онъ, однако, не можетъ отрѣшиться отъ церковной точки зрѣнія и дѣлаетъ курьезное замѣчаніе о „проклятомъ Неронѣ“, что онъ приносилъ жертвы поганскимъ богамъ,—„и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ“. Кое-что изъ того, что Толстой видѣлъ за границей, должно было быть раньше знакомо ему по картинкамъ. Разсказавъ о фокусникѣ, человѣкѣ съ двумя головами, онъ пишетъ: „а хотящему о томъ человѣкѣ подлинно вѣдать потребно смотрѣть его персоны (изображенія), которыхъ нынѣ и въ Россіи обрѣтается немало, а ежели кто возжелаетъ его самого видѣть, тотъ бы не облѣнился въ Италію ѣхать“.

Для ознакомленія съ памятниками искусства Толстой совершенно не былъ подготовленъ, но они произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Его поражало, конечно, болѣе всего „мастерство“: трудность работы и драгоцѣнность матеріала построекъ, разныхъ украшеній и сосудовъ въ храмахъ. Но, какъ наблюдадатель умный и внимательный, Толстой вскорѣ началъ различать и чувствовать художественную красоту замѣчательнѣйшихъ памятниковъ итальянскаго искусства. Предъ знаменитымъ Миланскимъ соборомъ или картиной Рафаэля Толстой, московскій человѣкъ XVII вѣка, не находитъ словъ въ своемъ языкѣ для выраженія своихъ впечалѣній. Слова: „предивное или преудивительное мастерство“, „дивная работа“, „изрядная“ (въ XVII вѣкѣ слово это имѣло смыслъ высшей похвалы), пестрятъ страницы его описаній. Его неудачныя усилія описать русскими словами невиданныя вещи часто производятъ комическое впечатлѣніе. Но подъ неуклюжей оболочкой выраженій чувствуется все-таки сила впе-

чатлѣнія. Послѣ тщетной борьбы съ неподдающимся ему роднымъ языкомъ Толстой обыкновенно самъ сознается въ своемъ безсиліи и говоритъ о „такой пречудной работѣ, которой никто подробно описать не можетъ“, „о которомъ мастерствѣ языкъ человѣческій и сказать подробно не можетъ“. Сильное впечатлѣніе произвелъ на него Миланскій соборъ,—„зѣло чудный и во всемъ свѣтѣ славный“, и храмъ св. Петра въ Римѣ. О живописи онъ говоритъ сравнительно мало, но не разъ замѣчаетъ: „въ томъ монастырѣ (св. Амвросія, въ Миланѣ) видѣлъ много зѣло чудныхъ писемъ святыхъ итальянскаго живописнаго изряднаго мастерства“; или „письма въ той церкви (св. Петра) по стѣнамъ и сводамъ зѣло преудивительныя преславной итальянской живописной работы“. Часто поражали его и скульптуры: „подобія человѣческія, звѣрскія, скотскія и птичьи“, подобія конскія,—„вырѣзанныя изъ бѣлаго камня преудивительною работою, словно какъ живы“.

Оперы въ Венеціи ему очень понравились, больше комедій; пѣніе монахинь въ Венеціи въ женскихъ монастыряхъ „таково изрядно, что на всемъ свѣтѣ такого сладкаго пѣнія и согласія нигдѣ не обрѣтается, и таково предивно, подобно ангельскому“. Органы, однако, произвели впечатлѣніе только тѣмъ, что „безмѣрно громогласны и кажется такъ отъ голосовъ тѣхъ органовъ, якобы всей церкви сотрясаться“.

Въ описаніяхъ Толстого виденъ наблюдатель серьезный и внимательный. Осматривая памятники, онъ прислушивался ко всему, что ему разсказывали проводники, и записывалъ длину и ширину храма, число мраморныхъ столбовъ, стараясь дать понятіе о его размѣрахъ. Онъ читалъ при этомъ и „печатныя исторіи“, къ которымъ и отсылаетъ не разъ любознательныхъ читателей. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Венеціи и научившись итальянскому языку, Толстой въ дальнѣйшихъ поѣздкахъ по Италіи подмѣчаетъ различіе нарѣчій и отличія въ обычаяхъ различныхъ мѣстностей. Будучи въ Римѣ, онъ замѣтилъ, что здѣсь говорятъ итальянскимъ языкомъ „изрядно чисто, многихъ итальянскихъ мѣстъ лучше“, а въ Болоньѣ говорятъ „ниже флорентійскаго нарѣчія“. Въ Неаполѣ онъ подмѣтилъ, что здѣсь „палаты жителей модою особою, не такъ, какъ въ Италіи, въ иныхъ мѣстахъ“. Въ то время, какъ въ Венеціи женщины „всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ, и ко грѣху тѣлес-

ному весьма слабы", — въ Неаполѣ „женскій полъ и дѣвицы имѣютъ нравы зазорные (стыдливые) и скрываются подобно московскимъ обычаямъ". Неаполь, по его наблюденіямъ, сильно отличался отъ Венеціи, и многимъ, кромѣ стыдливости нравовъ женскаго пола, напомнилъ ему Москву. Такъ, онъ пишетъ о неаполитанскихъ знатныхъ людяхъ, что они живутъ „не безлюдно, и за каретами ихъ, когда сами и жены ихъ ѣздятъ, ходитъ пѣшихъ людей довольно, подобно московскому обыкновенію"; даже дома въ Неаполѣ чѣмъ-то напомнили ему „московское палатное строеніе". Въ другихъ мѣстахъ онъ также изрѣдка встрѣчалъ порядки, сходные съ московскими. Въ Венеціи, у воротъ площади св. Марка, онъ увидѣлъ: „сидятъ многіе писари, подобные московскимъ подьячимъ, которые пишутъ челобитныя и иныя всякія нужды, что кому будетъ потребно".

Въ общемъ, конечно, только кое-что случайно или отдаленно напоминало ему старые московскіе порядки. Большею же частью онъ встрѣчалъ и въ Австріи и въ Италіи совершенно новыя „преудивительныя" вещи. Кромѣ храмовъ дивнаго мастерства, наполненныхъ множествомъ реликвій, драгоцѣнностей, статуй и картинъ, его поразили ученыя академіи, театры съ предивными операми и комедіями (палаты великія округлыя съ чуланами многими въ пять рядовъ вверхъ), очень понравились остеріи (постоялые домы) съ чистыми комнатами и передними, съ изрядными постелями, удивили госпитали на 1.000 человѣкъ со многими лѣкарями, не говоря уже о „водяныхъ улицахъ" въ Венеціи и карнавалѣ, во время котораго всѣ ходятъ въ „маскарадахъ, по-славянски въ харяхъ". Поражали его и нѣкоторыя частности, какъ, напримѣръ, на улицахъ Вѣны фонари, „отъ которыхъ на всю ночь по улицамъ и переулкамъ бываетъ великая свѣтлость". Обращали на себя его вниманіе и совершенно несходные съ московскими общественные порядки. Широта наблюденій его, неутомимость вниманія, несомнѣнно, замѣчательны. Онъ посѣщалъ не только соборы, академіи и театры, но и приказныя палаты и знакомился съ дѣлами суда и управленія. Онъ описываетъ, какимъ образомъ въ Венеціи всякій человѣкъ „по своимъ дѣламъ можетъ доступить свободно до самаго князя венецкаго", описываетъ судебные порядки: „въ судѣ говорятъ чинно, съ великою учтивостью, а не крикомъ". Толстой понимаетъ превосходство

иноземныхъ порядковъ этого рода, но хвалитъ осторожно, не такъ, какъ разныя преудивительныя мастерства архитекторовъ и живописцевъ, и совершенно воздерживается отъ сравненій. Впослѣдствіи, когда преобразовательныя стремленія Петра вполнѣ опредѣлились, русскіе люди начали смѣло критиковать старые московскіе порядки и составлять проекты реформъ, но Толстой писалъ свой дневникъ въ 1697 и 1698 годахъ, еще до знаменитыхъ распоряженій Петра I о бритьѣ бороды и иноземномъ платьѣ. Естественно, онъ былъ остороженъ въ вопросахъ общественнаго устройства. Симпатіи его къ иноземнымъ порядкамъ, однако, ясны, несмотря на отсутствіе сравненій. „Венеціане,— пишетъ онъ,—люди умные, политичные и ученыхъ людей зѣло много... народъ самый трезвый, никакого человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь", живутъ венеціане благополучно, „всегда веселятся и ни чемъ другъ друга не зазираютъ, и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ, всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ; эта вольность въ Венеціи и всегда бываетъ, живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды, и безъ тягостныхъ податей". Здѣсь, что ни слово, то рѣзкая противоположность московской жизни, и это нѣсколько идеализированное описаніе прямо сбивается на поученіе.

Въ Италіи Толстой прожилъ годъ и четыре мѣсяца. 25-го октября 1698 года онъ получилъ предписаніе отъ боярина Ф. А. Головина возвратиться въ Россію. Онъ немедленно собрался въ путь и черезъ три мѣсяца, 27-го января 1699 года,—„изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею Божіею возвратился въ отечество свое въ добромъ здоровьѣ".

Толстой вернулся въ Россію, совершенно увлеченный итальянской жизнью, такъ же, какъ Петръ I вернулся въ восторгѣ отъ Голландіи. Впослѣдствіи долголѣтнее пребываніе въ Турціи не изгладило его воспоминаній, и онъ черезъ 15 лѣтъ такъ часто въ кругу приближенныхъ царя расхваливалъ Италію, что однажды даже за это увлеченіе былъ наказанъ; Петръ заставилъ его выпить штрафной большой кубокъ вина. Основательное знакомство съ итальянской жизнью сдѣлало его сторонникомъ преобразованій, убѣжденнымъ западникомъ такъ же, какъ большое число русскихъ людей, побывавшихъ за границей по требованію Петра. Отпра-

вленный въ Италію Петромъ съ единственной цѣлью изучать морское дѣло, онъ вернулся плохимъ морякомъ, но человѣкомъ. вполнѣ подготовленнымъ для работъ на поприщѣ общаго преобразованія Россіи.

Для государя Толстой привезъ съ собою лестные аттестаты отъ учителей математики и морскихъ наукъ, но его морскія познанія не могли удовлетворить Петра I, который искалъ моряковъ-спеціалистовъ. Толстой же больше путешествовалъ, чѣмъ серьезно изучалъ мореплаваніе, какъ это дѣлалъ самъ государь. Къ тому же онъ совершенно не ознакомился съ судостроеніемъ, которое въ это время наиболѣе интересовало Петра I. Въ виду этого Толстой по возвращеніи въ Россію не получилъ никакого служебнаго назначенія, какъ многіе изъ его товарищей, и около трехъ лѣтъ оставался не у дѣлъ.

III.

Въ ноябрѣ 1701 года Толстой назначенъ былъ посломъ въ Турцію. Вильярдо объясняетъ это назначеніе его низкопоклонствомъ предъ начальникомъ посольскаго приказа Головинымъ и взяткою въ 2.000 червонцевъ, но едва ли Петръ не самъ выбралъ Толстого, нуждаясь въ умныхъ и ловкихъ людяхъ, и особенно имѣя въ виду его знаніе итальянскаго языка, которымъ въ то время на Востокѣ часто пользовались въ политическихъ переговорахъ. [Послу 1 апрѣля 1702 г. данъ былъ обширный наказъ изъ 17 статей; Петръ собственноручно вписалъ въ этотъ наказъ вопросъ, не обучаютъ ли турки конницу и пѣхоту европейскимъ обычаемъ, послѣ цесарской войны или „по старому нерадятъ": очевидно, онъ опасался, что турки послѣдуютъ его примѣру въ преобразованіи войска. Отъ Кіева, чрезъ „небезопасныя" степи до турецкой границы на р. Днѣстрѣ Толстой ѣхалъ съ большимъ конвоемъ изъ рейтаръ и казаковъ. 28 іюля 1702 г. онъ прибылъ въ Яссы къ волоскому господарю Константину Дукѣ, который незадолго передъ тѣмъ просилъ русскаго царя принять господарство подъ свою высокодержавную руку. Толстой передалъ ему отказъ Петра на эту просьбу, но господарь выразилъ увѣренность, что въ предбудущее время это будетъ исполнено, „когда приспѣютъ дни

избавленія нашего изъ подъ ига басурманскаго“, и заранѣе „обѣщалъ во всякомъ вѣрномъ служеніи“. На Дунаѣ Толстой былъ встрѣченъ турецкимъ агою и 29 августа 1702 г. прибылъ въ Адріанополь (Ондрѣянъполь), гдѣ тогда находился султанъ Мустафа II]. Въ слѣдующемъ году, когда Мустафа былъ сверженъ съ престола (22 августа 1703 года), Толстой переѣхалъ въ Константинополь ко двору новаго султана, Ахмета III. Положеніе его, перваго русскаго постояннаго посла въ Турціи, было чрезвычайно затруднительно. Мирный договоръ, заключенный въ Константинополѣ думнымъ дьякомъ Емельяномъ Украинцевымъ 3 іюля 1700 года, не могъ служить прочной опорою мира. Уступивъ подъ давленіемъ необходимости Азовъ, турки съ крайнимъ опасеніемъ смотрѣли на крѣпости (Таганрогъ и другія), которыя Петръ строилъ на Азовскомъ побережьѣ, и въ особенности на вновь сооруженный русскій флотъ. Привыкши издавна смотрѣть на Черное море, „какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать чужеземца“, они никакъ не хотѣли допустить русскія военныя суда до свободнаго плаванія по этому морю, и даже, съ цѣлью запереть окончательно Петровскія галеры и корабли въ Азовскомъ морѣ, предполагали засыпать Керченскій проливъ. Крымскій ханъ былъ крайне недоволенъ господствомъ русскихъ, стѣснившихъ его свободу въ степи, и настойчиво просилъ султана позволить ему начать войну съ Москвою. Послы англійскій и голландскій, опасаясь развитія русской морской торговли, держали во всемъ турецкую сторону. Появленіе въ Турціи постояннаго русскаго посла еще болѣе усилило опасенія турокъ. „Мой пріѣздъ,—писалъ Толстой,—учинилъ туркамъ великое сумлѣніе; разсуждаютъ такъ: никогда отъ вѣку не бывало, чтобъ московскому послу у Порты жить, и начинаютъ имѣть великую осторожность, а паче отъ Чернаго моря, понеже морской твой караванъ безмѣрный имъ страхъ наноситъ... Уже я всякими мѣрами разглашаю, что я присланъ для твердѣйшаго содержанія мира, обаче не вѣрятъ, а наипаче о томъ сумнѣвается простой народъ“. Особенныя опасенія внушалъ Портѣ русскій посолъ, какъ единовѣрецъ грекамъ и славянамъ, и поэтому вначалѣ турки пытались отрѣзать Толстому всякія сношенія съ христіанами и учредили за нимъ бдительный надзоръ. „На дворъ ко мнѣ,—писалъ Толстой въ апрѣлѣ 1703 года,—ни одному человѣку пройти нельзя, потому-что отовсюду открытъ, и стоятъ

янычары, будто для чести, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы христіане ко мнѣ не ходили; а у французскаго, англійскаго и другихъ пословъ янычары не стоятъ. Христіане и мимо воротъ моихъ пройти не смѣютъ; іерусалимскій патріархъ съ пріѣзду моего до сихъ поръ со мною не видался". Трудность положенія Толстого усиливалась еще вслѣдствіе крайней слабости султановъ и дворцовыхъ интригъ, которыя вели къ частой смѣнѣ визирей. При немъ въ 1702—1705 г.г. смѣнилось семь визирей. Едва удавалось ему посредствомъ щедрыхъ подарковъ визирю установить съ нимъ хорошія отношенія, добиться свободы ѣздить, куда надо, и видѣться съ нужными людьми, какъ этого визиря удавливали или смѣняли. Въ сентябрѣ 1704 года Толстой жаловался Головину: „вотъ уже при мнѣ шестой визирь, и этотъ хуже всѣхъ". Когда затѣмъ вскорѣ на мѣсто этого визиря былъ назначенъ новый, Толстой совсѣмъ было впалъ въ отчаяніе: „У меня,—писалъ онъ,—на визирскія перемѣны уже и смысла недостаетъ". Особенно затрудняли его эти „визирскія перемѣны" потому, что для каждаго новаго визиря нужны были новые дары: „съ подарками имъ, не знаю, что дѣлать; я съ новымъ визиремъ видѣться не буду спѣшить, потому что мнѣ къ нему въ подарокъ отослать нечего".

Не ограничиваясь обычными посольскими донесеніями Головину, Толстой послалъ ему въ началѣ 1706 года обширное описаніе береговъ Чернаго моря: „Вѣдомость о поселеніяхъ по берегамъ Чернаго моря и о портахъ". Такъ какъ Толстой уже былъ извѣстенъ, какъ авторъ описанія путешествія въ Италію, то историки Н. Поповъ и Устряловъ заинтересовались и этой его работой, хотя она, повидимому, представляетъ собою переводъ или передѣлку какой-то итальянской книги и заключаетъ въ себѣ, по словамъ Попова, лишь „сухую номенклатуру береговыхъ мѣстностей Чернаго моря", кругомъ отъ Босфора и до Босфора, съ названіями общеизвѣстными и спеціально турецкими.

Отъ вниманія изслѣдователей ускользнула другая обширная рукопись Толстого, находящаяся среди реляцій его къ Головину, въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Эта рукопись въ 166 стр. большого формата и убористаго почерка содержитъ въ себѣ обстоятельное разностороннее описаніе Турціи. Написано оно въ видѣ ряда подробныхъ отвѣтовъ на статьи наказа, даннаго Толстому при отправленіи его посломъ, объ управленіи,

войскѣ, флотѣ, народномъ благосостояніи, торговлѣ въ Турціи и о различныхъ областяхъ и народахъ, подвластныхъ султану. Толстой вполнѣ исполнилъ задачу, возложенную на него этимъ наказомъ: „будучи при султановѣ дворѣ... вывѣдать и описать тамошняго народа состояніе“, и, далеко выйдя за предѣлы обычнаго статейнаго списка, далъ подробное „Описаніе состоянія народа турецкаго“. Замѣчательно, какъ скоро онъ справился съ этой задачей. 29-го августа 1702 года онъ прибылъ въ Адріанополь, а черезъ годъ, 24-го августа 1703 года, его описаніе Турціи уже было доставлено въ посольскій приказъ. Источники его трудно опредѣлить, но несомнѣнно, что къ заимствованіямъ изъ книгъ и изъ разсказовъ онъ прибавилъ немало собственныхъ своихъ наблюденій, и все это изложилъ съ той же разумностью, съ той же дѣловитостью, какими отличается его описаніе Италіи. Для русскаго историка особенно любопытны его внимательныя наблюденія надъ отношеніемъ турокъ къ христіанамъ. „Подданныхъ своихъ грековъ,—писалъ Толстой,—держатъ въ великомъ утѣсненіи и такъ въ нихъ страхъ свой вкоренили, что греки нижѐ въ мысли своей противнаго къ нимъ чего имѣть смѣютъ, и заповѣдано имъ и оружіе держать, а нынѣ заповѣдали грекамъ и платье равное съ собою носить, чтобы отъ всѣхъ были знатны (т.-е. отличны), того ради повелѣли имъ носить платье худое, яко являетъ смиренія образъ. А другіе народы христіанскіе, подданные ихъ, сербы, мутьяне, волохи, арапы и прочіе, аще и тѣсноту и озлобленіе въ несносныхъ поборахъ отъ нихъ терпятъ (зане не имѣютъ ниоткуду никакія помощи), обаче страха ихъ не зѣло ужасаются, и могли бы противу ихъ ополчиться, ежели бы ощутили себѣ откуду христіанскую помощь, какъ и венгры учинили съ помощью цесаря римскаго“. Описывая подробно торговлю Турціи, Толстой говоритъ о жизненномъ значеніи для нея продуктовъ земледѣлія и скотоводства, привозимыхъ съ Чернаго моря, и замѣчаетъ, что „ежели того съ Чернаго моря не будетъ, хотя одинъ годъ, оголодаетъ Константинополь“.

О султанѣ (Мустафѣ II, до 1703 года) Толстой писалъ: „Салтанъ нынѣ обрѣтается въ Турецкомъ государствѣ, яко истуканъ, всѣ свои дѣла положилъ на своего крайняго визиря (который нынѣ зѣло уменъ и смышленъ); обаче держитъ салтанъ себя въ

обыкновенномъ поведенiи гордостно, и поступки его происходятъ въ церемонiяхъ по древнимъ ихъ законоположенiямъ. А прилежанiе и охоту большую ни къ воинскимъ, нижѐ къ духовнымъ дѣламъ, нижѐ къ управленiямъ чиновнымъ не имѣетъ; но внутрь дому своего для забавы держитъ разныя жены, съ которыми безразлучно веселится и прижилъ съ ними четыре сына. Потомъ охоту имѣетъ великую въ ловитвахъ за звѣрями, въ чемъ, глаголютъ, яко много подобится отцу, и въ различныхъ ловляхъ чинитъ великой расходъ, а казна народная вельми отягчилась такими расходы. А задворнымъ (т.-е. придворнымъ) его министрамъ та его въ ловительствахъ забава потребна, понеже и они при томъ казну расхищать могутъ... А радѣютъ всѣ турецкiе министры больше о своемъ богатствѣ, нежели о государственномъ управленiи. И можно рещи, что нынѣ турецкiе вельможи получили по желанiю своему удобное время къ собранiю себѣ неисчетнаго богатства отъ расхищенiя народныя казны, ибо попустилося имъ то небреженiемъ салтанскимъ". Характеръ народа Толстой описываетъ такимъ образомъ: „Состоянiе народа турецкаго суть гордое, величавое и славолюбное, а паче возносятся оттого, что во время кровавыхъ войнъ союза ни съ кѣмъ для помощи себѣ не имѣютъ и не требуютъ, едини со всѣми окрестными себя христiаны и прочихъ вѣръ съ народами звѣроборствуютъ и такъ уповаютъ, что ни отъ кого не могутъ побѣждены быть... И къ междоусобному государственному смятенiю народъ турецкой склоненъ, и природы строптивой; и глаголятъ о себѣ, яко суть народъ свободной, чего ради и высочайшiя ихъ особы имѣютъ къ подлому народу ласкательство и склонность, не такъ отъ люблениiя, какъ боясь отъ нихъ бунту". Особенное вниманiе обратилъ Толстой, знавшiй главные интересы Петра I, на состоянiе турецкаго флота и войска. Въ сообщенiи о войскѣ любопытно описанiе помѣстной или бенефицiальной системы „благородныхъ бароновъ, которые имѣютъ доходы больше иныхъ и ходятъ на войну со слугами своими на коняхъ, по своимъ вотчиннымъ доходамъ". (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.). Онъ собралъ свѣдѣнiя и объ отдаленныхъ областяхъ Турцiи, Нiневiи и Месопотамiи, гдѣ,—пишетъ онъ,—„сказываютъ, есть городовъ древняго строенiя больше 20-ти, которые пусты отъ разоренiя Тамер-

лана"; эти „жилища древнія нынѣ стоятъ уже пусты, и не обитаютъ въ нихъ человѣцы, токмо львы и прочіе звѣри" [1]).

Уставъ отъ визирскихъ перемѣнъ, Толстой въ январѣ 1706 г. обратился къ Головину съ униженной просьбою: „милости прошу, умилосердитесь надо мною, сирымъ, для любви Сына Божія и Пресвятыя Богородицы, заступите милостію своею, чтобы меня, бѣднаго, указалъ великій государь перемѣнить". Довольный дѣятельностью своего посла, Петръ I утѣшилъ его собственноручнымъ письмомъ: „Что о самой вашей персонѣ, чтобъ васъ перемѣнить, и то исполнено будетъ впредь. Нынѣ же, для Бога, не поскучьте еще нѣкоторое время быть, ибо еще нужда тамъ вамъ побыть, которыхъ вашихъ трудовъ Господь Богъ не забудетъ, и мы никогда не оставимъ" (7-го марта 1706 года).

Между тѣмъ, Толстого впереди ждали еще горшія испытанія. Получивъ извѣстіе о Полтавской побѣдѣ, онъ съ присущей ему проницательностью тотчасъ же понялъ, что теперь ему едва ли удастся удержать турокъ отъ объявленія войны, [хотя муфтій на первыхъ порахъ и завѣрялъ его въ миролюбіи Порты. „Хотя меня крѣпко увѣряютъ муфтій и другіе, что отъ Порты противности не будетъ, но я сомнѣваюсь — писалъ Толстой Головкину 8 августа 1709 г.—И не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведскій былъ въ великой силѣ, доносилъ о миролюбіи Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомнѣваюсь"]. Пока Петръ воевалъ со шведами,—объяснялъ онъ,—турки были спокойны за свою безопасность; теперь же они увѣрены, что Петръ, побѣдивъ шведовъ, непремѣнно начнетъ войну противъ нихъ. Дѣйствительно, въ Турціи тотчасъ же началось движеніе за войну противъ слишкомъ усилившагося московскаго царя. [Враждебныя Россіи внушенія со стороны, въ которыхъ и раньше не было недостатка, теперь нашли въ Константинополѣ благопріятную почву. Карлъ XII началъ употреблять всѣ средства, чтобы вовлечь турокъ въ войну съ Петромъ; „король шведскій—писалъ Толстой—неизреченные соблазны туркамъ доноситъ". Карлъ XII отправилъ въ Константинополь посланникомъ Нейгебауера; въ помощь ему

[1]) Пекарскій сообщаетъ, что Толстой переводилъ съ итальянскаго языка книгу, озаглавленную въ переводѣ: „Исторія о настоящемъ управленіи Турецкой имперіи". Въ 1724 г. эта рукопись была передана въ синодъ для напечатанія по исправленіи, начата была печатаніемъ въ 1725 г., но не окончена.

явился сюда Понятовскій: они начали упорную борьбу съ русскимъ посломъ. „Сначала — замѣчаетъ Соловьевъ — осилилъ Толстой“: въ ноябрѣ 1709 г. Порта возобновила миръ съ Россіей. Но въ началѣ слѣдующаго года враждебное Россіи теченіе возобладало. Понятовскій осилилъ Толстого]. Воинственный духъ распространился въ Константинополѣ, и янычары начали требовать войны съ Москвою. 20-го ноября 1710 года въ торжественномъ засѣданіи дивана рѣшено было начать войну. Русскаго посла посадили въ Семибашенный замокъ. Онъ сидѣлъ въ заключеніи во время неудачнаго для Петра прутскаго похода и потомъ до заключенія въ Константинополѣ Шафировымъ мирнаго договора 5-го апрѣля 1712 года, всего годъ и 5 мѣсяцевъ. „Когда турки посадили меня въ заключеніе,—писалъ Толстой,—тогда домъ мой конечно, разграбили и вещи всѣ растащили, малое нѣчто ко мнѣ прислали въ тюрьму, и то все перепорченное; а меня, приведши въ Семибашенную фортецію, посадили прежде подъ башню въ глубокую земляную темницу, зѣло мрачную и смрадную, изъ которой послѣднимъ, что имѣлъ, избавился, и былъ заключенъ въ одной малой избѣ 17 мѣсяцевъ, изъ того числа лежалъ боленъ отъ нестерпимаго страданія семь мѣсяцевъ, и не могъ упросить, чтобы хотя однажды прислали ко мнѣ доктора посмотрѣть меня, но безъ всякаго призрѣнія былъ оставленъ; и что имѣлъ, и послѣднее все иждивилъ, покупая тайно лѣкарство чрезъ многія руки; къ тому же на всякій день угрожали мученіемъ и пытками, спрашивая, кому министрамъ и сколько давалъ денегъ за содержаніе покоя“.

Освобожденный изъ едикула послѣ заключенія мирнаго договора 5-го апрѣля 1712 года и живя на особомъ дворѣ подлѣ двора, занятаго русскими послами Шафировымъ и Шереметевымъ, Толстой отправилъ слезное прошеніе канцлеру Головкину: „съ кровавыми слезами, припадая мысленно къ ногамъ вашимъ, молю: буди милостивый представитель всемилостивѣйшему нашему государю, чтобъ умилосердился надо мною и повелѣлъ бы меня изъ сего преисподняго тартара свободить по десятилѣтнемъ моемъ страданіи“. Онъ объяснялъ, что дальнѣйшее пребываніе его въ Константинополѣ не можетъ быть уже полезно, потому что турки, хотя и освободили его изъ тюрьмы, но „имѣютъ къ нему великое подозрѣніе, вельми презираютъ, нижѐ за министра

почитаютъ“. Петръ немедленно отправилъ Толстому разрѣшеніе вернуться въ Россію. Но турки его не отпустили, ссылаясь на то, что Петръ не исполнилъ условій мирнаго договора, и Толстому пришлось еще разъ попасть въ Семибашенный замокъ. Переговоры съ Портою теперь велъ подканцлеръ Шафировъ, обо всемъ совѣтовавшійся съ Толстымъ и видимо высоко цѣнившій его умъ и опытъ; [когда, находясь одинъ въ Адріанополѣ, Шафировъ не могъ съ нимъ обсудить дѣло, то очень сожалѣлъ объ этомъ: „за грѣхъ нынѣ я весьма одинъ, не имѣю помощника въ совѣтахъ и для того ожидаю съ желаніемъ господина Толстого“. Опираясь на мирный трактатъ, турки требовали, чтобы русскія войска очистили Польшу, но Петръ не могъ оставить Польши, имѣя въ ней необходимую операціонную базу для военныхъ дѣйствій въ Помераніи]. Переговоры кончились тѣмъ, что турки въ концѣ октября 1712 года заключили въ Семибашенный замокъ всѣхъ трехъ русскихъ пословъ: Толстого, Шафирова и Шереметева. „Посадили насъ, — писалъ онъ, — въ тюрьму едикульскую, въ которой одна башня да двѣ избы... и держатъ насъ въ такой крѣпости, что отъ вони и духу въ нѣсколько дней принуждены будемъ помереть“. Пять мѣсяцевъ „морили“ ихъ турки въ этой тюрьмѣ; оставшись живы, послы объясняли это явнымъ чудомъ Божіимъ. Освобожденные въ мартѣ 1713 года Шафировъ и Толстой возобновили переговоры, кончившіеся заключеніемъ новаго мирнаго договора въ іюнѣ 1714 года, и получили послѣ этого возможность вернуться въ Россію.

IV.

Когда Толстой, послѣ 12-тилѣтняго отсутствія, въ 1714 году, вернулся въ Россію, онъ нашелъ здѣсь при дворѣ Петра I крупныя перемѣны. Столица была перенесена изъ хорошо знакомой Толстому Москвы въ новый Санктъ-Питербурхъ; Меншиковъ игралъ роль правой руки государя; Екатерина I заняла уже положеніе царицы; въ управленіи иностранными дѣлами адмирала Головина смѣнилъ канцлеръ графъ Головкинъ; много незнакомыхъ Толстому лицъ, русскихъ худородныхъ людей и иностранцевъ, окружало государя. Въ этой новой обстановкѣ онъ не потерялся и скоро занялъ видное положеніе.

Первый біографъ Толстого, Вильярдо говоритъ, что онъ по пріѣздѣ въ Петербургъ занялъ важное мѣсто „въ царскомъ совѣтѣ“, и объясняетъ это его происками, угодливостью предъ сильнымъ Меншиковымъ и данной Меншикову взяткой въ 20.000 рублей. Объясненіе это представляется сомнительнымъ. Если даже Толстой и старался пріобрѣсть расположеніе Меншикова, то во всякомъ случаѣ, онъ не достигъ ничего чрезъ его вліяніе. По возвращеніи въ Россію онъ занялъ только ту должность, и отнюдь не высокую, на которую имѣлъ всѣ права по своимъ способностямъ и по заслугамъ своимъ въ Константинополѣ, а именно члена совѣта по иностраннымъ дѣламъ,—„тайнаго чужестранныхъ дѣлъ коллегіума“. И, повидимому, Петръ I назначилъ его на эту должность самъ, помимо постороннихъ внушеній, высоко цѣня его умъ и дипломатическій опытъ. Самое появленіе Толстого въ Петербургѣ, повидимому, дало Петру поводъ для образованія этого „коллегіума“ — тайнаго совѣта. Высоко цѣня коллегіальное начало управленія, Петръ не удовольствовался тѣмъ, что во главѣ иностранныхъ дѣлъ стояли уже два, пользовавшихся полнымъ его довѣріемъ, лица: канцлеръ графъ Головкинъ и подканцлеръ Шафировъ, и присоединилъ къ нимъ третье лицо — Толстого, какъ только онъ вернулся изъ Турціи. Вмѣстѣ съ Головкинымъ и Шафировымъ Толстой назывался съ 1715 года тайнымъ совѣтникомъ,—„министромъ тайнаго чужестранныхъ дѣлъ коллегія“. [По этой должности Толстой въ іюлѣ 1715 г. участвуетъ въ заключеніи конвенціи съ Даніей о занятіи русскими войсками острова Рюгена и о военныхъ дѣйствіяхъ въ Помераніи; въ томъ же году вмѣстѣ съ двумя другими „министрами“ рѣшаетъ вопросъ (по случаю пріѣзда въ Петербургъ черногорскаго владыки Даніила) о поддержкѣ Черногоріи, разоренной турками. Въ началѣ 1716 г. Толстой вмѣстѣ съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ сопровождаетъ Петра въ поѣздкѣ за границу: въ мартѣ 1716 г., въ Данцигѣ, тайный чужестранныхъ дѣлъ коллегіумъ въ полномъ составѣ ведетъ сложные переговоры съ польскимъ королемъ; въ сентябрѣ Толстой вмѣстѣ съ двумя министрами тайнаго коллегіума участвуетъ въ конференціяхъ съ русскими уполномоченными въ Берлинѣ, въ декабрѣ того же года (7 числа) они вслѣдъ за Петромъ пріѣзжаютъ въ Амстердамъ и здѣсь также ведутъ политическіе переговоры. Вмѣстѣ съ посломъ княземъ Б. Кураки-

нымъ Толстой ведетъ переговоры съ англійскимъ королемъ Георгомъ I, затѣмъ въ 1717 г. сопровождаетъ Петра въ его поѣздкѣ въ Парижъ и въ маѣ 1717 г. участвуетъ здѣсь въ конференціяхъ съ маршаломъ Тессе].

1 іюля 1717 года Петръ въ городѣ Спа далъ Толстому крайне трудное порученіе: ѣхать въ Вѣну и затѣмъ въ Неаполь и привезти скрывавшагося тамъ, подъ покровительствомъ австрійскаго императора, царевича Алексѣя Петровича. Вильярдо, все объясняющій тонкими происками Толстого, говоритъ, что онъ самъ напросился на эту поѣздку такъ же, какъ онъ прежде, будто бы, самъ вызвался на путешествіе въ Италію. Едва ли, однако, Толстой самъ предлагалъ свои услуги въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ не могъ не знать, какія оно представляло чрезвычайныя трудности. Вначалѣ онъ не имѣлъ никакой надежды на успѣхъ. „Мои дѣла,—писалъ онъ изъ Австраліи,—въ великомъ находятся затрудненіи. Ежели не отчаится наше дитя (т.-е. Алексѣй Петровичъ) протекціи, подъ которою живетъ, никогда не помыслитъ ѣхать“. 26-го іюля 1717 года Толстой прибылъ въ Вѣну вмѣстѣ съ капитаномъ Румянцовымъ, отыскавшимъ мѣстопребываніе царевича. Онъ передалъ просьбу царя о выдачѣ сына, но императоръ отвѣтилъ на нее рѣшительнымъ отказомъ и соглашался отпустить царевича только въ томъ случаѣ, если онъ добровольно отправится къ отцу. Австрійскимъ властямъ въ Неаполѣ, гдѣ находился царевичъ (вице-королю Дауну), предписано было содѣйствовать добровольному возвращенію царевича, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрить его, что онъ, если не хочетъ ѣхать, можетъ безопасно оставаться во владѣніяхъ императора. Изъ этого видно, какая трудная задача выпала на долю Толстого, но ему удалось выполнить ее вполнѣ успѣшно, хотя въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ царевичемъ онъ не разъ терялъ надежду на успѣхъ своей миссіи. 24-го сентября 1717 года Толстой съ Румянцовымъ пріѣхали въ Неаполь и черезъ день видѣлись съ царевичемъ въ домѣ вице-короля Дауна. Царевичъ чрезвычайно испугался, вообразивъ, что посланцы царя пріѣхали съ цѣлью его убить. Толстой нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ нимъ и едва-едва переломилъ его „замерзѣлое упрямство“, увѣривъ его, что Петръ добьется выдачи его силой оружія, и поколебавъ въ немъ увѣренность въ покровительствѣ императора.

Съ 1718 г., послѣ окончанія дѣла царевича Алексѣя, о которомъ мы говорили выше, Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ и андреевскій кавалеръ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди немногихъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ Петру въ послѣдніе годы его царствованія. Обнаруживая богатый запасъ силъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ въ это время ведетъ множество разнообразныхъ отвѣтственныхъ дѣлъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ самого сурово-требовательнаго Петра и дѣлаетъ нѣсколько отдаленныхъ поѣздокъ, связанныхъ въ то время съ большими физическими лишеніями. Онъ занимается розысками по дѣламъ тайной канцеляріи и одновременно дѣлами коммерцъ-коллегіи (1718—1721 гг.), въ качествѣ ея президента, совершаетъ въ 1719 г. поѣздку въ Берлинъ съ дипломатическимъ порученіемъ, въ 1721 г. вмѣстѣ съ Петромъ ѣдетъ въ Ригу, въ 1722 г.—въ Астрахань, въ 1723 г.—въ Москву, для устройства коронаціи Екатерины I.

Въ то же время, какъ только онъ находится въ Петербургѣ, онъ принимаетъ участіе во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ, которыя такъ любилъ Петръ. Неоднократно онъ устраиваетъ у себя въ домѣ ассамблеи и обѣды для государя. На этихъ ассамблеяхъ ему, несмотря на нелюбовь къ вину, приходится пить, не отставая отъ гостей, пившихъ безъ мѣры. Когда Петръ замѣчалъ, что Толстой мало пьетъ, онъ заставлялъ его выпить сразу большой штрафной кубокъ вина. На вечеринкахъ Толстому приходилось участвовать и въ тѣхъ танцахъ стариковъ съ молодыми дамами, которые такъ забавляли Екатерину. Почтенные старцы, великій адмиралъ Апраксинъ, великій канцлеръ Головкинъ, Толстой и другіе, по приглашенію императора или императрицы, танцовали до того, что едва могли передвигать ноги. Обѣды и ассамблеи устраивались очень часто. Такъ, напримѣръ, въ 1718 г., 9-го декабря, Толстой принимаетъ у себя государя на ассамблеѣ, а черезъ пять дней приготовляетъ для него обѣденный столъ. Въ 1724 г., 6-го декабря, обѣдаетъ у него государь, а на слѣдующій день императрица и герцогъ голштинскій.

Голштинскій камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, часто встрѣчавшій въ это время графа Толстого на вечеринкахъ, обѣдахъ, фейерверкахъ, спускахъ судовъ, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую живую его характеристику и нѣкоторыя интимныя подроб-

ности изъ его жизни: „Его высочество (герцогъ Голштинскій) ѣздилъ къ тайному совѣтнику Толстому, съ которымъ познакомился еще въ Ригѣ, потому что онъ почти всюду слѣдуетъ за царемъ. Онъ человѣкъ привѣтливый, пріятный, хорошо говоритъ по-итальянски [1]). Царь его очень любитъ. Жены у него нѣтъ [2]), но есть любовница, содержаніе которой обходится ему весьма дорого. Онъ принялъ его высочество чрезвычайно учтиво и повелъ въ свою комнату, гдѣ они долго разговаривали съ помощью графа Пушкина, служившаго имъ переводчикомъ. Его высочество тотчасъ же обратилъ вниманіе на двѣ совершенно различныя картины, повѣшенныя въ противоположныхъ углахъ его комнаты: одна изображала кого-то изъ русскихъ святыхъ, а другая голую женщину. Тайный совѣтникъ, замѣтивъ, что герцогъ смотрѣлъ на нихъ, засмѣялся и сказалъ, что удивляется, какъ его высочество такъ скоро все замѣчаетъ, тогда какъ сотни лицъ, бывающихъ у него, вовсе не видятъ этой обнаженной фигуры, которая нарочно помѣщена у него въ темный уголъ“.

Главнымъ дѣломъ Толстого въ это время, въ послѣдніе годы царствованія Петра, была канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, учрежденная первоначально для розыска по дѣлу Алексѣя Петровича и затѣмъ сохраненная въ качествѣ постояннаго учрежденія. Толстой управлялъ канцеляріей на коллегіальныхъ основаніяхъ вмѣстѣ съ И. И. Бутурлинымъ и А. И. Ушаковымъ. Большая часть дѣлъ канцеляріи велась подъ бдительнымъ наблюденіемъ самого Петра, которому Толстой докладывалъ о ходѣ допросовъ съ жестокими пытками того времени. „Сего числа,—писалъ Толстой Петру,—Канбаръ Акинфіевъ пытанъ, однакожъ изъ пытки ничего не прибавилъ противъ разспросныхъ рѣчей“ (21-го августа 1718 г.); о фрейлинѣ Маріи Гамильтонъ (Гамантовой), обвинявшейся въ убійствѣ своихъ дѣтей, Толстой писалъ: „дѣвка Марья вдругорядъ пытана, однакожъ въ убивствѣ ребятъ Орлова (денщика, своего любовника) очищаетъ. И надлежало бы оную и еще пытать, но зѣло изнемогла“ (18-го августа 1718 г.). Петръ I иногда интересовался и мелкими дѣлами по тайной канцеляріи,

[1]) Тутъ Берхгольцъ совершенно неосновательно замѣчаетъ о Толстомъ, что онъ „по происхожденію собственно грекъ, но давно обрусѣлъ“.

[2]) Толстой былъ женатъ, но не жилъ съ женою. Она умерла, какъ видно изъ его письма, въ 1722 г. (см. ниже).

какъ это видно изъ слѣдующаго письма Толстого, дающаго маленькій, жизненный штрихъ для характеристики Петра I, и любопытнаго по живости и простотѣ слога, какъ бы современной: „Государь мой, Алексѣй Васильевичъ,—писалъ Толстой кабинетъ-секретарю Макарову,—третьяго дня, когда майоръ Норовъ велъ отъ васъ ко мнѣ колодниковъ, и въ то время на улицѣ увидалъ ихъ царское величество и съ ними изволилъ говорить; а вчерашняго числа ввечеру изволилъ мнѣ приказать, чтобъ ихъ сего числа разспросить. Того ради, ежели у вашей милости есть объ нихъ какое вѣдѣніе, пожалуй, изволь ко мнѣ прислать, чтобъ имѣть начало, съ чего ихъ разспрашивать. Вашей милости моего государя, покорный слуга Петръ Толстой“ (31-го декабря 1720 г.).

Московскій товарищъ Толстого по розыскнымъ дѣламъ, князь Ромодановскій, и затѣмъ преемникъ его по петербургской тайной канцеляріи, Андрей Ушаковъ, получили извѣстность особою кровожадною жестокостью розысковъ. О такой жестокости Толстого извѣстій не сохранилось. Крови въ застѣнкахъ, конечно, при немъ проливалось немало. Но жестокія пытки не составляли отличительной черты розысковъ тайной канцеляріи; онѣ употреблялись при всякихъ слѣдствіяхъ въ Россіи такъ же, какъ за границей; Толстой наблюдалъ пытки въ Италіи и описалъ ихъ въ своемъ путешествіи; а въ дореформенное еще время, будучи воеводой въ Устюгѣ, въ 1693 г. „разспрашивалъ съ пристрастіемъ“ церковнаго татя (Москалева), давалъ ему встряски на дыбѣ, жегъ огнемъ и раскаленными клещами (акты Велико-Устюжскаго собора).

Одновременно съ тайной канцеляріей Толстой четыре года, въ 1718—1721 гг., завѣдывалъ коммерцъ-коллегіей. Указъ о назначеніи его президентомъ этой, еще только что устраивавшейся, коллегіи подписанъ былъ Петромъ 15 декабря 1717 г. въ то время, когда Толстой возвращался изъ-за границы съ царевичемъ Алексѣемъ. Въ виду той важности, какую Петръ I придавалъ дѣламъ торговли, въ назначеніи этомъ нельзя не видѣть особаго довѣрія его къ способностямъ Толстого и къ его серьезному знанію заграничной жизни. Прежде всего Толстой долженъ былъ, одновременно съ другими, вновь назначенными президентами коллегій, трудиться надъ выработкой регламента, при содѣйствіи иностранца Генриха Фика. Его регламентъ былъ готовъ однимъ изъ первыхъ, 3 марта 1719 г., и, по всей вѣроятности, онъ въ значительной

части составленъ былъ самимъ Толстымъ. Во всякомъ случаѣ, онъ въ 1719 г. вполнѣ освоился съ кругомъ вѣдѣнія коммерцъ-коллегіи, какъ видно изъ его письма къ Макарову, въ которомъ онъ разъясняетъ, въ чемъ состоитъ „должность" этой коллегіи и ея отношеніе къ коллегіи мануфактуръ (16 февраля 1719.; Гос. Арх.).

[Идя навстрѣчу желаніямъ Петра о развитіи промышленности, Толстой въ іюнѣ 1717 г., вмѣстѣ съ Шафировымъ и Апраксинымъ, завели фабрику шелковыхъ парчей съ привилегіею на 50 лѣтъ продавать издѣлія фабрики безпошлинно. Въ 1719 г. компаньоны получили разрѣшеніе вывести изъ Китая тонкаго шелка на сумму до 20.000 р. Но дѣла у нихъ пошли неуспѣшно, они понесли убытку до 40.000 р. и съ разрѣшенія Петра продали фабрику купецкимъ людямъ.

Отъ дѣлъ тайной канцеляріи Толстого отвлекали важныя дипломатическія порученія, которыя Петръ давалъ ему въ это время, такъ же, какъ раньше. Когда въ началѣ 1719 г. получены были изъ Берлина тревожныя извѣстія о томъ, что Пруссія готова сблизиться съ враждебной Россіи Англіей и заключить съ нею союзный трактатъ, Петръ I поспѣшилъ отправить въ Берлинъ, въ помощь посланнику гр. А. Головкину, Толстого, въ дипломатическомъ искусствѣ котораго онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться. Государь отправилъ его въ Берлинъ экстренно, не давъ письменной инструкціи и лишь на словахъ кратко объяснивъ, въ чемъ дѣло. Пріѣхавъ на мѣсто назначенія, Толстой писалъ Макарову: „Я уже въ Берлинѣ живу недѣлю и во вся дни въ конференціяхъ трудимся; однакожъ вижу трудности немалыя и весьма сей дворъ намѣренъ возобновить свою дружбу съ королемъ аглинскимъ, и хотя мы прилежно трудимся удержать, чтобы извѣстнаго трактату, безъ включенія въ оный его царскаго величества, не заключили, но едва можемъ ли удержать, понеже они ласкаютъ себя, что чрезъ сей трактатъ могутъ себѣ получить великіе авантажи" (11 іюля 1719 г. Гос. Арх.). Толстой велъ переговоры въ Берлинѣ нѣсколько мѣсяцевъ до октября 1719 г., но не успѣлъ помѣшать заключенію англо-прусскаго договора.—Въ апрѣлѣ 1721 г. Толстой сопровождалъ Петра I въ Ригу. Въ маѣ 1722 г. онъ отправился въ персидскій походъ въ качествѣ начальника походной дипломатической канцеляріи государя. Всѣ доклады коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ это время проходили чрезъ его руки. По возвра-

щеніи Петра I съ Кавказа Толстой остался въ Астрахани для сношеній съ Персіею и Портою и вернулся въ Москву въ маѣ 1723 г.]

Усердно трудясь по всѣмъ поручаемымъ ему дѣламъ и хорошо изучивъ личный характеръ Петра I, его впечатлительность и суровую требовательность, Толстой постоянно опасался его гнѣва. Предвидя неудачу своихъ политическихъ переговоровъ въ Берлинѣ, куда Толстой былъ посланъ въ 1719 г. въ помощь посланнику А. Головкину, онъ искалъ заранѣе заступничества Макарова: „Въ страхѣ великомъ пребываю, чтобъ его величество не изволилъ возомнить, что сіе происходитъ отъ моей лѣности или небреженія; свидѣтельствуюся Богомъ, что неослабно труждаюся о нашей пользѣ.. И прошу васъ, государя моего, любви ради Божіей, увѣдомить меня, нѣтъ ли о мнѣ такого мнѣнія, что будто бы я нерадительно поступалъ о здѣшнихъ дѣлахъ“ (29 августа 1719 г. Гос. Арх.). Точно также во время плаванія, вмѣстѣ съ Петромъ I, по Волгѣ въ Астрахань, въ 1722 г., куда онъ ѣздилъ въ качествѣ начальника походной дипломатической канцеляріи государя, Толстой, отставъ отъ государева каравана и остановившись въ Саратовѣ для починки судовъ, боится, чтобъ Петръ не разгнѣвался, и проситъ Макарова доложить государю: „воистинно не за прихотьми какими путь мой медлится, токмо за самою невозможностью...; воистинно трижды былъ въ страхѣ, что можно было утопуть (изъ-за поломки судовъ); къ тому же получилъ печальную вѣдомость, что жена моя умерла“ (письмо 21-го іюня 1722 г., Гос. Арх).

Въ ноябрѣ 1723 г. Толстой съ архіепископомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ отправился въ Москву для приготовленій къ коронаціи Екатерины. Въ церемоніи коронованія 7 мая 1724 г. онъ состоялъ верховнымъ маршаломъ и пожалованъ былъ графскимъ титуломъ; собственноручная записка Петра 8-го мая 1724 г. гласила: „объявить тайному дѣйствительному совѣтнику Толстому наданіе графства и наслѣдникамъ его“. Толстой просилъ пожаловать ему отписанный въ казну загородный дворъ (Андрея Бѣляева) въ Москвѣ на р. Яузѣ; Петръ, 26-го мая 1724 г., на прошеніи его милостиво написалъ: „ежели намъ не будетъ потребенъ, то никому, кромѣ васъ, не отдастся“. [Въ предыдущіе годы Толстой получилъ въ Петербургѣ дворъ Ѳедора Соловьева на Петербургскомъ

острову (1719), затѣмъ дворъ, отписанный въ казну, Петра Шафирова, на Мясницкой улицѣ, въ Земляномъ городѣ, со всѣмъ строеніемъ и внутренними уборами, столами, стульями и обоями (24 февраля 1723 г.), наконецъ, въ обмѣнъ на какія-то взятыя у него деревни получилъ имѣнье Тихона Стрѣшнева въ Суздальскомъ уѣздѣ, изъ 277 дворовъ (22 іюля 1723 г.). 21 марта 1722 г. Толстому выданъ былъ патентъ на орденъ св. Андрея].

V.

Въ день смерти Петра I Толстой вмѣстѣ съ Меншиковымъ оказалъ рѣшительное содѣйствіе избранію на престолъ императрицы Екатерины I. Онъ имѣлъ особыя личныя причины дѣйствовать въ пользу Екатерины I, такъ какъ, въ случаѣ восшествія на престолъ Петра Алексѣевича, не могъ ожидать ничего добраго отъ него, сына царевича Алексѣя. Разсказываютъ, что въ рѣшительный моментъ совѣщанія вельможъ Толстой своей смѣлой рѣчью существенно повліялъ на рѣшеніе вопроса въ пользу Екатерины.

Въ первое время по вступленіи ея на престолъ Толстой пользовался при дворѣ значительнымъ вліяніемъ. Французскій посланникъ Кампредонъ, нѣсколько преувеличивая вліяніе его въ это время, писалъ 13-го февраля 1725 года: „Толстой, кажется, довѣреннымъ министромъ Екатерины. Это—человѣкъ ловкій, способный, опытный. Онъ каждый вечеръ видится съ государыней. Онъ—правая рука ея. Это—умнѣйшая голова въ Россіи. Не домогаясь никакого преимущества предъ своими товарищами, онъ умѣетъ со всею ловкостью хитраго политика соединять ихъ на все, о чемъ тайно соглашается съ императрицей“.

Стараніямъ Толстого приписываютъ и учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта въ февралѣ 1726 г.; онъ назначенъ былъ членомъ этото совѣта, въ числѣ шести вліятельныхъ сановниковъ. Полагаютъ, что въ учрежденіи этого совѣта Толстой видѣлъ средство ограничить самовластіе Меншикова. Но, кажется, главнымъ мотивомъ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта явилась, живо сознаваемая всѣми дѣятелями этого времени, необходимость объединить дѣйствія различныхъ вѣдомствъ, бывшихъ въ управленіи вліятельныхъ вельможъ, и совмѣстно обсудить всѣ сложныя вну-

тренія дѣла управленія, крайнее разстройство которыхъ, въ виду народнаго неудовольствія, грозило опасностью престолу. Тотчасъ по учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, высшіе сановники, его члены, составили записки о важнѣйшихъ дѣлахъ внутренняго управленія и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ преобразованій Петра, и въ совѣтѣ прежде всего занялись обсужденіемъ этихъ вопросовъ, выработавъ обширный указъ Екатерины I отъ 9-го января 1727 года. Записка Толстого дала мало мыслей для программы, намѣченной въ этомъ указѣ; она выгодно отличалась отъ обширной записки Меншикова, давшей главный матеріалъ для указа, тѣмъ, что въ ней не было той рѣзкой и поверхностной критики петровскихъ учрежденій, какую позволилъ себѣ Меншиковъ тотчасъ послѣ смерти Петра I. Меншиковъ и другіе верховники рѣшительно отвергли всю областную реформу Петра; во всѣхъ его новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ они не усмотрѣли ничего, кромѣ излишняго „умноженія правителей и канцелярій“, служащаго „къ великому отягощенію штата и къ великой тягости народной“, и настаивали на необходимости вернуться къ патріархальному воеводскому управленію московскаго времени. Въ противность имъ, Толстой, видимо цѣня и понимая основанія петровской реформы, не сочувствовалъ ея поспѣшной ломкѣ. Изыскивая „лѣкарство вреду“ крестьянскаго разоренія отъ непосильныхъ налоговъ, онъ, въ запискѣ 30-го декабря 1726 г. предлагалъ, какъ и другіе верховники, убавить подушную подать, но взамѣнъ проектированнаго ими сокращенія штата губернскихъ учрежденій предложилъ сократить штатъ военной коллегіи, состоявшей подъ начальствомъ Меншикова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отказавшись отъ разсмотрѣнія гражданскаго штата, Толстой выдвинулъ вопросъ о „исправленіи суда“ путемъ скорѣйшаго составленія новаго уложенія. При обсужденіи этихъ вопросовъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ мнѣнія Меншикова возобладали; всѣ „вновь надѣланныя“ Петромъ канцеляріи въ провинціи были отставлены, и „вся расправа и судъ положена была на воеводъ“ [1]). Если одною изъ цѣлей учрежденія верховнаго тайнаго совѣта было ослабленіе самовластія Меншикова, то цѣль

[1]) Однимъ изъ результатовъ обсужденія въ верховномъ тайномъ совѣтѣ этихъ вопросовъ было учрежденіе доимочной канцеляріи (13-го марта 1727 г.), президентъ которой (Плещеевъ) отданъ былъ „подъ вышнюю дирекцію“ Толстого

эта не была достигнута. Свѣтлѣйшій князь посѣщалъ совѣтъ только въ первое время по его учрежденіи, а затѣмъ обыкновенно крѣпилъ протоколы на дому, при чемъ черезъ секретаря совѣта сообщалъ свои поправки къ рѣшеніямъ, очень похожія на предписанія.

Въ концѣ царствованія Екатерины I, когда Меншиковъ пріобрѣлъ на нее неограниченное вліяніе и „овладѣлъ,—по словамъ Дивіера,—всѣмъ верховнымъ совѣтомъ", Толстой потерялъ всякое значеніе. Онъ почти не ходилъ даже съ докладами къ императрицѣ. Сынъ его чѣмъ-то навлекъ на себя ея гнѣвъ, который отражался и на отцѣ. Если вѣрить донесеніямъ дипломатовъ (Вестфалена и Маньяна), то въ мартѣ 1727 г. Толстой рѣшился выступить открытымъ противникомъ Меншикова въ вопросѣ о бракѣ великаго князя Петра Алексѣевича съ дочерью Меншикова. Екатерина I дала уже согласіе на этотъ бракъ; цесаревна умоляла ее взять назадъ свое согласіе. Толстой пришелъ къ ней на помощь и заявилъ императрицѣ, что „скорѣе подвергнетъ жизнь свою опасности, чѣмъ станетъ спокойно дожидаться страшныхъ послѣдствій ея согласія на просьбу Меншикова". Слова Толстого, говорятъ, произвели сильное впечатлѣніе на Екатерину I; рѣчь его была записана и всѣми читалась въ кружкѣ придворныхъ. Но вторая аудіенція Меншикова окончательно рѣшила дѣло въ его пользу.

Едва ли, однако, Толстой могъ такъ неосторожно, безъ надежды на успѣхъ, дѣйствовать противъ Меншикова. Въ это время онъ былъ совершенно одинокъ среди вліятельныхъ лицъ, добровольно или поневолѣ державшихъ сторону свѣтлѣйшаго князя. Болѣзнь Екатерины I его очень обезпокоила, такъ какъ послѣ ея смерти долженъ былъ вступить на престолъ великій князь Петръ Алексѣевичъ, и онъ опасался, что царевичъ Алексѣй будетъ мстить ему изъ гроба въ лицѣ своего сына. Онъ боялся, чтобъ ему „не было припамятовано", что онъ „привезъ царевича изъ чужихъ краевъ и при томъ дѣлѣ былъ у розысковъ", боялся, что изъ суздальскаго монастыря „будетъ взята ко двору бабка великаго князя (Евдокія Ѳеодоровна) и станетъ мстить ему грубость его къ ней" (во время розыска). Толстой видѣлъ единственное свое спасеніе въ томъ, чтобы на престолъ взошла цесаревна Елизавета Петровна. Онъ хотѣлъ дѣйствовать, но долженъ былъ ограничиться одними

разговорами. Вліятельнѣйшія лица, кромѣ герцога Голштинскаго, или не сочувствовали ему, или были слишкомъ осторожны. Толстой обращается къ малозначительнымъ дѣятелямъ второго ряда. Онъ самъ ѣдетъ къ графу Антону Дивіеру, только что вернувшемуся въ Петербургъ изъ Курляндіи, и Дивіеръ встрѣчаетъ его насмѣшливымъ замѣчаніемъ: „что тебѣ сдѣлалось? Ты отъ роду у меня не бывалъ". Дивіеръ сочувствуетъ Толстому, но такъ же, какъ и онъ, не имѣетъ средствъ для дѣйствія. Также безсильны и генералъ Бутурлинъ, и Ушаковъ, и Скорняковъ-Писаревъ, съ которыми Толстой говоритъ откровенно, какъ съ своими старыми сослуживцами по тайной канцеляріи. Бесѣды эти дошли до свѣдѣнія Меншикова, и онъ немедленно принялъ энергичныя мѣры, а именно, искусно воспользовавшись неосторожнымъ поведеніемъ Дивіера во дворцѣ, арестовалъ его, а вслѣдъ за нимъ, по его показаніямъ, и графа Толстого и всѣхъ его немногихъ единомышленниковъ. Процессъ велся съ чрезвычайной быстротой, въ виду смертельной болѣзни Екатерины I, и былъ, въ сущности, одною комедіей, даже мало замаскированной. Толстого допрашивали 3-го мая, а 6-го мая, въ день смерти императрицы, состоялся указъ, подписанный ея именемъ, о лишеніи чести, чина, деревень и ссылкѣ Дивіера, Толстого, Бутурлина и Скорнякова-Писарева. Толстого пощадили, не пытали при допросѣ и не били кнутомъ передъ ссылкой, какъ Дивіера и Писарева. Въ обвинительномъ докладѣ императрицѣ, наскоро написанномъ въ два дня тотчасъ послѣ допроса, Толстому поставлено было въ вину, что онъ: 1) „ѣздилъ къ А. Дивіеру и имѣлъ разговоры о сватаньѣ великаго князя", 2) „безъ воли ея императорскаго величества желалъ и говорилъ, дабы быть наслѣдницею цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ", 3) что онъ „имѣлъ разговоръ о наслѣдствѣ" съ Бутурлинымъ, Ушаковымъ, Скорняковымъ-Писаревымъ и Дивіеромъ. При этомъ для усиленія преступности этихъ „разговоровъ" обвинители прибавили курьезное поясненіе: „и понеже онъ членъ тайнаго верховнаго совѣта, то надлежало ему о томъ говорить съ тѣми персонами, съ которыми повелѣно бы было отъ ея императорскаго величества, а не съ такими, до которыхъ не принадлежитъ" (Гос. Арх.).

Въ день объявленія приговора Толстой писалъ своему племяннику Борису Ивановичу: „По указу ея императорскаго величества, кавалерія и шпага съ меня сняты, и велѣно меня послать въ Со-

ловецкій монастырь отъ крѣпости прямо сего дня: того ради, Борисъ Ивановичъ, можешь ко мнѣ пріѣхать проститься, а сынъ мой, Иванъ, я чаю, отъ печали не можетъ пріѣхать, а васъ обоихъ велѣно ко мнѣ допустить. И немедленно пришлите Малова и Яшку съ постелью, подушкой и одѣяломъ, да денегъ 200 рублей, да сто червонныхъ, также, чѣмъ питаться, и молитвенникъ, и псалтирь маленькій, и прочее, что заблагоразсудите. Да малаго Митьку я возьму съ собою, пришлите. А болѣе писать отъ горести не могу; велите кафтанъ овчинный, и болѣе не знаю, что надобно. Впрочемъ, всѣмъ моимъ отъ меня благословеніе".

6-го мая 1727 г. Толстой вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ отправленъ былъ изъ Петербурга подъ большимъ конвоемъ изъ 5-ти офицеровъ и 90 солдатъ. 18-го іюня его привезли въ Архангельскъ и отсюда въ Соловецкій монастырь. Помѣстили его не въ подземельѣ, а въ наземной тюрьмѣ, которая, однако, по темнотѣ и сырости была немногимъ лучше „ямъ". Столъ ему отпускали съ трапезы; во время богослуженія дозволялось ходить въ оковахъ въ церковь. Входъ былъ строго воспрещенъ всѣмъ, кромѣ караульнаго офицера. Настоятель Варсонофій, въ праздникъ Петра и Павла, по случаю тезоименитства государя (Петра II) рѣшился послать въ тюрьму Толстымъ по два кубка пива и за это вскорѣ былъ вызванъ въ Петербургъ для допроса въ тайной канцеляріи. Въ другой разъ старинный пріятель Толстого, А. Измайловъ, прислалъ ему въ тюрьму поклонъ и гостинцы (хлѣбъ и лимоны); объ этомъ также начато было слѣдствіе, окончившееся ничѣмъ.

Въ Соловкахъ Толстой имѣлъ несчастіе пережить на нѣсколько мѣсяцевъ своего сына Ивана, товарища по заключенію [1]). Онъ умеръ 30-го января 1729 г. (по старымъ свѣдѣніямъ 28-го фев-

---

[1]) Вслѣдъ за біографіей Петра Толстого въ „Русск. біограф. слов." напечатана слѣдующая замѣтка Н. П. Сильванскаго о сынѣ Толстого: „Графъ Ив. Петровичъ Толстой, старшій сынъ гр. П. А., вмѣстѣ съ нимъ сосланный въ Соловки и умершій тамъ въ концѣ 1728 года (по другимъ свѣдѣніямъ—въ іюнѣ), въ 1702 году вмѣстѣ съ отцемъ отправленъ былъ въ Константинополь,—„въ дворянахъ посла", въ чинѣ стольника; въ 1723 г. онъ, въ чинѣ подпоручика, сопровождалъ отца въ Астрахань; въ 1729 г. состоялъ президентомъ юстицъ-коллегіи и въ слѣдующемъ году чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ императрицы. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Троекуровой (ум. въ 1748 году), которой по указу 11 дек. 1742 г., возвращено было отписанное въ казну при ссылкѣ тестя имѣніе, село Глухово, Суздальскаго уѣзда (1500 душъ). У него

раля), 84-хъ лѣтъ, проведя въ тюрьмѣ полтора года. Погребенъ онъ въ монастырѣ на видномъ мѣстѣ, внутри ограды, предъ Преображенскимъ соборомъ, невдалекѣ отъ могилы келаря Авраамія Палицына. На плитѣ сохранилась полуистертая надпись: „графъ Петръ“...

БИБЛІОГРАФІЯ [1]).

Н. А. Поповъ, Изъ жизни П. А. Толстого, одного изъ слѣдователей по дѣлу царевича Алексѣя Петровича: Русскій Вѣстникъ, 1860 г., № 11, с. 319—316; по мемуару Villardeau. — Его же, Графъ П. А. Толстой, Біографич. очеркъ (Древн. и Нов. Россія, 1875 г., № 3, с. 226—244),—С. Соловьевъ, Истор. Росс, кн. III и IV (по указателю).

Н. А. Поповъ, Путешествіе въ Италію и на о. Мальту стольника П. А. Т-го въ 1697 и 1698 гг. (Атеней, 1859 г., ч. II, с. 300—339 и 421—457).— Путешествіе стольника П. А. Т-го, съ предисловіемъ гр. Дм. Толстого (полный текстъ): Русскій Архивъ, 1888, т. I, 161—204, 321—368, 505—552; т. II, 5—62, 113—156, 225—264, 369—400.—Объ этомъ путешествіи: П. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, с. 145—148, 221—223 (тутъ же о переводѣ Т-мъ Овидія). А. Н. Пыпинъ, Истор. русск. литературы, т. III, изд. 2-е, с. 224—236 (то же—статья въ Вѣстн. Европы 1897 г., № 9).—Н. П. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В., 1897, с. 6—7.—Описаніе рукописи путешествія: А. Н. Артемьевъ, въ Журналѣ мин. нар. просв. 1854, № 7.—Объ описаніи береговъ Чернаго моря 1706 г.: Н. Поповъ, Еще географическое сочиненіе П. А. Т-го (Моск. Вѣдом. 1859 г., 9 сентября, № 214, с. 1524). Н. Устряловъ, Исторія царствованія Петра В., т. IV, ч. I, с. 332—338.—А. Соколовъ, Русск. морская библіотека, Спб. 1887, 2-е изд., с. 84.

М. Погодинъ, Судъ надъ царев. Алексѣемъ Петровичемъ (Русская Бесѣда, 1860 г., кн. I, с. 67, 72 и др.).—Н. Костомаровъ, Царевичъ Алексѣй Петровичъ; Монографіи, т. XVI (тоже, Древн. и Нов. Россія, 1875 г., №№ 1—2).—М. Семевскій, Слово и дѣло, Спб. 1884, особенно, сс. 29, 79, 94, 104.—Его же, Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ, Спб. 1884 г., с. 144—145, 305—306 (письма Т-го къ Вилиму Монсъ 1723 г.— Г. Есиповъ, Раскольничьи дѣла XVIII ст., Спб. 1861 г., т. I, с. 50, 171 и др.— А. Лаппо-Данилевскій, Русск. промышл. и торгов. компаніи въ первой

были сыновья Василій, Андрей, Борисъ, Өедоръ, Петръ и три дочери. Указомъ 26 мая 1760 г. имъ возвращено было графское достоинство“. *Ред.*

[1]) Къ статьѣ „Ист. Вѣст.“ дано краткое указаніе библіографическихъ данныхъ, а за подробной библіографіей авторъ отсылаетъ читателя къ „Русск. Біогр. Слов.“. Мы перепечатываемъ библіографію послѣдней статьи.

полов. XVIII ст. Спб., 1899 г., с. 34, 49.—К. Арсеньевъ, Царствованіе Екатерины I, Учен. Зап. отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ, кн. II, 1856, с. 222 и сл. с. 246.—Н. Поповъ, Свѣдѣнія о пребываніи гр. П. А. Т-го въ ссылкѣ (изъ Арханг. губ. вѣдом.: Древн. и Нов. Россія, 1875 г., № 11).—Епископъ Макарій, Послѣдніе дни графовъ Петра и Ивана Т-хъ (Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. 1880 г., кн. III, с. 33—38, тоже отдѣльно).

Переписка Петра I съ П. Т-мъ: А. Бычковъ, Письма и бумаги Петра В., тт. II—V, по указателю (помѣщенный здѣсь наказъ Т-му 1702 г. раньше былъ напечатанъ: Отеч. Записки 1892 г., ч. X, №№ 25, 26, ч. XI, № 29, ч. XII, № 30).—Н. Устряловъ, Ист. царств. Петра В., т. IV, кн. 2, сс. 254, 257, 266, 389, 396, 412, 431, т. VI (passim).—Сборн. И. Истор. Общ., т. XI.—Тѣ же письма, частью у Голикова, Дѣянія Петра В. passim). Сохраняютъ все значеніе свѣдѣнія Голикова въ т. VI, с. 67, 169, 213 (1716—1717), т. VII, с. 334, 344, 444, т. VIII, с. 119, 349, 440 (1718—1720), т. IX, с. 147, 158, 195, 205, 211 (1722. Астрахань), т. XV, анекдоты, с. 184, 251. — Письма гр. П. Т-го изъ Турціи къ брату Ивану въ Азовъ, сообщ. Я. К. Гротъ, изъ собранія М. П. Толстого: Русск. Архивъ, 1864 г., с. 144—160.—Письмо Петра I къ Т-му 18 апр. 1708 г.: Сѣв. Архивъ, 1827 г., № 8, с. 336.

Записка Вестфалена о жизни гр. П. А. Т-го (Приложеніе къ депешѣ К. Рондо 24 апрѣля 1729 г.): Сборн. И. Истор. Общ., т. 66, с. 71—87.—Донесенія франц. посланника Кампредона, тоже, т. 40, 49 (Ср. Обозрѣніе извлеченій изъ донесеній Кампредона: Журн. мин. нар. просв. 1844, № 1, с. 20).—Донесенія Маньяна: Сборн. И. Ист. Общ., т. 64.—То же, т. 105, с. 87.—Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, прилож. къ Русск. Арх. 1902, 1903 г., ч. I, с. 66, 164, II, 74, 127, III, 105, IV, 78 и др.—Л. Майковъ, Разсказы А. Нартова (Прилож. къ LXVII т. Зап. И. Акад. Наукъ 1891 г.).—Діаріушъ или журналъ И. Ханенко: Чт. О. Ист. и Древн., 1858 г., ч. I, отд. V.—Записки Семена Порошина, (разсказъ Н. И. Панина 30 сентября 1764 г.).

M. Posselt, Tagebuch des generals Patrik Gordon, S.-Pet., 1851, II, 453.—(И. Сахаровъ), Записки русскихъ людей, Спб., 1841, с. 12, 13, 19, 66.—Архивъ кн. Ѳ. Куракина, т. I, с. 44 и др.—П. Ивановъ, Алфав. указ. фамилій и лицъ, упом. въ боярскихъ книгахъ, М. 1853, с. 415.—Опис. докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, кн. II, с. 39, кн. XI, с. 239.—Русск. Истор. Библ., т. XII, с. 1087, 1194 (объ уст. воеводствѣ Т-го).—А. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, Спб., 1902, с. 262.—Полн. Собр. Закон., т. V, № 2919, т, VI, № 3814, т. VII, №№ 4133, 4600, 4717, 5028, 5084 (манифестъ 22 мая 1727). — Протоколы верх. тайн. совѣта: Сборн. И. Ист. Общ., т. 40, 41 и 63.—П. Барановъ. Опись Высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящ. въ сенатскомъ архивѣ, т. I, II.—Мат. для ист. р. флота, ч. IV, с. 132, 136, 137, 169, 215, 317 (1717—1722).—Опис. дѣлъ Арх. Морск. Минист., т. II, с. 248, 324, 414, 500, 514, 620, 634 и др.—Н. Кайдановъ, Систем. каталогъ дѣламъ коммерцъ-коллегіи, т. I.—П. Ивановъ, Опис. госуд. арх. старыхъ дѣлъ, М., 1850, с. 91.—Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, М., 1894—1902, т. I—II (по указат.). — Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба, т. I, 1871, с. 509, 523 и др.—Castera, Hist.

du règne de Cathérine II, t. I.—K. Waliszewski, Pierre le Grand, p. 233—234.—Дм. Бантышъ-Каменскій, Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служ. въ царств. имиер. Петра В. М., 1821 г., ч. II, с. 61—68.—А. Брикнеръ, Истор. импер. Петра В—С. Шубинскій, Первый генералъ-полицмейстеръ (Дивіеръ): Истор. Вѣстникъ, 1892 г., т, XLVIII, с. 442—445 (то же, Историч. очерки и разсказы, Спб. 1893).—М. Пазимова, Изъ семейной хроники Толстыхъ. Истор. Вѣстн., 1902 г., т. XC, с. 104—132.—R. Löwenfeld, L. Tolstoj, Sein Leben, seine Werke, Berl. 1892.—К. Тепловъ. Русскіе представители въ Царьградѣ Спб. 1891, с. 11—16.

Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ: Реляціи и письма къ бояр. Ѳ. Головину отъ находившагося въ Царьградѣ посла стольника П. Толстого, 1702—1705.—Состояніе народа турецкаго, 1703 г., лл. 184—265.—Госуд. Архивъ: Кабин. дѣла, II, № 10, л. 122, № 18, л. 132, № 21, к. 441, № 37, лл. 456, 458, 463, № 42, лл. 313, 315, № 48, лл. 463—474, № 61, л. 491.—IX разр., № 1, карт. 3, лл. 252, 257; № 2, ч. II.—VI разр., № 23 (1712).—VI разр., № 159 (дѣло гр. Дивіера и Толстого).—VII разр., № 162 (1923), № 199 (1726), № 241 (1729).

О сынѣ и внукахъ графа П. А. Т-го, см. В. Руммель и В. Голубцовъ, Русск. родосл. сборникъ, т. II, 496, 498 и слѣд.—П. Барановъ, Опись Высоч. указ. и повел., т. III, с. 88, 113, 266, 431, 444.—Сборн. Имп. Истор. Общ., т. 8, 14, 32 (по указат. гр. Андрей Иван. Т-ой), т. 104, с. 524, т. 106, с. 87 (Петръ Ив. Т.).

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ [1]).

Посошковъ, Иванъ Тихоновичъ, писатель Петровскаго времени, родился подъ Москвою въ 1652 или 1653 г., умеръ 1-го февраля 1726 г. въ Петербургѣ. Отецъ его былъ оброчнымъ крестьяниномъ подмосковнаго дворцоваго села Покровскаго, которое теперь входитъ въ черту города Москвы. Село это состояло въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, и жившіе въ немъ крестьяне работали въ различныхъ мастерскихъ Государева двора. Этимъ путемъ, повидимому, Посошковъ и пріобрѣлъ свои разнообразныя техническія познанія — по иконописи, гравированію и черченію, оружейному дѣлу и въ особенности по столярному ремеслу, чеканкѣ денегъ и винокуренному производству. Пользуясь своими знаніями, Посошковъ занимался различными промышленными дѣлами, которыя доставили ему подъ конецъ жизни нѣкоторый достатокъ. Сначала онъ держалъ въ Лихвинскомъ уѣздѣ (нынѣ Калужской губерніи) винокуренной заводъ. Въ это же время онъ много путешество-

[1]) Этотъ біографическій очеркъ напечатанъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ", издаваемомъ подъ ред. А. А. Половцова. Одновременно въ „Извѣстіяхъ Отд. русс. яз. и слов. Имп. Ак. Н." (т. IX, 1904 г., кн. 3) авторъ помѣстилъ статью „Новыя извѣстія о Посошковѣ". Публикуя здѣсь новые матеріалы о Посошковѣ изъ Госуд. Архива, авторъ предпосылаетъ характеристику Посошкова и анализъ „Книги о скудости и богатствѣ": буквально повторяя текстъ біографическаго очерка, авторъ дѣлаетъ два-три дополненія, которыя печатаются нынѣ въ примѣчаніяхъ. Вслѣдъ же за біографическимъ очеркомъ печатаются и „Новыя извѣстія", конечно, съ опущеніемъ характеристики и анализа. *Ред.*

валъ и посѣтилъ не только ближайшіе къ гор. Лихвину города (Алексинъ, Чернь, Мценскъ), но и ѣздилъ въ степи, былъ въ Пензѣ, Ломовѣ, Инсарѣ и въ понизовыхъ городахъ на Волгѣ. Въ 1692 г. вмѣстѣ съ своимъ братомъ и матерью выкупилъ изъ залога родовой домъ въ Москвѣ за р. Яузою (принадлежавшій его дѣду съ материей стороны) и въ томъ же году или нѣсколько позднѣе переселился въ Москву. Въ 1693 (или 1694) г. строитель Московскаго Андреевскаго монастыря (въ Плѣницахъ) о. Авраамій пригласилъ Посошкова дѣлать модель станка для чеканки денегъ, которую хотѣлъ преподнести Государю. Когда въ 1696 г. этотъ Авраамій подалъ Петру I свои обличительныя тетради, въ которыхъ порицались его потѣшные походы, и былъ арестованъ, то онъ оговорилъ на слѣдствіи, въ числѣ другихъ своихъ друзей, и братьевъ Ивана и Романа Посошковыхъ. Посошкову удалось, однако, оправдаться, что онъ „никакихъ словъ, что въ тетрадяхъ написано, не говорилъ", и избѣгнуть ссылки. Затѣмъ онъ поступилъ на службу въ Оружейную Палату денежнаго дѣла мастеромъ, когда именно, неизвѣстно. — Въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ" Посошковъ разсказываетъ, что въ 1700 г., когда Петръ I повелѣлъ дѣлать круглыя мѣдныя деньги, и „никто изъ русскихъ людей, ни изъ иноземцевъ не сыскался такой человѣкъ, чтобы тѣ инструменты къ такому дѣлу состроить", а иноземецъ, мастеръ золотого дѣла (Ю. Фробусъ), предлагалъ выписать мастеровъ изъ-за моря, — тогда Посошковъ взялъ эту работу на себя и „все то денежное дѣло установилъ" (Сочин. 213). Можетъ быть, въ связи съ этой работой и состоялось его назначеніе „уставнымъ денежнаго дѣла мастеромъ". Въ 1704 году Посошковъ задумалъ заняться производствомъ игральныхъ картъ и просилъ правительство отдать ему на откупъ это дѣло за плату 2.000 р. въ годъ; основаніемъ къ этому ходатайству онъ указалъ необходимость измѣнить рисунки картъ, оскорблявшіе религіозное чувство, какъ, напр., рисунокъ трефъ, имѣющій сходство съ крестомъ. Прибыльщикъ Курбатовъ, завѣдывавшій Оружейной Палатой, отнесся очень сочувственно къ этому предложенію, такъ какъ оно обѣщало прибыль казнѣ, и выдалъ Посошкову и двумъ купцамъ, вошедшимъ съ нимъ въ компанію, 200 р. на „новозаводство картнаго промысла". (Къ этому случаю, повидимому, и относится запись въ книгахъ Оружейной Палаты 1704 г. о выдачѣ мастеру Посошкову денегъ „на дѣло печатнаго и обрѣз-

наго становъ и иныхъ къ нимъ инструментовъ“). Дѣло это, однако, почему-то разстроилось, и въ слѣдующіе три года, до 1707 г., Посошковъ состоялъ на казенной службѣ въ Москвѣ водочнымъ мастеромъ. Оставивъ это мѣсто, онъ въ началѣ 1708 г. подалъ прошеніе о зачисленіи его на службу изъ жалованья „для строенія водокъ“ въ Петербургѣ и въ прочихъ городахъ Ингерманландской губерніи. Рѣшеніе по этому дѣлу зависѣло отъ князя А. Д. Меншикова, какъ ингерманландскаго губернатора, и потому ландрихтеръ Корсаковъ обратился къ нему съ предложеніемъ принять Посошкова, при чемъ замѣтилъ, что онъ „до нынѣшняго (1708) года былъ у такого водочнаго строенія на Москвѣ, на Каменномъ мосту, а нынѣ свободенъ“. Меншиковъ, по какому-то недоразумѣнію, написалъ на докладѣ Корсакова 21-го марта 1708 г. резолюцію: „Посошковъ прилучился въ ратушѣ въ воровствѣ: того ради выбрать къ тому иного, кого пристойно“. Недоразумѣніе, однако, немедленно было разъяснено, и въ слѣдующемъ же 1709 г. или въ началѣ 1710 г. Посошковъ, согласно его желанію, назначенъ былъ водочнымъ мастеромъ въ Новгородѣ. Онъ долгое время занималъ эту должность и ему оказывали такое довѣріе, что не „считали его“ въ теченіе 16 лѣтъ. Въ это же время, онъ, повидимому, занимался мелкой торговлей. Въ 1717 г. онъ купилъ отъ подьячихъ князя Меншикова (Ждановыхъ) за 400 р. домъ въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, въ нынѣшней Церковной улицѣ (тогда Малой Никольской, что отъ Мытнаго двора). Въ слѣдующіе годы онъ пріобрѣлъ въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ Бѣжецкой пятины, полдеревни Закаресенье, крестьянъ душъ 20, за 200 р., отъ дворянина Л. Завалишина, и въ томъ же погостѣ деревню Матвѣеву, а въ октябрѣ 1719 г. въ Кашинскомъ уѣздѣ сельцо Марьино отъ дьяка И. Степанова. Ставъ владѣльцемъ помѣстья въ Устрицкомъ погостѣ, Посошковъ въ іюлѣ 1719 г. подалъ князю Д. М. Голицыну челобитную о дозволеніи ему построить винокуренный заводъ и, получивъ разрѣшеніе, заоброчилъ у причта погоста часть церковной земли и построилъ на ней „винные заводы“. Вдобавокъ къ подряду поставки водки съ этого завода новгородская камерирская контора отдала ему на откупъ „устрецкій таможенный мелочной сборъ съ винной продажи“ (съ 1721 по 1724 г.). Въ 1721 или 1722 г. Посошковъ купилъ въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ два двора съ деревяннымъ строеніемъ,

одинъ на Ильинкѣ улицѣ у купецкаго человѣка, за 50 р., а другой у подьячаго за 150 р. Въ августѣ 1723 г. онъ купилъ отъ помѣщицы С. Е. Лупандиной за 50 р. пустошь Типолово, находившуюся близъ раньше купленныхъ имъ деревень. Сосѣдъ—помѣщикъ С. Ѳ. Линевъ вошелъ въ стачку съ продавщицей, и Посошковъ подалъ на него челобитную въ судъ, жалуясь, что онъ „явною своею стачкою и ябедническимъ вымысломъ хочетъ ту пустошь у меня отбить и за себя укрѣпить... и съ той пустоши людей тѣхъ и крестьянъ сбилъ и своимъ хлѣбомъ ее засѣялъ“ (Госуд. Архивъ). Чѣмъ кончилась эта тяжба — неизвѣстно, но въ 1725 г. завѣдывавшій помѣстьемъ и заводомъ Посошкова племянникъ его А. Михайловъ писалъ, что помѣщикъ Линевъ приказалъ своимъ крестьянамъ „гдѣ ни изловятъ его, да убить до смерти“.—Лѣтомъ 1725 г. Посошковъ затѣялъ новое предпріятіе и подалъ прошеніе въ мануфактуръ-коллегію о разрѣшеніи „завести коломинковую и полотняную фабрику въ Новгородѣ своимъ коштомъ“, при чемъ просилъ отпустить къ нему съ Екатеринговской мануфактуры,—„ради размноженія оныхъ фабрикъ“, двухъ мастеровъ, коломинкова дѣла мастера и ткача, уступить нѣсколько казенныхъ инструментовъ и представить нѣкоторыя льготы въ повинностяхъ, по примѣру другихъ фабрикантовъ. Въ началѣ іюня 1725 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Новгорода и только что подалъ это прошеніе, какъ 26-го августа 1725 г. взятъ былъ подъ караулъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ арестованъ и маленькій сынъ его Иванъ; „и письма изъ того дому взяты въ помянутую канцелярію и разбираны“. „Важная криминальная вина“, за которую былъ арестованъ Посошковъ, кажется, состояла въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, которую онъ, судя по сохранившемуся черновику его прошенія, въ августѣ 1724 г. представилъ Петру Великому. Пять мѣсяцевъ онъ томился въ заключеніи; 26-го января 1726 года протопопъ Исаакіевскаго собора напутствовалъ его въ вѣчную жизнь; тогда же онъ продиктовалъ записку о своихъ кредиторахъ и должникахъ. 1-го февраля 1726 г. онъ скончался и погребенъ на Выборгской Сторонѣ, близъ церкви св. Сампсонія Страннопріимца, гдѣ погребали колодниковъ Тайной канцеляріи. Сложнаго „криминальнаго дѣла“ канцелярія выяснить не успѣла, но разрѣшила еще при жизни Посошкова дѣло по жалобѣ на него полковника кіевскаго гарнизона Роде,

второго мужа его дочери. Роде жаловался на своего тестя, что онъ будто бы не исполнилъ своего обѣщанія дать приданое своей дочери, и Тайная канцелярія удовлетворила эту жалобу, рѣшивъ 9-го января 1726 г. отдать дочери Посошкова все его недвижимое имѣніе, кромѣ дворовъ петербургскаго и новгородскаго.

Отъ Государя и его приближенныхъ Посошковъ,—„мизирный крестьянинъ", стоялъ очень далеко, хотя онъ не разъ, конечно, видѣлъ Петра I и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Въ 1700 г. въ Преображенскомъ, на сержантскомъ дворѣ, онъ лично разсказалъ государю о своемъ проектѣ устройства для улучшенія стрѣльбы огнестрѣльныхъ рогатокъ; Петръ одобрилъ его мысль; Посошковъ сдѣлалъ модель такой рогатки и представилъ ее въ 1701 г. при особомъ письмѣ о ратномъ поведеніи бояриму Ѳ. А. Головину. Но въ это время Петръ приступилъ къ преобразованію войска по иноземнымъ образцамъ, и изобрѣтеніе самоучки было ему уже не нужно. Около этого же времени Посошковъ, узнавъ, что правительство крайне нуждается въ сѣрѣ для порохового дѣла, объявилъ князю Б. А. Голицыну о найденномъ имъ сѣрномъ пріискѣ; Голицынъ обѣщалъ, было, ему „великое награжденіе", но затѣмъ далъ награды только 50 руб. („Скуд. и бог.", стр. 150). Хорошо зналъ Посошковъ прибыльщика Курбатова, подъ начальствомъ котораго служилъ мастеромъ въ Оружейной Палатѣ; Курбатовъ далъ ему субсидію на новозаводство картнаго промысла, но это предпріятіе разстроилось, и въ 1709 г. Посошковъ даже остался безъ дѣла, хотя Петръ такъ нуждался въ дѣльныхъ работникахъ. Живя въ Новгородѣ, Посошковъ хорошо познакомился съ новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ, представилъ ему списокъ своего „Зеркала" и доношеній С. Яворскому, и митрополитъ „много разглагольствовалъ" съ нимъ о разныхъ предметахъ. Сохранились два рекомендательныхъ письма, данныхъ Посошкову митрополитомъ Іовомъ: одно къ петербургскому вице-губернатору Я. Н. Корсакову (1712 г.), другое—къ князю Я. Ѳ. Долгорукову (24-го февраля 1713 г. „Странникъ" 1861, т. I). Но о разговорѣ его съ княземъ Я. Долгорукимъ мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ. Въ 1719 г. Посошковъ написалъ доношеніе Петру „о новоначинающихся деньгахъ", въ которомъ критиковалъ новую мелкую низкопробную серебряную монету (чеканенную по указу 14-го февраля 1718 г.), указывая, что она облегчаетъ поддѣлку („такія деньги весьма къ воровству

способны"). Для поданія этого письма Посошковъ два раза приходилъ къ кабинетъ-секретарю А. В. Макарову, но „за жестокими караульщики" не могъ къ нему проникнуть, а вслѣдъ затѣмъ Макаровъ съ государемъ уѣхалъ на лѣкарственныя воды въ Олонецкую губернію; Посошковъ отдалъ письмо курьеру кабинетъ-секретаря, и ему не удалось узнать, дошло ли оно до Петра (251, 255). Послѣдняя попытка обращенія къ государю—представленіе „Книги о скудости и богатствѣ"—окончилась, какъ указано выше, трагически — смертью въ заключеніи [1]).

Въ практической своей дѣятельности Посошковъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не имѣлъ особеннаго успѣха, несмотря на то, что онъ былъ искуснымъ техникомъ, умнымъ, предпріимчивымъ человѣкомъ и бережливымъ хозяиномъ; послѣ ряда не-

---

[1]) „Новыя извѣстія о Посошковѣ" начинаются слѣдующимъ вступленіемъ:

„Посошковъ мало оцѣненъ и мало извѣстенъ, какъ первый, смѣлый и самоотверженный общественный писатель и мыслитель. Въ московской Руси были такіе же независимые дѣятели и писатели, но они отдавали свои силы на служеніе классовымъ интересамъ, какъ князь Курбскій, или нравственной и религіозной проповѣди, какъ протопопъ Аввакумъ. Въ эпоху петровской реформы является впервые человѣкъ, самоотверженно трудящійся надъ вопросами общественнаго и государственнаго устройства, одушевленный тою же идеей общаго блага, которой служилъ Петръ, отожествлявшій благо государства съ благомъ общества.

„Недавно въ книгѣ популярнаго историка сдѣлано было нѣсколько темныхъ личныхъ намековъ на Посошкова, какъ на разбогатѣвшаго коммерческими операціями крестьянина-кулака, въ рукахъ котораго даже заповѣдь евангельской нищеты превращается въ ловкій практическій совѣтъ. Мнѣ думается, что Посошкова слѣдовало бы пощадить отъ такихъ укоровъ, совершенно незаслуженныхъ. Извѣстно, что онъ подъ конецъ жизни владѣлъ тремя домами въ Петербургѣ и Новгородѣ и двумя небольшими имѣньями (въ Боровичскомъ и Кашинскомъ уѣздахъ), изъ нихъ первое было съ винокуреннымъ заводомъ. Но дома эти — деревянные дворы — стоили вмѣстѣ 500 руб., а въ имѣньи было 50 душъ крестьянъ. Это не богатство, а только нѣкоторый достатокъ, и этотъ достатокъ Посошковъ пріобрѣлъ лишь подъ конецъ долгой жизни, послѣ ряда неудачъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Могутъ сказать, что для „крестьянина" и этого было много. Но не надо забывать, что онъ былъ крестьяниномъ подмосковнаго села Покровскаго, которое теперь входитъ въ черту города Москвы, и притомъ дворцоваго села, въ которомъ жили мастера Оружейной палаты. Повидимому, онъ происходилъ изъ зажиточной семьи. И если подъ конецъ жизни онъ владѣлъ маленькимъ помѣстьемъ и виннымъ заводомъ въ Новгородской губерніи, то еще въ молодости у него былъ такой же заводъ въ Калужской губерніи (Лихвинскомъ уѣздѣ).

удачъ, лишь подъ конецъ жизни онъ, послѣ долговременной усердной работы, пріобрѣлъ нѣкоторый достатокъ. Отчасти на это вліяли общія условія времени, на которыя онъ жаловался въ своихъ сочиненіяхъ, замѣтивъ: „у меня вымысловъ пять-шесть было пожиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ тѣ вымыслы пропали ни за что" (Сочин. I, 149). Но, главнымъ образомъ, неуспѣхъ его практической дѣятельности обусловливался тѣмъ, что умственные его интересы часто перевѣшивали заботу о матеріальномъ достаткѣ. Сочиненія его показываютъ, какъ увлекался онъ изученіемъ священнаго писанія, какъ близко къ сердцу принималъ религіозно-нравственные вопросы, какъ много размышлялъ объ общественныхъ неустройствахъ, объ искорененіи всякой „неправды и неисправностей". „Отъ юности своея — искренно говоритъ онъ — былъ таковъ: лучше ми какову пакость на себя нанести, нежели видя что неполезно молчати" (тоже, 215). Не имѣя силъ умолчать, исполненный „презѣльной горячести" къ общему благу, онъ пишетъ рядъ докладныхъ записокъ-проектовъ и три обширныхъ полемическихъ сочиненія; пишетъ, къ ущербу для своихъ дѣлъ,—„иногда и нужду свою домовную презрѣвъ".

Большая часть сочиненій Посошкова посвящена вопросамъ церковнымъ и религіозно-нравственнымъ. По своему образованію и главнымъ умственнымъ интересамъ онъ былъ вполнѣ человѣкомъ допетровской Россіи: онъ былъ на 20 лѣтъ старше Петра, и молодость его прошла въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича; его пытливый умъ нашелъ себѣ пищу въ наиболѣе важномъ вопросѣ умственной жизни его времени, вопросѣ объ истинномъ православіи, который незадолго передъ тѣмъ былъ такъ остро поставленъ раскольниками. Интересъ его къ этому вопросу усилился вслѣдствіе личной его близости къ раскольникамъ: его родная сестра была ярой раскольницей и, „ходя по домамъ, иныхъ съ истиннаго пути совращала и къ своему зловѣрію присоединяла"; зараженъ былъ расколомъ и его своякъ; и самъ Посошковъ, по его признанію,—„изначала хрома недугомъ раскольничи болѣзни", хотя этотъ недугъ его касался, кажется, единственно двуперстнаго крестосложенія. Онъ не разъ встрѣчался и съ расколоучителями и велъ съ ними „разглагольства" о двуперстіи и вообще о расколѣ. Стремясь выяснить истину, Посошковъ началъ усердно изучать священное писаніе и достигъ замѣчательныхъ ре-

зультатовъ, особенно если принять во вниманіе, что онъ не получилъ какого бы то ни было правильнаго образованія. Онъ былъ самоучкой въ полномъ смыслѣ слова; „ей, неученый есмь человѣкъ, къ сему же и земледѣлецъ есмь“, скромно замѣчаетъ онъ въ первомъ письмѣ къ митрополиту Стефану Яворскому, прося извинить „несложность писанія“. Несмотря на это, онъ вполнѣ овладѣлъ всей церковной письменностью того времени. Пренія съ раскольниками постоянно побуждали его къ дальнѣйшимъ трудамъ въ этой области. Онъ ходилъ „въ раскольничьи сонмища“, учился „прелести раскольничьей“, чтобы затѣмъ ее опровергать,—„много поискалъ въ Божественномъ писаніи“ и даже сличалъ новопечатныя книги съ древними рукописными въ патріаршей книгохранильницѣ и на печатномъ дворѣ. Плодомъ этого изученія было обширное полемическое сочиненіе противъ раскольниковъ, законченное въ концѣ 1708 г.: „Зеркало очевидное“, или „Зеркало, сирѣчь изъявленіе очевидное и извѣстное на суемудріа раскольнича, въ немже чрезъ святое евангеліе и апостольскую проповѣдь и чрезъ многая Божественная писанія ясно вся ихъ блядословная дѣла означишася“ (вар.: „главизна изъявися“). Въ печатномъ изданіи сокращенная редакція его занимаетъ 270 страницъ. Обличенія раскольничьихъ заблужденій о четырехконечномъ крестѣ, двуперстіи, таинствахъ, антихристѣ и проч. начинаются сводомъ цитатъ изъ книгъ священнаго писанія и отцовъ церкви, при чемъ часто приводятся свидѣтельства изъ книгъ, которыя особенно почитались раскольниками (Кирилла Іерусалимскаго, О вѣрѣ, Сборникъ); эти цитаты, такъ же, какъ церковно-славянскій языкъ изложенія свидѣтельствуютъ объ обширной начитанности Посошкова въ церковной литературѣ того времени; собственныя разсужденія его часто обнаруживаютъ большой здравый смыслъ; имъ придаютъ оживленіе народныя пословицы и картинныя сравненія; большею частью, однако, вся сила обличеній и рѣчи заключается въ рѣзкой нетерпимости и въ грубости выраженій. Онъ полагаетъ, на основаніи правилъ св. Антіохійскаго собора, что православному не только нельзя ѣсть и пить съ раскольниками, но нельзя и „иного какого содружія или сожитія съ ними имѣти“ и „на пути поздравитися съ ними недостоитъ, понеже враги суть Христовы“ (118); одобряетъ строгія мѣры патріарха Никона: „добрѣ учини, еже совращающихъ церковь повелѣ пожигати“ (233). Укоряя против-

никовъ въ ругательствахъ и хуленіи, онъ борется съ ними, главнымъ образомъ, ихъ же оружіемъ: „о отчаянныя главы, како васъ земля подъемлетъ? невозможно бо васъ проклятыми, яко же и прочіихъ, прежде бывшихъ еретиковъ, нарещи, но трепроклятыми, понеже вы превышили есте не токмо Аригена, но и Несторія, и Македонія, и Арія. Вси бо сіи предъ вами яко младенцы діавольстіи быша. Вы же явистеся самыми вѣрными и совершенными діавольскими воинами" (138); „Истину о васъ Апостолъ глаголетъ, еже нарицаетъ васъ скотомъ несмысленнымъ" (61). Въ послѣсловіи Посошковъ старается оправдать „унизительность" и „суровость" своей рѣчи: „ревность бо моя, подвиже мя на такое жестокословіе. Вы не на суровость словесъ смотрите, но зрите разума тѣхъ словесъ". Онъ оправдывается тѣмъ, что онъ въ разумѣ и художествѣ младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ, простецъ и книжныя премудрости не наученъ и выражаетъ надежду, что его простая рѣчь „простымъ людямъ будетъ поемна". Сочиненіе его, однако, весьма понравилось и ученымъ людямъ. Справщики московскаго печатнаго двора, получивъ отъ Посошкова его „Зеркало" тотчасъ же по его окончаніи, послали рукопись, умолчавъ объ имени автора, въ началѣ 1709 г., святителю Димитрію Ростовскому, который какъ разъ въ это время заканчивалъ свой трудъ противъ раскола: „Розыскъ". Св. Димитрій чрезвычайно удивился достоинствамъ сочиненія неизвѣстнаго автора; онъ собственноручно написалъ на рукописи два хвалебныхъ четверостишія, и писалъ справщику Ѳеологу: „книжица та воистину благопотребна, великое раскольникомъ обличеніе и постыжденіе. Когда бы та книжица прилучилася прежде написанія моей, много быхъ отъ нея почерпнулъ. Я свою помощію Божіею окончилъ. Прошу честности твоей возвѣстити мнѣ, кто тоя книжицѣ писецъ?" Не получивъ отвѣта на этотъ вопросъ, Димитрій вновь настойчиво спрашивалъ объ имени автора: „Просихъ и прошу: не утайте ми творца тоя книжицы. Кто писа столь то дивно? Живъ ли онъ. Зѣло книжица та благопотребна правовѣрнымъ". Св. Димитрій находилъ нужнымъ только „мало нѣчто мѣстами поисправити и проічистити" и, повидимому, не замедлилъ заняться этимъ дѣломъ. Результатомъ его работы, по соображеніямъ Е. Прилежаева, и явилась сокращенная редакція сочиненія Посошкова, подъ названіемъ: „Зеркало безыменнаго творца, на раскольниковъ обли-

ченіе". Эта редакція отличается отъ пространной, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ ней опущена послѣдняя обширная глава (23-я), составляющая почти треть всей книги, и посвященная всецѣло полемикѣ не съ раскольниками, а съ протестантами; опущена и другая глава (2-я) о лжи; другія главы также сокращены; оставшійся матеріалъ распредѣленъ на бо̀льшее число главъ, а именно 26, вмѣсто 23 главъ первой редакціи; вначалѣ помѣщены вирши, написанныя св. Димитріемъ Ростовскимъ. Проф. Царевскій полагаетъ, что краткая редакція есть дѣло самого автора, а не Димитрія, такъ какъ она представляетъ почти сплошной перифразъ редакціи пространной.

Не меньше, чѣмъ раскольничья и люторская ереси, противъ которыхъ направлено было „Зеркало очевидное", тревожила Посошкова общая „духовная нужда": несоблюденіе въ жизни и совершенное незнаніе элементарныхъ основаній христіанскаго ученія. Учащавшіяся встрѣчи съ иноземцами показывали, что православный народъ въ знаніи религіи уступалъ еретикамъ иноземцамъ и даже басурманамъ. „Простые" и „малоученые", мы „живемъ чуть не подобны безсловеснымъ" и не можемъ дать отповѣди иновѣрцамъ: „аще и отъ басурманъ кто вопроситъ насъ, то имъ и отвѣту дать не умѣемъ, а что и станемъ говорить, лишь на стыдъ всѣмъ намъ и на поруганіе православнымъ". Посошковъ скорбѣлъ объ этомъ и какъ православный христіанинъ и какъ патріотъ: „я мню, что и на Москвѣ развѣ сотый человѣкъ знаетъ, что то есть христіанская вѣра, или кто Богъ, или что воля его, и какъ ему молитися... А въ поселянехъ, ей, и тысящнаго человѣка не обрящешь". Не видя ниоткуда помощи, онъ рѣшился по „ревности, вложенной въ него отъ Бога", обратить на это вниманіе высшей духовной власти, и въ 1704 г. подалъ доношеніе митрополиту Стефану Яворскому, въ которомъ молилъ его озаботиться, чтобы „отъ неразумія люди Божіи напрасно не погибали", и составить и напечатать наставленія о вѣрѣ и о духовномъ и о гражданскомъ благочиніи. Чрезъ нѣкоторое время (между 1704 и 1708 гг.) Посошковъ подалъ второе доношеніе митрополиту, заклипая его не оскорбиться на его простоуміе и необычное дерзновеніе. Ревнуя о томъ же распространеніи въ народѣ правильныхъ понятій о вѣрѣ и объ искорененіи ересей, онъ указывалъ, что для этого надо прежде всего дать народу но-

4*

выхъ достойныхъ священниковъ: „Древнее, государь, у насъ въ Россіи обыкновеніе посвящатися въ пресвитерство изъ самого простоумія“. Даже московскіе священники не могутъ наставить въ вѣрѣ,—„а сельскихъ уже и почитать въ дѣло нечего; тѣ и мало церковныя службы отправляютъ, но пекутся паче о пашнѣ земли своей, да о сѣнокосахъ... и едва тіи сельскіе священники хлѣба напашутъ, да вина накурятъ, да лише пьютъ и въ пьянствѣ столь бываютъ неугожи, что и сказать иное странно... Ей, государь, отъ неученыхъ и пьяныхъ священниковъ благочестивая наша вѣра обругана“. Въ виду этого Посошковъ предлагалъ для просвѣщенія духовенства устроить „академію великую, всѣхъ наукъ исполненную“ и въ городахъ, во всѣхъ епархіяхъ и въ главныхъ обителяхъ построить училища и затѣмъ строжайше воспретить, чтобы безъ училищнаго свидѣтельства отнюдь въ пресвитеры и въ дьяконы никого не посвящать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дать возможность священникамъ заботиться единственно о духовныхъ дѣлахъ, Посошковъ предлагалъ „такъ учинить, чтобы церковные служители питались отъ церкви, а не отъ земледѣльства“. Съ другой стороны, онъ, повторяя мысль перваго своего доношенія митрополиту, просилъ „напечатать такія особыя малыя книжицы и распустити ихъ въ народъ“, изъяснивъ въ нихъ главныя начала вѣры.

Не дождавшись отъ митрополита поученій о вѣрѣ и ободренный успѣхомъ своего „Очевиднаго зеркала“, Посошковъ, тотчасъ по окончаніи этого труда, самъ рѣшается приняться за составленіе одного изъ тѣхъ религіозно-нравственныхъ сочиненій, которыя онъ намѣчалъ въ своихъ доношеніяхъ. Послѣ того, какъ святитель Димитрій Ростовскій вполнѣ одобрилъ „Зеркало“, ему нечего уже было смущаться тѣмъ, что онъ неученый человѣкъ, земледѣлецъ, и надо было заботиться о томъ, чтобы „избѣгнуть вины за закопаніе таланта“. Въ 1719 или 1720 г. онъ закончилъ свое второе сочиненіе: „Завѣщаніе отеческое къ сыну своему, со нравоученіемъ, за подтвержденіемъ Божественныхъ писаній“. Оно не менѣе обширно, чѣмъ „Зеркало“, и вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему алфавитнымъ указателемъ библейскихъ изреченій заключаетъ въ себѣ 388 печатныхъ страницъ большого формата. Разъясняя главныя основанія религіи въ ихъ приложеніи къ жизни, Посошковъ подробнѣйшимъ образомъ наставляетъ, какъ долженъ

вести себя православный христіанинъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ говоритъ особо объ отроческомъ житіи и о брачномъ житіи, о молитвѣ дома и въ церкви, даетъ особыя наставленія рабамъ, мастерамъ, купцамъ, солдатамъ, офицерамъ, крестьянамъ, приказнымъ, инокамъ, архіереямъ. Все сочиненіе проникнуто полемическимъ характеромъ и останавливается преимущественно на тѣхъ сторонахъ современности, которыя рѣзко противорѣчили идеалу благовѣрія и духовнаго и гражданскаго благочинія; современность въ немъ отражается въ рѣзкихъ и живыхъ чертахъ, и этой своей стороной „Завѣщаніе отеческое" представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики общества XVII и начала XVIII вѣка. Рядомъ съ отрицательной картиной общества этой эпохи, весьма любопытны также и положительные взгляды Посошкова, какъ одного изъ лучшихъ представителей того же самаго общества. Въ „Завѣщаніи" ярко выразилось типичное для XVII вѣка, исключительно религіозное міросозерцаніе, идеалъ строго духовнаго житія. Идеалъ этотъ требовалъ не только христіанской, евангельской жизни, но и полумонашескаго устава: постоянной молитвы, частаго покаянія, воздержанія и жертвъ. Плотская любовь мужа и жены допускается, лишь какъ неизбѣжное зло, при условіи строгаго воздержанія и соблюденія церковныхъ правилъ. Новобрачнымъ предписывается трехдневное воздержаніе во славу Святыя Троицы; весь первый день они должны „проводить въ духовныхъ пѣсняхъ" (21, 23). Это „духовное житіе", монашеское міровоззрѣніе рѣзко противорѣчило новому „свѣтскому житію", свѣтскому міровоззрѣнію, которое лежало въ основѣ петровской культурной реформы. П. Н. Милюковъ съ этой точки зрѣнія мѣтко противопоставляетъ „Завѣщаніе отеческое", оконченное въ 1719—1720 гг. „Юности честному зерцалу", изданному въ 1717 г. Посошковъ знаетъ о новомъ свѣтскомъ міровоззрѣніи и, для сильнѣйшаго обличенія его съ единственно доступной ему церковной точки зрѣнія, тѣсно сливаетъ его съ ученіемъ „еретика проклятаго, Мартина Лютера". „Нынѣ мнози изъ русскаго народа, говоритъ онъ, научившаяся отъ иноземцевъ, отъ правыя своея древнія вѣры въ лютерское зловѣріе начинаютъ склонятися и отъ всесквернаго Мартина Лютера уставленные, слабые, и роскошные, и весьма развращенные законы начинаютъ принимати" (3). По этимъ новымъ „законамъ" свѣтскаго житія, или по Марти-

нову толкованію: „еже есть на свѣтѣ, то все чисто и свято... и грѣха ни въ чемъ нѣсть“ (136). Это житіе—„роскошное, легкостное и сладостное“ (135) и представляетъ полную противоположность „узкому и прискорбному пути, иже вводитъ въ царство небесное“ (39); по новому ученію можно „до полунощи, иное же и до самаго свѣта, въ скаканіи и танцованіи безъ сна проводити... и пить съ музыками и карты играти“ (4). Значительная часть „Отеческаго Завѣщанія“ посвящена рѣзкой полемикѣ съ лютеранствомъ и повторяетъ главу о лютерахъ „Зеркала очевиднаго“. Вся сила полемики здѣсь, также какъ въ „Зеркалѣ“, состоитъ въ рѣзкости порицанія. Особенно упрекаетъ онъ Мартина Лютера въ „блудной сквернѣ“, называетъ его волкомъ адскимъ (вмѣстѣ съ Кальвиномъ), законопреступникомъ, разстригой, еретикомъ проклятымъ, сластолюбцемъ, уподобляетъ его „самому діаволу“ (126), говоритъ, что „въ лютерскомъ законѣ сокровенъ великій ядъ адскаго аспида“ (136), учениковъ его уподобляетъ „безсловеснымъ свиньямъ“ и проч. (138). Лютеръ отвѣчаетъ и за атеиство, и за ученіе „проклятаго Каперника, Богу суперника“: „О презельнаго лютерскаго безумія: тягостную землю подъяша на воздухъ, отъ кентра земного, идѣже была отъ Бога сотворена, вознесоша на высоту небесную и со звѣздами ю уравниша и планѣтою ю нарекоша...“ (129).

Старо-церковное міровоззрѣніе Посошкова тѣсно связано съ крайнимъ суевѣріемъ. Онъ вполнѣ вѣритъ въ лѣчебную силу колдуновъ и шептуновъ и запрещаетъ пользоваться ими въ бѣдѣ и въ болѣзни, но только потому, что они помогаютъ „дьявольскою силою“. Господа ради Посошковъ проситъ сына не вѣрить ни въ какія примѣты и встрѣчи, но тутъ же совѣтуетъ, какъ бы для того, чтобы парализовать вредное вліяніе встрѣчъ, непремѣнно, выходя изъ дому, перекреститься и первымъ тремъ встрѣчнымъ нищимъ раздать три пенязя (143, 144). Вѣра въ силу діавола составляетъ важный пунктъ міровоззрѣнія Посошкова и обосновываетъ необходимость постоянно помнить о Богѣ, молиться и креститься. Примѣрами изъ житій онъ показываетъ, какъ человѣку всюду грозитъ бѣсовская прелесть; небрежную молитву перехватываютъ „воздушные демоны“. „Діаволъ вельми естествомъ тонокъ и проницателенъ есть, иже сквозѣ желѣзо проходитъ“, но утѣшеніе въ томъ, что онъ „въ человѣка безъ диры внити не

можетъ" и прикасается и вредитъ только тому, кто не соблюдаетъ заповѣдей Божіихъ и приказаній своего духовнаго отца (54).

Другая характерная черта религіозныхъ воззрѣній Посошкова состоитъ въ пристрастіи къ внѣшней, обрядовой сторонѣ религіи. Проф. Царевскій полагаетъ даже, что онъ въ этомъ отношеніи „далеко заходитъ въ область старовѣрческаго направленія", что онъ „съ не меньшимъ упорствомъ гонялся за обрядомъ, какъ и за одушевлявшимъ его смысломъ, въ регламентаціи выраженій внѣшняго богопочтенія и нравственныхъ поступковъ постоянно переходилъ въ древне-русскую крайность точнѣйшихъ и подробнѣйшихъ предписаній". П. Н. Милюковъ точно также упрекаетъ Посошкова въ крайнемъ пристрастіи къ обряду и въ томъ, что онъ раздѣлялъ отчасти народный фетишизмъ. Упреки эти нѣсколько преувеличены. Дѣйствительно, давая наставленія о томъ, какъ исправлять утреннее правило, Посошковъ подробно говоритъ, какія слѣдуетъ читать молитвы, сколько класть поклоновъ послѣ каждой молитвы и какіе класть поклоны, земные или до пояса, смотря по праздпеству дня. Но если обратить вниманіе на общій смыслъ 4-й главы, въ которой изложены эти наставленія въ связи съ общими религіозными поученіями, то нельзя не признать, что Посошковъ никакъ не преувеличивалъ значенія этихъ обрядностей и не настаивалъ на ихъ регламентаціи. Свое утреннее правило онъ описываетъ только въ качествѣ примѣра: „правило свое настоящее исправляй, елико уставлено будетъ отъ отца твоего духовнаго или и отъ своего изволенія" (62). Онъ останавливается на числѣ поклоновъ не потому, чтобы придавалъ имъ исключительное значеніе, а потому, что онъ во всемъ любилъ порядокъ и правила; точно такъ же, какъ, разсуждая о необходимости въ канцеляріяхъ писать уписисто, чтобы не было лишней истраты бумаги, онъ говоритъ, что на страницѣ слѣдуетъ писать по 40 строкъ, а въ записныхъ книгахъ не меньше 50 (175). Если, говоря о краткихъ молитвахъ предъ образами разныхъ святыхъ, Посошковъ упоминаетъ (только упоминаетъ), что св. Власію надо молиться о благополученіи, а св. Варварѣ — объ избавленіи отъ нечаянной смерти и болѣзни (75), то это еще не даетъ основаній для обвиненія въ народномъ фетишизмѣ. Вся 4-я глава, напротивъ того, представляетъ собою горячую и убѣжденную проповѣдь противъ фетишизма и противъ обрядности, не осмысленной вѣрою и разумѣ-

ніемъ. Если Посошковъ предписываетъ Божіему образу ставить свѣчу больше, чѣмъ образамъ святыхъ угодниковъ, и класть тѣмъ и другимъ различные поклоны, то онъ настаиваетъ на этомъ съ полемическою цѣлью, протестуя противъ воззрѣній многихъ людей „въ простомъ народѣ",—„иже образу Божію поклонъ творятъ въ поясъ, Николая же чудотворца образу, такожде и иныхъ святыхъ образамъ поклоны творятъ до земли и свѣчи бо̀льшіе и множае ихъ наставляютъ" (95). Настойчивое требованіе сознательной молитвы, разумной обрядности и, главное, доминирующая во всей книгѣ проповѣдь евангельскихъ истинъ—непротивленія злу, христіанской любви и смиренія, показываетъ, что Посошковъ возвысился надъ старовѣрческимъ обрядовымъ пониманіемъ религіи. Онъ требуетъ непремѣнно „вниманія и богомыслія" при чтеніи молитвъ. „Егда бо речеши „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ", тогда мысль свою возведи на небо и умными своима очима зри самого Бога на херувимахъ сидящаго" (62). Такимъ образомъ объясняетъ онъ, строфа за строфою, главнѣйшія молитвы и предостерегаетъ: „о чемъ молишися языкомъ, а ума своего въ ту молитву не простреши и мысли своея на небо къ самому Богу не возведеши, то ты будеши яко бездушный бубенъ: что гремиши, того и самъ не вѣдаеши" (99). Богъ—столь же мѣтко объясняетъ онъ дальше — „не отъ языка, не отъ гортани требуетъ молитвы, но отъ сокрушеннаго сердца и чистаго ума, возведеннаго на небо предъ самаго Бога" (111). Настойчиво высказывается Посошковъ противъ особаго поклоненія чудотворнымъ иконамъ: „Ты, сыне мой, не ищи особливаго образа чудотворнаго, но вѣждь, яко всякимъ образомъ силенъ есть Богъ чудеса творить по вѣрѣ" (94). Вся чудеса по вѣрѣ молящагося бываютъ. „Сіе бо людіи не отъ великаго разума творятъ, еже единаго изображенія, единаго и именованія, единъ образъ нарицаютъ чудотворнымъ, а другой таковаго же изображенія нарицаютъ нечудотворнымъ... Богъ и краски, ни дерево, нижѐ художество прославляетъ, но прославляетъ образъ за первообразное и за надписаніе имени Его святого" (91).

Въ своей воодушевленной проповѣди евангельской морали Посошковъ нерѣдко обнаруживаетъ черты своего вѣка. „Желаніе освѣжить и согрѣть жизнь вѣрой—какъ замѣчаетъ П. Н. Милюковъ—постоянно (вѣрнѣе „не разъ") вступаетъ у него въ безсознательный компромиссъ съ житейской практикой „Домостроя" и

съ религіознымъ міровоззрѣніемъ кіевскаго Патерика. Говоря о брачной жизни, онъ находитъ, что „то добро и свято, еже бы оба изъ воли и изъ любви сошлись“, какъ уже требовалъ петровскій законъ; онъ находитъ, что невѣсты не лошади, чтобы ихъ сватать по нѣсколько одновременно. Но, однако, знакомиться съ невѣстой онъ не дозволяетъ, а разрѣшаетъ только взглянуть на нее ненарокомъ, гдѣ-нибудь у церкви или на переходѣ. Въ воспитаніи дѣтей онъ безусловно становится на сторону ветхозавѣтной педагогіи“. Черты XVII вѣка обнаруживаются и въ крайней жестокой нетерпимости Посошкова къ раскольникамъ и иновѣрцамъ. Тутъ онъ совершенно забываетъ о своей евангельской морали и требуетъ, чтобы упорствующихъ въ расколѣ „предавали огню“ (308). Въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, требуя смерти богохульникамъ, онъ ссылается на законъ Моисея. Любопытно, что въ одномъ изъ списковъ книги кто-то, въ припискѣ противъ этихъ словъ, вспомнилъ о законѣ Христа: „осмотрись, старичокъ, и эту рѣчь вонми: нѣсть грѣхъ побѣждающъ Божіе человѣколюбіе“ (62).

Религіозно-нравственная проповѣдь въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ переплетается съ предположеніями о реформѣ различныхъ церковныхъ и гражданскихъ порядковъ. Уже въ первыхъ своихъ доношеніяхъ Стеф. Яворскому Посошковъ предлагалъ пользоваться для борьбы со зломъ обоими этими средствами. На ряду съ изданіемъ поученій для народа онъ проектировалъ мѣры для исправленія священниковъ. Борясь съ расколомъ увѣщаніями въ „Зеркалѣ“, онъ въ то же время, для совершеннаго искорененія „адскихъ волковъ враговъ Христовыхъ“, обращался къ церковной власти и въ третьемъ письмѣ къ митрополиту Стеф. Яворскому (написано до 1710 г.) предлагалъ завести по всѣмъ приходамъ церковныя книги: родильныя, крестильныя, исповѣдывальныя и проч., чтобы обнаружить всѣхъ, уклоняющихся отъ таинствъ.

Вскорѣ по окончаніи „Отеческаго Завѣщанія“ Посошковъ принимается за третье свое большое сочиненіе,—„Книгу о скудости и богатствѣ“, которую посвящаетъ всецѣло той темѣ, которой касался въ своихъ доношеніяхъ и въ своемъ религіозно-нравственномъ трудѣ, а именно—реформѣ церковныхъ и гражданскихъ уставовъ. Посошковъ работалъ надъ нимъ въ преклонномъ возрастѣ, три года, 68—70 лѣтъ отъ роду, будучи къ тому же занятъ „многосуетными“ промышленными дѣлами. Онъ предназна-

чалъ свой трудъ лично для самого государя, рѣшивъ довести до его свѣдѣнія о всей той „неправдѣ“, о всѣхъ тѣхъ „неисправностяхъ“, которыя онъ видѣлъ кругомъ, и о тѣхъ мѣрахъ, какими можно было бы помочь злу. Онъ не скрывалъ отъ себя опасность, какою грозила ему откровенная, рѣзкая рѣчь о всѣхъ общественныхъ и государственныхъ неустройствахъ. Не разъ онъ самъ пугался своей смѣлости и оговаривался: „Не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе въ осужденіе, еже дерзнулъ поносительно на пастырей своихъ писати“ (10), или „страшенъ ми сей глаголъ, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло“ (215). Онъ просилъ Петра никому не открывать его имени: сильные люди, ябедники и обидчики,—„не попустятъ мнѣ и малаго времени на свѣтѣ жить и потому буду я самъ себѣ убійца“.

Толчокъ къ составленію „Книги скудости и богатства“ дала, повидимому, энергичная преобразовательная дѣятельность Петра I.

Но первыя мысли объ общихъ реформахъ, однако, явились у него очень рано, въ самомъ началѣ преобразовательной дѣятельности Петра I. Это ясно видно изъ одной неизданной, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ рукописи Посошкова, написанной, по всей видимости, до перваго его доношенія митр. Стеф. Яворскому, т.-е. до 1704 г. Отъ этой записки уцѣлѣло только начало (можетъ быть, она и не была окончена), указывающее, что Посошковъ тогда уже задумывалъ работу, по широтѣ содержанія одинаковую съ „Книгою о скудости и богатствѣ“. „Аще кто восхощетъ—такъ начинаетъ ее Посошковъ—умными очима воззрѣти на житіе наше православно россійское и на вся поведенія и дѣла наша, то не узритъ ни во единой какой-либо вещи здраваго дѣла“. Указавъ прежде всего на то, что около благочестивой вѣры нѣтъ забрала твердаго и пастырей бодрыхъ, которые поражали бы волка, грядуща до стада Христова („днесь мы вси не токмо отъ самыхъ волковъ, но и отъ малѣйшихъ волченятъ оборониться не можемъ“), Посошковъ говорилъ, что точно также „нижѐ во гражданскомъ, нижѐ въ поселянскомъ, ни въ воинскомъ, ни въ судейскомъ, ни въ купецкомъ, ни въ художномъ, нижѐ въ самыхъ скитающихся на улицахъ нищихъ,—и не вѣмъ такого дѣла или вещи какой, еже бъ пороку въ ней не было. Нѣсть въ насъ цѣлости отъ главы, даже и до

ногу, и живемъ мы всѣмъ окрестнымъ государствамъ въ смѣхъ и въ поношеніе. Вмѣняютъ они насъ вмѣсто мордвы, а и чуть что и не правда ихъ, понеже все у насъ худо и непорядочно". Тутъ же, въ этомъ широкомъ вступленіи Посошковъ указываетъ и на возможность „за помощію Божіею вся неисправы исправити", всѣ „кривны исправити и насадити правду, что всѣмъ во удивленіе будетъ". Преобразовательныя стремленія Петра въ то время, когда Посошковъ писалъ свою записку, очевидно, еще не вполнѣ опредѣлились, а личный характеръ царя былъ ему неизвѣстенъ, и поэтому для осуществленія коренныхъ реформъ Посошковъ предлагаетъ „великому государю" прежде всего избрать, такъ сказать, диктатора: „избрать на такое дѣло разумнаго и желательнаго человѣка и власть имѣющаго таковую, чтобъ ему никто изъ великихъ людей противенъ не былъ, но и духовнаго чина на его бъ волю склонялися".

„Книга о скудости и богатствѣ" писалась много лѣтъ спустя послѣ этой записки—въ 1721—1724 гг., когда Петръ I энергично проводилъ свои реформы, склоняя всѣхъ на свою волю, явившись какъ бы тѣмъ самымъ „разумнымъ и желательнымъ человѣкомъ", котораго ожидалъ Посошковъ. Къ его преобразовательной дѣятельности Посошковъ относится весьма сочувственно, хотя и не потому, чтобы онъ цѣнилъ самыя его реформы, но потому, что въ указахъ его узнавалъ „явнаго правдолюбца", видѣлъ ту же „презѣльную горячесть" къ общему благу, которая заставляла самого Посошкова трудиться надъ своими книгами,—„нужду свою домовную презрѣвъ". „Видимъ мы вси,—писалъ онъ,—какъ великій нашъ монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: то како дѣло его споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то сто готово" (95). „Откуду ни посмотришь,—нѣтъ у великаго государя прямыхъ радѣтелей, но всѣ судьи криво ѣдутъ" (92). За „явное правдолюбіе" Петра Посошковъ даже закрывалъ глаза на тѣ стороны его дѣятельности, которыя должны были оскорблять его старомосковское церковное міровоззрѣніе и многихъ людей того же образа мыслей сдѣлали ярыми ненавистниками Петра I. Посошковъ не могъ не знать, что Петръ является главнымъ виновникомъ распространенія въ Россіи новаго свѣтскаго міровоззрѣ-

нія, противъ котораго, какъ противъ люторской ереси, боролся Посошковъ въ „Отеческомъ Завѣщаніи“, что Петръ вводитъ ненавистныя ему „вечеринки съ богомерзкими танцами“, что онъ весьма близокъ къ нечестивымъ иновѣрцамъ, хотя, входя въ церковь, какъ бы прямо слѣдуя „Отеческому Завѣщанію“, снимаетъ парикъ [1]). Ради общаго блага онъ дѣлалъ уступку своей строгой морали, подобно тому, какъ сыну своему разрѣшалъ, не имѣя содружія съ нечестивыми иноземцами, знаться съ ними „легкостно, ради каковы потребы гражданскія“ (188).

Высоко цѣня въ Петрѣ Великомъ его „явное правдолюбіе“, его добрыя намѣренія, онъ находитъ его преобразовательную дѣятельность совершенно безуспѣшной. Сочувственно говоря о тяжкихъ трудахъ Петра, онъ нигдѣ не хвалитъ тѣхъ или другихъ изъ его реформъ и особенно настаиваетъ на томъ, что изданные имъ указы не достигаютъ цѣли: „Се бо колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ“ (96). Онъ какъ будто бы даже совсѣмъ не знаетъ о многихъ законахъ Петра, такъ какъ разсуждая о тѣхъ вопросахъ, которые Петръ пытался уже разрѣшить такъ или иначе, онъ не говоритъ ни слова о соотвѣтствующихъ указахъ (какъ, напр., о сенатѣ, коллегіяхъ, майоратѣ, военной реформѣ), хотя и пользуется многими изъ введенныхъ Петромъ новыхъ иностранныхъ терминовъ. Вполнѣ сочувствовалъ Посошковъ также и главному основанію всей преобразовательной дѣятельности Петра — заимствованіямъ у иностранцевъ. Онъ признаетъ, что у иностранцевъ „всѣ ихъ житейскіе уставы весьма добры, кромѣ вѣры“ („Зеркало“, гл. 23), и нерѣдко указываетъ на заслуживающіе подражанія добрые нѣмецкіе порядки. Но, сознавая необходимость заимствованія у иностранцевъ ихъ добрыхъ житейскихъ уставовъ, Посошковъ, однако, по реформамъ Петра не понялъ всего ихъ превосходства и необходимости, прежде какихъ бы то ни было разсужденій, внимательно ознакомиться съ иноземною жизнью. Объ этой жизни

[1]) Противъ стоянія въ церкви „въ парукѣ“ Посошковъ высказывался весьма настойчиво, приравнивая парикъ къ шляпѣ и видя въ неснимaніи парика „люторское безуміе“ („Отеч. Завѣщ.“, стр. 123). Современникъ сержантъ Кашинъ замѣтилъ, что Петръ „въ церковь никогда въ парукѣ не входитъ; снявъ, отдаетъ деньщику“ („Поступки и збавы импер. Петра Великаго“, подъ ред. В. В. Майкова. „Пам. древн. письменности“ СХ, 1895).

онъ знаетъ чрезвычайно мало для серьезнаго человѣка, жившаго въ Петербургѣ, переполненномъ иностранцами въ петровское время: или онъ пріѣзжалъ сюда лишь на короткое время, или избѣгалъ знакомства съ иноземцами, какъ ненавистными ему еретиками. Объ иноземныхъ уставахъ онъ судитъ только по неопредѣленнымъ слухамъ, какъ, напр., о цехахъ и о патентахъ. „Слухъ есть про иноземцевъ“, „а сказываютъ про иноземцевъ“—такъ онъ самъ указываетъ источники своихъ свѣдѣній. При этомъ, наравнѣ съ нѣмецкими уставами, онъ рекомендуетъ и турецкіе, обнаруживая тѣмъ самымъ малое свое знакомство съ тѣми и другими. Такъ, совѣтуя при составленіи новаго Уложенія, заимствовать статьи изъ нѣмецкихъ судебниковъ, онъ находитъ необходимымъ перевести также и „турецкій судебникъ и прочіе ихъ судебные и гражданскаго устава порядки переписать“ и принять изъ нихъ „сличные намъ“, при чемъ даже замѣчаетъ, что, какъ слышно, „всякому правленію расположено у нихъ (басурманъ) ясно и праведно, паче нѣмецкаго правленія“ (75).

Столь малое знакомство съ иноземными порядками, такъ же какъ строго церковное міровоззрѣніе клало рѣзкую грань между Посошковымъ и Петромъ I съ его ближайшими сотрудниками, которые основывались въ своей дѣятельности на знакомствѣ съ западною жизнью и усвоили вмѣстѣ съ иноземными учрежденіями также и иноземное свѣтское міровоззрѣніе. Главнымъ источникомъ преобразовательныхъ плановъ Посошкова является критика русской дѣйствительности, основанная на широкомъ знакомствѣ съ нею. Во многихъ случаяхъ, когда злу можно было помочь лишь коренною реформою, по урокамъ запада, какъ дѣлалъ Петръ, Посошковъ въ своихъ проектахъ не выходитъ изъ круга идей Уложенія царя Алексѣя Михайловича и ограничивается мѣрами, безсиліе которыхъ выяснилось еще въ предшествовавшемъ вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи, такъ же какъ по своему міросозерцанію, онъ является вполнѣ человѣкомъ XVII вѣка; стремленіе къ реформамъ и смутное сознаніе превосходства иноземныхъ уставовъ не противорѣчитъ этой характеристикѣ, такъ какъ московская Русь также постоянно реформировала старые порядки и училась, сколько могла, у иноземцевъ. Въ противоположность западникамъ—Петру и его ближайшимъ сотрудникамъ, Посошковъ былъ типичнымъ московскимъ прогрессистомъ.

Эти черты Посошкова важны для изученія какъ московской культуры, такъ и общества петровской эпохи. Какъ видно изъ не такъ давно открытыхъ проектовъ разныхъ лицъ петровскаго времени, онъ былъ типичнымъ представителемъ особой сильной партіи сторонниковъ петровской реформы, которые одинаково съ нимъ сохранили церковное міровоззрѣніе, понимали настоятельность реформъ, но лишь по наслышкѣ были знакомы съ Западомъ и въ обсужденіи реформъ поэтому исходили изъ критики русской современности. Проекты неизвѣстнаго автора „12-ти статей", Ив. Филиппова, вице-губернатора В. Ершова и другихъ во многомъ сходятся съ проектами Посошкова, а нѣкоторыя наблюденія и предложенія ихъ поразительно съ ними совпадаютъ [1]). „Книга скудости и богатства", однако, значительно превосходитъ всѣ эти проекты богатствомъ и разносторонностью содержанія, литературнымъ талантомъ и въ особенности оригинальными теоретическими разсужденіями.

„Книга о скудости и богатствѣ, сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается" закончена была 24-го февраля 1724 г. (Въ доношеніи Петру объ этой книгѣ Посошковъ называетъ ее нѣсколько иначе: „Книгой скудости и богатства"). Содержаніе ея весьма сбивчиво распредѣлено на 9 главъ: этому числу главъ,—„трикратному трикратію", придается символическое значеніе, также какъ трехлѣтнему писанію книжицы. Цѣль ея—полное преобразованіе, обновленіе Россіи. По исполненіи предложенныхъ въ ней мѣръ, „Вся наша великая Россія—говоритъ Посошковъ—обновится какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ". Авторъ разсуждаетъ въ ней: 1) о судѣ и управленіи, полицейскихъ мѣрахъ и финансахъ (налогахъ и пошлинахъ, регаліяхъ—соляной, винной и монетной), 2) и въ особенности о торговлѣ и промышленности (гл. IV и V о купечествѣ и о художествѣ), 3) о крестьянахъ и помѣщикахъ (гл. VI—VIII), о духовенствѣ и войскѣ (гл. II). Въ общихъ чертахъ книга обсуждаетъ два предмета: 1) всенародное обогащеніе, составляющее истинное царственное

---

[1]) Въ „Новыхъ Извѣстіяхъ" авторъ даетъ въ примѣчаніи ссылку на свою книгу „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго". Спб. 1897, гл. V—VII. *Ред.*

богатство, а въ связи съ этимъ и пополненіе царской казны (царскій интересъ) и 2) истребленіе всякой неправды и неисправностей. Эти два предмета: „богатство“ и „правда“ Посошковъ сознательно объединяетъ подъ общимъ заглавіемъ („Книга скудости и богатства“), такъ какъ въ „истинной правдѣ“ видитъ „невещественное богатство“ и находитъ, что „безъ насажденія правды“ нельзя „народъ весь обогатить“ (стр. 1—3).

О „закоренѣлой древней неправдѣ“, о недостаткахъ суда и управленія Посошковъ пишетъ особенно горячо не только потому, что безправіе составляло вопіющее зло времени, но и потому, что ему не разъ въ жизни пришлось потерпѣть отъ неправды. Онъ приводитъ нѣсколько яркихъ примѣровъ изъ собственной жизни. Вотъ, напримѣръ, въ 1719 г. подаетъ онъ челобитную о разрѣшеніи построить винокуренный заводъ кн. Д. М. Голицыну; это, по отзыву Посошкова, одинъ изъ лучшихъ правителей и къ тому же лично знающій челобитчика. И что же? „невѣдомо ради чего“ Посошкова берутъ подъ караулъ и держатъ цѣлую недѣлю: „А я, кажется, и не послѣдній человѣкъ, и онъ, князь Д. М., меня знаетъ, а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Кольми же паче коего мизирнаго посадятъ, да и забудутъ“ (49).—Въ 1721 г. одинъ полковникъ въ Новгородѣ, въ канцеляріи провинціальнаго суда, безъ всякой вины Посошкова, бранитъ его скверною бранью, называетъ воромъ и „похваляется посадить его на шпагу“. Посошковъ подаетъ челобитную, но не можетъ сыскать суда. „Какъ же,— заключаетъ онъ свой разсказъ,—сыщетъ судъ, кто мизирнѣе меня? Только что о обидахъ своихъ жалуйся на служивый чинъ Богу“ (35). Эта неправда, по мнѣнію Посошкова, гибельно вліяетъ на все народное благосостояніе. „Въ нѣмецкихъ земляхъ, — говоритъ онъ,—вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей: и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нимало людей не берегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ“ (71). И пока не устроится въ Россіи прямое правосудіе, то „никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы добрыя намъ не нажить: понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ... И крестьяне, оставя свои домы, бѣгутъ отъ неправды, и россійская земля во многихъ

мѣстахъ запустѣла, и все отъ неправды и отъ нездраваго и отъ неправаго разсужденія" (87). Въ виду этого „правосудное установленіе—самое есть дѣло высокое" (22),—„паче всѣхъ художествъ, на свѣтѣ сущихъ" (69). Но какъ же установить правосудіе, какъ же искоренить застарѣлую неправду, столь краснорѣчиво описанную? Необходимы радикальныя реформы. Принятыя Петромъ I мѣры недостаточны: „Се бо колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства: ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ" (96). Нужно совершенно измѣнить обветшавшіе и искаженные неправыми судьями древніе уставы (82), учинить „всѣмъ дѣламъ новый регулъ" (95): „не токмо суда весьма застарѣлаго не разсыпавъ его и подробну не разсмотря не исправить, но и хоромины ветхія не разсыпавъ всея и неразсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити" (96).

Московская Русь, въ лицѣ Посошкова, требуетъ отъ Петра I радикальной реформы и тутъ же сознается въ своемъ безсиліи указать ея основанія. Обсуждая, съ полною увѣренностью въ своихъ силахъ, вопросы церкви, нравственности, торговли и промышленности, Посошковъ, въ началѣ главы о правосудіи, сознается: „мой умъ не постигаетъ сего, како бы прямое правосудіе устроити" (46). И это никакъ не потому, чтобы ему эта область была мало знакома: ему не разъ приходилось судиться и вести дѣла въ приказахъ, и изъ той же главы о правосудіи, какъ и изъ „Отеческаго Завѣщанія" видно, что онъ досконально зналъ слѣдственный и судебный процессы его времени, какъ и канцелярскіе порядки. Онъ понималъ, что исправить эти порядки трудно, что нуженъ какой-то „новый регулъ", хотя и не сознавалъ, что этотъ регулъ можно найти только за границей. Съ оговорками о своей мизерности и простотѣ, Посошковъ, всецѣло держась порядка стараго судопроизводства, даетъ подробную инструкцію судьѣ, въ особенности настаивая на томъ, чтобы онъ былъ нравственнымъ, богобоязненнымъ человѣкомъ [1]). Нравственное увѣщаніе поддерживается

[1]) Въ „Новыхъ Извѣстіяхъ" находится слѣдующее дополненіе: «Судья долженъ каждый день, войдя въ канцелярію, осмотрѣть и разспросить всѣхъ колодниковъ, чтобы никого даромъ не держать: не довольствуясь выпиской сдѣланной подьячимъ, долженъ самъ сдѣлать выписку изъ дѣла, расписавъ винности и правости, долженъ всѣхъ истцовъ прежде всего склонять къ миру, допрашивать тонкостно самихъ истцовъ и отвѣтчиковъ, но никакъ не „наемныхъ" ябед-

угрозой великихъ штрафовъ и жестокихъ казней: „невозможно правому суду установитися, аще сто, другое судей не падетъ: понеже у насъ на Руси неправда весьма застарѣла... Аще бо коя и земля вельми задернетъ и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сѣяти; тако и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти" (86). Жестокими казнями надо вывести также и лжесвидѣтельство на судѣ: лжесвидѣтелямъ отсѣкать голову и на колы ставить при входѣ въ канцелярію „и колико лжесвидѣтелей ни явится, всѣхъ рядомъ головы на колѣ тыкать" (57).—Для улучшенія личнаго состава судей Посошковъ предлагаетъ замѣнить „для начала" высокородныхъ судей низкородными, потому что за людей изъ низкихъ чиновъ, если они согрѣшатъ, никто упрашивать не будетъ, и они будутъ больше бояться,—„высокородные же на уложеные уставы мало смотрятъ, но какъ кто восхощетъ, такъ и дѣлать будетъ по своей природной пыхѣ" (86).

Недостаточность этихъ мѣръ была вполнѣ ясна для Посошкова; онъ говоритъ, что „ни милостью, ни жесточію, ни измѣнными судьями (т.-е. перемѣною судей), ни иными каковыми вымыслы самыя правды учинить невозможно" (87). Онъ понимаетъ, что дѣло не въ новыхъ людахъ, а въ новыхъ порядкахъ, и самъ отрицаетъ значеніе предшествующихъ своихъ разсужденій: „аще и самыя жесточайшія казни высшимъ и нижнимъ судьямъ чинити, а древняго уложенія не измѣнить и всѣмъ дѣламъ новаго регула не учинить, то не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установитися" (95). Тутъ, не будучи въ силахъ намѣтить основанія „новаго регула", Посошковъ, имѣя въ виду старое испытанное средство—земскій соборъ, предлагаетъ прибѣгнуть къ „народосовѣтію", „многонародному совѣту", къ „самому вольному голосу народа". Необходимо созвать выборную комиссію для пересмотра стараго уложенія и всѣхъ статей и указовъ и для сочиненія но-

---

никовъ", и при томъ наединѣ въ „особыхъ чуланцахъ", которые слѣдуетъ сдѣлать при канцеляріи, и проч. Судья долженъ быть нравственнымъ, богобоязненнымъ человѣкомъ; по назначеніи на должность ему слѣдуетъ прежде всего позвать священника, отслужить литургію и молебенъ и просить у Господа со слезами откровенія въ дѣлахъ; онъ долженъ быть нелицепріятнымъ, судить безпристрастно какъ богатыхъ, такъ и убогихъ, и „за обидимаго" самъ быть стряпчимъ, отнюдь не брать гостинцевъ,—„понеже мзда заслѣпляетъ и мудрому очи"» (66).

ваго судебника, избравъ по 2—по 3 человѣка изъ всѣхъ чиновъ, отъ духовенства, гражданства и высокаго чина, приказныхъ людей, дворянства, купечества, боярскихъ людей, фискаловъ, а также и изъ крестьянъ. Кромѣ русскихъ законовъ, комиссія должна воспользоваться также нѣмецкими судебниками и турецкимъ (75, 76). Пункты, сочиненные выборными людьми, должны быть „освидѣтельствованы всѣмъ народомъ самымъ вольнымъ голосомъ".

Какимъ путемъ должно быть произведено это освидѣтельствованіе, Посошковъ не говоритъ и спѣшитъ оправдаться отъ возможнаго обвиненія, якобы онъ „самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаетъ", объясняя, что въ такомъ дѣлѣ обойтись „безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ совершеннаго разумѣнія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его" (76, 77). При составленіи новаго пространнаго Уложенія, какъ Посошковъ надѣется, будутъ разсмотрѣны и „моего малосмыслія объявленныя дѣла" (78). Хотя Посошковъ говоритъ опредѣленно о „судебникѣ" и о „судебной книгѣ", но, кажется, онъ по старому тѣсно соединяетъ судъ съ управленіемъ и подъ судебникомъ разумѣетъ собраніе законовъ, также какъ онъ часто называетъ всякихъ управителей судьями. Повидимому, его выборная комиссія должна была не только составить уложеніе о наказаніяхъ и уставъ судопроизводства, но и обсудить реформы всего государственнаго управленія. По крайней мѣрѣ онъ нѣсколько разъ говоритъ, что нужно вообще „измѣнить древніе порядки" (95), что „древніе уставы всѣ обветшали и исказились" (87), что прямого правосудія не будетъ,—„аще суду и всякому правленію, како его правити, совершеннаго основанія письменнаго не учинить" (79),—„аще прежде не сочинить всякимъ великимъ и малымъ дѣламъ расположенія недвижимаго сочиненіемъ особливымъ" (87). Предоставляя „многонародному совѣту" реформу суда и управленія, Посошковъ могъ проектировать только одно учрежденіе: „особливую канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный царю" и какъ „око Царево, вѣрное око, за всякими правителями смотрѣлъ властительно" (80).

На ряду съ изложенными соображеніями объ общей государственной реформѣ, особенный интересъ представляютъ общія разсужденія Посошкова о народномъ и царственномъ богатствѣ и о

купечествѣ. Если рѣчи его о радикальной реформѣ всѣхъ обветшавшихъ древнихъ уставовъ важны для исторіи общества петровскаго времени, то разсужденія его по основнымъ вопросамъ политической экономіи весьма любопытны для начальной исторіи этой науки и для характеристики личности Посошкова, его ума. Безъ малѣйшаго вліянія зарождавшейся въ то время на Западѣ экономической науки, онъ самостоятельно выясняетъ нѣкоторыя главныя начала народнаго хозяйства,—„заслуживъ себѣ славу, какъ выражается Брикнеръ, перваго русскаго писателя-экономиста". Разсужденія его по этимъ вопросамъ, конечно, кратки и элементарны, но столь-же элементарны были опыты первыхъ западныхъ писателей-экономистовъ, и такія элементарныя сужденія требуютъ во всякой зарождающейся наукѣ большихъ усилій мысли. Ясность сужденій и мѣткость языка его весьма замѣчательны; „сила таланта, какъ замѣчаетъ А. Миклашевскій, становится еще болѣе очевидной, при сравненіи книги его съ бѣдными по мысли и языку произведеніями такъ называемыхъ меркантильныхъ теоретиковъ, особенно нѣмецкихъ". Истинное государственное богатство, какъ мѣтко разъясняетъ Посошковъ, состоитъ не въ финансахъ, а въ благосостояніи народа, и государство должно пещись прежде всего о богатствѣ народа, а не о фискальныхъ своихъ интересахъ. „Собранію царскихъ сокровищъ", „царскому интересу" онъ посвящаетъ особую, послѣднюю главу, а въ остальныхъ разсуждаетъ о „всенародномъ обогащеніи". „Не то царственное богатство—говоритъ онъ—еже въ царской казнѣ лежащія казны много, нижѐ то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ" (2); „Сіе дѣло невеликое и весьма нетрудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ..., но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить" (3). „Въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому" (71). Онъ нѣсколько разъ различно повторяетъ эту мысль и близко подходитъ къ знаменитой формулѣ физіократовъ: „pauvre paysan—pauvre royaume—pauvre roi": „крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—

оскудѣніе царственное". Однако,—„крестьянскому богатству"— „pauvre paysan"—онъ не придаетъ такого первенствующаго значенія, какъ физіократы, хотя и говоритъ, что при правильномъ расположеніи налоговъ „земля" была бы „самымъ гобзовитымъ (изобильнымъ) данникомъ великому монарху и никогда измѣны бы ему не было" (8). Онъ настаиваетъ на необходимости заботиться о благосостояніи всѣхъ классовъ и все же особенное значеніе придаетъ торговлѣ,—„купечеству", защищая купечество отъ несмысленныхъ людей, гнушающихся имъ, и говоря, что имъ всякое царство богатится и украшается (6, 112). При этомъ, подобно меркантилистамъ, онъ обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнюю торговлю и считаетъ, одинаково съ ними, важнѣйшею задачею торговой политики поощреніе вывоза продуктовъ промышленности и ограниченіе привоза иностранныхъ товаровъ, и мечтаетъ о возможности скораго торжества русской промышленности надъ иностранною. Весьма заботится при этомъ Посошковъ о выгодномъ торговомъ балансѣ, обнаруживая ясное понятіе объ отношеніи между привозомъ и отпускомъ товаровъ; онъ настаиваетъ на поощреніи отечественной промышленности для того, чтобы при покупкѣ иностранныхъ продуктовъ „деньги изъ царства вонъ не выходили", и объясняетъ, что если табакъ у насъ заведется и размножится, то „тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у насъ въ Руси; а если за море отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться" (132). Съ общей точки зрѣнія народнаго хозяйства Посошковъ цѣнитъ экономическое значеніе времени, цѣнитъ потерю рабочихъ силъ, требуетъ мѣръ противъ нищихъ и лѣнтяевъ-лежебоковъ. Какъ настоящій экономистъ-теоретикъ, Посошковъ говоритъ о тѣсной связи между богатствомъ и государственнымъ устройствомъ, опредѣляя „правду", какъ „невещественное богатство" (см. выше).

Практическаго значенія разнообразные проекты Посошкова не имѣли. Какъ свободный мыслитель, онъ развивалъ широкіе и смѣлые планы реформъ, не соображаясь съ наличными средствами государства и требуя такихъ глубокихъ и разностороннихъ преобразованій, какія не подъ силу были даже и Петру Великому. Рядомъ съ важными реформами, онъ часто придаетъ большое значеніе и мѣрамъ малосущественнымъ, какъ, напримѣръ, установленію различныхъ форменныхъ одеждъ для всѣхъ классовъ. Въ

бюрократической опекѣ и регламентаціи, свойственныхъ эпохѣ, онъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Среди различныхъ проектовъ Посошкова обращаютъ на себя вниманіе многія его мысли, которыя далеко опережали время и осуществлены были или много десятилѣтій спустя, или не исполнены и до сихъ поръ, составляя очередныя задачи нашего времени. Еще въ 1840-хъ годахъ „Книга о скудости и богатствѣ“ печаталась съ большими цензурными затрудненіями, такъ какъ въ ней идетъ рѣчь о возможности освобожденія крестьянъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ берегутъ, а прямый ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно“ (183). Для своего времени Посошковъ находилъ необходимымъ совершенно и навсегда отдѣлить крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ и точно опредѣлить размѣры крестьянскихъ повинностей. Лишь черезъ 70 лѣтъ правительство сдѣлало первую слабую попытку ограниченія помѣщичьей власти въ этомъ направленіи закономъ о числѣ барщинныхъ дней. Военные писатели удивляются мыслямъ Посошкова по военному дѣлу, также далеко опережавшимъ свое время: „Нельзя не подивиться смѣтливости Посошкова: онъ, вопреки мнѣніямъ лучшихъ тактиковъ своего времени, возстаетъ противъ безсознательныхъ дѣйствій плотно сомкнутаго строя и высказываетъ мысль объ одиночномъ развитіи солдата,—мысль, которую стали осуществлять не только у насъ, но и во всей Европѣ, еще слишкомъ въ недавнее время“ („Военн. Сборн.“ 1859). Разсужденія Посошкова о раціональномъ лѣсномъ хозяйствѣ весьма замѣчательны потому, что даже на Западѣ наука лѣсоводства развилась позднѣе появленія его книги; въ наблюденіяхъ и предложеніяхъ его о рыболовствѣ Брикнеръ указалъ цѣлый рядъ совпаденій съ научнымъ изслѣдованіемъ Бэра и съ рыболовнымъ уставомъ 1859 г. Изъ многихъ мыслей Посошкова, которыя и въ наши дни, 180 лѣтъ спустя послѣ появленія „Книги о скудости и богатствѣ“, не потеряли своего жизненнаго значенія, указать достаточно на его проектъ всеобщаго обязательнаго обученія: „Паки немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю, не худо бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе,

чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ года на три или на четыре“ (176).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія Посошкова въ XVIII вѣкѣ были довольно широко распространены въ спискахъ; въ настоящее время извѣстно 6 списковъ Книги скудости и богатства. Въ 1752 г. книга эта была переписана для Академіи Наукъ по предложенію Ломоносова, который, видимо, интересовался Посошковымъ и въ 1756 г. предложилъ Академіи снять копіи также съ рукописи трехъ его доношеній митроп. Стефану Яворскому. Въ 1772 г. Новиковъ упомянулъ о Посошковѣ, какъ авторѣ Книги скудости и богатства, въ Опытѣ историч. словаря о росс. писателяхъ. Въ 1793 и 1815 гг. впервые напечатаны были двѣ небольшихъ записки Посошкова, а главныя его сочиненія впервые появились въ 1842, 1863 и 1873 гг.

Записка О ратномъ поведеніи, 22-го августа 1701 г., напечатана въ книгѣ: Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова боярину Ѳ. А. Головину 1701 г.; съ присовокупленіемъ Отеческаго завѣщательнаго поученія посланному для ученія въ дальнія страны юному сыну, писанное въ 1708 г. Иждивеніемъ Ѳ. Розанова. М. 1793. Вторично, по автографу Посошкова, напечатана Погодинымъ въ Сочиненіяхъ Посошкова, 1842 г. Второй автографъ первоначальной неполной редакціи изданъ С. А. Бѣлокуровымъ въ Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1888 г. кн. 2, и въ его Матер. для русской исторіи, М. 1888 г., стр. 522. (Это изданіе, между прочимъ, важно тѣмъ, что возстановляетъ пробѣлъ рукописи, напечатанной Погодинымъ: стр. 265 „амалики“).

Три письма или доношенія митрополиту Стефану Яворскому. Первое изъ нихъ, 1704 г., о необходимости составить и издать поученіе о вѣрѣ для народа, напечатано впервые К. Калайдовичемъ, подъ названіемъ Доношеніе Ивана Посошкова, въ сборникѣ Русскія Достопамятности, изд. Общ. Ист. и Древн. Росс., ч. I., М. 1815. Вновь издано М. Погодинымъ, въ Сочиненіяхъ И. Посошкова. М. 1842 г.—Второе доношеніе, объ устройствѣ академіи и епархіальныхъ училищъ и другихъ мѣрахъ для улучшенія священнаго чина (напис. до 1708 г.) и третье, о заведеніи церковныхъ приходскихъ книгъ для искорененія расколовъ и ересей (напис. до 1710 г.), впервые напечатаны, вмѣстѣ съ первымъ доношеніемъ, въ 1899 г. въ Изв. отд. русскаго языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ т. IV, кн. 4, стр. 1411 (и отдѣльно): Сборникъ писемъ И. Т. Посошкова къ митр. Стефану Яворскому, сообщилъ В. И. Срезневскій. Раньше они были извѣстны по подробному обзору ихъ содержанія въ статьѣ Е. Прилежаева: О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова—Христ. Чтеніе 1878 г. №№ 1, 2 и по выдержкамъ въ статьѣ А. Брикнера: Мысли Посошкова о религіи и церкви—Русскій Вѣстникъ 1878 г. № 6.

Книга о скудости и богатствѣ напечатана въ изд. Сочиненія Ив. Посошкова, изданы на иждивеніи М. Общ. Ист. и Древн. Росс. М. Погодинымъ. М. 1842 г. Здѣсь же помѣщены, какъ помянуто выше, Записка о ратномъ поведеніи и первое доношеніе митр. Стефану Яворскому. Кромѣ того, здѣсь помѣщено, ошибочно приписанное Посошкову, небольшое Отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальнія страны юному сыну (напечат. раньше въ помянутомъ выше изд. Розанова 1793 г.). Что оно не могло быть написано Посошковымъ, выяснилъ Брикнеръ въ ст. О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову—Русскій Вѣстникъ, 1874 г., № 8, стр. 798.

Зеркало очевидное, въ его сокращенной редакціи, подъ заглавіемъ: Зерцало безыменнаго творца, на раскольниковъ обличеніе, напечатано М. Погодинымъ во 2-й части Сочиненій Ив. Посошкова М. 1863 г. Въ приложеніи Погодинъ напечаталъ записку 1725 г. М. Аврамова, ошибочно приписавъ ее Посошкову, и въ предисловіи самъ оговорилъ свою ошибку. (Эта записка, подъ названіемъ: Два неизвѣстные проекта Посошкова, раньше была издана И. К. Купріяновымъ: Отеч. Записки 1856 г., № 3. т. CV, стр. 59—73).—Полная редакція Зеркала издана пока невполнѣ: Зеркало очевидное И. Т. Посошкова. Редакція полная, по рукописному списку, хранящемуся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи. Издалъ проф. А. Царевскій. Вып. I, Каз. 1898 (глава I—XIV). Продолженіе, выпускъ II, глава XV—XVIII въ приложеніи къ Православному Собесѣднику 1904 г., №№ 1—4. Обозрѣніе ея и обширныя выписки изъ 23-й главы противъ протестантовъ помѣщены въ изслѣдованіяхъ А. А. Царевскаго и Е. М. Прилежаева (см. ниже).

Завѣщаніе отеческое по неполной рукописи, содержащей только первыя 6 главъ, напечатано А. Н. Поповымъ: Завѣщаніе отеческое къ сыну, сочин. И. Посошкова М. 1873 г. Полная редакція—всѣ 9 главъ изданы комиссіею для описанія Архива Свят. Правит. Синода: Завѣщаніе Отеческое, сочин. И. Т. Посошкова, новое изд., дополненное вновь открытою половиною Завѣщанія, подъ редакціей Е. М. Прилежаева, Спб. 1893 г.

Письмо о денежномъ дѣлѣ, поданное правительству до 1701 г., извѣстно единственно изъ словъ Посошкова о немъ въ доношеніи о ратномъ поведеніи (Сочиненія, 1843 г., стр. 291).—Доношеніе о новоначинающихся деньгахъ 1718 г. извѣстно также единственно по сообщенію Посошкова о немъ въ Книгѣ скудости и богатства (Сочиненія, 1843 г., стр. 250, 255. См. выше, въ текстѣ). Цитированное въ текстѣ по рукописи Госуд. Архива доношеніе, написанное до 1704 г. (О исправленіи всѣхъ неисправъ) извѣстно было доселѣ лишь по краткому и неопредѣленному сообщенію П. Пекарскаго о „собственноручномъ представленіи Посошкова къ неизвѣстному лицу о необходимости распространенія въ русскомъ народѣ свѣдѣній о благочестивой вѣрѣ (Зап. Имп. Акад. Наукъ т. V, кн. I, 1864 г. стр. 242). Пекарскій такъ обозначилъ ея содержаніе потому, что Посошковъ, послѣ широкаго вступленія о реформахъ вообще, разсмотрѣлъ въ этой, явно неоконченной, запискѣ только первый изъ намѣченныхъ имъ вопросовъ, а

именно, вопросъ о томъ, какъ „уплести оплотъ благочестивые вѣры добрымъ мастерствомъ, дабы сквозь его скваженъ не было".

Это доношеніе, вмѣстѣ съ нѣсколькими неизданными и отчасти цитованными въ этой статьѣ бумагами Посошкова изъ Госуд. Архива, печатается мною въ Изв. Отд. руск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ 1904 г. [1]). Хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ Книга о размѣреніи земли пашенной, списана при Академіи Наукъ 1755 г. (Каталогъ Соколова 1818 г. № 105), совершенно неправильно приписывается Посошкову и представляетъ собою Книгу сошнаго письма XVII вѣка.

Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ извлекаются въ значительной части изъ его сочиненій. Весьма важный матеріалъ даютъ его дѣловыя бумаги сохранившіяся въ дѣлахъ Тайной канцеляріи Госуд. Архива и напечатанныя Г. В. Есиповымъ (Иванъ Посошковъ, въ Русскомъ Словѣ, 1861 г., № 6), и Погодинымъ, по копіямъ Пекарскаго, въ предисловіи ко 2-й части сочиненій Посошкова. На основаніи этихъ данныхъ и нѣкоторыхъ другихъ составленъ біографическій очеркъ Посошкова М. Погодина въ предисловіи къ 2-ой части его Сочиненій. Весьма обстоятельная біографія, основанная, главнымъ образомъ, на тщательномъ пересмотрѣ того же матеріала, помѣщена въ предисловіи Е. М. Прилежаева къ Отеч. Завѣщанію (см. выше).

Библіографія, касающаяся Посошкова, чрезвычайно обширна. Списокъ статей о Посошковѣ (№ 83) помѣщенъ И. С. Ремезовымъ въ Матер. для истор. народн. просв. въ Россіи. Самоучки. Спб. 1886 г. Обстоятельныя библіографическія указанія, съ обзоромъ всѣхъ сочиненій и біографіей, приведены въ помянутомъ предисловіи Е. Прилежаева къ Отеч. Завѣщанію. Укажу здѣсь лишь главнѣйшіе труды: А. Брикнеръ, Иванъ Посошковъ, ч. I: Посошковъ, какъ экономистъ. Спб. 1876 г. (перепечатка изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., № 9, 10, 1876 г., №№ 1—5, 7). Его же, Мнѣнія Посошкова. М. 1879 г. (изъ статей: Мнѣнія Посошкова о войскѣ, о судопроизводствѣ и законодательствѣ: Русскій Вѣстникъ 1876 г., №№ 3, 6). Его же, Iwan Possoschkow, Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen. Leipzig. 1878 г.—А. Царевскій, Посошковъ и его сочиненія, М. 1883 г.—Н. Н. Обручевъ. Обзоръ рукоп. и печ. пам., относящихся до военнаго искусства въ Россіи—Военный Журналъ 1853 г., № 5 и отд.; К. Кемпцъ, Предположенія о лучшемъ устройствѣ русскаго войска, сдѣланныя въ началѣ XVIII столѣтія.—Военный Сборникъ, 1859 г., № 4; Е. П. Карновичъ. Крестьяне и помѣщики по идеямъ И. Посошкова, русскаго мыслителя въ началѣ XVIII в.—Соврем. 1858 г., № 10, приложеніе IV. — И. Т. Тарасовъ, Иванъ Посошковъ — Юридическій Вѣстникъ 1880 г. № 10, стр. 179; В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1888 г., стр. 182—183.—А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. III, изд. 2, 1902 г., стр. 211; П. Н. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, вып. 2, 1903 г., стр. 197.—Н. П. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ зап. соврем. Петра Великаго, 1897 г., гл. V, VI.

[1]) См. слѣдующую статью этой книги.

Новыя извѣстія о Посошковѣ [1]).

Печатаемое ниже „Доношеніе о исправленіи всѣхъ неисправъ“ извѣстно было лишь по краткому сообщенію о немъ Пекарскаго, въ протоколахъ Академіи Наукъ за май и іюнь 1864 г. Пекарскій сообщилъ кратко объ этомъ доношеніи, какъ о „собственноручномъ представленіи Посошкова къ неизвѣстному лицу о необходимости распространенія въ русскомъ народѣ свѣдѣній о благочестивой вѣрѣ“ [2]). По этому указанію оно упоминается въ числѣ неизданныхъ сочиненій Посошкова—Прилежаевымъ и проф. Царевскимъ [3]). Пекарскій, какъ замѣчено въ протоколахъ Академіи, предполагалъ это доношеніе вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, касающимися Посошкова,—„препроводить къ профессору московскаго университета Н. С. Тихонравову для напечатанія ихъ въ изданіи „Лѣтописей русской литературы и древности“, но почему-то не исполнилъ этого своего намѣренія. Повидимому, онъ не напечаталъ записки Посошкова,—потому что не оцѣнилъ ея значенія, обративъ вниманіе лишь на конецъ ея, содержащій, дѣйствительно, предположеніе о „распространеніи въ русскомъ народѣ свѣдѣній о благочестивой вѣрѣ“.

Собственноручная записка Посошкова представляетъ собою, какъ видно изъ вступленія, начало обширнаго разносторонняго

---

[1]) См. первое примѣчаніе къ предыдущей статьѣ.

[2]) „Зап. Имп. Акад. Наукъ“, 1864, т. V, кн. 1, стр, 243—244.

[3]) Е. Прилежаевъ. „Завѣщаніе отеческое“ И. Т. Посошкова, Спб. 1893, стр. LXXV—А. А. Царевскій, „Зеркало очевидное“, Каз. 1898, вып. I, стр. XIII.

сочиненія. Она написана на листѣ бумаги, оборотъ котораго исписанъ только вверху. Сопоставивъ ее съ первымъ доношеніемъ Посошкова къ митрополиту Стефану Яворскому [1]), легко убѣдиться, что она написана раньше этого доношенія, составленнаго въ первой половинѣ 1704 г. О томъ же свидѣтельствуетъ мысль объ избраніи для реформы „разумнаго и желательнаго человѣка", облеченнаго неограниченною властью.

Какъ это доношеніе Посошкова, такъ и другія его бумаги, печатаемыя ниже, извлечены изъ дѣла Государственнаго Архива, составленнаго изъ бумагъ Тайной Канцеляріи. Важнѣйшія бумаги этого дѣла напечатаны были Г. В. Есиповымъ въ 1861 г. въ статьѣ „Иванъ Посошковъ" [2]) и частью перепечатаны отсюда, частью изданы вновь М. Погодинымъ въ предисловіи ко 2-ой части Сочиненій Ив. Посошкова (М. 1863). Изъ остальныхъ извѣстны были лишь по краткому упоминанію Пекарскаго: 1) письмо къ Посошкову племянника его, жившаго на его водочномъ заводѣ, отъ 20 іюля 1725 г., 2) собственноручный счетъ Посошкова на постройку горницы на аптекарскомъ дворѣ 1700 г., 3) видъ, данный Посошковымъ 19 іюня 1725 г. одному изъ его крѣпостныхъ [3]). Точно также лишь по краткому сообщенію Есипова извѣстны были: 4) нѣсколько купчихъ крѣпостей на дома и деревни, пріобрѣтенные Посошковымъ въ 1718—1724 гг..

Совершенно неизвѣстны были, даже по какимъ-либо упоминаніямъ, только что въ прошломъ году извлеченные изъ неразобранныхъ полуистлѣвшихъ бумагъ тайной канцеляріи, хранящихся въ Государственномъ архивѣ: 1) доношеніе Посошкова Петру I о „Книгѣ скудости и богатства", въ собственноручной его первоначальной редакціи, 2) собственноручный его черновикъ прошенія его по тяжебному дѣлу съ помѣщикомъ С. Ѳ. Линевымъ, 3) письмо къ нему ямбургскаго мастера Каженкова 12 мая 1725 г.

Всѣ эти бумаги имѣютъ значеніе для біографіи Посошкова. Въ особенности же любопытно длинное письмо его племянника,

---

[1]) В. И. Срезневскій,—„Сборникъ писемъ И. Т. Посошкова къ митр. Стеф. Яворскому": „Изв. отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ", 1899, т. IV, кн. 4 (и отд.). См. параллельныя цитаты изъ этихъ писемъ въ концѣ записки, ниже.

[2]) „Русское Слово" 1861, іюль, стр. 1—23.

[3]) См. цитированные выше протоколы Акад. Наукъ за 1864 г.

живо рисующее скромное хозяйство имѣнья Посошкова, а также нравы помѣщиковъ того времени. Сосѣдъ Посошкова, помѣщикъ Линевъ, съ которымъ у него была тяжба изъ-за пустоши Типолово, приказываетъ своимъ крестьянамъ, чтобы они, гдѣ ни словятъ его племянника,—„убили до смерти". Управлявшій имѣньемъ, племянникъ Посошкова, ѣдетъ на спорную пустошь смотрѣть, какъ хозяйничаетъ на ней неправильно завладѣвшій ею сосѣдъ Линевъ,—тайкомъ отъ крестьянъ, въ праздникъ: „а ежели бы при нихъ поѣхалъ, то бы меня убили до смерти: и послѣ его крестьяне тужили, что меня не застали бить на пустоши". Однажды, когда онъ ѣхалъ мимо имѣнья своего врага, крестьяне,—пишетъ онъ,—„меня стащили съ лошади и хотѣли прибить до смерти обухомъ, да плахами, и я у нихъ насилу вырвался и уѣхалъ домой черезъ деревню Ѳолелѣево и черезъ рѣку Уверъ вплавь на заводъ".

Любопытна также и вновь открытая первоначальная редакція доношенія Посошкова Петру Великому о „Книгѣ скудости и богатства". Листокъ съ этимъ доношеніемъ частью истлѣлъ, но все же сохранился лучше, чѣмъ листокъ съ другой редакціей того же доношенія, напечатанной Погодинымъ съ большими пробѣлами въ предисловіи ко 2-й части Сочиненій Посошкова. Въ печатаемой здѣсь редакціи попорчены только немногія слова, которыя легко возстанавливаются. Сравненіе двухъ редакцій доношенія показываетъ, какъ тщательно Посошковъ работалъ надъ стилемъ. Первоначальная редакція болѣе сжатая и болѣе выразительная; вторая—пріукрашена сообразно литературному вкусу времени.

Извлеченія изъ купчихъ даютъ точныя свѣдѣнія о двухъ небольшихъ имѣньяхъ Посошкова: 1) сельцѣ Марьинѣ въ Кашинскомъ уѣздѣ и 2) деревняхъ Закарасиньѣ и Матвѣевой съ пустошьми въ Устрицкомъ погостѣ (волости) Бѣжецкой пятины (въ Боровичскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи), которыя пріобрѣтались имъ постепенно съ 1719 по 1725 г. Въ общихъ чертахъ недвижимое имѣнье Посошкова описано въ слѣдующемъ „экстрактѣ" тайной канцеляріи 1726 г. [1]):

---

[1]) Дѣло Гос. Архива. Сравн. болѣе подробное, но сохранившееся безъ конца показаніе Посошкова о его имѣніяхъ, напечатанное въ Сочиненіяхъ И. Посошкова, ч. II, стр. XXXVIII, XXXIX.

„Купецкой человѣкъ Иванъ Посошковъ о имѣніяхъ своихъ показалъ:

„Недвижимаго у него, Ивана, имѣнія въ Санктъ питеръ бурхѣ дворъ, данъ 400 рублевъ.—Въ Новѣ городѣ одинъ дворъ, данъ 50 рублевъ, другой, 50 рублевъ.—Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Бѣжецкой пятинѣ, полдеревни Закарасенья, деревня Матвѣева съ пустошьми, крестьянъ мужеска полу душъ съ 30; четвертной пашни коликое число, не помнитъ.—При тѣхъ деревняхъ, въ Устрицкомъ погостѣ, на церковной землѣ винные его заводы, въ которыхъ было 14 кубовъ варенья вину; года съ три нѣтъ; стали ему въ 1000 рублевъ и больше.—Въ Кашинскомъ уѣздѣ сельцо Марьино, дворъ помѣщиковъ, въ немъ дѣловыхъ людей душъ съ 20; пашни четвертей съ 30; дано 750 рублевъ.—Всѣ деревни и пустоши купилъ на свое имя у разныхъ помѣщиковъ, и купчія въ вотчинной коллегіи явлены, и пошлины приняты, и на купчихъ подписано.—Болѣе того, за нимъ, Иваномъ, недвижимаго имѣнія нѣтъ“.

Съ давняго времени Посошкову приписывается рукописная „Книга о размѣреніи земли пашенной“, хранящаяся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Она указана въ числѣ сочиненій Посошкова въ Каталогѣ Соколова 1818 г. (подъ № 105), и, по сообщенію Погодина, приписывалась Посошкову еще Ломоносовымъ („Моск. Вѣд.“ 1864, № 47).—Но достаточно бѣглаго ознакомленія съ этою рукописью, чтобы убѣдиться, что она никоимъ образомъ не принадлежитъ Посошкову. 1) По содержанію своему она представляетъ собою книгу сошнаго письма XVII вѣка, содержа въ рядѣ коротенькихъ главъ извѣстные ариѳметическіе расчеты сошнаго письма доброй, средней и худой земли, правила одобриванія худой земли съ наддачею, указаніе, какъ „писать въ сошное письмо тяглыхъ, посацкихъ людей и слобоцкихъ дворцовыхъ, которые живутъ въ избушкахъ на тяглыхъ же мѣстахъ, поскольку человѣкъ въ соху кладется лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей“ и проч. 2) Это старое сошное письмо не имѣетъ ничего общаго съ предположеніями Посошкова (изложенными въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, глава VIII) о размежеваніи земель „по недвижнымъ признакамъ и по компасу“ и о составленіи чертежей всѣмъ межамъ. 3) Тяжелый переводный слогъ коротень-

каго введенія книги совершенно не похожъ на ясный и мѣткій стиль Посошкова.

I. Доношеніе о исправленіи всѣхъ неисправъ (до 1704 г.)

По собственноручному неоконченному черновику И. Т. Посошкова *).

┼

Аще [1]) кто восхощет умныма очима воззрѣти на житіе наше
православно россійское и на вся поведѣнія и дѣла наша, то не I
узрит ни во единой какой любо вещи [2]) здраваго дѣла. Въ началѣ
вѣра наша [3]) благочестивая аще и правая, и яко солнце во вселен-
ней сіяющая, паче всѣх развратившихся вѣр, обаче забрала около
ея нѣт, ниже пастырей бодрых, и того ради мнози волцы, от
пустыни приходяще, стаду Христову касаются и терзают. И аще б
и забрала твердаго не было, а пастыри б были бодры и крѣпки,
то бы узрѣв волка, грядуща до стада Христова, не допустили, и II
либо его поразили, или въспять возвратили. Днесь же мы вси не
токмо от самых волков, но и от малейших волченят оборонитися
не можем. Во всем духовенстве и иночестве прямого, здраваго
дѣла нѣт. Ни во церквах прямого порядка не обрящеши, ниже
во чтеніи и пѣніи, ниже во гражданском, ниже в посѣлянском, III
ни в воинском, ни в судейском, ни в купецком, ни в художном **)
(ниже в самых скитающихся по улицам нищих) [4]), и не вѣм
таковаго дѣла или вещи какой, еже б пороку в ней не было [5]).
Нѣсть в нас в цѣлости от главы даже и до ногу, и живем мы
всѣм окрестным государствам в смѣх и в поношеніе. Въмѣняют
они нас вмѣсто мордвы, а и чють что и не правда их, понеже IV
везде у нас худо и непорядошно.

---

[1]) Зачеркнуто: „нет у нас". [2]) Зачеркнуто: „единомъ любо какомъ дѣлѣ". [3]) Зачеркнуто: „аще и". [4]) Слова въ скобкахъ—въ выноскѣ на оборотѣ. [5]) Зачеркнуто: „а вся сія за благодатію Божіею исправити возможна суть".

*) Печатается съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника. Буквы „ъ" въ концѣ словъ Посошковъ не писалъ, когда послѣднія буквы словъ писалъ надъ строкою подъ титломъ. Отступленіе отъ подлинника допущено въ знакахъ препинанія.

**) „Художное дѣло" — „художество" — мастерство. „Художественныя мастерства" („Книга о скуд. и богатствѣ").

А [6]) за помощію Божіею вся б неисправы исправити было возможно. И так нам [7]) русь свою мочно исправити во утверждении вѣры, что никакіе воды [***]) не поколеблют ее, ниже львы, а не то что волченята вредити могут; и во благочиніи духовном, и дѣлех воиских, и во гражданских, и в посѣлянских, и вся яже
V суть нынѣ в нас кривины исправити и насадити правду, что всѣм во удивленіе будет. Точію на сіе великое и велехвальное
VI дѣло надобна воля со желаніем великаго государя. И еже б избрать на такое дѣло разумнаго и желательнаго человѣка и власть имѣющаго таковую, чтоб ему никто из великих людей противен не был, но и духовнаго чина на его б волю слагалися, и естли сія вся тако великій государь состроит, то вѣмъ еже под солнцем другаго такова славнаго, и богатаго, и храбраго государства не
VII обрящется, и вся прежде бывшая наша поношенія обратятся въ возвышенія и славу.

Оплот же около благочестивые вѣры доведетца уплести добрым мастерством, дабы сквоз ево скважен не было. Так твердо надобно его утвердити, дабы и вѣтры навѣта діаволя и воды еретическаго плетенія [8]) непоколебали, ниже бы волцы, или лиси, или змиеве прополсти сквозѣ ея возмогли. И того ради на такое великое и нужное дѣло надобно понудити мудрых и худогих [****])
VIII людей, дабы они всю нашу благочестивую вѣру изяснили, како она содержится, и гдѣ, и от кого началась, и како литоргія состроена, первая, и вторая, и третія, и како послѣдняя, и от кого коя сочинена, и в коликих лѣтех, и как иночество учинено, и как посты учинены, и когда, и для чего, и когда кои ереси востали, и как
IX кои исчезли, и что коей ереси вина, и как Рим отпал, и как люторы и калвины, и иные всякіе еретическіе вѣры отчего начались, и давно ль, и что коей ереси вина, и что несходства с нашею Христіанскою вѣрою у коих вѣрь. И написали б всѣх что ни было на свѣте ересей, и елико нынѣ есть, и колико законов римских обрѣтается, обо всем бы описать имянно [9]) достовѣрным свидѣтельством, и что наша правость перед ними всѣми. А по-

---

[6]) Въ подлинникѣ въ строку. [7]) Зачеркнуто: „благочестивую“. [8]) Исправлено вмѣсто „воды еретическія“. [9]) Зачеркнуто: „съ очисткою“.

***) „Воды“ ср. ниже „воды еретическаго плетенія“.

****) Худогихъ ср. выше „художное дѣло“.

том жидовьскую [10]) и махометскую вѣру и что есть бесурманских разных вѣрь, для подлиннаго вѣдомства написат бы обо всем подлинно ж, дабы мы в том новом оплоте вся вѣры и развраты X видѣли ясно, яко в зерцалѣ.

А без сицѣваго оплота трудно нам жить. Хотя малой робенок вопросит нас о вѣре и мы, и в лѣтех сущіе, отвѣту дать не XI знаем, и чем их вѣру уличить, того и на мысль нашу не нахаживало, понеже не знаем их ересей. И того ради надобно с великим тщаніем о сем потщатися, дабы всѣ их вины и неправду, а нашу правду изяснить самым явным описаніем.

Параллельныя мѣста изъ сочиненій Посошкова.

(I-е и II-е письма къ митроп. Стефану Яворскому. Книга о скудости и богатствѣ. Зеркало очевидное).

I. А наипаче мы, россіане, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своея, какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ къ пользѣ душевной творить, не разумѣемъ, но живемъ чуть не подобны безсловеснымъ (I письмо, 6).—У насъ въ Руси неправда вельми застарѣла... Древніе уставы всѣ обветшали (О скудости и богатствѣ, 86, 82).

II. И не обрѣтается въ насъ ни знака христіанскаго, кромѣ того, что мы токмо именемъ слывемъ христіаны... Всему же сему глава отъ ненаученія священническаго (I письмо, 14.)—Ей, государь, отъ неученыхъ и отъ пьяныхъ священниковъ благочестивая наша вѣра обругана (II письмо, 28).—Надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе приложити, дабы пресвитеры были всему благочестію опора, и отъ ересей забрало и отъ адскихъ волковъ оборона, и людей Божіихъ отвлачили бъ отъ погибельныхъ вратъ (О скудости и богатствѣ, 10).

III. О духовныхъ дѣлахъ и о воинскихъ, и о судейскихъ, и о купеческихъ, и о художныхъ, и о истребленіи разбойниковъ, и о удержаніи бѣглыхъ людей, и о земляныхъ дѣлѣхъ, и о крестьнствѣ, и о нетрудномъ умноженіи и собраніи казны (О скуд. и бог., 258).—Вся наша великая Россія обновится, какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ (Тоже).—Нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ, что въ колодникахъ (отпускаемыхъ для собиранія милостыни) пройти невозможно! (О скудости и богатствѣ, 109).

IV. Я аще и не бывалъ во иныхъ странахъ, обаче не чаю нигдѣ таковыхъ дурныхъ обычаевъ обрѣсти (I письмо, 11).—И пичѣмъ же мы крѣ-

---

[10]) Зачеркнуто: „написали еврейскую“.

постію лучши мордвы и чуваши будемъ (II письмо, 26). —Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како во крестьянехъ не быть (О скудости и богатствѣ, 76).

V. О истребленіи всякія великія и малыя неправды и неисправностей и о насажденіи прямыя правды и правостей (О скудости и богатствѣ, 258. Ср. доношеніе 1724 г.; см. ниже).

VI. Вмѣсто этой мѣры, Посошковъ, въ Книгѣ о скуд. и богатствѣ проектировалъ рядъ реформъ и предлагалъ обсудить реформы народосовѣтіемъ, всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ (О скудости и богатствѣ, 76).

VII. И егда правда вкоренится и любовь въ миръ утвердится, то Богъ... прославитъ насъ, паче всѣхъ иностранныхъ и древлеславныхъ государствъ (Доношеніе 1724).

VIII. Объявить и нашу благочестивую вѣру, на чемъ она утверждается, и учинить ей твердую ограду, еже бъ единые дыры не оставить, коя бъ неограждена была или отпоръ неучиненъ былъ (II письмо, 25).—И того ради вельми нужно вашей святости о семъ подщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное и естественное и гражданское благочиніе управлять, наипаче жъ того, какъ намъ Бога знать, и какъ святыя иконы чтить, и какъ душеполезно жить (I Письмо, 6).

IX. А для самого совершеннаго пастырскаго разума надобно собрать отъ самого начала вси ереси: коя какова была, и въ кои времена, и отъ чего началась, и чемъ кончалась, и что въ ней было противности святой восточной церкви, такожде какъ и отъ чего лютерская, и калвинская, и каталитская, и унеятская вѣра началась, и на чемъ тѣ еретическия вѣры утверждени, что по сіе время они стоятъ въ своихъ бытностяхъ непоколебимо, такожде и наша благочестивая вѣра что при тѣхъ вѣрахъ правости въ себѣ содержитъ, и въ чемъ коя вѣра отъ насъ разнствуетъ. И вся прождебывшіе изсякшіе ереси, изыскавъ и въ тонкость ихъ изслѣдя, напечатать... И о чемъ вся изъясня, хорошо бъ намъ показать и басурманскихъ вѣръ уставы... Такожде бъ и о жидовстей вѣрѣ изъясненіе учинить... И вся сія, собравъ и исправя съ самымъ опасеніемъ, отдать въ тисненіе (II письмо, 25).— Въ Книгѣ о скуд. и бог. Посошковъ предлагаетъ для обличенія раскольнича напечатать Камень Вѣры, Розыскъ и Пращу, также какъ свое Зеркало очевидное, затѣмъ говоритъ: „не худо бы и на иныя еретическія вѣры, на римлянскую, на унеятскую, на армянскую и на древнія ереси, яко на Аріянскую, на Несторіеву, на Аполлинаріеву, на Евтихіеву, на Севирову и на прочія, кія уже истребишася, напечатать изъявленія“ (16).

X. Представихомъ предъ очи всѣхъ православныхъ христіанъ сіе пресвѣтлое зеркало, въ него же зряй не смѣжа очей умныхъ, можетъ вся расколы ясно узрити (Зеркало очевидное: Сочин. II, 24).

XI. Толь мы просты, что не токмо бъ кто ученой иновѣрецъ, но хотя бъ самой послѣдній земледѣлецъ иновѣрной о чесомъ вопросилъ насъ и москвичъ, то не знаемъ, какъ отповѣди дать, и не до того ста, но аще и отъ басурманъ кто вопроситъ насъ, то и имъ отвѣту дать не умѣемъ (I письмо, 6).

II. Доношеніе Посошкова Петру I о „Книгѣ скудости и богатства“.

(По собственноручному черновику. Первая редакція 1724 г.) *).

О царственных правленіяхъ вчернѣ мнѣнья [1]) моего предъявленія.

Всепресвѣтлейшему, державнѣйшему имьператору и самодержцу всеросійскому Петру Великому, отцу отечествія, государю всемилостивѣйшему.

Доношеніе.

Присмотрих бо отчасти: яко во владущих судіях, тако и въ подвластных многое множество содѣвающіяся неправды и всяких неисправностей.

И возжелах предъ очи его императорскаго величества о достовѣрных [2]) и слышанныхъ дѣлех предложити изъявленіе.

И на тыя неправды и неисправности, елико ми Богъ даровал [3]): мнѣніе свое ко исправности тѣхъ неправостей, трикраты по трикраты предложих, а имянно: первое троекратіе: о духовности, о воинствѣ и о правосудіи; второе трекратіе: о купечествѣ, о художествѣ и о разбойниках з бѣглецами; третье трекратіе: о крестьянствѣ, о землевладѣніи [4]) безгрѣшном и о интересѣ царскаго величества.

И на тое тречисліе написах трехлѣтным своим трудом книжицу и назвах ю [5]): Книга скудости и богатства, понеже содержит въ себѣ силу, отчего случается напрасная скудость и отчего умножитися может изобильное богатство, и притомъ положих: нѣкую часть о истребленіи неправды, и о исправленіи неисправностей, и о насажденіи правды и всякаго исправленія,

*) Подъ „Книгою скудости и богатства“ подписано 24 февраля 1724 г. Въ это же время, въ началѣ 1724 г., вѣроятно, написано было и это доношеніе.—Другая редакція его, по черновику, также хранящемуся въ Государственномъ Архивѣ, напечатана въ предисловіи М. Погодина ко 2-й части „Сочиненій Ив. Посошкова“. М. 1863 стр. XXVIII—XXX.

[1]) Мнѣ"я; н—стерлось. [2]) Зачеркнуто: „о совершенныхъ“. [3]) Зачеркнуто: „открылъ“. [4]) Зачеркнуто: „о Земляныхъ дѣлехъ“. [5]) Зачеркнуто: „названную.“

и водруженіи междусобные любве, и о покойном и праведном житіи.

И тако мнѣніе мое утвердися во мнѣ о силѣ помянутых дѣлъ, иже, аще Богъ на ня призритъ и великій нашъ монархъ по настоящему своему желанію вътупит в ня неуступно, то я безъ всякаго сумненія могу рѣщи: еже на кійждо годъ при нынѣшнихъ зборѣх на малой примѣръ собранія казны въ царская сокровища, миліона по три будетъ приходить; а буде твердо устоятъ тая расположенія, то лехко собиратися будетъ и по ш(есть) миліоновъ на годъ. А буде же вся изъявленная дѣла прямо и твердо въкоренятся безъ уятія..., то можетъ миліоновъ по девяти и больши на годъ приходити.

И аще никогда измѣненія тѣмъ новоначатым дѣлам и отмѣны не [будетъ, то годъ отъ] [1]) году богатьство, яко царское, тако и всенародное умножатися будетъ; неправды земляные весьма истребятца, и надѣюсь на всещедраго Бога, что аще волею или и неволею, обаче разногласныя чины и высокопарные афицѣры будутъ, яко кроткія овчата и будутъ имѣть любовь и с нискочинцы.

А егда правда вкоренитця и любовь въ миръ утвердится, то Богъ призрит на всѣх нас милостивным своимъ призрѣніем и прославит нас паче всѣх иностранныхъ и древлеславныхъ государствъ.

Прошеніе же мое токмо едино предлагаю: еже бы ненавистливым и завистливым, паче же ябедникамъ и обидникамъ и любителемъ неправду быти имяни моему неявлену, понеже не слагая им писахъ; аще бо увѣдят... то не попустят мнѣ и малаго времяни на свѣтѣ жити и потому буду я сам себѣ убійца.

А паче всего отдаюсь въ волю Бога моего и въ волю правдожелателя монарха своего и его всепресвѣтлаго величества, яко о дѣлах, предъявленных тако и о мнѣ нижайшемъ.

О сем доносит всенижайшій и далѣчайшій раб Иванъ Посошковъ, пиша своеручно.

---

[1]) Возстановлено по второй редакціи въ изданіи М. Погодина, ч. II, стр. XXIX.

III. Письмо къ И. Т. Посошкову племянника его Александра Михайлова, 20 іюля 1725 г., о хозяйственныхъ дѣлахъ на винномъ заводѣ въ Устрицкомъ погостѣ, Бѣжецкой пятины [1]).

Милостивѣйшій государь мой, дядюшка Иванъ Тихоновичъ, въ милости вашего всемогущаго Бога, купно съ женюшею своею сожительницею, а съ моею милостивѣйшею государынею, тетушкою Софіею Родивоновною и съ любезными вашими съ дѣтками, а съ моими милостивѣйши, съ государынею сестрицею съ Пелагеею Ивановною и съ милостивѣйшими съ моими государями съ братцами съ Николаемъ Ивановичемъ, на множество лѣтъ здравствуйте [2]).

---

[1]) Устрицкій погостъ, Устрика (селеніе, давшее названіе „погосту"-волости) находится на юго-востокѣ озера Коробожи, при р. Увери (или Увѣри), въ 180 верстахъ отъ Новгорода, по направленію къ Устюжнѣ. Деревни Закарасенье и Матвѣево, принадлежавшія Посошкову, расположены близъ погоста, первая въ 3 верстахъ, вторая въ 6 верстахъ отъ него (См. Е. Прилежаевъ, „Завѣщаніе отеческое", введеніе стр. LV: на основаніи К. Неволина, „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ", стр. 193 и „Матеріаловъ по статистикѣ Новгородской губерніи", т. VII, Боровичскій уѣздъ). Устрика, Закарасинье, Матвѣева, Фолелѣево (см. ниже) на р. Увери, правомъ притокѣ р. Msты, значатся на 10-верстной Картѣ Главнаго Штаба 1869 г., въ Боровичскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, въ 50 в. отъ Боровичей.

[2]) Въ противоположность рукописямъ Посошкова, это письмо его племянника написано крайне безграмотно, съ описками и пропусками буквъ. Начало его написано такъ: „милостивишаі гд҃ръ моі дядюшка іванъ тиханавичъ вмило҃ти вышнего все могущего богѡ купно сженюшаю своею сожитеницаю а смоею милостивишаю гдрыняю тетушкаю сооию родивонавною". Для удобства чтенія я поэтому печатаю письмо въ правописаніи современномъ. Филологи, быть можетъ, объ этомъ пожалѣютъ, такъ какъ въ правописаніи автора письма, писавшаго по слуху, отразилось его произношеніе словъ. Для нихъ отмѣчу выдержанныя авторомъ особенности правописанія: вашай, милостивишай, милостивишаю (и проч. см. выше), рошъ (рожь), бохъ, бояршина, денехъ, хлепъ (по: хлебы), авсы, таперъ, балшихъ, толка, токма, горазда, безпрестана, стала (вм.: стало), асталися, азарниковъ, опе (постоянно вм. они), слушели, отнели, лошеди (лошедей, слошиди) месеца, повидемому, немудроя, вѣдою, самоя, нынѣшному, достольныя, заводъ, на зоводѣ, робота, роботникъ (и: работа), о плотеже, одовай (отдавай), управица, добица, упровляюца, завоцкой, дожи (дожди), гдѣ низловитъ (ни словитъ), здеситъ (съ десять), отъ церквы, вьюне, (въ іюнѣ), прежными, впретки (впредь).

О себѣ вашей милости, государь мой дядюшка, доносимъ: на заводѣ вашемъ въ добромъ здоровьѣ, токмо отъ насъ съ заводу прежде сего Василій Черкасъ да Устинья сбѣжали, а Пологея Нѣмова жена нынѣ въ іюнѣ, въ 15-мъ числѣ, умерла, а достальные люди, которые осталися, и тѣ въ добромъ здоровьѣ. А которая рожь сѣяна въ прошломъ годѣ къ нынѣшнему году на Олексинѣ, и въ Ѳилистовѣ, и въ Тололовѣ, и въ Бабьѣ, такожде и на Сучьѣ въ Говнековѣ [1]), и та рожь нынѣ на Сучьѣ выправилась изрядно, такожде и на Олексинѣ противъ другихъ деревень будетъ, повидимому, средняя, а въ Бабьѣ, и на Ѳилистовѣ, и въ Тололовѣ весьма немудрая рожь, а въ Закарасеньи [2]) у крестьянъ нашихъ передъ прежними годами изрядна рожь, токмо въ созрѣніе еще долго не придетъ, потому что по той-же ляди [3]) сѣяна, и нынѣ она еще зеленовата, а яровые хлѣбы у нашихъ Закарасенскихъ изрядные, жита и овсы и пшеницы, такожде и наши пшеницы изрядны, а овсы и жита по инымъ мѣстамъ у насъ вымокли, а индѣ изрядны, выправляются, и нашъ ѣдовой хлѣбъ токмо передъ другими мѣстами весьма гораздо плоше, аватъ (?) и греча нынѣ будетъ среднимъ возрастомъ.

Токмо нынѣ весьма не вѣдаю, какъ добиться, государь дядюшка, до нови, потому что стала пора самая страдная, сѣнокосъ, и сѣвъ, и жатва, а денегъ нынѣ у меня нѣту, такожде и хлѣба; и многое число хлѣба въ долгъ набралъ, инде закладывалъ котлы и трубы, а нынѣ и подъ закладъ стало взять хлѣба негдѣ; а хлѣбъ заводской ѣдятъ и Закарасенцы,—мѣсяца съ два близко есть, какъ за рядой заводской хлѣбъ ѣдятъ,—а которыя имъ паемныя деньги отданы, и тѣ они деньги всѣ проѣли на хлѣбѣ; а какъ проѣвши деньги, больше и работать не стали на насъ, и я, государь дядюшка, за то ихъ сталъ кормить, чтобы они до вашей милости не разбѣжались и не покинули бы всякую свою и нашу работу, чтобы имъ завестся [4]) впредь хлѣбомъ и кормомъ и намъ бы также не остаться отъ людей всякою работой. А стороннихъ работниковъ нанять не попало, и съ весны не нанима-

---

[1]) Купчія Посошкова на эти пустоши см. ниже, № IV, 7.

[2]) Въ Устрицкомъ погостѣ, Бѣжецкой пятины, см. выше примѣч.

[3]) Ляда, лядина—пустошь, заросль (Словарь Даля).

[4]) Въ рукописи четко: „завеся“.

лись, потому что отъ насъ всѣ вышли гулящіе, иные на Мсту, иные на Конаву, иные дома управляются, потому что Богъ въ прошломъ годѣ притѣшилъ хлѣбомъ, хорошъ былъ у многихъ, такъ, хошь послѣднее избываютъ, да сами сѣютъ. А теперь до нови не вѣдаю, какъ прокормиться.

А что изволилъ, государь дядюшка, писать ко мнѣ о деньгахъ, чтобы мнѣ взять на должникахъ деньги, и мнѣ долгу безъ вашей милости никто ни копейки не плат(итъ). А у новаго у бурмистра [1]), у Ивана Абрамова, за скупную посуду, по договору, взялъ денегъ рублевъ съ полтретьядцать, а рублевъ близко двадцати на немъ на бурмистрѣ, и онъ все у меня просилъ о платежѣ сроку, чтобы о Петровѣ дни заплатить мнѣ достальныя деньги, а нынече ѣздилъ съ казною въ Новгородъ и хотѣлъ видѣться съ вашею милостью, что повелите-ль деньги достальныя отдавать мнѣ. И ему, бурмистру, сказалъ Алексѣй Даниловъ, что ваша милость скоро будете на заводъ, и вы де отдайте такія деньги Ивану Тихоновичу за посуду,—на заводѣ Александрѣ не отдавай, потому что ему въ такихъ де деньгахъ нужды нѣтъ. А я, дядюшка, до нови не вѣдаю, какъ прокормиться и съ работой управиться, потому что хлѣба нѣтъ, а безъ хлѣба рабо(та)ть и Закарасенскіе не хотя(тъ). А бурмистръ до вашей милости достальныхъ денегъ по Олексѣевымъ словамъ не отдаетъ. И вы, государь дядюшка, извольте къ намъ либо сами скоро побывать, либо и бурмистру грамотку извольте отписать, чтобы мнѣ онъ деньги отдалъ. Такожде у меня въ долгъ хлѣбъ бранъ былъ и закладъ положенъ на срокъ, а мнѣ стало выкупить нынѣ нечѣмъ, а долгу должники просятъ безпрестанно.

А нынѣ подъ рожь земля у насъ поднята въ паренины: заводскія поля и въ Онцыфоровѣ, и на Ѳилистовѣ, и въ Говнековѣ, и ежели будемъ живы и рожь поспѣетъ, будемъ про вашу милость сѣять. А нынѣ сѣна косимъ, Шамово выкосили, всее пустошь, и Ехнова, а въ поставкѣ у насъ сѣна только полтораста кучъ по се число, а подкошенную траву на тѣхъ пустошахъ [2]) достальную поднять не дастъ, потому что у насъ великіе дожди, мало

---

[1]) „брьмистра“. Ниже тоже слово написано: „бурмстра“, „бурмистѣ“ и правильно „бурмистру“.

[2]) „поташахъ“. Повидимому, описка, какихъ много.

которой день безъ дождя пройдетъ, и впредь сѣнокосъ будемъ управлять дома и по другимъ пустошамъ.

А какъ вы, государь дядюшка, поволите впредки о Закарасенскихъ крестьянахъ, на какую имъ заводскую работу работать, и какіе дни въ недѣли ходить на бояршину, и съ какой полосы? И кто владѣетъ нынѣ какой полосой, буди милости вашей извѣстно: Василей Закарасенской владѣетъ цѣлою полосою, а Илья да Назаръ владѣютъ противъ Васильевой полосы; Алексѣй съ Потапомъ владѣютъ противъ Ильи да Назара, также полосою; а Макаръ съ дѣтьми владѣютъ четыремя полосами, противъ Алексѣя, Ильи и Назара, и Тимошки, а на бояршину ходятъ противъ маленькихъ полосниковъ два сына; а по земли надо-ль имъ, противъ своихъ крестьянъ, всѣмъ ходить четверымъ работать (роботъ) три дни въ недѣлю, они [же] только двое ходятъ, и о томъ другимъ весьма обида, и другіе также не хотятъ ходить на бояршину, потому что они владѣютъ противъ четверыхъ полосниковъ пожнею, сѣномъ и всякимъ угодьемъ. И вы, государь дядюшка, пожалуйте ко мнѣ и къ нимъ крестьянамъ отпишите, которые дни въ недѣлю на бояршину ходить, съ маленькихъ ли полосъ по три дни въ недѣлю мужу съ женою ходить на бояршину, или по полтора дни, или по два дни.

И, ваша милость, извольте отписать къ нимъ, чтобы меня они слушали и вашу работу управляли хорошенько, а они меня нынѣ, государь дядюшка, не слушаютъ и на бояршину не ходятъ, а стану наряжать, такъ грозятся меня бить. Ежели изволите приказать съ большихъ полосъ половой день (денъ) работать, то достанется малымъ полосникамъ по полтора дня въ недѣли работать, а ежели съ маленькихъ полосъ, то по три дня въ недѣли работать,— и съ женами ли имъ ходить, или безъ женъ на бояршину. Ежели съ большихъ полосъ изволите приказать половой день (денъ) стоять, то безсходно по три человѣка (человѣкъ) будутъ стоять на бояршинѣ. А ежели съ малыхъ полосъ половой день стоять, то безсходно по пяти мужиковъ будутъ только на бояршинѣ стоять. И ежели изволите, милость ваша, приказать съ большихъ полосъ по три дня стоять на бояршинѣ, то имъ весьма легко ходить по полтора дня въ недѣли на бояршину, а намъ безъ наемшиковъ заводскую работу не управить будетъ, потому что у меня нынѣ на заводѣ только Ротка, да Ванька Алешкинъ, да Мо-

трешка, да Пашка, да Марина, да Арина, а Дмитрикъ изъ избы вонъ ходить не можетъ, а Катька приставлена стряпать на людей, хлѣбы печетъ, такожде и кругъ животины всей ходитъ а Дарья за гусями и за утками ходитъ, и за курами, а Поланька по пустошамъ на стану сидитъ, а Демка да Степка коровъ и лошадей пасетъ; а Матвѣевскіе у меня нынѣ, государь дядюшка, безсходно съ Егорьева дня, по человѣку съ брата да по лошади, работаютъ, а больше отъ нихъ никто ни на какую работу не ходитъ, да они же у вашей милости просятъ выльготы, чтобы имъ на боярщину ставить трехъ человѣкъ, а то весьма о работѣ скучаютъ отъ вашей милости. А по моему, повидимому, можно имъ по человѣку съ брата безсходно въ годъ дать съ лошадьми по работнику, потому же у нихъ дѣтей много, по два сына и по три, а се могутъ и казаковъ держать. А се нынече я, государь дядюшка, имъ и матвѣевскимъ, по приказу вашему, въ Онцыфоровѣ земли удѣлилъ подъ рожь, такожде и лединъ [1]) они насѣкли подъ рожь и подъ пшеницу, а сѣнокосъ имъ отдалъ въ Онцыфоровѣ, и мы про себя также лединъ въ Онцыфоровѣ пшеничныхъ, а смерика (?) на три сами насѣкли къ новому году. И вы, государь дядюшка, пожалуйте, ко мнѣ отпишите.

А что изволитъ милость ваша, государь дядюшка, писать, что сбѣжалъ отъ вашей милости Сенька съ сестрою сбѣжали, такожде и вашу милость окрали, а Василей сбѣжалъ изъ Новагорода, и чтобы ихъ у насъ по деревнямъ заказать изловить, и я, государь дядюшка, по деревнямъ многимъ заказалъ, ежели появятся, чтобы ихъ поймать и привести ко мнѣ, а за поимку сулилъ пять рублевъ, но только ихъ и по се число нигдѣ не явилось, и слыху про нихъ ко мнѣ нѣту. Объ одежѣ я у Катюхи у Васильевой [2]) спрашивалъ, что у него на заводѣ осталось одежи, и Катюха мнѣ сказала, только осталось два гнѣзда рубахъ, да два платка, да кафтанишка (ковтонишка) сѣрой, да кушачонка, а больше Васильевой одежи не осталось; а Сенькиной одежи на заводѣ у Мотрехи только портки да рубашка осталось; никъ (никакъ) для ради этой одежи они на заводъ не пойдутъ.

---

[1]) Ляда — см. выше.

[2]) О приводѣ этой Катерины Васильевой въ Петербургъ, по приказанію Посошкова, см. ниже „Отпускное письмо“ 19 іюня 1725 г., № IV, 9.

А про Макара изволи, милость ваша, государь дядюшка, писать, что они хотятъ бѣжать.—И повидимому, будто, кажется, къ житью, заводятся: хлѣба у нихъ насѣяно ярового много, арженого такожде, и сѣна нынѣ они про себя накосили много, такожде и лединъ насѣкли; и которыя дѣти его Егорка да Мишка ходили по судамъ, и тѣ нынѣ пришли къ нему и денегъ рублевъ съ полдесятка принесли; такожде хотятъ хоромы строить. А дѣвку я по письму вашему, государь дядюшка, на заводъ у нихъ взялъ. А больше велѣно за ними другимъ присматривать.

О другихъ нуждахъ хотѣлъ нынѣ идти Макаръ къ милости вашей бить челомъ, да затѣмъ не пошелъ, что вашей милости въ Новѣгородѣ нѣту, хотѣлъ у вашей милости еще себѣ лошадь просить. А у насъ на заводѣ и у самихъ лошадей осталось только десятокъ, и то, которыхъ крестьяномъ отдали, а иные у насъ примерли, и давать имъ нынѣ изъ заводскихъ лошадей стало нечего.

А Потапа, государь дядюшка, хоша и на полосу посадили, и онъ весьма пропалъ, и на полосѣ и на себя не можетъ и вполъ людей сработать, и на насъ работы и спрашивать у него нечего. Лучше его отпустить и съ женою въ міръ кормиться, потому что онъ ни у насъ, ни на полосѣ не работникъ; Ротка или Ванька гораздо бо́льше его наорутъ.

А что изволи, милость ваша, писать, чтобы прислать къ милости вашей списки съ Линевыхъ [1]) грамотокъ, да роспись, что пива варили (съ) зятемъ да съ Петромъ Ивановичемъ Стояновымъ по третямъ, и что издержано денегъ на ту варю, и что надлежитъ взять на комъ, то въ росписи расписано, и съ грамотки отъ Семена Ѳедотовича [2]) списки посланы къ вашей милости сей грамоткой.

Токмо нынѣ онъ, Семенъ Ѳедотовичъ, пишетъ еще къ своимъ крестьянамъ о пустоши Типоловѣ, чтобы его крестьяне пустошью по прежнему владѣли и сѣна косили и рожь и яровой хлѣбъ безъ опасности жали и впредь сѣяли. А меня, пишетъ, чтобы, гдѣ ни словить, да убить до смерти—своимъ крестьянамъ Устрец-

---

[1]) Линевъ, Семенъ Ѳедотовичъ, сосѣдъ помѣщикъ, съ которымъ у Посошкова было тяжебное дѣло о пустоши Типолово, см. ниже челобитную Посошкова по этому дѣлу, № IV, 10.

[2]) См. примѣчаніе 1, стр. 136.

кимъ да Мошенскимъ. Да онъ же пишетъ къ крестьянамъ, будто по меня изъ Новагорода скоро указъ будетъ; а попамъ пишетъ, чтобы на Устреки отъ церкви дворы всѣ отнесли до его пріѣзду. Только я, государь дядюшка, не могъ эту грамотку добиться у нихъ, чтобы списать. А читалъ его, Линеву, грамотку Устрицкой дьяконъ Игнатей Пиминовъ въ церкви; и по сей грамоткѣ крестьяне его селецкіе Типолово выкосили; а сѣна въ Типоловѣ становится ста два кучъ, а хлѣба въ Типоловѣ нынѣ къ жатвѣ, ржи и ярового, пшеницы и жита, овиновъ съ десять будетъ. И они по письму его вышеписанной хлѣбъ сожнутъ и свозятъ вскорѣ. А я и на пустошь ѣздилъ смотрѣть хлѣба, въ праздникъ, безъ ихъ; а ежели бы при нихъ поѣхалъ, то бы меня убили до смерти; и послѣ его крестьяне тужили, что меня не застали бить на пустоши. Да у нихъ же, у крестьянъ, къ новому году на помянутой пустоши многое число сучей насѣчено, подъ пшеницу и подъ жита.

Да еще вашей милости, государь дядюшка, доношу: приказалъ я крестьянамъ Закарасенскимъ, чтобы погостскихъ другихъ стороннихъ въ Говнеково не пущать ягодъ брать, а ежели пойдетъ кто насильно ягодъ брать или лѣсъ сѣчь, и то бы у такихъ наши крестьяне ягоды отняли. И по приказу моему Агей ягодъ у погостскихъ жителей у Войновыхъ крестьянъ у Муравьевыхъ ягодъ отнялъ съ рѣшето, а именно у Михайловой жены Иванова, да у Савы Иванова. И послѣ того поѣхалъ я домой изъ Закарасенья, и они меня, Воина Муравьева крестьяне, Михайла Ивановъ съ Савой Ивановымъ, стащили съ лошади и хотѣли прибить до смерти обухомъ да плахами, и я у нихъ насилу вырвался и уѣхалъ домой черезъ деревню Ѳолелеява и черезъ рѣку Уверъ [1]) вплавь на заводъ. А впредь похваляются меня убить, такожде и по мостамъ мнѣ, ни крестьянамъ нашимъ, черезъ Уверъ и черезъ Нижицу не велятъ ѣздить и ходить, и хотятъ крестьянъ нашихъ и лошадей съ мостовъ въ воду пихать. И я, государь дядюшка, безъ вашей милости весьма опасенъ и на погостъ къ обѣдни выйти отъ такихъ озорниковъ. А на нихъ подалъ я извѣтное доношеніе въ церковь, чтобы мнѣ впредки отъ нихъ напрасно не погинуть [2]).

[1]) Рѣка Уверь (Увѣрь)—правый притокъ р. Мсты. См. выше примѣчаніе.

[2]) Образцы такихъ заявленій, подававшихся въ церкви, въ XVII вѣкѣ, см. въ Актахъ Холмогорской и Устюжской епархій: „Русск. Историч. Библ.“, т. XIV.

При семъ мало писавый всепокорный вашъ племянникъ Александръ, и съ женою своей Ефимьей, и съ дочерью своей Татьяной, падъ на землю, со слезами благословенія надъ собою просимъ и до лица земного кланяемся.

Съ заводу, 1725 году, іюля въ 20 день.

IV. Изъ дѣловыхъ бумагъ Посошкова.

1. Челобитная братьевъ Ивана и Романа Посошковыхъ 1698 г., по дѣлу о выкупѣ ихъ дѣдовскаго двора [1]).

Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю всеа великія и малыя и бѣлыя росиі самодержцу бьютъ челомъ сироты твои села Покровского крестьяне Ивашко да Ромашко Посошковы. Въ нынѣшнемъ, государь, 206-мъ году, октября въ 16-мъ числѣ, твои великого государя дворцовые котельники Сидоръ Ивановъ, Григорей Ивановъ принесли въ земскомъ приказѣ къ нашему дѣлу челобитную, что будто мы, сироты твои, бьемъ челомъ тебѣ, великому государю, о дворѣ ложно, на коемъ ныне они живутъ, будто тотъ дворъ не дѣда нашего,—и мы, сироты твои, противъ ихъ челобитья, вмѣсто скаски, подали за рукою челобитную, чтобъ про дѣда нашего сыскать, почему намъ онъ дѣдъ (и почему дѣдовскій дворъ намъ крѣпокъ). Да они жъ въ томъ же челобитье своемъ написали, что будто тотъ нашъ дѣдовскій дворъ отданъ имъ ис приказу большаго дворца, а строенье(мъ) построено ис купецкой полаты, — чтобъ противъ ихъ челобитья для справки послать въ приказъ большаго дворца память, чтобъ тѣмъ насъ изволочить, и противъ, государь, ихъ челобитья память въ приказъ большаго дворца не выносятъ, чтобъ насъ испродать и дворомъ нашимъ завладѣть. Милосердый великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и

[1]) Ср. выпись Земскаго приказа 1698 г., изъ которой видно, что Ивашко и Ромашко Посошковы съ матерью вдовою Улитою Михайловой въ 1692 г. заплатили свои долговыя деньги за дѣдовскій (по матери) дворъ, за Яузою въ Котельникахъ, сытнаго двора стряпчему Савину Іевлеву сыну Чулкова: „Сочиненія Ив. Посошкова", ч. II, с. XXII.

малыя и бѣлыя Росиі самодержецъ, пожалуй насъ сиротъ своихъ, великій государь, у нихъ Сидора и Григорья взять скаску, х коему числу они память ис приказу большаго дворца въ земской . . . . . себѣ вынесутъ, чтобъ намъ сиротамъ твоимъ напрасные волокиты и разоренья не было. Великій государь, смилуйся.

2. *Счетъ на постройку и починку горницы на аптекарскомъ дворѣ въ 1700 и 1701 г.* (Собственноручная записка Посошкова).

Въ 700-мъ году на аптекарскомъ дворѣ на старой шиловской свѣтлицѣ, для своего мастерства [1]) здѣлалъ на свои деньги горницу трехъ-саженную, въ ней полъ и потолокъ дощатые, шесть окошекъ красныхъ, затворы здѣланы съ подворья на желѣзныхъ петляхъ, печь муравленая, зеленая, спицы двусаженные, со всею отдѣлкою стала та горница тридцать два рубли 90 алтынъ.—Въ чердакъ дѣлалъ дверь, стало съ лѣсомъ и съ крюками, и зъ замкомъ и съ работою 39 алтынъ.—Въ чердачные окна дѣлалъ двѣ решотки желѣзные—стали съ работою 1 р.—Въ чердакъ, да въ сѣни верхніе да въ вышку здѣлалъ три лѣстницы новые,—35 алтынъ 2 деньги.—У стряпущей избы здѣлалъ чуланъ, сталъ 1 р. 20 алтынъ.

Въ 701-мъ году въ шиловской свѣтлицѣ полъ упалъ и печь обвалилась, и подъ полъ въ той свѣтлицѣ и въ . . .кѣ положилъ переклады новые и полъ намостилъ дощатой новой же, и съ работою . . . тотъ полъ 3 р. 13 а. 2 д.—Печь въ той свѣтлицѣ здѣлалъ новую цѣнинную, стала 6 р. 7 а. 4 деньги.—Изъ свѣтлицы в коморку дѣлана новая дверь съ петлями и съ замкомъ, стала 38 алтынъ.—Въ комнате здѣлалъ три окна красные, затворы съ надворья на желѣзныхъ петляхъ, стали совсѣмъ 1 р. 16 а. 4 де.—Конюшню здѣлалъ о трехъ стойлахъ новую, стала

---

[1]) Для какого своего мастерства строилъ Посошковъ эту горницу, неясно. По записи въ книгахъ Оружейной палаты онъ нѣсколько позже, въ 1704 г., былъ „уставнымъ денежнаго дѣла мастеромъ". (Тогда ему выданы были деньги „на дѣло печатнаго и обрѣзнаго становъ и иныхъ къ нимъ инструментовъ". Викторовъ. „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ дворцовыхъ приказовъ", вып. 2, М. 1883, стр. 480). Раньше онъ также служилъ мастеромъ Оружейной палаты. Въ 1700 г. онъ устроилъ станы для чеканки круглыхъ мѣдныхъ денегъ. („Книга о скудости и богатствѣ", Сочиненія, стр. 213).

2 р. 16 алтынъ 4 деньги.—Погребъ большой дубовой трехъ саженной, данъ 10 р.—Откопки ямы . . . . 40 алтынъ.—Творило стало . . петлями и зъ . . . и съ лѣстницею 26 а. 4 де.—Напогребица получетвертная стала 10 р.—Сѣнница старая дана 16 а. 4 де.—Кровля стала 16 же алтынъ 4 деньги.—Другой погребъ полутретной дубовый же данъ 7 р. 16 а. 4 де.—Откопки дано 30 алтынъ.—Творило стало . . . алтынъ.—Братьни (?) хоромы всѣмъ сю . . . . 20 алтынъ [1]).

И въ то вышеписанное строеніе издержалъ я своихъ денегъ 135 р. 30 а. 4 д.

3. Расписка въ пріемъ отъ Посошкова денегъ въ уплату за кирпичъ, 6 іюня 1712 г.

1712 г., іюня въ 6 день, по указу великого государя принето въ казну великого государя въ приказную палату водочного сидѣнья у мастера Ивана Посошкова за взятой кирпичъ, которой онъ взялъ на постройку оптеки въ 710-мъ году изъ государевыхъ сараевъ ис пріему целовальниковъ Василья Мошенникова шестнадцать тысячъ, да въ 711-мъ году исъ пріему жъ целовальниковъ Петра Поли . . . да Ильи Пирожникова три тысячи, всего восмнатцать тысячъ, по рублю за тысячу, итого восмнатцать рублевъ. Отпись писалъ и деньги принялъ подъячей Өедосѣй Евстафьевъ.

4. Расписка въ пріемъ отъ Посошкова писчей бумаги, 23 сентября 1712 г.

1712 г., сентября въ 23 день, въ новгороцкую приказную палату взято заимно на расходъ водошного строенія у мастера Ивана Посошкова пятьдесятъ стопъ пищей бумаги въ повытье подъячего Ивана Григорьева. Росписался по приказу ево Иванову подъячей Иванъ Юрьевъ.

5. Расписка въ пріемъ отъ Посошкова денегъ въ новгородскую ратушу, 18 апрѣля 1716 г.

1716 г., апрѣля въ 18 день, по указу великого государя принято въ его великого государя казну, въ новгороцкую ратушу,

[1]) Пробѣлы, обозначенные точками—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ листокъ истлѣлъ.

водошного строенія у мастера Ивана Посошкова на прошлой 1714 годъ по доимочной вѣдомости камисара Митрофана Лихорева, а по доношенію его Посошкова, за ево счетомъ и печатью, воплат тритцать два рубли дватцать четыре алтына четыре деньги, да съ тѣхъ денегъ на нужные расходы пять алтынъ три деньги. Тѣ деньги принялъ и отпись списалъ Сава Еремѣевъ.

6. Купчая Посошкова на сельцо Марьино въ Кашинскомъ уѣздѣ, 16 октября 1719 г.

1719-го году, октября въ 16 день, дьякъ Иванъ Степановъ сынъ Степановъ продалъ я, Иванъ, Санктъ-Питеръ-бургской губерніи Новогороцкаго водочного строенья и фантальнаго дѣла мастеру Ивану Тихонову сыну Посошкову и женѣ ево и дѣтямъ впредь безъ выкупу и безповоротно купленую свою вотчину въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ Пудинцкомъ стану [1]), на рѣкѣ Лужмонкѣ сельцо Марьино съ пустошами, а именно: пустошь Марьинской Заполекъ, пустошь Талпышево, пустошь Глушевку съ пашнею и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, все, что явитца въ томъ сельцѣ и въ пустошахъ по дачѣ и по писцовымъ и по отказнымъ книгамъ и по всякимъ крѣпостямъ за мною, Иваномъ, не оставливая за собою ни единые четверти, да въ томъ же сельцѣ Марьинѣ дворовыхъ дѣловыхъ людей: Григорей Степановъ съ женою Анною Ивановою дочерью, у него сынъ Павелъ, у Павла жена Анна Иванова дочь, у Павла жъ дочь Мавра; у Григорья жъ двѣ дочери — Анна, Ирина; Григорей Ивановъ, у него сестра Агафья Иванова, у нее дѣтей Назаръ, Аѳонасей, Корнила, Лазырь, Карпъ; Василей Калининъ, у него жена Анисья Петрова дочь, да у него жъ дѣти Федоръ, Тимофей, да дочери дѣвки Екатерина, Варвара; Василей Андреевъ, у него жена Устинья Иванова дочь, у него жъ дѣтей Иванъ, Ѳома, Савелей, да дочери Прасковья, Акилина, вдова Ирина Иванова дочь, у ней дѣтей Иванъ большой да Иванъ меньшей, Сергѣй, да дочери Акилина, Палагѣя Сергѣевы дѣти; Артемей Семеновъ, у него сынъ Дмитрей, дочь Аксинья, у Дмитрея жена

---

[1]) Пудицкій станъ Кашинскаго уѣзда въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка, см. Опис. докум. и бумагъ, хран. въ М. Арх. Мин. Юст., кн. I, стр. 88—89.

Февронья, Федорова дочь, у Дмитрея жъ дѣти сынъ Филипъ, сынъ Карпъ, дочь Авдотья; Петръ Осиповъ, жена у него Авдотья Иванова дочь, у него жъ теща Аксинья Осипова, у Петра дочери Анна, Крестина, Авдотья; да въ бѣгахъ дворового жъ человѣка Сергѣя Петрова и съ пожилыми деньгами, а того человѣка сыскивать и о пожилыхъ деньгахъ бить челомъ великому Государю ему, Ивану Посошкову самому и женѣ ево и дѣтемъ, да мнѣ жъ, Ивану Степанову изъ вотчины своей, изъ сельца Аристова перевести въ то жъ сельцо Марьино семью людей, а имянно Андрея Дмитреева съ женою ево Богданою Ивановою и съ ихъ животы, и со всякимъ хлѣбомъ, и скотомъ и отдать ему, Ивану Посошкову, или женѣ ево и дѣтемъ, или кому отъ него принять будетъ повелѣно, на срокъ сего 719-го года ноября въ 10 числѣ безо всякого спору и отлагательства, не отнимаяся ничѣмъ, а вышеописанное сельцо Марьино съ вышеписанными людми, и съ ихъ животы, и со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ, и съ заводы, и со всякимъ моимъ и дворовыхъ людей скотомъ, и съ хлѣбомъ стоячимъ, и съ молоченымъ, и съ посѣенымъ въ земли; а за то вышеписанное сельцо Марьино съ пустошми за пашню и за сѣнные покосы, и за всякія угодья, и за дворовыхъ людей, и за ихъ животы, и за всякое въ томъ сельцѣ хоромное строеніе, и за воды, и за всякой скотъ, и за хлѣба взялъ я, Иванъ Степановъ, у него, Ивана Посошкова, денегъ семь сотъ пятьдесятъ рублевъ. (Дальше слѣдуютъ обычныя въ купчихъ грамотахъ обязательства объ очищеніи покупщика отъ убытка и волокитъ и рукоприкладства свидѣтелей).

Къ той копіи Новогородцкаго водочного строенья и фантального дѣла Ивана Тихонова сына Посошкова человѣкъ ево Петръ Терентьевъ, по приказу господина своего, руку приложилъ, а подлинную купчею я, Петръ, къ себѣ взялъ. И то недвижимое имѣніе за нимъ, Иваномъ Посошковымъ, а въ немъ пашни 55 четей въ 720 году, февраля въ 19 день, отказано. И пошлины приняты и въ приходъ записаны октября 29-го дня, 719-го году, а пошлинъ принято съ 750-ти рублевъ 75 рублевъ. Копія явлена въ 719-мъ же году, октя[бря] въ 29 день.

7. Изъ купчихъ Посошкова на деревню Закарасинье и пустоши въ Бѣжецкой пятинѣ Новгородскаго уѣзда, 1721—1725 г.г.

Изъ хранящихся въ дѣлѣ Государственнаго Архива засвидѣтельствованныхъ копій съ купчихъ видно, что „Иванъ Тихановъ сынъ Посошковъ, водочнаго и фантальнаго дѣла мастеръ" купилъ:

1. 31 января 1721 г. отъ новгородца дворянина Льва Обросимова Завалишина, его „помѣстной приданой земли въ Новгороцкомъ уѣздѣ, въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Устрецкомъ погостѣ, въ пустоши Кошелевѣ 13 четей съ полуосминою, въ пустоши Яфимковѣ 10 четей, въ деревнѣ Закарасинье 14 четей съ полуосминою пашню и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, да въ той же деревнѣ Закарасинье крестьянъ Василья Кандратьева съ женою, да съ сыновьями съ Родіономъ, да съ Демидомъ, да съ Анисимомъ, да съ дочерьми Катериною, да съ Парасковьей, да съ Пелагеей, да съ Василисой, Алексѣя Федорова съ женою да съ сыновьями съ Иваномъ да Степаномъ, да съ дочерью Анной, Макара Леонтьева съ сыновьями жъ Прокофьемъ да съ Егорьемъ, да съ дочерью Агрофеной, Данилу Прокофьева съ сыномъ и съ ихъ крестьянскими животы и со всякимъ хлѣбомъ и скотомъ и съ хоромнымъ строеніемъ, да въ бѣгахъ крестьянъ Ермила Григорьева съ женою и съ дѣтьми, Илью Федорова вдового съ дѣтьми, да съ братомъ роднымъ Назарьемъ, да вдову Федору Лаврентьеву дочь съ дѣтьми, да вдову Авдотью Миронову дочь съ дѣтьми, Микифора да Ивана Макарьевыхъ, Агея Данилова со всѣми ихъ животы, и со всякимъ хлѣбомъ, и скотомъ, и съ пожилыми годами, и съ работными деньгами, которыхъ сыскивать въ бѣгахъ ему, Ивану самому", все вышеписанное за 200 рублевъ.

2. 10 іюля 1721 г. отъ новгородца дворянина Гаврилы Васильева Ефимьева въ вѣчное владѣніе изъ его помѣстной земли въ той же пятинѣ, „въ Устрецкой волости, въ Зарѣцкой трети, въ пустоши Пелевинѣ 7 четвертей съ пашнею и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи", за 10 рублей.

3. 20 марта 1723 г. отъ вахмистра Якова Савина Пальчикова, изъ дачи жены его,—„что ей дано послѣ брата ея помѣстной земли", „съ вѣдома и по повелѣнію ея", въ той же Бѣжецкой пятинѣ, „въ Устрецкомъ стану пустошь Говняково, а по мірскому прозванію Момохово (?), 16 четь съ пашнею и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи" за 15 рублей.

4. 5 іюля 1723 г. отъ новгородца дворянина Карла Михайлова Ушакова „въ вѣчное владѣніе безъ выкупу . . . помѣстной земли отца своего въ той же пятинѣ, въ Троецкомъ Устрецкомъ погостѣ, на р. Увери, въ пустоши Толовѣ одну четь и пашню и сѣнные покосы и всякія угодья" за 3 рубля.

5. 7 іюля 1723 г. отъ вдовы Федосьи Тимофѣевой, жены Михайла Костюрина, изъ помѣстья мужа ея четвертую часть, слѣдующую по указу, въ

той же пятинѣ, „въ Троецкомъ Устрюцкомъ (sic) погостѣ, въ пустоши Пустомъ Чириковѣ 6 четвертей съ осминою и съ четверикомъ пашню и сѣнные покосы и всякія угодья“, за 10 рублей.

6. 8 іюля 1723 г. отъ Юрія Потапова Ушакова изъ его помѣстной земли въ той же пятинѣ, „въ Устрецкомъ погостѣ, въ пустоши Тололовѣ одну четверть пашню и сѣнные покосы и всякія угодья“, за три рубля.

7. 25 іюля 1723 г. отъ вдовы Матрены Сысоевой, жены Ивана Потапова Ушакова, изъ помѣстья свекра и мужа ея, въ той же пятинѣ, „въ Мошенскомъ погостѣ въ пустоши Бабье . . . . , повытокъ пашню и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи“, за 25 рублей.

8. 7 ноября 1723 г. отъ отставного драгуна нижегородскаго драгунскаго полка Өедора Яковлева Лаптева изъ его помѣстной земли въ той же пятинѣ, „въ Бѣлозерской половинѣ, въ Устрецкомъ погостѣ, въ пустоши Пустомъ Чириковѣ одну четверть съ осминою и съ четверикомъ, пашню и съ сѣнными покосы и со всякими угодьи“, за 2 рубля.

9. 31 декабря 1723 г. отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка отставного солдата Мирона Осипова Толбузина, изъ вотчинной его земли, въ томъ же „Устрецкомъ погостѣ, въ деревнѣ Матвѣевѣ четыре четверти съ осминою, въ деревнѣ Багаево три четверти съ осминою и съ полъполчетверикомъ, въ пустоши Кисляковѣ 15 четвертей безъ получетверика пашню и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, что есть въ оныхъ деревняхъ и въ пустоши Кисляковѣ и сверхъ оного четвертного числа за мною, Мирономъ, по дачамъ все безъ остатку; да на той земли въ деревнѣ Матвѣевѣ жъ крестьянъ Федора, Максима, Лазоря Еремѣевыхъ дѣтей съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ племянники и со внучаты и со всякими ихъ крестьянскими животы и скотомъ и со всякимъ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ и съ посѣяннымъ въ землю къ будущему 724 году, которые крестьяня крѣпки мнѣ по дачамъ и написаны за мною во оной деревни Матвѣевой по переписнымъ и по душевнымъ книгамъ и по дачамъ всѣхъ безъ остатку“, за 180 рублевъ.

10. 8 сентября 1724 г. отъ прапорщика Ченцова Драгунского полка Ивана Федорова Ушакова изъ его помѣстной земли, изъ дачи умершаго отца его, въ той же пятинѣ, „въ Бѣлозерской половинѣ въ Устрецкомъ погостѣ въ пустоши Анцыфоровѣ 6 четвертей пашню и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи“, за 40 рублей.

11. 24 сентября 1724 г. отъ новгородца дворянина Данилы Леонтьева сына Ускаго изъ его помѣстной земли, изъ дачи дѣда и отца его въ той же пятинѣ, „въ Бѣлозерской половинѣ въ Устрецкомъ стану, въ Бѣльской трети, на устьѣ Увери рѣки, въ пустоши Алексинѣ повытокъ“ со всякими угодьями, за 25 рублей.

12. 7 октября 1724 г. отъ того же Д. Л. Ускаго изъ его помѣстной земли, „въ Устрецкомъ погостѣ, въ пустоши Чириковѣ Пустомъ одну четь пашни и съ сѣнными покосы и со всякими угодьи“, за 1 рубль.

13. 3 марта 1725 г. отъ новгородца дворянина Василія Никифорова Ускаго изъ помѣстной его земли, въ той же пятинѣ, „въ Бѣлозерской половинѣ, въ Устрецкомъ стану, въ Бѣльской трети, на устьѣ Увери рѣки,

въ пустоши Алексинѣ повытокъ . . . . , да въ пустоши Пустомъ Чириковѣ одну четь пашню и съ сѣнными покосы и со всякими угодьи и со владѣніемъ прошлыхъ лѣтъ“, за 25 рублей.

8. Изъ письма къ Посошкову ямбурскаго мастера I. Каженкова, 12 мая 1725 г.

Въ Повегороде поса . . . мастеру Ивану Ти . . . Его милости Посошкову (на конвертѣ).

А про меня . . . напаметовать и я пока писаніе далъ . . . (д)обромъ здравіи. Видѣлся я (съ) Зах(аромъ), говорили, буде угодно, и ты пришли человѣка въ Ямъ Бурхъ, такъ я буду съ человѣкомъ . . . съ твоимъ, и отправлю заводъ и здѣлаю печь и составлю матерію и горшки, а безъ ковки быть не можно, и мы послѣ здѣлаемъ; а въ чемъ первая нужда въ марганцѣ и мышьяк(ѣ) и въ иныхъ которыхъ материалахъ и вп(редь) ты ко мнѣ отвѣтствіе пришли . . .

При семъ писавый ямъбургскихъ заводовъ мастеръ Гаврило Каженковъ. А больше тебѣ сего письма вручитель скажетъ пространнѣй. И(з) Санктъ-питербурха, маія 12 дня 1725 году.

9 Отпускное письмо, данное Посошковымъ его человѣку А. Селиванову, 19 іюня 1725 г. (по собственноручному черновику).

725-го года, Іюня 19-го дня, отпустилъ я изъ Санктъ питеръ бурха человѣка своего Аѳанасья Селиванова въ Новгородской уѣздъ, въ Бежитскую пятину, на Устрицкой свой водочнаго строенія заводъ и оттоль взять ему дѣвку Катерину Васильеву дочь и привести ее съ собою въ Санктъ Питеръ бурхъ немедленно, а итить ему путемъ черезъ Тихвину.

И по городомъ господамъ воеводамъ и по учрежденнымъ заставамъ господамъ афицѣрамъ и рядовымъ салдатамъ пожаловать ево отъ Санктъ питеръ бурха до Устрики и отъ Устрики до Санктъ питеръ бурха пожаловать пропускать и съ помянутою (дѣвко)ю. Писалъ сей отпускъ человѣку своему водошнаго . . . . . Иванъ Тихоновъ сынъ Посошковъ своеручно.

10. Челобитная Посошкова по тяжебному дѣлу съ помѣщикомъ С. Ѳ. Линевымъ о пустоши Типолово Соломониды Лупандиной 1725 или 1726 г. (По собственноручной черновой).

1. Въ прошломъ 723 году, августа въ 23 день, будучи въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Бѣжитской пятинѣ, у помѣщицы той же пятины, у Соломониды Евдокимовой дочери Люпандиной купилъ я нижайшій пустошь, прозваніемъ Типолово, и далъ я за нее по (любо)вному [1]) своему договору 50 р., а за небытіемъ тамо крѣпостныхъ писцовъ, ради увѣренія, дали мнѣ рукописное письмо, что написавъ ей на ту пустошь у крѣ(по)стныхъ дѣлъ дать мнѣ купчую того жъ 723 году октября въ 1 день.

2. . . . . . . но пріѣхавъ въ Новгородъ продали ту пустошь (комисару?) Семену Ѳедотову сыну Линеву . . .

4. И егда той вымышленной закладной срокъ дошолъ, подалъ оной Линевъ на тое мою и свою продавицу, что ее допросить и, укрывая свою стачку, держалъ ее продавицу у себя въ дому и какъ ему угодно, такъ она и сказала, будто выкупить ей нечѣмъ, и сроку не просила. И такою явною своею стачкою и ябедническимъ вымысломъ хочетъ ту пустошь у меня отбить и за себя укрѣпить нагло, и надѣючись на свою неправду, съ той пустоши людей моихъ и крестьянъ збилъ и своимъ хлѣбомъ ее засѣелъ.

5. И я, увѣдавъ то ихъ сообщительное коварство, билъ челомъ . . . тое ихъ подставную сдѣлку остановить и въ вотчинную колег(ію) по той неправой закладной о за . . . за нею до вершенія дѣла не . . .

6. (Потомъ билъ челомъ на него) [2]) Линева и на нее продавицу . . . допросить вторично о томъ, что онъ Линевъ . . . . . Соломониду въ продажѣ пустоши. . .

7. . . . . письмо, которое она Соломонида дала мнѣ въ то время, какъ за ту пустошь деньги у меня взяла.

8. Прошу, дабы повелено было изъ коллегіи надворнаго суда въ Новгородскую канцелярію послать указъ, чтобъ по первой

[1]) Возстановлено примѣнительно къ тексту ниже (пунктъ 8).

[2]) Слова въ скобкахъ выцвѣли и читаются неясно.

своей продаже и по любовному со мною договору и по . . . ˘оная продавица Соломонида Люпандина дала бы мнѣ на ту пустошь отъ крѣпостныхъ дѣлъ купчую, а буде давать не станетъ, или судьи ей въ томъ по(норовятъ), тобъ то подлинное дѣло и ее продавицу (выслать) въ Санктъ питеръ бурхъ въ коллегію надворнаго суда.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, прошу ва(шего) величества о рѣшеніи сего дѣла.

Жизнь Радищева [1]).

I. Свободный мыслитель XVIII вѣка.

„О, вольность, вольность, даръ безцѣнный,
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ“.

Путешествіе.

Когда первые экземпляры книги „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ появились въ продажѣ лѣтомъ 1790 года, авторъ былъ арестованъ по личному приказанію Императрицы Екатерины II. Императрица сама руководила слѣдствіемъ и судомъ, приговорившимъ Радищева къ смертной казни, которая была замѣнена десятилѣтнею ссылкою въ Сибирь.

Между тѣмъ, въ нашей литературѣ XVIII столѣтія „Путешествіе“ Радищева стоитъ въ одномъ ряду съ сочиненіемъ самой Екатерины—„Наказомъ“, которое издано было на 24 года раньше, въ 1766 году, и было тогда во Франціи запрещено цензурой. „Путешествіе“, наравнѣ съ „Наказомъ“, является памятникомъ могущественнаго вліянія французской просвѣтительной литературы XVIII вѣка, отраженіемъ политическихъ и философскихъ идей вѣка Вольтера, Монтескье, Руссо и Мабли. Въ книгѣ Ека-

---

[1]) Эта статья напечатана въ книгѣ: А. Н. Радищевъ. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Изд. т-ва „Общественная Польза“ СПБ. 1905. Стр. VII—LXIX, 285—295. Цитаты изъ „Путешествія“ приводятся по этому изданію.

Ред.

терины отразился первый, болѣе умѣренный, періодъ развитія этихъ идей, въ книгѣ Радищева—второй, предреволюціонный.

О Екатеринѣ II Вольтеръ говорилъ, что „философія не можетъ особенно гордиться такими ученицами, какъ прекрасная Като". Онъ не сказалъ бы этого о другомъ ученикѣ французскихъ философовъ, Радищевѣ, если бы зналъ его труды, отличающіеся глубокимъ проникновеніемъ въ духъ французской освободительной литературы и смѣлой самостоятельной критикой русской дѣйствительности.

Знаменитая своею печальной судьбою, книга Радищева принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы, не только какъ политическій трактатъ, но и какъ художественное произведеніе. Само собою разумѣется, что это сочиненіе, написанное въ 1790 году, еще очень далеко отъ той высоты творчества, которой достигла наша литература лишь во второй половинѣ прошлаго вѣка. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" принадлежитъ къ тому періоду развитія нашей литературы, въ которомъ, далекая отъ самостоятельности, она была еще въ тѣсной зависимости отъ различныхъ европейскихъ школъ, въ которомъ первыя творческія исканія не шли дальше отраженія русской дѣйствительности въ зеркалѣ иноземнаго искусства и иноземной мысли.

При всей своей зависимости отъ иностранныхъ литературныхъ школъ, книга Радищева въ цѣломъ была, однако, оригинальнымъ произведеніемъ. Сходство „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" съ „Сентиментальнымъ путешествіемъ по Франціи" Стерна, съ которымъ его часто сравниваютъ, ограничивается лишь внѣшнею формою повѣствованія: разговоры съ дорожными спутниками, размышленія путешественника и отрывки изъ бумагъ, яко-бы найденныхъ въ дорогѣ. Но содержаніе, вложенное въ эту форму, совершенно отличается отъ содержанія книги Стерна; оно все самостоятельно взято изъ русской жизни и въ общемъ несравненно глубже и значительнѣе поверхностныхъ наблюденій и легкихъ салонныхъ размышленій Стерна. Зависимость Радищева отъ сочиненія Рейналя: „Философская исторія обѣихъ Индій" обнаруживается больше всего лишь въ стилѣ, въ патетичности размышленій на политическія темы. Гораздо важнѣе, по существу, зависимость Радищева отъ французскихъ мыслителей. По своему міро-

созерцанію онъ принадлежитъ всецѣло французской школѣ вѣка просвѣщенія. Но и въ этой области у него нѣтъ элементарной подражательности, потому что мысли, усвоенныя отъ различныхъ французскихъ и частью нѣмецкихъ философовъ, онъ слилъ въ глубоко продуманное міровоззрѣніе, и въ рѣзкомъ конфликтѣ между отвлеченными началами и русскою жизнью стойко сохранилъ свои воззрѣнія, начавъ борьбу съ дѣйствительностью во всеоружіи свободной мысли.

Въ художественномъ отношеніи „Путешествіе“ Радищева страдаетъ большими недостатками: оно очень неровно, невыдержано, необработано; въ немъ много слабыхъ страницъ въ описаніяхъ и размышленіяхъ; юморъ нерѣдко очень грубъ; языкъ часто тяжелъ, будучи переполненъ архаическими выраженіями старой книжной рѣчи. Языкъ книги, звучащій вообще столь архаически въ наши дни, мѣшаетъ впечатлѣнію ея сильныхъ страницъ. „Путешествіе“ Радищева похоже теперь на старую картину художника XVIII вѣка, потрескавшуюся, запыленную, съ выцвѣтшими красками. Но въ этой картинѣ, сквозь густой слой пыли устарѣлаго слога и сквозь выцвѣтшія краски сентиментализма и манернаго паѳоса просвѣчиваютъ яркія черты жизни, порывы сильнаго чувства и блескъ смѣлой, глубокой мысли. Въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ по стилю и тону очерковъ, бытовые очерки, замѣчательные народнымъ языкомъ и реализмомъ, смѣняются сценами трагическими, юморъ смѣняется рѣзкой сатирой, легкій разсказъ — воодушевленными размышленіями о свободѣ и Богѣ. Всѣ эти очерки, сливаясь, широко охватываютъ современность, съ торжествующимъ въ ней насиліемъ и рабскимъ угнетеніемъ, и мрачныя стороны жизни оттѣняются свѣтлыми мыслями автора, страдающаго, негодующаго, вдохновленнаго идеаломъ свободы.

Книга Радищева была смѣлымъ великимъ бунтомъ противъ современности во имя естественныхъ правъ человѣка. Съ особою силою возстаетъ онъ противъ крѣпостного права, которое являлось такимъ рѣзкимъ контрастомъ его идеалу свободнаго общества гражданъ. Отбрасывая завѣсу условностей, мѣшающихъ видѣть вещи въ подлинномъ видѣ, Радищевъ въ крѣпостномъ крестьянинѣ — показываетъ раба, и рѣзко клеймитъ „звѣрской обычай порабощать себѣ подобнаго человѣка“, „обычай, дикимъ народамъ приличный, обычай, знаменующій сердце окаменѣлое и

души отсутствіе совершенное". Онъ обращается къ чувству читателя, рисуя трагическую сцену продажи людей съ публичнаго торга, обращается къ разуму, убѣждая согражданъ „познать свое заблужденіе", наконецъ, прибѣгаетъ къ угрозамъ. Въ его рѣчи часто слышится истинное вдохновеніе:

„Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противостояніе. Прорвавъ оплотъ единажды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братья наши, въ узахъ нашихъ содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. — Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся!"

Требованія свободы и равенства Радищевъ обосновывалъ естественными правами человѣка, слѣдуя ученію передовыхъ мыслителей XVIII вѣка, въ особенности Руссо и Мабли. Свобода и равенство составляютъ естественныя природныя права человѣка, потому что „человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому", или, какъ писалъ Мабли, потому что „люди вышли изъ рукъ природы совершенно равными, слѣдовательно безъ какихъ-либо правъ однихъ людей надъ другими, и совершенно свободными" [1]). „Безпредѣльная свобода" естественнаго права смѣняется стѣсненіями права гражданскаго. Люди кладутъ предѣлъ своей свободѣ, устанавливаютъ правила своимъ дѣяніямъ, для чего? Для собственной пользы, для собственнаго блага. „Какое было побужденіе вступать въ общество и полагать произвольные предѣлы дѣяніямъ?" Собственное благо, — такъ говоритъ разсудокъ, сердце и „нерастлѣнный законъ гражданскій". Но если это основаніе гражданскаго общества, общее благо, нарушено,

[1]) Mably, Droits et devoirs du citoyen, Lettre I. Ср. Радищевъ, стр. 136.

если законъ не можетъ или не хочетъ осуществить общаго блага, тогда вступаетъ въ силу природное право человѣка, право самозащиты. Когда гражданское право нарушено, тогда „возрождается законъ природы“ и „природное право мщенія“. И съ этой точки зрѣнія Радищевъ оправдываетъ убійство крестьянами звѣрскаго господина и въ одѣ „Вольность“ оправдываетъ Кромвеля [1]).

Горячій защитникъ свободы и равенства является и въ области философіи свободнымъ мыслителемъ. Онъ возстаетъ противъ мистицизма, который началъ распространяться въ то время, съ развитіемъ масонства, возстаетъ противъ „мглы предубѣжденій“, „тумана предразсудковъ и суевѣрій“. „Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы“. „Истина нашла любителей, попрала огромный оплотъ предразсужденій, но недолго пребыла въ сей стезѣ“. „Не дошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію“.

Свое отношеніе къ религіи онъ выразилъ въ краснорѣчивомъ исповѣданіи деизма: „Егова, Юпитеръ, Брама, Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой, Ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго, но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла“. Такъ говоритъ авторъ, стоя на холмѣ въ селѣ Бронницахъ (близъ Новгорода), предъ церковью, которая построена, по преданію, на мѣстѣ древняго языческаго капища; этотъ древній языческій храмъ онъ отказывается признать храмомъ заблужденія, потому что въ немъ, какъ и всюду, почитаніе стремилось къ единому, предвѣчному, природы строителю [2]).

---

[1]) Ср. о правѣ естественномъ: стр. 81—83, стр. 136—137 и оду „Вольность“ стр. 198—205.

Въ своихъ разсужденіяхъ о правѣ возстанія, какъ правѣ естественномъ, Радищевъ, повидимому, ближе всего слѣдуетъ Мабли. Его антитеза: „гражданинъ, становясь гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ“ близка къ вопросу Мабли: „должно ли качество гражданина разрушить достоинство человѣка?“ (la qualité de citoyen doit-elle détruire la dignité de l'homme).

[2]) Я ограничиваюсь здѣсь краткой характеристикой Радищева, спѣша перейти къ его біографіи. О нѣкоторыхъ чертахъ „Путешествія“ и о философскихъ воззрѣніяхъ Радищева рѣчь еще будетъ ниже. Прекрасное системати-

Свободный мыслитель XVIII вѣка, Радищевъ вполнѣ сознавалъ великое значеніе идей и событій своей эпохи и посвятилъ замѣчательную оду „Осьмнадцатому столѣтію“, столѣтію, „омоченному въ крови, безумному и мудрому“:

Урна времянъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались, въ рѣки ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море, а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни бреговъ;
Не возвышался тамъ островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ;
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ.
Но знаменито вовѣки своею кровавой струею,
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда.
. . . .
Нѣтъ, ты не будешь забвенно, столѣтье, безумно и мудро,
Будешь проклято въ вѣкъ, въ вѣкъ удивленіе всѣхъ.
Крови въ твоей колыбели, припѣваніе, громы сраженьевъ,
Ахъ, омочено въ крови ты ниспадаешь во гробъ.
. . . .
О незабвенно столѣтье! радостнымъ смертнымъ даруешь
Истину, вольность и свѣтъ, ясно созвѣздье во вѣкъ.
Мудрости смертныхъ столпы разрушивъ, ты ихъ паки создало,
Царства погибли тобой, какъ раздробленной корабль;
Царства ты зиждешь. Они расцвѣтутъ и низринутся паки.
Смертный что зиждетъ, все то рушится, будетъ все прахъ;
Но ты творецъ было мысли, онѣ жъ суть творенія Бога,
И не погибнутъ онѣ, хотя бы гибла земля.
. . . .
Мужественно сокрушило желѣзны ты двери призраковъ,
Идоловъ свергло къ землѣ, что міръ на землѣ почиталъ.
Узы прервало, что духъ намъ тягчили,—да къ истинамъ новымъ
Молньей крылатой паритъ, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было столѣтье! Духъ вѣковъ прежнихъ
Палъ предъ твоимъ алтаремъ, ницъ и безмолвенъ, дивясь.

ческое обозрѣніе воззрѣній Радищева, выразившихся въ „Путешествіи“, даетъ г. Мякотинъ въ своей статьѣ: „На зарѣ русской общественности“, въ сборникѣ статей и въ отдѣльномъ изданіи „Донской Рѣчи“.

II. Дѣтство и лейпцигскій университетъ.

Всѣ (юноши), чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ.

Житіе Ушакова.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ, родился въ Саратовской губерніи 20 августа 1749 года; умеръ 12 сентября 1802 года въ Петербургѣ, 53-хъ лѣтъ.

Родъ его не отличался знатностью. По преданію, онъ ведетъ начало отъ татарскаго мурзы, вступившаго въ русское подданство при Иванѣ Грозномъ. Достовѣрныя извѣстія о предкахъ Радищева не идутъ дальше его дѣда, Афанасья Прокофьевича, который началъ свою службу въ потѣшныхъ полкахъ Петра I, а затѣмъ, въ царствованіе Анны Ивановны, служилъ въ Малороссіи полковникомъ стародубскаго полка (съ 1734 года) [1]).

Отецъ Радищева, Николай Афанасьевичъ, былъ помѣщикомъ Саратовской губерніи средняго достатка; онъ былъ хорошо образованнымъ человѣкомъ, зналъ иностранные языки, много читалъ и съ любовью занимался сельскимъ хозяйствомъ. Къ своимъ крестьянамъ онъ относился очень гуманно, такъ что они сами выступили защитниками его во время пугачевскаго бунта. Когда мальчику минуло шесть лѣтъ, къ нему приглашенъ былъ французъ гувернеръ; но этотъ гувернеръ оказался невѣжественнымъ солдатомъ дезертиромъ. Тогда отецъ Радищева отправилъ его въ Москву на попеченіе родственника своей жены М. Ф. Аргамакова. Въ семьѣ дяди Радищевъ получилъ очень хорошее воспитаніе подъ наблюденіемъ француза, бывшаго члена руанскаго парламента, эмигрировавшаго въ Россію вслѣдствіе преслѣдованій пра-

---

[1]) Дѣдъ Радищева, Афанасій Прокофьевичъ, при Аннѣ Ивановнѣ служилъ въ генеральномъ войсковомъ судѣ въ Малороссіи и указомъ 11 сентября 1734 года назначенъ былъ полковникомъ Стародубскаго полка. Этотъ указъ напечатанъ въ „Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.", т. 108, с. 366—367. Братъ этого Афанасія, Терентій Прокофьевичъ, былъ назначенъ въ 1727 г. воеводою въ гор. Боровскъ (тамъ же, т. 63, с. 430). Въ источникахъ петровскаго времени встрѣчается еще Титъ Афанасьевичъ Радищевъ, владѣвшій болѣе 100 дворовъ и въ 1716 г. служившій комиссаромъ Рижской губерніи.

вительства Людовика XV. Уроки ему давали лучшіе учителя и нѣкоторые профессора только что (въ 1755 году) открытаго московскаго университета, директоромъ котораго былъ родственникъ его дяди А. М. Аргамаковъ.

Въ годъ восшествія на престолъ Екатерины II, Радищевъ, 13-ти лѣтъ отъ роду, былъ опредѣленъ въ пажескій корпусъ. Четырехлѣтнее его обученіе въ этомъ корпусѣ не могло быть особенно плодотворнымъ, потому что преподаваніе въ корпусѣ стояло невысоко: пажи, по отзыву Екатерины, росли невѣждами и шалунами. Къ счастію, Радищеву удалось попасть въ одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ. Когда, въ 1766 году Екатерина, желая подготовить образованныхъ чиновниковъ для задуманныхъ ею новыхъ учрежденій, рѣшила отправить за границу 12 молодыхъ дворянъ, Радищевъ, въ числѣ шести лучшихъ учениковъ пажескаго корпуса, былъ посланъ въ лейпцигскій университетъ.

Пятилѣтнее ученье въ этомъ университетѣ (съ осени 1766 г. до осени 1771 года) дало Радищеву тѣ знанія, какихъ въ то время онъ не могъ бы получить въ Россіи. Условія жизни его въ Лейпцигѣ сложились крайне неблагопріятно. Надзоръ за русскими студентами порученъ былъ императрицею инспектору маіору Бокуму, человѣку грубому и корыстолюбивому, недостатковъ котораго не могла исправить данная ему инструкція, составленная самой Екатериной по послѣднему слову педагогіи. Бокумъ удерживалъ въ свою пользу значительную часть казенныхъ денегъ, отпускавшихся на содержаніе студентовъ, и они вынуждены были жить въ сырыхъ квартирахъ и питаться иногда впроголодь. Онъ требовалъ отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія, какъ отъ школьниковъ, и даже сдѣлалъ особую клѣтку, въ которую намѣревался сажать провинившихся. Упорная борьба студентовъ съ воспитателемъ привела къ тому, что одинъ, по приговору товарищей, далъ ему пощечину.

„Мы не столько помышляли о нашемъ ученіи,—разсказываетъ Радищевъ,—какъ о способахъ освободиться отъ такого несноснаго ига. Подобно, какъ въ обществахъ, гдѣ удрученіе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія и возникаетъ отчаяніе, такъ и въ нашемъ обществѣ (студентовъ) начинались сходбища, частыя сѣтованія, предпріятія и все, что при заговорахъ бываетъ“. Бокумъ,

„имѣя власть и поступавшій подобно правителямъ народовъ“, посадилъ всѣхъ студентовъ подъ арестъ,—„какъ государственныхъ преступниковъ или отчаянныхъ убійцъ“. Они начали уже помышлять о бѣгствѣ въ Америку. Борьба эта кончилась, благодаря вмѣшательству посланника, князя А. М. Бѣлосельскаго, смирившаго Бокума.

Лишенный нравственнаго авторитета, воспитатель не могъ удержать молодыхъ людей отъ соблазновъ жизни въ „развратномъ“ (по выраженію Радищева) городѣ, которые гибельно отозвались на здоровьѣ Радищева (сравни „Путешествіе“, глава „Яжелбицы“).

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія жизни, Радищевъ учился чрезвычайно усердно и серьезно. По инструкціи, которую писала сама Екатерина, русскіе студенты должны были обучаться языкамъ (латинскому, нѣмецкому, французскому и если возможно, славянскому), „моральной философіи, исторіи, а наипаче праву естественному и всенародному, и нѣсколько и римской имперіи праву“. Помимо этихъ предметовъ, Радищевъ, по своему желанію, много занимался естественными науками и въ особенности химіей и медициной. Благотворное вліяніе на серьезныя занятія Радищева оказалъ старшій товарищъ его, Ушаковъ, который самъ вызвался на учебную поѣздку за границу, бросивъ обезпеченное служебное положеніе. Въ очеркѣ: „Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова“ Радищевъ сохранилъ намъ идеалистическія черты этого „вождя своей юности“, „друга любезнѣйшаго“, „друга своего сердца“ (умершаго въ Лейпцигѣ, 23 лѣтъ, въ іюнѣ 1770 года).

Изъ профессоровъ лейпцигскаго университета наибольшее вліяніе на Радищева имѣлъ очень славившійся въ то время профессоръ философіи Эрнстъ Платнеръ. Онъ былъ послѣдователемъ Лейбница, ученіе котораго тогда господствовало почти во всѣхъ университетахъ, впослѣдствіи же поддался въ извѣстной степени вліянію Канта; изъ его сочиненій наибольшей извѣстностью пользовались „Философскіе афоризмы“ (1776 г.). Чрезъ его чтеніе Радищевъ усвоилъ нѣкоторыя воззрѣнія Лейбница, и его же вліянію можно приписать интересъ Радищева къ естественнымъ наукамъ и медицинѣ, такъ какъ Платнеръ, на ряду съ философіей, спеціально изучалъ также и эти науки. Когда, 20 лѣтъ спустя, Ка-

рамзинъ навѣстилъ Платнера въ Лейпцигѣ, онъ тотчасъ вспомнилъ своихъ русскихъ учениковъ, Радищева и нѣкоторыхъ его товарищей.

Помимо лекцій нѣмецкихъ профессоровъ, на философское и и политическое міросозерцаніе Радищева и его друга Ушакова оказала сильное вліяніе французская литература вѣка просвѣщенія. Въ области философіи они увлеклись крайнимъ матеріализмомъ или точнѣе сенсуализмомъ Гельвеція, въ области политики—предъреволюціоннымъ демократическимъ ученіемъ Мабли. Нѣмецкіе профессора, должно быть, тщательно охраняли своихъ студентовъ отъ вреднаго вліянія французскихъ радикальныхъ ученій, такъ какъ русскіе студенты въ концѣ 60-хъ годовъ не знали очень извѣстной тогда книги Гельвеція „О разумѣ“, вышедшей въ 1758 году, пока эту книгу не рекомендовалъ имъ одинъ русскій человѣкъ изъ высшаго круга, проѣзжавшій чрезъ Лейпцигъ. Ушаковъ и, слѣдомъ за нимъ, Радищевъ начали усердно изучать Гельвеція; пользуясь своимъ знакомствомъ съ нѣмецкой философіей, они относились къ нему критически, но все же признавались, что по книгѣ его „мыслить научались“ и, благодаря ему, получили „отвращеніе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ“. Къ ученію Мабли они также относились критически, считая его коммунизмъ утопіей; но они вполнѣ прониклись его демократизмомъ и боевымъ, революціоннымъ духомъ его ученія. Они считали Мабли великимъ авторитетомъ въ области политики и отказались слушать курсъ профессора Беме по международному праву, рѣшивъ вмѣсто того читать сочиненіе Мабли о „Правѣ публичномъ Европы, основанномъ на трактатахъ“; они говорили, что въ этомъ, „образцовомъ, по мнѣнію всего свѣта“, произведеніи Мабли, конечно, найдутъ больше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было профессорскихъ лекціяхъ.

III. Первые литературные опыты и служба (1771—1790 г.).

Единожды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его калѣкою.

Житіе Ушакова.

Въ ноябрѣ 1771 года Радищевъ вернулся изъ-за границы въ Петербургъ и поступилъ на службу въ сенатъ протоколистомъ [1]). Сенатскія дѣла на первыхъ же порахъ должны были поразить молодого ученика Мабли рѣзкимъ контрастомъ между передовой теоріей и безотрадной дѣйствительностью. Но вскорѣ, по возвращеніи въ Россію, ему выпала на долю работа, которая перенесла его въ область его университетскихъ занятій.

По порученію общества, образованнаго императрицей для перевода на русскій языкъ замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій, „общества, старающагося о напечатаніи книгъ", онъ занялся переводомъ сочиненія своего любимаго писателя Мабли: „Observations sur l'histoire de la Grèce". Переводъ этотъ вышелъ въ 1773 г. подъ названіемъ: „Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія или несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де Мабли". Радищевъ прибавилъ къ переводу любопытное примѣчаніе, составленное въ духѣ ученія автора книги о народномъ суверенитетѣ. Слово despotisme онъ перевелъ терминомъ „самодержавство" и, поясняя его, писалъ: „Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи тоже, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ

---

[1]) Для опредѣленія времени возвращенія Радищева въ Россію имѣетъ значеніе слѣдующая неизданная расписка его и двухъ его друзей:

„Лейпцигъ, 16 октября 1771 года. На дорожные расходы, какъ и на приготовленіе къ вояжу получили мы нижеподписавшіеся отъ Его Сіятельства князя Андрея Михайловича Бѣлосѣльскаго каждый по 200 червонныхъ. Сумма шестьсотъ червонныхъ Александръ Радищевъ, Алексѣй Кутузовъ, Андрей Рубановскій" (рукою Радищева): Госуд. Архивъ, XVII, № 62 л. 272.—Въ Петербургъ Радищевъ пріѣхалъ не позже 25 ноября 1771 г., см. „Русск. Арх." 1870 г. т. VIII, ст. 946—948.

надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества" [1]).

Въ связи съ работой надъ этимъ переводомъ, Радищевъ усердно изучалъ русскій литературный языкъ. Онъ пользовался уроками Храповицкаго (будущаго статсъ-секретаря Екатерины), и для изученія языка, слѣдуя совѣту Ломоносова, читалъ церковно-славянскія книги. Въ это же время до (1775 г.) онъ много писалъ стиховъ, по его выраженію,—„на нѣжные предметы".

Прослуживъ до 1773 года въ сенатѣ, затѣмъ два года въ штабѣ генералъ-аншефа графа Я. А. Брюса (впослѣдствіи бывшаго въ Москвѣ главнокомандующимъ), въ должности оберъ-аудитора, Радищевъ въ 1775 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ секундъ-маіора. Въ томъ же году онъ женился на племянницѣ своего лейпцигскаго товарища Андрея Рубановскаго, Аннѣ Васильевнѣ. Проживъ нѣкоторое время въ Москвѣ, онъ 22 декабря 1777 года вновь поступилъ на службу асессоромъ въ коммерцъ-коллегію. Вскорѣ, въ 1780 году, онъ былъ назначенъ помощникомъ управлявшаго петербургской таможней Даля; съ октября 1781 г., въ теченіе года онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи о коммерціи по составленію новаго общаго таможеннаго тарифа, изданнаго въ сентябрѣ 1782 года. Въ 1790 году, незадолго до своего ареста (въ іюнѣ), онъ былъ назначенъ управляющимъ петербургской таможней.

Во все время своей службы въ коллегіи и въ таможнѣ, Радищевъ пользовался особымъ довѣріемъ и расположеніемъ своего начальника, графа А. Р. Воронцова, президента коммерцъ-коллегіи, почтеннаго и просвѣщеннаго вельможи Екатерининскаго царствованія. Полное довѣріе его Радищевъ пріобрѣлъ вскорѣ послѣ своего поступленія въ коллегію, когда однажды смѣло выступилъ на защиту справедливости, не убоявшись пойти противъ мнѣнія президента и старшихъ членовъ коллегіи. Въ коллегіи разбиралось дѣло браковщиковъ пеньки. Президентъ, вице-президентъ и другіе члены коллегіи признали ихъ виновными въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Радищевъ одинъ отстаивалъ ихъ невинность. Первая

[1]) Въ другомъ примѣчаніи Радищевъ оспаривалъ мнѣніе Мабли, что эфоры установлены Ликургомъ, ссылаясь на классиковъ (с. 17). Кромѣ того, въ 3—4 случаяхъ, гдѣ Мабли глухо ссылался на „одного славнаго писателя", Радищевъ далъ точныя ссылки на Монтескье, „О разумѣ законовъ" (с. 162, 164, 172).

мысль графа Воронцова была, что Радищевъ защищаетъ ихъ по какимъ-либо корыстнымъ видамъ. Но, пересмотрѣвъ дѣло, онъ убѣдился, что правда на сторонѣ Радищева [1]).

Управленіе таможней въ значительной части лежало на Радищевѣ, потому что главный начальникъ ея, Даль, былъ человѣкомъ болѣзненнымъ, и къ тому же не умѣлъ писать по-русски. Радищевъ часто писалъ графу Воронцову доклады о движеніи торговли петербургскаго порта и при этомъ иногда съ шуткой пополамъ разсказывалъ о курьезныхъ ухищреніяхъ въ провозѣ контрабанды. Графъ Воронцовъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выдвинуть своего любимца. Посылая въ 1786 г. статсъ-секретарю графу А. А. Безбородкѣ для представленія императрицѣ, рапортъ Радищева о столкновеніи между капитаномъ одного французскаго судна и кронштадтской таможней,—Воронцовъ письмо свое закон-

---

[1]) Въ архивѣ таможеннаго департамента хранится слѣдующее прошеніе секундъ-маіора Александра Радищева на Высочайшее имя, заслушанное 30 мая 1779 года:

„1. Въ службѣ находился я съ 1762-го года при дворѣ Вашего Императорскаго Величества, затѣмъ, въ 1766-мъ году посланъ былъ въ лейпцигскій университетъ, по возвращеніи моемъ изъ онаго пожалованъ въ 1771-мъ году титулярнымъ совѣтникомъ, въ 1773-мъ году переименованъ въ штабъ его сіятельства Господина Генералъ-Аншефа и Кавалера Графа Якова Александоровича Брюса оберъ-аудиторомъ, въ 1775-мъ году уволенъ отъ службы секундъ-маіоромъ, а въ 1777-мъ году, декабря 22 дня, указомъ Правительствующаго Сената опредѣленъ въ государственную коммерцъ-коллегію на асессорскую вакансію. 2. Имѣя же нынѣ намѣреніе и склонность продолжать службу мою въ предыдущее время въ статскомъ званіи, прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было изъ воинскаго секундъ-маіорскаго чина, яко находящагося уже на асессорской ваканціи, переименовать въ асессорскій чинъ“. По этому прошенію сенатскимъ указомъ 22 іюня 1779 года Радищеву данъ былъ чинъ коллежскаго совѣтника.

Съ переводомъ Радищева въ таможню, состоялся указъ Сената 26 мая 1780 года о замѣщеніи его должности коллежскаго асессора въ коммерцъ-коллегіи Егоромъ Бухольцомъ (Арх. тамож. деп., дѣла 1779, 1780 г.г. экспед. 4, опись 1, связки 49 и 50).

Слѣдовъ эпизода, разсказаннаго въ текстѣ, по воспоминаніямъ сына Радищева, о столкновеніи его съ членами коллегіи по дѣлу браковщиковъ пеньки, въ дѣлахъ таможеннаго архива я не нашелъ. Можетъ быть, этотъ случай относится къ дѣлу „объ отрѣшеніи отъ браку пеньки и льна браковщика Татаринова (въ Архангельскомъ портѣ) за его непорядочные и законамъ противные поступки“ (дѣло 1777—1779 г.г., экспед. 2, арх. № 989).

чилъ слѣдующими словами: „Вы, я надѣюсь, найдете, что г. Радищевъ съ расторопностью исполнилъ ему препорученное“ [1]). Служебныя отношенія Радищева къ Воронцову привели къ ихъ дружеской близости. Радищевъ вошелъ въ кружокъ близкихъ знакомыхъ его и его сестры, княгини Е. Р. Дашковой.

Литературная дѣятельность Радищева надолго прервалась послѣ перевода книги Мабли, изданнаго въ 1773 году, и первыхъ стихотворныхъ опытовъ. Въ своемъ показаніи на слѣдствіи онъ объяснялъ свое охлажденіе къ литературнымъ занятіямъ и къ чтенію своей женитьбой, говоря, что послѣ женитьбы „наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимаясь ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами“. Но онъ тутъ намѣренно умолчалъ, что главная причина перемѣны заключалась не въ семейномъ счастьѣ, а въ рѣзкомъ столкновеніи юношескихъ идеаловъ съ дѣйствительностью. Объ этой истинной причинѣ онъ разсказалъ въ слѣдующей автобіографической страницѣ „Житія Ѳ. В. Ушакова“:

„Воспомни—говоритъ онъ, обращаясь къ своему другу Кутузову,—нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія на-

---

[1]) *Письмо графа А. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ, 3 августа 1786 года:*

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Андреевичъ! По возвращеніи Александра Николаевича Радищева изъ Кронштата подалъ онъ мнѣ рапортъ, которой въ подлинникѣ имѣю честь здѣсь приложить. Изъ содержанія онаго ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что все приведено тамъ въ порядокъ и что отъ французскихъ судовъ поданы въ таможню тѣ объявленія, кои отъ нихъ требовались и кои они такъ мѣшкали подавать, что и причиною было всѣхъ недоразумѣней, и вмѣсто жалобъ, кои графъ Сегюръ дѣлалъ, таможенное правленіе было бы въ правѣ на нихъ жалобу принесть, для чего въ свое время условленнаго обряда не исполнили, и хотя при всемъ учтивствѣ не оставлено будетъ за ними смотрѣть, чтобъ ничего безпошлинно не проскочило, однакожъ я щитаю не безнужнымъ, чтобъ, сославшись на ноту нашу и отвѣтную Графа Сегюра, ему бъ сказано было, чтобъ впредь при самомъ приходѣ кораблей, отъ нихъ ли самихъ или отъ купца, къ кому они адресованы, объявленія безъ замедленія въ таможни подаваемы были. Вы, я надѣюсь, найдете, что Г. Радищевъ съ расторопностію исполнилъ ему препорученное, имѣя честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя моего, покорный и вѣрный слуга Г. Александръ Воронцовъ.—Мурино. Августа 3 дня 1786 г. (Госуд. арх., XIX, № 240, ч. II, л. 352. Тутъ же подлинный рапортъ Радищева и подписанныя имъ таможенныя вѣдомости).

шего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Естьли кто, безстрастный, ничего инаго въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги: но естьли кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнію для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случаи на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его калѣкою".

IV. Работа надъ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву" (1785—1790).

Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала.

Путешествіе.

Жизнь смирила Радищева почти на 10 лѣтъ, но „не сдѣлала его калѣкою" навѣки. Начиная съ 1785 г., наканунѣ французской великой революціи, когда ему было 36 лѣтъ, идеалистическія стремленія, заглохшія на время, овладѣли имъ съ новою силою. Толчокъ къ этому дало сочиненіе Рейналя: „Философская исторія обѣихъ Индій [1]). Книга эта производила сильное впечатлѣніе на современниковъ патетическимъ стилемъ, идиллическимъ описаніемъ первобытныхъ племенъ въ духѣ Руссо, рѣзкими „дерзновенными" нападками на христіанство и государственныя учрежденія съ точки зрѣнія энциклопедистовъ; въ короткое время она выдержала нѣсколько изданій; ею зачитывались такіе люди, какъ Франклинъ, Гиббонъ, Фридрихъ II. Первое изданіе ея вышло въ

---

[1]) Guillaume-Thomas Raynal, Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. I-е изданіе въ Амстердамѣ, 1770 г. въ 4-хъ томахъ. Женевское изданіе 1781, въ 10-ти томахъ.

1770 году. Радищевъ же познакомился съ нею впервые десять лѣтъ спустя. Сочиненіе Рейналя увлекло его такъ же, какъ многихъ его современниковъ. „Сію книгу—писалъ Радищевъ впослѣдствіи въ крѣпости—могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію".

Онъ началъ читать многотомный трудъ Рейналя въ 1780 году, но ему мѣшала въ это время необходимость вникнуть въ новыя для него дѣла таможни, въ которую онъ былъ переведенъ изъ коллегіи; потомъ мѣшала срочная работа по составленію таможеннаго тарифа. Вскорѣ, въ августѣ 1783 г., умерла его жена. Эта смерть—писалъ онъ—„погрузила меня въ печаль и уныніе и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія". Наконецъ, въ 1785 г. онъ снова принимается за чтеніе Рейналя, котораго раньше оставилъ недочитаннымъ. На этотъ разъ онъ уже не оставляетъ чтенія и отдается всецѣло мыслямъ и чувствованіямъ дней своей юности.

„Я взглянулъ окрестъ меня,—говоритъ Радищевъ объ этомъ переломѣ—душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала".— Чувствительность и состраданіе ввергли его въ уныніе. Но онъ воспрянулъ отъ унынія, когда проникся вѣрой въ силу истины, въ силу разума, воодушевлявшаго его учителей, философовъ XVIII вѣка. „Бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе предметы". Надо раскрыть заблужденіе, надо „отнять завѣсу отъ очей природнаго чувствованія". Я,—говоритъ Радищевъ въ предисловіи къ „Путешествію"—ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучастникомъ въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ".

Онъ выбралъ для начала одно изъ наиболѣе вопіющихъ заблужденій времени. Аукціонный залъ. Съѣзжаются покупщики. По объявленію, напечатанному въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", продаются съ публичнаго торга шесть человѣкъ дворовыхъ людей. Они стоятъ неподвижно: среди нихъ старикъ 75 лѣтъ, бывшій дядька барина, восьмидесятилѣтняя старуха, бывшая кормилица еще его матери, внучка ихъ, молодица, съ ребенкомъ, прижитымъ отъ барина. Стукъ молотка, и участь ихъ рѣшена. „Слезы, рыданіе, стонъ, пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе

были тронуты". Свое разсужденіе объ этомъ варварскомъ, постыдномъ обыкновеніи крѣпостного права, Радищевъ закончилъ словами, которыя поняты были потомъ Екатериной какъ призывъ къ возстанію: „Всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ— великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія" (глава „Мѣдное").

Въ слѣдующемъ году (1786), читая сочиненіе Гердера, онъ на основаніи его написалъ „Краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры", въ которомъ доказывалъ, что цензура съ инквизиціей принадлежатъ къ одному корню, и говорилъ, что въ исторіи „мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу, возстающую на истину" (Глава „Торжокъ").

Въ томъ же году поѣздка моремъ на лодкѣ изъ Петербурга въ Сестрорѣцкъ (Систербекъ) дала ему матеріалъ для изображенія „начальника", котораго подчиненные не осмѣливаются разбудить даже тогда, когда слышатъ крики людей, тонущихъ въ морѣ, и безъ его разрѣшенія не могутъ придти къ нимъ на помощь (глава „Чудово").

Эти опыты привели Радищева къ мысли изобразить въ рядѣ отдѣльныхъ картинъ всѣ отрицательныя стороны общественнаго и государственнаго строя Россіи. Внѣшнюю форму сочиненія—наблюденія и размышленія во время путешествія онъ заимствовалъ изъ „Сентиментальнаго путешествія" Стерна. Книга, названная: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" была закончена къ началу 1789 года. Три очерка, указанныхъ выше, вставлены были въ главы: „Чудово", „Торжокъ" и „Мѣдное" [1]).

Прежде, чѣмъ приступить къ печатанію своей книги, Радищевъ, въ видѣ опыта, напечаталъ въ 1789 году небольшое „Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова" (написано въ 1788 году), въ которомъ подробно описалъ свою жизнь въ Лейпцигѣ. Своего старшаго товарища, учителя и друга, онъ описалъ въ живыхъ чертахъ юнаго философа, сгоравшаго жаждой знанія и мужественно встрѣтившаго часъ смерти на чужбинѣ, въ Лейпцигѣ. Въ приложеніи къ своему очерку Радищевъ напечаталъ три небольшихъ „размышленія" Ушакова: „О правѣ наказанія и о смертной казни",

---

[1]) Два послѣдніе очерка отдѣлены отъ повѣствованія указаніемъ на тетрадки, читаемыя путешественникомъ.

„О любви“ и „Три письма о первой книгѣ Гельвеціева сочиненія о Разумѣ“,—весьма близкія по духу къ философскимъ работамъ Радищева.

Въ это же время Радищевъ написалъ нѣсколько статей для журнала „Почта Духовъ“, издававшагося подъ редакціей Крылова въ 1789 году. Прямое указаніе на причастность Радищева къ „Почтѣ Духовъ“ сохранилось лишь въ запискахъ иностранца Массона, который приписалъ ему даже издательство этого журнала. Но нѣкоторыя изъ писемъ этой „Почты“ несомнѣнно въ той же мѣрѣ далеки отъ стиля Крылова, въ какой они близки къ стилю и содержанію произведеній Радищева. Относительно двухъ писемъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку (№№ 5 и 18) авторство Радищева подтверждается, кромѣ этихъ соображеній, также и нѣкоторыми чертами, несомнѣнно навѣянными обстановкой его жизни. Весьма вѣроятно также, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что и часть писемъ сильфа Дальновида написана была Радищевымъ [1]).

---

[1]) А. Н. Пыпинъ доказывалъ принадлежность Радищеву въ „Почтѣ Духовъ“ всѣхъ писемъ, отличающихся серьезностью общественной сатиры и значительной начитанностью, въ особенности писемъ сильфа Дальновида. (Статья «Крыловъ и Радищевъ. Кто писалъ въ „Почтѣ Духовъ“». „Вѣстн. Европы“, 1868 г. т. III, стр. 419—436). Его мнѣніе въ послѣднее время поддерживалъ А. І. Лященко (Біографія Крылова: „Истор. Вѣстн.“ 1894, т. LVIII, стр. 498—499). Въ большей части писемъ сильфа Дальновида (числомъ 11), однако, ни въ нихъ стилѣ, ни въ развитіи мыслей, нѣтъ прочныхъ признаковъ авторства Радищева. Въ письмѣ II-мъ даже встрѣчаемъ необычную для него увѣренность въ личномъ безсмертіи. Въ письмѣ XXIV встрѣчаемъ несвойственный ему тонъ отношенія къ крестьянамъ („и самый низкій хлѣбопашецъ, исполняющій рачительно должности своего состоянія“). Напротивъ, письмо XXII-е, тоже сильфа Дальновида, и по литературной манерѣ и по мыслямъ, близко къ Радищеву („земледѣлецъ, угнетаемый тяжкимъ бременемъ несносной работы“; „сонъ есть подобіе смерти... когда духъ и тѣло погружены бываютъ въ совершенную безчувственность“ и проч.). Относительно двухъ небольшихъ писемъ Астарота (V и XVIII), авторство Радищева подтверждается, кромѣ внутреннихъ признаковъ (стиль и содержаніе), также и внѣшними: 1) онѣ изложены въ видѣ разговоровъ со стихотворцемъ и кандидатомъ въ секретари, въ манерѣ такихъ же разговоровъ съ дорожными спутниками въ „Путешествіи“; 2) въ нихъ встрѣчаются черты, навѣянныя службой автора въ таможнѣ. Въ одномъ письмѣ Астаротъ принимаетъ видъ, нѣсколько неожиданно, таможеннаго сборщика; въ другомъ онъ употребляетъ мало извѣстный, спеціально таможенный терминъ: акциденціи. (Это не „взятка“, какъ поясняетъ г. Каллашъ въ примѣчаніяхъ къ „Полн. собр. сочи-

По примѣру Рахманинова, издававшаго „Почту Духовъ", печатая ее въ собственной типографіи, Радищевъ въ томъ же 1789 году, воспользовавшись указомъ Екатерины II о вольныхъ типографіяхъ 1783 г., завелъ небольшую домашнюю типографію [1]). Наборщикомъ ему служилъ таможенный досмотрщикъ, который раньше работалъ въ академической типографіи, тисканіемъ занимались его дворовые люди.

Сначала Радищевъ напечаталъ въ своей типографіи небольшую брошюру въ 14 страницъ: „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего" (1790 г.), въ которомъ описывалъ открытіе памятника Петру Великому въ Петербургѣ (состоявшееся 7 августа 1782 г.), превозносилъ похвалами Петра, но упрекалъ въ томъ, что онъ „истребилъ послѣдніе признаки дикой вольности своего отечества" и, „возносяся самъ и вознося отечество", „не утвердилъ вольность частную". Въ оправденіе же Петра онъ замѣтилъ: „нѣтъ, и до скончанія міра примѣра можетъ быть не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что либо изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ". Прочтя это сочиненіе въ связи съ „Путешествіемъ", Екатерина заключила, что „давно мысль его готовилась ко взятому пути".

Рукопись „Путешествія" была одобрена къ печати полицеймейстеромъ Никитою Рылѣевымъ 22-го іюля 1789 года. Печатаніе книги началось въ январѣ 1790 года и закончено было къ началу іюня. Напечатано было около 650 экземпляровъ, но изъ нихъ разошлось менѣе 100. Семь экземпляровъ Радищевъ роздалъ знакомымъ, въ томъ числѣ Державину; 25 экземпляровъ далъ на продажу по 2 р. за экземпляръ книгопродавцу Зотову. Зотовъ тотчасъ замѣтилъ „великое любопытство публики" къ этой книгѣ. О ней стали „говорить по всему городу". По характеру этихъ толковъ Радищевъ понялъ, что дѣло можетъ принять опасный

неній Крылова", т. II, стр. 463, а узаконенное процентное отчисленіе съ таможенныхъ штрафовъ въ пользу чиновниковъ). Участіе Радищева въ „Почтѣ Духовъ" едва ли было значительно, потому что какъ разъ въ то время, когда она издавалась, онъ работалъ надъ своимъ „Путешествіемъ".

[1]) Указомъ 15 января 1783 года повелѣвалось „типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій" и соотвѣтственно этому дозволено было „каждому по своей собственной волѣ заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія".

для него оборотъ. Когда книгопродавецъ Шноръ попросилъ у него 50 или 100 экземпляровъ въ уплату долга, Радищевъ отказалъ ему и написалъ ему даже, изъ предосторожности, что тѣ экземпляры, которые продавались, были у него украдены. Затѣмъ онъ разобралъ и уничтожилъ часть своихъ бумагъ и сжегъ все изданіе „Путешествія“, за исключеніемъ экземпляровъ, уже разошедшихся. Онъ сдѣлалъ это, вѣроятно, потому, что до него дошли свѣдѣнія о томъ, какъ отнеслась къ его книгѣ императрица. Чрезъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, близкихъ ко двору, графа Воронцова и княгиню Дашкову, онъ могъ заблаговременно получить дружеское предостереженіе о грозящей ему опасности.

V. Екатерина II и Радищевъ.

Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе.

Наказъ, *§ 480.*

Дѣло Радищева, изъ котораго Екатерина II сдѣлала пародію судебнаго процесса, взявъ на себя въ немъ роли и прокурора и судьи, составляетъ одно изъ темныхъ дѣяній ея царствованія.

Когда Александру I въ 1821 году доложили о заговорѣ тайнаго общества (будущихъ декабристовъ), онъ тотчасъ вспомнилъ, что онъ „самъ раздѣлялъ и распространялъ“ идеи, воодушевлявшія членовъ тайнаго общества, и не принялъ противъ нихъ никакихъ мѣръ, сказавъ: „Не мнѣ ихъ карать“ (Ce n'est pas à moi à sévir).

Екатерина II, по отношенію къ Радищеву не проявила того благородства, того истиннаго величія, какое проявилъ ея внукъ по отношенію къ декабристамъ. Болѣе того, она поступила недостойно, потому что, жестоко карая Радищева, она руководилась, въ сущности, единственно личнымъ своимъ раздраженіемъ. Екатерина вполнѣ убѣдилась изъ слѣдствія, что имѣетъ дѣло не съ заговорщикомъ, а съ политическимъ писателемъ; и она хорошо знала, что предъ нею ея собственный ученикъ, не потому только, что Радищевъ учился за границей естественному праву на ея счетъ и по ея программѣ, но и потому, что онъ принадлежалъ

къ той самой литературной школѣ, которая начата была въ Россіи ея же „Наказомъ". Она оставила все это безъ вниманія и, прикрывшись, не имѣвшимъ серьезнаго основанія, страхомъ революціи, воспользовалась своею властью, чтобы жестоко отомстить Радищеву свою личную обиду.

Своимъ отношеніемъ къ Радищеву Екатерина рѣзко нарушила правила своего „Наказа". Эти правила не устанавливали полной свободы слова; они предусматривали запрещеніе „сочиненій очень язвительныхъ", но съ важною оговоркою: „весьма беречься изъисканія о семъ далече распространять" (§ 484). Впослѣдствіи, издавая указъ о вольныхъ типографіяхъ, Екатерина сохранила цензуру, а раньше, въ наиболѣе либеральную пору царствованія, незадолго до изданія „Наказа", собственноручно предписала Академіи Наукъ слѣдить, чтобы въ книжныхъ лавкахъ не продавали книгъ, „которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи". Объ этомъ секретномъ указѣ 6 сентября 1763 г., который въ число запрещенныхъ книгъ поставилъ и сочиненія „Эмиліи Русоевы", Екатерина, конечно, не упомянула въ своей перепискѣ съ Вольтеромъ, какъ позднѣе, писавши длинныя письма Гримму во время процесса Радищева, не обмолвилась ни словомъ объ этомъ дѣлѣ, столь ее волновавшемъ.

Не уничтожая вовсе цензуры, Екатерина въ „Наказѣ" настойчиво разъясняла, что сами по себѣ „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе", такъ какъ „законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій"; только слова „совокупленныя съ дѣйствіемъ принимаютъ на себя естество того дѣйствія" и могутъ подлежать наказанію. Сочиненія Екатерина приравнивала къ словамъ и относительно „очень язвительныхъ сочиненій" особливо указала, что они подлежатъ вѣдѣнію полиціи, но не составляютъ преступленія.

„Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", безъ сомнѣнія, было „сочиненіемъ очень язвительнымъ" потому, что оно было правдиво, сильно и смѣло написано, но оно не было связано съ „дѣйствіемъ", не было связано съ заговоромъ и не содержало въ себѣ призыва къ возмущенію, а потому, по яснымъ правиламъ „Наказа", авторъ этого сочиненія никакъ не заслуживалъ какого-либо наказанія и тѣмъ менѣе смертной казни или ссылки въ Сибирь.

Несправедливо жестокое отношеніе Екатерины къ Радищеву

объясняютъ перемѣной, происшедшей въ ней вслѣдствіе страха предъ французской революціей. 14-ое іюля 1789 года, день взятія Бастиліи, произвело на нее потрясающее впечатлѣніе и — можно было бы сказать, — что она „сожгла все то, чему поклонялась", если бы только она раньше дѣйствительно „поклонялась" идеямъ французской свободной просвѣтительной литературы, то-есть раздѣляла ихъ глубоко и вполнѣ искренно. Она, передовая писательница XVIII вѣка, ученица Вольтера, совершенно не поняла значенія великой революціи и даже въ первый, наиболѣе умѣренный ея періодъ, до якобинскаго террора, не видѣла въ ней ничего, кромѣ анархіи, ничего, кромѣ „безразсудства, волненія страстей, безпорядка, излишествъ всякаго рода", и смѣло идеализировала старый порядокъ. Она, гордившаяся раньше созывомъ комиссіи для составленія уложенія, смѣется теперь надъ „великими талантами сапожниковъ и башмачниковъ въ дѣлѣ управленія и законодательства"; она называетъ національное собраніе многоголовой гидрой; она находитъ, что Мирабо, даже роялистъ Мирабо, достоинъ не одной, а многихъ висѣлицъ.

Увидѣвъ на столѣ въ своей уборной, куда клались всѣ вновь выходившія книги,—„Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" неизвѣстнаго автора (Радищевъ напечаталъ книгу безъ своего имени), и начавъ читать эту книгу, Екатерина съ первыхъ же 30 страницъ увидѣла въ ней „разсѣваніе заразы французской" и тотчасъ же приняла свои мѣры, пославъ за оберъ-полицеймейстеромъ Рылѣевымъ. Свои замѣчанія на книгу Екатерина начала такъ: „Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно; сочинитель оной наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выискиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и къ властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства".

Екатерина была совершенно права, усмотрѣвъ въ книгѣ Радищева „разсѣваніе французской заразы", если понимать эти слова въ томъ смыслѣ, что книга была проникнута тѣми идеями, которыя подготовили французскую революцію. Но у нея не было никакихъ основаній полагать, что эта зараза представляетъ реальную опасность для Россіи, или точнѣе, для русской монархіи.

Тщательный опросъ всѣхъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ печатанію „Путешествія" Радищева, выяснилъ несомнѣнно,

что у автора не было сообщниковъ, что въ дѣлѣ изданія этой книги не было и тѣни заговора. Слѣдствіе не открыло никакихъ связей автора съ единственнымъ обществомъ, которое Екатеринѣ, напуганной революціею, казалось опаснымъ въ политическомъ отношеніи, а именно съ небольшимъ кружкомъ масоновъ или мартинистовъ, какъ ихъ тогда называли. Въ своихъ замѣчаніяхъ на „Путешествіе" она высказала предположеніе, что „авторъ едва ли не мартинистъ или чего подобное". На слѣдствіи ему былъ заданъ вопросъ: „не былъ ли приглашенъ въ общество мартинистовъ?" Радищевъ на это рѣшительно отвѣтилъ, что „мартинистомъ онъ не только никогда не былъ, но и мнѣнія ихъ осуждаетъ, что де и въ самой книжкѣ значится". Дѣйствительно, въ книгѣ онъ не разъ смѣется надъ мистицизмомъ мартинистовъ и надъ иллюминатами (стр. 53—56).

Книгу свою Радищевъ посвятилъ А. М. К., то-есть А. М. Кутузову, одному изъ видныхъ масоновъ того времени. Но онъ сдѣлалъ посвященіе ему, не какъ масону, а какъ другу своей юности, товарищу по лейпцигскому университету. Кутузовъ, какъ разсказываетъ сынъ Радищева, старался привлечь его въ масонскую ложу, но Радищевъ не раздѣлялъ масонскаго мистицизма и оспаривалъ его въ обширной перепискѣ съ своимъ другомъ (не сохранившейся).

Насколько несправедливо было обвиненіе Радищева въ заговорѣ и мартинизмѣ, настолько же неосновательно было и обвиненіе его въ призывѣ къ возстанію. „Крестьянинъ въ законѣ мертвъ,—писалъ Радищевъ.—Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ будетъ, если только того захочетъ". Свободы „ожидать должно—писалъ онъ—отъ самой тяжести порабощенія". „То-есть — поясняла Екатерина — надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ". Радищевъ вполнѣ отвергъ это обвиненіе: „Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ для простого народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ?" Радищевъ, конечно, обращалъ свои рѣчи къ образованному классу, къ дворянамъ-помѣщикамъ, и Екатерина сама признала безопасность его рѣчей, язвительно замѣтивъ: „Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ".

Что книга Радищева не составляла преступленія, что наказаніе, назначенное ему Екатериной, было непомѣрно жестокимъ и несправедливымъ, объ этомъ мы можемъ судить по отзывамъ современниковъ, лицъ, близкихъ къ императрицѣ и отнюдь не зараженныхъ революціоннымъ вольнодумствомъ. Не говоря уже о графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ, который искренно сожалѣлъ объ участи Радищева и помогалъ ему, какъ могъ, и братъ этого Воронцова, Семенъ Романовичъ (посолъ въ Англіи) писалъ, что „осужденіе бѣднаго Радищева чрезвычайно его огорчаетъ“. „Какой приговоръ и какое смягченіе приговора за безразсудство!— восклицаетъ онъ въ письмѣ къ своему брату. Какъ же накажутъ за преступленіе и мятежъ настоящій? Десять лѣтъ Сибири хуже смерти для человѣка, у котораго есть дѣти... Это приводитъ въ содроганіе“. Даже ближайшій помощникъ Екатерины II по дѣлу Радищева, безпрекословно исполнявшій ея приказанія, графъ А. А. Безбородко, и тотъ не сочувствовалъ ея суровости по отношенію къ Радищеву. Въ письмѣ къ правителю дѣлъ вліятельнаго князя Потемкина Безбородко осторожно заступился за Радищева, представивъ его дѣло не имѣющимъ особенно важнаго значенія [1]). И всѣмъ въ обществѣ тяжкое наказаніе Радищева казалось незаслуженнымъ; поэтому, тотчасъ послѣ ссылки его, всѣ вѣрили слухамъ, то, что Радищевъ помилованъ и возвращается изъ Сибири, то, что онъ отвезенъ не въ Сибирь, а въ деревню къ отцу.

Чѣмъ же объясняется явная несправедливость Екатерины? Главнымъ образомъ, личною местью автору.

Екатерина, въ это время, на 51-мъ году жизни, уже не ду-

---

[1]) „Здѣсь по уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, несмотря, что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, правду сказать и правилъ изрядно и безкорыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія. Заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противъ помѣщиковъ, неуваженія къ начальствамъ, внесъ много язвительнаго и, наконецъ, неистовымъ образомъ вплуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ, оберъ-полиціймейстеръ въ Петербургѣ, цензировалъ сію книгу не читавъ, а удовольствовавшися титуломъ, надписалъ свое благословеніе. Книга сія начала входить въ моду у многой шали, но по счастію скоро ее узнали... Съ свободою типографій, да съ глупостію полиціи и не усмотришь, какъ нашалятъ“.

мала о смѣлыхъ преобразованіяхъ. Она успокоивала себя мыслью, что сдѣлала все, что могла и все, что было нужно. Изысканная лесть не своихъ подкупныхъ придворныхъ, а лучшихъ европейскихъ писателей, начиная съ Вольтера, мало-по-малу усыпила ея совѣсть. „Мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества“— писалъ о ней Завадовскій еще въ 1777 году. Ея переписка съ Гриммомъ — сплошное безмѣрное самолюбованіе.

Книга Радищева произвела на нее сильнѣйшее впечатлѣніе, явившись предъ нею, какъ та Странница, которая въ описаніи сна автора очищаетъ зрѣніе царя, затемненное удовольствіемъ самоодобренія, снимая съ глазъ его бѣльма (глава „Спасская Полѣсть“). Въ лицѣ „Сидящаго во власти на престолѣ“, отуманеннаго похвалами и не видящаго, что его блестящія одежды замараны кровію и омочены слезами,—Екатерина сразу узнала самое себя. Она не могла не признать вѣрности общей картины, и тѣмъ сильнѣе должны были ее оскорбить два-три личныхъ намека на нее и ея приближенныхъ. Въ военачальникѣ, который, будучи посланъ на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи,—легко можно было узнать Потемкина. Замѣчаніе о любовницѣ властителя, ищущей въ любви его удовлетворенія своему тщеславію, когда сердце ея ощущаетъ къ нему отвращеніе,—Екатерина легко могла принять за личный оскорбительный намекъ на отношенія къ ней ея фаворитовъ. При такомъ пониманіи, многія, сами по себѣ только колкія, замѣчанія Радищева должны были показаться ей чрезвычайно дерзкими, какъ, напримѣръ, слѣдующіе его вопросы, предшествующіе описанію сна: „Возможно ли, чтобы въ столь мягкосердое правленіе, каково нынѣ у насъ, толикія производились жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судьи, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь?“ Чрезмѣрно язвительными должны были казаться императрицѣ также замѣчанія Радищева о „свѣтильникѣ науки, носящемся надъ законоположеніемъ нашимъ“ (намекъ на „Наказъ“), и о любезномъ отечествѣ нашемъ, доведенномъ постепенно до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оное нынѣ находится, о наукахъ, художествахъ и рукодѣліяхъ, возведенныхъ до высочайшія совершенства степени (стр. 133).

Личная обида, личное раздраженіе Екатерины видны во всемъ, что она писала и говорила о книгѣ Радищева. Чтобы скрыть лич-

ные мотивы, она искусно воспользовалась возможностью связать его книгу съ французской революцией и обвинить его въ бунтовскихъ намѣреніяхъ, хотя не могла не сознавать лучше другихъ, что имѣетъ дѣло лишь съ литературнымъ произведеніемъ хорошо извѣстной ей школы. Она говоритъ съ Храповицкимъ о Радищевѣ „съ жаромъ и чувствительностью" и, умалчивая о личной обидѣ, увѣряетъ, что онъ „бунтовщикъ, хуже Пугачева" (!). Какъ бы въ оправданіе свое она показываетъ Храповицкому страницы книги съ похвалами Франклину и говоритъ, что Радищевъ и „себя такимъ же представляетъ" (7 іюля 1790 г.).

Лично оскорбленная, Екатерина въ своихъ замѣчаніяхъ старается и у Радищева также найти личные мотивы. „Подвигъ же (т.-е. побужденіе) сочинителя,—писала она,—объ закладъ биться можно, по которому онъ ее (книгу) написалъ, есть тотъ, для чего входъ не имѣетъ въ чертоги". „Скажите сочинителю—такъ заканчиваетъ она свои замѣчанія,—что я читала его книгу отъ доски до доски, и прочтя, усомнилась, не сдѣлана ли ему мною какая обида" [1]). Всѣ разсужденія Радищева, даже общаго характера, Екатерина принимаетъ на свой счетъ и спѣшитъ оправдаться: „О чемъ прилагается къ пресѣченію, то обращается въ укоризну".

Нѣкоторыя замѣчанія Екатерины очень неожиданны въ ея устахъ и могутъ быть объяснены только тѣмъ, что она писала не возраженія собственно, а обвинительный актъ, обращаясь не къ просвѣщенной публикѣ, а къ Шешковскому, слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Въ другомъ случаѣ она едва ли бы отозвалась такъ презрительно о Руссо: „разные полумудрецы сего вѣка, какъ Руссо, аббе Рейналъ и тому гипохондрику подобные"; едва ли бы она написала, что „лучшее есть врагъ нынѣшнему доброму и лучше держаться извѣстнаго, нежели неизвѣстному проложить дорогу" [2]).

[1]) „Вѣроятно, кажется, что родился съ необузданной амбиціей и готовясь къ вышнимъ степенямъ, донынѣ еще не дошедъ, желчи нетерпѣніе разлилось повсюду, на все установленное".

[2]) Странно слышать также отъ Екатерины замѣчанія такого рода: „Ѣдетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной" или: „Начинается прежалкая повѣсть о семіи, проданной съ молотка за долги господина".

Становясь на точку зрѣнія Шешковскаго, Екатерина вмѣняетъ въ вину Радищеву не только политическія, но и философскія его умозрѣнія, называя ихъ „произвольными бреднями суемудрыми“, осуждаетъ ихъ, какъ „противныя закону Божію, десяти заповѣдямъ, святому писанію, православію и гражданскому закону“.

Выдавая личное свое раздраженіе въ рѣзкихъ насмѣшкахъ, какъ, напримѣръ: „Мудрецъ тутъ остается дуракомъ“, Екатерина не знаетъ мѣры, обвиняя автора въ „необузданныхъ“, „бунтовскихъ“, „криминальныхъ“, „суще возмутительныхъ“ намѣреніяхъ. На его теоретическихъ разсужденіяхъ она смѣло строитъ главный пунктъ обвиненія—призывъ къ революціи. О многихъ страницахъ книги она дѣлаетъ такія замѣчанія: „Клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ, войскъ, противу начальства“. О словахъ Радищева: „како власть съ свободою сочетать должно на взаимную пользу“, она замѣчаетъ: „сіе думать можно, что цѣлитъ на французской развратный нынѣшній примѣръ“. Все усиливая обвиненія, она, наконецъ, доходитъ до предположенія, что авторъ „себя опредѣлилъ быть начальникомъ, книгою ли или инако, исторгнуть скипетры изъ рукъ царей, но какъ сіе исполнить единъ не могъ, показываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ“ [1]).

Впослѣдствіи, передавая дѣло на распоряженіе государственнаго совѣта, Екатерина просила, чтобы „не уважали до нея касающееся, понеже она презираетъ“. На самомъ дѣлѣ, она не „презирала“, а, какъ видно изъ хода процесса, жестоко мстила автору.

VI. Слѣдствіе и судъ (1790 г.).

Самодержецъ долженъ воздержаться, чтобъ самому не судить...
Наказъ, § 419.

Руководимые императрицей слѣдствіе и судъ шли быстро слѣдующимъ порядкомъ:

26 іюня 1790 г., на другой день послѣ того, какъ Екатерина начала читать книгу Радищева, былъ арестованъ книгопродавецъ

---

[1]) Въ крайнемъ раздраженіи Екатерина грозитъ автору пыткою: „И ежели не напишетъ правду, тогда принудитъ меня сыскать доказательство, и дѣло его сдѣлается дурнѣе прежняго“.

Зотовъ. 27 іюня Екатерина отдала приказаніе о допросѣ Радищева, а вслѣдъ затѣмъ онъ былъ арестованъ и 30 іюня заключенъ въ крѣпости. Допросъ порученъ былъ С. Шешковскому, отличавшемуся жестокостью розысковъ и получившему въ народѣ прозвище „духовника". Услышавъ его имя, арестованный Радищевъ упалъ въ обморокъ.

Вопросные пункты, числомъ 29, составлены были по замѣчаніямъ Екатерины и, большею частью, были взяты изъ нихъ дословно. Радищевъ написалъ обстоятельные отвѣты на каждый пунктъ. Главное обвиненіе въ злоумышленіи бунта и въ призывѣ къ возмущенію онъ опровергъ безъ особыхъ затрудненій, какъ мы уже говорили выше. Онъ объяснилъ, что книга его была литературнымъ произведеніемъ или какъ онъ говорилъ: „главное его намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобы прослыть писателемъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, осторожно оправдывая въ нѣкоторыхъ случаяхъ свои взгляды и описанія, онъ отрекался съ полнымъ раскаяніемъ отъ своей книги и взывалъ къ милосердію императрицы.

Свои показанія онъ заключилъ слѣдующей полною повинной: „Что очищалъ я вышеописанные пункты, то признаюсь чистосердечно, что я исполнялъ только волю всемилостивѣйшей государыни. Впрочемъ, я вижу теперь очень ясно, что оная моя книга наполнена столь гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, что я почитаю себя достойнѣйшимъ всякаго отъ правосудія ея истязанія и, не принося никакихъ болѣе оправданій, ожидаю и прошу единственно матерняго ея, если не для меня, то, по крайней мѣрѣ, ради престарѣлыхъ моихъ родителей и ради малолѣтнихъ дѣтей, коихъ четверо,—помилованія".

Кромѣ этихъ показаній, данныхъ 8, 9 и 10 іюля, Радищевъ въ нѣсколькихъ повинныхъ старался увѣрить Екатерину въ полномъ своемъ раскаяніи и умолялъ ее „пощадить мгновенное заблужденіе".

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого допроса, по указу императрицы, Радищевъ 15 іюля былъ преданъ суду уголовной палаты. Документы, такъ сказать, предварительнаго слѣдствія, произведеннаго Шешковскимъ, въ палату переданы не были. Руководствуясь указомъ Екатерины, который, въ сущности, былъ обвинительнымъ актомъ, палата задала Радищеву слѣдующіе вопросы:

Вопросъ 1-й: Въ какомъ намѣреніи сочинили вы оную книгу? Отвѣтъ: Намѣренія при сочиненіи сей книги другого не имѣлъ, какъ быть извѣстному въ свѣтѣ между сочинителями и дабы прослыть таковымъ, то-есть сочинителемъ остроумнымъ.

Вопросъ 2-й: Кто именно вамъ были въ томъ сообщники? Отвѣтъ: Никого сообщниковъ въ ономъ не имѣлъ.

Вопросъ 3-й: Чувствуете-ли вы важность своего преступленія. Отвѣтъ: Чувствую во внутренности души моей, что моя книга дерзновенна и приношу въ томъ мою повинность.

Вопросъ 4-й касался числа напечатанныхъ и розданныхъ экземпляровъ и вопросъ 5-й—службы подсудимаго.

Допросъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу печатанія и продажи книги, подтвердилъ вполнѣ, что сообщниковъ у автора не было. Обративъ вниманіе на поправки, сдѣланныя на корректурныхъ листахъ, палата также скоро убѣдилась, что поправки эти сдѣланы рукою Радищева.

Тѣмъ не менѣе, черезъ 10 дней судебнаго слѣдствія, которое было пустою формальностью, палата 24 іюля признала его виновнымъ въ томъ, что онъ издалъ книгу,—„наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными, неистовыми израженіями противу сана и власти царской“. Формулируя это обвиненіе, палата повторяла слова указа и прямо ссылалась на него: „Какъ въ имянномъ ея императорскаго величества указѣ сказано“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приводя съ большою натяжкою статьи Уложенія, воинскихъ артикуловъ и морскаго устава, палата приговорила Радищева къ смертной казни.

Черезъ два дня (26 іюля) дѣло было внесено изъ уголовнаго суда въ сенатъ, и 8 августа 1790 года сенаторы, подтвердивъ приговоръ палаты, приказали: „Наказать смертію, а именно, по силѣ воинскаго устава 20-го артикула, отсѣчь голову“.

Екатеринѣ мало было приговоровъ двухъ, вполнѣ послушныхъ ей, судебныхъ инстанцій. Она говоритъ съ Храповицкимъ о сенатскомъ приговорѣ „съ примѣтною чувствительностью“ и рѣшаетъ передать дѣло на разсмотрѣніе совѣта, для того, какъ она объясняетъ,—„чтобы не быть пристрастною“. Между тѣмъ,

внося дѣло въ совѣтъ, она выставляетъ новый пунктъ обвиненія, упущенный раньше: нарушеніе присяги, и подчеркиваетъ личную свою заинтересованность въ дѣлѣ, приказавъ объявить совѣту, что она „презираетъ все, что въ зловредной его, Радищева, книгѣ оскорбительнаго особѣ ея высказано". Совѣтъ, въ засѣданіи 10 августа, обративъ главное вниманіе на новый пунктъ обвиненія, призналъ, что „сочинитель книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное".

Императрица болѣе трехъ недѣль медлила съ окончательнымъ приговоромъ. Наконецъ, указомъ 4 сентября 1790 года замѣнила смертную казнь десятилѣтнею ссылкою въ одно изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири, — Илимскій острогъ, болѣе 500 верстъ къ сѣверу отъ Иркутска. Смягченіе наказанія было объяснено въ указѣ особымъ милосердіемъ императрицы,—„для всеобщей радости" заключенія мира со Швеціей (Верельскій миръ 1790 года) [1]).

---

[1]) Къ указаннымъ пунктамъ обвиненія: 1) „вредныя умствованія" (сенатскій приговоръ), 2) нарушеніе присяги (приговоръ совѣта), указъ прибавилъ 3-й пунктъ: „лживый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ книгу". Объ этомъ обвиненіи см. ниже статью П. Е. Щеголева *).

Именной указъ, данный сенату 4 сентября 1790 года.

Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги и должности его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ С.-Петербурской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни; и хотя, по роду толь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную, но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости,

---

*) Эта статья приложена къ тому же изданію „Путешествія", изъ котораго взята и настоящая статья Н. П.

Ред.

Когда, вслѣдъ затѣмъ, сдѣлано было распоряженіе объ отобраніи и сожженіи книги Радищева, то властямъ удалось отобрать только 10 экземпляровъ, въ томъ числѣ 7 экземпляровъ, розданныхъ авторомъ знакомымъ; относительно большей части экземпляровъ, не удалось разыскать, кто ихъ купилъ, а одинъ изъ получившихъ книгу, И. И. Шуваловъ, не вернулъ ея, заявивъ, что онъ ее сжегъ.

„Путешествіе“ сохранилось въ довольно большомъ числѣ экземпляровъ. Кромѣ 25 экземпляровъ, полученныхъ на комиссію отъ Радищева, книгопродавецъ Зотовъ какими то окольными путями, черезъ его людей, успѣлъ достать еще 50 экземпляровъ, а можетъ быть и больше. 21 августа онъ былъ выпущенъ на свободу: когда же въ сентябрѣ состоялся окончательный приговоръ о ссылкѣ Радищева, и управа благочинія вознамѣрилась отобрать книги у Зотова, то ей не удалось найти ни Зотова ни его книгъ. Очевидно, напуганный долгимъ заключеніемъ, онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Петербурга [1]).

Кромѣ этихъ печатныхъ экземпляровъ, въ публикѣ обращалось много списковъ. Пушкинъ, поэтому, сказалъ съ полнымъ правомъ:

„Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ“.

которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ Него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ со Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ“ (Полное собраніе законовъ, № 16901).

[1]) О судѣ надъ Радищевымъ см. обстоятельную статью В. Е. Якушкина: „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ“, „Русская Старина“, 1882 г., т. 35, с. 452 и сл. Того же автора, біографія Радищева въ „Энциклопед. Словарѣ“ Брокгауза и въ книгѣ: „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“, 1903 г. Кромѣ того статья М. Сухомлинова въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по русск. литерат. и просвѣщенію“, Спб. 1889.

VII. Ссылка. Трактатъ о безсмертіи (1790—1796).

Нечаянное переселеніе въ страну отдаленную.

О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи.

Какъ только петербургское губернское правленіе 8 сентября 1790 года получило помянутый указъ сената, оно немедленно, въ тотъ же день распорядилось отправить Радищева въ далекій путь, не обративъ вниманія на его болѣзнь. Его повезли въ оковахъ, и такъ какъ у него не было теплой одежды, то на него надѣли первую попавшуюся, „гнусную", нагольную шубу, взявъ ее у сторожа.

Но тутъ въ средѣ придворныхъ Екатерины, раболѣпно исполнявшихъ ея приказанія, нашелся человѣкъ, не боявшійся придти на помощь Радищеву, хотя онъ и зналъ, что молва называетъ его соучастникомъ автора „Путешествія". Это былъ графъ А. Р. Воронцовъ, давній покровитель Радищева. Благодаря его стараніямъ, на другой же день послѣ отправленія Радищева въ ссылку, императрица приказала послать вслѣдъ за нимъ курьера, съ повелѣніемъ снять съ него оковы и доставить ему все нужное въ пути. Это повелѣніе догнало его только въ Нижнемъ Новгородѣ.

Тогда же графъ Воронцовъ написалъ длинное письмо тверскому губернатору, обнаруживъ чрезвычайную дружескую заботливость о Радищевѣ. Онъ писалъ губернатору, что не только былъ знакомъ съ опальнымъ писателемъ, но и „любилъ его", послалъ губернатору 200 р., съ просьбой снабдить его одеждой и пищей на дорогу, просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы съ нимъ въ дорогѣ обращались человѣколюбиво, говорилъ, что всѣ услуги Радищеву онъ приметъ за личное себѣ одолженіе, наконецъ просилъ увѣрить Радищева, что онъ не оставитъ его дѣтей, во время ссылки будетъ ему помогать и желаетъ только, чтобы онъ здоровъ туда доѣхалъ. Съ такими же письмами графъ Воронцовъ обратился къ губернаторамъ Нижняго Новгорода, Перми, Иркутска. Очень можетъ быть, что только благодаря этой дружеской заботливости его, Радищевъ и вынесъ далекій путь въ Сибирь, несмотря на свою болѣзнь. Благодаря заступничеству Воронцова, онъ вездѣ на пути, и въ особенности въ Иркутскѣ, видѣлъ „отъ

начальниковъ милость и снисхожденіе", а отъ общества „благопріятство и ласку". Въ Тобольскѣ ему позволили остановиться на семь мѣсяцевъ, въ Иркутскѣ—на два мѣсяца. Въ Илимскъ онъ пріѣхалъ 4 января 1792 года; генералъ-губернаторъ отвелъ ему здѣсь бывшій воеводскій домъ, въ пять комнатъ.

Ссылку Радищева раздѣляла сестра его жены, Елизавета Рубановская. Она пріѣхала въ Тобольскъ съ двумя младшими его дѣтьми и затѣмъ вышла за него замужъ. Двое старшихъ сыновей остались въ Россіи, и это очень тяготило Радищева. Очень тяготила его также невольная разлука съ немногими друзьями. Несмотря на отличное отношеніе къ нему генералъ-губернатора, мѣстное начальство съ Илимскѣ не забывало, что Радищевъ преступникъ, хотя съ него и сняты оковы, и докучало ему своимъ надзоромъ. Радищевъ нашелъ утѣшеніе въ усиленныхъ, разнообразныхъ умственныхъ занятіяхъ. Графъ Воронцовъ присылалъ ему книги и деньги и поддерживалъ съ нимъ дружескую переписку, конечно, не довѣряя своихъ писемъ почтѣ. Впечатлѣнія жизни въ далекомъ неизвѣданномъ краю доставляли обильную пищу пытливому уму Радищева и въ началѣ его жизни въ Илимскѣ заглушали тоску ссылки: „Минуты отрады въ моей жизни,—писалъ онъ (въ апрѣлѣ 1792 г.),—несомнѣнно перевѣшиваютъ минуты скорби".

Въ Илимскѣ онъ начинаетъ изучать природу, надѣясь въ „наблюденіяхъ естественности" сдѣлать научныя открытія и сожалѣя, что въ молодости мало занимался естественными науками, минералогіей и ботаникой. Графа Воронцова онъ просилъ выслать описанія путешествій по Сибири Штеллера и Гмелина и минералогическія описанія горъ Урала, Алтая и Финляндіи, учебники ботаники и минералогіи. Въ Иркутскѣ въ это время жилъ замѣчательный естествоиспытатель, финляндецъ Эрикъ Лаксманъ; Радищеву не удалось съ нимъ свидѣться, но онъ велъ съ нимъ дѣятельную переписку, пользуясь случаемъ пополнить свои знанія въ ботаникѣ. Радищевъ познакомился и съ другимъ замѣчательнымъ изслѣдователемъ, жившимъ тогда въ восточной Сибири, путешественникомъ купцомъ Григоріемъ Шелеховымъ. Оба они умерли незадолго до отъѣзда Радищева изъ Сибири: Шелеховъ въ 1795 и Лаксманъ—въ 1796 году; въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Илимска Радищевъ оплакивалъ ихъ смерть (9 іюня 1796 г.).

Отсутствіе врачей въ Илимскѣ заставило его вспомнить университетскіе уроки медицины, и, пользуясь аптечкой, которую ему прислалъ графъ Воронцовъ, Радищевъ началъ лечить мѣстныхъ жителей и даже дѣлать операціи.

Изучая природу Сибири, Радищевъ изучалъ также и ея исторію. Онъ началъ писать очеркъ сибирской исторіи, но, повидимому, не закончилъ. Въ бумагахъ его сохранилось только начало этого труда до завоеванія Сибири Ермакомъ. Здѣсь, въ связи съ исторіей Сибири, онъ излагаетъ кратко и свои этнографическія и геологическія наблюденія. Здѣсь же встрѣчается нѣсколько замѣчаній, показывающихъ, что ссылка не искоренила въ Радищевѣ его свободомыслія. Говоря, что въ завоеваніи Сибири проявились вполнѣ качества русскаго народнаго характера: „предпріимчивость и неутомимость въ исполненіи", Радищевъ замѣчаетъ, что эти качества поведутъ къ величію и славѣ, если „онѣ обращены будутъ на снисканіе всего того, что содѣлать можетъ блаженство общественное" [1]).

Сохранивъ интересъ къ предметамъ прежней своей служебной спеціальности, Радищевъ, во время своего недолгаго пребыванія въ Иркутскѣ, собралъ свѣдѣнія о торговлѣ съ Китаемъ и затѣмъ, въ 1792 году, написалъ довольно большое разсужденіе о выгодахъ и невыгодахъ закрытія торга съ Китаемъ черезъ Кяхту. Онъ изложилъ это разсужденіе очень живо и легко, въ видѣ письма къ графу Воронцову, который интересовался этимъ вопросомъ, какъ президентъ коммерцъ-коллегіи. Воронцову онъ писалъ обо всемъ откровенно и въ этой запискѣ сдѣлалъ слѣдующій смѣлый намекъ на свой процессъ: „Хотя мнѣнія мои относительно многихъ вещей по несчастію моему стали болѣе извѣстными, нежели тщеславіе быть сочинителемъ иногда требуетъ, но я признаюсь въ превратности моихъ мыслей охотно, если меня убѣдятъ доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были".

Работы Радищева по естествознанію и исторіи остались незаконченными. Его гораздо больше интересовали политика и философія. Опасныя политическія темы пришлось оставить; но въ области

---

[1]) Въ одномъ изъ примѣчаній онъ говоритъ, что въ древности въ Россіи „собранія общественныя были употребительны", указывая на „остатокъ оныхъ"— крестьянскій сходъ.

чистаго умозрѣнія оставалась еще возможность писать, не отрекаясь отъ своихъ убѣжденій.

Въ январѣ 1792 года, тотчасъ послѣ пріѣзда въ Илимскъ, онъ начинаетъ писать обширный философскій трактатъ: „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи". Онъ работалъ надъ этимъ сочиненіемъ нѣсколько лѣтъ, но не успѣлъ дать ему окончательной отдѣлки. Оно напечатано было вскорѣ послѣ смерти Радищева, въ собраніи его сочиненій, части 2 и 3, всего 345 страницъ малаго формата изданій того времени, in 16°.

Въ исторіи русской философіи этотъ трудъ Радищева долженъ занять очень видное мѣсто. Онъ, несомнѣнно, значительно превосходитъ первые опыты русскихъ философовъ второй половины XVIII вѣка, московскаго профессора Д. Аничкова, Я. Козельскаго („Философическія предложенія" 1768 г.) и другихъ. Онъ отличается широтою знакомства съ современной философіей, французской, нѣмецкой и англійской и, въ особенности, самостоятельною работою мысли, выразившеюся въ любопытной попыткѣ примиренія французскаго матеріализма XVIII вѣка съ умозрѣніями нѣмецкихъ философовъ школы Лейбница и Вольфа.

Изъ французскихъ философовъ Радищевъ нѣсколько разъ цитируетъ мнѣнія Гельвеція (опровергая ихъ), мнѣнія Ляметри и въ изложеніи матеріалистическихъ доводовъ много заимствуетъ, иногда, дословно, изъ сочиненія Гольбаха „Système de la nature", 1783 г., въ которомъ ученіе это было развито наиболѣе полно. Съ большой похвалой отзывается онъ о Руссо, называя его „изящнѣйшимъ учителемъ воспитанія" и сочиненія его „безсмертными". Изъ англійскихъ философовъ онъ ссылается на Локка и, въ особенности, на матеріалиста Пристли (о матеріи и духѣ—1777 и о доктринахъ матеріализма—1778).

Изъ нѣмецкихъ философовъ Радищевъ обнаруживаетъ большое уваженіе къ Лейбницу. Онъ называетъ его „умственнымъ исполиномъ"; беретъ эпиграфомъ его слова „Le présent est gros de l'avenir" [1]); цитируетъ важное положеніе его системы: „Ничто не происходитъ скокомъ (въ природѣ), говоритъ Лейбницъ, все въ

---

[1]) Въ текстѣ это же положеніе приводится дважды: „Будущее состояніе вещи уже начинаетъ существовать въ настоящемъ" (ч. III, стр. 10), и въ заключеніи: „Ты будущее твое опредѣляешь настоящимъ" (стр 151).

ней постепенно“ (стр. 12); иногда пользуется его спеціальной терминологіей: уничтоженіе, какъ „изъятіе изъ вселенной“. Но во всемъ этомъ обнаруживается только общее знакомство съ Лейбницемъ, которое Радищевъ могъ почерпнуть еще въ университетѣ изъ лекцій Платнера. Въ разсужденіяхъ его не видно непосредственнаго вліянія ученія Лейбница; излагая доводы въ пользу безсмертія души, Радищевъ пользуется не трудами Лейбница, а сочиненіемъ Мендельсона, принадлежавшаго къ его школѣ: „Федонъ или о безсмертіи души“ (1767) [1]).

Общее впечатлѣніе отъ сочиненія Радищева Пушкинъ выразилъ такъ: „Радищевъ, хотя и выражается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма“. Дѣйствительно, по духу своему, онъ гораздо ближе къ французскимъ матеріалистамъ, чѣмъ къ Лейбницу и его ученикамъ. При всемъ

[1]) Зависимость Радищева отъ Гольбаха и Мендельсона впервые прекрасно выяснилъ П. Н. Милюковъ въ „Очеркахъ исторіи русской культуры“, ч. III, вып. 2, 1903. Профессоръ Бобровъ посвятилъ сочиненію Радищева „О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи“ 200 страницъ III выпуска своихъ „Матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ“ (Казань, 1900). Онъ изложилъ все содержаніе трактата, привелъ справки объ учителяхъ Радищева въ философіи и старался доказать, что трудъ его „есть первый опытъ насажденія въ Россіи идей Лейбница (не въ вольфовской обработкѣ) и притомъ въ самостоятельномъ ихъ развитіи“ (стр. 244). П. Н. Милюковъ посвятилъ трактату Радищева всего 4 страницы своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ (ч. III, вып. II, стр. 199—203) и выяснилъ незамѣченную г. Бобровымъ зависимость трактата отъ двухъ философовъ, не упоминаемыхъ Радищевымъ, а именно отъ Гольбаха и Мендельсона. Въ развитіи лейбницевскихъ идей, въ III-й части трактата, Радищевъ слѣдуетъ ученику Лейбница, Мендельсону. Такъ, напримѣръ, въ разсужденіи о субстанціональности духа (ч. III, стр. 38—44) Радищевъ большею частью дословно повторяетъ Мендельсона (Phädon oder Ueber die Unsterblichkeit der Seele, II Gespräch, стр. 98—100, изд. Univ.-Bibl.), вплоть до слѣдующаго рѣшительнаго вопроса: „И что претитъ намъ, да назовемъ сіе существо, особенность нашу составляющее, сію силу нашей мысленности, сіе могущество, соединяющее во едино наши понятія, склонности, желанія, стремленія, сіе существо простое, несложное, непротяженное (сіе существо, извѣстное намъ токмо жизнію, чувствованіемъ, мыслію), что претитъ, да существо сіе назовемъ душею?“ Сравни: „Es gibt also in unserm Körper wenigstens eine einzige Substanz, die nicht ausgedehnt, nicht zusammengesetzt, sondern einfach ist, eine Vorstellungskraft hat und alle unsere Begriffe, Begierden und Neigungen in sich vereinigt. Was hindert uns, diese Substanz Seele zu nennen?“ (стр. 100).

своемъ уваженіи къ „умственному исполину", онъ смѣется надъ крайностями метафизическихъ умозрѣній нѣмецкихъ философовъ, надъ метафизическими „системами и ѳеоріями" и, слѣдуя англичанамъ и французамъ, предпочитаетъ держаться твердой почвы опыта. „О, умствователи,—восклицаетъ онъ,—держитесь опытности... Не тщитесь угадать, чего невозможно" [1]).

Излагая доводы въ пользу смертности души по Гольбаху и другимъ, и, видимо, раздѣляя многіе изъ нихъ, Радищевъ, однако, расходится съ ученіемъ французскихъ матеріалистовъ въ основномъ пунктѣ. Отдавая честь искуснымъ доводамъ Гельвеція, что „всѣ дѣянія разума суть не что иное, какъ простое чувствованіе", Радищевъ опровергаетъ его, видя въ „отвлеченныхъ идеяхъ произведенія" особой „мысленной силы", и рѣзко отдѣляетъ эту мысленную силу отъ тѣла, духъ—отъ матеріи.

Столь же самостоятельно относится онъ и къ своимъ нѣмецкимъ учителямъ. Сжато излагая книжку Мендельсона, онъ доказываетъ, что духъ есть субстанція, отличная отъ матеріи, что „душа наша, или мыслящая сила", есть „существо само по себѣ, отъ тѣлесности отличное", потому что она есть „существо простое и несложное". Но „метафизическіе доводы" не кажутся ему вполнѣ убѣдительными, и онъ самостоятельно подкрѣпляетъ ихъ данными опыта, обозрѣвая для этого всю окрестъ лежащую природу и, въ особенности, углубляясь въ психологію и доказывая „ежедневными опытами", что „власть души надъ тѣломъ гораздо превышаетъ властвованіе тѣла надъ душою". Изъ субстанціональности духа, согласно Лейбницу и Мендельсону, Радищевъ выводитъ его неразрушимость и, слѣдовательно, безсмертность. Но слѣдуя за ними далѣе, онъ дѣлаетъ весьма важную оговорку. Признавая неразрушимость духа, какъ особой субстанціи, онъ, видимо, сомнѣвается въ личномъ безсмертіи, и поэтому разсужденія о посмертной жизни души излагаетъ съ оговоркой о ихъ недостовѣрности, предпосылая имъ слѣдующую тираду: „Пускай разсужденіе наше воображенію будетъ смежно; но поспѣшимъ уловить его, потечемъ ему въ слѣдъ въ радованіи, мечта ли то будетъ или истинность".

---

[1]) Длинное критическое разсужденіе о свойствахъ вещественности онъ заключаетъ колкимъ замѣчаніемъ: „Друзья мои! Раздробляя свойства вещественности, да не исчезнетъ она совсѣмъ, и да не будемъ сами тѣнь и мечта!" (II, 143, 148).

Онъ доказываетъ даже не вѣроятность („правдоподобіе"), а одну только „возможность" личнаго безсмертія и настаиваетъ на томъ, что это безсмертіе надо принять, лишь какъ постулатъ, практически необходимый. Эта основная мысль сочиненія выражена на первой его страницѣ. Авторъ понялъ необходимость для человѣка имѣть утѣшеніе въ вѣрѣ въ загробную жизнь, когда на него обрушились несчастія: „нечаянное переселеніе въ страну отдаленную" и тягостная разлука съ друзьями, которымъ онъ посвящаетъ книгу. „Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несу въ страну невѣдомую и устремлюся въ область гаданій, предположеній, системъ; вы, вы тому единственною виною. Въ необходимости лишиться, можетъ быть навсегда, надежды видѣться съ вами я уловить хочу, пускай не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобіе, или же токмо единую возможность, что нѣкогда, и гдѣ—не вѣдаю, облобызаю паки друзей моихъ". Вѣра въ личное безсмертіе и въ „воздаяніе добродѣтели" необходима не только для утѣшенія въ бѣдствіяхъ, но и какъ постулатъ нравственнаго совершествованія. Горячо настаивая на необходимости этой вѣры, Радищевъ, однако, постоянно подчеркиваетъ, что это не твердое знаніе, а только возможность. „Ты будущее свое опредѣляешь настоящимъ, — такъ оканчиваетъ онъ свою книгу,—и вѣрь, скажу паки, вѣрь, вѣчность не есть мечта".

VIII. Возвращеніе въ Россію (1797) и смерть (1802).

Отче всеблагій... Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю; на землѣ она стала уже безполезна.

Путешествіе.

Радищевъ провелъ въ ссылкѣ въ Илимскѣ шесть лѣтъ. Екатерина до своей смерти не простила ему оскорбленія, но смерть ея сократила срокъ ссылки на четыре года. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ I освободилъ его, разрѣшивъ жить въ своемъ имѣньи, подъ надзоромъ мѣстнаго губернатора.

Указъ объ амнистіи, подписанный Павломъ 23 ноября 1796 года, былъ объявленъ Радищеву только черезъ два мѣсяца; курьеръ

изъ Петербурга въ Иркутскъ ѣхалъ мѣсяцъ и 18 дней. Радищевъ тотчасъ собрался въ дорогу, получивъ отъ губернатора на проѣздъ 99 рублей [1]). Остановиться въ Москвѣ, хотя бы на короткое время ему не разрѣшили, и онъ въ іюлѣ 1797 г. проѣхалъ прямо въ свое имѣніе, село Нѣмцово, въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца, въ Калужской губерніи. Помѣстье это было невелико; въ деревнѣ было всего 360 душъ крестьянъ. Хозяйство было запущено, вслѣдствіе плутовства приказчика. По возвращеніи, Радищеву пришлось прежде всего приступить къ постройкѣ небольшого дома.

Возвращеніе въ Россію сначала не доставило ему большого утѣшенія, такъ какъ, принужденный жить безвыѣздно въ имѣніи, онъ не могъ свидѣться съ своими родными. Отецъ и мать его жили въ Саратовской губерніи; братъ его жилъ въ Петербургѣ; два старшихъ сына—въ Кіевѣ. Радищевъ пишетъ имъ письма, умоляя брата не лѣниться и писать ему каждую почту. Письма запаздываютъ, потому что вся его переписка вскрывалась московскимъ почтъ-директоромъ Пестелемъ (отцомъ декабриста Пестеля), который доставлялъ копіи съ писемъ Императору Павлу [2]).

---

[1]) Запросъ въ Иркутскъ губернатору Л. Т. Нагелю о поведеніи Радищева отправленъ былъ, по приказанію Павла I, тотчасъ же по вступленіи его на престолъ, а именно 7 ноября 1796 года. Вслѣдъ затѣмъ, 23 ноября, не дождавшись отвѣта на этотъ запросъ, Государь повелѣлъ: „Находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и перепискою“. Отзывъ Нагеля (отъ 13 декабря), что Радищевъ,—„содержащійся въ Илимскомъ острогѣ“, „съ самаго его въ семъ мѣстѣ пребыванія ведетъ себя добропорядочно и скромно“,—оказался запоздалымъ. Получивъ указъ объ освобожденіи, Нагель писалъ князю Безбородкѣ 26 генваря 1797 года, изъ Иркутска: „Радищевъ вчерашняго числа здѣсь явился и высочайшая его императорскаго величества милость мною ему объявлена“, и сообщалъ, что Радищевъ выбралъ мѣстомъ своего жительства сельцо Нѣмцово калужскаго намѣстничества, малоярославской округи, получилъ на проѣздъ 99 руб. 27 коп. прогонныхъ денегъ по разсчету 5333 верстъ, и „за препровожденіемъ надежнаго человѣка до настоящаго своего мѣста на сихъ же дняхъ отправленъ быть имѣетъ“ (Госуд. арх., VII, № 2760).

[2]) На одномъ изъ своихъ докладовъ по дѣлу Радищева князь А. Б. Куракинъ записалъ 28 марта 1797 года слѣдующую резолюцію Павла I: „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ предписать губернатору [калужскому] Митусову, чтобъ онъ письма Радищева не распечатывалъ, но, собирая

Радищеву было только 50 лѣтъ, но здоровье его было совершенно разстроено. „Взглянувъ на меня,—писалъ онъ въ это время,—всякъ сказать можетъ, колико старость предварила мои лѣта". Ссылаясь на свою болѣзненность, онъ, 6 декабря 1797 года, обратился къ Павлу съ просьбою—разрѣшить ему съѣздить въ Саратовскую губернію повидать своего отца и мать. Получивъ разрѣшеніе, Радищевъ, въ началѣ 1798 года, со всѣми дѣтьми (4 сына и 3 дочери) отправился къ своему престарѣлому отцу, и въ его имѣніи, въ селѣ Преображенскомъ (иначе Верхнее Облязово), Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи, провелъ цѣлый годъ. Затѣмъ съ начала 1799 года до 1801 года жилъ въ своемъ имѣніи Нѣмцово.

Въ это время онъ съ большимъ вниманіемъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и результаты своихъ наблюденій и изученій

ихъ, препровождалъ въ конвертѣ на имя московскаго почтъ-директора Пестеля, которому дать знать, чтобъ онъ всѣ тѣ письма открывалъ, доставилъ по надписямъ, [а] копіи съ нихъ присылалъ ко мнѣ; въ случаѣ же, что въ числѣ оныхъ найдутся подозрительныя, тогда самые оригиналы ко мнѣ бы доставлялъ. Князь А. Куракинъ".

Въ числѣ писемъ, доставленныхъ почтъ-директоромъ Пестелемъ въ копіяхъ, интересны два слѣдующія:

Письмо Радищева изъ Нѣмцова къ брату Моисею Николаевичу въ Петербургъ, отъ 18 августа 1797 года.

Письмà отъ тебя я жду, любезный мой другъ и братъ, Моисей Николаевичъ, какъ жадный любовникъ, желающій видѣть свою дражайшую по годовой отлучкѣ. Щитаю дни и часы и ничего не предпринимаю. Въ мѣсяцъ времени поставилъ только двѣ избы безъ крышекъ, изъ которыхъ намѣренъ устроить свои залы и кабинетъ. Жить теперь тѣсно; слава Богу, что погода хороша.

Пиши прямо въ Ярославецъ и Бога ради не лѣнись; пиши каждую почту; письмо твое будетъ для меня услажденіемъ.

Чѣмъ болѣе дѣла мои домашніи становятся извѣстны, тѣмъ болѣе видно плутовство Морозова и почти необходимо становится мое свиданіе съ батюшкою, естли хочу сохранить послѣднее, что имѣю. Постарайся, мой другъ, о семъ. Скажи, познакомился ли съ кѣмъ и какъ идетъ твое помѣщеніе. Я сижу на одномъ мѣстѣ и былъ только одинъ разъ въ Ярославцѣ.

Прости мой любезный! Засвидѣтельствуй мое почтеніе Алексѣю Андреевичу и Глафирѣ Ивановнѣ, естли они еще напоминаютъ обо мнѣ.

(Отвѣтъ Моисея Николаевича Радищева изъ Петербурга, отъ 5 сентября 1797 г.: „Я тебѣ ничего на письмо твое отъ 22 августа, мой любезный братъ и другъ, не могу отвѣчать. Тому причиною моя болѣзнь. Три недѣли, какъ

изложилъ въ статьѣ: „Описаніе моего владѣнія". Разсужденія его о свойствахъ почвы, объ удобреніи, о „капиталѣ" крестьянскаго хозяйства, о размѣрахъ надѣловъ, о рукодѣльныхъ работахъ и проч. обнаруживаютъ разностороннюю научную подготовку, замѣчательную для того времени. Въ двухъ мѣстахъ находимъ смѣлыя замѣчанія противъ крѣпостного права. Описывая возвращеніе крестьянъ съ работы, Радищевъ восклицаетъ: „Блаженны, блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о горестное напоминовеніе! Ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую!" Говоря объ отношеніяхъ земледѣльца къ господину, Радищевъ говоритъ: „Сей (господинъ) можетъ его продать оптомъ или подробно (въ розницу); не шуткою сіе сказано: ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца, и можетъ быть а жена отъ мужа продается". Указывая признаки, которые приравниваютъ земледѣльца къ рабу, Радищевъ въ заключеніе говоритъ, что права господина на крестьянина ограничиваются единственно тѣмъ, что „не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей и отъ наказанія за преступленія,— заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо".

Эти замѣчанія показываютъ, что Радищевъ, несмотря на всѣ испытанія, не отрекся отъ своихъ убѣжденій. Не оставилъ онъ и

лежу и ни мало нѣтъ легче, а судя по слабости моей и жестокости болѣзни, конецъ будетъ скоро. Прости за тѣмъ, не забудь того, который тебя любитъ").

Письмо Радищева изъ Нѣмцова къ сыновьямъ въ Кіевъ, въ началѣ августа 1797 года.

Nous voici à Moscou, chers et tendres amis de mon âme et bientôt nous serons chez nous. Comme il me pèse d'être éloigné de vous lors même que nous n'en sommes plus si loin qu'avant et qu'il y aurait la possibilité de Vous voir. Oh mes amis, quand nous pourrons nous jouir de ce bonheur si long temps désiré qui s'éloigne de nous sans cesse. Hélas il ne sera plus, si parfait que nous 'aurions pu ésperer. Vous savez la perte irrèparable que nous avons faite. Oui, mes tendres amis, nous avons perdue cette mère chérie qui a pris soin de votre enfance. Nous n'avons pas pu vivre heureux avec elle dans notre patrie. Adieu chers amis; de mon coeur, je Vous embrasse un million de fois et je Vous presse contre mon coeur.

Въ другомъ письмѣ къ дѣтямъ изъ села Нѣмцова отъ 13 августа 1797 г. Радищевъ отвѣчаетъ коротко на ихъ письмо, полученное изъ Кіева.—Письмо въ Москву книгопродавцу Рису отъ 18 августа 1797 г. Цитировано въ текстѣ (Госуд. арх., VII № 2760.

прежняго интереса къ политической литературѣ; черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Нѣмцово онъ спѣшитъ выписать славившееся въ то время, обширное сочиненіе Гаетано Филанджіери, „Наука законодательства“, въ семи томахъ, вышедшихъ въ 1780—1788 годахъ („La scienza della legislatione“). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подписывается на „Гамбургскую Газету“ и покупаетъ „Элементы химіи“ (Fourcroy).

Въ годы невольной жизни въ деревнѣ, Радищевъ удѣлялъ много времени поэтическимъ опытамъ. Онъ написалъ большую „богатырскую повѣсть“ въ стихахъ,—„Бова“, не успѣвъ закончить только ея послѣдней, 12-й пѣсни. Въ собраніи его сочиненій напечатаны вступленіе и первая пѣснь этой поэмы; остальныхъ ея частей въ бумагахъ его не сохранилось. Въ поэтическомъ отношеніи повѣсть эта представляется весьма слабой; она была нѣсколько архаична по стилю даже для своего времени. Она любопытна только, какъ одна изъ первыхъ попытокъ усвоенія элемента народности. Радищевъ беретъ за образецъ поэму Вольтера объ Орлеанской дѣвственницѣ, Іоаннѣ д'Аркъ („La Pucelle“), но въ иностранную форму хочетъ вложить русское народное содержаніе, выбирая героемъ Бову народной повѣсти.

О Вольтеръ, о мужъ преславной!
Если-бъ можно Бовѣ было
Быть похожу, и кое какъ,
На Жанету, дѣвку храбру,
Что воспѣлъ ты,—хоть мизинца
Ея стоитъ,—если-бъ можно,
Чтобъ сказали: Бова только
Тоща тѣнь ея,—довольно,
То бы тѣнь была Вольтера.
И мой образъ изваянной
Вогнѣздился-бъ въ Пантеонѣ.

Недостатки стиха только отчасти могутъ быть объяснены тѣмъ, что поэма не была вполнѣ закончена и отдѣлана. Что касается элемента народности, то Радищевъ въ усвоеніи его не возвысился надъ уровнемъ своего времени. У него встрѣчаются строфы въ ложно-народномъ, сентиментальномъ духѣ („Что возможетъ, ахъ, сравниться съ лютой горестью моею“), упоминаются славянскія божества съ именами, сочиненными однимъ изъ миѳологовъ XVIII вѣка (Позвиздъ, Чернобогъ, Зничъ, Зимгерла), наконецъ,

народный элементъ является въ постоянномъ смѣшеніи съ классическимъ: рядомъ съ гуслями,—арфа и лира, гусли называются то звончатыми, то златострунными, старая вѣдьма, изъ тѣхъ,—„которыя ѣздятъ къ чертямъ съ визитомъ на ухватѣ“—говоритъ о классическомъ „священномъ образѣ Фала“ [1]).

Полную свободу Радищевъ получилъ только въ царствованіе Александра I, когда черезъ три дня послѣ его вступленія на престолъ, 15 марта 1801 года, велѣно было „освободить немедленно изъ постоянныхъ мѣстъ пребыванія“ всѣхъ заключенныхъ и сосланныхъ по дѣламъ тайной экспедиціи (всего 156 человѣкъ). Радищевъ не только былъ освобожденъ но и принятъ на государственную службу; указомъ 6 августа 1801 года онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи сочиненія законовъ, съ жалованіемъ въ 1.500 рублей; затѣмъ ему возвращенъ былъ орденъ Владиміра 4 степени (указъ 29 сентября 1801 года). Тотчасъ по вступленіи въ должность члена комиссіи, Радищевъ поѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комиссіи, графомъ Завадовскимъ, который отправился туда по случаю коронаціи. Въ Петербургъ Радищевъ вернулся въ концѣ декабря того же 1801 года. Онъ усердно работалъ въ комиссіи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и присутствовалъ на засѣданіи 2 сентября 1802 года, за девять дней до своей смерти.

О службѣ Радищева въ комиссіи и о смерти его Пушкинъ записалъ слѣдующій разсказъ: Александръ I „опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли, касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину, и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ

---

[1]) Кромѣ начала поэмы „Бова“, сохранилось также начало другой поэмы, съ эпиграфомъ изъ Пѣсни „Слова о полку Игоревѣ“, а именно первая Пѣснь, пѣтая на состязаніяхъ въ честь древнихъ славянскихъ божествъ (пѣснь Всегласа).

Не знаемъ, въ это же время или раньше (около 1773 года) написана была „Пѣснь историческая“—обозрѣніе древней греческой и римской исторіи. Отмѣтимъ въ этой пѣснѣ слѣдующіе стихи: „Такъ вѣщаетъ мужъ безсмертной Монтескье, что нѣтъ тиранства злѣй, лютѣй, когда хождаетъ подъ благой законовъ сѣнью и прикрытое шарами правосудья“.

прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить попрежнему! Или мало было тебѣ Сибири?“ Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный и который онъ самъ по себѣ давно напророчилъ!“

Разсказъ этотъ, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя она и отразилась въ немъ не совсѣмъ точно, въ слишкомъ выпукломъ образѣ. Радищевъ, несомнѣнно, несмотря на свое притворное раскаяніе предъ Екатериной, сохранилъ свои убѣжденія и имѣлъ смѣлость открыто заявлять ихъ въ комиссіи составленія законовъ. Сослуживецъ его по комиссіи, наивный Ильинскій, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Радищевъ „былъ мыслей вольныхъ и на все взиралъ съ критикою“. „Когда мы разсматривали сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами, онъ, при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, прилагалъ свое мнѣніе, основанное единственно на свободомысліи“.—„При каждомъ заключеніи“—это небольшое преувеличеніе разсказчика. Но подлинныя дѣла комиссіи законовъ подтверждаютъ въ существѣ дѣла разсказы Ильинскаго и Пушкина.

Записокъ Радищева, относительно „гражданскихъ постановленій“, какъ пишетъ Пушкинъ, или его „проекта гражданскаго уложенія“, какъ пишетъ младшій сынъ Радищева, въ бумагахъ комиссіи не нашлось. Но въ этихъ бумагахъ сохранились мнѣнія Радищева по нѣкоторымъ частнымъ дѣламъ, которыя передавались сенатомъ на разсмотрѣніе комиссіи въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могли быть рѣшены на точномъ основаніи законовъ. Въ числѣ такихъ дѣлъ, называвшихся „казусными“, въ комиссію передано было изъ сената, лежавшее въ немъ безъ движенія 15 лѣтъ, за отсутствіемъ подходящаго закона, дѣло о вознагражденіи помѣщика Трухачева за крѣпостную крестьянку, неумышленно убитую крестьяниномъ другого помѣщика. Комиссія, примѣняясь къ законамъ, назначила цѣну за убитую крестьянку—100 р; но Радищевъ остался при особомъ мнѣніи и приложилъ къ протоколу замѣчательную обширную записку: „О цѣнахъ за людей

убіенныхъ". Онъ доказывалъ, что „цѣны человѣку убитому, умышленно или неумышленно, опредѣлить не можно" и, близко слѣдуя мыслямъ своего „Путешествія", писалъ: „Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастье постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая вскормила своего господина своими сосцами и стала вторая его мать. Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикомъ за убіенныхъ и имъ принадлежащихъ людей: цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами" (ср. „Путешествіе", стр. 341—344). Во вступленіи къ своей запискѣ онъ, затрагивая болѣе общую тему, говоритъ: „Исполинные шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даютъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ".

Въ этой запискѣ мы узнаемъ вполнѣ автора „Путешествія", сохранившаго „молодость сѣдинъ". Она и могла дать поводъ графу Завадовскому для дружескаго упрека Радищеву въ свободомысліи [1]).

Судя по воспоминаніямъ сыновей Радищева, самоубійство его

---

[1]) Въ послѣдній годъ своей жизни, Радищевъ, какъ предполагаетъ В. И. Семевскій, принялъ также участіе въ составленіи записки графа А. Р. Воронцова, представленной имъ въ государственный совѣтъ: „Разсужденіе о непродажѣ людей безъ земли", 3 марта 1802 г. Стиль этой записки и мысли враждебныя крѣпостному праву, очень напоминаютъ Радищева: „Не менѣе не признать нельзя, что и съ просвѣщеніемъ, которое болѣе и болѣе умножилось въ послѣднемъ столѣтіи, несообразнымъ казаться могло, что человѣкъ другого, и по натурѣ ему равнаго, продавать могъ такъ, какъ лошадь и барана. Сей обычай или право, конечно, несходственный съ правомъ натуральнымъ, покрытъ вѣками, такъ какъ и другія злоупотребленія власти, до коихъ не всегда однако же удобно и дотрагиваться". „Цѣлію всякаго благонамѣреннаго и кроткаго правленія должно быть, сколько можно, облегченіе человѣчества, и потому, и сколько можно, сближеніе онаго къ свободѣ". Ср. выраженія: „торгъ людей", „постыдный промыселъ рекрутской продажи, болѣе неудобный, болѣе содрогающій человѣчество, нежели самая продажа людей безъ земли". (Архивъ Госуд. Совѣта т. III, с. 778—782; В. Семевскій, Крест. вопросъ; т. I, с. 249, 251).

было вызвано не упреками или угрозами Завадовскаго, а его болѣзненнымъ состояніемъ и все увеличивавшеюся слабостью. Онъ дѣлался все болѣе задумчивымъ и, наконецъ, выпилъ стаканъ крѣпкой водки; въ мученіяхъ отъ отравы пытался зарѣзаться бритвою; потребовалъ священника, который его исповѣдалъ. На вопросъ врача о причинѣ самоубійства, отвѣтъ умирающаго былъ продолжительный, несвязный [1]).

Радищевъ умеръ въ ночь на 12 сентября 1802 года и на слѣдующій день погребенъ былъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

IX. Цензурныя гоненія.

Цензура съ инквизиціею принадлежитъ къ одному корню.

Путешествіе.

Въ первые либеральные годы царствованія Александра I литературное имя Радищева пользовалось правами гражданства. Послѣ смерти Радищева, въ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ почтили память его краснорѣчивою рѣчью. Ораторъ говорилъ, что „пламенное его человѣколюбіе жаждало озарить всѣхъ своихъ собратій, жаждало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ“. Въ сборникѣ: „Свитокъ музъ“ за 1803 годъ напечатано было стихотвореніе И. М. Борна: „На смерть Радищева“.

---

[1]) На самоубійство Радищева, въ числѣ другихъ причинъ, могли повліять также денежныя его затрудненія. Въ ноябрѣ 1797 г. тайн. сов. М. Ф. Кашталинскій требовалъ съ него уплаты долга въ 4.000 р., сдѣланнаго за 13 лѣтъ назадъ (Госуд. арх. VII, № 2760). Въ апрѣлѣ 1799 года Радищевъ объяснялъ Воронцову, какъ мало доходно его заложенное имѣнье, и обращался къ нему съ просьбой ссудить 300 руб. въ слѣдующемъ письмѣ: „Dans toutes mes détresses, dans toutes mes sollicitudes, c'est à vous que j'ai toujours en recours. Vous n'aves jamais refucé de me faire du bien, me refuserez vous à présent? Me taxerez—Vous de mendier? Je ne le crois pas. Si j'avais affaire à un autre qu'à Vous, ma langue aurait été paralyssée, plutôt que de proférer une parole, que de dire: secourez—moi de trois cents roubles“. (Архивъ князя Воронцова, книга XII, с. 445). Ср. черновикъ письма Радищева къ Государю, съ просьбой взять часть его имѣнія въ казну: Арх. кн. Воронцова, кн. V, с. 404.

Затѣмъ въ 1809 — 1811 годахъ сыновья его издали собраніе его сочиненій, кромѣ „Путешествія“ и нѣкоторыхъ другихъ. Изданіе вышло подъ названіемъ: „Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева“. Москва. Въ типографіи Платона Бекетова. Иждивеніемъ издателей. Часть I, 1806; часть II и III, 1809, ч. IV, V, VI, 1811 года. Къ первой части приложенъ портретъ Радищева въ хорошей гравюрѣ Вендрамини. Значительная часть этого изданія сгорѣла въ 1812 году во время нашествія Наполеона. Здѣсь помѣщены:

Поэмы и стихотворенія: Бова, повѣсть богатырская, стихами. Вступленіе и первая пѣснь.—Пѣснь историческая. Съ эпиграфомъ: „Не красна изба углами, но красна пирогами“.—Пѣсни, пѣтыя на состязаніяхъ въ честь древнимъ славянскимъ божествамъ. Эпиграфъ изъ пѣсни на походъ Игоря на половцовъ.— Мелкія стихотворенія, числомъ 9 (часть I).

О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи. Друзьямъ моимъ. Le temps présent est gros de l'avenir. Leibnitz. Начато 1792 года, генваря 15. Илимскъ. Въ 4-хъ книгахъ. (Части II и III).

Отрывки: Ангелъ тьмы. Отрывокъ изъ поэмы Ермакъ (прозою). Дневникъ одной недѣли.

Разсужденіе о Телемахидѣ Тредьяковскаго, подъ шутливымъ названіемъ: „Памятникъ дактилохореическому витязю, или драматико-повѣствовательныя бесѣды юноши съ пѣстуномъ его, описанныя составомъ нестихословныя рѣчи отрывками, изъ ироическія піимы славнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа NN, поборникомъ его знаменитаго творенія“.

Описаніе моего владѣнія. („Вотъ описаніе моего владѣнія, помѣстья, вотчины, деревни, или назови, какъ хочешь“). (Часть IV).

Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Посвящено Алексѣю Михайловичу Кутузову. (Часть V).—(Впервые издано Радищевымъ отдѣльно въ 1789 году.—Въ 1869 году перепечатано въ сборникѣ „XVIII вѣкъ“ П. Бартенева).

Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири. Отрывокъ.—Письмо о китайскомъ торгѣ 1792 г. (Часть VI).

Въ это собраніе сочиненій, кромѣ „Путешествія“, не вошли:

Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ, по

долгу званія своего. Съ дозволенія Управы Благочинія. Въ Санктпетербургѣ 1790. Санктпетербургъ, 8 августа 1782 года. 14 страницъ (Объ открытіи монумента Петру Первому). Перепечатано въ „Русской Старинѣ", за 1871 годъ.

Повѣсть о Филаретѣ Милостивомъ. Написана въ крѣпости въ 1790 году. Впервые напечатана М. Сухомлиновымъ въ 1883 году, въ „Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ", т. XXXII, № 6 статья: А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву".

Дневникъ, веденный на пути въ Сибирь и обратно. Не изданъ. Рукопись хранится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ [1]).

Во второй половинѣ царствованія Александра I-го, имя Радищева вновь подвергается цензурному гоненію. Этимъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ объяснить, что о немъ ничего не говоритъ ни Гречъ въ „Опытѣ исторіи русской литературы" (1822), ни, въ особенности, Бестужевъ-Марлинскій въ своемъ „Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи" („Полярная звѣзда" на 1823 годъ, изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ). Пушкинъ, вѣроятно не считался съ цензурными условіями, когда упрекалъ Бестужева въ томъ, что онъ забылъ Радищева. О перемѣнѣ въ отношеніи цензуры къ Радищеву въ это время свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Вскорѣ послѣ его смерти, въ 1805 году одна глава изъ его „Путешествія" („Клинъ") была безпрепятственно перепечатана въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ". Когда же, въ 1816 году Сопиковъ въ „Опытѣ библіографіи" напечаталъ посвященіе къ „Путешествію", то книга была остановлена цензурою, и листокъ съ этимъ посвященіемъ вырѣзанъ.

Пушкинъ въ 1836 году сдѣлалъ попытку снять цензурное veto съ имени Радищева, но это ему не удалось. Онъ приготовилъ статью „Александръ Радищевъ" для „Современника"; цензура представила ее министру, и министръ, графъ С. С. Уваровъ, написалъ на докладѣ слѣдующую, классическую въ своемъ родѣ резолюцію: „Статья сама по себѣ недурна и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ, нахожу не-

[1]) Позже изданъ В. В. Каллашемъ въ „Извѣстіяхъ Отд. русск. языка и Слов. Имп. Ак. Н.", 1906 г. и перепечатанъ въ изданіяхъ соч. Радищева Саблина М. и Акинфіева, СПБ.

Ред.

удобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія".

Пушкинъ высоко уважалъ Радищева, какъ борца за свободу, и очень цѣнилъ его, какъ писателя. Въ первоначальной редакціи „Памятника" онъ говорилъ:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ" [1]).

Въ статьѣ о Радищевѣ Пушкинъ говорилъ о немъ такъ: „Человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры дерзаетъ вооружиться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины!.. Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соучастниковъ. Въ случаѣ неуспѣха,—а какого успѣха можетъ онъ ожидать?—онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ... Но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика... дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью". Мы опустили слова явно прибавленныя Пушкинымъ по цензурнымъ соображеніямъ. Статья Пушкина вся представляетъ собою пеструю смѣсь замѣчаній искреннихъ и оговорокъ и разсужденій лицемѣрныхъ. Помня о той страшной славѣ, какою пользовалась въ то время, время крѣпостного рабства, книга Ридищева, рѣзко вооружившаяся противъ этого рабства, Пушкинъ постарался скрыть свои мысли въ туманѣ благонамѣренныхъ нападокъ на Радищева. Но этотъ туманъ до сихъ поръ производитъ непріятное впечатлѣніе, мѣшая разглядѣть истинныя мнѣнія Пушкина. Герценъ вѣрно замѣтилъ, что Пушкинъ „перехитрилъ" свою статью по цензурнымъ соображеніямъ. Онъ хотѣлъ не столько указать истинное значеніе Радищева, сколько, такъ или иначе, снять запретъ съ его имени, вновь обратить общее вниманіе на его книгу. И онъ едва не

[1]) Третій стихъ былъ замѣненъ слѣдующимъ: „Что въ свой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу" (26 августа 1836 г.). По цензурнымъ соображеніямъ стихотвореніе это до 1880 года печаталось съ слѣдующимъ стихомъ Жуковскаго: „Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ".

достигъ своей цѣли, потому что Уваровъ нашелъ статью „недурной“ [1]).

Статья Пушкина была напечатана только въ 1857 г., спустя 21 годъ послѣ того, какъ она была написана. Ее разрѣшили не безъ затрудненій, благодаря отзывамъ двухъ цензоровъ-писателей, И. А. Гончарова и Н. Щербины; она появилась въ VII дополнительномъ томѣ сочиненій Пушкина, изданныхъ Анненковымъ. Въ это время, наканунѣ освобожденія крестьянъ, она произвела какъ разъ то дѣйствіе, какое имѣлъ въ виду Пушкинъ. Статья сняла запретъ съ имени Радищева и возбудила къ нему интересъ: въ журналахъ начали появляться статьи и замѣтки о его жизни и сочиненіяхъ. Въ слѣдующемъ же году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ напечатаны были воспоминанія о Радищевѣ его сына Павла (1858 г., № 23). Тогда же, въ 1858 г., „Путешествіе“ было напечатано въ Лондонѣ. Это изданіе было сдѣлано съ дурного списка; слогъ автора былъ сильно подновленъ и многія мѣста искажены до извращенія смысла. Позднѣе, въ 1876 году это изданіе было дословно перепечатано въ Лейпцигѣ („Международная Библіотека“, т. XVII).

Освобожденіе крестьянъ уничтожило всякое основаніе для преслѣдованія „Путешествія“ Радищева. Вслѣдствіе ходатайства сына его, Высочайшимъ указомъ 22 марта 1868 года сенату велѣно было „запрещеніе, наложенное вслѣдствіе Высочайшаго указа отъ 4 сентября 1790 года на сочиненіе Радищева, подъ заглавіемъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, отмѣнить съ тѣмъ, чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ нынѣ укаконеній о печати“.

Воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ, купецъ Шигинъ поспѣшилъ выпустить въ томъ же 1868 году изданіе: «Радищевъ и его книга: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“». „Путешествіе“ напечатано здѣсь съ испорченнаго списка, въ сокращенномъ и искаженномъ видѣ. Издатель объявилъ, что книга выпущена безъ предварительной цензуры, но, по замѣчанію одного

---

[1]) Нѣсколько раньше Пушкинъ написалъ и другую статью: „Мысли на дорогѣ“ (1834 г.), въ которой слѣдовалъ внѣшней формѣ „Путешествія“, приводилъ изъ него рядъ цитатъ и критиковалъ его, опять съ тою же утрированною благонамѣренностью.

рецензента, никакая цензура такъ не обезобразила бы „Путешествія“, какъ это сдѣлалъ благонамѣренный издатель

Въ 1872 году напечатаны были въ двухъ томахъ „Сочиненія Александра Николаевича Радищева“, подъ редакціею П. А. Ефремова, но изданіе это было сожжено цензурою. Въ 1888 году А. С. Суворинъ издалъ „Путешествіе“, въ 100 экземплярахъ, перепечатавъ его съ подлинника, со всѣми особенностями правописанія. Въ 1901 году А. Е. Бурцевъ издалъ полный текстъ „Путешествія“, но довольно неисправно, въ V томѣ своего „Библіографическаго описанія рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ“. Въ 1903 году „Путешествіе“ было отпечатано П. А. Картавовымъ, но было задержано и уничтожено цензурой [1]).

Памятникомъ, достойнымъ Радищева, является художественно-промышленный музей его имени, устроенный въ Саратовѣ въ 1885 году его внукомъ, художникомъ А. П. Боголюбовымъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Матеріалы для біографіи.

Замѣчанія Екатерины II на книгу Радищева, вопросные пункты ему на слѣдствіи, его отвѣты, повинныя и завѣщаніе; документы подъ заглавіемъ: Радищевъ—Чтеніе Моск. Общ. Ист. и Древн., 1865, кн. III, с. 67—106. Тутъ же письмо къ нему А. Ушакова 1797 г. (с. 107—108).

В. Якушкинъ, Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ: Русская Старина, 1882 г., т. 35, сент., с. 457—532 (общій обзоръ слѣдстія и суда и новые матеріалы изъ дѣла петербургской уголовной палаты) [2]).

---

[1]) Изданіе, вышедшее въ октябрѣ 1905 г. подъ ред. Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева, было первымъ точнымъ воспроизведеніемъ текста „Путешествія“, если оставить въ сторонѣ почти недоступное изданіе А. С. Суворина. Вслѣдъ за нимъ появился цѣлый рядъ изданій „Путешествія“, какъ, напр., А. С. Суворина, И. П. Глазунова въ „Русск. Классной Библіотекѣ“ подъ ред. А. Н. Чудинова и др Въ настоящее время мы имѣемъ нѣсколько изданій Собранія сочиненій Радищева подъ ред. В. В. Каллаша, изд. В. М. Саблина въ 2 томахъ; подъ ред. С. Н. Тройницкаго, въ изд. „Сиріусъ“ (не оконч.); подъ ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева въ 2 томахъ. Редакціи послѣдняго изданія содѣйствовалъ своими указаніями и Н. П. Сильванскій.

Ред.

[2]) Документы процесса напечатаны сполна (отчасти, по подлинникамъ, со-

• М. Сухомлиновъ, А. Н. Радищевъ: Сборн. отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXXII. 1883 г., то же—Изслѣдованія и статьи по русск. литер. и просвѣщ., т. I, Спб., 1889 (новые матеріалы изъ дѣлъ госуд. архива объ ученьи Радищева въ Лейпцигѣ, судѣ и службѣ въ комиссіи законовъ).

Письма А. Н. Радищева къ графу А. Р. Воронцову, 1782—1800, №№ 1—47. Письма Е. В. Рубановской къ нему же.—Записка Радищева о торговлѣ съ Китаемъ.—Письма разныхъ лицъ, его касающіяся.—Замѣчанія Екатерины II на его книгу. — Вопросные пункты и его отвѣты: Архивъ князя Воронцова, кн. V, 1872, с. 284—444.

Письма А. Н. Радищева къ графу А. Р. Воронцову, 1782—1799, №№ 1—25; Архивъ князя Воронцова, кн. XII, 1877, с. 403—446.—Прошеніе Радищева императору Павлу о разрѣшеніи съѣздить изъ Нѣмцова къ отцу въ Саратовскую губернію, 6 декабря 1797 г., Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1862, кн. 4, с. 197—198. [1]).

Воспоминанія Павла Александровича Радищева: Русск. Вѣстникъ 1858 г., т. 18, с. 395—430 (съ примѣчаніями М. Н. Лонгинова).—Воспоминанія Николая Александровича Радищева, Русск. Старина, 1872 г., т. VI, с. 573—581.

Наставленіе Екатерины II русскимъ студентамъ, отправленнымъ въ Лейпцигъ, 22 сентября 1766 г. и Извлеченіе изъ дѣла госуд. архива о русскихъ студентахъ въ Лейпцигѣ: Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. X, с. 107—131.

И. М. Борнъ, На смерть Радищева: Свитокъ музъ, 1803 г., ч. II, с. 116 и слѣд.

Памятныя записки Храповицкаго: Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1862 г., кн. III, с. 226—227.—Изъ записокъ Н. С. Ильинскаго: Русск. Арх., 1879 г., кн. III, с. 416. Н. Карамзинъ, Письма русск. путешественника, изд. Деш. Библ., ч. I, с. 118.—Записки Селивановскаго: Библіогр. Записки, 1858 г., № 12. — Изъ записокъ С. Н. Глинки: Русск. Вѣстн. 1865, № 7, с. 205. — Записки княгини Дашковой. Helbig — Russische Günstlinge, 1809, с. 457 (русск. перев. Русск. Стар. 1887, т. 56, с. 25—28). Mémoires secrets sur la Russie, т. II, 1800, с. 188—189. — Перлюстрованныя письма 1790 г., въ статьѣ—Русскіе вольнодумцы въ царствов. Екатерины II: Русск. Стар. 1874 г., т. IX, с. 72, 262, 266, 466 и др. Письма къ товарищу Радищева В. И. Зиновьеву: Русск. Арх. 1870, т. VIII, с. 939—941, 946—948.—Рапортъ иркутскаго намѣстническаго правленія о Радищевѣ: Русск. Стар. 1874 г., т. VI, с. 436.—Рескриптъ С. Н. Самойлову, о возвращеніи изъ Сибири Радищева: Русск. Стар., 1882, т. XXXVII, с. 499.

общеннымъ И. П. Сильванскимъ) во 2-омъ томѣ Полн. собр. соч. Р. изд. М. И. Акинфіева, Спб. 1908. *Ред.*

[1]) Всѣ письма Р., напечатанныя въ Архивѣ кн. Воронцова, перепечатаны во 2-мъ томѣ Полн. собр. соч. Р. подъ ред. В. В. Каллаша. Изд. В. М. Саблина. М. 1908. *Ред.*

II. Статьи о жизни и сочиненіяхъ.

А. С. Пушкинъ, Александръ Радищевъ, Мысли на дорогѣ: Сочиненія подъ ред. П. Морозова, т. V, с. 215, с. 349, и сл.—А. Герценъ, предисловіе къ лондонскому изданію Путешествія.

В. Е. Якушкинъ, Біографія Радищева, въ Энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XXVI. Его же, статья въ сборникѣ: Главные дѣятели освобожденія крестьянъ, подъ ред. С. Венгерова, Спб. 1903, с. 31—38, (тутъ отзывы крестьянъ села Нѣмцова о Радищевѣ и выписка изъ раздѣльнаго акта его наслѣдниковъ). Его же, Радищевъ и Пушкинъ: Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1886 г., кн. II, с. 1—5. Его же, статья въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, 1902 г., №№ 252, 259, 268.

В. А. Мякотинъ, На зарѣ русской общественности, изд. Донской Рѣчи, 1904, с. 1—87 (съ выдержками изъ рукописныхъ матеріаловъ, собранныхъ В. И Семевскимъ). То же въ книгѣ: Изъ исторіи русскаго общества.—П. Н. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, вып. II, гл. VIII.—Н. П. Ашешовъ, Памяти перваго народолюбца: Новое дѣло 1902 г., № 9, с. 208—223.—В. В. Каллашъ, Рабства врагъ: Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, 1903, т. VIII, кн. 4, с. 212—255.

Объ ученыхъ годахъ Радищева. М. Н. Лонгиновъ: А. М. Кутузовъ и А. Н. Радищевъ, Современникъ, 1856 г., № 8, отд. V, с. 147—152. Его же, Рус. студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ и о послѣднемъ проектѣ Радищева: Библіографич. Записки, 1859 г., № 17, с. 539—542.—О томъ же, справки, собранныя въ Лейпцигѣ Гротомъ: О русскихъ товарищахъ Радищева въ Лейпцигскомъ университетѣ: Извѣстія русск. отд. Акад. Наукъ, 1860 г., т. IX, вып. 3. (Поправка къ этой статьѣ Н. Барышникова: Русск. Архивъ 1870 г., с. 934). Разсказы, записанные Гротомъ: Русск. Архивъ 1870 г., с. 1775—1776. Статья Сухомлинова, см. выше, и статья В. Якушкина: Учебные годы Радищева, въ сборникѣ: Подъ знаменемъ науки, М. 1902.

Объ участіи Радищева въ Живописцѣ. Д. Ѳ. Кобеко, статья въ Библіограф. Запискахъ 1861 г., № 4. П. А. Ефремовъ, примѣчанія въ изданіи Живописецъ Н. И. Новикова, изд. 7-е, Спб., 1864, с. 320 и 346. В. А. Мякотинъ, назв. статья, с. 23.

Объ участіи въ Почтѣ Духовъ. А. Н. Пыпинъ—Крыловъ и Радищевъ: Вѣстн. Евр. 1868 г., т. III, с. 419—436. В. Андреевъ, статья въ Русскомъ Инвалидѣ 1868 г., № 31. Я. К. Гротъ, Литерат. жизнь Крылова, XIV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ. А. І. Лященко, Біографія Крылова: Истор. Вѣстн. 1894 г., т. LVIII, с. 498—499. Л. Н. Майковъ, Историко-литературные очерки, Спб. 1895. Полн. собр. сочин. Крылова, изд. т-ва Просвѣщеніе, прим. В. В. Каллаша, т. II, с. 310—312, 476, 510.

О философскихъ сочиненіяхъ. Проф. Евг. Бобровъ, А. Н. Радищевъ, какъ философъ: Философія въ Россіи, вып. III, Казань, 1900, с. 55—256.—П. Н. Милюковъ, назв. соч., с. 378—385.

О стихотвореніяхъ. Примѣчанія П. А. Ефремова въ изданіи С. Вен-

герова, Русская Поэзія, вып. VI, 1897; дополненія и примѣчанія, № 87. Стихотворенія помѣщены тамъ же вып. V (тутъ же воспоминанія П. Радищева и статья Пушкина).

Объ отношеніи къ крѣпостному праву. В. И. Семевскій; Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, 1888, с. 212—222, 250 и 307. Его же, Крестьяне въ Россіи, т. I, изд. 2, с. 169, 308 и др. Его же, Очерки: Русск. Стар. 1887, т. 56, с. 101.

Разныя статьи и общія замѣчанія о Радищевѣ. Біографія въ Словарѣ достопам. людей Д. Бантыша-Каменскаго, 1836 г., ч. II, и въ Словарѣ свѣтскихъ писателей митропол. Евгенія, ч. II.—Корсуновъ, А. Н. Радищевъ, Русск. Вѣстн. 1858 г., т. XVIII, № 23.—Кн. Н. В. Голицынъ, Современныя извѣстія о Радищевѣ: Библіогр. Зап. 1858, № 23, т. I, с. 729.—Радищевъ и Екатерина II, Голосъ 1865, № 317. — М. Н. Лонгиновъ, Екатерина Великая и Радищевъ, Вѣсть 1865, № 28. Его же, Радищевъ и его книга, Русск. Арх. 1868 г., т. VI, с. 1811—1817. Его же, Новиковъ и мартинисты, М. 1867.—I. Шишкинъ. Радищевъ и его книга, Недѣля 1868, №№ 34 и 35. — М. Шугуровъ, о Радищевѣ, Русск. Арх. 1872 г., т. X, с. 927—953 (тутъ выписки изъ мемуаровъ кн. Дашковой и изъ Гельбига).—А. Незеленовъ, А. Н. Радищевъ: Истор. Вѣст. 1882, т. XII, с. 1 и слѣд.

Галаховъ, Историко-литерат. вопросы: С.-Петерб. Вѣдомости. 1864 г., № 122, с. 491 (подп. Красовъ). Его же, Исторія русской словесности, т. I, отд. 2, Спб. 1880, с. 273—276.—Я. Гротъ, Сочиненія Державина, т. III, с. 579 и 757.—И. Порфирьевъ, Истор. русск. слов. ч. II, отд. II, Каз. 1888, изд. 2, с. 264 и слѣд. Также руководства по истор. русск. литер. Кенига, Стоюнина, Караулова и др.

А. Н. Пыпинъ, Обществ. движ. при Александрѣ I, изд. 3, с. 72, 199.—Щаповъ, Соціально-педагогическія условія развитія русск. народа. — А. Н. Пятковскій, Изъ истор. наш. литер. и обществ. развитія.—Л. Н. Майковъ. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія.—Н. С. Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, с. 273. — А. Веселовскій, Западное вліяніе въ русской литературѣ.—Брикнеръ, Истор. Екатерины II.—А. Вейдемейеръ; Дворъ русск. госуд. II, с. 120.—Castera, Hist. de Catherine II, t. II, 371.—K. Waliszewski, Autor d'un trône, P. 1897, c. 231—234.

Волненія крестьянъ при Павлѣ I [1]).

I.

Ошибка ошибкѣ рознь.

Е. П. Трифильевъ. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе Императора Павла Перваго. Харьковъ, 1904.

Волненія крестьянъ при императорѣ Павлѣ I, одно изъ важнѣйшихъ нашихъ народныхъ движеній, быстро распространившееся по всей Россіи въ концѣ 1796 г., тотчасъ по вступленіи на престолъ Павла Петровича и также быстро подавленное въ теченіе года при помощи воинскихъ командъ и пушекъ,—какая благодарная тема для историка. И какой богатый матеріалъ для полнаго живого описанія этого движенія даютъ сохранившіеся въ нашихъ архивахъ всѣ подлинные документы: донесенія губернаторовъ, прошенія крестьянъ, объясненія помѣщиковъ, резолюціи государя, съ своеобразными архаическими рѣчами всѣхъ участниковъ дѣла, ярко отражающими событія.

Ознакомившись со всѣмъ этимъ матеріаломъ, г. Трифильевъ не сдѣлалъ даже и попытки дать общее историческое описаніе, картину крестьянскихъ волненій. Онъ поставилъ себѣ задачей—какъ сказано въ предисловіи — научное „изслѣдованіе“, имѣя въ

[1]) Эта статья напечатана въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1905, февраль. Она вызвала отвѣтъ г. Трифильева въ октябрьской книгѣ того же журнала. Въ декабрьской книгѣ послѣдовалъ отвѣтъ Н. П. Сильванскаго.

виду „пополнить недостатокъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи крестьянъ въ Россіи — посильнымъ разрѣшеніемъ одного изъ этихъ вопросовъ“. Но если въ книгѣ его, изданной Харьковскимъ университетомъ, нѣтъ историческаго описанія, то точно также нѣтъ въ ней, вопреки обѣщанію предисловія, и научнаго изслѣдованія вопроса; она содержитъ въ себѣ лишь матеріалъ для изслѣдованія, къ сожалѣнію неполно и неточно извлеченный изъ цѣнныхъ архивныхъ бумагъ, необработанный и изложенный по неудачной системѣ.

4/5 „изслѣдованія“ г. Трифильева [1]) посвящены примитивному пересказу документовъ съ обширными дословными выписками. Въ случайномъ порядкѣ распространенія крестьянскихъ волненій по губерніямъ авторъ описываетъ одно за другимъ или только перечисляетъ (въ зависимости отъ указаній, имѣвшихся въ источникахъ), 278 отдѣльныхъ случаевъ этихъ волненій; о каждомъ случаѣ онъ разсказываетъ особо, какъ началось движеніе, чѣмъ было вызвано, какъ крестьяне, выбранные міромъ, подавали жалобы въ Петербургѣ, какія распоряженія дѣлалъ государь, какъ возмущеніе подавлялось; подъ рядъ описываются въ случайной послѣдовательности разнообразнѣйшіе случаи волненій, отъ простой, робкой попытки неповиновенія помѣщику, тотчасъ же подавлявшагося увѣщаніями, до вооруженнаго возстанія нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, сопровождавшагося убійствами и грабежами. Документы, относящіеся къ каждому случаю, пересказываются въ стилѣ канцелярскаго обозрѣнія дѣла:

„По разслѣдованіи этого возмущенія чрезъ земскаго исправника губернскимъ прокуроромъ А. Петровымъ-Соловово, оказалось, какъ онъ доносилъ генералъ-прокурору, что“... (с. 110) или „Приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ, вслѣдствіе доклада объ этомъ дѣлѣ генералъ-прокурора государю, было получено московскимъ военнымъ губернаторомъ Н. П. Архаровымъ съ нарочнымъ фельдъ-егеремъ Высочайшее именное повелѣніе, по которому“... (с. 113).

Нѣкоторая систематичность изложенія замѣчается лишь въ обозрѣніи волненій въ предѣлахъ одной, той или другой губерніи,

---

[1]) Собственно описательная глава, III-я, занимаетъ около 3/4, точнѣе 0,77 книги, или 266 страницъ изъ всѣхъ 343-хъ. Но и главы, посвященныя выводамъ (IV, V), также въ значительной части содержатъ описанія различныхъ случаевъ—пересказъ документовъ.

тамъ, гдѣ волненія эти были тѣсно связаны между собою. Но между описаніями волненій въ различныхъ 32-хъ губерніяхъ нѣтъ никакой связи. Естественнѣе всего было строго выдержать географическій порядокъ и расположить губерніи по районамъ: сѣверныя, центральныя, приволжскія и т. д. Авторъ же переходитъ изъ Петербургской губерніи въ Пензенскую, отсюда въ Ярославскую, изъ Тверской въ Нижегородскую, изъ Оренбургской въ Выборгскую, придавая чрезвычайную пестроту изложенію. Смѣшивая географическій порядокъ съ хронологическимъ, онъ расположилъ губерніи по случайному признаку—дню начала волненій, несмотря на то, что волненія на большихъ пространствахъ возникали независимо одно отъ другого и почти одновременно, съ разницею въ 2—3 дня,—но и этого порядка онъ не выдерживаетъ (ср. стр. 119 и 148). Извлекая изъ документовъ различныя свѣдѣнія, авторъ часто слишкомъ подробно останавливается на второстепенномъ и передаетъ въ извлеченіи то, что слѣдовало бы привести полностью. Такъ, онъ часто слишкомъ обстоятельно разсказываетъ о томъ, какъ дѣйствовали въ Петербургѣ крестьянскіе ходоки, какого числа они опускали жалобу въ ящикъ, какъ навѣдывались въ канцелярію, и какія писали письма къ своимъ сельчанамъ (стр. 184), и рядомъ съ этимъ лишь въ краткомъ извлеченіи или пересказѣ приводитъ нѣкоторые любопытные приговоры и жалобы возставшихъ крестьянъ.

Таковъ, занимающій 4/5 книги, безпорядочный пересказъ цѣнныхъ архивныхъ документовъ. „Изслѣдованіе“ въ собственномъ смыслѣ состоитъ изъ двухъ небольшихъ главъ на 53 страницахъ небольшого формата: глава IV—„Выводы изъ очерка волненій крѣпостныхъ крестьянъ“, и глава V—„Участіе духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ“ [1]).

Среди этихъ „выводовъ“ заслуживаетъ вниманія только одинъ, объ извѣстномъ павловскомъ указѣ 5-го апрѣля 1797 г., которымъ воспрещено было требовать отъ крестьянъ барщины болѣе трехъ дней въ недѣлю и такимъ образомъ положено было начало ограниченію помѣщичьей власти. Признавая важное принци-

---

[1]) Характера изслѣдованія не имѣютъ ни коротенькое компилятивное введеніе (гл. I и II), ни извлеченіе изъ ненаписанной еще работы (гл. VI, на 6 страницахъ).

ціальное значеніе этого закона, историки наши полагали, что онъ на практикѣ почти не примѣнялся. Г. Трифильевъ показываетъ, на основаніи новыхъ документовъ, что въ Павловское время указъ о трехдневной барщинѣ имѣлъ большое практическое значеніе, такъ какъ правительство строго настаивало на его исполненіи (стр. 293—302).

Но всѣ основные вопросы, касающіеся крестьянскихъ волненій, остались совершенно необслѣдованными или обслѣдованы весьма недостаточно въ книгѣ г. Трифильева. Въ описательномъ очеркѣ онъ приводитъ въ разныхъ мѣстахъ много любопытныхъ фактовъ, но не даетъ свода ихъ и оцѣнки. Какъ это ни странно, но авторъ, пытаясь бѣгло освѣтить главный вопросъ своего изслѣдованія, вопросъ о причинахъ крестьянскаго движенія, не различаетъ причинъ—общихъ условій отъ случайныхъ поводовъ движенія. Основная, общая для всѣхъ мѣстностей, причина крестьянскихъ волненій заключалась, конечно, въ тяжкомъ гнетѣ помѣщичьей власти: непомѣрныхъ оброкахъ и барщинныхъ работахъ, жестокихъ истязаніяхъ, продажѣ людей порознь и прочихъ извѣстныхъ ужасахъ крѣпостного права. При такихъ условіяхъ и въ царствованіе Екатерины II волненія крестьянъ возникали не разъ повсюду, по различнымъ поводамъ. Общимъ поводомъ для широкаго народнаго движенія въ первый годъ царствованія Павла I явилась перемѣна царствованія, естественное ожиданіе отъ новаго государя новыхъ порядковъ. На почвѣ этого ожиданія возникали и распространялись различные слухи о волѣ, явившіеся ближайшими поводами для волненій въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Въ другихъ случаяхъ поводами являлись производившія смуту въ умахъ распоряженія Павла: о присягѣ крестьянъ государю (въ манифестѣ о вступленіи на престолъ), о разрѣшеніи всѣмъ приносить жалобы государю по одному человѣку (указъ 12-го декабря 1796 г.) и о трехдневной барщинѣ крестьянъ (указъ 5-го апрѣля 1797 г.).

Г. Трифильевъ достаточно разъясняетъ значеніе этихъ указовъ и различныхъ слуховъ, какъ поводовъ для волненій, но взаимоотношеніе главныхъ причинъ—условій и поводовъ остается для него совершенно неяснымъ. Изъ своего изложенія онъ дѣлаетъ неожиданный выводъ, что главная причина движенія заключалась въ отвлеченномъ желаніи свободы: „всѣ отдѣльные

случаи", говоритъ онъ,—„являются выраженіемъ одной причины—стремленія къ освобожденію отъ гнета помѣщичьей власти. Возникшіе на громадномъ пространствѣ... они всѣ тѣсно связаны между собою одною мыслью, однимъ страстнымъ желаніемъ свободы, воодушевлявшимъ крѣпостныхъ крестьянъ". Затѣмъ, общая тягость крѣпостного права, выражавшаяся въ насиліяхъ помѣщиковъ, для автора является лишь поводомъ для волненій, такимъ же поводомъ, какъ и различные слухи и указы Павла. Указавъ общую причину въ стремленіи къ свободѣ, авторъ продолжаетъ: „но если причина была одна, то поводы къ волненіямъ были и многочисленны и разнообразны, какъ разнообразна была жизнь ихъ породившая. Чаще всего (?) крестьяне жалуются на свое экономическое положеніе, неудовлетворительность котораго вызывалась или недостаткомъ пахотной земли и угодій, или несоизмѣримымъ съ платежной способностью крестьянъ оброкомъ, или, наконецъ, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Къ этому присоединялись разнообразные поборы" и развратъ помѣщиковъ. „Въ числѣ поводовъ, продолжаетъ авторъ, довольно часто встрѣчаются жалобы крестьянъ на несоблюденіе владѣльцемъ манифеста 5-го апрѣля 1797 г. о 3-хъ дневной работѣ крестьянъ на помѣщиковъ" и т. д. (с. 290—291). Во всемъ этомъ обнаруживается полное безсиліе автора разобраться въ общихъ условіяхъ и случайныхъ поводахъ движенія. Насколько сбивчива мысль, настолько же сбивчиво и изложеніе: послѣ повода—„экономическое положеніе", авторъ прежде всего обсуждаетъ поводъ—законъ 5-го апрѣля 1797 г., изданный тогда, когда волненіе уже утихало, и отъ позднѣйшаго переходитъ къ болѣе раннему поводу, манифесту о присягѣ всѣхъ подданныхъ (въ томъ числѣ и крестьянъ) государю.

Если мы обратимся къ описанію волненій, на которомъ будто бы основывается изложенный выводъ автора, то нигдѣ не найдемъ указаній на отвлеченное стремленіе къ свободѣ, если не считать мнѣнія одного изъ исправниковъ, который, желая оправдать помѣщика-притѣснителя, настаивалъ, что причиной волненій является „одно вольнодумство", „одно только буйство", желаніе „учиниться свободными" (с. 182). И въ выпискахъ изъ документовъ, и въ объясненіяхъ отдѣльныхъ случаевъ мы вездѣ находимъ указанія на реальныя отношенія и прежде всего на

злоупотребленія помѣщиковъ, какъ общую причину волненій. Подчеркивая, что желаніе свободы воодушевляло всѣхъ крестьянъ, авторъ рѣзко противорѣчитъ своимъ же указаніямъ, что крестьяне часто не отказывались вообще отъ повиновенія помѣщикамъ, а лишь выставляли опредѣленныя ограниченныя требованія объ уменьшеніи оброка и повинностей, облегченіи чрезмѣрныхъ тягостей, какъ тѣ ярославцы, которые объявили себя „не непослушными, а неимущими" (с. 151), или какъ псковскіе крестьяне графа Апраксина, которые, выражая согласіе исполнять всякія домашнія работы на помѣщика,—„отреклись" лишь отъ поставки подводъ для дальнихъ поѣздокъ въ Новгородъ, потому что лошади ихъ были изнурены отъ тягчайшей господской работы (с. 96) [1].

Современникъ, князь Вяземскій, курьезно объяснялъ главную

---

[1]) О волненіи крестьянъ помѣщицы Вульфовой авторъ говоритъ со словъ рапорта смоленскаго губернатора, что „причиной (волненія) служило отягощеніе помѣщицей ихъ (крестьянъ) поборами и работами". О Гжатскомъ уѣздѣ въ той же Смоленской губерніи авторъ замѣчаетъ: „и здѣсь поводъ къ волненію возникъ на почвѣ экономическихъ отношеній" (с. 247). Или о волненіяхъ крестьянъ на фабрикахъ Хлѣбникова въ Рязанской губерніи авторъ пишетъ: „производя разслѣдованіе причинъ недовольства мастеровыхъ, губернаторъ убѣдился, что виновато въ немъ дурное управленіе фабриками" (с. 225). О волненіяхъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ, въ имѣньи Лялина авторъ пишетъ совершенно правильно: „и въ этомъ случаѣ волненія начались вслѣдствіе экономическаго угнетенія крестьянъ помѣщикомъ, требованія отъ нихъ непосильныхъ работъ: поводомъ же къ отказу въ повиновеніи и подачѣ просьбы государю явилась народная молва, будто бы всякому позволено подавать Его Величеству жалобы на господъ своихъ и просить милости" (с. 172). Изъ всѣхъ случаевъ крестьянскихъ волненій г. Трифильевъ самъ только одинъ случай возмущенія крестьянъ помѣщика Андреева нашелъ возможнымъ истолковать согласно своей „теоріи", что волненія вызывались желаніемъ свободы. Крестьяне Андреева (въ Орловской губерніи) заявили, что помѣщикъ употребляетъ ихъ въ „несносныя работы". Помѣщикъ доказывалъ, что онъ не только ихъ не разоряетъ, но даже улучшилъ ихъ экономическое положеніе, и что они возмутились единственно отъ „дерзости и своевольства, возмечтавъ быть казенными". Авторъ объясняетъ, что крестьяне могли возмутиться изъ желанія „быть казенными", то есть во имя свободы, даже если матеріальное ихъ положеніе и улучшилось. Онъ допускаетъ вѣрность заявленія помѣщика, не замѣтивъ, что помѣщикъ-чиновникъ-прокуроръ самъ же подорвалъ свое показаніе, признавъ, что онъ „обремененъ долгами" и „истощилъ все свое имущество на покупку сей бѣдственной для меня деревни". При такомъ владѣльцѣ матеріальное положеніе крестьянъ едва ли могло улучшиться.

причину крестьянскаго движенія: „всему оному первая причина по моимъ собственнымъ розыскиваніямъ—проѣзжающіе курьеры, изъ которыхъ многіе въ пьяномъ состояніи, другіе и безъ онаго, думавъ обрадовать народъ, сказываютъ то, что оному народу всего безцѣннѣе—милость государя, облегчающая ихъ состояніе и эти вздорные и простые слухи отдаютъ за истину“ (с. 145). Г. Трифильевъ иронизируетъ надъ этимъ близорукимъ объясненіемъ движенія вѣстями пьяныхъ курьеровъ, но иронія тутъ ему не къ лицу.

Въ изслѣдованіи о крестьянскихъ волненіяхъ необходимо было прежде всего изучить главную общую причину ихъ—темныя стороны крѣпостного права: тяжкій гнетъ господскаго произвола и тяжелое экономическое положеніе крестьянъ во многихъ имѣніяхъ. Архивныя дѣла о крестьянскихъ волненіяхъ въ царствованіе Павла содержатъ богатѣйшій матеріалъ по этому вопросу. Жалобы крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ всѣ провѣрялись на мѣстахъ по Высочайшему повелѣнію. Гдѣ притѣсненія были сильны, они вызвали возстанія крестьянъ или рѣзкое неповиновеніе помѣщикамъ. Гдѣ отношенія крѣпостныхъ къ владѣльцамъ были менѣе напряженными, тамъ крестьяне, пользуясь указомъ 12-го декабря 1796 г., ограничились жалобами Государю. Такимъ образомъ, во время этого широкаго крестьянскаго движенія всѣ, страдавшіе отъ помѣщичьяго произвола, заявили такъ или иначе, въ возмущеніяхъ или въ жалобахъ, о своихъ страданіяхъ, и всѣ темныя стороны крѣпостного права были освѣщены сразу по всей Россіи. Свѣдѣнія, собранныя правительствомъ въ широкой анкетѣ, произведенной по жалобамъ крестьянъ, особенно цѣнны тѣмъ, что они относятся всѣ къ одному времени, 1796—1797 гг., и даютъ общую картину положенія крѣпостныхъ по всей Россіи въ одно и то же время, тогда какъ для другихъ эпохъ изслѣдователи вынуждены довольствоваться отрывочными свѣдѣніями, относящимися къ отдѣльнымъ мѣстностямъ и разнымъ временамъ.

Пересказывая документы этой анкеты, г. Трифильевъ выписалъ очень много цѣнныхъ извѣстій объ экономическомъ положеніи крестьянъ и о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, но не сосредоточивъ вниманія на этихъ вопросахъ, онъ кое-что опустилъ, а главное, не „изслѣдовалъ“ этихъ свѣдѣній, не свелъ ихъ вмѣстѣ, не сравнилъ ихъ одно съ другимъ и не связалъ съ выводами

доведеннаго до 1796 г. капитальнаго изслѣдованія В. И. Семевскаго.

Первый вопросъ при изслѣдованіи экономическаго положенія крестьянъ, главной основы волненій — это размѣры оброка и повинностей. Крестьяне въ оправданіе жалобъ своихъ постоянно приводятъ цифры денежныхъ поборовъ разнаго рода. Г. Трифильевъ выписываетъ изъ документовъ до 20 цѣнныхъ указаній на размѣры денежнаго оброка, но при этомъ ограничивается ничего не говорящими восклицаніями: „поборы дѣйствительно отяготительные“ (с. 149), и нигдѣ не указываетъ, для поясненія непомѣрности поборовъ, размѣровъ нормальнаго средняго оброка и сборовъ. Я не беру на себя обстоятельнаго разслѣдованія этого и другихъ вопросовъ о тягостяхъ крѣпостного права въ Павловское время и ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями.

Относительно денежнаго оброка въ царствованіе Екатерины II, В. И. Семевскій выяснилъ быстрое его увеличеніе, установивъ среднюю его величину для 1760-хъ годовъ въ 1 р. 50 к., для 70-хъ годовъ въ 2 р. 50 к., для 80-хъ — въ 4 р. и для 90-хъ — въ 5 р. Новыя данныя Павловскаго времени, второй половины 90-хъ годовъ указываютъ на дальнѣйшее увеличеніе оброка и повинностей. Въ 1798—1800 гг. среднимъ „неотяготительнымъ“ оброкомъ въ средней, по экономическому состоянію, губерніи (Псковской) считался оброкъ въ 6 р. съ души. Дворяне, разслѣдовавшіе жалобу крестьянина Устинова на помѣщика, гвардіи поручика Деропа, въ январѣ 1800 г., нашли, что жалоба эта „недѣльна“, такъ какъ этотъ крестьянинъ „оброка платитъ только по 6 рублей, да съѣстными припасами не болѣе двухъ рублей съ души, что не можетъ быть отяготительнымъ и согласно съ положеніемъ, сдѣланнымъ Деропу по Высочайшему повелѣнію въ 1798 г.“ [1]).

Если въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ взимался оброкъ лишь въ 4 р., ниже нормальнаго 6-тирублеваго оброка, то недостаточность его помѣщики возмѣщали высокими поборами и повинностями. Такъ, помѣщики Угрюмовы, въ Ярославской губерніи, взимавшіе

[1]) Государственный Архивъ, VII, № 2985, ч. I, № 30. Разслѣдованіе это произведено было въ 1800 г. по жалобѣ, поданной въ 1798 г. и тогда признанной за основательную.

оброкъ лишь въ 4 р. съ души, цѣнили всѣ остальные сборы и повинности въ 16 р. [1]). Такъ, помѣщикъ Семиковъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ 1797 г., положивъ по 5 р. оброка, одновременно потребовалъ отъ крестьянъ взноса 9.000 р. по раскладкѣ которыхъ должно было придтись на душу по 30 р. (с. 92). Высокій, отяготительный для крестьянъ, размѣръ оброка колебался отъ 7 р. до 15 р. съ души и до 20 р. съ вѣнца (мужъ и жена) [2]). Наивысшіе размѣры оброка и повинностей находимъ въ богатой Ярославской губерніи, гдѣ въ имѣніи Власьева всего съ разными поборами взималось съ души 35 р. 34 к. въ годъ [3]);— и въ Вологодской губерніи, гдѣ въ имѣніи Карина крестьяне платили по 30 р. съ души въ годъ (с. 124). Наконецъ, въ Тверской губерніи, въ помѣстьѣ Нѣмцова встрѣчаемъ еще болѣе высокій оброкъ въ 50 р.; этотъ оброкъ, однако, платили не всѣ крестьяне имѣнья, въ которомъ было до 400 душъ, а лишь 35 человѣкъ наиболѣе зажиточныхъ, освобожденныхъ отъ всякихъ господскихъ работъ [4]).

Кромѣ непомѣрныхъ, отяготительныхъ, несносныхъ оброковъ и поборовъ всякаго рода, крестьяне многихъ имѣній жаловались на изнурительныя барщинныя работы, требовавшіяся господами повседневно и даже въ праздники (с. 78, 253). Особенно тягост-

---

[1]) Они замѣнили старый оброкъ въ 4 р. и повинности оброкомъ въ 20 р. (с. 154). Другой случай взиманія оброка въ 4 р., съ тягчайшими сборами и повинностями, во Владимірской губ., см. с. 162.

[2]) Съ души: Тверская губ.—7 р. и 10 р. (с. 211). Саратовская губ.—7 р 46 к. (с. 242). Смоленская губ.—увеличенъ съ 7 до 12 р. (с. 247). Нижегородская губ.—8 р. 13 к. (с. 221). Костромская губ.—10 р. (с. 108). Вологодская губ.—6 и 15 р. (с. 126). Петербургская губ.—10 р. (с. 142). Казанская—15 р. (с. 256). Съ вѣнца: Владимірская губ.—20 р. (с. 166). Нижегородская—20 р. (с. 219). Московская—15 р. (с. 114). Тверская—15 р. (см. ниже). Съ тягла—30 р. въ Нижегородской губ. (с. 218).

[3]) Примѣръ необслѣдованности данныхъ у г. Трифильева. На трехъ страницахъ приводитъ онъ 4 различныхъ показанія о размѣрѣ оброка въ одномъ и томъ же имѣніи, безъ всякихъ поясненій: 37 р. съ ревизской души (с. 148); 24.531 р. съ 347 душъ за два года (с. 149) т.-е. 35 р. 34 к., оброка и поборовъ; 24 р. 83 к. съ души (с. 150), и, наконецъ, по показанію помѣщика—15 р. (с. 150).

[4]) Госуд. Арх. VII разр., № 2985, I, № 32, л. 14. Ссылаюсь на дѣло потому, что извѣстіе это цитировано г. Трифильевымъ неполно и неточно (стр. 211), какъ указано мною ниже.

ными повинностями облагали крестьянъ тѣ помѣщики, у которыхъ были фабрики и заводы. Господскіе фабрики и заводы играли большую роль въ крестьянскомъ движеніи 1796—1797 гг.; болѣе 20 случаевъ крестьянскихъ волненій было связано съ ними такъ или иначе, и въ томъ числѣ наиболѣе острое и упорное волненіе-возстаніе крестьянъ кн. Голицыныхъ въ Орловской губерніи. Такимъ образомъ, крестьянское движеніе 1796—1797 г. въ нѣкоторой степени явилось слѣдствіемъ быстраго развитія фабричной и заводской промышленности въ Екатерининское царствованіе [1]).

Слезныя жалобы крестьянъ на тяжкіе поборы и вымогательства помѣщиковъ большею частью заглушаютъ жалобы на мучительства и жестокости. Документы нашей крестьянской анкеты подтверждаютъ, что такія вопіющія жестокости помѣщиковъ, какія извѣстны изъ дѣла Салтычихи, обвинявшейся въ убійствѣ 75 человѣкъ (1762—1768), были явленіями исключительными. Помѣщицы и помѣщики, подобные Дарьѣ Салтыковой (княгиня Козловская, Маслова, подпоручикъ Шеншинъ и многіе другіе) [2]), конечно, появлялись время отъ времени, но имъ не удавалось такъ, какъ ей, долгое время неистовствовать безнаказанно. Какъ ни старались исправники и губернаторы прикрывать ихъ неистовства, они все же были обличаемы и обуздываемы. Мѣрой крайняго тиранства помѣщиковъ я беру извѣстные изъ нѣсколькихъ дѣлъ Екатерининскаго времени факты смерти крѣпостныхъ отъ побоевъ и пытокъ. Такія жестокости обнаружены были въ 1796—1797 гг. только въ одномъ имѣніи, во Владимірской губерніи; здѣсь злодѣйствовалъ не самъ помѣщикъ (Гончаровъ), но его приказчикъ Иванъ Михѣевъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ господина. За малѣйшую вину онъ сѣкъ виновныхъ нещадно, и 4-хъ человѣкъ засѣкъ до смерти. Волненіе крестьянъ выразилось прежде всего въ томъ, что они избили этого приказчика и посадили его на цѣпь [3]).

---

[1]) О быстромъ ростѣ числа фабрикъ и заводовъ при Екатеринѣ II (съ 984 до 3161) см. М. Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика“, т. I, с. 45.

[2]) В. И. Семевскій, „Крестьяне въ царств. имп. Екатерины II“ т. I, с. 202—229.

[3]) Дѣло это было уже подробно описано А. В. Селивановымъ въ „Трудахъ Владимірской ученой архивной комиссіи“, т. IV. Матеріалы, с. 16—53 (г. Трифильевъ, с. 176—187).

Истязанія вообще, конечно, не были рѣдкостью, но крестьяне жаловались на жестокіе побои гораздо рѣже, чѣмъ на жестокіе поборы. Изъ многихъ десятковъ обвиненій, предъявленныхъ помѣщикамъ ихъ крестьянами, мы находимъ только шесть-семь обвиненій въ жестокости и девять, кажется, обвиненій въ развратѣ. Бѣлорусскій помѣщикъ Рысинскій истязалъ одного крестьянина такимъ утонченнымъ способомъ: связалъ его „въ бараній рогъ", сѣлъ на него, затѣмъ жегъ горящимъ вѣникомъ [1]). На помѣщика Чебышева, въ Калужской губерніи, крестьяне жаловались за „всегдашнее содержаніе въ желѣзахъ, цѣпяхъ и колодкахъ" и сѣченіе плетьми и кнутьями [2]). Помѣщика Константинова (во Владимірской губерніи) обвиняли въ „жестокихъ побояхъ плетьми до кровавыхъ ранъ".—Девяти помѣщикамъ предъявлены были обвиненія въ развратѣ и въ жестокостяхъ по отношенію къ женщинамъ, которыя отказывались распутствовать съ господиномъ. Секундъ-маіоръ Выродовъ приводилъ къ себѣ „малолѣтнихъ дѣвочекъ до 12 лѣтъ для непотребства и молодыхъ бабъ по очереди" и растлилъ 10 дѣвочекъ. Помѣщикъ Башмаковъ дворовую женку Татьяну за отказъ отъ блудодѣянія билъ безчеловѣчно, другую, вдову, держалъ на цѣпи двое сутокъ, третью, дѣвочку 14 лѣтъ, пыталъ, заставляя безъ мѣры пить воду [3]). Въ имѣніяхъ многихъ такихъ помѣщиковъ волненій собственно не было, и крестьяне ограничивались только подачей жалобъ Государю [4]).

Въ примѣръ жестокости и крайняго произвола помѣщиковъ крестьяне часто указывали на продажу людей въ рекруты. На помѣщика Рысинскаго жаловались, что онъ „людей безсчестно продаетъ въ солдаты". Единственный пунктъ обвиненія противъ другого помѣщика (Суханова) заключался именно въ продажѣ крестьянъ въ рекруты: проданные — жаловались крестьяне — „оставили малолѣтнихъ своихъ дѣтушекъ, у кого четверо, у кого

---

[1]) См. ниже цитату изъ жалобы, пропущенной г. Трифильевымъ.

[2]) Е. П. Трифильевъ, „Очерки", с. 69, 191. Жалобы на жестокости вообще (с. 57), на плети (с. 84). Отъ побоевъ беременныя женщины рождали мертвыхъ младенцевъ (с. 244).

[3]) Тоже, с. 77, 131, 253. Непотребства и побои сопротивляющимся: с. 114, 116, 118, 190, 229, 273.

[4]) Тоже, с. 77, 114, 116, 131, 190, 191.

пятеро, и осталися отцы и матери старые" [1]). Торговля людьми и продажа въ рекруты, по признанію властей,—„рождала безчисленные безпорядки" и строго, но тщетно преслѣдовалась.

По всѣмъ этимъ вопросамъ, мною бѣгло намѣченнымъ, въ книгѣ г. Трифильева нѣтъ хотя бы элементарнаго свода извѣстій, выписанныхъ имъ изъ архивныхъ бумагъ. Онъ сводитъ данныя лишь по одному изъ второстепенныхъ вопросовъ, которому посвящаетъ даже особую главу: „объ участіи духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ" (глава V), и подробно разъясняетъ, что сельское духовенство принимало широкое участіе въ крестьянскомъ движеніи. Но едва ли надо было такъ останавливаться на этомъ вопросѣ, въ ущербъ другимъ; участіе низшаго сельскаго духовенства въ народныхъ движеніяхъ, отмѣченное уже прежними изслѣдователями [2]), не было какимъ-либо сословнымъ движеніемъ: сельскіе священники, какъ указываетъ самъ авторъ, по своей жизни мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ и дѣйствовали большею частью, но не всегда, заодно съ крестьянами, потому что одинаково терпѣли отъ произвола помѣщиковъ; участіе ихъ къ тому же главнымъ образомъ выражалось въ томъ, что они, какъ единственные часто грамотные люди въ селѣ, писали прошенія, уступая требованіямъ волнующейся паствы.

Волненія крестьянъ въ царствованіе Павла I, вызванныя главнѣйше тяжелымъ гнетомъ господскаго произвола, находились въ тѣсной связи съ частыми крестьянскими волненіями въ царствованіе Екатерины II. Изслѣдователю крестьянскаго движенія 1796—1797 гг. необходимо для правильнаго его пониманія выяснить связь его съ сходными явленіями въ прошломъ, не столько съ пугачевщиной, — „явленіемъ, по замѣчанію В. И. Семевскаго, въ высшей степени сложнымъ", такъ какъ въ ней принимали участіе не одни помѣщичьи крестьяне,—сколько съ непрерывными отдѣльными волненіями помѣщичьихъ крестьянъ. Между тѣмъ, г. Трифильевъ ограничивается по этому вопросу бѣглыми замѣчаніями, не совсѣмъ точно передающими мысль изслѣдователя, на котораго онъ ссылается. В. И. Семевскій говоритъ, что послѣ пугачевскаго бунта „крестьяне присмирѣли, и волненія ихъ сдѣ-

[1]) Г. Трифильевъ, „Очерки", с. 190. Ср. с. 57, 223, 266, 267 и др.
[2]) Де Пуле, „Русскій Архивъ", 1869 г., т. VII, с. 538, 542.

лались гораздо рѣже", что послѣ 1774 г. намъ извѣстны волненія только въ 20 вотчинахъ, но „нужно думать, что о нѣкоторыхъ волненіяхъ мы еще не имѣемъ свѣдѣній [1]). Нашъ же авторъ подчеркиваетъ, что послѣ пугачевщины „народъ снова затихъ", „народъ, казалось, былъ усмиренъ" (с. 7, 14). Онъ сопоставляетъ, такимъ образомъ, движеніе 1796—1797 г. съ пугачевскимъ бунтомъ, не придавая значенія тѣмъ извѣстнымъ 20-ти случаямъ волненій послѣ этого бунта, къ которымъ волненія павловскаго времени ближе всего подходятъ по своей неорганизованности и случайности возникновенія въ разныхъ мѣстахъ. Г. Трифильевъ такъ мало интересуется волненіями крестьянъ при Екатеринѣ II, что, излагая свои документы, вовсе пропускаетъ встрѣчающіяся въ нихъ свѣдѣнія о такихъ волненіяхъ. Такъ, много толкуя о разныхъ случайныхъ поводахъ къ волненіямъ въ имѣніяхъ Юркевичей и Римскаго-Корсакова, въ Новгородъ-Сѣверскомъ у. Черниговской губ., онъ умалчиваетъ, что въ тѣхъ же самыхъ имѣніяхъ крестьяне волновались—одни за 3, другіе за 4 года передъ тѣмъ, и усмирялись воинскою командою. Свѣдѣнія объ этомъ содержатся въ тѣхъ же самыхъ рапортахъ, откуда извлекаетъ свои данныя авторъ (с. 78—79):

Имѣніе полковника Юркевича въ Короповскомъ уѣздѣ: „Крестьяне оные сдѣлали уже вторично сіе неспокойствіе и за первое, въ 1792 г. учиненное, приусмирили ихъ военною командою, и по приведеніи въ повиновеніе виновники были суждены и отосланы въ Сибирь. Таковыя безпокойныя свойства крестьянъ сего села подали мнѣ средства взять напосторожныя средства" (рапортъ 22 декабря 1796 г.). — Село Семіоновка, генералъ-маіора Римскаго-Корсакова въ Новомѣстскомъ уѣздѣ: крестьяне „въ 1793 г. были въ возмущеніи противъ помѣщика и не иначе усмирены, какъ по Высочайшему указу присланнымъ для того Тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ" (рапортъ 22-го генваря 1797 г.: дѣло VII, № 2918, ч. I, № 8).

Точно также пропускаетъ г. Трифильевъ и свѣдѣнія объ обширныхъ волненіяхъ крестьянъ, происшедшихъ въ 1780 г. въ уѣздахъ Ладожскомъ, Бѣлозерскомъ и Тихвинскомъ, продолжавшихся съ іюля по начало ноября и усмиренныхъ пѣхотнымъ полкомъ (дѣло № 2918, I, № 13, л. 2—8).

Если главныя причины крестьянскаго движенія обслѣдованы г. Трифильевымъ весьма недостаточно, а вѣрнѣе и вовсе не обслѣ-

[1]) „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II", т. I, с. 445, 456.

дованы, то самый процессъ волненій, составлявшій главную тему работы, описанъ имъ чрезвычайно сбивчиво. Въ той небольшой главѣ IV, которая одна только, вмѣстѣ съ еще меньшей главой V, носитъ характеръ „изслѣдованія“, мы послѣ подробнаго отвѣта на вопросъ, какъ разные слухи о волѣ и льготахъ проникали въ крестьянскую среду (с. 311 — 316), находимъ лишь бѣглую и неполную характеристику существа крестьянскихъ волненій, въ 20 строкахъ (с. 316). Читатель, желающій составить себѣ ясное, полное представленіе о существѣ движенія, объ особенностяхъ его въ различныхъ мѣстностяхъ, долженъ самъ систематизировать весь матеріалъ описательной части книги, въ которой вмѣстѣ съ случаями вооруженнаго мятежа крестьянъ и явнаго неповиновенія помѣщику, описываются подъ рядъ въ случайномъ порядкѣ и мирныя жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, не сопровождавшіяся неповиновеніемъ.

Крестьянскія волненія по существу были чрезвычайно разнообразны. 1) Въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ они выражались въ открытомъ бунтѣ тысячи и нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Въ Орловской губерніи, въ имѣніяхъ князя Голицына и Апраксина произошло вооруженное возстаніе около 13.000 крестьянъ, нѣчто въ родѣ Пугачевскаго бунта. Возстаніе продолжалось съ 5-го января до 13-го февраля 1797 г. У крестьянъ былъ предводитель въ селѣ Радогощи Емельянъ Чернодыровъ. Толпа крестьянъ, вооруженная ружьями и дубовыми кольями, напала сама на Ахтырскій гусарскій полкъ, и полкъ этотъ съ губернаторомъ во главѣ отступилъ изъ села Радогощи. Возстаніе было подавлено позднѣе, послѣ вооруженной стычки, во время которой сдѣлано было 33 выстрѣла пушечныхъ и 600 ружейныхъ; убито 20 и ранено 70 человѣкъ [1]).—Волненія болѣе 1.000 крестьянъ въ Пермской губерніи, на заводахъ Всеволожскаго были также подавлены послѣ двухъ вооруженныхъ стычекъ; во время второй стычки убито было 3 и ранено 5 человѣкъ (с. 85). 2) Въ другихъ случаяхъ, болѣе частыхъ, было вооруженное сопротивленіе властямъ, какъ, напримѣръ, въ Пензенской губерніи, гдѣ въ одномъ

---

[1]) Волненіе это (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими) давно было описано М. де-Пуле: „Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ и дневникъ князя Н. В. Репнина“; „Русскій Архивъ“, т. III, 1869, с. 546—559 и др.

мѣстѣ исправникъ со своей командой долженъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ толпы крестьянъ до 1.000 человѣкъ, вооруженныхъ дрекольемъ (с. 144). 3) Волненіе иногда выражалось въ простомъ сопротивленіи власти, неповиновеніи исправнику или губернскому стряпчему, какъ въ имѣніи графа А. К. Разумовскаго, въ Можайскомъ уѣздѣ (см. ниже), при чемъ при появленіи военныхъ отрядовъ, съ пушками или безъ пушекъ, а иногда и небольшой мѣстной воинской команды изъ города, крестьяне тотчасъ же выражали покорность. 4) Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ волненія выражались единственно въ неповиновеніи помѣщику или его приказчику. Отказавшись повиноваться помѣщику, крестьяне, однако, не сопротивлялись властямъ и мирно подчинялись исправнику, выдавая ему зачинщиковъ. Неповиновеніе помѣщику выражалось также весьма различно по существу. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ крестьяне отлагались вообще отъ власти помѣщика, при чемъ иногда, какъ, напримѣръ, въ Бѣлорусской губерніи, грабили имущество своихъ господъ (с. 200). Но чаще крестьяне, не отлагаясь вообще отъ власти помѣщика, отказывались только исполнять нѣкоторыя непомѣрныя его требованія, объявляя себя „не непослушными, а неимущими" (с. 151). Посадивъ, напримѣръ, на цѣпь злодѣя приказчика Михѣева, крестьяне поступили замѣчательно корректно въ отношеніи господскаго имущества, поставили его подъ охрану міра, и только, чтобы съ голоду не помереть, взяли изъ господскихъ амбаровъ „заимообразно", какъ сказано въ мірскомъ приговорѣ, нѣкоторое количество муки (с. 180). Больше всего въ волненіяхъ крестьянъ и было подобныхъ случаевъ неповиновенія помѣщику. Помѣщики въ малѣйшемъ движеніи крестьянъ, мирной сходкѣ, собравшейся для написанія жалобы,—видѣли бунтъ; иногда они даже завѣдомо ложно писали властямъ о „неистовствахъ" крестьянъ. Исправники, а за ними и губернаторы всегда на первыхъ порахъ поддавались тревожнымъ сообщеніямъ, и — по тѣснымъ связямъ съ помѣщиками — склонны были преувеличивать размѣры движенія. Иногда они потомъ сознавались въ своей ошибкѣ, когда дѣло было чрезвычайно раздуто, и заявляли, что все „донесенное помѣщикомъ оказалось неосновательнымъ" (с. 110, неистовства на фабрикѣ Маслова). Въ другихъ случаяхъ они, не сознаваясь въ своей ошибкѣ, потомъ всячески смягчали силу волненій, а иногда все-

цѣло усваивали точку зрѣнія помѣщиковъ и даже въ фактѣ написанія жалобы продолжали видѣть бунтъ. Исправники нерѣдко, по наговору помѣщика, безъ всякихъ основаній, арестовывали крестьянъ и „сѣкли плетьми смертно, неизвѣстно за что, только приговаривали: „не подавай Государю прошенія“ (с. 154). Губернаторы доносили о многихъ вотчинахъ, усмиренныхъ воинскими командами. Но легко замѣтить, что появленіе команды въ селѣ часто бывало совершенно излишнимъ. Въ имѣньѣ Юдина въ Тульской губерніи, гдѣ было всего 300 душъ крестьянъ, явилась команда въ 150 человѣкъ, „якобы для усмиренія“: солдаты — писали крестьяне—„безъ всякаго нашего сопротивленія причинили намъ несносные побои, рубили пальцы, уши, брили головы и бороды“ и около 30 человѣкъ арестовали (с. 271).

Одна изъ важныхъ ошибокъ г. Трифильева, лишившихъ его работу научнаго значенія, заключается въ томъ, что онъ не вникъ въ существо различныхъ волненій, не уяснилъ себѣ намѣченнаго выше ихъ различія, и поэтому весьма сбивчиво описалъ разные случаи и даже невѣрно—какъ я покажу ниже — изложилъ донесенія губернаторовъ, касательно самаго существа волненій.

Отъ указанныхъ четырехъ разрядовъ крестьянскихъ волненій необходимо строго отличать случаи подачи крестьянами жалобы на помѣщика, случаи, не сопровождавшіеся ни вооруженнымъ мятежомъ, ни неповиновеніемъ властямъ или помѣщику. Случаи эти находятся, конечно, въ нѣкоторой связи съ волненіями, они указываютъ на общее броженіе помѣщичьихъ крестьянъ. Но нѣтъ ни малѣйшихъ основаній видѣть въ фактѣ подачи жалобы волненіе, какъ это систематически дѣлаетъ г. Трифильевъ. Одинъ только разъ онъ, на основаніи нѣсколькихъ фактовъ подачи жалобъ, сдѣлалъ вѣрное заключеніе о „броженіи“ крестьянъ въ Новороссійской губерніи (с. 281). Въ другихъ же случаяхъ онъ всегда приравниваетъ жалобу къ волненію, хотя самъ же признаетъ, что иногда „крестьяне, пославъ жалобу, оставались въ полномъ повиновеніи“ (с. 316).

Благодаря этому пріему нашъ авторъ нашелъ „волненія“ даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ вовсе не было, какъ, напримѣръ, въ Казанской и Симбирской. „На крестьянскія в о л н е н і я (?), пишетъ г. Трифильевъ о Симбирской губерніи, мы имѣемъ одно только указаніе, но достаточно характерное для того, чтобы заключить,

что и здѣсь они имѣли тотъ же характеръ (?) и обнаруживались по тѣмъ же поводамъ, какъ и въ остальныхъ губерніяхъ (?)". И дальше разсказывается единственно о жалобѣ крестьянина Василія Борисова (с. 266). О „крестьянскомъ движеніи" въ Казанской губерніи—говоритъ авторъ—сохранилось „одно только свидѣтельство"; „свидѣтельство это заключается въ жалобѣ на свою помѣщицу крестьянъ сельца Тырчи"... (с. 256). Объ Угличскомъ уѣздѣ авторъ пишетъ: „въ Угличскомъ уѣздѣ произошло волненіе крестьянъ у помѣщиковъ Угрюмовыхъ. Къ сожалѣнію, мы о немъ знаемъ только по одному прошенію крестьянъ" (с. 153) [1]).

Никакого значенія не имѣетъ въ силу этого смѣшенія понятій и статистическая таблица числа крестьянскихъ „волненій" по губерніямъ, составленная авторомъ (с. 287). На ряду со случаями „неповиновенія помѣщикамъ и возмущенія отъ подчиненности", по современному выраженію, тутъ сосчитаны и случаи подачи жалобъ, несопровождавшіеся волненіями. Такъ, по таблицѣ, въ Ярославской губерніи было 5 волненій. Изъ описательнаго же обзора мы видимъ, что здѣсь былъ одинъ случай неповиновенія (имѣнія Лопухина) и 4 случая подачи жалобы; помѣщики, узнавая о подачѣ жалобы, жаловались, что крестьяне взбунтовались, но исправникъ, являясь въ имѣніе, выяснялъ немедленно, что крестьяне только жалуются, а „отъ повиновенія не отказываются". Изъ четырехъ случаевъ подачи жалобы одинъ (въ имѣніи Керновой) не имѣлъ даже и такого послѣдствія — пріѣзда исправника.

Указанные крупные недостатки, лишающіе книгу г. Трифильева значенія научнаго изслѣдованія, можетъ быть, искупаются изученіемъ новаго архивнаго матеріала? Критика наша часто закрываетъ глаза на разные недостатки изслѣдованій, когда въ нихъ находитъ новыя цѣнныя архивныя данныя, кропотливо извлеченныя изъ множества разсмотрѣнныхъ авторомъ архивныхъ бумагъ. Къ г. Трифильеву эта мѣра оцѣнки непримѣнима. Онъ не извлекалъ по крупицамъ цѣнныхъ свѣдѣній изъ множества разнородныхъ дѣлъ, а ограничился пересказомъ двухъ дѣлъ государственнаго архива, занимающихъ четыре небольшихъ картона, добавивъ ихъ нѣкоторыми выдержками изъ однородныхъ бумагъ архива

[1]) Ср. также с. 76, 108—109, 117 и др.

сенатскаго. Важнѣйшее изъ этихъ дѣлъ, содержащее главныя свѣдѣнія о крестьянскихъ волненіяхъ, — дѣло VII разряда государственнаго архива, № 2918, — „О неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ". Оно было хорошо регистровано еще въ канцеляріи генералъ-прокурора, князя А. Б. Куракина, докладывавшаго о всѣхъ волненіяхъ Павлу Петровичу: всѣ бумаги распредѣлены въ порядкѣ по отдѣльнымъ губерніямъ; на обложкахъ небольшихъ пачекъ бумагъ, относящихся къ разнымъ губерніямъ, аккуратно обозначены мѣста волненій и фамиліи помѣщиковъ. Такъ какъ г. Трифильевъ принялъ тотъ же самый порядокъ обозрѣнія волненій по губерніямъ, то его работа свелась по существу къ архивной описи дѣла, съ извлеченіями изъ бумагъ, какія теперь въ большомъ числѣ издаются различными архивами и губернскими архивными комиссіями. При обозрѣніи волненій во Владимірской губерніи, авторъ широко воспользовался такою именно описью, съ подробнымъ обозрѣніемъ существа дѣла, изданной Владимірскою архивной комиссіею. Положивъ въ основу изложенія дѣло VII разряда, № 2918, авторъ дополняетъ обозрѣніе волненій свѣдѣніями изъ другого дѣла, того же VII разряда, № 2985: „По жалобамъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ". Дѣло это также хорошо регистровано, раздѣлено на нѣсколько небольшихъ пачекъ, съ обозначеніемъ на обложкахъ именъ помѣщиковъ и крестьянъ. И авторъ напрасно слилъ въ своемъ „описаніи" эти два дѣла: 1) о неповиновеніи крестьянъ, 2) о жалобахъ; если бы онъ ближе держался этого архивнаго распредѣленія бумагъ, то можетъ быть избѣжалъ бы той крупной своей ошибки, какая выяснена выше, а именно полнаго смѣшенія „жалобъ" съ „волненіями". Тѣ замѣчанія, которыми авторъ пересыпаетъ свою „опись" документовъ, — въ родѣ: „поборы дѣйствительно отяготительные", или „несомнѣнно, что помѣщики... могли преувеличивать волненіе крестьянъ" — не измѣняютъ указаннаго характера его архивныхъ разысканій такъ же, какъ тѣ указы изъ Полнаго Собранія Законовъ, которые онъ печатаетъ въ примѣчаніяхъ въ поясненіе документовъ. Такія поясненія нерѣдко дѣлаются въ лучшихъ архивныхъ описяхъ.

Пересказъ небольшого, систематизированнаго архивнаго матеріала, сдѣланный г. Трифильевымъ, смѣло можно приравнять къ архивной описи, ибо, какъ я сейчасъ покажу на нѣсколькихъ

примѣрахъ, въ немъ совершенно нѣтъ серьезнаго критическаго отношенія къ документамъ. Свѣривъ изложеніе съ этими документами, я, къ удивленію своему, обнаружилъ въ немъ, кромѣ того, не только пропускъ важныхъ подробностей, но и существенныя неточности, которыя совершенно искажаютъ сущность крестьянскихъ волненій въ нѣсколькихъ губерніяхъ.

О волненіи крестьянъ графа А. К. Разумовскаго въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи авторъ разсказываетъ, что волненіе состояло въ томъ, что крестьяне „не повиновались приказу управляющаго (о поставкѣ хлѣба на винокуренный заводъ) и послали нарочныхъ къ своему помѣщику съ просьбой смѣнить управляющаго и отмѣнить приказъ о перевозкѣ крестьянскаго хлѣба на заводъ. Въ этомъ все ослушаніе крестьянъ графа Разумовскаго и заключалось" (с. 112). Все дѣло, слѣдовательно, сводилось къ отказу исполнить одно опредѣленное и чрезмѣрное требованіе приказчика. Но почему же въ такомъ случаѣ губернскій прокуроръ и, согласно съ нимъ, палата суда и расправы нашли нужнымъ, какъ сообщаетъ авторъ вслѣдъ за тѣмъ, наказать семь человѣкъ плетьми? Обратимся къ документу, тому самому, на который ссылается (какъ всегда, глухо) авторъ, а именно къ донесенію губернскаго прокурора А. Петрово-Соловово князю А. Б. Куракину. Губернскій прокуроръ въ этомъ донесеніи всячески умаляетъ значеніе происшествія, желая оттѣнить, что первоначальныя преувеличенныя извѣстія оказались невѣрными, что крестьяне не имѣли „какіе-либо возмутительные предпріятія и виды" и отъ послушанія вообще помѣщику не отлагались: „по сему произведенному слѣдствію ничего достойнаго уваженія не оказалось, и кромѣ смѣны бурмистровъ и старостъ и воспрещенія возить хлѣбъ никакого ослушанія не было: а, имѣя къ земскому исправнику всею вотчиною особую довѣренность и уваженіе, нѣкоторые изъ крестьянъ дерзостно кричали и побудили другихъ выслать изъ вотчины губернскаго стряпчаго Воейкова, который для слѣдствія былъ отправленъ" (донесеніе 29-го января 1797 г.). Характеръ волненія, слѣдовательно, былъ болѣе серьезный и совершенно иной по существу, чѣмъ его описываетъ авторъ, пропустившій всѣ подчеркнутыя мною фразы донесенія. Крестьяне смѣстили помѣщичьихъ управителей и оказали явное неповиновеніе властямъ. Изъ пред-

шествующихъ двухъ рапортовъ того же губернскаго прокурора мы узнаёмъ подробности этого дѣла, какъ крестьяне заставили выѣхать изъ села губернскаго стряпчаго, „не допустили“ забрать „пачинщиковъ сего мятежа“ и какъ, вслѣдствіе этого, въ вотчину немедленно отправленъ былъ мушкатерскій полкъ [1]. — всѣ эти факты совершенно опущены въ изложеніи г. Трифильева.

Описывая волненія въ Московской губерніи, авторъ преувеличивъ тенденцію губернскаго прокурора, свелъ ихъ почти на нѣтъ; въ Тверской же губерніи, поддавшись тревожному тону донесеній губернатора, онъ, наоборотъ, до крайности преувеличилъ размѣры крестьянскаго движенія въ этой губерніи. Губернаторъ пишетъ, что онъ не можетъ „безъ довольной команды усмирить бунтовщиковъ, которые инде до тысячи и болѣе душъ“ [2]. У г. Трифильева эти слова—„до тысячи и болѣе“ превращаются „до нѣсколькихъ тысячъ“ волновавшихся, что, конечно, не одно и то же (с. 209). Это существенный, но мелкій недосмотръ. Есть и болѣе крупные, совершенно извращающіе размѣры и силу движенія. „Волненія—говоритъ г. Трифильевъ—дѣйствительно распространились во многихъ уѣздахъ“; затѣмъ онъ перечисляетъ 40 случаевъ волненій и замѣчаетъ: „въ этотъ перечень не вошли еще многочисленные случаи сравнительно небольшихъ, по количеству возставшихъ (!), волненій, которыя мѣстной администраціи удалось подавить своими силами“. Это невѣрно. Никакихъ „многочисленныхъ“ случаевъ волненій, подавляющихся мѣстной администраціей, кромѣ перечисленныхъ, не было [3]. Губернаторъ, явно преувеличивающій въ общемъ (но все же меньше г. Трифильева) силу волненій, аккуратно перечисляетъ всѣ 37 случаевъ, гдѣ требовалось вмѣшательство полковой команды или мѣстныхъ властей. 30 января губернаторъ проситъ прислать ему баталіонъ, сообщая, что онъ уже своими средствами „многихъ сократилъ, привелъ въ раскаяніе и повиновеніе, гдѣ кротостью, а инде строгостью“ [4]. Черезъ 10 дней, 10 февраля онъ доноситъ, что козловскій нѣ-

[1]) См. подлинные рапорты въ приложеніяхъ къ этой рецензіи.

[2]) Донесеніе 30 января 1797 г.: № 2918, ч. II, № 13, л. 1.

[3]) Могли быть и были случаи подачи жалобъ, безъ какихъ-либо волненій, требовавшихъ вмѣшательства администраціи.

[4]) Донесеніе князю А. Б. Куракину А. Поликарпова, 30 января 1797 г. Дѣло № 2918, ч. II, № 13, л. I.

хотный полкъ прибылъ, и прилагаетъ списокъ 37 взволновавшихся вотчинъ, при чемъ точно указываетъ, что 33 вотчины уже усмирены, и изъ нихъ только три командою козловскаго полка; „остаются въ непослушаніи" еще четыре вотчины. Черезъ двѣ недѣли и эти вотчины были усмирены при содѣйствіи полковой команды; „всѣ крестьяне—пишетъ губернаторъ—въ надлежащемъ спокойствіи и повиновеніи" [1]).

Эта чрезвычайная быстрота подавленія безпорядковъ показываетъ, что губернаторъ сначала преувеличилъ серьезность положенія, а потомъ, не входя въ объясненіе своей ошибки (какъ дѣлалали многіе) и желая выставить на видъ свою распорядительность, сообщилъ списокъ побѣдоносно усмиренныхъ 37 вотчинъ, г. же Трифильевъ совсѣмъ уже вышелъ изъ границъ, разсказывая о широкомъ волненіи-возстаніи.—Авторъ знаетъ, что „помѣщики, напуганные движеніемъ, а иные въ раздраженіи на крестьянъ могли (не „могли", а постоянно склонны были) преувеличивать волненія крестьянъ" (с. 111). Но знанія его не даютъ ему силъ для критическаго отношенія къ источникамъ.

Губернаторъ поименовываетъ 37 вотчинъ, въ которыхъ крестьяне „сдѣлались непослушными". Нашъ авторъ добавилъ къ губернскому списку бунтовавшихъ имѣній три вотчины, а именно помѣщиковъ братьевъ Змѣевыхъ (с. 209), подпоручика Ляхова (с. 210) и А. Мышенкова. Вотчина подпоручика Захара Григорьева Ляхова (деревня Съ Щикина Конца, Остахинской округи) упоминается единственно въ жалобѣ на него его крестьянъ и вотчина братьевъ Змѣевыхъ (сельцо Раготино Калязинской округи)—въ жалобѣ крестьянина Никиты Никифорова [2]). Но не говоря о томъ, что отъ факта подачи жалобы нельзя заключать къ факту волненія, и еще такого сильнаго волненія-возстанія, о которомъ говоритъ г. Трифильевъ, и особенно при существованіи современнаго точнаго списка всѣхъ волненій,—авторъ упустилъ

---

[1]) Г. Трифильевъ ошибся потому, что онъ крайне невнимательно читаетъ документы. Перечисливъ случаи волненій на основаніи донесенія 10 февраля, онъ предположилъ, повидимому, что въ донесеніи отъ 30-го января (за 10 дней раньше) губернаторъ имѣетъ въ виду другіе „многочисленные" случаи волненій. Между тѣмъ, очевидно, губернаторъ говоритъ объ одномъ и томъ же, одинъ разъ въ общихъ терминахъ, другой разъ со спискомъ въ рукахъ.

[2]) VII разрядъ, № 2985, ч. II, л. 182 и ч. I, № 32, л. 26.

изъ виду, что обѣ упомянутыя жалобы поданы гораздо позднѣе указываемой имъ самимъ точной даты окончанія всѣхъ волненій: 24-го февраля 1797 г. Одно изъ этихъ прошеній подписано самимъ жалобщиковъ 1-го апрѣля 1797 г. (на подпоручика Ляхова), другое носитъ помѣту входящаго журнала: 1-го іюня 1797 г., № 784.—Третье волненіе, въ вотчинѣ помѣщика Андрея Мышенкова, авторъ добавляетъ къ списку губернатора, на основаніи болѣе ранняго донесенія губернскаго прокурора Никиты Толстого (29-го генваря 1797 г.). Но, по всей вѣроятности, губернаторъ исключилъ эту вотчину Мышенкова изъ своего списка, потому что первоначальное извѣстіе о волненіи въ ней оказалось неосновательнымъ [1]).

Въ описаніи волненій въ Псковской губерніи, на 4 страницахъ [2]) также находимъ ошибки и пробѣлы, касающіеся самого существа волненій и порядка ихъ усмиренія. О волненіи крестьянъ помѣщика Пантелѣева въ Порховскомъ уѣздѣ авторъ говоритъ лишь, что оно „достигло такой силы, что было потушено при посредствѣ двухъ ротъ полка“. И описавъ волненіе въ сосѣднемъ имѣніи Зарабочьѣ графа Апраксина, замѣчаетъ: „дальнѣйшая судьба крестьянъ Зарабочья по нашимъ документамъ неизвѣстна“ (с. 97). Обращаемся къ „нашимъ документамъ“, и въ главномъ изъ нихъ, небольшомъ донесеніи управлявшаго Псковской губерніей М. Философова, которое не разъ цитируетъ авторъ, находимъ точныя свѣдѣнія о неизвѣстной автору дальнѣйшей судьбѣ крестьянъ Апраксина и о существѣ происшествія въ имѣніи Пантелѣева. Въ этомъ же донесеніи находимъ ясныя ука-

[1]) Въ спискѣ вотчинъ, охваченныхъ волненіемъ, на стр. 209—210 авторъ указываетъ 40 имѣній. Въ систематической же таблицѣ, на стр. 287 даетъ цифру 41. Разница произошла оттого, что авторъ прибавилъ еще одно волненіе на основаніи жалобы на помѣщика Поздѣева, отмѣченной на стр. 213. Фамиліи помѣщиковъ напечатаны крайне неисправно: изъ 40—шесть искажены до неузнаваемости:

Вмѣсто	„Демышева“	надо Бешенцова	вмѣсто	„Рындова“	надо Риндера
„	„Дубининой“	„ Дубянской	„	„Изведенева“	„ Изьединова
„	„Дѣтина“	„ Сытина	„	„Калымова“	„ Калмыкова.

(Списокъ (см. въ концѣ рецензіи) написанъ четко и фамиліи всѣ вѣрно обозначены на обложкѣ дѣла (съ небольшими измѣненіями въ правописаніи).

[2]) Изъ 8-ми неполныхъ страницъ, посвященныхъ Псковской губ. (стр. 96—103)—4 заняты перепечаткой одного извѣстнаго уже раньше документа.

занія, какія изъ трехъ волненій въ имѣніяхъ Штакельберга, Алексѣева и кн. Урусовой сопровождались сопротивленіемъ власти и въ чемъ собственно состояли, тогда какъ авторъ, опуская эти свѣдѣнія, говоритъ о всѣхъ трехъ одинаково, что они были „довольно тихія" (с. 103). Вотъ это донесеніе, въ которомъ я важнѣйшія, пропущенныя авторомъ, мѣста отмѣчаю разрядкою:

„Я третьяго дня прибывъ въ здѣшнее мѣсто, спѣшу вашему сіятельству дать знать, что въ здѣшнемъ намѣстничествѣ представшія волнованія и ослушанія крестьянъ, хотя съ одной стороны и суть таковаго свойства, что настоящаго мятежничества въ нихъ не оказывается, что они г. генералъ-адъютантомъ Вадковскимъ по всевысочайшему повелѣнію его императорскаго величества въ Порховскомъ уѣздѣ прекращены, и винные крестьяне г-на Пантелѣева, вступившіе даже и въ сопротивленіе власти, не только помѣщика, но и капитанъ-исправника, 7 человѣкъ, плетьми наказаны, а Апраксина—съ кротостію, увѣщеваніемъ, къ послушанію доведены, о чемъ какъ отъ меня, такъ и отъ г-на Вадковскаго донесеніе его императорскому величеству учинено. Тоже, что еще въ трехъ мѣстахъ просьбы отъ помѣщиковъ, въ Печерскомъ уѣздѣ, Штакельберга и капитанъ-поручика Преображенскаго полка Алексѣева, въ первомъ отъ 128 душъ, во второмъ отъ 96, да въ Новоржевскомъ уѣздѣ отъ княгини Урусовой въ 500 душахъ, ко мнѣ вошли, отъ перваго: въ точномъ непослушаніи и неповиновеніи крестьянъ помѣщику, которое земскою властью и рѣшено и *ексекутивная исполнительность не замедля послѣдуетъ* [1]). А по второму и третьему состоящія безъ иныхъ мятежностей, какъ только въ отказаніи платить оброкъ, а особливо въ послѣднемъ безъ всякихъ сопротивленій, смирныхъ, но нѣкоторымъ отъ предубѣжденія возставшимъ по своему глупому разсудку всквашеніемъ (sic; дальше „всквашаются") [2]).

Всѣ эти пять волненій возникли почти одновременно въ трехъ уѣздахъ (Порховскомъ, Печерскомъ и Новоржевскомъ) въ самомъ началѣ движенія (послѣ 22-го декабря) и къ 13-му января (когда написано было цитированное донесеніе) были прекращены. Между тѣмъ авторъ, не вникающій въ хронологическую послѣдовательность и не приводящій датъ донесеній, о первыхъ двухъ

---

[1]) Слова курсивомъ точно цитированы на стр. 103; а слова „земскою властью рѣшено" неправильно отнесены ко всѣмъ тремъ случаямъ.

[2]) Донесеніе смоленскаго военнаго губернатора, управлявшаго Псковской и Смоленской губерніями, генерала отъ инфантеіри М. М. Философова, князю Куракину, отъ 3-го января 1797 г., изъ Пскова (лл. 23 24): Дѣло № 2918, II, № 4. Авторъ ссылается на это донесеніе какъ и на друія, глухо, безъ числа, но изъ него именно цитируетъ слова объ „экзекутивной исполнительности" (с. 103).

говоритъ въ началѣ очерка, а о послѣднихъ трехъ въ концѣ, послѣ фразы: „чѣмъ дольше шло волненіе, тѣмъ болѣе острыя формы оно принимало“ (с. 102). Только что эти волненія были усмирены, какъ 12-го января получены были извѣстія о волненіяхъ въ Холмскомъ уѣздѣ. Сюда немедленно отправились судебные чины со штатной командой отъ городничаго. Въ одномъ мѣстѣ (помѣщикъ не названъ) судебнымъ чинамъ было оказано вооруженное сопротивленіе. Крестьяне „съ кольемъ и другими орудіями“ напали на штатную команду, „отбили двухъ лошадей съ повозкою и со всѣми взятыми въ округу дѣлами“. Холмскій губернскій стряпчій разсказываетъ объ этомъ 17-го января и прибавляетъ: „прочіе же крестьяне той округи (Холмской) удерживаются еще въ обыкновенномъ помѣщикамъ ихъ послушаніи“ [1]). Черезъ недѣлю онъ же сообщаетъ, что изъ города Холма отправлены были въ округу двѣ роты Бѣлозерскаго полка, что одна рота уже возвратилась, усмиривъ „нѣсколько владѣльческихъ крестьянъ“, а другая (въ мѣстѣ, котораго стряпчій не называетъ, но очевидно въ томъ же, гдѣ произошелъ вышеописанный бунтъ) была окружена крестьянами, при чемъ въ стычкѣ раненъ былъ тяжко исправникъ и нѣсколько солдатъ. Тотчасъ же на выручку потерпѣвшей пораженіе роты отправлены были подполковникъ Тучковъ (павло-гренадерскаго полка) и псковской уголовной палаты совѣтникъ Кожевниковъ—„съ двумя ротами и при нихъ одна пушка“. „Въ протчихъ же мѣстахъ оной округи, опять прибавляетъ стряпчій, сообщая объ этомъ 25-го января, крестьяне нѣсколько усмирились и приведены въ послушаніе“ [2]). Дальнѣйшихъ извѣстій нѣтъ, но они были бы, если бы волненіе не было тотчасъ усмирено двумя ротами съ пушкою. Итакъ, волненіе въ Холмскомъ уѣздѣ началось около 12-го января и тотчасъ послѣ 25-го было усмирено. Поддавшись тревожному тону донесеній и не обративъ вниманія на двукратныя указанія, что въ прочихъ

[1]) Донесеніе стряпчаго Вальтера отъ 17-го генваря 1797 г. (въ донесеніи губ. прокурора Бибикова отъ 24-го генваря) л. 15. Подробно изложено г. Трифильевымъ на с. 37—38.

[2]) Донесеніе того же Вальтера отъ 25-го января 1797 г. (въ донесеніи того же Бибикова отъ 3-го февраля) л. 20. Г. Трифильевъ пересказываетъ это донесеніе (с. 102—103), но опускаетъ важную подробность объ отправленіи, на выручку роты Бѣлозерскаго полка, двухъ гренадерскихъ ротъ съ пушкою.

мѣстахъ Холмской округи все спокойно, г. Трифильевъ начинаетъ фантазировать: „чѣмъ дольше шло волненіе, тѣмъ болѣе острыя формы оно принимало: рѣдкое (??) обходилось безъ кроваваго столкновенія усмирявшихъ и усмиряемыхъ“ (с. 102).

Волненіе, около 12-го января начавшееся въ Холмскомъ округѣ, отозвалось въ сосѣднемъ Торопецкомъ уѣздѣ, и 22-го января началось возмущеніе въ деревняхъ помѣщика Голенищева-Кутузова (владѣвшаго землями въ обѣихъ этихъ округахъ): крестьяне пришли въ домъ къ помѣщику въ с. Полишино и „дѣлали ему великія грубости“. Для усмиренія ихъ немедленно отправился засѣдатель Торопецкаго земскаго суда (Болотниковъ) и командированный раньше въ городъ Торопецъ съ особыми инструкціями отъ губернатора надворный совѣтникъ Есаковъ (донесеніе 28 января) [1]). Разсказавъ о волненіи крестьянъ у Голенищева-Кутузова, г. Трифильевъ прибавляетъ: „Такія же волненія были въ селѣ Митрошкино у помѣщика Ковдяева (надо Ковѣдяева) и у «прочихъ здѣшняго уѣзда помѣщиковъ»“ (с. 103). Опять невѣрно по существу. Изъ донесенія 28-го января видно, что другія волненія были совсѣмъ иного характера и усмирялись безъ участія властей: „да и у прочихъ здѣшняго уѣзда помѣщиковъ также нѣкоторые крестьяне чинили противу нихъ ослушаніе, но тѣ-жъ помѣщики сами собою ихъ усмиряли и привели въ должное себѣ послушаніе“ [2]).

Эти примѣры, кажется, достаточно выясняютъ всѣ особенности работы г. Трифильева. Но я все-таки приведу еще нѣсколько примѣровъ. Беру еще одну губернію, Новороссійскую. Описаніе волненій въ этой губерніи ведется въ формѣ пересказа „любопытнаго документа“—донесенія губернатора Селецкаго. Документъ пересказанъ столь извращенно, что вся картина движенія получилась иная. — Указавъ на „ежечастые“ случаи неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ, губернаторъ продолжаетъ: „и хотя во всѣхъ уѣздахъ удержано покушеніе крестьянъ на отло-

---

[1]) Донесеніе торопецкаго уѣзднаго стряпчаго 28-го января 1797 г., л. 22.— Свѣдѣнія о порядкѣ усмиренія г. Трифильевъ опять опускаетъ.

[2]) И у подпоручика Ив. Ковѣдяева волненіе также было не совсѣмъ такое же, какъ въ большомъ имѣніи Голенищева-Кутузова, такъ какъ усмирено было немедленно, къ 28 января, однимъ исправникомъ, безъ участія особо командированныхъ чиновъ.

женіе отъ своихъ помѣщиковъ и вездѣ спокойно, но теперь полученъ рапортъ отъ ольвіопольскаго исправника Квитки, что всѣ крестьяне помѣщика маіора Пулевича" возмутились и т. д. [1]). Въ этомъ имѣніи произошло серьезное волненіе, съ неповиновеніемъ властямъ, подавленное воинской командой. Судя по документу, это былъ единственный серьезный случай. А г. Трифильевъ, пересказывая документъ, приводитъ этотъ случай въ качествѣ примѣра (!) того, что усмиреніе волненій въ этой губерніи „далеко не всегда достигалось мирнымъ путемъ" (с. 281) [2]).

Несовсѣмъ вѣрно описаны также волненія въ **Нижегородской** губерніи. Наиболѣе сильное волненіе съ явнымъ сопротивленіемъ властямъ было въ Балахнинскомъ уѣздѣ этой губерніи, въ селѣ Катункахъ князя Д. Е. Циціанова. 11-го февраля 1797 г. „вотчинный начальникъ" этого имѣнія подалъ заявленіе въ земскій судъ, что крестьяне села и деревень Катунской волости „не дѣлаютъ должнаго господамъ своимъ повиновенія [3]) и не доплачиваютъ оброку за генварскую половину, отзываясь посланной просьбой къ Его Императорскому Величеству". Увѣщанія земскаго исправника не подѣйствовали, и тогда, 14-го февраля, губернаторъ командировалъ туда совѣтника Ребиндера, а двумъ ротамъ Низовскаго мушкетерскаго полка „приказалъ слѣдовать за онымъ совѣтникомъ". Ребиндеру также не удалось привести въ повиновеніе крестьянъ, такъ какъ „еще объявленныя двѣ роты въ мѣсто имъ назначенное не прибыли" [4]). Вслѣдъ за прибытіемъ въ с. Катунки этихъ ротъ является въ село самъ губернаторъ и собираетъ сходъ. „Хотя и не видно было въ нихъ явнаго буйства

---

[1]) Донесеніе губернатора отъ 26-го августа 1797 г. изъ Екатеринослава. Дѣло 2918, № 26. Обстоятельства этого случая разсказаны г. Трифильевымъ с. 281.

[2]) Если г. Трифильевъ говоритъ такъ не по недосмотру, а намѣренно, предполагая, что губернаторъ сообщилъ лишь объ одномъ случаѣ подавленія бунта воинской командой, тогда какъ ихъ было много,—то онъ долженъ былъ бы отмѣтить, что онъ высказываетъ тутъ свое предположеніе (для котораго, по нашему мнѣнію, нѣтъ основаній) и исправляетъ то самое донесеніе, на которое онъ ссылается.

[3]) Дѣло № 3918, II, № 15, л. 1 и 4 обор. Ср. Трифильевъ: крестьяне „**объявили**, что повиноваться болѣе ему не будутъ" (?), с. 214.

[4]) Тоже, л. 5, донесеніе и. д. губернскаго прокурора 17-го февраля 1797 г. Ср. г. Трифильевъ: „послѣ долгихъ убѣжденій Ребиндера, **подкрѣпленныхъ видомъ солдатъ**" (?), с. 214.

и грубости [1])—пишетъ губернаторъ—но какъ нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились было, вышедъ изъ толпы, жаловаться на отягощеніе, чувствуемое ими отъ платимаго господину оброка, то дабы тотъ же часъ удержать ихъ въ незаконномъ ихъ ропотѣ, вынужденъ я былъ 4-хъ человѣкъ при всѣхъ крестьянахъ и вотчинныхъ начальникахъ наказать плетьми", а 8 человѣкъ арестовать и „отослать къ законному сужденію".

Въ началѣ февраля возникли также мелкія волненія въ двухъ вотчинахъ: 1) въ Нижегородскомъ округѣ, въ имѣніи Серебренникова и 2) въ Ардатовскомъ округѣ, въ имѣніи князя И. И. Одоевскаго. Оба эти волненія къ 10-му февраля были прекращены „безъ дальнихъ затрудненій и упорства" со стороны крестьянъ: зачинщики были арестованы и преданы суду, въ первомъ случаѣ 4 человѣка и во второмъ—одинъ [2]).—Затѣмъ, въ концѣ мая возникло волненіе въ Лукояновскомъ уѣздѣ, въ селѣ Маресовѣ, надворнаго совѣтника Воронова. Оно было усмирено также скоро, къ 10-му іюня, совѣтникомъ суда и расправы Яковлевымъ, который ограничился расправой на мѣстѣ, наказавъ 7 человѣкъ батогами. Съ нимъ была командирована рота солдатъ, лишь „на случай дальнѣйшаго упорства" крестьянъ [3]).

Таковы четыре волненія, одни съ явнымъ, другіе съ мнимымъ неповиновеніемъ властямъ. Г. Трифильевъ, первое изъ нихъ, въ имѣніи кн. Циціанова, описалъ съ существенными неточностями; о второмъ, въ имѣніи Серебренникова, упустилъ сказать, когда оно было и какъ было усмирено. Кромѣ того, къ этимъ четыремъ волненіямъ, описаннымъ въ губернаторскихъ донесеніяхъ, авторъ произвольно прибавилъ еще три, въ имѣніяхъ князя Козловскаго, Дружининой и Евлашова, совершенно сливъ ихъ въ своемъ разсказѣ съ другими (с. 215—220). Въ документахъ имѣются свѣдѣнія лишь о томъ, что крестьяне этихъ помѣщиковъ и помѣщицы подали на нихъ жалобы государю. Но авторъ положительно утверждаетъ, что крестьяне князя Козловскаго „вышли изъ по-

---

[1]) Донесеніе 22-го февраля, тоже, л. 6.—Г. Трифильевъ опускаетъ эту характерную деталь усмиренія мнимаго „бунта", а также не указываетъ, сколько времени онъ продолжался.

[2]) Донесеніе губернатора 10-го февраля 1797 г., л. 8.—Ср. г. Трифильевъ, с. 215 и 224.

[3]) Донесеніе 3-го и 10-го іюня 1797 г., лл. 9, 11.

виновенія своему помѣщику" (с. 215), что въ имѣніи Дружининой „форма волненія была обычная (?): отправивъ жалобу... крестьяне отказались отъ повиновенія своей помѣщицѣ". Г. Трифильевъ самъ же признаетъ, что иногда крестьяне, посылая жалобу, не отказывались отъ повиновенія (с. 289, 316 и др.), почему же здѣсь онъ забываетъ объ этомъ и почему свои предположенія выдаетъ за факты, почерпнутые изъ документовъ? [1]).

Описаніе волненій въ Тамбовской губерніи занимаетъ одну неполную страницу, и на этой страницѣ я вновь нахожу въ пересказѣ яснаго документа пропуски существенныхъ мѣстъ. Привожу en regard разсказъ г. Трифильева и соотвѣтствующую цитату изъ рапорта тамбовскаго губернскаго прокурора о возмущеніи крестьянъ графа Н. А. Толстого въ Кирсановскомъ округѣ. Пропущенныя въ пересказѣ обстоятельства дѣла напечатаны разрядкою.

„Крестьяне графа Н. В. Толстого, села Балыклей, отказались повиноваться своему помѣщику, когда послѣдній, задумавъ перевести ихъ съ оброка на барщину, потребовалъ, чтобы крестьяне вспахали господскую землю. Къ бунтующимъ отправился губернаторъ Лаптевъ, и волненіе было усмирено, зачинщики преданы суду, а менѣе виновные «получили по мѣрѣ каждаго вины „наказаніе"» (с. 269).

„Возмущеніе состояло особенно въ томъ, что крестьяне упорствовали пріуготовлять землю къ господской пашнѣ, а желали быть на оброкѣ, означенной же управитель настоятельно понуждалъ ихъ къ земледѣлію; при чемъ изыскано также и то, что нарядчики для господской работы отъ возмутителей были, вслѣдствіе чего, за сіе важное преступленіе виновники преданы сужденію, а послѣдователи ихъ тутъ же на мѣстѣ, по просьбѣ управителя, получили по мѣрѣ каждаго вины наказаніе" [2]).

Г. Трифильевъ опускаетъ, что „нарядчики были биты" возмутителями, за что виновные и были преданы суду. Допускаетъ

---

[1]) Въ дѣлѣ № 2985. ч. I, № 31, на которое онъ ссылается, нѣтъ указаній на „волненія". Что тутъ мы имѣемъ дѣло лишь съ предположеніями автора, видно также изъ того, что относительно этихъ трехъ случаевъ онъ не говоритъ ничего ни о существѣ волненія, ни о его усмиреніи.

[2]) Рапортъ губернскаго прокурора отъ 22 августа 1797 г. Тотъ самый, который пересказываетъ г. Трифильевъ, какъ видно изъ разсказа, и изъ послѣдней дословно цитируемой фразы, и изъ ссылки на дѣло, въ которомъ находится этотъ рапортъ. Гос. Арх. VII, № 2918, № 25.

онъ и неточность въ пересказѣ: суду были преданы не „зачинщики“, какъ онъ говоритъ, а ближайшіе „виновники“ въ избіеніи нарядчиковъ. Пропускаетъ и характерную деталь: часть крестьянъ получила наказаніе „тутъ же на мѣстѣ, по просьбѣ управителя“.

Описанія волненій въ Бѣлорусской губерніи я не провѣрялъ, но не могъ не обратить вниманія на то, что, описывая одно изъ крупнѣйшихъ волненій, въ имѣніяхъ Рысинскаго и Корсака, для усмиренія котораго оказалось недостаточно 100 солдатъ и потребовалось еще 3 эскадрона гусаръ,—авторъ не объясняетъ, чѣмъ вызвано было это крайнее озлобленіе и упорство крестьянъ (с. 206—208). Обратившись къ дѣламъ архива, по ссылкѣ автора [1]), я безъ труда нашелъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Упорство крестьянъ вызвано было крайними притѣсненіями и жестокостью помѣщика Ф. П. Рысинскаго. Привожу цитаты изъ жалобы крестьянъ его имѣнья, которое, оказывается, раньше принадлежало двумъ лицамъ съ громкими историческими именами: графу Н. И. Панину и затѣмъ Д. И. Фонвизину:

„Какъ мы досталися отъ Польши въ казну, а пожалованы мы были господину Никитѣ Ивановичу графу Панину, то мы были за его милостію всѣмъ довольны и достаточны. А скоро онъ насъ пожаловалъ, по милосердію своему, господину Денису Ивановичу фонъ Визину, то и тотъ насъ такъ наблюдалъ, какъ прежней; а скоро насъ только запродалъ фонъ Визинъ господину барону, то тотъ и началъ насъ до крайности разорять. Въ первомъ посогналъ 80 жильцовъ, искореня долой...; а обложилъ насъ платежемъ платить по 11-ти рублей, а пригономъ невыслужнымъ, отъ понедѣльника до самой субботы, сколько у кого есть душъ въ хатѣ. А за кою мы землю платили за Польшей 1 рубль 20 копеекъ, а что и за Никитомъ Ивановичемъ мы платили только 7 рублей, безъ всякой услуги,—то мы и теперича за его преставшую душу Бога молимъ, что онъ намъ былъ отецъ, а не господинъ. А на сего господина, на барона доносили мы просьбу къ своему господину фонъ Визину, что онъ насъ черезъ 4 года до крайности поразорилъ, то онъ (Фонвизинъ) насъ отобралъ... а скоро продалъ насъ въ вѣчные сему господину, Францу Петровичу Рысинскому (настоящему владѣльцу)... и онъ насъ началъ пуще барона разорять“.— Крестьяне жалуются на поборы, и на то, что Рысинскій „гоняетъ ихъ“ въ Вильну, отчего „лошади всѣ поупали“; людей „безсчетно запродаетъ въ

---

[1]) Авторъ тутъ дѣлаетъ ошибочную ссылку на дѣло № 2985, ч. I, № 19: изъ этого дѣла онъ какъ разъ упустилъ взять тѣ свѣдѣнія, которыя я цитирую ниже (л. 3—4). А свои свѣдѣнія онъ беретъ изъ дѣла № 2918, ч. II, № 14, л. 38—43.

солдаты", „только онъ намъ видно, что не господинъ, а разоритель всему народу", „сколько нашего народу расходилося по чужимъ сторонамъ, только Богъ знаетъ, а вжо приходитъ и намъ хотя живымъ въ воду лѣзти". Когда Рысинскій узналъ, что крестьяне послали жалобу, то „наѣхавши въ деревню, въ ночи, изгребли одного мужика, кой былъ маленько помогутнѣй и на словахъ былъ человѣкъ поразумнѣе, то его связали въ бараній рогъ, и положивши его на колеса (?), да и сами сѣли на него, и провезши въ господскій домъ мучали, разжигая вѣникъ" и проч. [1]).

Опуская нерѣдко при описаніи волненій указанія на ихъ существо, г. Трифильевъ точно также, извлекая свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи крестьянъ, опускаетъ нерѣдко такія существенныя данныя, какъ, напримѣръ, указанія, съ чего взимался оброкъ, съ тягла или съ души. Оброкъ съ тягла, по наблюденіямъ В. И. Семевскаго, былъ приблизительно вдвое больше оброка съ души. Но по голой цифрѣ оброка нельзя судить, какъ онъ взимался, потому что размѣры его колебались чрезвычайно, отъ 4 до 30 р., и цифра, напримѣръ, въ 12 руб. можетъ относиться и къ оброку съ тягла и къ оброку съ души.

Между тѣмъ нашъ историкъ крѣпостного права на страницахъ 247—248 четыре раза приводитъ цифры оброка въ 7 и 12 руб., разсуждаетъ, что 12-ти рублевый оброкъ очень тяжело ложился на экномическое состояніе крестьянъ, но не указываетъ, съ чего онъ взимался, съ тягла или съ души. Обращаемся къ документу, излагаемому авторомъ, и тамъ находимъ необходимое для пониманія дѣла, ясное указаніе: „до настоящаго 1797 года крестьяне г. Артемьева находились на оброкѣ, котораго платили по 12 рублей съ тягла, а не съ души" [2]); г. Трифильевъ пропустилъ это указаніе, хотя оно подчеркнуто въ документѣ словами: „съ тягла, а не съ души". И это не единичный случайный пропускъ по недосмотру; такъ, говоря о „необычайныхъ случайныхъ оброкахъ" въ имѣніи Нѣмцова, автора сообщаетъ: „тѣ, кто на тяглѣ, платятъ по 10 руб. оброка", съ чего? съ тягла?— какъ можно понять эту фразу (с. 211). Нѣтъ, „съ души", какъ

---

[1]) Жалоба эта подана послѣ усмиренія крестьянъ, въ Гатчинѣ, 9 сентября 1797 г.: № 2985, I, № 19, л. 3—4.

[2]) Дѣло VII. № 2985, ч. I, № 25, л. 5: донесеніе смоленскаго губернатора 24-го декабря 1797 г.—Тутъ же крестьяне жаловались: на насъ была накладка 7 руб. на мужа съ женою, а отъ второго стала намъ накладка 12 руб. съ мужа съ женою" л. 10. Ср. с. 247.

сказано въ документѣ, но г. Трифильевъ опять опускаетъ это необходимое указаніе. Дальше, о томъ же имѣніи авторъ сообщаетъ: „кто же не хочетъ ходить на господскія работы, тотъ долженъ платить по 50 руб. оброка, а съ иныхъ беретъ до 200 руб. (оброка?) и болѣе“ (с. 211). Тутъ опять нѣсколько существенныхъ неточностей, которыя такъ скучно всѣ разъяснять. Документъ говоритъ не о томъ, что кто „не хочетъ ходить на господскія работы“, съ того взимается 50 руб. и 200 руб. (?) оброка, а о томъ, что изъ числа всѣхъ 400 душъ крестьянъ, съ нѣкоторыхъ (очевидно, болѣе зажиточныхъ), а именно съ 35 душъ, взимается оброкъ, по окладу въ 50 руб. и что, не довольствуясь этимъ, помѣщикъ иногда требуетъ отъ нихъ сверхъ оклада по 200 руб. и болѣе [1]).

По недостатку времени я не могъ исправить всѣхъ многообразныхъ погрѣшностей г. Трифильева, но, кажется, достаточно вы-

---

[1]) „Изъ числа которыхъ (до 400 душъ), а именно, 35 душъ, кои на работу не ходятъ, то получаетъ съ оныхъ по 50 руб. въ годъ, но не будучи и тѣмъ доволенъ, призываетъ къ себѣ въ домъ и требуетъ отъ нихъ свыше положеннаго того имъ оклада по 200 руб. и болѣе“. № 2985, I, № 32, л. 14.—О крестьянахъ капитанши Керновой въ Ярославской губерніи авторъ сообщаетъ, что они жаловались на увеличеніе оброка съ 600 руб. до 900 руб., но не даетъ возможности судить, насколько великъ былъ этотъ оброкъ, такъ какъ умалчиваетъ о томъ, съ какого числа крестьянъ онъ взимался. Изъ подлиннаго дѣла узнаемъ, что крестьянъ было 116 душъ и что слѣдовательно помѣщица увеличила оброкъ съ 5 руб. 17 коп. до 7 руб. 75 коп. съ души (Гос. Арх., № 2918, I, № 9, л. 7). Также изъ жалобы крестьянъ Мусиной-Пушкиной авторъ приводитъ указаніе на оброкъ въ 7 руб., но не говоритъ, что онъ взимался съ души (д. № 2985, I, № 32, л. 18 обор.). Иногда г. Трифильевъ и вовсе опускаетъ содержащіяся въ жалобахъ крестьянъ свѣдѣнія объ оброкѣ и вообще объ ихъ экономическомъ положеніи. Такъ, изъ числа многихъ жалобъ крестьянъ Тверской губерніи, онъ цитируетъ, между прочимъ, два довольно безсодержательныхъ прошенія на помѣщика Поздѣева и помѣщицу Власову, и оставляетъ безъ вниманія жалобы на помѣщиковъ Ляхова и Змѣевыхъ. Крестьяне подпоручика Ляхова писали, что онъ „чрезмѣрно разоряя наложенными штрафами... наложилъ на насъ оброку съ каждаго по 15 руб.“ (Гос. Арх., VII, № 2985, ч. II, л. 182). На П. В. Змѣева крестьяне жаловались, что онъ „беретъ сборъ съ каждаго крестьянина съ женою по 15 руб... да сверхъ сего оброку посылаетъ насъ на разныя работы въ лѣтнее время плотническою работою“ (Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, № 32, л. 26).—Оба эти прошенія г. Трифильеву извѣстны, см. выше.—См. также выше жалобу на помѣщика Рысинскаго въ Бѣлорусской губерніи.

яснилъ недостовѣрность его работы. Я счелъ своимъ долгомъ сказать здѣсь то, что я выяснилъ, потому что каждый, работающій на нивѣ науки, долженъ заботиться о томъ, чтобы она не заростала сорными плевелами.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Рапортъ московскаго губенрскаго прокурора Петрова-Соловово генералъ-прокурору князю А. Б. Куракину отъ 12-го января 1797 года.

Хотя отъ 8-го числа сего мѣсяца и доносилъ я Вашему Сіятельству, что отправленный въ Можайской уѣздъ уголовныхъ дѣлъ губернской стряпчей Воейковъ и тамошній нижній земской судъ рапортовали, что въ вотчинахъ господина Генералъ маіора и кавалера Графа Льва Кириловича Разумовскаго возстановлено спокойствіе, но послѣ того означенный уголовныхъ дѣлъ стряпчей Воейковъ, съ парочнымъ рапортуетъ господину Главнокомандующему отъ 9-го числа, что, по наущенію нѣкоторыхъ крестьянъ, прочіе, собравшись во множествѣ на сходку, отрѣшили управляющаго сими вотчинами отставнаго капитана Григоровича, смотрителя винокуреннаго завода Траницкаго и всѣхъ старость, а на мѣста ихъ избрали другихъ, къ помѣщику же отправили въ Санктъ-Петербургъ на отрѣшенныхъ свою жалобу. Сей случай понудилъ стряпчаго и земскаго исправника, приглася священниковъ оныхъ вотчинъ, дѣлать крестьянамъ приличное увѣщаніе, чтобы они до резолюціи помѣщика не выходили у приставленныхъ отъ него начальниковъ изъ послушанія; но сіе увѣщаніе осталось тщетнымъ, и крестьяне, сдѣлавъ перьвой шагъ къ своевольству, простерли оное и далѣе, посадя подъ стражу управителя Григоровича и объявя стряпчему Воейкову, чтобъ онъ и всѣ прочіе, кромѣ исправника, выѣхали изъ селенія ихъ, обѣщая однакожъ пребывать, кромѣ отрѣшенія начальниковъ, во всемъ прочемъ у помѣщика въ послушаніи. Какъ же для прекращенія сего своевольства и для водворенія спокойствія, необходимо нужно забравъ отослать къ суду начинщиковъ сего мятежа, изъ которыхъ выбраны крестьянами и всѣ новые начальники, а сего они сдѣлать не допустили, то губерской стряпчей рапортомъ своимъ и представилъ, не благоугодно ли будетъ предписать слѣдующему въ сію столицу черезъ городъ Можайскъ Нашебургскому Мускатерскому полку, коего квартермистры уже и прибыли, иттить чрезъ помянутыя вотчины и въ оныхъ имѣть роздыхъ, а въ сіе время начинчиковъ беспокойствія забравъ, препроводить къ сужденію по законамъ...

Рапортъ того же къ тому же отъ 19-го января 1797 г.

Командированный въ Можайскія вотчины господина Генералъ Маіора и Кавалера Графа Льва Кириловича Разумовскаго, здѣшней губернской

уголовныхъ дѣлъ стряпчей Воейковъ, рапортами отъ 12-го и 15-го чиселъ сего мѣсяца доноситъ, что въ слѣдствіе посланнаго приказанія Нашебургской Мускатерской полкъ вступилъ и расположился квартерами въ означенныхъ вотчинахъ, что послѣ сего всѣ тѣ крестьяне, кои подущали многолюдство къ буйству и ослушанію и на сходкахъ отличались непокорностію, забраны подъ стражу и отозваны въ Можайской уѣздной судъ къ законному сужденію, при всемъ же ономъ со стороны крестьянъ не оказалось ни малѣйшаго волненія, а по отсылкѣ дѣла и подсудимыхъ въ верхней земской судъ для приговора, означенной полкъ продолжать имѣетъ путь свой въ Москву.

Донесеніе тверского губернатора А. Поликарпова князю А. Б. Куракину отъ 10-го февраля 1797 г.

Милостивый Государь, Князь Алексѣй Борисовичъ.

Донеся предъ симъ вашему сіятельству въ разсужденіи неспокойныхъ здѣсь крестьянъ, поставляю долгомъ при семъ представить свѣдѣнія о именахъ помѣщиковъ, коихъ вотчины приведены въ должную повинность, и сколько осталось непокорныхъ; увѣдомляю при томъ, что козловской пѣхотной полкъ сюда прибылъ, и помощію онаго три вотчины усмирены, какъ изъ представленнаго при семъ свѣдѣнія усмотрѣть изволите; а нынѣ отправлю я изъ онаго команды для усмиренія остальныхъ ослушниковъ, кои на сихъ дняхъ открылись. — Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію за честь поставляя быть вашего сіятельства, милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга Александръ Поликарповъ. Февраля 10 дня, 1797 года. Тверь.

[Приложеніе]: Въ Тверской губерніи помѣщичьихъ крестьянъ, разсѣвающихъ лживыя умствованія и сдѣлавшихся непослушными:

Усмирено земскими полиціями и штатными командами: въ Тверскомъ уѣздѣ: 1) маіора Самарина, 2) помѣщицы Телепневой, 3) помѣщицы Козицкой. NB Сіи послѣдніе укрощены командою козловскаго полку. Въ Старицкомъ: 4) надворнаго совѣтника Головина, 5) карнета Поликарпова, 6) артиллеріи маіора Сытина, 7) подпоручика Петра Тыртова, 8) въ селѣ Латашинѣ князей Мещерскихъ, 9) гвардіи прапорщика Николая Изьединова, 10) помѣщицы Елены Давыдовой, 11) коллежскаго совѣтника Казнакова, 12) брегадира Немцова } сіи укрощены камандою козловскаго полку.

Въ Новоторжскомъ: 13) маіора Сергѣя Тыртова, 14) доктора Риндера, 15) помѣщицы дѣвицы Власовой, 16) помѣщицы Мусиной-Пушкиной, 17) прапорщицы Жеребцовой, 18) маіорши Кочуковой. Въ Корчевскомъ: 19) генералъ-маіора Жеребцова, 20) помѣщика Павлова, 21) помѣщицы Ехемзиной, 22) господина Татаринова, 23) помѣщика Колмыкова. Въ Зубцовскомъ: 24) брегадира Федора Немцова. Въ Калязинскомъ: 25) помѣщика Сергѣя Романова (?Рамейкова), 26) секундъ-маіора Бухавецкаго.

Въ Бѣжецкомъ: 27) контролера Лининягова, 28) коллежскаго ассесора Дивова, 29) генералъ-маіора Петра Бешенцова, 30) помѣщика Савелова, 31) князя Козловскаго, 32) брегадирши Дубянской, 33) статскаго совѣтника Олсуфьева.

Остались не въ послушаніи: Въ Краснохолмскомъ: 34) помѣщиковъ Зыбиныхъ, 35) графа Дмитрія Александровича Зубова, 36) помѣщика Окунева. Во Ржевскомъ: 37) надворнаго совѣтника Чашникова (Подписалъ) Александръ Поликарповъ. (№ 2918, II, № 13, л. 18—19).

II [1].

Отвѣтъ г. Трифильеву [2].

Оставляю безъ вниманія полемическія замѣчанія г. Трифильева такого рода: „Я утверждаю, что это совершенная неправда". Оставляю безъ вниманія и его заявленія о „субъективной окраскѣ рецензіи", которую онъ „относитъ всецѣло къ личности самого рецензента" (?). Дѣло само по себѣ такъ ясно, что мнѣ нѣтъ надобности ни состязаться съ г. Трифильевымъ на полемическомъ поприщѣ, ни оправдываться отъ обвиненія въ субъективности, лишеннаго всякаго основанія. Детальнымъ разборомъ отвѣта его по существу мнѣ не трудно будетъ показать, что рѣзкость его возраженій обратно пропорціональна ихъ основательности.

Въ рецензіи своей я доказывалъ, что въ книгѣ г. Трифильева всѣ основные вопросы, относящіеся къ его темѣ, остались неизслѣдованными или изслѣдованы весьма недостаточно. Не найдя у него изслѣдованія бѣдственнаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ, вызвавшаго ихъ волненія, я самъ вкратцѣ (на 5 страницахъ) обобщилъ данныя объ оброкѣ, о поборахъ и жестокостяхъ

---

[1]) Воспроизводимъ этотъ отвѣтъ по тексту „Ж. М. Н. П.", хотя изъ сохранившейся рукописи видно, что рѣзкій и полемическій тонъ отвѣта былъ еще значительно смягченъ редакторомъ журнала. Вставляемъ, обозначая прямыми скобками, лишь отрывокъ чисто фактическій, выброшенный при versткѣ за недостаткомъ мѣста. *Ред.*

[2]) Моя статья: „Волненія крестьянъ при Павлѣ" „Журн. Мин. Нар. Пр.", 1905 г., февраль, с. 410—440. „Отвѣтъ" г. Трифильева там же, октябрь с. 453—470.

помѣщиковъ, разбросанныя въ книгѣ, и въ заключеніе писалъ: „По всѣмъ этимъ вопросамъ, мною бѣгло намѣченнымъ, въ книгѣ г. Трифильева нѣтъ хотя бы элементарнаго свода извѣстій, выписанныхъ имъ изъ архивныхъ бумагъ".

Что же отвѣчаетъ на это г. Трифильевъ? Онъ говоритъ: „Такой сводъ, примѣръ котораго даетъ рецензентъ, въ моей книгѣ есть и находится онъ въ концѣ книги, въ указателѣ" (!!). Я говорю о необходимости изслѣдовать данныя объ экономическомъ положеніи крестьянъ и о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ и самъ даю „примѣръ" такого изслѣдованія, а г. Трифильевъ въ оправданіе свое ссылается на свой указатель въ концѣ книги. Я свожу вмѣстѣ извѣстія объ оброкѣ, выясняя его средній размѣръ и сопоставляя ихъ съ выводами В. И. Семевскаго, а г. Трифильевъ противополагаетъ моей работѣ свой, механически составленный, указатель такого рода: „Оброкъ—22, 26, 62, 73—75, 92, 95, 99, 100, 101, 108, 114, 118, 119, 120... 290, 308, 311, 313, 323" (всего 61 ссылка), и увѣряетъ, что если бы сводить эти данныя, разбросанныя на протяженіи 300 страницъ описанія волненій крестьянъ, то это значило бы „повторять въ текстѣ текстъ же" (?). Еще куда бы ни шло, если бы указатель былъ составленъ систематически, съ краткимъ обозначеніемъ содержанія извѣстій, но въ его указателѣ, вмѣстѣ личномъ, географическомъ и предметномъ, данныя о положеніи крестьянъ отмѣчены подъ немногими общими обозначеніями такого рода: „Оброкъ, поборы, подати, продажа крестьянъ, развратъ помѣщичій, рекруты", съ многочисленными указаніями страницъ, безъ всякихъ поясненій.

Въ своей статьѣ я выяснилъ, что г. Трифильевъ не различаетъ крестьянскихъ волненій по существу (мятежъ, неповиновеніе властямъ, неповиновеніе помѣщику) и даже не отличаетъ волненій отъ мирной, разрѣшенной закономъ, подачи крестьянами жалобы на помѣщика, не сопровождавшейся неповиновеніемъ. „Случаи эти (подачи жалобы) находятся, конечно,—писалъ я—въ нѣкоторой связи съ волненіями, они указываютъ на общее броженіе помѣщичьихъ крестьянъ. Но нѣтъ ни малѣйшихъ основаній видѣть въ фактѣ подачи жалобы волненіе, какъ это систематически дѣлаетъ г. Трифильевъ". Свѣдѣнія о положеніи крестьянъ, находящіяся въ жалобахъ, я называлъ „цѣнными", и настаивалъ на необходимости ихъ изслѣдовать. Но я протесто-

валъ противъ „полнаго смѣшенія жалобъ съ волненіями“, протестовалъ противъ „смѣшенія понятій“, вслѣдствіе котораго, какъ я указывалъ, авторъ „нашелъ волненія даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ вовсе не было, какъ, напримѣръ, въ Казанской и Симбирской“.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, г. Трифильевъ не имѣлъ никакихъ основаній придавать моему упреку „въ полномъ смѣшеніи жалобъ съ волненіями“ такой смыслъ, будто бы я упрекалъ его, зачѣмъ онъ на ряду съ волненіями изучаетъ также и жалобы! Измѣнивъ смыслъ моихъ словъ, онъ возражаетъ, что задача его состояла въ изученіи крестьянскаго движенія вообще, а не однихъ лишь волненій. Я говорю ему, что нельзя „смѣшивать волненій съ жалобами“, нельзя „смѣшивать понятій“, нельзя отъ факта подачи жалобы заключать къ факту волненія, нельзя говорить о „волненіяхъ“ (его собственное выраженіе) въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ не было, — а г. Трифильевъ отвѣчаетъ, что не могъ же онъ вмѣстѣ съ волненіями не „отмѣчать“ также и жалобъ! И тутъ, переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, онъ обвиняетъ меня „въ грубой непростительной ошибкѣ“, что я будто бы не усвоилъ его темы: движеніе крестьянъ, а не одни волненія.

Не могу понять, какъ г. Трифильевъ рѣшился обвинять меня въ такой ошибкѣ („грубой и непростительной“), вопреки очевидности, вопреки слѣдующимъ яснымъ моимъ словамъ: „Во время этого широкаго крестьянскаго д в и ж е н і я всѣ, страдавшіе отъ помѣщичьяго произвола, заявили такъ или иначе, в ъ в о з м у щ е н і я х ъ и л и ж а л о б а х ъ, о своихъ страданіяхъ“ (с. 160), и въ другомъ мѣстѣ: „Читатель, желающій составить себѣ ясное, полное представленіе о существѣ д в и ж е н і я, объ особенностяхъ его въ различныхъ мѣстностяхъ долженъ самъ систематизировать весь матеріалъ описательной части книги, въ которой, вмѣстѣ съ случаями вооруженнаго мятежа крестьянъ и явнаго неповиновенія помѣщику, описываются въ случайномъ порядкѣ и мирныя жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, не сопровождавшіяся неповиновеніемъ (с. 167). Какъ показываютъ эти цитаты, я стоялъ на этой точкѣ зрѣнія не только въ началѣ рецензіи, какъ неправильно утверждаетъ г. Трифильевъ, а вездѣ, гдѣ только говорилъ объ этомъ, и никакъ не противорѣчилъ этой точкѣ зрѣнія, когда

упрекалъ его „въ полномъ смѣшеніи жалобъ съ волненіями", то-есть въ томъ, что онъ не различаетъ ихъ по существу.

Свѣривъ изложеніе г. Трифильева съ архивными документами, я нашелъ въ немъ длинный рядъ разнообразныхъ погрѣшностей.

Относительно его описанія волненій въ губерніи Новороссійской, я говорилъ, что документъ, на которомъ оно основано, пересказанъ столь извращенно, что вся картина движенія получилась иная.

Г. Трифильевъ возражаетъ на это очень энергично, онъ говоритъ: „Я утверждаю, что это совершенная неправда". Затѣмъ онъ печатаетъ параллельно часть своего изложенія и часть документа и замѣчаетъ: „Каждый, кто безпристрастно сравнитъ мое изложеніе и документъ, на которомъ оно основано, увидитъ полную точность передачи документа". Я говорилъ объ извращеніи картины движенія, а г. Трифильевъ оправдывается точностью передачи отдѣльныхъ фактовъ (которую я самъ отмѣтилъ). Во многихъ другихъ случаяхъ, какъ я показалъ на множествѣ примѣровъ (и какъ еще будетъ выяснено ниже), онъ искажаетъ также и факты, но здѣсь идетъ рѣчь совсѣмъ не о томъ, а объ извращеніи существа сообщенія губернатора.

Упомянувъ о нѣсколькихъ случаяхъ мелкихъ волненій крестьянъ, которыя были усмирены немедленно „по принятымъ тотчасъ законнымъ мѣрамъ", новороссійскій губернаторъ переходитъ къ подробному описанію болѣе упорнаго волненія крестьянъ въ имѣніи Пулевичей, для усмиренія котораго пришлось вытребовать военный отрядъ изъ полка. „Въ этомъ имѣніи—писалъ я — произошло серьезное волненіе, съ неповиновеніемъ властямъ, подавленное воинской командой. Судя по документу, это былъ единственный серьезный случай. А г. Трифильевъ, пересказывая документъ, приводитъ этотъ случай въ качествѣ примѣра (!) того, что усмиреніе волненій въ этой губерніи „далеко невсегда достигалось мирнымъ путемъ".

Смѣло утверждая, что мои слова объ извращеніи имъ документа „совершенная неправда", г. Трифильевъ печатаетъ en regard два текста, которые прямо уличаютъ его въ указанной мною ошибкѣ, извращающей всю картину движенія. Сравни въ документѣ: „но теперь", а у г. Трифильева „напримѣръ".

Въ данномъ случаѣ ошибка произошла, повидимому, не отъ

случайнаго недосмотра, а отъ болѣе общей причины, отъ того, что г. Трифильевъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не можетъ понять различія волненій по существу, по степени упорства крестьянъ; онъ не можетъ отличить мирной жалобы отъ неповиновенія помѣщику, не можетъ отличить мятежа, бунта, отъ вооруженнаго сопротивленія властямъ, находя это раздѣленіе „совершенно произвольнымъ", и утверждая, что все движеніе можетъ быть „охарактеризовано сразу"!

Основной выводъ изслѣдованія г. Трифильева былъ имъ формулированъ такъ: „Волненія крестьянъ, возникшія на громадномъ пространствѣ" „всѣ тѣсно связаны между собою одною мыслью, однимъ страстнымъ желаніемъ свободы, воодушевлявшимъ крѣпостныхъ крестьянъ". На основаніи этой фразы я имѣлъ полное основаніе сказать, что г. Трифильевъ говоритъ объ отвлеченномъ желаніи свободы. Теперь г. Трифильевъ ссылается на другую свою фразу, утверждая, что подъ „страстнымъ желаніемъ свободы" онъ разумѣлъ „желаніе крестьянъ быть казенными.". Но онъ не замѣчаетъ, что эти фразы противорѣчатъ одна другой. Онъ забываетъ, что положеніе казенныхъ крестьянъ въ то время было таково, что въ желаніи быть казенными никакъ нельзя видѣть „страстнаго желанія свободы".

Споря объ „отвлеченности" этого желанія, г. Трифильевъ говоритъ, что „всѣ крестьяне стремились „освободиться отъ помѣщичьей власти" и повторяетъ фразу своей книги: „Отрѣши насъ за себя, государь! Вотъ вопль всего (??) русскаго крестьянства". Но существо моего возраженія по этому пункту заключалось, какъ разъ, въ полной неосновательности этого вывода. Большая часть крестьянъ, какъ я доказывалъ, стремилась не „освободиться отъ помѣщичьей власти", а лишь ослабить гнетъ помѣщичьей власти. „Подчеркивая, что желаніе свободы воодушевляло всѣхъ крестьянъ,—писалъ я—авторъ рѣзко противорѣчитъ своимъ же указаніямъ, что крестьяне часто не отказывались вообще отъ повиновенія помѣщикамъ, а лишь выставляли опредѣленныя ограниченныя требованія объ уменьшеніи оброка и повинностей, облегченіи чрезмѣрныхъ тягостей, какъ тѣ ярославцы, которые объявили себя „не непослушными, а неимущими" и т. д.; я привелъ нѣсколько такихъ фактовъ.

Все это въ „отвѣтѣ" г. Трифильева осталось безъ всякаго отвѣта.

Въ рецензіи я говорилъ, что участіе сельскихъ священниковъ въ крестьянскомъ движеніи „главнымъ образомъ выражалось въ томъ, что они... писали прошенія". Г. Трифильевъ возражаетъ, что „духовенство писало не только прошенія". Но развѣ я утверждалъ, что оно писало только прошенія?

Относительно порядка описанія волненій въ разныхъ губерніяхъ авторъ пишетъ: „У меня есть порядокъ, котораго г. Павловъ-Сильванскій не хочетъ видѣть, именно хронологическій". Какъ не хочу видѣть? Не я ли писалъ, что г. Трифильевъ „расположилъ губерніи по случайному признаку: дню начала волненій, несмотря на то, что волненія на большихъ пространствахъ возникали независимо одно отъ другого и почти одновременно съ разницею въ два-три дня". И тутъ же я замѣтилъ, что „даже этого хронологическаго порядка онъ не выдерживаетъ" (ср. с. 119 и 148).

Я упрекалъ г. Трифильева, что онъ „слишкомъ обстоятельно разсказываетъ, какъ дѣйствовали въ Петербургѣ крестьянскіе ходоки, какого числа они опускали жалобу въ ящикъ, какъ навѣдывались въ канцелярію"... А г. Трифильевъ возражаетъ: „развѣ неважно знать... что встрѣчали ходоки въ Петербургѣ?". Несомнѣнно важно. Я говорилъ только, что все это разсказано „слишкомъ обстоятельно", особенно принимая во вниманіе, что нѣкоторые другіе важные документы изложены несоотвѣтственно коротко.

Четыремъ строкамъ моего примѣчанія о помѣщикѣ Андреевѣ г. Трифильевъ посвящаетъ болѣе полустраницы текста. Онъ доказываетъ, что этотъ помѣщикъ не притѣснялъ крестьянъ, потому что былъ богатъ, а богатство его доказываетъ фактомъ покупки деревни за 33.100 рублей. Но, вѣдь, помѣщикъ самъ говорилъ, что эта покупка оказалась для него „бѣдственной", что онъ „обремененъ долгами". Весьма вѣроятно, что купивъ ее, частью въ долгъ, онъ затѣмъ сталъ притѣснять крестьянъ, чтобы расплатиться съ долгами.

Объ архивныхъ работахъ г. Трифильева я писалъ, что „онъ не извлекалъ по крупицамъ цѣнныхъ свѣдѣній изъ множества разнородныхъ дѣлъ, а ограничился пересказомъ двухъ дѣлъ государственнаго архива, занимающихъ четыре небольшихъ картона, добавивъ ихъ нѣкоторыми выдержками изъ однородныхъ бумагъ архива сенатскаго". Я упустилъ сказать, что онъ, кромѣ указан

ныхъ мною двухъ дѣлъ государственнаго архива, пользовался еще двумя. Эти дѣла дали, однако, ему такъ мало, что онъ сдѣлалъ изъ нихъ только двѣ цитаты на стр. 306 и 315 (какъ онъ самъ указываетъ). И этотъ мой незначительный пропускъ г. Трифильевъ считаетъ возможнымъ квалифицировать словами „явная неправда". Сколько же такихъ „явныхъ неправдъ" указано мною въ его книгѣ?

Г. Трифильевъ указываетъ еще, что онъ „употребилъ гораздо больше труда на нахожденіе" дѣлъ въ сенатскомъ архивѣ. Но онъ нашелъ тамъ всего 7 дѣлъ, изъ нихъ 4 одного отдѣла: 5-й департаментъ, 1 отдѣленіе, №№ 20, 130, 184, 287. Эти дѣла дали ничтожное количество матеріала для его книги, въ сравненіи съ двумя основными дѣлами государственнаго архива (ссылки только на 10 страницахъ). И неужели „нахожденіе" этихъ дѣлъ потребовало отъ него такъ много труда, что за нихъ мы должны ему поставить большой плюсъ, покрывающій многіе минусы?

Онъ увѣряетъ далѣе, что для его работы не было надобности въ усердномъ собираніи матеріаловъ, благо всѣ главныя свѣдѣнія содержатся въ двухъ дѣлахъ государственнаго архива. Въ нихъ, дѣйствительно, содержатся главныя свѣдѣнія, но только тѣ, которыя губернаторы, каждый по своему, находили нужнымъ сообщать государю. И при серьезномъ отношеніи къ работѣ необходимо было бы восполнить пробѣлы дѣлъ государственнаго архива, обратившись къ нѣкоторымъ мѣстнымъ губернскимъ архивамъ, по примѣру Владимірской архивной комиссіи.

Оставляя безъ отвѣта многія существенныя мои поправки, г. Трифильевъ вмѣсто того тратитъ очень много времени на то, чтобъ доказать неудачность собственныхъ моихъ „попытокъ положительныхъ построеній". Онъ пытается оправдать себя, подорвавъ авторитетность своего критика.

Не найдя у г. Трифильева изслѣдованія выписанныхъ имъ архивныхъ извѣстій объ оброкѣ, я сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній по этому важному вопросу. Среднимъ неотяготительнымъ оброкомъ для 2-й половины 90-хъ годовъ я считалъ оброкъ въ 6 рублей, основываясь на извѣстіи объ имѣніи поручика Деропа. Г. Трифильевъ утверждаетъ, что мое извѣстіе ненадежно и противорѣчиво. Его ввела въ заблужденіе краткость моего сообщенія, которое онъ перетолковалъ совершенно превратно. На самомъ

дѣлѣ, въ моихъ извѣстіяхъ о цифрѣ оброка въ имѣніи Дерона, какъ средней, нормальной, нѣтъ никакихъ противорѣчій. Въ виду важности этого дѣла, я разскажу о немъ нѣсколько подробнѣе, чтобы устранить всякія сомнѣнія. Дѣло было такъ:

Въ жалобѣ, поданной въ январѣ 1798 г. Павлу I, крестьяне Псковскаго уѣзда, Оклѣдицкой волости, деревни Запружья, Зиновій Устиновъ и Иванъ Васильевъ писали о своемъ господинѣ, поручикѣ Иванѣ Деронѣ: „Онъ намѣренъ былъ на насъ наложить оброку по шести рублей съ души, но по нынѣшнему де обстоятельству видитъ онъ себя принужденнымъ свое слово перемѣнить, ибо нуждается въ деньгахъ, и для того положилъ съ каждой души по осми рублей, да полтора четверика овса". На разслѣдованіи, произведенномъ Псковской округи дворянскимъ предсѣдателемъ съ нѣсколькими дворянами 24 февраля 1798 года, оказалось, что, по показаніямъ старосты той деревни и крестьянъ, „съ начала вступленія ихъ во владѣніе къ помѣщику заплатили они оброку съ души за 797 годъ и по сей 798-й годъ всего по семи рублей и овса по полтора четверика".

Тогда, 8-го марта 1798 г., генералъ-прокуроръ князь Куракинъ, по приказанію Павла I, распорядился, что „поручику Дерону наложеніе на крестьянъ оброка по большой мѣрѣ дозволить можно по 6-ти рублей въ годъ съ души и по полтора четверика овса, раздѣляя оное въ два срока".

Въ январѣ 1800 года крестьянинъ Устиновъ вновь обратился съ жалобой къ государю на своего господина. Дѣло было вновь разслѣдовано на мѣстахъ и, какъ сказано въ докладѣ государю 11-го февраля 1800 года, губернаторъ, съ увѣдомленія дворянскаго предводителя и двухъ дворянъ, отвѣтствовалъ: „1-е, что Устинова жалоба не дѣльна и онъ изъ вотчины давно бѣжалъ; 2-е, оброка онъ платитъ только по 6-ти рублей, да съѣстными припасами не болѣе двухъ рублей съ души, что не можетъ быть отяготительно и согласно съ положеніемъ, сдѣланнымъ Дерону по высочайшему вашего императорскаго величества соизволенію отъ князя Куракина еще въ 798 году" [1])

По поводу моихъ замѣчаній о величинѣ оброка въ 90-хъ годахъ, г. Трифильевъ говоритъ: „Рецензентъ, повидимому, не въ достаточной степени вдумался въ свое требованіе по отношенію ко мнѣ, чтобы я занялся изслѣдованіемъ экономическаго положенія крестьянъ въ царствованіе императора Павла. Вѣдь самъ же онъ упоминаетъ о трудѣ В. И. Семевскаго, доведшаго свое изслѣдованіе положенія крѣпостныхъ крестьянъ до 1796 года. Неужели въ теченіе одного года (1797 г.), къ которому относятся данныя моей книги, это положеніе могло такъ рѣзко

[1]) Госуд. Арх., дѣло № 2985, VII, № 30, л. 9 обор. л. 12, 17, 36.

измѣниться, что представляло нѣчто отличное отъ того, что мы уже знаемъ?"

Не понимаю, какъ можетъ говорить это изслѣдователь крѣпостного права, который долженъ бы хорошо знать трудъ В. И. Семевскаго. Дѣло въ томъ, что многіе выводы В. И. Семевскаго только приблизительны, въ виду недостатка данныхъ, и поэтому о немъ никакъ нельзя сказать, что онъ довелъ свое изслѣдованіе положенія крѣпостныхъ крестьянъ ровно до 1796 года, такъ чтобы новыя данныя, относящіяся къ 1797 году, не имѣли бы уже особаго значенія. В. И. Семевскій устанавливаетъ средній размѣръ оброка въ 5 рублей, не спеціально для 1796 года, а вообще для „конца царствованія Екатерины", или для первой половины 90-хъ годовъ. (Крестьяне, т. I, с. 53). И при томъ этотъ выводъ онъ дѣлаетъ на основаніи очень ограниченнаго количества извѣстій, не болѣе 10-ти, при томъ же относящихся къ разнымъ годамъ 1790—1798 (т. I, дополненіе IX). Въ виду этого, новыя данныя о размѣрахъ оброка, относящіяся къ 1796—1797 и къ 1800 гг., числомъ до 30-ти, несомнѣнно, имѣютъ большое значеніе и заслуживаютъ внимательнаго изученія.

Но я замѣчаю, что г. Трифильевъ поставилъ меня въ странное положеніе. Я долженъ разъяснять ему значеніе имъ же самимъ выписанныхъ изъ архивныхъ бумагъ извѣстій [1]).

Не буду разбирать всѣхъ мелкихъ замѣчаній, какими авторъ отвѣчаетъ на мои фактическія поправки, сдѣланныя на основаніи архивныхъ документовъ. Я показалъ уже выше, какой странный „отвѣтъ" онъ подыскалъ на обвиненіе его въ извращеніи картины движенія въ Новороссійской губерніи. Внимательный читатель моей рецензіи замѣтитъ самъ безъ труда, что г. Трифильевъ, пускаясь въ длинныя разсужденія о моихъ соображеніяхъ (которыя ему всегда кажутся совершенно неосновательными), ничего, само собою разумѣется, не можетъ возразить на мои документальныя доказательства существенныхъ пропусковъ, неточностей и ошибокъ въ его изложеніи документовъ. Такъ, онъ много толкуетъ о тенденціи можайскаго губернскаго прокурора, о мотивахъ приго-

---

[1]) Г. Трифильевъ настолько не сознаетъ значенія этихъ данныхъ, что даже иногда пропускаетъ встрѣчающіяся въ документахъ свѣдѣнія объ оброкѣ (см. первую мою статью, с. 183—185).

вора суда, но, конечно, ничего не можетъ возразить на мои указанія, что, описывая волненія крестьянъ гр. Разумовскаго, онъ пропустилъ такія существенныя обстоятельства, какъ то, что крестьяне не допустили забрать зачинщиковъ мятежа (сопротивленіе властямъ), и что это волненіе было усмирено лишь при содѣйствіи мушкетерскаго полка. Г. Трифильевъ точно также обходитъ молчаніемъ мой документальный разсказъ о волненіяхъ въ Псковской губерніи (на трехъ страницахъ), въ которомъ я выясняю рядъ его погрѣшностей въ описаніи существа волненій и порядка ихъ усмиренія (стр. 175—178) [1].

Заканчивая мою рецензію, я писалъ: „По недостатку времени я не могъ исправить всѣхъ многообразныхъ погрѣшностей г. Трифильева, но, кажется, достаточно выяснилъ недостовѣрность его работы". Я писалъ такъ въ предвидѣніи единственнаго серьезнаго возраженія, что, доказывая извращенность пересказа ясныхъ документовъ, я основывался лишь на нѣсколькихъ примѣрахъ, а именно, на ошибкахъ его описанія волненій въ губерніяхъ Московской, Тверской, Псковской, Новороссійской, Нижегородской, Тамбовской (6 губерній изъ 30-ти). Г. Трифильеву рецензія моя показалась неубѣдительной. Въ виду этого я продолжу нѣсколько разборъ его книги и выясню сейчасъ фактическія погрѣшности въ изложеніи документовъ, касающихся еще 3-хъ губерній, а именно Пензенской, Калужской и Бѣлорусской.

О движеніи крестьянъ въ Пензенской губерніи г. Трифильевъ пишетъ, что оно „въ первые мѣсяцы царствованія новаго государя приняло обширные размѣры, охвативъ почти всю губернію и распространившись не только среди помѣщичьихъ крестьянъ, но и государственныхъ". Вслѣдъ за этими словами онъ излагаетъ на трехъ страницахъ донесеніе генералъ-губернатора пензенскаго и нижегородскаго, князя Вяземскаго, прямо ссылаясь на это донесеніе и опуская слѣдующую его первую фразу: „Пензенскій г-нъ губернаторъ и кавалеръ при донесеніи своемъ сего числа [24-го декабря 1796 года] представилъ ко мнѣ

---

[1]) Г. Трифильевъ намекаетъ въ своемъ отвѣтѣ на то, что онъ не могъ разобрать всѣхъ моихъ замѣчаній по недостатку мѣста въ журналѣ. Но зачѣмъ же онъ потратилъ такъ много страницъ на разборъ моихъ „попытокъ положительныхъ построеній", что отнюдь не входило въ задачу его отвѣта, вмѣсто того, чтобы защитить самого себя отъ важнѣйшихъ моихъ обвиненій?

съ нарочнымъ курьеромъ два репорта отъ краснослободскаго земскаго исправника, заключающіе въ себѣ"... Умолчавъ объ этомъ источникѣ свѣдѣній генералъ-губернатора, г. Трифильевъ весь разсказъ о волненіяхъ въ одномъ Краснослободскомъ уѣздѣ распространилъ на всю Пензенскую губернію. Этотъ промахъ можетъ показаться неправдоподобнымъ. Въ виду этого я печатаю цѣликомъ указанное донесеніе, предлагая желающимъ сравнить его съ разсказомъ г. Трифильева на стр. 144—146 его труда.

Письмо правящаго должность генералъ-губернатора пензенскаго и нижегородскаго, генералъ-поручика князя Андрея Ивановича Вяземскаго къ князю А. Б. Куракину отъ 24-го декабря 1796 г., за № 1374, изъ Нижняго-Новгорода:

Милостивый государь, князь Алексѣй Борисовичъ. Пензенской г-нъ губернаторъ и кавалеръ, при донесеніи своемъ сего числа представилъ ко мнѣ съ нарочнымъ курьеромъ два репорта отъ краснослободскаго земскаго исправника, заключающіе въ себѣ происходимые между крестянами разные слухи и толки о милостяхъ государскихъ, по случаю которыхъ дѣлаются ослушными своимъ господамъ, и не хотятъ ни работъ, положенныхъ на нихъ, исправлять, ни платежа оброчныхъ денегъ производить; и въ одномъ селеніи дошли до того, что собравшись сотъ до двухъ человѣкъ, приступя къ вотчинной конторѣ, дерзко говорили, что они не господскіе уже, а Его Императорскаго Величества, а потомъ, когда отъ нижняго земскаго суда о приведеніи въ повиновеніе должное прилагаемо было стараніе, и нѣкоторые посажены подъ стражу, тогда увидѣлъ исправникъ уже до тысячи человѣкъ народу съ дреколіемъ, которые тѣхъ крестьянъ содержащихся отбили, тогда и онъ съ командою едва успѣлъ уѣхать; въ государственныхъ же селеніяхъ происходятъ толки, и не хотятъ во многихъ платить, какъ хлѣбной подати, такъ и подушныхъ денегъ, по причинѣ полученнаго отъ Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго манифеста объ остановленіи рекрутскаго набора, будто бы уже, какъ хлѣбная подать, такъ и прошлыхъ лѣтъ денежная недоимка прощена, и во многихъ селеніяхъ по дѣйствію таковыхъ глупыхъ толковъ происходитъ великое упрямство и неповиновеніе.

А на прошедшихъ дняхъ стали открываться такіе же слухи и въ Нижегородской губерніи, будто бы помѣщичьимъ крестьянамъ слѣдуетъ платить такой же оброкъ, какой платятъ казнѣ государственные крестьяне, и какъ по изысканіямъ моимъ найденъ одинъ таковой разгласитель, то и велѣлъ я, встрахъ протчимъ, наказать публично палками, какъ въ городѣ, такъ и въ селеніи томъ, гдѣ имъ разглашаемо.

Всему оному 1-я причина, по моимъ собственнымъ разысканіямъ, проѣзжающіе курьеры, изъ которыхъ многіе въ пьяномъ состояніи,—другая,—и безъ того, думавъ обрадовать народъ, сказываютъ то, что оному народу всего безцѣннѣе милость государева, облегчающая ихъ состояніе,—третія,—

вздорные и простые слухи отдают за истину, 4-я, оным ко всѣмъ курьерскимъ причинамъ находятся и между мужиковъ нѣкоторая схидная канадья, а съ другой стороны глупая тварь, которая, привязываючись къ милостивому манифесту о остановкѣ рекрутства, находить во ономъ дорогу, ведущую къ ожиданію и другихъ милостивыхъ манифестовъ. Хоша все оное вздоръ и вранье, но я счелъ за нужное ваше сіятельство объ ономъ предувѣдомить, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны мѣры, которыя мы имѣемъ въ рукахъ очень слабы; обѣ, мною управляемыя губерніи, окромѣ штатныхъ ротъ, далеко некомплектныхъ, да гарнизону здѣшняго, которые однакожъ больше похожи на инвалидовъ, чѣмъ на салдатъ, пугалища никакого нѣтъ; съ другой стороны, многіе проѣзжающіе и мнѣ знакомые увѣряютъ, что и другія губерніи больше можетъ быть, чѣмъ здѣшнія заражены ожиданіемъ милостивыхъ указовъ, а во ожиданіи которыхъ начинаютъ мужики выходить изъ послушанія. Оному всему былъ и прежде примѣръ: 1762-го года имянной іюля 3-го и правительствующаго сената для обнародованія и чтенія въ праздничные и воскресные дни въ церквахъ октября 8-го числа, были разосланы указы вслѣдствіе сихъ же обстоятельствъ. Съ глубочайшимъ почитаніемъ и проч. [1]).

Изложивъ это донесеніе, основанное главнымъ образомъ на двухъ рапортахъ краснослободскаго исправника, г. Трифильевъ вслѣдъ затѣмъ разсказываетъ о волненіи крестьянъ въ имѣніи князя Черкасскаго въ томъ же Краснослободскомъ уѣздѣ и этимъ заканчиваетъ свой разсказъ о движеніи крестьянъ въ Пензенской губерніи. Другихъ свѣдѣній относительно этой губерніи у автора не было, какъ нѣтъ ихъ и въ дѣлѣ архива, на которое онъ ссылается (VII, № 2918/5) [2]). И фраза его о движеніи крестьянъ въ Пензенской губерніи, принявшемъ обширные размѣры и охватившемъ почти всю губернію, основана единственно на недоразумѣніи.

---

[1]) Считаю нужнымъ отмѣтить, что самъ пензенскій губернаторъ, на котораго сослался генералъ-губернаторъ князь Вяземскій, получивъ копію съ его донесенія въ Петербургъ, въ письмѣ своемъ къ князю А. Б. Куракину поспѣшилъ подчеркнуть, что его сообщеніе касалось не всей губерніи, а только Краснослободскаго уѣзда: „На сихъ дняхъ отъ князя Андрея Ивановича [Вяземскаго] получилъ я копію съ того письма, какое отправилъ онъ къ вашему сіятельству о происшествіи въ Краснослободской округѣ, до свѣдѣнія моего дошедшемъ“ (письмо отъ 30-го декабря 1796 г.).

[2]) Во избѣжаніе кривотолковъ отмѣчу фразу „о своевольствѣ мужиковъ, во множествѣ бываемомъ“, въ донесеніи князя Вяземскаго отъ 30-го декабря 1796 г., которая не имѣетъ значенія для Пензенской губерніи, если сравнить ее съ письмомъ пензенскаго губернатора отъ того же числа, частью цитированномъ выше.

Переходимъ къ разсказу автора о крестьянскомъ движеніи въ губерніи Калужской. „Волненія крестьянъ Давыдовой — пишетъ онъ — были только началомъ цѣлаго ряда волненій, открывшихся въ Калужской губерніи, нѣкоторые уѣзды которой, какъ, напримѣръ, Медынскій, сплошь были охвачены крестьянскимъ движеніемъ“. Все это совершенно не соотвѣтствуетъ источникамъ. Глухая ссылка „на нѣкоторые уѣзды“ сама собой уже служитъ уликой неточности автора. Въ Медынскомъ же уѣздѣ, который онъ приводитъ въ примѣръ, крестьянское движеніе также не достигало того широкаго распространенія, о которомъ онъ говоритъ. Въ этомъ уѣздѣ было два сильныхъ волненія, а именно въ вотчинѣ ст. сов. А. А. Давыдовой и въ близъ лежащей вотчинѣ преміеръ-маіора П. Воейкова; къ крестьянамъ Воейкова присоединились крестьяне „нѣсколькихъ другихъ [помѣщиковъ], въ десяти-верстной окружности состоящихъ“ (донесеніе губернатора 22-го февраля 1797 г.). Десяти-верстная окружность далеко не соотвѣтствуетъ „сплошь всему“ Медынскому уѣзду. Разсказывая объ этихъ волненіяхъ, губернаторъ писалъ, что, прибывъ съ эскадрономъ въ Медынскую округу, онъ нашелъ тамъ „съ лишкомъ до тысячи человѣкъ ослушниковъ и къ тому же склонныхъ большую часть владѣльческихъ селеній въ сей округѣ“ (донесеніе 27-го февраля 1797 г.). Изъ этихъ словъ губернатора ясно видно, что движеніе отнюдь не охватывало сплошь всего Медынскаго уѣзда. Слова эти взяты мною изъ донесенія, въ которомъ губернаторъ подробно разсказываетъ о быстромъ прекращеніи волненій при помощи эскадрона гусаръ. Онъ заключаетъ это донесеніе словами: „И такъ въ Медынской округѣ все теперь упорственное помѣщикамъ отъ крестьянъ неповиновеніе укрощены и благоустройство и спокойствіе обитателямъ возстановлены“ [1]).

Такъ же, какъ общія картины движенія въ губерніяхъ, г. Трифильевъ нерѣдко описываетъ невѣрно и существо волненій крестьянъ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ. Беремъ его длинный разсказъ, занимающій болѣе 3-хъ страницъ книги, о волненіи крестьянъ на фабрикѣ Милютина въ Лихвинскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Изложеніе тутъ представляетъ собою пересказъ всего двухъ бу-

---

[1]) Дѣло VII, № 2918, № 3, лл. 49—50, 27-го февраля 1797 года.

магъ дѣла: двухъ рапортовъ калужскаго губернскаго прокурора отъ 13-го января и калужскаго вице-губернатора отъ 20-го января 1797 года. Несовсѣмъ точно изложивъ одну фразу этихъ бумагъ, пропустивъ другую и ошибочно цитировавъ третью, г. Трифильевъ далъ совершенно невѣрное представленіе о существѣ происшествія на этой фабрикѣ.

„Неповиновеніе“ на этой фабрикѣ „выразилось — говоритъ авторъ — въ томъ, что фабричные отказались работать на фабрикѣ“... Въ концѣ описанія упоминаются „успокоительныя вѣсти“ о томъ, что крестьяне „перестали быть ослушны и на работы къ помѣщику ходятъ“. Такимъ образомъ, по разсказу г. Трифильева, существо волненія состояло въ отказѣ работать, въ забастовкѣ, продолжавшейся нѣсколько времени, пока крестьяне не „перестали быть ослушны“.

Все это совершенно не такъ. Первую фразу „объ отказѣ работать“ г. Трифильевъ написалъ на основаніи слѣдующаго неопредѣленнаго и, какъ всегда, преувеличеннаго заявленія сына помѣщика властямъ: крестьяне де „сбунтовавшись вышли изъ послушанія и повиновенія отца его, фабричные въ разсужденіи работъ на фабрикѣ, а крестьяне не платежемъ оброка“ и т. д. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого „бунта“ (случившагося 29-го декабря 1796 г.), въ имѣніе является исправникъ и выясняетъ дѣло лучше перепуганнаго помѣщика. Онъ весьма опредѣленно разсказываетъ, что „отказа работать“, забастовки на фабрикѣ нѣтъ. Г. Трифильевъ, пересказавъ, что отвѣчали крестьяне исправнику, пропускаетъ непосредственно слѣдующее за этимъ, необходимое для пониманія дѣла, такое сообщеніе исправника: (Крестьяне отвѣчали) „и при томъ подтверждаютъ, что они не ослушники и на фабрикѣ работаютъ, что и дѣйствительно работу они производятъ, но успѣха въ оной по ихъ положенію противъ господина ожидать невозможно, ибо большая часть времени происходитъ въ ихъ совѣтахъ и фабрика служитъ имъ болѣе сборищемъ, нежели къ работѣ“ [1]).

[1]) Пересказъ рапорта исправника въ рапортѣ губернскаго прокурора отъ 13-го января 1797 г., дѣло VII, 2918, № 3, л. 20 обор. Ср. Трифильевъ, с. 64. За цитированными мною словами слѣдуютъ непосредственно цитированныя г. Трифильевымъ: „Видя и слыша таковую настоятельность“.—Отмѣчу еще неточность въ изложеніи этого документа на стр. 63: въ словахъ исправника пропущено,

Все это завершается крупной ошибкой въ цитатѣ. Г. Трифильевъ пишетъ въ ковычкахъ: „перестали быть ослушны“, вмѣсто „поелику они противъ земскаго суда не ослушны“. Эта ошибка опять можетъ возбудить сомнѣнія, такъ что я долженъ привести цѣликомъ цитаты изъ книги и изъ документа:

„Слѣдующій рапортъ исправника отъ 16-го января принесъ успокоительныя вѣсти: «Крестьяне перестали быть ослушны (?) и на работы къ помѣщику ходятъ», вслѣдствіе чего и въ примѣненіи къ крестьянамъ 237 статьи съ требованіемъ отъ окрестныхъ владѣльцевъ людей, а отъ городничаго командъ надобности не было“. (Книга г. Трифильева, стр. 64).

(Исправникъ) „въ рапортѣ ко мнѣ отъ 16-го числа мѣсяца сего... доноситъ, что... въ требованіяхъ къ приведенію сихъ ослушниковъ помѣщику въ повиновеніе по 237 статьѣ Учрежденій помощи отъ окрестныхъ владѣльцовъ въ людяхъ и въ воинской командѣ не настоитъ, поелику они противъ земскаго суда неослушны и на работы помѣщику ходятъ“ (рапортъ) [1]).

Относительно волненій крестьянъ въ губерніи Бѣлорусской, въ рецензіи своей я сказалъ, что „описанія волненій въ этой губерніи я не провѣрялъ“. Провѣривъ теперь по документамъ это описаніе, я нашелъ въ немъ, такъ же какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, многочисленныя и многообразныя погрѣшности.

Г. Трифильевъ утверждаетъ, что движеніе крестьянъ въ Бѣлорусской губерніи „вспыхнуло одновременно во многихъ мѣстахъ съ такою силой, что цѣлые уѣзды сплошь были въ полномъ возстаніи и пришлось въ очень частыхъ случаяхъ прибѣгать къ помощи войскъ“. Нѣсколько дальше онъ говоритъ: „весь край былъ въ возстаніи“; наконецъ, „наиболѣе типичнымъ“ волненіемъ крестьянъ въ Бѣлорусской губерніи считаетъ сильное волненіе въ вотчинѣ Рыково, усмиренное лишь при помощи 100 солдатъ и трехъ эскадроновъ гусаръ.

Полная неосновательность всѣхъ этихъ обобщающихъ замѣчаній г. Трифильева обнаруживается вполнѣ изъ его же фактическаго описанія волненій крестьянъ въ этой губерніи. Внимательный читатель его книги замѣтитъ, что приводимые имъ факты отнюдь не свидѣтельствуютъ о „полномъ возстаніи цѣлыхъ

что словесный доносъ на господина не пріемлется,—„кромѣ съ совершеннымъ доказательствомъ“.

[1]) Рапортъ калужскаго вице-губернатора отъ 20-го января 1797 г. То же дѣло, № 3, л. 25.

уѣздовъ". Факты эти свидѣтельствуютъ, что въ Невельскомъ уѣздѣ, дѣйствительно, было много волненій крестьянъ, но что въ большинствѣ случаевъ они были не особенно сильны; а въ Себежскомъ уѣздѣ волненія были очень упорны, но за то немногочисленны.

Безмѣрно преувеличивая силу движенія въ Бѣлорусской губерніи, г. Трифильевъ считаетъ „наиболѣе типичнымъ" для этой губерніи бунтъ крестьянъ въ селахъ Рыково и Войлино. Между тѣмъ большая часть волненій въ этой губерніи была совершенно иного „типа". Авторъ извращаетъ картину движенія, опуская важныя подробности. Такъ, разсказавъ подробно о столкновеніи крестьянъ деревни Носково съ ихъ управителемъ маіоромъ Ершовымъ, разсказавъ, какъ маіоръ уѣхалъ изъ имѣнія и обратился къ властямъ, обвиняя крестьянъ въ „заговорѣ къ бунту",—г. Трифильевъ умалчиваетъ, что чрезъ нѣсколько дней послѣ этого инцидента капитанъ-исправникъ, проѣзжая мимо этой деревни, „въ проѣздъ извѣстился, что крестьяне, узнавъ мнимой пронесшійся слухъ, по прежнему остались господину своему въ повиновеніи". Точно также, разсказавъ о волненіи крестьянъ въ имѣніи графа А. А. Безбородки, авторъ умалчиваетъ, что это волненіе было усмирено безъ особыхъ затрудненій и въ скоромъ времени, черезъ двѣ недѣли: какъ только сюда прибылъ эскадронъ гусаръ,—„крестьяне объявили свое послушаніе закону, государю и волѣ помѣщика, и кланяясь въ землю просили милосердія".

Въ общемъ ряду волненій въ Бѣлорусской губерніи г. Трифильевъ упоминаетъ также о „волненіи" въ имѣніи графа Соллогуба, начавшемся будто бы въ январѣ 1797 г. (с. 199). Между тѣмъ здѣсь волненія собственно не было, а было, по терминологіи современнаго документа, „неустройство", состоявшее въ томъ, что повѣренный графа Соллогуба, вопреки волѣ господина и рѣшенію суда, не соглашался передать имѣніе, Езерицкое староство, во владѣніе графини Соллогубъ,—и началось это „неустройство" не въ январѣ 1797 года, а въ октябрѣ 1796 года. Въ донесеніи намѣстническаго правленія 26-го февраля 1797 г. читаемъ: „Непослушаніе въ отдачѣ того староства во владѣніе графини Соллогубовой происходитъ не отъ крестьянъ, а отъ повѣреннаго Богомольца и экономовъ, по единственному Богомольца настоянію" [1]).

---

[1]) О ненадежности работы г. Трифильева, вмѣстѣ съ указанными искаженіями существа дѣла, свидѣтельствуютъ и многочисленныя мелкія неточности.

[Описывая „волненія“ крестьянъ въ губерніи Ярославской, г. Трифильевъ не замѣчаетъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, что излагаемые имъ источники свидѣтельствуютъ лишь о фактахъ мирной подачи крестьянами жалобы на помѣщика. Онъ самъ приводитъ слова губернатора, что „всѣ помянутые крестьяне отъ воли и послушанія помѣщикамъ не отрекаются“.

Относительно „волненія“ въ имѣніи помѣщика этой губерніи Н. Рудакова авторъ утверждаетъ, что, по сообщенію этого помѣщика, его крестьяне „взбунтовались“. Между тѣмъ этотъ помѣщикъ, въ своемъ „извѣтѣ“ начальству, говорилъ лишь, что „крестьяне, собравъ самовольно мірской сходъ и выбравъ двоихъ крестьянъ, отправили (ихъ) въ Петербургъ съ просьбой“ [1]).

Разсказавъ о „волненіи“ крестьянъ другого помѣщика той же Ярославской губерніи, капитана Власьева, которое состояло собственно въ подачѣ жалобы государю, г. Трифильевъ пропускаетъ свѣдѣнія о томъ, какъ печально кончилась для крестьянъ ихъ попытка „ограничить неистовства“ своего господина. 15 человѣкъ крестьянъ были подвергнуты за это наказанію [2]). Они просили своего помѣщика объ „облегченіи ихъ отъ поборовъ“, но онъ „ни на что не согласился“. Тогда они снова отправили ходоковъ въ Петербургъ, но эти ходоки по повелѣнію Павла были преданы суду, за неповиновеніе помѣщику.

Разсказывая о похожденіяхъ этихъ ходоковъ (Михайлова и Леонтьева) въ Петербургѣ, авторъ смѣшиваетъ два момента, по-

---

На стр. 204-й находимъ „Бѣлорусскій уѣздъ“; ошибка повторена и въ указателѣ. Въ документѣ же читаемъ: „въ сосѣдственные Бѣлорусскіе: Себежскій, Невельскій и Суражскій уѣзды“. На слѣдующей стр. 205 находимъ въ ковычкахъ слова: „съ нетерпѣніемъ къ смертоубійству“; въ документѣ „съ намѣреніемъ къ смертоубійству“. На этой же страницѣ сказано, что вотчина графа Безбородки находилась „тамъ же“, гдѣ и раньше помянутое имѣніе, то-есть въ Велижскомъ уѣздѣ, надо: въ Суражскомъ. На слѣдующей страницѣ 206 опять слова въ ковычкахъ цитированы невѣрно: въ документѣ сказано, что „злоумышленность разлилась (а не „разошлась“) по всѣмъ бунтовщикамъ“. Я бы могъ значительно увеличить списокъ погрѣшностей такого рода. Нѣсколько подобныхъ и болѣе важныхъ ошибокъ замѣчено мною, между прочимъ, въ описаніи волненій въ губерніи Ярославской.

[1]) Госуд. Арх. VII, № 2918, № 9, л. 6.

[2]) „Но за то дерзновеніе изъ ихъ общества въ маѣ мѣсяцѣ 15 человѣкъ, яко непокоряющіеся своему помѣщику, публично наказаны“. Госуд. Арх. VII, № 2985, ч. II, л. 119.

дачу жалобы въ апрѣлѣ и допросъ въ іюнѣ. Изложивъ подробно жалобу (поданную въ апрѣлѣ), г. Трифильевъ вслѣдъ затѣмъ, не указывая датъ, передаетъ содержаніе допроса (11 іюня) и говоритъ, что „крестьяне челобитчики были отпущены домой съ обычнымъ по резолюціи государя предписаніемъ губернатору... озаботиться о безопасности просителей со стороны властей, помѣщика и крестьянъ". Императоръ Павелъ изображается здѣсь въ роли благодѣтеля крестьянъ — что неосновательно. Повелѣніе Павла озаботиться о безопасности просителей дано было 18 апрѣля, послѣ подачи ими жалобы. При чемъ оно, въ данномъ случаѣ (какъ и во многихъ другихъ), мотивировано было далеко не въ пользу просителей. Г. Трифильевъ пропускаетъ слѣдующій мотивъ: „По сдѣланному имъ внушенію о дерзости и поступкѣ ихъ, раскаясь въ своемъ заблужденіи, принесли повинную, почему Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ ихъ простить" [1]). Мнимо раскаявшіеся челобитчики снова докучаютъ государю жалобами. На допросѣ они подробно объясняютъ безвыходность своего положенія, говорятъ, что помѣщикъ съ нихъ взыскиваетъ непомѣрный оброкъ въ 24 р. 83 к. съ души, безчеловѣчно ихъ наказываетъ, и просятъ „учинить сколько возможно въ жизни ихъ облегченіе". На докладѣ объ этомъ допросѣ князь Куракинъ 12 іюня 1797 года записалъ слѣдующую резолюцію Павла „просителя отослать къ суду за неповиновеніе" [2]). Несчастные челобитчики не только не получили „облегченія" отъ неистовствъ капитана Власьева, но были наказаны по приговору суда].

Таковъ новый дополнительный списокъ погрѣшностей г. Трифильева въ изложеніи архивныхъ бумагъ, касающихся волненій крестьянъ въ трехъ только губерніяхъ. Этотъ списокъ, мнѣ кажется, вполнѣ подтверждаетъ основательность моего строгаго приговора о его книгѣ.

---

[1]) Такъ въ циркулярномъ письмѣ по нѣсколькимъ прошеніямъ 18 апрѣля 1797 г. То же дѣло л. 110.

[2]) То же дѣло л. 119. Отрывокъ изъ этого доклада г. Трифильевымъ изложенъ на стр. 150. Но онъ опустилъ цитированную мною резолюцію, и отнесъ къ этому докладу (12 іюня) резолюцію, относящуюся къ прошенію крестьянъ (17 апрѣля).

П. И. Пестель [1]).

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу декабристовъ, по дѣлу 121-го, имя Пестеля стоитъ на первомъ мѣстѣ среди первыхъ пяти „преступниковъ внѣ разрядовъ", которыхъ Верховный Уголовный Судъ приговорилъ къ четвертованію, а Императоръ Николай I къ повѣшенію. Первое мѣсто отведено было Пестелю, несмотря на то, что въ числѣ обвиненій, предъявленныхъ ему, не хватало одного, очень важнаго, — непосредственнаго участія въ мятежѣ.

Изъ пяти казненныхъ декабристовъ, Рылѣевъ былъ главнымъ дѣятелемъ мятежа 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ былъ предводителемъ возмущенія на югѣ въ въ первыхъ числахъ января 1826 года; онъ „лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ" недалеко отъ Бѣлой Церкви (на югѣ отъ Кіева). Бестужевъ-Рюминъ также лично дѣйствовалъ въ этомъ мятежѣ, самъ вызывался на цареубійство и „избиралъ и назначалъ" цареубійцъ. Каховскій „былъ предназначенъ" посягнуть на жизнь государя и изъявилъ на то согласіе, а 14 декабря нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру.

---

[1]) Эта характеристика и вмѣстѣ съ тѣмъ очеркъ жизни Пестеля напечатаны, какъ введеніе къ матеріаламъ, изданнымъ Н. П. Сильванскимъ подъ заглавіемъ: „Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ" (въ „Русской Исторической Библіотекѣ", Ростовъ на Д., 1907). Предварительно эти матеріалы печатались въ журналѣ „Былое" 1906 года. Для введенія авторъ воспользовался біографическимъ очеркомъ Пестеля, помѣщеннымъ въ „Русск. біогр. Словарѣ", издав. подъ ред. А. А. Половцова. *Ред.*

Выдвинутый же обвинительнымъ актомъ на первое мѣсто, Пестель не принималъ участія ни въ этихъ мятежныхъ дѣйствіяхъ, ни въ непосредственной ихъ подготовкѣ. Онъ былъ арестованъ какъ разъ накапунѣ памятныхъ событій на Сенатской площади, а именно 13 декабря, далеко отъ Петербурга, въ мѣстечкѣ Линцахъ, на югѣ Кіевской губерніи, гдѣ стоялъ подъ его командой Вятскій пѣхотный полкъ.

Чтобы возмѣстить недостатокъ важнаго обвиненія въ непосредственномъ участіи въ мятежѣ, Сперанскій, составляя обвинительный актъ, постарался оттѣнить сугубую виновность Пестеля по другимъ пунктамъ обвиненія. Онъ утверждалъ, что Пестель не только „умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи", но и „съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ". Онъ утверждалъ далѣе, сознательно допуская преувеличеніе, что Пестель управлялъ Южнымъ Тайнымъ Обществомъ „съ неограниченною властію".

Другой обвинитель Пестеля, секретарь слѣдственнаго комитета, Боровковъ, правильно говоря, что онъ „безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ Общества съ самаго вступленія въ оное", что онъ „господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ", вмѣстѣ съ тѣмъ, преувеличивая значеніе Пестеля въ Обществѣ, утверждалъ, что онъ „самовластно управлялъ Южнымъ Обществомъ" и что онъ „былъ главою Общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій".

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе виновнымъ, чѣмъ другіе виднѣйшіе декабристы. Но по существу дѣла ему, конечно, принадлежало среди нихъ первое мѣсто. Онъ былъ первымъ изъ нихъ по силѣ дарованій и по силѣ вліянія. Если онъ не принималъ непосредственнаго участія въ мятежѣ, то зато имѣлъ громадное значеніе въ устройствѣ и развитіи Тайнаго Общества. Онъ не былъ „самовластнымъ главою Общества и тайною пружиною всѣхъ его дѣйствій", но несомнѣнно, что въ нѣкоторые важные моменты жизни Общества его дѣятельность имѣла рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу заговора. Когда на московскомъ съѣздѣ 1821 года Союзъ Благоденствія былъ закрытъ, Пестель рѣшительно возсталъ противъ рѣшенія съѣзда и немедленно организовалъ изъ членовъ общества, жившихъ на югѣ, Южное Обще-

ство, въ видѣ отдѣла Союза Благоденствія, закрытія котораго онъ не признавалъ. Это устройство Южнаго Общества оказало сильное вліяніе на устройство въ Петербургѣ Сѣвернаго Общества также изъ членовъ Союза Благоденствія.

Пестель не имѣлъ „неограниченной власти“ надъ Южнымъ Обществомъ; онъ имѣлъ въ немъ даже очень незначительную власть, потому что настойчивыя старанія его объ образованіи сильнаго, сплоченнаго общества не увѣнчались успѣхомъ. Но онъ имѣлъ вообще громадное значеніе въ исторіи Тайныхъ Обществъ, какъ Южнаго, такъ и Сѣвернаго, не силою власти, которую онъ имѣлъ, какъ одинъ изъ директоровъ, а силою своихъ исключительныхъ дарованій,—„силою примѣра“, какъ опредѣлилъ его значеніе Сперанскій.

Одно уже то, что онъ былъ членомъ Тайнаго Общества, придавало особое значеніе и вѣсъ этому Обществу, внушало многимъ увѣренность въ его силѣ и вліяніи. Сила его личности заставляла многихъ преувеличивать значеніе его, какъ главнаго дѣятеля Тайнаго Общества, держащаго въ рукахъ всѣ нити заговора. Въ Петербургѣ, среди главныхъ дѣятелей Общества (какъ Никита Муравьевъ и князь Трубецкой), распространено было преувеличенное мнѣніе о вліяніи Пестеля и значеніи Общества, имъ организованнаго на югѣ. Извѣстіе, что Пестель ѣдетъ въ Петербургъ, произвело среди нихъ въ концѣ 1823 года тревогу и смущеніе. Они заранѣе насторожились, опасаясь вліянія Пестеля и его упрековъ въ бездѣятельности. Никита Муравьевъ говоритъ съ княземъ Трубецкимъ, что „для узнанія мыслей и состоянія Общества Пестеля надобно показать ему что-нибудь здѣсь образованное“, и спѣшно организуетъ „управу“ изъ трехъ членовъ.

Въ запискахъ современниковъ, въ томъ числѣ и не принадлежавшихъ къ Тайному Обществу, сохранилось нѣсколько замѣчательныхъ отзывовъ о Пестелѣ. Всѣ, и даже враги его, говорятъ о немъ, какъ о личности съ исключительными дарованіями.

Во время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, сюда, въ апрѣлѣ 1821 года пріѣхалъ Пестель проѣздомъ, по дѣламъ службы. Онъ навѣстилъ поэта и произвелъ на него сильное впечатлѣніе. „Утро провелъ съ Пестелемъ—записалъ Пушкинъ въ дневникѣ.—Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ

одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю". Пушкинъ записалъ въ дневникъ и поразившее его замѣчаніе Пестеля о матеріализмѣ: „Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y réfuse".

Начальники второй арміи, въ которой служилъ Пестель, были о немъ самаго высокаго мнѣнія. Начальникъ штаба, графъ П. Д. Киселевъ (извѣстный, между прочимъ, какъ сторонникъ освобожденія крестьянъ), не удалялъ отъ себя Пестеля, несмотря на неоднократные совѣты своихъ петербургскихъ друзей, и съ увлеченіемъ вспоминалъ впослѣдствіи о вечерахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Главнокомандующій, графъ Витгенштейнъ говорилъ, что Пестель вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ, и на посту министра и въ командованіи арміей.

Въ запискахъ протоіерея казанскаго собора, Мысловскаго, духовника декабристовъ, находимъ не только сочувственный, но прямо восторженный отзывъ о Пестелѣ: „Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, какъ по данному ему воспитанію. такъ и по твердости духа... Быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокій, тактикъ военный превосходный... Никто изъ подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ комиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ вынести тяжесть двухъ альпійскихъ горъ. Въ комиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и съ какимъ-то самомнѣніемъ".

Декабристы въ своихъ запискахъ также согласно говорятъ о замѣчательномъ умѣ Пестеля, объ обширности его познаній, о его краснорѣчіи, о силѣ его характера. Князь Оболенскій говоритъ о „свѣтломъ умѣ", объ „убѣдительномъ дарѣ слова" Пестеля и признается, что ему „трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ". Лореръ видитъ въ немъ человѣка „геніальнаго", „одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени". Басаргинъ разсказываетъ, что Пестель былъ „человѣкомъ высокаго, яснаго и положительнаго ума", что онъ „излагалъ свои мысли съ такою логикою, такою послѣдовательностью и съ такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія".

Очевидное безспорное превосходство Пестеля надъ своими товарищами по Обществу и его громадное вліяніе на нихъ легко обнаружилось на слѣдствіи изъ отвѣтовъ обвиняемыхъ. Оно видно было даже изъ такихъ осторожныхъ отвѣтовъ, какъ отвѣтъ кн. А. П. Барятинскаго, сказавшаго на слѣдствіи, что Пестель „безъ сомнѣнія всѣхъ болѣе былъ уважаемъ на счетъ ума и познаній политическихъ". А неосторожные отвѣты давали слѣдователямъ не только факты, но и готовыя фразы для формулировки обвиненія; Басаргинъ показывалъ, что „Пестель, одаренный отъ природы способностями выше обыкновенныхъ", былъ „главною пружиною дѣйствій общества" (эти слова повторилъ Боровковъ), что онъ былъ „основаніемъ, на которомъ все зданіе было устроено".

Нѣкоторые же изъ обвиняемыхъ чрезвычайно усиливали тяжелое положеніе Пестеля въ судѣ, такъ какъ, стараясь спасти себя, приписывали свое участіе въ Обществѣ единственно гибельному вліянію Пестеля. Они не щадили его, изображая его коварнымъ злодѣемъ, прибѣгавшимъ для завлеченія членовъ къ обманамъ и угрозамъ ядомъ и кинжаломъ.

Комитетъ ставилъ подсудимымъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: „Кто изъ членовъ наиболѣе стремился къ распространенію и утвержденію мнѣній, и къ самому начатію дѣйствій Общества совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на другихъ?"

„Какъ мнѣ извѣстно—отвѣтилъ на этотъ вопросъ поручикъ Крюковъ 2-й — одинъ Пестель".

„Полковникъ Пестель—отвѣтилъ командиръ казанскаго пѣхотнаго полка П. В. Аврамовъ — надъ всѣми тульчинскими членами имѣлъ поверхность и, можно сказать, одинъ дѣйствовалъ".

Къ этому онъ прибавилъ еще слѣдующее, гибельное для Пестеля, размышленіе:

„Ежеминутно обдумывая горестное мое положеніе, могу сказать, что ввергнутъ въ оное не собственнымъ преступнымъ какимъ-либо желаніемъ, но чрезъ обманъ меня полковникомъ Пестелемъ, злѣйшимъ изъ людей, съ коими я встрѣчался когда-либо въ жизни моей".

Другіе обвиняемые объясняли комитету, какъ поддавались они Пестелю, соглашаясь противъ воли съ его мнѣніями, не имѣя силъ противостоять его авторитету. Одинъ приписывалъ свое участіе въ обществѣ главнымъ образомъ его „настоятельству"; другой раз-

сказывалъ, какъ „непримѣтно умы увлечены и приготовлены были вліяніемъ Пестеля".

Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая, надменная увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ силахъ, въ своемъ правѣ на господство надъ другими людьми — таковы основныя черты личности Пестеля, рано создавшія ему славу исключительнаго по своимъ дарованіямъ человѣка.

Вѣра въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣра въ силу разума составляли отличительныя свойства его ума. Подобно французскимъ мыслителямъ и дѣятелямъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го, онъ въ своихъ рѣшеніяхъ политическихъ вопросовъ не считался съ сложными условіями исторической обстановки и вѣрилъ въ возможность немедленнаго, неуклоннаго осуществленія идеи во всей ея логической чистотѣ. Истинный сынъ своего времени, великой революціонной эпохи, онъ, подобно якобинцамъ и подобно родственному имъ по духу Наполеону, вѣрилъ въ торжество идеи и въ возможность осуществленія своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ революціоннымъ путемъ, вопреки какимъ бы то ни было общественнымъ условіямъ, какимъ бы то ни было условіямъ времени и мѣста.

Этимъ духомъ времени объясняются тѣ положенія „Русской Правды", которыя на первый взглядъ кажутся странными по своей крайней прямолинейности. На „Русскую Правду" Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ Временному Верховному Правленію, и онъ полагалъ, что существованіе этого наказа—ясной программы новаго республиканскаго строя—должно предупредить всѣ смуты и неустройства, какія обыкновенно сопутствуютъ революціи. „Русская Правда — писалъ онъ — служитъ для Россіи ручательствомъ, что временное верховное правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ такой грамотѣ ввергнулъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междоусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя предъ собою яснаго и полнаго наставленія... Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло".

Свойственная Пестелю непреклонная, фанатическая преданность идеѣ мѣтко охарактеризована въ слѣдующихъ словахъ декабриста Якушкина: „Пестель умно и упорно защищалъ свое

мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрилъ въ математическую истину. Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, упорно трудился надъ дѣломъ Тайнаго Общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что Тайное Общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе".

„Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался" — говоритъ Якушкинъ. — Холодную безстрастность Пестеля отмѣчаютъ и другіе современники. Логическій умъ соединялся въ немъ съ сильно развитой волей, подавлявшей чувство. Сильная воля придавала смѣлость и рѣшительность его дѣйствіямъ. Въ Тайномъ Обществѣ онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно, даже иногда слишкомъ рѣшительно, до неосторожности. Съ солдатами и офицерами своего полка онъ для поддержанія дисциплины обращался строго, иногда до жестокости, сознательной, по разсчету. Въ 1821 году, когда его сдѣлали командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, который считался худшимъ во всей южной арміи, онъ успѣлъ въ короткое время ввести въ немъ желѣзную дисциплину. „Началъ я—разсказывалъ онъ самъ — съ штабъ и оберъ-офицеровъ; строгость противъ нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко батальонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многаго требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты". Когда же, несмотря на всѣ старанія, солдаты, вслѣдствіе „закоренѣлой лѣности", сдѣлали недостаточные успѣхи, онъ послѣ одного смотра подвергнулъ всѣхъ передовыхъ строгому наказанію, по жестокимъ военнымъ правиламъ того времени.

Нескрываемое сознаніе своего превосходства вносило въ отношенія Пестеля къ людямъ черту надменной повелительности. Когда нужно, онъ умѣлъ быть любезнымъ и тонкимъ. Но обыкновенно онъ ждалъ и требовалъ подчиненія, упорно настаивая. Онъ не „обворожалъ" членовъ Общества и не всегда ихъ убѣждалъ, но чаще подавлялъ ихъ своей логикой и своею настойчивостью. Въ показаніяхъ декабристовъ, обвинявшихъ Пестеля въ томъ, что онъ подчинилъ ихъ своему вліянію, слышится иногда старая затаенная обида.

„Помню, — разсказываетъ одинъ изъ тульчинскихъ членовъ, Давыдовъ, — объ одномъ собраніи у князя Волконскаго. Пестель говорилъ о разныхъ предметахъ своихъ проектовъ... Противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мнѣній уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастію, разговорахъ“.

Павелъ Ивановичъ Пестель родился въ Москвѣ 24 іюня 1793 года, въ годъ утвержденія во Франціи первой республиканской конституціи, которая была однимъ изъ источниковъ его республиканской „Русской Правды“.

Отецъ его, Иванъ Борисовичъ, былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. „Достойно замѣчанія—говоритъ Гречъ — что первенствующимъ изъ заговорщиковъ былъ сынъ жестокосерднаго проконсула“. Біографы Ив. Бор. Пестеля, однако, выяснили, что онъ не былъ повиненъ въ злоупотребленіяхъ сибирской администраціи до ревизіи Сперанскаго, что онъ былъ жертвой своего довѣрія къ подчиненнымъ, которые широко воспользовались тѣмъ, что онъ, главный начальникъ Сибири, управлялъ краемъ изъ Петербурга. Мать Павла Ивановича Пестеля, Елизавета Ивановна, урожденная Фонъ-Крокъ, была одной изъ замѣчательныхъ женщинъ александровскаго времени по своему образованію и уму; она была очень честолюбива и, горячо любя своего старшаго сына, чрезвычайно гордилась имъ, какъ выдающимся человѣкомъ.

До 12 лѣтъ Пестель воспитывался въ домѣ своего отца. Съ 1805 г., въ теченіе 4 лѣтъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Владиміромъ учился за границею, въ Дрезденѣ, подъ руководствомъ воспитателя Зейделя, впослѣдствіи вступившаго въ русскую службу. По возвращеніи въ Россію Пестель поступилъ, въ маѣ 1810 г., въ старшій классъ пажескаго корпуса. Блестящія способности и прекрасная подготовка обращали на него общее вниманіе въ корпусѣ. Выпускные экзамены 1811 года, въ присутствіи государя, онъ выдержалъ первымъ по списку и былъ записанъ на мраморную доску. Эта доска послѣ событій 14 декабря была разбита.

Въ декабрѣ 1810 г. Пестель былъ произведенъ въ камеръ-пажи и 14 декабря слѣдующаго 1811 года выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій (впослѣдствіи Московскій) полкъ. Въ со-

ставѣ этого полка онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ съ апрѣля 1812 г. до сраженія при Бородинѣ, въ которомъ, подъ самый вечеръ 26-го августа, былъ жестоко раненъ ружейною пулей въ ногу, съ раздробленіемъ костей и поврежденіемъ сухожилій; за отличіе въ этомъ сраженіи онъ получилъ золотую шпагу съ надписью: „за храбрость". Восемь мѣсяцевъ затѣмъ Пестель лѣчился въ Петербургѣ, въ домѣ отца; въ маѣ 1813 г. съ незакрывшейся раной, изъ которой все еще выходили кусочки костей, онъ отправился за границу, въ штабъ дѣйствовавшей арміи, и здѣсь 14 августа назначенъ былъ адъютантомъ къ главнокомандующему, графу Витгенштейну. За отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1813—1814 гг. Пестель получилъ рядъ наградъ до анненскаго креста 2-й степени.

По окончаніи войны Пестель былъ переведенъ въ августѣ 1814 г. въ Кавалергардскій полкъ и съ 1814 г. до 1818 г., состоя адъютантомъ графа Витгенштейна, жилъ въ Митавѣ. Въ 1818 г. графъ Витгенштейнъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 2-й арміи, расположенной на югѣ. Съ этого времени Пестель нѣсколько лѣтъ провелъ въ Тульчинѣ, состоя при главной квартирѣ 2-й арміи, пользуясь величайшей довѣренностью главнокомандующаго, и въ особенности начальника штаба П. Д. Киселева. Друзья Киселева предостерегали его объ опасности сближенія съ Пестелемъ. „Здѣсь говорятъ — писалъ Закревскій въ іюнѣ 1819 г. изъ Петербурга, — что Пестель, адъютантъ его (Витгенштейна), все изъ него дѣлаетъ: возьми свои мѣры. Государь о немъ мнѣнія не перемѣнялъ и не перемѣнитъ. Онъ его, кажется, хорошо знаетъ". „До меня слухи доходятъ — писалъ Закревскій въ сентябрѣ 1820 г., — что тебя въ арміи не любятъ и что ты свободное время проводишь большею частью съ Пестелемъ... И какая связь дружбы соединила тебя съ Пестелемъ, о характерѣ и нравственности котораго ты писалъ мнѣ неоднократно?" Въ отвѣтъ на эти предостереженія Киселевъ указывалъ на достоинства Пестеля и не удалялъ его отъ себя.

Въ началѣ греческаго возстанія Пестель три раза командированъ былъ въ Бессарабію для собранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ Ипсиланти въ Молдавіи. Одна изъ записокъ его по этому дѣлу [1])

---

[1]) Извлеченія напечатаны въ монографіи: „Пестель передъ Верх. Уг. Суд.", подъ № X. *Ред.*

обратила на себя вниманіе императора Александра I, который „остался весьма доволенъ яснымъ изложеніемъ всѣхъ подробностей этого дѣла".

1-го ноября 1821 г. Пестель произведенъ былъ въ полковники и 15 ноября, 27 лѣтъ отъ роду, назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Полкъ этотъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ и считался самымъ худшимъ во всей южной арміи. Его поручили Пестелю въ увѣренности, что онъ сумѣетъ водворить въ немъ дисциплину. Пестель прибылъ къ своему полку въ м. Линцы (иначе Ильинцы), въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, 8 января 1822 г., и не прошло полгода, какъ дивизіонный генералъ, князь Сибирскій, сдѣлавъ смотръ полку, засвидѣтельствовалъ успѣшность стараній молодого командира въ слѣдующихъ нескладныхъ словахъ приказа: „Впрочемъ, хотя и весьма короткое время вступленія полковника Пестеля въ командованіе Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ, по усердіе его и жертвованіе даже собственныхъ денегъ на приведеніе полка не только въ должную исправность, но даже видимое его желаніе сравнить полкъ, ему ввѣренный, съ лучшими,—столь успѣшно и очевидно, что остается только благодарить и ожидать перемѣны по полку во всѣхъ частяхъ и въ столь короткое время". Позднѣе въ приказѣ главнокомандующаго, послѣ смотра въ 1825 г., Вятскій полкъ поставленъ былъ въ числѣ тѣхъ шести полковъ, которые своими успѣхами стали наравнѣ съ лучшими полками во всей арміи.

Біографія Пестеля тѣсно связана съ важнѣйшими моментами общей исторіи декабристовъ. „Изъ всѣхъ насъ—говоритъ Якушкинъ—онъ одинъ почти въ теченіе 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, упорно трудился надъ дѣломъ Тайнаго Общества". Начало этого упорнаго труда совпадаетъ съ началомъ политическихъ тайныхъ обществъ въ александровское время. Въ образованіи перваго изъ этихъ обществъ,—„Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества", которое было прозвано впослѣдствіи „Союзомъ Спасенія", Пестель принялъ дѣятельнѣйшее руководящее участіе.

Иниціатива образованія этого общества принадлежала Александру Николаевичу Муравьеву, 24-хъ-лѣтнему полковнику гвар-

дейскаго генеральнаго штаба, ревностному масону. Впослѣдствіи, года черезъ три, онъ совершенно отстранился отъ своихъ товарищей по обществу, но, по строгому суду Николая I, все-таки былъ наказанъ ссылкою на поселеніе въ Сибирь. Во второй половинѣ 1816 года А. Н. Муравьевъ началъ совѣщанія объ образованіи общества съ молодыми офицерами л.-гв. Семеновскаго полка, извѣстными декабристами Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, съ его братомъ Матвѣемъ и съ И. Д. Якушкинымъ. Къ нимъ присоединился Никита Михайловичъ Муравьевъ, будущій руководитель Сѣвернаго Общества. Но дѣло образованія общества двинулось впередъ только тогда, когда въ концѣ 1816 года Никита Муравьевъ ввелъ въ этотъ кружокъ офицеровъ-„демагаговъ" Пестеля. Уставъ общества написанъ былъ Пестелемъ и принятъ въ засѣданіи 9-го февраля 1817 года [1]).

Взявъ въ свои руки дѣло, начатое А. Н. Муравьевымъ, Пестель довелъ его до конца, оформивъ кружокъ съ неопредѣленными стремленіями въ общество съ опредѣленной программой. Общество было составлено, по образцу масонскихъ и иллюминатскихъ, на правилахъ строгой тайны, клятвъ и угрозы смертью за измѣну; оно ставило своею цѣлью введеніе конституціоннаго порядка. Эта задача и эти правила тайнаго заговора проведены были Пестелемъ вопреки первоначальнымъ намѣреніямъ большинства членовъ учредителей общества. По новизнѣ дѣла они легко, послѣ слабаго протеста, приняли его планъ, невполнѣ сознавая значеніе своего шага. Но они скоро одумались и, основанное Пестелемъ,—„Общество истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества" просуществовало не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ.

Черезъ недѣлю послѣ образованія этого общества Пестель уѣхалъ изъ Петербурга въ Митаву. Большая часть офицеровъ—учредителей общества лѣтомъ того же 1817 года, вмѣстѣ съ частями своихъ полковъ, должна была отправиться въ Москву; здѣсь они съ нѣкоторыми новыми присоединившимися къ нимъ лицами, отвергнувъ уставъ Пестеля, образовали новое общество,—„Союзъ

[1]) Дату, 9 февраля, хорошо запомнилъ князь С. П. Трубецкой, указывающій ее одинаково и въ своихъ показаніяхъ на судѣ и въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ. Онъ, однако, ошибается въ годѣ, относя образованіе общества къ 1816 году. Общество, несомнѣнно, образовалось въ самомъ началѣ 1817 года, такъ какъ указаніе Пестеля на 1817 годъ подтверждается другими извѣстіями.

Благоденствія", съ уставомъ, прозваннымъ по цвѣту переплета „Зеленою Книгою". По своимъ задачамъ и уставу этотъ „Союзъ" рѣзко отличался отъ „Общества сыновъ отечества". Новый союзъ былъ образованъ по типу мирнаго нѣмецкаго „Союза Добродѣтели"—„Тугендбунда". Тайный заговоръ замѣненъ былъ въ немъ „надеждой на доброжелательство правительства" и „медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія". Задачи политическія отошли на второй планъ и выдвинулись задачи „филантропическія": распространеніе нравственности и просвѣщенія.

Пестель сначала не признавалъ новаго „Союза Благоденствія", и, по свидѣтельству Никиты Муравьева, живя въ 1817—1818 гг. въ Митавѣ,—„дѣйствовалъ по правиламъ устава „Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества". Объ этой дѣятельности его въ Митавѣ свѣдѣній не сохранилось. Въ Тульчинѣ же, куда Пестель переѣхалъ въ ноябрѣ 1818 года, онъ дѣйствуетъ уже въ качествѣ члена Союза Благоденствія. По прежнему не соглашаясь съ программой „Зеленой Книги", онъ вступилъ въ Союзъ только для того, чтобы дѣятельно пропагандировать среди членовъ его свою собственную революціонную программу.

Въ Тульчинъ, въ маѣ 1819 г., чрезъ полгода по пріѣздѣ сюда Пестеля, пріѣхалъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ сторонниковъ программы Союза Благоденствія, полковникъ Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ, строго ограничивавшій задачи Союза „медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія", распространеніемъ просвѣщенія, благотворительности и нравственности". Въ лицѣ его Пестель встрѣтилъ энергичнаго противника и долженъ былъ въ 1819—1820 гг. вести съ нимъ борьбу за вліяніе на тульчинскихъ членовъ общества. „Пестель"—говоритъ Бурцовъ—„сначала поддѣлывался къ моему мнѣнію; но впослѣдствіи началъ противъ онаго возставать, къ чему склонялъ и своихъ пріятелей, какъ насмѣшками, такъ и убѣжденіемъ. Онъ утверждалъ, что для образованія нравовъ нужны вѣка, но что подлежитъ исправить правленіе, отъ коего уже и нравы исправятся". Частые споры обострили отношенія между ними, а члены Общества къ 1820 году раздѣлились на два кружка, сторонниковъ Пестеля и сторонниковъ Бурцова [1]).

---

[1]) Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ, командиръ Украинскаго пѣхотнаго полка, былъ привлеченъ къ слѣдствію, содержался въ Бобруйской крѣпости до 12-го

Въ ноябрѣ 1819 года Пестель пріѣзжаетъ въ отпускъ въ Петербургъ и остается здѣсь полгода, до мая 1820 года. Это его второе пребываніе въ Петербургѣ, такъ же какъ первое, въ 1816—1817 гг., и третье, въ 1824 году (о чемъ рѣчь ниже), имѣетъ важное значеніе въ исторіи Тайнаго Общества. Пестель своими рѣчами вноситъ оживленіе въ собранія петербургскихъ членовъ „Союза Благоденствія" и увлекаетъ ихъ къ рѣшеніямъ, несоотвѣтствовавшимъ настроенію большинства и мирнымъ задачамъ Союза. Далеко выходя за рамки „Зеленой Книги", Пестель выдвигаетъ свою программу утвержденія республики революціоннымъ путемъ. Склонивъ на свою сторону Никиту Муравьева и Сергѣя Муравьева-Апостола, онъ дѣятельно пропагандируетъ свой планъ республиканскаго переворота среди другихъ членовъ Союза. Выдающимся моментомъ дѣятельности его въ этомъ направленіи было засѣданіе Думы Союза въ квартирѣ полковника Ѳ. Н. Глинки [1]) въ началѣ 1820 года. На этомъ засѣданіи Пестель сдѣлалъ докладъ о выгодахъ и невыгодахъ монархической и республиканской формъ правленія, и результатомъ доклада было то, что всѣ присутствовавшіе члены признали преимущество республиканскаго строя.

Зная умѣренные взгляды большинства членовъ Союза, Пестель искусно поставилъ вопросъ, въ видѣ теоретическаго разсужденія о преимуществахъ двухъ формъ правленія. Впослѣдствіи въ своихъ показаніяхъ онъ несомнѣнно преувеличивалъ значеніе рѣшенія, принятаго на этомъ собраніи, когда утверждалъ, что этимъ рѣшеніемъ республика была принята единогласно за цѣль общества. Вопросъ о введеніи республики въ Россіи обсуждался въ другомъ собраніи, въ квартирѣ полковника И. П. Шипова, вскорѣ послѣ

іюля 1826 года; приказомъ 8-го апрѣля 1826 года былъ переведенъ въ Колыванскій пѣхотный полкъ на Кавказъ. По свидѣтельству Н. В. Басаргина, убитъ былъ на войнѣ подъ Байбуртомъ въ сраженіи въ 1829 году.

[1]) Извѣстный поэтъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, авторъ „Опытовъ священной поэзіи", Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, былъ членомъ Союза Благоденствія съ 1819 года (принятъ былъ Новиковымъ), вышелъ послѣ московскаго съѣзда 1821 года. Содержался въ крѣпости съ 11 марта 1826 года. Выпущенъ въ іюнѣ и высланъ въ Петрозаводскъ, съ приказаніемъ служить по гражданской части. Раньше служилъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку. Въ 1830 году переведенъ въ Тверь; съ 1835 г. жилъ въ Москвѣ; умеръ въ 1880 году.

указаннаго засѣданія [1]). Пестель и Никита Муравьевъ, поддерживая другъ друга, развивали планъ введенія республики путемъ цареубійства и учрежденія временнаго правленія. Но этотъ планъ не встрѣтилъ сочувствія въ большинствѣ присутствовавшихъ. Блюститель Коренной Думы Союза, князь Илья Долгорукій [2]) началъ возражать Никитѣ Муравьеву, и засѣданіе окончилось рѣзкимъ споромъ между ними, съ „личными колкостями".

Возвратившись изъ Петербурга въ Тульчинъ, къ серединѣ 1820 года, Пестель воспользовался рѣшеніемъ собранія въ квартирѣ Глинки, чтобы укрѣпить въ средѣ тульчинскихъ членовъ Союза свой республиканскій планъ. Начавъ дѣйствовать болѣе энергично, онъ къ концу этого года привлекъ въ общество четырехъ новыхъ членовъ и организовалъ, по правиламъ „Зеленой Книги", Тульчинскую Думу, съ предсѣдателемъ и блюстителемъ, и съ регулярными засѣданіями.

Въ январѣ и февралѣ 1821 года въ Москвѣ состоялся съѣздъ коренныхъ членовъ „Союза Благоденствія" и представителей управъ. Обстоятельства сложились такъ, что Пестелю, несмотря на его желаніе, не удалось присутствовать на этомъ съѣздѣ. Изъ Тульчина на съѣздъ прибыли два умѣреннѣйшихъ члена, Бурцовъ и Комаровъ. Они вернулись съ рѣшеніемъ о закрытіи Союза. Пестель рѣшительно возсталъ противъ этого рѣшенія и, склонивъ на свою сторону нѣсколько тульчинскихъ членовъ, положилъ начало Южному Обществу. Воодушевленные его рѣчами, 8 тульчинскихъ членовъ, послѣ выхода изъ общества Бурцова и Комарова, постановили не признавать закрытія Союза, реорганизовали Тульчинскую Думу, выбрали трехъ предсѣдателей (Пестеля, Юшкевскаго и Никиту Муравьева) и затѣмъ согласно приняли республиканскую и революціонную программу Пестеля.

Въ числѣ участниковъ этихъ засѣданій было нѣсколько чело-

---

[1]) Полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка Иванъ Павловичъ Шиповъ, членъ Союза, вышедшій изъ него въ 1821 году. Послѣ допроса „оставленъ безъ вниманія".

[2]) Князь Илья Андреевичъ Долгорукій, полковникъ, адъютантъ Вел. кн. Михаила Павловича, былъ членомъ Союза Спасенія, затѣмъ Союза Благоденствія. Съ конца 1819 г. до начала 1820 года былъ блюстителемъ. Вышелъ изъ Общества послѣ московскаго съѣзда 1821 года. Былъ допрошенъ, но дѣло его „осталось безъ дальнѣйшаго слѣдствія".

вѣкъ, которые согласились съ Пестелемъ только потому, что были увлечены его рѣчами и общимъ воодушевленіемъ собранія, и затѣмъ вскорѣ прекратили свою дѣятельность въ обществѣ. „Происходившее въ семъ совѣщаніи—писалъ впослѣдствіи одинъ изъ нихъ,—представляется мнѣ, какъ неясный сонъ“ [1]).

Но среди нихъ были и такіе, которые впослѣдствіи сохранили вполнѣ преданность дѣлу Тайнаго Общества. Это были: 1) Алексѣй Петровичъ Юшневскій, генералъ-интендантъ 2-й арміи, второй директоръ Южнаго Общества, осужденный по 1-му разряду преступниковъ на каторжныя работы и умершій въ селеніи Оекъ, близъ Иркутска, въ 1844 году. 2) Князь Александръ Петровичъ Барятинскій, служившій въ Тульчинѣ адъютантомъ командующаго 2-й арміей, штабъ-ротмистръ л.-гв. гусарскаго полка,—философъ-матеріалистъ и поэтъ (издалъ книгу французскихъ стиховъ: „Часы досуга въ Тульчинѣ“) [2])—душою преданный Пестелю и, подъ его вліяніемъ, обществу, онъ былъ осужденъ на каторгу по 1-му разряду, умеръ въ крайней бѣдности въ Тобольскѣ въ 1844 году. 3) Николай Александровичъ Крюковъ 2-й, поручикъ квартирмейстерской части, углублявшійся въ изученіе философскихъ и политическихъ книгъ, такой же матеріалистъ, какъ князь Барятинскій, и также преданный Пестелю. Дѣятельность его по Обществу выразилась, между прочимъ, въ томъ, что онъ изъ своихъ товарищей офицеровъ квартирмейстерской части, бывшихъ на съемкѣ въ Подольской губерніи, привлекъ въ Обще-

---

[1]) Послѣ засѣданій начала 1821 года отдалились отъ Пестеля и отъ Общества, осужденные впослѣдствіи на каторгу, по 2-му разряду: 1) адъютантъ 2-й арміи, поручикъ Николай Васильевичъ Басаргинъ, авторъ „Записокъ“ (напечатаны въ „XIX-мъ вѣкѣ“ Бартенева, кн. I, 1822 г.), умеръ въ Москвѣ въ февралѣ 1861 года; 2) адъютантъ 2-й арміи, ротмистръ кавалергардскаго полка, Василій Петровичъ Ивашевъ, въ 1821 году очень близкій къ Пестелю и жившій у него на квартирѣ; умеръ въ ссылкѣ въ Туринскѣ 28 декабря 1840 г.; 3) штабъ-лѣкарь Христіанъ Богдановичъ Вольфъ, умеръ въ Тобольскѣ 24 декабря 1854 г.; 4) адъютантъ, поручикъ Александръ Александровичъ Крюковъ 1-й, умеръ въ Брюсселѣ въ 1861 г. и 5) осужденный на каторгу по 4-му разряду, полковникъ казанскаго пѣхотнаго полка Павелъ Васильевичъ Аврамовъ, умершій 5 ноября 1836 г. въ ссылкѣ, въ селеліи Оекъ, Иркутской губерніи.

[2]) „Quelques heures des loisir à Toulchin“, I. Pétersbourg, 1824. Одна поэма съ посвященіемъ Пестелю.

ство нѣсколько человѣкъ. Онъ былъ осужденъ на каторгу по 2-му разряду и умеръ въ Минусинскѣ въ 1854 году.

Послѣ засѣданій въ началѣ 1821 года, положившихъ начало Южному Обществу, вторымъ важнымъ моментомъ въ развитіи его были совѣщанія въ январѣ 1822 года, на кіевскихъ „контрактахъ“, то-есть на Крещенской ярмаркѣ въ Кіевѣ (съ 15 января по 1 февраля). Здѣсь къ Пестелю и Юшневскому присоединились трое видныхъ членовъ бывшаго Союза Благоденствія—князь С. Г. Волконскій, В. Л. Давыдовъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, авторъ извѣстныхъ „Записокъ“, осужденный по 1-му разряду (умеръ въ 1865 году въ своемъ имѣніи въ Черниговской губ.), былъ генералъ-маіоромъ и бригаднымъ командиромъ и жилъ на югѣ Кіевской губерніи, въ гор. Умани. Василій Львовичъ Давыдовъ, осужденный также по 1-му разряду и умершій на поселеніи въ Красноярскѣ въ 1855 году, жилъ въ это время отставнымъ подполковникомъ въ своемъ богатомъ имѣніи Каменка, въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Оба они съ января 1822 года были, наравнѣ съ Юшневскимъ, вѣрными сторонниками Пестеля, всецѣло подчинялись его вліянію, хотя и не проявляли большой активности. Съ января 1823 года, когда на кіевскихъ контрактахъ состоялся второй съѣздъ шестерыхъ виднѣйшихъ дѣятелей Общества, они составили Правую или Каменскую управу, названную такъ по имѣнію Давыдова „Каменка“. Это имѣніе такъ же, какъ Кіевъ во время ярмарки, былъ пунктомъ, куда съѣзжались члены Общества, пріурочивая съѣзды къ семейному празднику Давыдова (именины его матери, 24 ноября). Дѣятельность Волконскаго и Давыдова по Обществу проявлялась главнымъ образомъ въ участіи въ этихъ съѣздахъ и сношеніяхъ съ членами Сѣвернаго Общества при ихъ поѣздкахъ въ Петербургъ. Руководимая ими Каменская управа пріобрѣла только трехъ новыхъ членовъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ былъ Александръ Викторовичъ Поджіо, отставной подполковникъ, пылкій итальянецъ,— „пламенный членъ Общества, неукротимый въ словахъ и сужденіяхъ“. Поджіо, такъ же какъ Юшневскій, Волконскій и Давыдовъ, былъ осужденъ по 1-му разряду; его личность и его жизнь послѣ каторги на поселеніи около Иркутска въ Усть-Кудѣ, и потомъ за границей (умеръ въ 1873 году), живо и тепло описаны въ воспоминаніяхъ д-ра Н. А. Бѣлоголоваго.

На съѣздѣ въ январѣ 1822 года къ Обществу Пестеля присоединился Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, раньше Семеновскій офицеръ, теперь подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, и вслѣдъ за нимъ на съѣздѣ слѣдующаго года — его другъ Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ Полтавскаго полка. Эти двое были казнены, какъ преступники внѣ разрядовъ. Они выдѣлялись изъ всѣхъ членовъ Южнаго Общества, какъ его наиболѣе активныя силы. Въ 1824 и 1825 гг. они постоянно настаивали на приступѣ къ дѣйствіямъ, и послѣ ареста Пестеля, въ первыхъ числахъ января 1826 года смѣло подняли знамя возстанія и взяты были съ оружіемъ въ рукахъ. Въ противоположность другимъ, преданнымъ Пестелю, руководителямъ Общества, они пылко стремились къ дѣйствіямъ и, признавая авторитетъ Пестеля, противъ его воли, увлекали его за собой. Они присоединили къ Южному Обществу открытое ими Общество Соединенныхъ Славянъ; они же первые начали сношенія съ Польскимъ Обществомъ. Въ числѣ привлеченныхъ ими къ Обществу новыхъ членовъ было трое, имѣвшихъ значеніе по своему служебному положенію, какъ полковые командиры, И. С. Повало-Швейковскій, А. З. Муравьевъ и В. К. Тизенгаузенъ [1]). С. И. Муравьевъ-Апостолъ поддерживалъ также связь съ Обществомъ своего брата Матвѣя, отставного подполковника, который, живя въ Петербургѣ, былъ въ 1821—1824 гг. посредникомъ между Южнымъ и Сѣвернымъ Обществомъ [2]).

Съ 1823 года С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ были руководителями Васильковской управы, называвшейся такъ по сел. Васильковъ. Васильковская управа къ концу 1824 г.

---

[1]) Иванъ Степановичъ Повало-Швейковскій, полковникъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, осужденъ по 1-му разряду, умеръ на поселеніи въ Курганѣ въ 1845 году.—Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, полковникъ командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, осужденъ по 1-му разряду, умеръ, къ Урикѣ, около Иркутска, въ 1864 году. — Василій Карловичъ Тизенгаузенъ, полковникъ, командиръ Полтавскаго полка, осужденъ по 7-му разряду, жилъ на поселеніи въ Ялуторовскѣ, умеръ въ Нарвѣ въ 1853 г.—Кромѣ того, Василій Ивановичъ Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части, осужденъ по 8-му разряду (ссылка на поселеніе на 20 лѣтъ).

[2]) Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ осужденъ по 1-му разряду, но каторга была замѣнена ему ссылкой въ Вилюйскъ, Якутской области; умеръ въ Москвѣ въ 1886 г.

была по числу членовъ, считая примыкавшее къ ней Общество Соединенныхъ Славянъ, больше обѣихъ другихъ управъ вмѣстѣ, Тульчинской и Каменской. Она была, какъ указывалъ Пестель на слѣдствіи, очень дѣятельна, но и дѣйствовала часто независимо отъ Директоріи, состоявшей изъ двухъ лицъ: Пестеля и Юшневскаго. Въ виду этого, съ цѣлью сплотить Общество, Пестель незадолго до своего ареста ввелъ Муравьева-Апостола въ Директорію въ качествѣ третьяго директора Общества.

Таковы были главныя личныя силы Южнаго Общества, виднѣйшіе его дѣятели, постепенно объединенные усиліями Пестеля на совѣщаніяхъ въ началѣ 1821 года и на съѣздахъ 1822 и 1823 гг. Общество окончательно организовалось въ теченіе 1823 года на съѣздахъ главныхъ его представителей въ январѣ и въ ноябрѣ мѣсяцахъ, когда оно раздѣлено было на три управы, и когда С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ приняли всецѣло программу Пестеля. Программа эта въ обѣихъ ея частяхъ: планъ переворота и планъ новаго государственнаго устройства,—къ 1823 году была уже вполнѣ разработана Пестелемъ. „Русская Правда" вчернѣ была написана во всѣхъ ея основныхъ частяхъ, и Пестель приступилъ уже къ окончательной отдѣлкѣ рукописи [1]).

Планъ государственнаго устройства, развитый въ „Русской Правдѣ", отличался глубокимъ демократизмомъ. Изъ трехъ принциповъ Великой Французской Революціи: Свобода, Равенство, Братство Пестель проникся особенно вторымъ: Равенство. Полное „Равенство гражданъ", въ цѣляхъ „возможно большаго благоденствія всѣхъ и каждаго" (по принципу Бентама) составляетъ основную идею „Русской Правды". „Гражданскія общества — писалъ Пестель—а слѣдовательно и государства, составлены для возможно большаго благоденствія всѣхъ и каждаго, а не для блага нѣкоторыхъ, за устраненіемъ большинства людей. Всѣ люди въ государствѣ имѣютъ одинаковое право на всѣ выгоды, государствомъ доставляемыя, и всѣ имѣютъ равныя обязанности нести всѣ тягости, нераздѣльныя съ государственнымъ устройствомъ. Изъ сего явствуетъ, что всѣ люди въ государствѣ должны непремѣнно быть передъ закономъ равны и что всякое постановленіе, нарушающее

[1]) Глава I переписана набѣло на бумагѣ съ водяными знаками 1821 г. Часть главы II и III переписана на бумагѣ съ знаками 1823 и 1824 года.

сіе равенство всѣхъ передъ закономъ, есть нестерпимое зловластіе (деспотизмъ), долженствующее непремѣнно быть уничтоженнымъ".

Съ этой точки зрѣнія, Пестель рѣзко высказывается противъ какихъ бы то ни было сословныхъ преимуществъ, какъ старой „феодальной аристократіи", такъ и новой „аристократіи богатствъ". Сословный строй онъ называетъ „пагубнымъ, безразсуднымъ, зловреднымъ", потому что сословія „однимъ только пристрастіемъ дышатъ" и „для пресыщенія корысти нѣсколькихъ людей жестокую оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа". Онъ считаетъ необходимымъ „всякую даже тѣнь аристократическаго порядка, хоть феодальнаго, хоть на богатствѣ основаннаго, совершенно устранить и навсегда удалить. Намѣчая реформы для введенія въ Россіи новаго гражданскаго строя, основаннаго на равенствѣ, Пестель съ особою силою обличаетъ крѣпостное право, какъ „дѣло постыдное, противное человѣчеству, противное законамъ естественнымъ, противное святой вѣрѣ христіанской, противное, наконецъ, заповѣдной волѣ Всевышняго, гласящаго въ священномъ писаніи, что люди предъ нимъ всѣ равны", и настаивая на „рѣшительномъ уничтоженіи рабства", говоритъ: „дворянство должно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми".

Во имя полнаго равенства гражданъ, Пестель всему „народу" предоставляетъ всеобщее и равное избирательное право. Онъ стремится къ тому, чтобы никто „не былъ зловластно отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ исключенъ", чтобы „строгое соблюдено было безпристрастіе противъ всѣхъ и каждаго", чтобы „гибельный обычай даровать нѣкоторымъ людямъ привилегіи, за исключеніемъ массы народной, былъ совершенно уничтоженъ", чтобы граждане при выборахъ не были ничѣмъ стѣснены и не были принуждаемы взирать ни на сословіе, ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства. Выборы, по его проекту, въ „верховное законодательное" учрежденіе (Вѣче) должны были быть, однако, не прямыми, а двустепенными. Народное собраніе волости, состоящее изъ всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости, избираетъ представителей въ „Окружное Намѣстное Собраніе", а это послѣднее и избираетъ представителей въ „Народное Вѣче".

Для „утвержденія истиннаго благоденствія всѣхъ и каждаго",

Пестель не ограничивается равенствомъ въ области политическихъ и гражданскихъ правъ, но идетъ дальше, въ область экономическую, и считаетъ нужнымъ „установить возможность для каждаго человѣка пользоваться необходимымъ для его житія". Не дойдя до отрицанія собственности, Пестель сдѣлалъ попытку согласить существованіе частной собственности съ правомъ каждаго на необходимыя средства къ жизни, разработавъ любопытный проектъ аграрной реформы,—„раздѣленія земель". Этотъ проектъ, изложенный въ „Русской Правдѣ", составлялъ одно изъ основныхъ положеній его программы, на которомъ онъ упорно настаивалъ предъ сотоварищами по Тайному Обществу. „Въ отношеніи права собственности на землю — писалъ Пестель — существуетъ два главныхъ мнѣнія. Первое мнѣніе, что „земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ". По другому мнѣнію, напротивъ того, „труды и работы суть источники собственности, и тотъ, который землю удобрилъ и оную способной сдѣлалъ къ произведенію разныхъ произрастаній, исключительное долженъ на ту землю имѣть право обладанія". „Сіи два мнѣнія — говоритъ Пестель — совершенно другъ другу противорѣчатъ, между тѣмъ какъ каждое изъ нихъ много истиннаго и справедливаго содержитъ". Примиряя эти мнѣнія, онъ не отвергаетъ права собственности, но считаетъ необходимымъ обезпечить каждому гражданину обладаніе землей въ мѣрѣ, необходимой для поддержанія жизни: „установивъ возможность для каждаго человѣка пользоваться необходимымъ для житія... надлежитъ полное дать обезпеченіе и совершенную свободу пріобрѣтенія и сохраненія изобилія". Соотвѣтственно этому, земли каждой волости должны быть раздѣлены на двѣ половины: земли общественныя и частныя. „Земля общественная будетъ всему волостному обществу совокупно принадлежать и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждаго", для доставленія всѣмъ гражданамъ необходимаго. Другая половина земель „предназначается для образованія частной собственности, для доставленія изобилія".

Въ своемъ увлеченіи равенствомъ, Пестель рѣшительно отрицалъ всякія національныя отличія племенъ и народностей, принадлежащихъ къ одному государству. Онъ хотѣлъ сдѣлать свое

эгалитарное демократическое государство единымъ и тѣсно сплоченнымъ. „Всѣ племена — писалъ онъ — должны быть слиты въ одинъ народъ“, и требовалъ обрусительныхъ мѣръ не только въ отношенiи различныхъ русскихъ племенъ, но и въ отношенiи финляндцевъ, евреевъ и другихъ,—чтобы „слить всѣхъ въ одну общую форму“. Онъ опасался разнородности частей и федеративнаго устройства, полагая, что они ослабляютъ внѣшнее могущество государства, что, вслѣдствiе разнородности частей, Россiя „скоро потеряетъ не только свое величество, могущество и силу, но даже, можетъ быть, и бытiе свое между большими или главными государствами“. Исключенiе Пестель допускалъ только для Польши и, не находя возможнымъ достичь ея обрусенiя, требовалъ для нея полной независимости. „Благо государства — разсуждалъ онъ — требуетъ тѣснаго объединенiя племенъ; но, разъ подчиненная народность слишкомъ сильна для полнаго подчиненiя и имѣетъ историческiя права на самостоятельное нацiональное существованiе, то же благо государства требуетъ ея отдѣленiя. Въ польскомъ вопросѣ „право народности“ побѣжденнаго должно брать верхъ надъ „правомъ благоудобства“ побѣдителя [1]).

Государство преобразованное на указанныхъ демократическихъ уравнительныхъ началахъ, должно было, по плану Пестеля, имѣть республиканскую форму правленiя. Законодательная верховная власть поручалась Народному Вѣчу, изъ народныхъ представителей, избранныхъ на 5 лѣтъ [2]). Верховная исполнительная власть ввѣрялась Державной Думѣ изъ 5 членовъ, избранныхъ народомъ также на 5 лѣтъ. Кромѣ законодательнаго Вѣча и исполнительной Думы, Пестель считалъ необходимымъ еще третье верховное учрежденiе съ властью блюстительной,— „дабы тѣ двѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ“. Эту власть онъ поручалъ

---

[1]) „Русская Правда“ обстоятельно разсмотрѣна, съ указанiемъ ея иностранныхъ источниковъ, въ изслѣдованiи В. И. Семевскаго—„Вопросъ о преобразованiи государственнаго строя Россiи“: „Былое“, 1906, № 3. Текстъ „Русской Правды“, по списку Н. Ф. Дубровина, изданъ въ 1906 г. П. Е. Щеголевымъ. Раньше, въ 1902 году „Русская Правда“ была изложена въ моей статьѣ о Пестелѣ, въ „Русскомъ Бiографическомъ Словарѣ“, нѣсколько сокращенной редакцiею, по цензурнымъ соображенiямъ.

[2]) Законы основные,—„завѣтные“, могли измѣняться только путемъ референдума, путемъ передачи ихъ „на сужденiе всей Россiи“.

особому Верховному Собору изъ 120 бояръ, назначаемыхъ на всю жизнь. Въ этомъ проектѣ онъ близко слѣдовалъ французскому политику Детю-де-Траси, книга котораго „Комментарій къ „Духу Законовъ“ Монтескье“ оказала на него большое вліяніе, по его собственному признанію [1]).

Достигнуть утвержденія такой демократической республики въ Россіи Пестель надѣялся путемъ военнаго переворота и предоставленія полноты власти на переходные годы реформы Временному Верховному Правленію. „Русская Правда“ должна была служить наказомъ этому правленію, и власть ввѣрялась ему съ обязательствомъ въ преобразованіи государственнаго строя точно слѣдовать началамъ, изложеннымъ въ этомъ наказѣ.

Диктатура Временнаго Верховнаго Правленія представлялась Пестелю необходимой, потому что онъ не надѣялся провести свой планъ преобразованій чрезъ представительное учрежденіе. „Представительный соборъ — писалъ онъ въ „Русской Правдѣ“—не может быть созванъ, ибо начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ“. Въ осуществимость же своего плана военнаго переворота онъ вѣрилъ, основываясь на примѣрѣ современныхъ ему революцій въ Испаніи, Португаліи и Неаполѣ.

Эти же революціи убѣждали его въ необходимости поставить цѣлью переворота республику, а не конституціонную монархію, потому что примѣры реставраціи абсолютизма въ Испаніи и Португаліи давали ему „неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя“. И чтобы предотвратить возможность реставраціи абсолютизма, Пестель, со свойственной ему смѣлой послѣдовательностью, пришелъ къ мысли о необходимости не только цареубійства, но и истребленія всѣхъ членовъ императорской фамиліи, какъ возможныхъ претендентовъ на престолъ. Этотъ смѣлый шагъ, какъ рѣшительный кровавый разрывъ съ прошлымъ, долженъ былъ обезпечить трудную преобразовательную работу

[1]) Comte Destutt de-Tracy. Commentaire sur l'esprit des Loix de Montesquieu; Парижское изд. 1819 г. Нѣкоторые его называютъ по-русски: Дестютъ де-Траси.

Временнаго Верховнаго Правленія. Поэтому, какъ ни пугалъ многихъ его планъ, онъ твердо настаивалъ на недостаточности одного только цареубійства.

При первомъ же знакомствѣ съ А. В. Поджіо (въ концѣ 1824 г.), Пестель, объяснивъ ему всѣ основанія своего плана, старался убѣдить его въ необходимости истребленія всей императорской семьи. Поджіо подробно разсказалъ на слѣдствіи объ этой первой встрѣчѣ своей съ человѣкомъ,— „славой котораго—говоритъ онъ— всѣ уши мои были полны; я столько зналъ, столько слышалъ, что онъ уже не могъ меня удивить ни умомъ, ни умышленіями, ничѣмъ". Пестель началъ „съ азбуки въ политикѣ, преступленіи и дѣйствіи"; „затѣмъ, — разсказываетъ Поджіо — ввелъ меня въ свою республику". Наконецъ,—„приступилъ къ заговору о совершеніи невѣроятнаго покушенія".

-- „Давайте—мнѣ говоритъ—считать жертвы". И руку свою сжалъ, чтобы производить счетъ ужасный сей по пальцамъ.

Видя Пестеля передъ собой, я сталъ называть, а онъ считать. Дойдя до женскаго пола, онъ остановилъ меня, говоря:

— „Знаете ли, что это дѣло ужасное!"

— „Я не менѣе васъ въ томъ увѣренъ"...

Сейчасъ же послѣ сего опять та же рука стала предо мной. И ужасное число было тринадцать!

Наконецъ, остановившись, онъ, видя мое молчаніе, говоритъ такъ:

„Но этому и конца не будетъ! Ибо также должно будетъ покуситься и на особъ фамиліи, въ иностранныхъ краяхъ находящихся".

„Да, — я говорю — тогда точно уже конца ужасу сему не будетъ, ибо у всѣхъ великихъ княгинь есть и дѣти",—говоря, что для сего провозгласить достаточно отрѣшенія отъ всякаго наслѣдствія, (и) добавивъ впрочемъ: „Кто захочетъ столь окровавленнаго престола".

Вслѣдъ за симъ онъ мнѣ говоритъ:

„Я препоручилъ уже Барятинскому приготовить мнѣ двѣнадцать человѣкъ, рѣшительныхъ для сего!"

На слѣдствіи Пестель сначала старался доказать, что Поджіо „представилъ этотъ разговоръ въ совершенно превратномъ видѣ", и что они бесѣдовали „безъ всѣхъ этихъ театральныхъ дви-

женій". Но на очной ставкѣ долженъ былъ сознаться, что они „дѣйствительно, жертвы изъ императорской фамиліи считали" [1]).

С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ Рюминъ, принявъ всѣ главные пункты программы Пестеля, согласившись и на цареубійство, долго противились плану истребленія всѣхъ особъ императорскаго дома. На слѣдствіи Муравьевъ-Апостолъ утверждалъ, что онъ всегда считалъ этотъ планъ сумасброднѣйшимъ, и что до конца не соглашался его принять. Но показаніе Пестеля, что Муравьевъ съ Бестужевымъ приняли этотъ планъ на съѣздѣ въ ноябрѣ 1823 года, отвергнутое ими на очныхъ ставкахъ, было подтверждено княземъ Волконскимъ.

Изложенная программа Пестеля цѣликомъ (или съ нѣкоторыми оговорками по этому послѣднему пункту) была въ 1823 году принята всѣми виднѣйшими членами Южнаго Общества: краткое извлеченіе изъ „Русской Правды", названное „Государственнымъ Завѣтомъ", было для многихъ изъ нихъ настоящимъ политическимъ завѣтомъ. Пестель, однако, понималъ, что для успѣха дѣла мало было этого единодушія членовъ Южнаго Общества, что силы этого Общества недостаточны, и направилъ свои усилія на соединеніе Южнаго Общества съ Сѣвернымъ. На этомъ пути его ждало полное разочарованіе.

Связь между Южнымъ и Сѣвернымъ Обществомъ поддерживалъ въ 1823 г. Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, нарочно для этого поселившійся въ Петербургѣ. Но сношенія съ Петербургомъ, за дальностью разстояній, были очень затруднительны; приходилось ждать случайныхъ, большею частью служебныхъ поѣздокъ тульчинскихъ членовъ Общества въ Петербургъ. Въ началѣ 1823 г. Пестель отправилъ къ Никитѣ Муравьеву письмо съ кн. Волконскимъ, въ которомъ извѣщалъ о программѣ Южнаго Общества и просилъ увѣдомить о дѣйствіяхъ Общества въ Петербургѣ. Муравьевъ въ отвѣтъ прислалъ ему свой проектъ конституціи, еще неоконченный. Ознакомившись съ этимъ проектомъ, Пестель, воспользовавшись поѣздкой въ Петербургъ Вас. Давы-

---

[1]) Ср. изложеніе этого показанія А. В. Поджіо въ вопросахъ, предложенныхъ Пестелю (I, § 7.). Показанія Поджіо напечатаны въ книгѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго, „Мемуары декабристовъ", Кіевъ, 1906. Я цитирую ихъ по подлиннику (дѣло Гос. Арх. I В, № 402).

дова въ февралѣ 1823 г., послалъ Муравьеву длинное письмо, въ которомъ оспаривалъ его проектъ и разъяснялъ главныя черты своего конституціоннаго проекта Въ іюнѣ того же года Пестель снова пишетъ Никитѣ Муравьеву (съ княземъ Барятинскимъ), упрекая его въ бездѣятельности и указывая, что „лучше совсѣмъ разойтиться, нежели бездѣйствовать и все-таки опасностямъ подвергаться", и ставя въ примѣръ рѣшительность членовъ Южнаго Общества: „les demi-mesures ne valent rien; ici nous voulons faire maison nette".

Въ мартѣ 1824 года Пестель самъ пріѣхалъ въ Петербургъ и провелъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ [1]). На другой же день по пріѣздѣ, Пестель посѣтилъ князя С. П. Трубецкого и велъ съ нимъ продолжительную бесѣду о дѣлахъ Общества; онъ „жаловался",—говоритъ Трубецкой,—„что здѣсь вовсе ничего нѣтъ, никто ничего не хочетъ дѣлать, Муравьевъ не отвѣчалъ ни по письмамъ, ни по словеснымъ порученіямъ; выхвалялъ свое Общество, какъ оно хорошо устроено, какъ хорошо идетъ, говорилъ, что и здѣсь должно устроить въ такомъ же порядкѣ, что для сего надобно непремѣнныхъ управляющихъ членовъ и совершенное безпрекословное отъ прочихъ къ нимъ повиновеніе, и что надобно слить оба Общества вмѣстѣ, и чтобы управленіе ихъ было одно и то же, т.-е. одни управляющіе члены".

Пестелю не удалось достигнуть этой цѣли объединенія двухъ Обществъ. Главной причиной неуспѣха было принципіальное разногласіе его съ руководителями Сѣвернаго Общества. Политическіе взгляды виднѣйшаго изъ нихъ, Никиты Муравьева, въ это время кореннымъ образомъ расходились со взглядами Пестеля. Измѣнивъ своему прежнему единомыслію съ Пестелемъ, Муравьевъ его республиканско-демократическому проекту противопоставилъ свой проектъ монархически-аристократической конституціи, его единому сплоченному государству – федеративную систему. „Конституція Никиты Муравьева", говорилъ Пестель,—„многимъ членамъ Общества (и, прежде всего, конечно, самому Пестелю) весьма не

[1]) Получивъ отпускъ, Пестель 26 февраля 1824 года пріѣхалъ къ своему отцу въ село Васильево, Краснинскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Отсюда въ мартѣ выѣхалъ въ Петербургъ и вернулся въ имѣніе отца 6 мая. На службу въ сел. Линцы онъ отправился 17 іюля того же года. (Въ „Р. Арх." 1875 года, I, 419, ошибочно указано 17 іюня).

нравилась по причинѣ федеративной его системы, которая походила на древнюю удѣльную систему, и ужасной аристокраціи богатствъ, которая оную созидалась въ обширнѣйшемъ видѣ"; въ ней „правà на занятіе должности по государственной службѣ и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ посредствомъ представительнаго порядка основаны были оба на богатствѣ". При такомъ различіи во взглядахъ, Пестелю, конечно, трудно было добиться единомыслія съ Н. Муравьевымъ.

Другіе руководители петербургскаго Общества не имѣли прочныхъ взглядовъ и готовы были склониться на убѣжденія Пестеля. „Оболенскаго, говоритъ онъ, нашелъ я болѣе всего на республику согласнымъ; Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, то опять оспаривалъ ее". Но Никитѣ Муравьеву удалось ихъ возстановить противъ Пестеля. Переговоры Пестеля въ Петербургѣ свелись къ единоборству съ Муравьевымъ; совѣщанія Общества „походили болѣе на пренія авторскихъ самолюбій", какъ замѣтилъ кн. А. Барятинскій. При первомъ разговорѣ съ Пестелемъ кн. Е. П. Оболенскій „плѣненъ" былъ новостью его мыслей, готовъ былъ принять цѣликомъ его проектъ конституціи и ревностно содѣйствовать соединенію Обществъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ отказался отъ этого, убѣжденный доводами Н. Муравьева и другихъ сочленовъ. Соглашенію сѣверныхъ членовъ съ Пестелемъ мѣшало укорененное въ нихъ Н. Муравьевымъ недовѣріе къ властолюбивому директору Южнаго Общества, опасеніе, что онъ преслѣдуетъ личныя честолюбивыя цѣли. Рылѣевъ и Поджіо (младшій) говорили потомъ, что сѣверные члены отвергли „Русскую Правду", потому что опасались стремленія Пестеля къ диктаторству и потому, что Пестель, будто бы, требовалъ отъ нихъ слѣпого повиновенія одному директору. Довольно было Пестелю въ разговорѣ съ Рылѣевымъ отозваться о Наполеонѣ, что онъ истинно великій человѣкъ, отличавшій не знатность, а дарованія, и возвысившій Францію, какъ Рылѣевъ рѣшилъ, что Пестель выдаетъ себя, что онъ самъ мечтаетъ быть Наполеономъ, и нравоучительно замѣтилъ ему, что „въ наши дни даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ". Въ ожиданіи пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, Никита Муравьевъ предостерегалъ кн. Трубецкого, что Пестель „человѣкъ

опасный и себялюбивый“. Нѣкоторые члены Сѣвернаго Общества думали соединиться съ Южнымъ нарочно для того, чтобы надзирать за Пестелемъ и противодѣйствовать ему. Кн. Трубецкой изъ разговоровъ съ Пестелемъ вынесъ убѣжденіе, что „онъ человѣкъ вредный и не должно допускать его усиливаться, но стараться всевозможно его ослабить“, онъ считалъ необходимымъ сохранить Сѣверное Общество изъ опасенія, что если ихъ Общество распадется, то Пестель „найдетъ средство завести здѣсь отдѣленіе, которое будетъ совершенно отъ него зависѣть“. Руководителямъ Сѣвернаго Общества казалось особенно подозрительнымъ предположеніе Пестеля объ учрежденіи Временнаго Верховнаго Правленія съ почти неограниченною властью. Кн. Трубецкой говорилъ, что въ бесѣдѣ съ Пестелемъ объ этомъ предметѣ онъ далъ ему возможность замѣтить, что подозрѣваетъ его въ личныхъ видахъ. Кн. Трубецкой съ Н. Муравьевымъ въ одномъ изъ разговоровъ съ Пестелемъ долго и возбужденно спорили противъ этого проекта, противъ мысли о деспотической власти Временнаго Верховнаго Правленія. „Они много горячились, а я все время былъ хладнокровенъ“, говоритъ Пестель, но подъ конецъ ихъ возраженія вывели его изъ себя и онъ, измѣнивъ своему хладнокровію, ударилъ по столу рукою, вскочивъ съ своего мѣста. Нѣкоторые прибавляютъ, что онъ воскликнулъ при этомъ: „такъ будетъ же республика!“ Убѣдившись въ несговорчивости руководителей Сѣвернаго Общества, Пестель сдѣлалъ попытку внести расколъ въ это Общество и привлечь на свою сторону одного кн. Трубецкого; онъ предложилъ Трубецкому войти третьимъ членомъ въ южную директорію, въ качествѣ руководителя Сѣвернаго Общества и при этомъ говорилъ, что такъ какъ Юшневскій мало занимается дѣлами, то Трубецкой вдвоемъ съ нимъ будутъ вершителями судебъ обоихъ соединенныхъ Обществъ, Сѣвернаго и Южнаго. Кн. Трубецкой не согласился; „мы разстались, говоритъ онъ, другъ другомъ недовольны“. Пестель вышелъ, сказавъ ему на прощанье: „Стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и подозрѣваетъ въ другомъ личные какіе виды, а послѣдствіе докажетъ, что таковыхъ видовъ нѣтъ“. Никита Муравьевъ показалъ, что въ одномъ засѣданіи, на которомъ онъ не присутствовалъ, Пестелю удалось склонить кн. Трубецкого, Оболенскаго, Рылѣева и другихъ членовъ къ тѣсному соединенію обоихъ Обществъ, съ

установленіемъ общаго начальства, съ порядкомъ рѣшенія дѣлъ большинствомъ голосовъ бояръ — главныхъ петербургскихъ членовъ, подъ условіемъ слѣпого повиновенія прочихъ членовъ ихъ рѣшеніямъ. Муравьевъ показалъ далѣе, что въ послѣдующемъ засѣданіи онъ энергично возсталъ противъ этого соглашенія съ Пестелемъ, и что его слова подѣйствовали: и рѣшено было оставить все по старому до 1826 г., а тогда собрать уполномоченныхъ для выработки общихъ правилъ и для избранія однихъ правителей въ оба Общества. Пестель говоритъ, что въ результатѣ всѣхъ переговоровъ ему удалось только заключить уговоръ со всѣми директорами Сѣвернаго Общества „о единодушномъ дѣйствіи" въ случаѣ крайности,—„что ежели они найдутся въ необходимости дѣйствіе начать, то мы ихъ должны поддержать и обратно они насъ".

Неудача эта произвела сильное впечатлѣніе на Пестеля. Послѣ своей поѣздки въ Петербургъ, онъ, какъ замѣтилъ Н. Муравьевъ, „видимо охладѣлъ къ главнымъ членамъ петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣщалъ прислать свой проектъ конституціи, однакожъ, не прислалъ". Когда кн. Волконскій ѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ 1824 г., Пестель поручилъ ему переговорить о дѣлахъ Общества только съ однимъ княземъ Оболенскимъ. Петербургскіе члены очень интересовались дѣятельностью Пестеля на югѣ, по прежнему относясь къ ней съ недовѣріемъ, и когда князь Трубецкой въ исходѣ 1824 г. по дѣламъ службы отправился въ Кіевъ, то они поручили ему наблюдать за Пестелемъ, который, какъ они говорили, „вовсе отдѣлился" отъ Сѣвернаго Общества.

Этотъ неуспѣхъ въ Петербургѣ парализовалъ энергію Пестеля съ конца 1824 года. Сознавая слабость силъ Южнаго Общества, онъ не спѣшилъ приступать къ осуществленію своего плана и соглашался на начатіе дѣйствій, только уступая настояніямъ пылкаго Сергѣя Муравьева-Апостола. Васильковская управа, руководимая Муравьевымъ, едва не начала мятежа еще въ 1823 г., когда войска 9-й дивизіи 3-го корпуса, въ которой служили офицерами сочлены управы, стояла въ Бобруйскѣ. Въ 1824 г. Муравьевъ, со своими ближайшими единомышленниками, составилъ планъ начать возстаніе во время ожидавшагося высочайшаго смотра войскъ 3-го корпуса въ 1826 году, у Бѣлой Церкви. Онъ предла-

галъ начать съ насильственной смерти императора Александра, затѣмъ мятежными войсками 3-го корпуса занять Кіевъ и итти на Москву въ надеждѣ, что войска, расположенныя на пути, присоединятся къ мятежникамъ, даже безъ предварительнаго уговора, вслѣдствіе общаго недовольства правительствомъ. Сѣверное Общество въ то же время должно было возмутить гвардію и флотъ. Пестель, съ всегда послушными ему Юшневскимъ, Давыдовымъ и кн. Волконскимъ сильно спорили противъ этого плана на кіевскихъ контрактахъ въ январѣ 1825 г. и „совершенно его опровергнули". Пылкіе васильковскіе члены Общества едва не начали возстанія, безъ соглашенія съ Пестелемъ, въ августѣ 1825 г., во время сбора войскъ для маневровъ при мѣстечкѣ Лещинѣ,— по совершенно случайному поводу отнятія команды надъ полкомъ у одного изъ сочленовъ ихъ, Повало-Швейковскаго. По настоянію Швейковскаго, они согласились тутъ же, въ Лещинѣ, отложить начало дѣйствій до мая 1826 г., рѣшившись во что бы то ни стало привести въ исполненіе прежній свой планъ возмущенія у Бѣлой Церкви, во время ожидавшагося высочайшаго смотра. Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ къ Пестелю во второй половинѣ 1825 г. и сообщилъ объ этомъ рѣшеніи васильковской управы. Пестель на этотъ разъ не высказался рѣшительно противъ, но говорилъ, что Южное Общество одно, безъ содѣйствія Сѣвернаго, не можетъ достигнуть успѣха, и что поэтому прежде окончательнаго рѣшенія необходимо получить свѣдѣнія о состояніи и средствахъ Сѣвернаго Общества; князь Трубецкой долженъ былъ въ скоромъ времени ѣхать изъ Кіева въ Петербургъ, и Пестель поручилъ ему собрать тамъ всѣ эти свѣдѣнія. Сознаніе слабости силъ Общества заставляло Пестеля охлаждать рвеніе Муравьева и Бестужева. „Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ", говорилъ Пестель,—„однакожъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него". Опасность открытія заговора, усиливаемая неосторожностью членовъ васильковской управы, побуждала Пестеля относиться болѣе сочувственно къ плану скорѣйшаго начатія мятежа. „Когда отъ разговора съ другими членами, говорилъ онъ Слѣдственной Коммиссіи, мнѣ живо представлялась опасность наша и необходимость дѣйствовать, тогда воспламенялъ я и оказывалъ готовность при необходимости обстоятельствъ начать возмущеніе и въ семъ смыслѣ говорилъ. Но послѣ того, обдумывая хладнокровнѣе, рѣ-

шался я лучше собою жертвовать, нежели междоусобіе начать... Сіе совершеннѣйшая истина".

Нѣкоторые изъ членовъ Общества говорили, что Пестель возлагалъ надежды, между прочимъ, на свой полкъ и подготовлялъ его къ мятежу, и что въ концѣ 1825 г. онъ рѣшилъ даже 1-го января 1826 г. подать знакъ возмущенія со своимъ полкомъ, а именно, по вступленіи полка въ караулъ въ Тульчинѣ, арестовать главнокомандующаго 2-й арміи и начальника штаба. Но Пестель рѣшительно отвергалъ эти свидѣтельства, и слѣдствіе не открыло вѣскихъ уликъ противъ него.

Въ серединѣ ноября правительство уже имѣло вѣрныя свѣдѣнія о заговорѣ. Первый донесъ о немъ унтеръ-офицеръ Шервудъ. Генералъ графъ Виттъ, независимо отъ Шервуда, узнавъ о существованіи Общества въ Тульчинѣ, поручилъ кіевскому помѣщику Бошняку собрать о немъ свѣдѣнія. Бошнякъ былъ принятъ въ члены Общества, но возбудилъ сильныя подозрѣнія въ Пестелѣ. „Послѣ сношенія съ Бошнякомъ, говоритъ онъ, находились мы въ постоянномъ опасеніи". Въ серединѣ ноября Пестель счелъ необходимымъ скрыть свои бумаги. Онъ сжегъ наиболѣе опасныя главы „Русской Правды" о верховномъ управленіи, а остальныя рѣшилъ скрыть. Большой пакетъ, въ которомъ вмѣстѣ съ его бумагами соединены были бумаги двухъ его друзей, князя А. П. Барятинскаго и П. А. Крюкова 2-го, былъ зарытъ въ землю братьями Бобрищевыми-Пушкиными, при участіи Заикина, недалеко отъ Тульчина въ селѣ Кирнавовкѣ.

25 ноября 1825 года Майборода, капитанъ Вятскаго полка, которымъ командовалъ Пестель, принятый имъ въ члены Общества за годъ передъ тѣмъ, представилъ генералъ-лейтенанту Роту донесеніе на Высочайшее имя, въ которомъ сообщалъ о существованіи Тайнаго Общества и предлагалъ открыть всѣ подробности заговора и указать мѣсто, гдѣ хранится „Русская Правда", составленная полковникомъ Пестелемъ. На основаніи этого доноса, 13-го декабря 1825 г. Пестель былъ арестованъ. Главнокомандующій 2-й арміи графъ Витгенштейнъ поручилъ произвести слѣдствіе генералъ-адъютантамъ Чернышеву и Киселеву. Во время нахожденія Пестеля подъ арестомъ, кн. Волконскому удалось обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами. „Prenez courage»,—сказалъ онъ, и Пестель отвѣчалъ: „Je n'en manque pas, ne vous

inquiétez pas“. Онъ обѣщалъ не выдать никого. Изъ 38 вопросовъ, предложенныхъ ему Киселевымъ и Чернышовымъ 22-го декабря 1825 года, Пестель увидѣлъ, что слѣдователи знаютъ уже все существенное о Тайномъ Обществѣ и заговорѣ, но на всѣ вопросы отвѣтилъ незнаніемъ. „Никто изъ членовъ Тайнаго Общества мнѣ неизвѣстенъ“ писалъ онъ въ своихъ письменныхъ отвѣтахъ; „не имѣя никакого понятія объ упоминаемомъ Тайномъ Обществѣ, ничего не могу объяснить о средствахъ, имъ придуманныхъ“; „я никакихъ законовъ не писалъ, и потому главныя черты оныхъ объяснить не могу“...

3 января 1826 года Пестель былъ привезенъ въ Петербургъ. Императоръ Николай въ этотъ день утромъ, собственноручной запиской, приказалъ коменданту Петропавловской крѣпости генералу Сукину: „Пестеля помѣстить въ Алексѣевскій равелинъ, выведя для того Каховскаго, или другого изъ менѣе важныхъ“ (3 января, 12 часовъ пополудни). Пестель былъ помѣщенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ камерѣ № 13; сосѣднія камеры заняты были, № 12 – Бестужевымъ-Рюминымъ, № 14—Кюхельбекеромъ. На другой день съ Пестеля снятъ былъ допросъ. Увидѣвъ изъ вопросовъ генерала Левашева, что слѣдователи знаютъ уже всѣ секреты заговора, Пестель отвѣтилъ на его вопросы признаніемъ. Въ дополненіе къ устнымъ показаніямъ онъ въ ближайшіе дни 7 и 8 января, написалъ еще нѣсколько разъясненій общаго характера о замыслахъ и дѣятельности Общества. Подробныя показанія написаны были имъ въ отвѣтъ на обстоятельные вопросы слѣдственнаго комитета отъ 13 января, числомъ 55, и отъ 1 апрѣля, числомъ 47. Большую тетрадь отвѣтовъ на вопросы 1 апрѣля Пестель писалъ пять дней, какъ видно изъ даты, 6 апрѣля, обозначенной на ней, вмѣстѣ съ подписью. Съ января по апрѣль мѣсяцъ его многократно вызывали въ слѣдственный комитетъ для допросовъ по отдѣльнымъ пунктамъ обвиненія и для очныхъ ставокъ съ другими подсудимыми. Въ протоколѣ слѣдственнаго комитета 1 апрѣля записано: „Допрашиванъ полковникъ Пестель. Вообще казался откровеннымъ и на всѣ вопросы отвѣчалъ удовлетворительно; многія показанія, на него слѣланныя, призналъ справедливыми, многія совершенно отвергъ“.

Всѣ бумаги слѣдствія переданы были Верховному Уголовному Суду, учрежденному указомъ 1 іюня 1826 года и открывшему

свои дѣйствія 3 іюня. Существо судебнаго разбирательства свелось къ опредѣленію разрядовъ подсудимыхъ по степени вины каждаго. Для этой работы Верховный Уголовный Судъ избралъ изъ своей среды „разрядную комиссію" подъ предсѣдательствомъ М. М. Сперанскаго, получившаго наибольшее число голосовъ при выборахъ членовъ этой комиссіи. Явившись, такимъ образомъ, главнымъ вершителемъ судьбы различныхъ декабристовъ, Сперанскій выработалъ основанія для сравнительного опредѣленія силы вины каждаго изъ нихъ. По указаніямъ Сперанскаго и частью имъ самимъ составлены были краткія записки о силѣ вины каждаго изъ обвиняемыхъ.

Записка о силѣ вины Пестеля [1]) послужила основаніемъ для слѣдующаго опредѣленія его преступленій, изложеннаго въ докладѣ Верховнаго Уголовнаго Суда:

„Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ; учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ Тайнымъ Обществомъ, имѣвшимъ цѣлью бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ Имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію Общества привлеченіемъ другихъ" [2]).

Установивъ 12 разрядовъ преступниковъ, Верховный Судъ пятерыхъ: Пестеля, Рылѣева, Муравьева-Апостола, Бестужева-

---

[1]) Напечатано подъ № VI въ монографіи „Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ". *Ред.*

[2]) Секретарь Слѣдственнаго Комитета такъ опредѣлялъ вину Пестеля: „Изъ показаній Пестеля и его сообщниковъ открывается, что онъ безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ Общества съ самаго вступленія по самое его арестованіе. Онъ не только самовластно управлялъ Южнымъ Обществомъ, но имѣлъ рѣшительное вліяніе и на дѣла Сѣвернаго. Онъ господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ его разрушить существующій образъ правленія, ниспровергнуть престолъ и лишить жизни августѣйшихъ особъ императорскаго дома. Словомъ, онъ былъ главою Общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій".

Рюмина и Каховскаго выдѣлилъ въ особый списокъ „внѣ разрядовъ“. Судъ нашелъ, что „превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія“, и приговорилъ ихъ къ смертной казни четвертованіемъ. Вслѣдствіе указа Николая I отъ 10 іюля 1826 года четвертованіе замѣнено было повѣшеніемъ.

Когда Пестель, по выслушаніи приговора въ сенатѣ, вернулся въ крѣпостной казематъ, его, какъ лютеранина, посѣтилъ пасторъ Рейнботъ. „Я дрожалъ—разсказывалъ объ этомъ свиданіи пасторъ,—но онъ былъ твердъ и сказалъ: «Я даже не разслышалъ, что хотятъ съ нами дѣлать; но все равно, только скорѣе“».

Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Петропавловской крѣпости 13 іюля 1826 года.

Матеріалисты двадцатыхъ годовъ [1]).

I.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, незадолго до возстанія 14 декабря, въ Москвѣ возникъ кружокъ молодыхъ философовъ, упивавшихся „магическими струями“ „небесной“ философіи Шеллинга. Эти шеллингіанцы,—„идеалисты двадцатыхъ годовъ“, славятся, какъ предшественники знаменитыхъ идеалистовъ гегельянцевъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Они, дѣйствительно, очень замѣтны въ общемъ рисункѣ нашего умственнаго развитія, какъ начало одной изъ наиболѣе блестящихъ его линій. Они, однако, мало замѣчательны сами по себѣ, и не они типичны для нашихъ двадцатыхъ годовъ. Въ эти годы шеллингіанцы были новаторами, они стояли въ сторонѣ отъ главнаго теченія времени, которое завершилось столь незначительнымъ по обстановкѣ и столь крупнымъ по своему историческому значенію мятежемъ на Сенатской площади и при Бѣлой Церкви. Шеллингъ былъ чуждъ декабристамъ, за исключеніемъ немногихъ случайныхъ ихъ товарищей. Декабристы были учениками французскихъ писателей, политиковъ прежде всего, а въ области философской—французскихъ матеріалистовъ или, точнѣе, сенсуалистовъ. Типичными представителями двадцатыхъ годовъ были не мечтательные поклонники нѣмецкой небесной метафизики, а политики и матеріалисты, воспитанные на французской литературѣ Вѣка Просвѣщенія.

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Былое“, 1907, іюль. *Ред.*

Идеалисты двадцатыхъ годовъ не знали мѣры въ нападкахъ на французскую литературу, на сухость и разсудочную холодность французскаго классицизма и эмпиризма; они противопоставляли имъ свободный романтизмъ и радость утоленія духовной жажды изъ источника знанія. Но французская литература также питала въ своихъ ученикахъ высокое воодушевленіе, особое воодушевленіе борьбы. Матеріалисты также томились жаждой знанія, но утоляли ее не изъ нѣмецкой натурфилософіи, а изъ французской „Системы природы" Гольбаха, идущей безъ страха до крайняго отрицанія. Ученики французовъ не удалялись отъ жизни въ монашескую келью философіи и уроками философовъ пользовались для своихъ политическихъ цѣлей. Источникомъ ихъ воодушевленія была борьба съ дѣйствительностью, и въ этой борьбѣ отрицаніе церкви и религіи у нихъ тѣсно соединялось съ отрицаніемъ стараго политическаго строя. Отъ своихъ учителей французовъ XVIII вѣка они усвоили горячее стремленіе къ „благу общему", къ „благу человѣчества". Это благо человѣчества достигнуто будетъ тогда, когда настанетъ царство разума, когда разумъ разгонитъ тьму предубѣжденій и предразсудковъ,—„свергнетъ къ землѣ идоловъ" разнаго рода, какъ писалъ ученикъ Вѣка Просвѣщенія Радищевъ. Въ стѣнѣ предубѣжденій, преграждающихъ путь въ вольное царство разума, одинаково гибельны предразсудки и суевѣрія средневѣковой церкви, какъ и средневѣковой рабской монархіи. „Гибельная цѣпь заблужденій и пороковъ, изнуряющихъ человѣчество—говорила одна изъ первыхъ боевыхъ книгъ XVIII вѣка—идетъ отъ алтаря и трона" [1]).

У насъ въ началѣ XIX вѣка декабристы стояли передъ такою же стѣною отжившихъ учрежденій, какъ французы передъ революціей; тамъ монархія опиралась на католичество; у насъ самодержавіе опиралось на православіе. Ихъ боевое отрицаніе направлено было одновременно противъ церкви и противъ самодержавія и рабства. Воодушевленіе ихъ въ этой борьбѣ было сильнѣе воодушевленія „идеалистовъ", потому что оно шло до самопожертвованія, до готовности нѣкоторыхъ изъ нихъ „жертвовать всѣмъ для блага общаго".

---

[1]) Dumarsais, „Essai sur les préjugé", 1750, гл. III, с. 78.

II.

Идеалисты шеллингіанцы двадцатыхъ годовъ были очень немногочисленны. Германская философія долго не имѣла у насъ успѣха, хотя въ Петербургѣ, въ Медико-Хирургической Академіи профессоръ Велланскій началъ излагать философію природы уже съ 1805 года, вскорѣ послѣ появленія первыхъ сочиненій Шеллинга (1795—1803). Этотъ нѣсколько чудаковатый натурфилософъ, малороссъ родомъ, Данило Велланскій (или, по прозванію отца, Кавунникъ), вернулся въ 1805 году изъ заграничной ученой командировки большимъ поклонникомъ „Шеллингова огненнаго пера, жгущаго степныя селенія дряхлой учености". Новое ученіе онъ излагалъ въ 1805 году въ „Пролюзіи къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ" и въ 1812 году въ обширномъ „Біологическомъ изслѣдованіи природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ". Въ этихъ сочиненіяхъ онъ мало останавливался на главныхъ положеніяхъ системы Шеллинга, и развивалъ не его „философію тожества", замѣчательный опытъ монистическаго воззрѣнія на міръ, а его „натурфилософію", увлекаясь его произвольными объясненіями началъ физики, химіи и физіологіи. И въ этихъ объясненіяхъ Данило Велланскій слѣдовалъ даже не самому Шеллингу, а больше его ученику, натурфилософу Окену [1]).

Велланскій постоянно жаловался на „слабое вниманіе публики" къ его философскимъ сочиненіямъ, а о своей „Пролюзіи" говорилъ, что она „большею частью принята была за одну насмѣшку обыкновенной учености". Большій успѣхъ выпалъ на долю другого шеллингіанца десятыхъ годовъ, профессора педагогическаго института (преобразованнаго въ 1819 году въ петербургскій университетъ), Александра Ивановича Галича (собственно Говорова), любимаго лицейскаго учителя Пушкина. Изданная имъ въ 1818—1819 гг. въ двухъ томахъ, замѣчательная для своего времени,

---

[1]) „Систему натуральной философіи" профессора Окена („Lehrbuch der Naturphilosophie") Велланскій изложилъ въ своемъ „Обозрѣніи главныхъ содержаній философическаго естествопознанія", изданномъ въ 1815 году. Обозрѣніе, изложенное въ 93-хъ §§ должно было служить руководствомъ къ лекціямъ. Велланскій не издалъ полнаго перевода Окена, только въ виду „слабаго вниманія публики къ таковымъ сочиненіямъ".

„Исторія философскихъ системъ“ заканчивалась популярнымъ очеркомъ системы Шеллинга и нашла себѣ многихъ читателей. Но Галичъ не имѣлъ замѣтныхъ послѣдователей; его профессорская дѣятельность была очень рано, въ 1821 году, насильственно прервана изгнаніемъ изъ университета (вмѣстѣ съ тремя другими извѣстными профессорами, Арсеньевымъ, Германомъ и Раупахомъ); его обвинили въ томъ, что онъ „явно предпочитаетъ язычество христіанству, распутную философію—дѣвственной невѣстѣ, Христовой церкви, безбожнаго Канта—Христу, а Шеллинга—Духу Святому.

Современникъ этихъ двухъ профессоровъ шеллингіанцевъ, московскій профессоръ И. И. Давыдовъ оставался въ десятыхъ годахъ вѣрнымъ господствовавшей у насъ французской философіи. Давыдовъ не былъ за границей, въ Германіи, какъ Велланскій и Галичъ; онъ учился въ Россіи и усвоилъ изъ распространенныхъ здѣсь книгъ и воззрѣній высокое уваженіе къ французскому эмпиризму. Въ 1815 году онъ напечаталъ диссертацію: „О преобразованіи въ наукѣ, произведенномъ Бэкономъ“, а въ 1820 году—„Опытъ руководства къ исторіи философіи“, въ которомъ вполнѣ обнаружилъ свое сочувстіе къ французской философской школѣ. Изъ нѣмецкихъ философовъ онъ оцѣнилъ одного Канта, но и ему не хотѣлъ уступить первенства предъ французскими мыслителями, и особенно Кондильякомъ. Подавляемый Кантомъ, но болѣе сочувствующій Кондильяку, онъ рѣшилъ дать имъ равныя по значенію мѣстá въ философіи. Назвавъ Канта „Аристотелемъ Германіи“, онъ тутъ же оговорился, что Кондильякъ имѣлъ бы предъ нимъ „первенство“,—„если бы болѣе любилъ древнихъ, не презиралъ бы совершенно ученіе среднихъ вѣковъ и короче ознакомился съ современными философами, особливо съ учеными германцами“. Сочувствуя „французской школѣ“, Давыдовъ писалъ, что она „превосходитъ прочія ясностью и простотою формы, благородною разборчивостью, ненавистью къ восторженной мечтательности“. Въ изданныхъ въ 1821 году „Начальныхъ основаніяхъ логики“ онъ слѣдуетъ также, главнымъ образомъ, прежнимъ своимъ учителямъ Локку и Кондильяку. Но тутъ, уже поддавшись вліянію отчасти Галича, и, главнымъ образомъ, молодого московскаго профессора Павлова, онъ измѣняетъ ясности и положительности Кондильяка для восторженной мечтательности Шеллинга. Онъ присоединяетъ къ своей книгѣ предисловіе, несогласованное съ ея содержаніемъ,—

въ духѣ новаго ученія Шеллинга. Въ этомъ предисловіи онъ предлагаетъ „по руководству Шеллинга, съ которымъ первый въ отечествѣ нашемъ познакомилъ насъ почтенный профессоръ Галичъ, обозрѣть то, что необходимо для духовнаго совершенства“ [1]), и вслѣдъ затѣмъ начинаетъ проводить идеи Шеллинговой системы среди воспитанниковъ благороднаго пенсіона при университетѣ, въ которомъ онъ служилъ инспекторомъ [2]).

Наиболѣе замѣчательнымъ профессоромъ шеллингіанцемъ былъ Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, начавшій свои блестящія лекціи въ московскомъ университетѣ, послѣ своего возвращанія изъ Германіи въ 1820 г. Онъ занималъ каѳедру физики и сельскаго хозяйства на физико-математическомъ отдѣленіи университета, но вмѣсто этихъ предметовъ читалъ введеніе къ философіи. „Павловъ— говоритъ Герценъ—стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?..“ Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такой пластической ясностью, которой никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ“ [3]).

Подъ вліяніемъ лекцій Павлова нѣсколько студентовъ московскаго университета (1821—1824 гг.) углубились въ изученіе нѣмецкой философіи и особенно „твореній“ Шеллинга, забросивъ всѣ остальныя занятія. Они тѣсно сблизились между собой на почвѣ общихъ занятій германскимъ „любомудріемъ“, какъ они называли германскую философію въ отличіе отъ „философіи“ французской. По окончаніи университета, въ 1824 году, друзья поступили вмѣстѣ на службу въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и скоро получили извѣстность въ московскомъ дворянскомъ обществѣ подъ именемъ „архивныхъ юношей“. Вдохновителемъ этого кружка былъ молодой поэтъ Д. В. Веневитиновъ,

[1]) См. М. Филипповъ, „Судьбы русской философіи“: „Русск. Бог.“, 1894, № 8. Здѣсь же въ № 1, 3, 4 о другихъ шеллингіанцахъ. О нихъ же: П. Милюковъ, „Главныя теченія русской исторической мысли“, гл. III.

[2]) Изъ устроенныхъ имъ литературныхъ собраній воспитанниковъ возникло литературное общество, такъ называемое Раичевское (по имени переводчика Тасса, С. Е. Раича, учителя пансіона). Изъ этого общества вскорѣ выдѣлился философскій кружокъ.

[3]) Сочин. А. И. Герцена, т. II, с. 309—310.

игравшій въ немъ приблизительно такую же роль, какую позднѣе въ кружкѣ гегельянцевъ тридцатыхъ годовъ игралъ Н. В. Станкевичъ; онъ такъ же, какъ Станкевичъ, умеръ безвременно на 22-мъ году жизни, въ 1827 году. Наиболѣе близки къ Веневитинову были князь В. Ѳ. Одоевскій, двое будущихъ славянофиловъ И. В. Кирѣевскій и А. И. Кошелевъ и Рожалинъ. Они впятеромъ образовали въ 1824 году „Общество любомудрія", облекши его строгой тайной. Собранія происходили въ квартирѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, подъ его предсѣдательствомъ; говорилъ больше всего Веневитиновъ и „своими рѣчами—вспоминаетъ Кошелевъ—часто приводилъ насъ въ восторгъ" [1]).

Къ этому кружку юношей (изъ нихъ старшему кн. Одоевскому было въ 1824 году 21 годъ), примкнулъ человѣкъ старшаго поколѣнія, поэтъ В. К. Кюхельбекеръ (ему было уже въ это время 26—27 лѣтъ). Кюхельбекеръ не особенно интересовался философіей, но въ своей спеціально литературной области онъ проводилъ взгляды, родственные философіи своихъ друзей. Онъ отстаивалъ новую нѣмецкую эстетику и писалъ въ новомъ родѣ народнаго романтизма. Въ юности Кюхельбекеръ былъ увлеченъ „общимъ потокомъ" французскаго вліянія; въ его литературной дѣятельности это вліяніе выразилось въ томъ, что онъ, по его словамъ, „руководствовался въ словесности и эстетикѣ правилами французской школы Лагарпа, Батте и прочихъ"; въ это же время онъ живо интересовался политикой и „повторялъ и говорилъ, что тогда повторяла и говорила сплошь вся почти молодежь, и не только молодежь". Въ 1820-мъ году онъ ѣздилъ за границу, въ 1821—1822 гг. служилъ въ Грузіи, затѣмъ годъ прожилъ въ деревнѣ, и въ 1824 году онъ появляется въ Москвѣ другомъ московскихъ любомудровъ, очень далекихъ отъ политики. Къ этому времени онъ вовсе оставилъ эстетическія правила французской школы и „держался преимущественно нѣмцевъ, особенно же Шеллинга, Шлегеля и Лессинга" [2]).

Въ 1824—1825 гг. въ тѣ же годы, когда въ Петербургѣ издавалась знаменитая „Полярная Звѣзда" Рылѣева и А. А. Бесту-

[1]) Записки А. И. Кошелева, изд. въ Берлинѣ, и біографія его, изданная П. Колюпановымъ.

[2]) Госуд. Архивъ, I В. № 345 л. 92: показанія Кюхельбекера.

жева (1823—1825 гг.), кн. В. Ѳ. Одоевскій въ Москвѣ, въ сотрудничествѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ издаетъ альманахъ „Мнемозину", этотъ интересный памятникъ новаго умственнаго движенія 20-хъ годовъ, идеалистическаго въ философіи и романтическаго въ литетурѣ. „Мнемозина, собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ", издана была въ 4-хъ частяхъ; первыя три вышли въ теченіе 1824 года, четвертая въ началѣ 1825 года [1]). Это—небольшія книжки въ малую осьмушку; на нихъ старомодный, кажущійся теперь наивнымъ, отпечатокъ. Обложка символизируетъ сочетаніе поэзіи съ философіей: лиру обвиваетъ внизу змѣя, на лирѣ—сова и надъ нею вверху семь звѣздъ. Въ ряду сотрудниковъ—Пушкинъ; двѣ его превосходныя вещи: „Мой демонъ" и „Къ морю". Поэты—Баратынскій, Языковъ, князь Вяземскій. Особенно много романтическихъ стихотвореній, историческихъ поэмъ и прозы Кюхельбекера. Въ числѣ литографій—портретъ Байрона. Кромѣ рисунковъ приложены ноты наивныхъ романсовъ того времени Віельгорскаго и кн. Одоевскаго (на слова татарской пѣсни Пушкина) и изъ оперы Верстовскаго.

Видное мѣсто въ „Мнемозинѣ" занимали небольшія философскія статьи. Здѣсь помѣщена была статья учителя юныхъ любомудровъ, профессора Павлова,—„О способахъ изслѣдованія природы", за подписью π π и двѣ статьи князя Одоевскаго: „Афоризмы изъ различныхъ писателей по части современнаго германскаго любомудрія" и отрывокъ изъ начатаго имъ словаря исторіи философіи, о греческой философской школѣ,—„сектѣ идеалистико-елеатической" (Ксенофанъ, Парменидъ, Зенонъ). Поклонникъ Шеллинга обратилъ вниманіе на эту греческую школу, потому что она „вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ была, какъ бы предтечею возвышенныхъ мыслей самого божественнаго Платона", и черезъ Платона была „основаніемъ теоріи многихъ новѣйшихъ мыслителей, далеко оставившихъ за собою всѣ усилія прежде бывшихъ любомудровъ" [2]).

Павловъ и Одоевскій развивали нѣкоторыя основныя положенія системы Шеллинга. Павловъ краснорѣчиво доказывалъ безсиліе опытности, безсиліе эмпиризма объяснить порядокъ и гармонію

---

[1]) Цензурныя помѣтки 17 января, 14 апрѣля (М. Каченовскаго), 13 и 16 октября 1824 г. (С. И. Снегирева).

[2]) „Мнемозина", ч. II и IV.

природы. Только умозрительная философія, доказывалъ онъ, можетъ „сорвать завѣсу, сокрывающую отъ насъ пружины сей гармонической машины, открыть причину всѣхъ ея несмѣтныхъ движеній и тамъ, при самомъ началѣ дѣятельности природы, водрузить знамя истины,—словомъ, образовать общую теорію природы и при ея свѣтѣ благоговѣйною мыслію погружаться въ дѣла Всесотворшаго". Одна опытность недостаточна: необходимо восполнить опытъ умозрѣніемъ. Главное содержаніе статьи Павлова и состоитъ въ обоснованіи умозрѣнія, какъ особаго источника философскаго знанія. Онъ говоритъ объ основномъ камнѣ системы Шеллинга, о „чудной способности" самосознанія, самосозерцанія, интеллектуальнаго воззрѣнія, того особаго внутренняго опыта, того самосозерцанія духа, на которомъ Шеллингъ основалъ все свое ученіе, до воззрѣнія на міръ, какъ на самосозерцаніе абсолюта.—Въ согласіи со статьей Павлова, князь Одоевскій въ своихъ афоризмахъ, не называя Шеллинга, излагаетъ коротко основное положеніе его системы, говоря о тожествѣ истинно Отвлеченнаго (идеальнаго) съ истинно Вещественнымъ (реальнымъ) и объ абсолютѣ, какъ идеѣ сего совершеннаго единства Отвлеченнаго съ Вещественнымъ. Съ другой стороны, Кюхельбекеръ въ статьѣ „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе", возставая противъ французскаго „мнимаго классицизма", восхваляетъ новое романтическое направленіе,—„свободу изобрѣтенія, новость и народность" романтической поэзіи.

Политическое движеніе этихъ лѣтъ ничѣмъ не отразилось въ „Мнемозинѣ". „Полярная Звѣзда", насколько позволяла цензура, говорила въ „Думахъ" Рылѣева о возстаніи на „утѣснителей народа", о „свободѣ", искупаемой жертвами. Кружокъ „любомудровъ", издававшій „Мнемозину", стоялъ въ сторонѣ отъ этого движенія. Онъ относился къ политикѣ безъ той враждебности, съ какою нѣсколько позже одинъ изъ членовъ кружка, И. Кирѣевскій, писалъ о „глупомъ либерализмѣ" и о замѣнѣ его „уваженіемъ къ законамъ". Погруженные въ философію любомудры относились къ политикѣ не враждебно, но индифферентно. 1825 годъ заставилъ ихъ выйти изъ ихъ философскаго уединенія.

Весною 1825 года Рылѣевъ пріѣхалъ въ Москву; молодые философы познакомились съ нимъ на вечерѣ у М. М. Нарышкина

(декабриста), гдѣ онъ читалъ свои „Думы". Его стихи и его „рѣзкія рѣчи" оставили въ нихъ сильнѣйшее впечатлѣніе.

Насталъ декабрь мѣсяцъ. „Никогда не забуду—пишетъ Кошелевъ—того потрясающаго дѣйствія, которое произвели на насъ первыя извѣстія о 14 декабря". Члены кружка пришли въ большое волненіе: они собирались уже не для философскихъ бесѣдъ, а для обсужденія политическихъ новостей. Собранія ихъ, въ связи съ прежней ихъ славой философовъ, показались опасными властямъ. При архивѣ былъ поставленъ караулъ. „Солдаты были снабжены патронами. Командовалъ не унтеръ-офицеръ, даже не простой офицеръ, а цѣлый маіоръ. Воображали, кажется, что архивные юноши произведутъ подражаніе петербургскому возмущенію". Въ Москвѣ ходили слухи о готовящемся грандіозномъ возстаніи на югѣ; говорили, что Ермоловъ идетъ съ своими кавказскими войсками на Москву. „Эти слухи были такъ живы и положительны, и казались такъ правдоподобными, что Москва или, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ. Мы, нѣмецкіе философы, забыли Шеллинга и Канта, ѣздили всякій день въ манежъ въ фехтовальную залу учиться верховой ѣздѣ и фехтованію и, такимъ образомъ, готовились къ дѣятельности, которую мы себѣ предназначали" [1]).

Это невинное фехтованіе не имѣло для „архивныхъ юношей" никакихъ опасныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что они поспѣшили закрыть свое общество любомудрія: уставъ и протоколы общества были торжественно сожжены.

Примыкавшій къ ихъ кружку Кюхельбекеръ былъ глубже захваченъ потокомъ времени. Въ апрѣлѣ 1825 года онъ переѣхалъ въ Петербургъ и, поддавшись вліянію Рылѣева и другого князя Одоевскаго, Александра Ивановича, декабриста, въ ноябрѣ вступилъ въ Сѣверное Тайное Общество. 14 декабря онъ явился на Сенатскую площадь, стрѣлялъ въ великаго князя Михаила Павловича и въ генерала Воинова—и осужденъ былъ по первому разряду; 10 лѣтъ провелъ онъ въ арестантскихъ ротахъ въ Динабургѣ и Свеаборгѣ и умеръ на поселеніи въ Сибири.

---

[1]) Записки А. И. Кошелева, Берлинъ. Статья Д. В. Веневитинова въ „Русск. Архивѣ" 1885 г., ч. I. Статья Н. Котляревскаго въ „Русск. Богатствѣ", 1905 г. № 7.

III.

„Мнемозина“ съ ея „небесной“ философіей, отрѣшенной отъ дѣйствительности, шла противъ общаго теченія, и успѣха не имѣла; издатели вынуждены были прекратить изданіе на 4-й книжкѣ за недостаткомъ подписчиковъ. Новое теченіе не могло осилить господствовавшаго тогда у насъ въ культурномъ слоѣ общества, укоренившагося въ немъ съ XVIII столѣтія, французскаго вліянія. Только Жуковскому своимъ нѣмецкимъ романтизмомъ удалось пробить небольшую брешь въ старой культурной традиціи. Но эта традиція французской литературы, философіи и политики оставалась еще прочно господствующей. Широта и сила французскаго вліянія въ это время отразилась въ рѣзкихъ сатирическихъ чертахъ, въ ожесточенныхъ нападкахъ на галломанію, съ особой точки зрѣнія русскаго націонализма, пробужденнаго войной съ Наполеономъ.

Послѣ войны 1812-го года такимъ ожесточеннымъ обличителемъ галломаніи выступилъ Ив. Матв. Муравьевъ-Апостолъ, авторъ „Писемъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ“ и замѣчательнаго „Путешествія въ Тавриду“, отецъ трехъ декабристовъ, изъ которыхъ одинъ, Сергѣй, былъ повѣшенъ, другой, Ипполитъ, былъ убитъ въ сраженіи подъ Бѣлой Церковью, третій, Матвѣй, сосланъ на каторгу. Въ своихъ „Письмахъ“, печатавшихся въ „Сынѣ Отечества“ съ 1813 по 1815 годъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ горячо возстаетъ противъ пагубной моды на французскій языкъ и на гувернеровъ французовъ. На приходящихъ въ Россію „Любскихъ судахъ—говоритъ онъ—вмѣстѣ съ устерсами и лимбургскимъ сыромъ приплывали цѣлыя груды французовъ: парикмахеровъ, поваровъ, модныхъ торговокъ, учителей“. Они „разсыпались не только въ столицахъ, но и по всему пространству Россіи и находили средства овладѣть умами во многихъ домахъ, какъ знатныхъ, такъ и незнатныхъ“. Благодаря французамъ-гувернерамъ дѣти даже „Богу молиться не умѣютъ иначе, какъ по французскому молитвеннику“. „Ослѣпленные предразсудками воспитанія“ русскіе люди „не хотятъ видѣть вещей, такъ, какъ онѣ есть“, „почитаютъ французовъ примѣромъ образованности и просвѣщенія, предпочитаютъ ихъ литературу нынѣшнюю варварскую всѣмъ прочимъ,

развращенные ихъ нравы—своимъ отцовскимъ, чистымъ и непорочнымъ, языкъ ихъ—своему природному". И въ своемъ негодовании на вліяніе французовъ, авторъ „Писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ" доходитъ до того, что видитъ, подобно рисовальщикамъ патріотическихъ лубочныхъ картинокъ, въ „нынѣшнемъ французѣ синонимъ чудовищу, варвару, извергу" [1]).

О силѣ французскаго вліянія въ области литературы и философіи свидѣтельствуетъ ожесточенность нападокъ на него представителей новаго теченія. „Будемъ благодарны Жуковскому, восклицаетъ Кюхельбекеръ, что онъ освободилъ насъ изъ-подъ ига французской словесности. Было время, когда у насъ слѣпо припадали передъ каждымъ французомъ, римляниномъ или грекомъ, освященнымъ приговоромъ Лагарпова лицея. Нынѣ благоговѣютъ предъ всякимъ нѣмцемъ или англичаниномъ, какъ скоро онъ переведенъ на французскій языкъ; ибо французы и по сію пору не перестали быть нашими законодателями; мы осмѣлились заглядывать въ творенія сосѣдей ихъ единственно потому что они стали ихъ читать". Разсужденія Кюхельбекера о романтической поэзіи всѣ направлены противъ ига французскаго классицизма. Выдѣляя лучшихъ „истинныхъ поэтовъ" Франціи, Расина, Корнеля и Мольера, онъ находитъ и въ нихъ „внутреннее омерзѣніе" противъ подчиненія „условнымъ правиламъ" ложноклассицизма.

Вровень со статьей Кюхельбекера о романтизмѣ, полемикой противъ французовъ въ другой области, философской, переполнено разсужденіе Павлова о германской умозрительной философіи. Онъ озабоченъ не столько тѣмъ, чтобы развить положенія этой философіи, сколько тѣмъ, чтобы въ сопоставленіи съ нею доказать недостаточность, безсиліе французскаго эмпиризма. „Опытъ—писалъ Павловъ — можетъ доводить до открытій, но до знанія явленій природы никогда. Эмпирическія свѣдѣнія никогда не могутъ быть выше обыкновеннаго разсказа; ихъ совокупность не болѣе значитъ, какъ собраніе матеріаловъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Пусть эмпирики выдумываютъ теоріи, чтобы устроить сей хаосъ: но ихъ усилія тщетны; они одну ложь замѣняютъ другою".

---

[1]) Ив. Кубасовъ, „И. М. Муравьевъ-Апостолъ, авторъ Писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ", „Р. Стар." 1902, т. CXII, ноябрь, с. 348 и др.

Князь Одоевскій въ своихъ статьяхъ иронизируетъ надъ „весьма нефилософскими" эстетиками,—„поклонниками Лагарповъ и Вольтеровъ". Онъ сѣтуетъ, что у насъ „до сихъ поръ философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ французскаго говоруна XVIII-го вѣка" и для вящшаго отличія „истинной небесной философіи" отъ философіи Вольтеровъ и Гельвеціевъ называетъ ее любомудріемъ. Положительныя задачи „Мнемозины"—„распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ изъ Германіи", связываются съ борьбой противъ „закоренѣлыхъ заблужденій" галломаніи, съ стремленіемъ „положить предѣлъ нашему пристрастію къ французскимъ теоретикамъ" [1]).

Въ галломаніи русскаго общества было немало комическихъ сторонъ, которыя давали пищу сатирикамъ съ XVIII вѣка. Ив. Матв. Муравьевъ-Апостолъ продолжалъ дѣло сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени, когда смѣялся надъ французскими учителями, которые учили своихъ питомцевъ только „пѣть водевили, танцевать гавотъ, хрипѣть въ носъ тирады изъ французской трагедіи". Однако французское вліяніе выражалось не въ одномъ такомъ маскарадѣ внѣшней подражательности. Отражаясь на массѣ общества только внѣшнимъ лоскомъ французскаго костюма и русско-гасконскаго жаргона, оно имѣло глубокое культурное значеніе для лучшихъ творческихъ силъ цѣлаго ряда поколѣній вплоть до 20-хъ годовъ. Французы „законодательствовали" у насъ не даромъ. Ихъ литература была крупною культурной силой. Основной фондъ ея составляли не потерявшіе еще тогда своего жизненнаго значенія великіе французскіе писатели XVIII вѣка, Вѣка Просвѣщенія.

Въ пору своего увлеченія Гегелемъ Герценъ писалъ: „Что за огромное зданіе воздвигнула философія XVIII вѣка, у одной двери котораго блестящій, язвительный Вольтеръ... у другой—мрачный Руссо"... „Мы забыли XVIII вѣкъ... времена Вольтера, Бюффона, что ни говори, великія имена" [2]).

Эта философія вѣка просвѣщенія имѣла въ себѣ громадную силу разрушенія, разрушенія стараго средневѣковаго государства и средневѣковаго церковнаго міровоззрѣнія. Политическій ради-

---

[1]) „Мнемозина", ч. II, с. 30, 40—42, ч. IV, с. 162, 232—233.

[2]) Сочин. А. И. Герцена, т. VI, стр. 8—9, (дневникъ 1842 г.).

кализмъ связанъ былъ въ ней съ философскимъ сенсуализмомъ, и въ этомъ соединеніи заключалась главная его сила, какъ боевого тарана. Это была самая подходящая „философія“ для Россіи двадцатыхъ годовъ, съ средневѣковымъ самодержавіемъ и съ средневѣковымъ православіемъ.

Въ кружкахъ декабристовъ всюду настольными книгами были французскіе классики по политикѣ и философіи, и тѣ иностранныя политическія сочиненія, которыя были усвоены французами. Эти книги изучались не менѣе серьезно, чѣмъ нѣмецкіе философы въ кружкѣ шеллингіанцевъ и въ позднѣйшемъ кружкѣ гегельянцевъ. Французское вліяніе выражалось у насъ не только въ „несносномъ и невинномъ вздорѣ“ французской болтовни въ салонахъ, но и въ серьезной работѣ надъ французской политической и связанной съ нею философской литературой.

Здѣсь было, надъ чѣмъ поработать. Не говоря уже о классикахъ, Монтескье, Руссо, Вольтерѣ, книги которыхъ были тогда еще не историческими, а живыми книгами, во французской политической и экономической литературѣ 20-хъ годовъ тогда блистали имѣвшіе общеевропейское значеніе новые писатели Бенжаменъ Констанъ, Детю-де-Траси, Ж. Б. Сей. По части философіи французы мало поддавались иностранному вліянію и слабо воспринимали нѣмецкій идеализмъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ эклектикъ Викторъ Кузенъ, читавшій первый свой курсъ въ изучаемое нами время съ 1815 по 1821 годъ. Но по части политической и экономической литературы французы, въ началѣ XIX вѣка, также, какъ и въ XVIII вѣкѣ, вполнѣ усваивали новыя англійскія ученія. Адамъ Смитъ и Бентамъ, какъ въ XVIII вѣкѣ итальянецъ Беккаріа, въ самомъ началѣ XIX вѣка, такъ сказать, натурализовались во Франціи. „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ“ Адама Смита появилось во Франціи при жизни автора, въ 1802 году въ прекрасномъ переводѣ, съ примѣчаніями Гарнье [1]). Въ томъ же году изданы были въ трехъ томахъ сочиненія Іереміи Бентама, частью въ переводѣ, частью въ изложеніи Дюмона [2]).

---

[1]) Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations, par Adam Smith, traduction nouvelle, avec des notes et observations par Germain Garnier. 5 томовъ, Paris, 1802 г.

[2]) Traités de législation civile et pénale, par M. Iérémie Bentham, publiés

„Мы осмѣливались заглядывать въ творенія сосѣдей ихъ — французовъ—жаловался Кюхельбекеръ—единственно потому, что они стали ихъ читать". И надо прибавить, не заглядывая въ подлинники, люди 20-хъ годовъ изучали Бентама и Смита по французскимъ переводамъ. Въ 1822—1823 годахъ Евгеній Онѣгинъ, юный философъ въ осьмнадцать лѣтъ,

читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ,
То-есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И какъ живетъ, и почему,
Не нужно золота ему.

Онъ читалъ Адама Смита, конечно, во французскомъ переводѣ Гарнье [1]). Бентамъ, тоже по французскому изданію Дюмона, сталъ славенъ у насъ наравнѣ съ французскими классиками. „Бывало, напримѣръ, у насъ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ",—писалъ Пушкинъ въ 1824 году (посланіе къ цензору). Здѣсь Бентамъ, какъ офранцуженный англичанинъ, является рядомъ съ Руссо и Вольтеромъ, какъ въ Евгеніи Онѣгинѣ рядомъ съ Ж .Б. Сеемъ.

Въ области философіи, по примѣру законодателей французовъ, не признававшихъ еще Канта, Фихте и Шеллинга, у насъ господствовалъ скептицизмъ Вольтера и Дидро и сенсуализмъ Гельвеція, Гольбаха и Кондильяка. Аббатъ Кондильякъ до нашихъ дней считается у французовъ однимъ изъ классическихъ писателей по философіи, а въ 10-хъ и 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ пользовался славой перваго философа. Блестящій парижскій профессоръ Ларомигьеръ, ученикъ Кондильяка и издатель собранія его сочиненій (1798), излагалъ его ученіе въ 1811—1813 гг.,

---

en français par Et. Dumont, de Genève. Paris, 1802, т. II—III. Это изданіе частью было сдѣлано по рукописямъ, сообщеннымъ авторомъ. Этимъ изданіемъ пользовался въ 60-хъ годахъ А. Н. Пыпинъ, издавая сочиненія Бентама.

[1]) Многіе знали объ Ад. Смитѣ изъ учебника русскаго академика, учителя вел. князей Николая и Михаила, А. К. Шторха, издавшаго въ 1815 году на французскомъ языкѣ „Cours d'économie politique ou éxposé des doctrines qui déterminent la prospérité des nations". Этотъ курсъ изданъ былъ затѣмъ, по-нѣмецки, въ переводѣ съ французскаго. Эту книгу, какъ одинъ изъ источниковъ своего свободомыслія, назвалъ декабристъ П. А. Мухановъ (Гос. Арх. I В, № 356).

хотя затѣмъ мало-по-малу, подъ воздѣйствіемъ реакціи, смягчилъ крайніе выводы своего учителя, измѣнилъ ему и пришелъ къ спиритуализму.

Небольшой кружокъ московскихъ шеллингіанцевъ смѣялся надъ распространеннымъ у насъ увлеченіемъ этими „французскими теоретиками". Но, увлекаясь „натурфилософіей", они не превосходили глубиной философскаго пониманія учениковъ Кондильяка, съ ихъ крайностями сенсуализма. Герценъ уже въ 1845 году, овладѣвъ ученіемъ Гегеля, сумѣлъ отдать должное французской философіи. „Энциклопедисты, писалъ онъ въ концѣ „Писемъ объ изученіи природы" — были односторонни до нелѣпости, но они не были такъ плоско поверхностны, какъ думали объ нихъ нѣмцы, судя по общедоступному языку ихъ... Нѣмцы привыкли читать въ потѣ лица тяжелые философскіе трактаты. Когда имъ попадается въ руки книга, отъ которой не трещитъ лобъ, они думаютъ (или, правильнѣе, думали лѣтъ двадцат тому назадъ), что это пошлость" [1]).

IV.

Французская литература XVIII и начала XIX вѣка представляла собою громадную политическую силу; всѣ декабристы испытали на себѣ ея покоряющую власть. На нихъ вліяли не только новые либеральные публицисты, но и старые политическіе классики XVIII вѣка. Изъ этихъ классиковъ Руссо въ особенности сохранялъ вполнѣ свое революціонное вліяніе на молодежь.

Въ 1823 году молодой офицеръ, поручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка А. С. Гангебловъ, во время невольнаго уединенія на стоянкѣ въ глухой деревнѣ подъ Петергофомъ, случайно прочелъ рѣчь Руссо „О вліяніи наукъ и художествъ на нравы". „Книга эта — восторженно вспоминалъ онъ впослѣдствіи — мнѣ открыла необозримый просторъ для мысли; она поразила меня новизной и смѣлостью воззрѣній на ту степень искаженія своей натуры, до какой, какъ вѣщалъ Руссо, дошелъ человѣкъ чрезъ лабиринтъ цивилизаціи... Идеи Руссо пламенными чертами запечатлѣвались на моемъ воображеніи" [2]).

---

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, т. IV, стр. 335.

[2]) Воспоминанія А. С. Гангеблова, „Какъ я попалъ въ декабристы". „Русск. Арх." 1886, № 6, с. 193 и отд. изд.

За два года передъ тѣмъ въ другомъ концѣ Россіи, въ Нижнемъ Новгородѣ другой молодой офицеръ, двадцатилѣтній прапорщикъ Н. А. Крюковъ, во время болѣзни, не выходя изъ дому. началъ читать разныя французскія книги; изъ этихъ книгъ особенное впечатлѣніе на него произвелъ Руссо, давъ ему „страсть къ занятіямъ“ и пробудивъ въ юношѣ „желаніе познать человѣка и то, что можетъ служить къ его счастію“.

Третій молодой офицеръ, кавалергардскій поручикъ И. А. Анненковъ познакомился съ Руссо по урокамъ своего гувернера, швейцарца Дюбуа. „Первыя свободныя мысли — отвѣчалъ Анненковъ слѣдственной комиссіи—внушилъ мнѣ мой наставникъ; ибо онъ всегда выставлялъ свое правительство, какъ единственно не унижающее человѣчество, а про всѣ прочія говорилъ съ презрѣніемъ; наше же особенно было предметомъ его шутокъ. Онъ съ особеннымъ восхищеніемъ говорилъ о твореніяхъ Руссо, которыхъ чтеніе не мало подѣйствовало на меня“. По вступленіи въ Тайное Общество Анненковъ снова вернулся къ Руссо и изучалъ съ своими друзьями „Общественный договоръ“ [1]).

Руссо и другихъ французскихъ классиковъ вспоминали, какъ своихъ учитилей,—„нечувствительно разливавшихъ ядъ вольнодумства“, и люди этого поколѣнія двадцатыхъ годовъ (14-е декабря застало ихъ молодыми людьми 20 — 25 лѣтъ), и люди поколѣнія десятыхъ годовъ, которое положило начало первому тайному обществу Союзу Спасенія 1817 года и дало главнѣйшихъ дѣятелей Южнаго и Сѣвернаго Обществъ, какъ Пестель, Никита Муравьевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, К. Рылѣевъ (имъ было въ началѣ 1826 года отъ 29 до 34 лѣтъ [2]),—и немногіе, замѣшанные въ заговоръ, представители болѣе старыхъ поколѣній (изъ нихъ, напримѣръ, участвовалъ въ дѣлѣ генералъ Фонвизинъ, 38-ми лѣтъ, и баронъ Штейнгель, 43-хъ лѣтъ).

Слѣдственная комиссія всѣмъ обвиняемымъ задавала одинъ и тотъ же вопросъ: „съ котораго времени и откуда заимствовали первыя вольнодумческія и либеральныя мысли, т.-е. отъ внушеній другихъ или отъ чтенія книгъ, и какимъ образомъ мнѣнія сего рода въ умѣ вашемъ укоренялись?“

---

[1]) Гос. Архивъ, I В, №№ 368, 408.

[2]) Пестель род. въ 1793 г., Н. Муравьевъ въ 1792 г., С. Муравьевъ-Апостолъ въ 1796 г., К. Рылѣевъ въ 1795 г.

„Припоминая себѣ впечатлѣнія первой молодости—отвѣтилъ на это генералъ Фонвизинъ — увѣрился я, что свободный образъ мыслей получилъ не отъ сообщества съ кѣмъ-либо, но, когда мнѣ было 17 лѣтъ (въ 1804 г.), изъ прилежнаго чтенія Монтескю, Райналя и Руссо, также древней и новѣйшей исторіи, изученіемъ которой занимался я съ особенною охотою".

Вольтера, Руссо и Гельвеція назвалъ, въ отвѣтъ на тотъ же вопросъ, окончившій ученіе (морской кадетскій корпусъ) еще въ 1799 году, баронъ В. И. Штейнгель, и рядомъ съ этими французскими классиками—ихъ русскаго ученика Радищева („Поѣздка въ Москву").

Монтескье и Руссо, „Общественный договоръ", а также Макіавелля назвалъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, вмѣстѣ съ Пестелемъ бывшій основателемъ Союза Спасенія 1817 года [1]).

Нѣкоторые указывали на классическую древность, примѣры исторіи грековъ и римлянъ, которые дѣйствовали на нихъ такъ же, какъ на дѣятелей французской революціи. Такъ, Каховскій говорилъ, что онъ „съ дѣтства изучая исторію грековъ и римлянъ, былъ воспламененъ героями древности". Одинаково съ нимъ на „чтеніе исторій республикъ римской и греческихъ" ссылался членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, И. В. Кирѣевъ, а основатель этого Общества, П. И. Борисовъ, писалъ, что „жизнеописанія великихъ мужей Плутарха и Корнелія Непота поселили въ немъ съ дѣтства любовь къ вольности и народодержавію" [2]).

Вмѣстѣ съ литературой Вѣка Просвѣщенія на декабристовъ, по ихъ признаніямъ, оказали большое вліяніе Бентамъ и новые французскіе писатели, публицисты и экономисты, особенно Детюде-Траси, Бенжаменъ Констанъ, и Ж. Б. Сей. Пестель писалъ, что сочиненіе де-Траси сильно на него дѣйствовало; изъ его „Комментарія къ «Духу законовъ»" Пестель не мало заимствовалъ въ свою „Русскую Правду". М. Ф. Орловъ иронизировалъ надъ пристрастіемъ многихъ своихъ товарищей къ де-Траси говоря, что его книга „была для нихъ высшею степенью премудрости".

Рядомъ съ Детю-де-Траси и Бенжаменомъ Констаномъ рас-

---

[1]) Гос. Арх. I В, №№ 353, 360 и 351.

[2]) Дѣла, №№ 431 и 441. То же говорилъ Я. М. Андреевичъ, дѣло № 437, л. 28. См. также статью П. Е. Щеголева о Каховскомъ, „Былое", 1906, № 1 с. 137.

пространены были среди декабристовъ публицистическія работы забытаго теперь, но въ свое время очень славившагося французскаго писателя, дипломата Биньона (позднѣе написавшаго многотомную исторію Франціи при Наполеонѣ). Особенно дѣйствовала на нихъ своимъ радикализмомъ книга его „Кабинеты и народы съ 1815 до конца 1822 года", имѣвшая шумный успѣхъ (въ 1822—1823 гг. вышла въ трехъ изданіяхъ) [1]). Въ чтеніи этой „ужасной" книги „Les cabinets et les peuples" Гангебловъ признавался, какъ въ преступленіи. Съ чтеніемъ „Общественнаго договора" Руссо и Биньона, „О конгрессахъ", Анненковъ связывалъ свою рѣшимость вступить въ Тайное Общество [2]). Рылѣевъ писалъ, что свободомысліе „постепенно возрастало" въ немъ „отъ чтенія разныхъ современныхъ публицистовъ, каковы Биньонъ, Бенжаменъ Констанъ и другіе". И одинаково съ нимъ, точно сговорившись, князь Оболенскій, указавъ на разнообразіе своего чтенія, называетъ тѣхъ же двухъ авторовъ, Б. Констана и Биньона [3]).

Вмѣстѣ съ книгами, многіе указывали на „духъ времени", на вліяніе революцій, совершавшихся въ другихъ государствахъ. „Нынѣшній вѣкъ—писалъ Пестель—ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного края Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать" [4]). Одинаково съ Пестелемъ, Каховскій говорилъ о сильномъ дѣйствіи на него „недавнихъ переворотовъ въ правленіяхъ", и кн. Оболенскій заявилъ, что „свободомысліе укоренялось духомъ времени и наблюденіемъ происшествій, озна-

---

[1]) Baron Louis Pierre Bignon, род. въ 1771 г. ум. въ 1841 г. „Les cabinets et les peuples depuis 1815 jusqu'à la fin de 1822". Раньше, въ 1821 г., издана была имъ книга, направленная такъ же, какъ и названная, противъ Меттерниха и Священнаго Союза: „Du Congrés de Troppau".

[2]) Дѣла, № 49, № 368.

[3]) Дѣла, № 334, л. 8. № 335, л. 5. П. Свистуновъ, корнетъ кавалергардскаго полка назвалъ прежде всего Руссо, „Contrat Social", затѣмъ Бентама, Сея и Бенжамена Констана (дѣло № 367). Н. П. Рѣпинъ, штабсъ-капитанъ назвалъ „Монтескю, Филанжіери, Дестю-де-Трасси, Адамъ Смитъ и Сей" (дѣло № 350).

[4]) Н. П. Сильванскій. „Пестель предъ верх. уголовнымъ судомъ", с. 30.

меновавшихъ въ послѣдніе года почти всѣ страны міра (исключая Африки) революціями различнаго рода“ [1]).

Политическіе перевороты въ Западной Европѣ вызывали особенный интересъ къ газетамъ и журналамъ. Извѣстія объ этихъ событіяхъ проскальзывали и въ русскіе журналы, но главнымъ источникомъ служила французская журналистика. Свой свободный образъ мыслей одинъ изъ молодыхъ членовъ Тайнаго Общества, князь П. М. Голицынъ приписалъ прежде всего чтенію въ газетахъ „жаркихъ преній въ парламентахъ тѣхъ народовъ, кои имѣютъ конституціи“ [2])

Такъ же, какъ французской политической литературой, декабристы живо интересовались и французской философіей. Подъ давленіемъ этой философіи изъ нихъ немногіе сохранили религіозность; большинство относилось отрицательно къ христіанству и особенно къ его обрядности, а нѣкоторые доходили до атеизма въ духѣ этого времени, съ вызывающимъ отрицаніемъ Бога и съ „негодованіемъ“ на религію.

И. Д. Якушкинъ относился къ религіи съ уваженіемъ, высоко цѣня ее, какъ нравственное ученіе, но онъ никакъ не считалъ возможнымъ подчинить разумъ вѣрѣ. Другіе, какъ напримѣръ Н. П. Рѣпинъ, воспитанный подъ руководствомъ своего дѣда, вольтеріанца, отвергнувъ христіанство, отзывался о немъ „очень неуважительно“ [3]). Въ воспоминаніяхъ Гангеблова встрѣчается любопытный разсказъ о спорахъ въ крѣпости между И. А. Анненковымъ—„другомъ человѣчества“, усвоившимъ невѣріе отъ французскихъ философовъ, и „пламеннымъ христіаниномъ“, раскаявшимся матеріалистомъ М. С. Лунинымъ: „Оба они говорили превосходно. Первый (Анненковъ) выражался съ большой простотой и прямо приступалъ къ своей идеѣ; Лунинъ же впадалъ въ напыщенность, въ широковѣщательность, и нерѣдко позволялъ себѣ тонъ наставника, что̀, впрочемъ, оправдывалось и разностью ихъ возрастовъ“ [4]). Лунинъ старался обратить своего мо-

[1]) Дѣла № 337, л. 7, № 335, л. 5.

[2]) Дѣло № 362. Рядомъ съ этимъ онъ отмѣтилъ „чтеніе французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ публицистовъ“. На „чтеніе книгъ и журнала „Constitutionnel“ сослался Іосифъ Поджіо: д. № 415, л. 4.

[3]) Записки И. Д. Якушкина, с. 182—183.

[4]) Анненкову было въ это время, въ 1826 году, 24 года; Лунину—43. До

лодого друга на путь истинный. Не разъ слышалось: „но, другъ мой, вы напрасно такъ упорствуете; вѣрьте мнѣ, достаточно четверти часа нѣкотораго вниманія, чтобы вы вполнѣ убѣдились въ истинѣ нашей вѣры“. „Къ несчастью, замѣчаетъ Гангебловъ, этотъ quart d'heure тянулся чуть ли не болѣе мѣсяца, и я, получивъ свободу, оставилъ ихъ обоихъ съ разными убѣжденіями“ [1]).

На югѣ въ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ „проповѣдывалъ невѣріе своимъ товарищамъ“, по словамъ Якушкина, основатель этого Общества Петръ Ивановичъ Борисовъ, молодой подпоручикъ артиллеріи. Артиллерійская бригада, въ которой онъ служилъ, стояла одно время въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика. Борисовъ нашелъ въ этомъ имѣніи библіотеку французскихъ книгъ и зная нѣсколько французскій языкъ, началъ читать Вольтера, Гельвеція, Гольбаха. Подъ вліяніемъ французовъ энциклопедистовъ онъ „сдѣлался — говоритъ Якушкинъ — догматически безбожникомъ“. Изъ товарищей его Славянъ „многіе ему вѣрили на слово“. Удивляясь его скромному, кроткому нраву, его благорасположенности ко всѣмъ, его предупредительности, Якушкинъ приходитъ къ заключенію, что этотъ безбожникъ „безсознательно для самого себя былъ проникнутъ истиннымъ духомъ христіанства“ [2]). „Догматическое безбожіе“ Борисова, можетъ быть, преувеличено въ разсказѣ Якушкина. На слѣдствіи онъ признался только въ религіозномъ „вольнодумствѣ“, — въ своихъ сомнѣніяхъ относительно „нѣкоторыхъ мѣстъ стараго завѣта и нѣкоторыхъ обрядовъ, установленныхъ церковью, о коихъ не говоритъ Іисусъ Христосъ“. Этимъ вольнодумствомъ онъ „обязанъ былъ, по его словамъ, нѣкоторымъ французскимъ авторамъ“. Любопыто, что на него въ молодости повліялъ въ этомъ направленіи его отецъ (безпомѣстный дворянинъ Слободской Украины). „Мой родитель—

своей поѣздки за границу (1816) онъ также былъ скептикомъ, но въ Парижѣ подъ вліяніемъ іезуита Гравена увлекся католицизмомъ.

[1]) Воспоминанія А. С. Гангеблова, „Р. Арх.“ 1888, № 6, с. 222. Самъ Гангебловъ не былъ матеріалистомъ, по недостатку образованія и недостаточному знанію французскаго языка: „обсуждаемые предметы были по своей выспренности не совсѣмъ для меня доступны“ Тамъ же, с. 221.

[2]) Записки И. Якушкина, с. 153—154.

Горбачевскій говорилъ на слѣдствіи, что Борисовъ, въ одинъ годъ хорошо изучивъ французскій языкъ, переводилъ Вольтера и Гельвеція и давалъ читать эти переводы своимъ товарищамъ (д. № 434, л. 8).

разсказывалъ Борисовъ — не старался влить въ меня чрезмѣрной набожности: онъ часто говорилъ мнѣ, что Богу пріятнѣе всѣхъ жертвоприношеній видѣть человѣка честнымъ и желающимъ добра, что Богъ смотритъ не на полныя, а на чистыя руки, а еще болѣе на чистое сердце" [1]).

Религіозное вольнодумство и атеизмъ были широко распространены среди членовъ Южнаго Тайнаго Общества. Одинъ изъ немногихъ членовъ этого Общества, сохранившихъ свою религіозность, 22-хъ-лѣтній поручикъ Николай Бобрищевъ-Пушкинъ, съ недовѣріемъ относился къ Обществу, потому что большинство членовъ этого Общества—говорилъ онъ—были „безбожниками". Самъ онъ остался „отъявленнымъ врагомъ" религіознаго „вольнодумства", не поддавшись „обольстительности" сочиненій Гельвеція, Даламбера, Гольбаха и Вольтера. Онъ принадлежалъ къ Тайному Обществу потому, что сочувствовалъ его политическимъ цѣлямъ, но его религіозность мѣшала его тѣсному сближенію съ товарищами. Когда младшій братъ его, Павелъ, открылся ему о своемъ вступленіи въ члены Общества, Н. Бобрищевъ-Пушкинъ говорилъ ему такъ: „Да, Богъ знаетъ, хорошо ли это Общество, ибо большая часть изъ членовъ—безбожники" [2]).

Однимъ изъ такихъ отъявленныхъ „безбожниковъ", пугавшихъ Бобрищева-Пушкина, былъ князь А. П. Барятинскій, ревностный пропагандистъ Южнаго Общества, бывшій въ концѣ 1825 г. начальникомъ Тульчинской Управы. Въ его неизданномъ французскомъ стихотвореніи, не вошедшемъ въ небольшую книжку его стихотвореній, изданную въ 1824 году: „Quelques heures de loisir à Toulchin" („Часы досуга въ Тульчинѣ"), находимъ слѣдующія смѣлыя строфы:

„Возсѣдающій на молніяхъ, исполненный гнѣва, этотъ богъ вдыхаетъ испаренія дымящейся повсюду крови.

Да, у всѣхъ народовъ, во всѣ времена, всегда лилась кровь во имя твое, страшное всѣмъ.

Ты далъ имъ это всеобщее стремленіе, ты самъ пилъ безъ конца кровь безпомощной жертвы.

. . . .

[1]) Дѣло № 434. „Однако я не безъ вѣры", прибавилъ Борисовъ въ концѣ этого показанія.

[2]) Госуд. Архивъ, I В., № 422, л. 22, № 423, л. 5.

Когда темная ночь распространяетъ свои широкія завѣсы, читаю я твое величіе на челѣ звѣздъ;

Но крикъ птицы, умерщвленной острымъ когтемъ, внезапно отталкиваетъ отъ тебя мое упавшее сердце.

Вопреки всему величію твоего творенія, жестокость инстинкта кошки, отрицая благость твою, отрицаетъ твое существованіе.

Разобьемъ же алтарь, котораго онъ не заслужилъ. Онъ благъ, но не всемогущъ, или всемогущъ, но не благъ.

Вникните въ природу, вопросите исторію, вы поймете тогда, наконецъ, при видѣ зла, покрывающаго весь міръ, что для собственной славы Бога, если бы онъ даже существовалъ, надо было бы его отвергнуть“ [1]).

Если бы Богъ даже существовалъ, его надо было бы отвергнуть—это перифразъ извѣстнаго стиха Вольтера: „Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer“.

V.

Въ началѣ 20-хъ годовъ, въ то самое время, какъ въ Москвѣ слагался кружокъ шеллингіанцевъ, архивныхъ юношей, на югѣ, среди штабныхъ офицеровъ 2-й арміи, главная квартира которой находилась въ мѣст. Тульчинѣ Подольской губерніи, образовался кружокъ молодыхъ офицеровъ, усердно изучавшихъ на ряду съ французскими политическими книгами и французскую философію Гольбаха и Кондильяка. У московскихъ „любомудровъ“ шли споры объ абсолютѣ и всеобщемъ духѣ, здѣсь—объ атеизмѣ и объ ощущеніи, какъ основѣ мысли. Тѣ жили въ сторонѣ отъ политики, здѣсь съ дерзостью религіознаго отрицанія тѣсно соединялась дерзость отрицанія отжившихъ политическихъ порядковъ и съ спорами объ атеизмѣ переплетались разсужденія о злодѣйствѣ

---

[1]) Ah brisons un autel qu'il n'a pas merité:
Il est bon sans puissance, ou puissant sans bonté.
Consultez la nature, interrogez l'histoire,
Vous y verrez enfin, que pour sa propre gloire
En voyant tant de mal couvrir le monde entier,
Si Dieu même existait, il faudrait le nier.

Черновикъ этого стихотворенія, со многими помарками, написанный на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1824 г.—въ Госуд. Арх. I В., № 474.

рабства крестьянъ и военныхъ поселенiй, о республикѣ, цареубiйствѣ и вооруженномъ возстанiи.

Этотъ кружокъ молодыхъ прапорщиковъ и поручиковъ, въ возрастѣ 20—25 лѣтъ, находился подъ сильнымъ влiянiемъ главы Южнаго Тайнаго Общества, Пестеля. Въ области политическихъ ученiй они всецѣло подчинялись Пестелю, принявъ основанiя его республиканской „Русской Правды". Его авторитетъ въ этой области подавлялъ ихъ и они не входили въ подробности его проектовъ. Они еще только начинали изучать книги, хорошо имъ усвоенныя, и влiянiе французской политической литературы отражалось на нихъ, главнымъ образомъ, ревностью къ общественному благу, общимъ революцiоннымъ воодушевленiемъ. Мысль ихъ, какъ неофитовъ, кажется, больше останавливалась на поражавшемъ и пугавшемъ ихъ атеизмѣ.

Видную роль въ этомъ кружкѣ игралъ Николай Крюковъ, осужденный впослѣдствiи на каторгу по второму разряду. О постепенномъ развитiи своего политическаго и философскаго вольнодумства онъ подробно разсказалъ слѣдственной комиссiи [1]). Я дополню разсказъ Крюкова разборомъ большой пачки его бумагъ, сохранившейся въ Государственномъ Архивѣ. Разсмотрѣвъ въ свое время эти бумаги—переводы, выписки и небольшiе отрывки собственныхъ сочиненiй Крюкова—слѣдователь Боровковъ нашелъ въ нихъ „полный сводъ соблазнительныхъ и развратныхъ умствованiй новѣйшей философiи".

Отецъ Николая Крюкова, Александръ Семеновичъ, былъ нижегородскимъ губернаторомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и довольно состоятельнымъ помѣщикомъ Тульской губернiи [2]). Онъ былъ просвѣщеннымъ и гуманнымъ человѣкомъ и постарался дать своимъ сыновьямъ Николаю и старшему Александру, прекрасное образованiе. Получивъ извѣстiе объ ихъ арестѣ, онъ тяжко заболѣлъ: много мѣсяцевъ спустя генералъ-губернаторъ на запросъ слѣдственной комиссiи сообщалъ, что онъ

---

[1]) Это показанiе его давно напечатано Богдановичемъ въ „Исторiи царствованiя императора Александра I", т. VI.

[2]) Въ Крапивенскомъ уѣздѣ у него было имѣнiе съ 286 душъ крестьянъ, а всего у него было до 400 душъ, изъ которыхъ, однако, большая часть была заложена въ опекунскомъ совѣтѣ.

„безпрерывно находится въ болѣзни, приключившейся ему по полученіи извѣстія о преступленіи сыновей его“ [1]).

Николай Крюковъ родился въ 1800 году. Онъ принадлежалъ къ младшему поколѣнію молодежи, увлеченной политическимъ движеніемъ, начавшимся въ 1817 году; Пестель былъ старше его на 7 лѣтъ. До 13-ти лѣтъ Крюковъ нѣсколько времени учился въ московскомъ благородномъ пансіонѣ. Въ 1813 году отецъ увезъ его съ собою изъ Москвы въ Нижній Новгородъ и началъ учить дома, пригласивъ учителей нижегородской гимназіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ Крюковъ учился разнымъ предметамъ, въ томъ числѣ физикѣ и исторіи, которыми особенно интересовался, нѣмецкому и англійскому языкамъ и, конечно, французскому. Въ домѣ отца его жилъ французъ гувернеръ — неизбѣжная принадлежность всѣхъ дворянскихъ семействъ того времени; этотъ французъ, эмигрантъ Морино, научилъ его только французскому языку; онъ не далъ ему, не хотѣлъ или не посмѣлъ дать книгъ Руссо, съ которыми Крюковъ познакомился позже, когда уже былъ офицеромъ.

Семнадцати лѣтъ Крюковъ поступилъ въ славившееся тогда частное военное училище Н. Н. Муравьева,—„учебное заведеніе для колонновожатыхъ“, въ которомъ учились многіе будущіе декабристы, и черезъ два года, въ мартѣ 1819 года, выпущенъ былъ въ офицеры прапорщикомъ квартирмейстерской части. Онъ былъ прикомандированъ къ штабу 2-й арміи и отправился въ Тульчинъ, гдѣ тогда Пестель только что началъ вести пропаганду. Изъ Тульчина онъ скоро уѣхалъ въ отпускъ къ отцу, въ Нижній Новгородъ. Здѣсь онъ заболѣлъ и во время болѣзни отъ скуки началъ читать. Я говорилъ уже выше, какое впечатлѣніе на него въ это время произвелъ Руссо, давшій ему „страсть къ занятіямъ“ [2]).

Пробужденный книгою интересъ къ серьезнымъ занятіямъ по-

[1]) Гос. Арх. I В., № 315, л. 200 и 328.

[2]) Изъ книгъ, прочитанныхъ имъ въ это время, на него вмѣстѣ съ Руссо произвелъ сильное впечатлѣніе Делиль (l'abbé Jacques Delille, † 1863). Этотъ поэтъ у насъ тогда очень славился; въ 1804—1821 годахъ переводили по нѣскольку разъ его „Французскія георгики“ (подражаніе Виргилію), его „Сады“ („Les jardins“) и особенно „Дифирамбъ на безсмертіе души“ (4 перевода). Изъ сочиненій Делиля, можетъ быть, въ виду своего интереса къ естествознанію, Крюковъ особенно заинтересовался физико-философской поэмой Делиля: „Три царства природы“ („Trois règnes de la nature“, 1808).

литикой и философіей былъ подкрѣпленъ личнымъ вліяніемъ товарищей, раньше захваченныхъ умственнымъ теченіемъ времени. Въ Тульчинѣ, куда Крюковъ вернулся изъ отпуска въ 1820 году, въ это время образовался тѣсный кружокъ членовъ Союза Благоденствія, душою котораго былъ Пестель. Наблюдавшій этотъ кружокъ въ 1820 году, Якушкинъ говоритъ, что члены его „почти ежедневно сообщались между собою и тѣмъ самымъ не давали ослабѣвать другъ другу. Впрочемъ—замѣчаетъ онъ—было достаточно уже одного Пестеля, чтобы безпрестанно одушевлять всѣхъ тульчинскихъ членовъ“ [1]). Въ концѣ 1820 или въ самомъ началѣ 1821-го года Николай Крюковъ былъ принятъ въ члены Союза Благоденствія, вслѣдъ за его старшимъ братомъ Александромъ.

Александръ Крюковъ своимъ характеромъ былъ совершенно не похожъ на брата Николая. Онъ былъ старше его на восемь лѣтъ; послѣ службы съ 1807 г. въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и послѣ похода за границу съ нижегородскимъ ополченіемъ, онъ въ 1820 году служилъ въ одномъ мѣстѣ съ братомъ, въ Тульчинѣ, состоя адъютантомъ главнокомандующаго 2-й арміей. Его товарищи по ссылкѣ разсказываютъ, что онъ былъ замѣчательно мягкимъ и добрымъ человѣкомъ; сибаритъ и гастрономъ, онъ, живя на поселеніи въ Минусинскѣ, всѣ вечера проводилъ за игрой въ карты у окружнаго начальника или у кого-либо изъ знакомыхъ изъ мѣстнаго общества. И въ молодости онъ тоже мало интересовался книгами, политикой и философіей. Онъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія только потому, что по своему мягкому характеру легко поддавался вліянію другихъ [2]). Онъ, кажется, былъ вполнѣ искрененъ, когда на слѣдствіи объяснялъ свое вступленіе въ Общество единственно вліяніемъ Пестеля. Онъ признавался, что онъ сталъ вольнодумцемъ уже по вступленіи своемъ въ Общество, когда Пестель „началъ разсуждать о конституціи“. „Книгъ же, касающихся сего предмета,—спѣшилъ онъ оговориться — ни въ собственной библіотекѣ не имѣю и ни отъ кого никогда не бралъ для чтенія“ (это послѣднее замѣчаніе, однако, не соотвѣтствовало истинѣ) [3]).

---

[1]) Записки Якушкина, с. 42.

[2]) Басаргинъ говоритъ о немъ: „Слабаго характера, онъ долгое время былъ руководимъ княземъ Барятинскимъ“ (Декабристъ Пестель, с. 144).

[3]) Гос. Арх. I В., № 414. Ср. *ниже*, с. 270—271.

Александръ Крюковъ былъ принятъ въ Союзъ княземъ Александромъ Петровичемъ Барятинскимъ [1]); ихъ сблизила служба; оба они состояли одинаково адъютантами главнокомандующаго князя Витгенштейна; у нихъ нашлись общія воспоминанія изъ Петербурга, такъ какъ оба они одинаково начали свою службу въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ [2]). Князь Барятинскій, другъ Пестеля и ревностный пропагандистъ его идей, познакомившись при посредствѣ Александра Крюкова съ его братомъ, юнымъ поручикомъ, не замедлилъ и его привлечь въ Союзъ Благоденствія, изъ котораго вслѣдъ затѣмъ возникло Южное Тайное Общество [3]).

Оба брата Крюковы, только что принятые въ Союзъ Благоденствія, всецѣло подчинившись вліянію Пестеля, которому не многіе могли противостоять, приняли участіе въ мартѣ 1821 года въ тѣхъ историческихъ засѣданіяхъ въ квартирѣ Пестеля, которыя, послѣ рѣшенія, принятаго на московскомъ съѣздѣ членовъ Союза Благоденствія о его закрытіи, положили начало новому Южному Тайному Обществу. Воодушевленные рѣчами Пестеля, братья Крюковы вмѣстѣ съ семью другими участниками этихъ засѣданій [4]), послѣ выхода изъ Общества умѣренныхъ членовъ Союза, Бурцева и Комарова, постановили не признавать закрытія Союза, реорганизовали Тульчинскую Думу, выбравъ трехъ предсѣдателей, и затѣмъ согласно приняли республиканскую и революціонную программу Пестеля. Они—говорилъ Пестель—„раздѣляли всѣ со мною и цѣль, и способы достиженія ея, и единогласно всѣ безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое. Они же присутствовали всѣ

[1]) Баронъ Розенъ въ своихъ запискахъ неправильно называетъ его Александромъ Ивановичемъ („Записки бар. А. Е. Розена“, Спб., 1907). Ошибку Розена повторилъ П. М. Головачевъ въ изданіи М. М. Зензинова „Декабристы“, 86 портретовъ. М. 1906 г. Я основываюсь на формулярѣ и собственноручномъ показаніи кн. Барятинскаго (Гос. Арх. I В. № 401).

[2]) А. А. Крюковъ вышелъ изъ Госуд. Коллегіи въ 1812 г.; а князь Барятинскій поступилъ въ нее въ 1815 году (см. его формуляръ въ Госуд. Архивѣ, департаментское отдѣленіе).

[3]) Барятинскій самъ признался въ этомъ на слѣдствіи, но прибавилъ, что принялъ Н. Крюкова по просьбѣ его брата.

[4]) Пестель, Юшневскій, князь Барятинскій, Ивашевъ, Басаргинъ, полковникъ Авраамовъ, докторъ Вольфъ.

въ засѣданіи Думы и участвовали всѣ въ возобновленіи Общества". На слѣдствіи Николай Крюковъ сначала оспаривалъ это показаніе, но затѣмъ, „не допуская до очной ставки съ Пестелемъ" (такъ же, какъ Басаргинъ, Вольфъ и Ивашевъ), „объявилъ, что онъ согласенъ" съ этимъ показаніемъ Пестеля" [1]).

Изъ числа участниковъ этихъ засѣданій нѣкоторые вскорѣ затѣмъ отдалились отъ Общества (Басаргинъ, Ивашевъ, полк. Аврамовъ). Отдалился отъ него на нѣкоторое время и старшій Крюковъ, Александръ. Но Николай Крюковъ, вмѣстѣ съ Юшневскимъ и княземъ Барятинскимъ, сохранилъ вѣрность разъ принятымъ рѣшеніямъ и въ послѣдній годъ дѣятельности Общества явился однимъ изъ наиболѣе активныхъ его членовъ, вполнѣ преданныхъ Пестелю.

Вскорѣ послѣ мартовскихъ засѣданій, въ половинѣ 1821 года, Николай Крюковъ командированъ былъ въ Подольскую губернію, на топографическую съемку. Онъ провелъ здѣсь болѣе трехъ лѣтъ, до начала 1825 года, и за это время, только пользуясь служебными поѣздками въ Тульчинъ, поддерживалъ связь съ членами Общества. Въ съемкѣ участвовало нѣсколько молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части. Лѣто они проводили на работахъ, а зимою жили уединенно въ мѣст. Немировѣ Подольской губерніи. Николай Крюковъ имѣлъ на своихъ товарищей большое вліяніе. Самъ онъ лично принялъ въ Общество только двоихъ офицеровъ (поручика Н. В. Загорецкаго и прапорщика Юрасова). Но онъ подготовилъ къ вступленію въ Общество многихъ своихъ товарищей по съемкѣ. Пестель заявилъ на слѣдствіи, что онъ не знаетъ, кто изъ молодыхъ офицеровъ, находившихся на съемкѣ въ Немировѣ, кѣмъ именно былъ принятъ въ Общество, но точно опредѣлилъ роль Крюкова, какъ пропагандиста, сказавъ, что большая часть этихъ офицеровъ „черезъ него были пріобщены къ Обществу" [2]).

Одинъ изъ этихъ молодыхъ офицеровъ, Павелъ Бобрищевъ-

---

[1]) См. мою книгу: „Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ", с.с. 11, 45, 77. Къ приведеннымъ въ этой книгѣ, на стр. 77, очнымъ ставкамъ надо прибавить еще, что и А. П. Юшневскій и В. П. Ивашевъ, „не допуская до очной ставки, подтвердили показаніе полковника Пестеля о засѣданіяхъ 1821 года" (Гос. Арх., д. I В., №№ 338, 419).

[2]) Названная книга, Декабристъ Пестель, с.с. 56—57.

Пушкинъ (младшій братъ упомянутаго выше ревностнаго христіанина Николая) такъ разсказывалъ о своей жизни въ Немировѣ и о своихъ отношеніяхъ къ Николаю Крюкову: „Прибывъ въ 1820-мъ году, семнадцати лѣтъ отъ роду, изъ Москвы (гдѣ онъ учился, такъ же, какъ Николай Крюковъ, въ училищѣ для колонновожатыхъ), во 2-ю армію, я былъ посланъ на съемку Подольской губерніи, гдѣ нашелъ товарищей себѣ по службѣ почти одинаковаго со мной возраста. Проводя цѣлое лѣто въ полѣ безъ всякаго сообщества, мы зимою жили въ мѣстечкѣ Немировѣ, въ 30 верстахъ отъ главной квартиры. Уединенное сіе мѣсто нашего квартированія, лишеніе всякаго посторонняго знакомства сдружило насъ, какъ братьевъ, и расположило способности наши, которыя только-что начинали развертываться, единственно къ книжнымъ занятіямъ. Сперва устремились всѣ къ военнымъ наукамъ—и смѣялись надъ Крюковымъ 2-мъ, который, будучи также присланъ къ намъ на съемку изъ главной квартиры и будучи уже зараженъ политическими мнѣніями, хвалилъ занятія такого рода и восхищался хорошимъ тульчинскимъ обществомъ. Сперва мы смѣялись надъ ними и называли ихъ Тульчинскими Политиками. А потомъ я, ѣздивши довольно часто въ Тульчинъ, нашелъ, какъ мнѣ казалось тогда, въ самомъ дѣлѣ въ нихъ людей, которые гораздо выше насъ своимъ образованіемъ, и мало-по-малу сталъ получать къ нимъ уваженіе и довѣренность. А именно, про Пестеля и Юшневскаго въ это время повторялось единогласно, что они умнѣйшіе и образованнѣйшіе люди въ свѣтѣ, но я ихъ лично не зналъ. Встрѣчая въ Тульчинѣ политическіе разговоры и жалобы на мнимый худой порядокъ вещей, я и самъ сталъ привыкать къ этой мысли“.

Въ 1822-мъ году П. Бобрищевъ-Пушкинъ, какъ разсказываетъ онъ дальше, пріѣхалъ изъ Немирова въ Тульчинъ вмѣстѣ съ Николаемъ Крюковымъ и остановился на квартирѣ у его брата. Однажды ихъ навѣстилъ князь Барятинскій, завелъ разговоръ на политическія темы, и, послѣ ловкой переходной фразы: „что-жъ, худое можно исправить“, предложилъ вступить въ тайное общество. Бобрищевъ-Пушкинъ сначала удивился этому предложенію, потому что мало зналъ князя Барятинскаго, но потомъ догадался, что предложеніе сдѣлано ему „по рекомендаціи Крюкова“ [1]).

[1]) Гос. Арх. I В, № 423, л.л. 21—22.

Подобнымъ образомъ были пріобщены къ Обществу Николаемъ Крюковымъ еще пять офицеровъ, съ которыми онъ сблизился на съемкѣ,—все его однокашники по московскому учебному заведенію для колонновожатыхъ. Баронъ Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ, подготовленный имъ, былъ принятъ въ Тульчинѣ капитаномъ Филипповичемъ въ 1824 году [1]). Вслѣдъ затѣмъ самъ Крюковъ при баронѣ Черкасовѣ принялъ въ общество Николая Александровича Загорецкаго. Оба они, какъ говорилъ Черкасовъ, весьма часто видались съ Крюковымъ „по связямъ дружбы и товарищества". Въ 1825 году, подготовленные Николаемъ Крюковымъ, приняты были въ Общество его братомъ Александромъ, поручики Иванъ Борисовичъ Аврамовъ и Николай Федоровичъ Заикинъ. Всѣхъ ихъ связывало до нѣкоторой степени училище, учебное заведеніе для колонновожатыхъ; всѣхъ ихъ сближалъ возрастъ: старше всѣхъ былъ Загорецкій (29 лѣтъ); другіе же были, кто на годъ старше, кто на годъ моложе Николая Крюкова; всѣхъ ихъ сблизило долгое пребываніе въ глуши, въ мѣст. Немировѣ; и на всѣхъ одинаково повліялъ живой и энергичный Крюковъ своимъ жаромъ убѣжденнаго политика и философа. Его пропаганда шла успѣшно, потому что онъ опирался на авторитетъ Пестеля и тульчинскихъ членовъ Общества, старшихъ годами и чинами, адъютантовъ князя Барятинскаго и своего брата Александра. Одинъ изъ этихъ офицеровъ, Заикинъ, говорилъ, что онъ только „по слухамъ" зналъ Пестеля и что всѣ „либеральныя понятія" онъ пріобрѣлъ по выходѣ изъ училища, въ мѣстечкахъ Немировѣ и Тульчинѣ [2]).

---

[1]) Кромѣ князя Барятинскаго и Николая Крюкова, на молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части вліялъ еще находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ ними по службѣ, какъ штабный адъютантъ по квартирмейстерской части, капитанъ Николай Ивановичъ Филипповичъ; онъ принадлежалъ еще къ Союзу Благоденствія и, повидимому, ревностно относился къ дѣлу заговора. Онъ умеръ въ мартѣ 1825 года (Гос. Арх., Алфавитъ членамъ злоумышленныхъ обществъ. Декабристъ Пестель, с. 47).

[2]) Дѣла №№ 424 (Заикинъ), 425 (И. Б. Аврамовъ), 426 (Загорецкій), 428 (бар. Черкасовъ).—Въ ноябрѣ 1825 года, уже послѣ извѣстія о смерти Александра I Н. Крюковъ принялъ въ Общество еще прапорщика Юрасова. Онъ раньше уже зналъ о дѣлахъ Общества, будучи близко знакомъ съ Бобрищевыми-Пушкиными, Заикинымъ, Аврамовымъ, Загорецкимъ, съ которымъ жилъ въ одной квартирѣ. Но вслѣдъ за принятіемъ въ Общество онъ тяжко занемогъ горячкою

Послѣ окончанія подольской съемки въ началѣ 1825 года молодые офицеры квартирмейстерской части были переведены въ Тульчинъ; здѣсь они причислены были къ штабу арміи и нѣкоторымъ изъ нихъ были поручены работы по съемкѣ Кіевской губерніи. Въ Тульчинѣ въ это время было очень мало членовъ Общества, послѣ того какъ нѣсколько участниковъ засѣданій 1821 года совершенно отдалились отъ Общества. Близкую связь съ Пестелемъ сохраняли: Юшневскій и князь Барятинскій; подъ вліяніемъ Барятинскаго и своего младшаго брата и А. А. Крюковъ продолжалъ принимать участіе въ Обществѣ. „Тульчинская управа,—говорилъ Пестель на слѣдствіи—съ самаго 1821 года впала въ бездѣйствіе". Но она очень оживилась, когда въ Тульчинъ переѣхали молодые офицеры изъ Немирова. Самъ Пестель стоялъ отъ нихъ въ сторонѣ; кружокъ этотъ не особенно его интересовалъ; ему больше, чѣмъ юные свитскіе офицеры, нужны были полковые командиры и ротные, хотя бы и столь же юные, потому что они въ случаѣ мятежа могли увлечь за собою части войскъ. Но эти офицеры, мало его знавшіе, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и, во имя увлекавшаго ихъ заговора, готовы были слѣдовать за нимъ; они ревностно исполняли тѣ немногія порученія, какія имъ давалъ князь Барятинскій, сдѣланный въ ноябрѣ 1825 года начальникомъ тульчинской управы. Въ концѣ 1825 года Заикинъ, Загорецкій и особенно Н. Крюковъ поддерживаютъ сношенія между Тульчиномъ и Линцами, гдѣ жилъ Пестель, и Васильковомъ, гдѣ жили С. Муравьевъ-Апостолъ и М. Бестужевъ-Рюминъ. Крюковъ, Бобрищевъ-Пушкинъ и Заикинъ участвуютъ въ скрытіи бумагъ Пестеля, передавая ихъ изъ рукъ въ руки, и съ большимъ уваженіемъ относясь къ этимъ бумагамъ, не рѣшаются ихъ сжечь.

Наиболѣе ревностнымъ и энергичнымъ въ этомъ офицерскомъ кружкѣ, тульчинской управѣ, былъ Н. Крюковъ. Онъ былъ воодушевленъ стремленіемъ къ „благу человѣчества", о которомъ такъ краснорѣчиво говорили его любимыя французскія книги.

Разговаривая однажды въ мѣст. Махновкѣ, въ трактирѣ, объ

и легъ въ госпиталь. Къ слѣдствію онъ привлеченъ не былъ и только порученъ былъ секретному надзору начальства, съ обязательствомъ ежемѣсячно доносить о его поведеніи (дѣло № 126).

одномъ членѣ тайнаго общества полковникѣ П. В. Аврамовѣ, поведеніе котораго тогда многимъ казалось подозрительнымъ, онъ сказалъ Майбородѣ (какъ тотъ разсказалъ потомъ въ своемъ доносѣ): „надобно этого каналью Аврамова уничтожить". На слѣдствіи Крюковъ говорилъ, что Майборода не точно передалъ его слова: „Не помню и не полагаю, чтобы употребилъ сіе низкое выраженіе", и тутъ же онъ сдѣлалъ слѣдующее любопытное признаніе, характеризующее его самоотверженную преданность дѣлу заговора: „Со стыдомъ теперь признаюсь, что увлекаемый тогда ложнымъ мнѣніемъ: всѣ средства хороши для достиженія добродѣтельной цѣли, — я готовъ былъ на всякое злодѣяніе". „Любовь къ человѣчеству", „благо общее", „благополучіе отечества" вдохновляли его, какъ и многихъ его товарищей декабристовъ. „Вступивъ въ тайное общество, я — говоритъ Крюковъ — чрезвычайно радовался, что могу симъ средствомъ содѣйствовать къ благополучію моего отечества". Однажды, когда онъ жилъ въ отпускѣ у отца въ Нижнемъ-Новгородѣ и тотъ замѣтилъ въ сынѣ признаки его религіознаго вольнодумства, Крюковъ поспѣшилъ увѣрить его, что онъ ошибается... Совѣсть его мучила за этотъ обманъ, но онъ не послушалъ голоса совѣсти. Новое ученіе говорило ему, что „совѣсть зависитъ отъ образа мыслей"; съ другой стороны, онъ считалъ долгомъ своимъ „презрѣть все для блага общаго" [1]).

VI.

Въ бумагахъ Николая Крюкова сохранился интересный списокъ книгъ небольшой библіотечки изъ 58 названій. Кому принадлежали эти книги, мы не знаемъ, повидимому, не самому Крюкову. Но что эти книги читались въ кружкѣ его друзей, свитскихъ офицеровъ, о томъ свидѣтельствуютъ карандашныя отмѣтки Крюкова, у кого какая книга находится въ чтеніи. Отмѣтки относятся къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1825 года и самый списокъ составленъ былъ въ 1825 году, какъ видно изъ водяного знака бумаги.

Книги — по преимуществу французскія, политическія и фило-

[1]) Гос. Арх. I В, № 408.

софскія. Здѣсь—политическіе классики XVIII вѣка: Монтескье, „De l'esprit des loix" и „Размышленіе о причинахъ величія и упадка Римлянъ", и Руссо, „Contrat social". Здѣсь—почти всѣ сочиненія графа Детю де Траси, его „Комментарій къ духу законовъ Монтескье", „Элементы идеологіи" и „Логическіе принципы". Такое же вниманіе удѣлено Ж. Б. Сею. Въ библіотекѣ, кромѣ его большого трактата политической экономіи (съ посвященіемъ Александру I), былъ и его маленькій „Катехизисъ политической экономіи въ вопросахъ и отвѣтахъ", и маленькій сборникъ его статей (Petit volume). По „естественному праву" находимъ старое сочиненіе Бюрламаки, первой половины XVIII вѣка.

По философіи здѣсь было полное собраніе сочиненій Гельвеція, въ трехъ томахъ. Въ ней не было другого знаменитаго сенсуалиста Кондильяка, котораго усердно изучалъ Н. Крюковъ. Его замѣнялъ его ученикъ Ларомигьеръ, съ его „Лекціями" философіи. По исторіи философіи находимъ забытую теперь „Сравнительную исторію философскихъ системъ" Дежерандо, а также, на русскомъ языкѣ, въ переводѣ съ нѣмецкаго, „Курсъ философіи" Снелля.

Была въ библіотекѣ и славившаяся въ то время „Исторія Америки" Робертсона. Этого Робертсона внимательно читалъ Пестель, сдѣлавшій изъ него много выписокъ въ свою записную книжку. Въ спискѣ книгъ библіотеки Евгенія Онѣгина онъ попалъ на очень видное мѣсто рядомъ съ классиками [1]).

По французской поэтической литературѣ—случайный выборъ: только сочиненія Расина и „Свадьба Фигаро" Бомарше [2]).

---

[1]) Этотъ списокъ книгъ Евгенія Онѣгина—въ черновыхъ наброскахъ къ VII главѣ поэмы:

Юмъ, Робертсонъ, Руссо, Мабли,
Баронъ д'Ольбахъ, Вольтеръ, Гельвецій,
Локкъ, Фонтенель, Дидротъ, Парни.

[2]) Comte Destutt de Trasy, Commentaire sur l'esprit des loix de Montesquieu. (1-е изд. въ Америкѣ 1811 г., авторское изданіе въ Парижѣ 1819 г.); Elements d'idéologie 4 vol., 1818, Principes logiques.—I. B. Say. Traité d'économie politique, 2 vol., 1814, Cathéchisme d'économie politique ou instruction familière; Petit volume contenant quelques aperçus des hommes et de la société.—Oeuvres complètes d'Helvétius, 3 vol.— Leçons de philosophie ou Essai sur les facultés de l'âme par P. Laromiguière, 2 vol.—Histoire comparée des systèmes de philosophie par M. Dégerando, 4 vol.—Histoire de l'Amérique par W. Robertson,

На французскомъ же языкѣ—„Элементы физiологiи", „Курсъ экспериментальной физики и химiи съ атласомъ и справочныя свѣдѣнiя", Историческiй словарь въ 6 книгахъ, словарь географическiй и большой атласъ [1]).

Изъ русской литературы въ этой библiотечкѣ декабристовъ 1825 года интересно встрѣтить книгу, нашумѣвшую въ свое время, одного изъ учредителей Союза Благоденствiя, „Опытъ теорiи налоговъ", Н Тургенева, и „Статистику"—можетъ быть статистику К. И. Арсеньева, за которую онъ былъ изгнанъ изъ университета. Затѣмъ изъ русскихъ книгъ находимъ только сочиненiя Державина въ 2-хъ частяхъ и различные учебники, въ томъ числѣ руководство къ познанiю всеобщей политической исторiи Кайданова и два учебника по риторикѣ и поэзiи (Талызина и Никольскаго).

Небольшой особый отдѣлъ библiотечки составляютъ книги по военной спецiальности ея владѣльцевъ, по преимуществу переводныя русскiя, а также и французскiе трактаты по артиллерiи, геодезiи, фортификацiи. „Правила для надписанiя картъ и плановъ", „Школа кавалерiйскаго солдата", „Россiйскiй новый опытный коновалъ" и т. под.

Но самое любопытное въ этомъ спискѣ—карандашныя отмѣтки на поляхъ рукою Крюкова. Книги читались кружкомъ его друзей—членовъ южнаго тайнаго общества. Князь Барятинскiй взялъ 12 ноября 1825 года политическую экономiю Сея; братъ Н. Крюкова Александръ въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ Детю де Траси „Комментарiй на духъ законовъ". Изъ товарищей Н. Крюкова, молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части, Аврамовъ взялъ того же автора Детю де Траси „Элементы идеологiи"; за барономъ Черкасовымъ записано было въ октябрѣ того же года „Коммер-

---

3 vol. I. I. Burlamaqui, Principes du droit de la nature et des gens et de droit public général, 2 vol.

Кромѣ этихъ, указанныхъ въ текстѣ, книгъ, въ спискѣ обозначены еще: Vie de Georges Washington par David Ramsays, 1 vol. Malesherbes. Observations sur l'histoire naturelle, 2 vol.—Recherches philosophiques sur les Grecs par de Paw 2 vol. L'égoisme par Pigault Lebrun. 1 vol. Confessions de St-Augustin. Les femmes par Thomas, 1 vol. Mémoires de Montecucilli 1 vol. Voyage politique et commercial aux Indes Orientales. 3 vol.

[1]) Nouveaux élémens de physiologie par Richerand, 3 vol. Cours de physique expérimentale et de chymie, par P. Jacotot, 3 vol. et 1 vol. de planches.

ческое и политическое путешествіе въ Остъ-Индію"; Заикину выданы были въ апрѣлѣ 1824 года „Философскія разысканія о грекахъ". Докторъ Вольфъ, мало интересовавшійся политикой и философіей, взялъ въ ноябрѣ 1825 г. книгу по своей спеціальности „Новые элементы физіологіи". Книги выдавались не только лицамъ, принадлежавшимъ къ Обществу; я нахожу въ спискѣ три фамиліи, неизвѣстныя по дѣлу декабристовъ [1]).

Изъ числа наиболѣе славившихся въ это время писателей въ спискѣ указаны только Монтескье, Руссо, Гельвецій, Детю де Траси и Ж. Б. Сей. Николай Крюковъ знакомъ былъ и съ другими. Припоминая въ крѣпости авторовъ, имѣвшихъ вліяніе на его развитіе, онъ кромѣ Монтескье и Руссо, упомянутыхъ въ спискѣ, назвалъ Вольтера и Беккаріа; кромѣ Гельвецiя, упомянутаго въ спискѣ, Кондильяка и Гольбаха; кромѣ Сея и де Траси,—Бентама и Смита. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ указаннаго въ спискѣ Бюрламаки, теоретика естественнаго права первой половины XVIII вѣка (ум. въ 1748), онъ назвалъ и другого законовѣда той же школы Ваттеля (Право народовъ или начала естественнаго права, 1758), и писателя конца XVIII вѣка Филанджіери, автора обширной Науки законодательства (1780—1788) (съ которою поспѣшилъ познакомиться Радищевъ, какъ только вернулся изъ ссылки). Онъ припомнилъ тогда еще изъ знаменитыхъ авторовъ Макіавелля. Наконецъ, онъ назвалъ извѣстнаго тогда нѣмецкаго анатома и френолога Галля, издавшаго два труда по анатоміи нервной системы, на французскомъ языкѣ (1809—1820), Лакретеля, вѣроятно, Лакретеля младшаго, издавшаго въ 1801—1806 г. историческій обзоръ французской революціи, и Вейса, автора „Принциповъ философскихъ, политическихъ и моральныхъ" (ум. въ 1797) [2]), которымъ, между прочимъ, очень интересовался въ славянскомъ обществѣ маіоръ М. М. Спиридовъ [3]).

---

[1]) Сашальскій (?), Шрейдеръ, Шральборнъ; послѣдній взялъ комедію Бомарше.

[2]) Франц. Руд. Вейсъ швейцарецъ, Principes philosophiques, politiques et morales, род. 1757, ум. послѣ 1797.—Называя Вейса, Крюковъ разумѣетъ, конечно, этого французскаго писателя, а не нѣмца Христіана Вейса, издавшаго въ 1811 Untersuchungen über das Wesen und Wirken des Menschlichen Leben).

[3]) Въ бумагахъ Спиридова, по его показанію, были „переводы изъ сочиненій г. Вейса, подъ названіемъ „Правила философіи, политики и нравственности:

О начитанности Крюкова во французской литературѣ свидѣтельствуютъ также нѣсколько его записныхъ тетрадей, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. 18 ноября 1825 года, когда члены Общества начали опасаться ареста, онъ привезъ свои бумаги къ Пестелю; онѣ были зашиты въ квартирѣ Пестеля въ одинъ большой тюкъ, вмѣстѣ съ „Русской Правдой“ и другими бумагами Пестеля; въ этотъ же тюкъ вложены были и казавшіеся опасными черновики атеистическаго стихотворенія князя Барятинскаго. Этотъ тюкъ былъ закопанъ въ землю около деревни Кирнасовки и послѣ сознанія Крюкова и другихъ выкопанъ и привезенъ въ Петербургъ, въ слѣдственную комиссію.

Крюковъ, повидимому, такъ же какъ Пестель, уничтожилъ часть бумагъ наиболѣе опасныхъ, касавшихся политическихъ вопросовъ. Но судя по обилію его выписокъ изъ книгъ философскихъ, все-таки надо думать, что онъ занимался, главнымъ образомъ, этими именно книгами и больше всего Кондильякомъ, не вникая особенно въ естественное право Бюрламаки и Филанджіери и въ подробности трактатовъ о конституціи и политической экономіи Детю де Траси, Бентама, Сея, которыхъ усердно изучалъ Пестель.

Онъ изучалъ и эти книги. Въ бумагахъ его, напримѣръ, есть начатый имъ переводъ книги Сея; но онъ только началъ эту работу въ 1822—1823 гг. и скоро оставилъ, переведя только первыя двѣ главы (6 страницъ); а переводовъ и выписокъ изъ книгъ Кондильяка и другихъ французскихъ философовъ мы находимъ въ его бумагахъ цѣлыя тетради [1]). Политическими и экономическими

---

1. Владѣлецъ. 2. Сравненіе разныхъ правительствъ. 3. Предварительный взглядъ на общество. 4. Происхожденіе общества. 5. Природная религія. 6 Распространеніе правительства“. Спиридовъ, кромѣ того, переводилъ очерки изъ Стерна и изъ Саллюстія, рѣчи Марія и Цезаря. Въ числѣ собственныхъ его сочиненій, не дошедшихъ до насъ, было разсужденіе „О волѣ и вольности человѣка“ (дѣло № 433).—Вейса, вмѣстѣ съ Сеемъ, Филанджіери и Франклиномъ, указываетъ въ числѣ книгъ, имѣвшихся въ полковыхъ библіотекахъ, Н. И. Лореръ въ своихъ запискахъ: „Русск. Бог.“ 1904, № 3, с. 60.

[1]) Слѣдственная комиссія обратила особенное вниманіе на листокъ въ его бумагахъ съ выписками и замѣтками объ аграрномъ законѣ и о конституціи, и сначала даже ошибочно думала, что это извлеченіе изъ Русской Правды. На этомъ листкѣ находимъ слѣдующую выписку по-французски изъ Плутарха, Жизнь Тиберія и Кая Гракха: „Издали законъ, по которому ни одинъ гражданинъ не

книгами онъ занимался больше какъ бы по обязанности; въ изученіе же матеріализма онъ углублялся съ жгучимъ интересомъ атея, возставшаго на христіанство. Это изученіе французской философіи въ его представленіи не было наукой для науки, не было удаленіемъ въ келью философіи, какъ у идеалистовъ шеллингіанцевъ. Въ его представленіи, усвоенномъ изъ французской литературы Вѣка Просвѣщенія, философія тѣсно связывалась съ жизнью, съ „благомъ человѣчества". „Тихій огнь любви моей къ человѣчеству—объяснялъ Н. Крюковъ комиссіи—возжегъ во мнѣ страсть къ просвѣщенію, которая, не бывъ озарена свѣтомъ христіанской религіи, превратилась, наконецъ, въ адскій пламень вольнодумства". Любовь къ человѣчеству требуетъ прежде всего просвѣщенія, торжества разума, борьбы съ суевѣріями всякаго рода. „Всевышній, думалъ я —пишетъ Крюковъ—одарилъ насъ разумомъ для распознанія добра и зла; слѣдовательно, это есть единственный свѣтильникъ, которымъ мы должны руководствоваться въ жизни сей: а потому первый долгъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить свой разумъ, очистивъ его отъ вредныхъ предразсудковъ". Горячее стремленіе къ благополучію отечества, видъ „бѣдственнаго состоянія рабства" съ этой точки зрѣнія вызываетъ въ немъ негодованіе на религіозные предразсудки, препятствующіе просвѣщенію. „На съемкѣ Подольской губерніи увидѣлъ я, до какой степени простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками и жидами. Чувствуя вполнѣ бѣдственное состояніе рабства и невѣжества, болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что одно лишь общее просвѣщеніе можетъ сдѣлать госу-

имѣлъ права владѣть болѣе, чѣмъ пятью десятинами земли. Этотъ законъ обуздалъ на нѣкоторое время жадность богатыхъ. Но впослѣдствіи богатые землевладѣльцы нашли средство превратить сосѣдей въ своихъ арендаторовъ подъ чужими именами" и т. д. Рядомъ съ этою выпискою слѣдующее замѣчаніе Крюкова: „Всякій имѣетъ право объявить правительству, что такой-то гражданинъ нарушаетъ законъ, обладая свыше позволеннаго имѣніемъ подъ чужимъ именемъ или какимъ бы то ни было другимъ образомъ". Тутъ же слѣдующія замѣтки самого Крюкова: „Позволить перемѣнить конституцію не иначе какъ перемѣнивъ всѣхъ депутатовъ и набравъ новыхъ для сего дѣла"—„Войско набирать конскрипціями".—„Собрать свѣдѣнія о доходахъ каждаго помѣщика, о количествѣ и качествѣ земли, наложить подати сообразно по количеству и качеству земли" (Гос. Арх. I В, № 408, л. 19—20). О „крестьянскомъ вопросѣ въ обществѣ декабристовъ" см. гл. III статью В. И. Семевскаго въ сборникѣ „Крестьянскій строй" т. I, с. 209 и слѣд.

дарство благополучнымъ, и негодовалъ на религіозные предразсудки, препятствовавшіе распространенію онаго. Надежда на будущую жизнь, думалъ я, отвращаетъ отъ просвѣщенія, питаетъ эгоизмъ, способствуетъ угнетенію и мѣшаетъ людямъ видѣть, что счастіе можетъ обитать на землѣ. Итакъ, религія казалась уже мнѣ болѣе вредною, нежели полезною" [1]).

Разсказывая слѣдственной комиссіи о томъ, какъ въ немъ разгорался мало-по-малу „адскій пламень вольнодумства", Крюковъ останавливается больше всего на томъ, что̀ всегда больше всего его интересовало, на вольнодумствѣ религіозномъ. Вступивъ на путь отрицанія подъ вліяніемъ чтенія, онъ, по его выраженію, „смѣло шелъ впередъ". „Во-первыхъ, отвергъ многіе богослужебные обряды, какъ нелѣпые обычаи, питающіе лишь суевѣріе. Потомъ сталъ сомнѣваться въ ипостасной троицѣ, какъ неудобопостижимой для ума человѣческаго... Долго не рѣшался я отвергнуть Бога, наконецъ, оживотворивъ матерію и приписавъ все существующее въ природѣ дѣйствію случая, потушилъ едва мелькавшій свѣтъ чистой религіи, мною самимъ составленной. Однакоже я никогда не могъ совершенно убѣдить себя въ этомъ ложномъ мнѣніи, ибо часто встрѣчалъ сильныя доказательства противу онаго, на которыя не находилъ никакого отвѣта, но полагалъ, что мое сомнѣніе происходитъ отъ долговременной привычки мыслить противнымъ образомъ, потому что какъ духъ, такъ и матерія равно для меня были непостижимы".

Этотъ атеизмъ внушенъ былъ ему знаменитою книгою Гольбаха „Система природы", первыя главы которой въ рукописномъ переводѣ сохранились въ его бумагахъ [2]). Эта „библія матеріализма" XVIII вѣка считалась долго послѣ своего появленія одною изъ самыхъ страшныхъ книгъ. У насъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, когда появлялось много переводовъ другихъ французскихъ философовъ, перевода этой книги напечатать не оказалось возможнымъ, и переводъ ея ходилъ по рукамъ въ рукописяхъ. „Система природы" Гольбаха въ это время имѣла такое же значеніе, какъ полвѣка спустя „Сила и матерія" Бюхнера. Она написана

[1]) Гос. Арх. д. № 408, л. II.

[2]) Baron d'Holbach, Système de la nature ou des lois du monde physique et du monde moral, 1770, самимъ авторомъ приписанная умершему уже Мирабо, секретарю академіи.

была, въ большей части, такъ же доступно и такъ же живо и одушевленно, какъ и книга Бюхнера.

Приведемъ изъ этой книги по рукописи Крюкова ту страницу введенія, гдѣ Гольбахъ возстаетъ противъ „безчисленныхъ золъ, причиняемыхъ землѣ духовнымъ и гражданскимъ самовластіемъ“, и зоветъ къ познанію „истины“, ужасаясь отъ „неизмѣримой цѣпи злосчастій“, причиненныхъ человѣчеству „заблужденіями“. „Отъ заблужденія, говоритъ Гольбахъ, происходятъ тягостныя оковы, каковыя повсюду тираны и служители церкви готовятъ для народовъ. Отъ заблужденія происходитъ рабство, обременяющее почти вездѣ народы, коимъ природа предназначила пещись свободно о своемъ благоденствіи. Отъ заблужденія проистекаютъ сіи духовные ужасы, кои повсюду заставляютъ людей изсушать себя боязнью, или умерщвлять себя для пустыхъ призраковъ. Отъ заблужденій произошла та закоренѣлая вражда, тѣ безчеловѣчныя гоненія, тѣ долговременныя убійства, тѣ ужасныя кровопролитія, коихъ подъ предлогомъ выгоды небесъ земля наша толикократно бывала позорищемъ. Наконецъ, отъ заблужденій, освященныхъ вѣрою, происходитъ сіе невѣжество и сія неизвѣстность, въ каковыхъ пребываетъ человѣкъ въ отношеніи къ его обязанностямъ, самымъ очевиднымъ, къ его правамъ, самымъ яснымъ и къ истинамъ, самымъ неоспоримымъ; во всѣхъ почти странахъ онъ не что иное, какъ презрѣнный узникъ, лишенный величія души, разума, добродѣтели, коему безчеловѣчные стражи никогда не позволяютъ насладиться зрѣніемъ свѣта. Приложимъ же стараніе о разсѣяніи мрака, препятствующаго человѣку смѣлыми стопами шествовать стезею истины. Внушимъ ему мужество и почтеніе къ своему разуму. Да познаетъ онъ свою сущность и законныя права свои; да послѣдуетъ опыту, а не воображенію, обманываемому самовластіемъ, да отречется онъ отъ предразсудковъ своего младенчества, да основываетъ нравственность свою на природѣ, на своихъ потребностяхъ, на существенныхъ выгодахъ, доставляемыхъ ему обществомъ, да отважится онъ любить самого себя; да печется о своемъ благѣ, содѣлывая благо другихъ; словомъ, да будетъ онъ разсудительнымъ и добродѣтельнымъ, чтобы быть счастливымъ въ юдоли сей, и да оставитъ онъ навсегда пагубные и безполезные вымыслы“.

Въ записныхъ тетрадяхъ Крюкова—тотъ же кругъ литера-

туры, который мы охарактеризовали выше. Здѣсь небольшія выписки на политическія и философскія темы изъ Руссо (Эмиль), Гельвеція, цитаты изъ Паскаля, три выписки изъ Сея, нѣсколько выписокъ изъ книги г-жи Сталь, О Германіи.

Вотъ изъ этихъ тетрадей нѣсколько цитатъ французскихъ острыхъ словъ: „Люди должны покоряться судьбѣ, по народы никогда, потому что они именно одни могутъ подчинить себѣ судьбу“ (г-жа Сталь).

„Властители земли, если вы говорите народамъ: отдайте кесарево кесарю, то человѣчество скажетъ вамъ: отдайте человѣку то, что принадлежитъ человѣку, и роду человѣческому то, что принадлежитъ роду человѣческому, потому что таковъ законъ Бога“.

„Король дѣлаетъ все то добро, которое въ его власти, когда онъ совершенно лишенъ возможности дѣлать зло“ [1]).

Изъ Сея выписано, между прочимъ, его замѣчаніе о вліяніи революцій на развитіе богатства: „Революціи новаго времени, разрушивъ извѣстные предразсудки, изощривъ умы и опрокинувъ неудобныя преграды, повидимому, были скорѣе благопріятны, чѣмъ вредны для успѣховъ развитія богатства“. Въ другой тетради на ту же тему о революціяхъ, живо интересовавшую Крюкова и его друзей: „Революціи, случающіяся въ большихъ государствахъ, никоимъ образомъ не бываютъ дѣломъ случая или каприза народа“ (изъ мемуаровъ Сюлли) [2]).

По-русски записаны максимы: „Съ народомъ все можно, безъ народа ничего нельзя“. „Евангеліе научаетъ насъ прощать врагу собственному, но не врагу человѣчества“.

---

[1]) Les individus doivent se résigner à la destinée, mais jamais les nations, car ce sont elles, qui seules peuvent commander à cette destinée (M-me de Stael).

— Princes de la terre. Si vous dites aux peuples: rendez à Cezar ce qui appartient à Cezar; l'humanité vous dira: rendez à l'homme ce qui appartient à l'homme et au genre humain ce qui appartient au genre humain, car c'est la justice de Dieu.

— Un roi fait tout le bien qui est en son pouvoir, quand il ne peut point faire de mal (Гос. Арх. № 474, тетрадь № 10, л.л. 12, 21, водяной знакъ 1823).

[2]) Les révolutions qui arrivent dans les grands états ne sont point un effet du hazard ni du caprice du peuple: Mémoires de Sully, vol. 1, pag. 133 (тетр. № 1, л. 9). Изъ I. B. Say Econ. Polit. (тетр. № 9, л. 5).

Среди французскихъ изреченій — малороссійская пословица, отвѣчавшая настроенію молодыхъ революціонеровъ: „Хоть гирше, абы инше. Хоть хуже, да иначе“ [1]).

Усерднѣе всего Крюковъ изучалъ аббата Кондильяка; въ тетрадяхъ его множество замѣтокъ, выписокъ изъ этого автора и большихъ переводовъ, сдѣланныхъ самимъ Крюковымъ. Онъ внимательно изучалъ и его трактатъ объ ощущеніяхъ, составившій одинъ изъ этаповъ развитія матеріализма (1754), и его „Логику“ (1780), и его „Полный курсъ обученія“, написанный для сына герцога Пармскаго, котораго онъ училъ, и изданный въ 1775 г., въ 13-ти томикахъ [2]). Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ этого любимаго своего писателя, онъ и самъ дѣлалъ попытки писать, самостоятельно изложить его ученіе.

Онъ началъ писать трактатъ о воспитаніи, которому вслѣдъ за Кондильякомъ придавалъ громадное значеніе для „общаго блага“. „Разумъ насъ просвѣщаетъ, но не руководитъ нами (въ жизни)—писалъ онъ,—а все зависитъ отъ воспитанія, добраго примѣра и хорошаго законодательства“. Воспитаніе поставлено здѣсь впереди „хорошаго законодательства“. Также выдвинуто оно и въ слѣдующей его замѣткѣ, объясняющей, почему онъ занялся работой о воспитаніи: „Цѣль жизни истиннаго философа состоитъ въ томъ, чтобы быть полезну человѣчеству; посему главными занятіями его должны быть два предмета: воспитаніе и наука общественная. Я говорю главными занятіями, потому что хотя и прочія науки соотвѣтствуютъ той же цѣли, однакожъ оныя скорѣе могутъ быть разсматриваемы, какъ средства“ [3]).

Въ свое руководство по воспитанію, которое Крюковъ началъ писать въ формѣ писемъ къ матери, онъ хотѣлъ вложить все то, чему онъ самъ научился изъ французскихъ книгъ. Отъ этой работы сохранились только первоначальные наброски и замѣтки; начало сочиненія въ видѣ двухъ коротенькихъ писемъ и отрывокъ изъ того отдѣла руководства, въ которомъ должны были быть изложены основанія психологіи; въ этомъ отрывкѣ четыре

---

[1]) Тетради № 1, л. 10; № 10, л. 12; № 9, л. 11.

[2]) Abbé Etienne Bonnot Condillac, род. 1714, ум. 3 августа 1780 г. Traité des sensations, 1754, La logique, 1780, Cours complet d'instruction, Parme, 1775, 13 vol.—Oeuvres complètes, Paris 1798 и 1821—1823.

[3]) Дѣло № 408, л. 12 (показаніе) и дѣло № 474, тетрадь № 10, л. 16 об.

маленькихъ главы, 1-я—вводная, 2-я—что значитъ мыслить, 3-я—о чувственности и чувствованіяхъ, 4-я—о памяти и воспоминаніяхъ. Здѣсь Крюковъ кратко разъясняетъ основное положеніе сенсуализма Кондильяка о чувствованіи, какъ источникѣ и существѣ духовной жизни. „Думать или мыслить значитъ всегда чувствовать“, говоритъ онъ, повторяя слова Кондильяка: penser c'est sentir [1]). Въ связи съ этой работой стоитъ его большой пере-

---

[1]) Приведемъ два небольшихъ отрывка изъ этихъ набросковъ.

Письмо 1-е.

Какъ нѣжная мать, пекущаяся о благѣ дѣтей своихъ, ты спросила совѣтовъ моихъ касательно ихъ воспитанія. Это для меня тѣмъ болѣе пріятно, что, будучи соединенъ съ тобою узами родства и священнаго дружества, я принимаю живѣйшее участіе въ семъ важномъ дѣлѣ, которое будетъ имѣть вліяніе на счастіе малютокъ. Дорого бы заплатилъ я, чтобъ быть самому свидѣтелемъ ихъ успѣховъ и помогать имъ моими наставленіями. Но обстоятельства не позволяютъ мнѣ и я долженъ довольствоваться тѣмъ, что буду на нихъ дѣйствовать черезъ тебя.

Наука о человѣкѣ, коея цѣль состоитъ въ томъ, чтобы доставить человѣчеству всевозможное благополучіе, теперь сдѣлала большіе успѣхи, и хотя это есть поле столь обширное, что, кажется, всегда останется необработаннымъ, однакожъ мы теперь можемъ почерпнуть изъ оной множество истинъ, на которыхъ основываясь, легко вывести правила къ руководству въ воспитаніи.

Прежде нежели къ сему приступить, посмотримъ, что̀ должно разумѣть подъ словомъ благополучіе и до какой степени человѣкъ можетъ онымъ насладиться. Тогда имѣя въ виду цѣль, о которой будемъ имѣть ясное понятіе, станемъ изыскивать средства къ достиженію оной. Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь изложить о семъ предметѣ мои мнѣнія, съ коими, надѣюсь, ты согласишься (тетрадь № 3).

Изъ Главы 3: О чувственности и чувствованіяхъ.

Теперь мы исчислили всѣ состоянія нашей чувственности и видѣли, что всякое сотрясеніе одной или нѣсколькихъ нервъ приводитъ въ движеніе мозгъ, возбуждаетъ нашу чувствительность. Если прервать сообщеніе между мозгомъ и нервами, тогда мы перестаемъ чувствовать. Напр., если крѣпко перевязать руку, тогда чувство руки ослабѣваетъ или совсѣмъ прекращается.

Итакъ, если бы мы не имѣли ни нервъ, ни мозга, или если бы они не имѣли свойства содѣлывать насъ чувствительными, тогда бы мы были твари безчувственныя, какъ, напр., камни, металлы и проч.

Какимъ образомъ движеніе нерва и мозга производитъ чувствительность? Мы этого не знаемъ, потому что это не можетъ показать намъ ни опытъ, ни наблюденіе; но мы увѣрены въ томъ, что мы имѣемъ чувствительность. Мы замѣчаемъ ее и въ подобныхъ себѣ по многимъ признакамъ, только не знаемъ,

водъ отрывковъ изъ Кондильяка, въ 48 страницъ, посвященныхъ той же темѣ: „Разбору способностей душевныхъ“, съ тѣми же основными положеніями: „Всѣ способности душевныя заключаются въ способности чувствовать“... „Душа сама по себѣ въ насъ не дѣйствуетъ, но дѣйствуетъ лишь посредствомъ чувствъ, и мы дѣйствій, собственно душѣ принадлежащихъ, не знаемъ и знать не можемъ“ [1]).

Надъ своимъ „Руководствомъ къ воспитанію“ Крюковъ работалъ усердно, независимо отъ личнаго интереса къ философіи, потому что видѣлъ въ этой работѣ свое общественное служеніе. Его французскія книги говорили о необходимости дать торжество свѣту просвѣщенія надъ тьмой предразсудковъ. Слова этихъ книгъ находили живой откликъ въ его душѣ, потому что кругомъ онъ видѣлъ ту именно тьму невѣжества, противъ которой онѣ такъ краснорѣчиво возставали. На Югѣ, въ провинціальномъ обществѣ средней руки, въ мѣстечкѣ Немировѣ его философія казалась такой же странностью, какъ во Франціи при появленіи

такъ ли они чувствуютъ, какъ мы, или слабѣе или сильнѣе, потому что не можемъ чувствовать чужими органами. Мы замѣчаемъ болѣе или менѣе чувствительности также и въ другихъ животныхъ, смотря по тому, болѣе или менѣе они имѣютъ средствъ оную обнаруживать. Имѣютъ ли чувствительность растенія и минералы? Этого мы не знаемъ, потому что они не обнаруживаютъ оной; однакожъ не можемъ утверждать, чтобъ они совсѣмъ ея не имѣли, ибо кто можетъ сказать, чтобъ растеніе не чувствовало боли, когда его срываютъ или когда не имѣетъ оно пищи; также чтобъ кислотъ (acide), который всегда ищетъ соединиться съ алкаліею (alkali), не чувствовалъ пріятности въ семъ соединеніи. Я не хочу симъ замѣчаньемъ заставить предполагать чувствительность во всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые не обнаруживаютъ оной; ибо во всякомъ точномъ изысканіи предположенія могутъ только ввести насъ въ заблужденіе. Но хочу показать этимъ, что въ разсужденіи сего мы находимся въ совершенномъ невѣжествѣ.

Какъ бы то ни было, но мы исчислили всѣ дѣйствія собственно принадлежащія чувственности. Хотя мы не видимъ еще всей пользы, могущей отъ сего произойти, однакожъ, это начинаетъ уже намъ нѣсколько показывать, чтó происходитъ въ насъ.

По мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ, намъ все будетъ мало-по-малу объясняться, и ясность будетъ заступать мѣсто смѣшанныхъ понятій, и мы болѣе и болѣе будемъ находить въ этомъ удовольствія.—Между тѣмъ приступимъ къ изслѣдованію памяти (дѣло № 474, рукопись № 8).

[1]) Дѣло № 474, тетрадь № 14 (водяной знакъ 1823 г.).

первыхъ книгъ новой школы 75 лѣтъ назадъ. Когда его будущіе друзья, молодые офицеры квартирмейстерской части на съемкѣ услышали въ первый разъ его разсужденія, они начали смѣяться надъ нимъ и надъ его знакомыми „Тульчинскими политиками“ [1]).

И послѣ одного изъ такихъ первыхъ своихъ неудачныхъ выступленій въ роли философа и политика Крюковъ записываетъ въ свою тетрадь: „Попробуйте заговорить въ нашемъ обществѣ о политикѣ или о философіи, и вы увидите, какъ всѣ эти молодые люди, которые, какъ сказалъ Вольтеръ, не находятъ въ самыхъ серьезныхъ вещахъ ничего, кромѣ предлога поострить, начнутъ насмѣхаться надъ вами, вы увидите, какъ женщины оставятъ васъ, какъ человѣка, который хочетъ показать, что онъ безъ предразсудковъ, и котораго добродѣтельная женщина должна избѣгать. И лицемѣры ополчатся на васъ изо всѣхъ силъ, чтобы постараться убѣдить всѣхъ, что вы человѣкъ опасный, что вы преисполнены пороковъ, что для васъ—по ихъ выраженію—законъ и вѣра нипочемъ, наконецъ, что вы человѣкъ погибшій, котораго надо сторониться, чтобы избѣжать столь опаснаго примѣра, потому что — говорятъ они — свободомысліе прельщаетъ больше всего тѣмъ, что оно даетъ полный просторъ всѣмъ страстямъ. Люди—говорятъ они—для того именно, чтобы предаваться порокамъ, отвергаютъ всякую религію, единственную опору, какую мы имѣемъ въ нашей слабости, — какъ если бы религіозные обряды достаточны были для того, чтобы наставить насъ на путь добродѣтели, какъ если бы добродѣтель состояла только въ слѣпыхъ вѣрованіяхъ“ [2]).

Послѣ такихъ разговоровъ французская книга казалась ему направленной прямо противъ русской дѣйствительности, и онъ съ живымъ вниманіемъ выписывалъ изъ нея слѣдующую цитату: „Привычка обращать въ смѣхъ все, что̀ не согласуется съ при-

---

[1]) См. выше, показаніе Бобрищева-Пушкина.

[2]) Этотъ отрывокъ въ тетради выписокъ, № 9, л. 12 Но это не выписка, а черновая замѣтка, написанная самимъ Крюковымъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ много перечеркнутыхъ и передѣланныхъ словъ и фразъ. Написана она по-французски и не очень стильно. Крюковъ началъ писать ее сначала по-русски: „попробуй, заговори въ нашихъ обществахъ политикѣ“, но зачеркнулъ эти слова и перешелъ на французскій языкъ.

нятыми обычаями, причиняетъ великій вредъ народамъ, ибо всякая почти новая истина не согласуется съ сими обычаями" [1]). „Яркое свѣтило, только-что начавшее озарять горизонтъ благополучія несчастныхъ народовъ, переводилъ онъ изъ другой книги, затемняется еще облаками.—Можетъ быть, лицемѣры, невѣжды и всѣ, находящіе собственную пользу въ удержаніи просвѣщенія, сіи тираны человѣческаго рода еще довольно сильны, чтобы составить грозную тучу, могущую помрачить столь яркое уже утро; можетъ быть они довольно еще многочисленны, чтобы сдѣлать ее густою, и если соберется гроза сія, тогда возблещетъ молнія, ужасный грянетъ громъ, раздастся звукъ оружія, кровь польется рѣками. Но наконецъ умолкнетъ громъ, затихнутъ вѣтры, настанетъ тихая погода и тогда возсіяетъ солнце во всемъ своемъ блескѣ, тогда появится благополучіе народовъ, и человѣческій родъ предстанетъ во всемъ своемъ блескѣ" [2]).

VII.

Потрясенные заключеніемъ въ крѣпости, судомъ и ссылкой на каторгу, нѣкоторые изъ этихъ скептиковъ и атеевъ французской школы вернулись „къ повѣрьямъ дѣтства", какъ выразился И. Д. Якушкинъ, хотя и остались вѣрными своему политическому вольномыслію. Большинство, однако, несмотря на испытанія, сохранило вмѣстѣ съ политическимъ и религіозное „вольнодумство".

Остался вѣрнымъ атеизму основатель общества Соединенныхъ Славянъ П. И. Борисовъ, собственнымъ своимъ примѣромъ доказывавшій, что „можно быть добродѣтельнымъ, отвергая Бога"; но одинъ изъ его учениковъ, Ив. Вас. Кирѣевъ, послѣ страшныхъ душевныхъ страданій нашелъ утѣшеніе въ религіи. Остался вѣрнымъ атеизму и князь А. П. Барятинскій, но свитскіе офицеры его Тульчинской управы, Николай Крюковъ и Павелъ Бобрищевъ-Пушкинъ, отъ своего „негодованія" на религію перешли къ противоположной крайности полнаго признанія не только вѣры, но и всей церковной обрядности.

---

[1]) Тетрадь № 9, л. 11 обор.

[2]) Тетрадь № 10, л. 15.

Павелъ Бобрищевъ-Пушкинъ не принадлежалъ раньше къ числу наиболѣе убѣжденныхъ отрицателей церкви и вѣры. Онъ былъ близокъ къ своему брату, который, какъ мы уже говорили, всегда возставалъ противъ безбожниковъ. Вліяніе этихъ безбожниковъ, съ княземъ Барятинскимъ и Н. Крюковымъ во главѣ, одно время въ душѣ его взяло верхъ; но испытанія крѣпости и каторги заставили его искать утѣшенія въ религіи. „Во время своего заключенія,—говоритъ Якушкинъ,—онъ оцѣнилъ красоты Евангелія и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратился къ повѣрьямъ своего дѣтства", и началъ „всячески отстаивать ихъ". Разочаровавшись въ „разумѣ", онъ началъ возвышать надъ нимъ „любовь", какъ основу религіи. О тщетѣ разума—бога французской философіи говорилъ онъ въ слѣдующихъ строфахъ стихотворенія, написаннаго въ Читинскомъ острогѣ въ 1828 году:

Что пользы въ разумѣ высокомъ?
Что мнѣ въ познаніи небесъ?
Къ чему мнѣ зрѣть премудрымъ окомъ
На связь безчисленныхъ чудесъ?
Что безъ любви всѣ созерцанья?
Къ чему мнѣ знать судебъ законъ?
Безъ ней высокія познанья
Суть только призракъ, прахъ и сонъ! [1]).

Къ „повѣрьямъ дѣтства" возвратился подавленный заключеніемъ въ крѣпости и Николай Крюковъ. „Здѣсь только въ крѣпости,—писалъ онъ въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ комиссіи,—я образумился. Здѣсь только умъ мой, не будучи обремененъ безпрерывнымъ чтеніемъ и увлекаемъ разными мечтаніями, началъ свободнѣе разсуждать самъ собою. Здѣсь только увидѣлъ я мое заблужденіе. Здѣсь только усмотрѣлъ вредъ безвѣрія. Здѣсь, наконецъ, вникнувъ съ должнымъ вниманіемъ въ Святое Евангеліе и посланія Святыхъ Апостоловъ, я обратился къ Христіанству". Это признаніе о душевномъ переломѣ, испытанномъ въ крѣпости, было искреннимъ; оно подтверждается разсказами декабристовъ о религіозности Николая Крюкова, проявленной имъ въ Читинскомъ острогѣ. Николай Крюковъ примкнулъ къ маленькому кружку

---

[1]) Подражаніе XIII-й главѣ Посланія къ Коринѳянамъ апостола Павла. Собр. стихотвор. декабристовъ, изд. И. И. Ѳомина, т. II, с. 150.

ревностныхъ христіанъ, который прозванъ былъ „конгрегаціей". Члены этого кружка по воскресеньямъ устраивали религіозныя чтенія; они собирались вмѣстѣ въ углу большого каземата острога, читали Апостолъ, Евангеліе, говорили проповѣди и въ заключеніе читали главу изъ „Часовъ благоговѣнія", переведенныхъ съ нѣмецкаго барономъ Розеномъ.

Кружокъ этотъ, въ которомъ выдавался, какъ ревностный „поборникъ христіанства", П. Бобрищевъ-Пушкинъ, былъ немногочисленъ. Къ нему принадлежали, между прочимъ, князь Е. П. Оболенскій, князь А. И. Одоевскій, Д. И. Завалишинъ, баронъ А. Е. Розенъ, люди и раньше отличавшіеся религіозностью. Всего членовъ конгрегаціи было не болѣе 15 человѣкъ. Ревностный членъ кружка А. П. Бѣляевъ, назвавъ 13 фамилій, замѣчаетъ: „кажется, я не забылъ никого" [1]). Это очень немного на 100 слишкомъ декабристовъ, жившихъ въ Читѣ. Христіанская проповѣдь Бобрищева-Пушкина, несмотря на силу личнаго его вліянія, обратила къ вѣрѣ немногихъ, не болѣе 3-хъ человѣкъ. Большинство относилось къ увлеченію христіанствомъ или индифферентно, или скептически, какъ Якушкинъ, иронизирующій надъ возвратомъ къ „повѣрьямъ дѣтства", или же прямо враждебно, во имя своего убѣжденнаго деизма или атеизма. „Въ обществѣ, состоявшемъ слишкомъ изъ ста человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ изъ людей съ высокимъ образованіемъ, — разсказываетъ ревностный членъ „конгрегаціи"—въ ходу были самыя разнообразныя, самыя занимательныя и самыя глубокомысленныя идеи". „Тутъ много было невѣрующихъ, отвергавшихъ всякую религію; были и скромные скептики и систематически ярые матеріалисты, изучившіе этотъ предметъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда и сильно распространеннымъ уже философскимъ сочиненіямъ". Они часто насмѣхались надъ вѣрою и особенно надъ соблюденіемъ праздниковъ, таинствъ и постовъ. Эти насмѣшки давали поводъ къ спорамъ, въ которыхъ какъ защитникъ христіанства особенно выдавался Бобрищевъ-Пушкинъ. Изъ числа фанатическихъ противниковъ христіанства

---

[1]) Кромѣ названныхъ въ текстѣ лицъ, къ кружку принадлежали еще Н. В. Басаргинъ, М. М. Нарышкинъ, А. П. Бѣляевъ и братъ его Павелъ, во всемъ слѣдовавшій за нимъ; изъ Соединенныхъ Славянъ И. В. Кирѣевъ, Шимковъ, Мозгалевскій. Воспом. А. П. Бѣляева, гл. XII. Р. Ст. 1881 г., т. XXX, с. 815.

выдѣлялся князь А. П. Барятинскій. Между двумя партіями однажды, какъ разсказываетъ Бѣляевъ, разгорѣлся споръ о происхожденіи языка, привлекшій общее вниманіе. Бобрищевъ-Пушкинъ доказывалъ, что человѣкъ получилъ даръ слова, вмѣстѣ съ разумною душою, отъ божественнаго духа. Матеріалисты доказывали, что человѣкъ самъ изобрѣлъ языкъ, начавъ со звуковъ междометія; матеріалисты—иронизируетъ Бѣляевъ—тогда производили „ското-человѣка“ „изъ глины, силами матеріи“, какъ впослѣдствіи производили его „отъ обезьяны“. Въ защиту своихъ взглядовъ Бобрищевъ-Пушкинъ написалъ обширную статью о происхожденіи человѣческаго слова; Барятинскій написалъ на нее опроверженіе на французскомъ языкѣ, потому что владѣлъ имъ лучше, чѣмъ русскимъ. Отдавая справедливость уму и учености Барятинскаго, Бѣляевъ находитъ, что побѣда въ этомъ спорѣ была на сторонѣ его противника, „достойнаго христіанина“.

Горячіе споры возникли также по поводу сдѣланнаго кружкомъ „конгрегаціи“ перевода исторіи Гиббона. Этотъ переводъ,—говоритъ Бѣляевъ о себѣ и о своемъ братѣ,—„окончательно утвердилъ“ насъ въ вѣрѣ, „несмотря на то, что Гиббонъ былъ деистъ и смотрѣлъ критически на христіанскую религію“. Ихъ плѣнили въ исторіи Гиббона факты, доказывающіе чистоту и добродѣтельность первыхъ христіанъ, противники же ихъ ставили выше его скептическія мнѣнія, и благодаря ему только „утвердились въ невѣріи и стали въ немъ фанатиками“ [1]).

Эти споры на почвѣ французскаго матеріализма скоро стали анахронизмомъ. Декабристы въ Сибири старались слѣдить за новой литературой по журналамъ и книгамъ, которые они получали въ большомъ числѣ. Но все-таки они, оторванные отъ жизни, заброшенные въ далекой Сибири, скоро отстали отъ умственнаго движенія эпохи. Поколѣнія 10-хъ и 20-хъ годовъ, въ лицѣ лучшихъ его наиболѣе живыхъ и чуткихъ представителей, были смяты и уничтожены.

Новое поколѣніе 30-хъ годовъ подъ воздѣйствіемъ реакціи пошло по новому пути, предуказанному кружкомъ шеллингіанцевъ 1824 года. Лучшіе люди этого поколѣнія, знаменитые идеалисты 30-хъ годовъ, ушли отъ жизни въ монашескую келью нѣмецкой

---

[1]) Бѣляевъ, тамъ же, стр. 813—815.

философіи. Продолжая работу изученія нѣмецкой философіи, начатую кружкомъ шеллингіанцевъ, они перешли отъ Шеллинга къ Гегелю и въ тишинѣ реакціи усердно штудировали его „Логику“, „Энциклопедію“ и „Феноменологію духа“.

Гегельянское движеніе началось ровно десять лѣтъ спустя послѣ 14-го декабря,—въ 1835 году, когда вдохновитель гегельянскаго кружка Н. В. Станкевичъ, ученикъ шеллингіанца профессора Павлова, напечаталъ въ журналѣ „Телескопъ“ переводъ „Опыта о философіи Гегеля“. Черезъ три года, въ 1838 году, выходитъ „Московскій Наблюдатель“ подъ новой редакціей кружка гегельянцевъ, печатающаго въ качествѣ программы предисловіе къ переводу „Гимназическихъ рѣчей“ Гегеля. Продолжая традицію „Мнемозины“ 1824 года, „Московскій Наблюдатель“ 1838 года начинаетъ рѣзкую полемику противъ французовъ, которыхъ онъ, словами эпиграммы Шиллера, называетъ „вандалами“. „Французы—писалъ „Московскій Наблюдатель“—никогда не выходили изъ области произвольныхъ разсужденій, и все святое, великое и благородное въ жизни упало подъ ударами слѣпого, мертваго разсудка. Результатъ французскаго философизма былъ матеріализмъ, торжество неодухотворенной плоти“. Гегельянцы жаловались, что „христіанство, это вѣчное и непреходящее доказательство любви Творца къ творенію“, сдѣлалось у французовъ „предметомъ общихъ насмѣшекъ, общаго презрѣнія“. Они сѣтовали на „духовное развращеніе французовъ“ и порицали революцію, „послѣдствіе этого духовнаго развращенія“: „Гдѣ нѣтъ религіи, тамъ не можетъ быть государства, и революція была отрицаніемъ всякаго государства, всякаго законнаго порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что̀ только хоть нѣсколько возвышалось надъ безсмысленною толпою“ [1]).

Идеалисты 30-хъ годовъ, однако, скоро сбросили съ себя очарованіе діалектики Гегеля, которая завела ихъ въ дебри оправданія дѣйствительности. „Философскіе монахи“ скоро вернулись къ жизни. Одинъ изъ первыхъ разорвалъ кандалы гегельянской схоластики Герценъ. „Схоластика—писалъ Герценъ—такъ же мало мнѣ свойственна, какъ мистицизмъ: я до того натянулъ ея лукъ,

---

[1]) См. Н. Г. Чернышевскій, Очерки Гоголевскаго періода: Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 190.

что тетива порвалась и повязка упала". Повязка упала прежде всего съ рокового вопроса о Богѣ, душѣ и личномъ безсмертіи. Въ началѣ 40-хъ годовъ Герценъ самъ уже склонялся къ отрицанію личнаго духа и безсмертія души. Вопросъ рѣшенъ былъ для него книгой гегельянца Фейербаха „О сущности христіанства". „Прочитавъ первыя страницы,—пишетъ Герценъ—я вспрыгнулъ отъ радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказанія... не нужно намъ облекать истину въ миѳы" [1]).

Въ 50-хъ годахъ, вслѣдъ за Фейербахомъ является откровенно смѣлый нѣмецкій матеріализмъ Фохта, Молешотта и Бюхнера. „Сила и Матерія" Карла Бюхнера (1855 года), по обнаженности отрицанія и по своему разрушительному вліянію на массу, пріобрѣтаетъ репутацію такой же „страшной" книги, какъ старая „Система природы" Гольбаха, 1780 года. Нѣмецкій матеріализмъ поддерживается въ 60-хъ годахъ французскимъ и англійскимъ позитивизмомъ. Отрицаніе „повѣрій дѣтства" становится па твердую научную почву. Въ 1861 году оно ярко выражается въ нигилизмѣ Базарова. И такъ же, какъ въ 20-хъ годахъ, въ эпоху декабристовъ, это боевое религіозное отрицаніе тѣсно соединяется съ отрицаніемъ политическимъ, съ революціоннымъ движеніемъ 60-хъ годовъ. Атака, также какъ въ 20-хъ годахъ, по примѣру французской философіи вѣка просвѣщенія, ведется разомъ противъ трона и алтаря.

Въ 1862 году, когда вышли въ свѣтъ „Отцы и дѣти" Тургенева, въ далекой Восточной Сибири, въ Петровскомъ заводѣ одиноко доживалъ свои дни И. И. Горбачевскій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей Общества Соединенныхъ Славянъ. Ему было за 60 лѣтъ. Онъ не могъ воспользоваться амнистіей и вернуться въ Россію, за недостаткомъ средствъ, хотя страстно стремился на родину, чтобы повидаться съ своими товарищами по ссылкѣ. Князь Оболенскій, утѣшавшій его своими письмами, послалъ ему новинку, романъ „Отцы и дѣти". „Нигилисты,—отвѣчалъ ему изъ Петровскаго завода Горбачевскій—о которыхъ ты пишешь и которые представлены въ романѣ Тургенева, они меня не удивляютъ, и ихъ явленіе не есть, по-моему, новость; мнѣ кажется, они всегда

---

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, т. II, стр. 318.

были и будутъ при такомъ порядкѣ вещей... Они являются въ разные періоды подъ разными названіями" [1]).

Такъ новаго нигилиста-революціонера понялъ вполнѣ и привѣтствовалъ старый революціонеръ матеріалистъ двадцатыхъ годовъ.

[1]) Письма И. Горбачевскаго къ князю Е. Оболенскому: Русск. Старина, 1903 г., т. CXVI, стр. 231.

Народъ и Царь въ трагедіи Пушкина [1]).

Въ трагедіи Пушкина не менѣе важную роль, чѣмъ царь Борисъ, играетъ народъ, другой главный герой драмы. Народъ выступаетъ въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ сценахъ; о немъ, какъ о главномъ героѣ, постоянно говорятъ, давая ему сходныя характеристики, всѣ дѣйствующія лица: и Годуновъ, и Шуйскій, и Басмановъ, и Самозванецъ. Отношенія народа къ царю составляютъ главную основу развитія драмы.

На эту сторону трагедіи обратилъ вниманіе И. Н. Ждановъ въ своей извѣстной статьѣ о Пушкинскомъ Борисѣ Годуновѣ, но, какъ мнѣ кажется, онъ пришелъ къ неправильнымъ выводамъ.

I.

Отстаивая независимость Пушкина отъ Карамзина и самостоятельность его замысла, Ждановъ сдѣлалъ попытку объяснить все развитіе драмы изъ третьей сцены трагедіи, гдѣ при избраніи Бориса „случайно собравшаяся толпа, которая должна представлять народъ, выкрикиваетъ то, что̀ ей подсказано, и сама же подсмѣивается надъ своими восторгами“.

„Это не излюбленный, не земскій царь“—вотъ что̀ хотѣлъ сказать Пушкинъ этою сценою, по мнѣнію Жданова. „Пушкинскій Борисъ—говоритъ онъ—въ первыхъ же сценахъ драмы предста-

[1]) Напечатано во 2-мъ томѣ „Сочиненій Пушкина“ (СПб. 1908), подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Ред.*

вляется мнимымъ избранникомъ народа", и „развитіе драмы лишь раскрываетъ ту ложь, которая скрывалась въ самомъ вступленіи Бориса на престолъ". Между царемъ и народомъ не было прочной, объединяющей связи; Борисъ не былъ земскимъ царемъ, такимъ,— поясняетъ свою мысль историкъ,—какимъ былъ позднѣе царь Михаилъ, опиравшійся на народныя силы, на земскій соборъ, на единеніе царя и земли.

Увлекшись развитіемъ этой своей мысли, договаривая ее до конца, Ждановъ, мнѣ кажется, самъ показалъ, какъ далеко отошелъ онъ отъ Пушкинской трагедіи. Пушкинъ, дѣйствительно, показываетъ ясно, что Борисъ не былъ „излюбленнымъ" избранникомъ народа, но онъ отнюдь не ставитъ въ укоръ Борису, что онъ не былъ „земскимъ" царемъ. Это большая разница: излюбленный царь и царь земскій, опирающійся на земскій соборъ. Рисуя отрицательныя черты разобщенности между царемъ и народомъ, Пушкинъ нигдѣ не даетъ ни малѣйшаго намека на возможность иныхъ положительныхъ отношеній между ними въ московской древности.

Идеализація единенія царя съ народомъ, въ которой Ждановъ искалъ ключа къ драмѣ Пушкина, надо полагать, ему была совершенно чужда, потому что эта идеализація выработалась значительно позже 1824—1825 годовъ, когда Пушкинъ писалъ свою трагедію. Въ эти двадцатые годы, какъ и раньше, изъ допетровской исторіи у насъ идеализировали не земскіе соборы, а „республику" Великаго Новгорода. И даже Карамзинъ, описывая паденіе Новгорода, уступилъ нехотя вѣянію времени, и говорилъ своимъ высокимъ слогомъ, что Новгородъ не только „слылъ въ Россіи и Европѣ Державою народною или Республикою", но и „дѣйствительно имѣлъ образъ Демократіи", что Новгородскій „Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ", что „новгородцы, имѣя правленіе народное, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ россіянъ", и даже признавалъ при этомъ, что „сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной".

Въ изображеніи народа, его отношеній къ царю у Пушкина безусловно была скрытая мысль, но не та, какую отыскалъ Ждановъ. Недаромъ Пушкинъ, когда Жуковскій сказалъ, что царь

проститъ его за трагедію, усомнился въ этомъ и писалъ князю Вяземскому: „Наврядъ, мой милый. Хоть она и въ хорошемъ духѣ написана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ своихъ ушей подъ колпакъ юродиваго, торчатъ!“

Гдѣ въ народѣ Пушкинской трагедіи та патріархальная любовь къ царямъ, та преданность самодержавію, которая считалась и считается многими характерною чертою русскаго народа, не только въ древности, но и до настоящаго времени? Ея нѣтъ и слѣда. Пушкинъ очень удачно выбралъ время Годунова, чтобы выразить свое отрицательное отношеніе къ такому воззрѣнію на народъ. На первый взглядъ онъ даетъ только историческую картину, въ которой особое отношеніе народа къ власти объясняется единственно особенностью положенія на престолѣ Бориса Годунова, этого боярина, ставшаго царемъ. Но такая характеристика народа только по виду относится къ данному историческому моменту, времени Годунова, и на самомъ дѣлѣ въ ней есть общая мысль. Подчеркивая разобщенность царя Бориса съ народомъ, Пушкинъ хотѣлъ показать, что такая разобщенность народа и власти является характерной для нашей исторіи. Онъ возражалъ тѣмъ, кто оправдывалъ самодержавіе исконной патріархальной преданностью народа царямъ. Въ одномъ, невполнѣ искреннемъ письмѣ 1827 года Пушкинъ писалъ, что въ Пименѣ онъ хотѣлъ показать черту, плѣнившую его въ лѣтописяхъ: „набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ“. Но даже въ Пименѣ эта черта закрывается простодушнымъ безстрастіемъ лѣтописца, съ которымъ онъ пишетъ и о свирѣпыхъ казняхъ Іоанна, и о бурномъ новгородскомъ вѣчѣ и спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ. Въ изображеніи же народа нѣтъ и слѣда такого его „набожнаго усердія къ власти царя“. Наоборотъ. Народъ и царь изображаются, какъ двѣ разобщенныя и враждебныя другъ другу стихіи.

Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ,

говоритъ въ трагедіи Басмановъ,—

Такъ борзый конь грызетъ свои бразды:
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что-жъ? Конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Борисъ отвѣчаетъ:

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ.

Та же общая мысль о разобщенности между народомъ и властью въ словахъ монолога Бориса:

Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать—
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,—
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.

Какая власть ненавистна для черни? Противъ какой власти народъ всегда тайно склоненъ къ смятенью? Противъ той власти, которая держитъ народъ въ полномъ подчиненіи, какъ всадникъ коня, какъ отрока отецъ, противъ той власти, которая пытается милостями „усыновить сердца своихъ рабовъ", но оставляетъ ихъ рабами, которая убѣждена, что народъ можно сдержать лишь „неусыпной строгостью".

Изображеніе власти въ трагедіи такъ же имѣетъ общій смыслъ, такъ же типично, какъ и изображеніе народа. Въ лицѣ царя Бориса Пушкинъ изображаетъ вообще московскаго царя-самодержца. Тотчасъ по избраніи на престолъ Борисъ въ первомъ же монологѣ говоритъ тономъ абсолютнаго монарха: „Да, правлю я во славѣ свой народъ... Сзывать весь нашъ народъ на пиръ". Этотъ тонъ вообще мало подходитъ къ московскимъ царямъ XVII вѣка, которые не олицетворяли въ своей особѣ всего государства, какъ настоящіе абсолютисты, а различали „государево" и „земское" дѣло. Въ отношеніи же къ Борису Годунову Пушкинъ намѣренно опустилъ тѣ черты, которыя не подходили къ его типу царя-самодержца. Первыя слова Бориса по его избраніи звучали на самомъ дѣлѣ совершенно иначе, чѣмъ слова перваго монолога трагедіи. Во время литургіи, стоя подлѣ патріарха, Борисъ неожиданно воскликнулъ: „Се отче, великій патріархъ Іовъ, Богъ свидѣтель сему, никто же будетъ въ моемъ царствіи нищъ или бѣденъ",—и, схвативъ воротъ своей рубашки, продолжалъ: „и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми". Пушкинъ не могъ не знать этого факта изъ исторіи Карамзина и изъ его примѣчаній, но онъ опу-

стилъ эту живописную, исторически достовѣрную и столь характерную для Бориса черту, потому что онъ изображалъ не Бориса—боярина на престолѣ, а московскаго царя-самодержца [1]).

Въ этихъ словахъ Бориса выразилось желаніе его быть особымъ царемъ, царемъ-слугою народа. Пушкинъ опустилъ ихъ, такъ какъ они не шли къ типу московскаго царя. Этотъ царь, въ лицѣ Бориса, заботится прежде всего о „силѣ своей державы", онъ завѣщаетъ сыну только временно ослабить власть, изъ рукъ не выпуская, чтобы затѣмъ „понемногу снова затягивать державныя бразды". Между этимъ царемъ и народомъ пропасть взаимнаго непониманія:

Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо,
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.

Объ особомъ „духѣ русскаго народа", выражающемся въ преданности его царямъ, говоритъ въ трагедіи одинъ только Самозванецъ, и когда же? въ хвастливой рѣчи передъ патеромъ Черниковскимъ, которому онъ ручается, что въ два года весь русскій народъ обратитъ въ католичество.

Я знаю духъ народа моего,

говоритъ Димитрій:

Въ немъ набожность не знаетъ изступленья,
Ему священъ примѣръ царя его.

Но значеніе этихъ словъ тутъ же ослабляется третьей чертою народа:

Всегда, къ тому-жъ, терпимость равнодушна.

---

[1]) Эти слова Бориса обратили на себя общее вниманіе и современниковъ, и историковъ. Авраамій Палицынъ осуждалъ его за эти слова. „Невѣмы чего ради испустилъ сицевъ глаголъ зѣло высокъ и богомерзостенъ... Словесе же сего никто не недоумѣвся взбранити". Бѣлинскій говоритъ: что значатъ эти слова, „что̀ видно въ нихъ, если не чрезмѣрная радость о достиженіи давно желанной цѣли, если не благодарность за блестящее бремя не по силамъ?... Не такъ принимаетъ подобную власть геній, великій человѣкъ; онъ беретъ ее, какъ что-то свое, принадлежащее ему по праву". Соловьевъ тоже думаетъ, что въ этихъ „первыхъ словахъ", сказанныхъ Борисомъ при его новомъ положеніи, „обнаружился недостатокъ нравственнаго величія, умѣнья владѣть собою, не забываться при достиженіи желанной цѣли". Такъ ли это, или не такъ, но слова Бориса исторически очень характерны, и Пушкинъ не опустилъ бы ихъ, если бы изображалъ прежде всего Бориса Годунова, а не царя.

Въ этой осторожной фразѣ выражена главная причина разобщенности царя и народа; народъ угнетенъ до того, что онъ сталъ равнодушенъ ко всему, даже къ перемѣнѣ вѣры. Удивительно ли послѣ этого, что его не могутъ глубоко тронуть всѣ милости Бориса, царя, сохраняющаго, какъ ни велики его милости, отмѣну Юрьева дня?

Въ этой роли угнетеннаго до потери политическаго сознанія, до равнодушія къ перемѣнамъ на престолѣ, и выступаетъ народъ неизмѣнно во всей трагедіи, какъ „безсмысленная чернь", которая

Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна.

Такимъ является народъ въ первыхъ сценахъ трагедіи, при избраніи царя Бориса; таковъ же онъ и въ послѣднихъ сценахъ, при воцареніи Лжедимитрія. Пассивно соглашается онъ, по рѣшенію бояръ, на избраніе Лжедимитрія, притворно плачетъ, упрашивая Годунова принять престолъ, а затѣмъ такъ же лицемѣрно привѣтствуетъ новаго царя.

Пушкинъ ярко оттѣняетъ эту пассивность, сопоставляя сначала вой и плачъ народа, затѣмъ привѣтственные клики съ насмѣшливыми разговорами въ толпѣ: „О чемъ мы плачемъ?—А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре—не намъ чета...

— Всѣ плачутъ—заплачемъ, братъ, и мы...
Что тамъ еще?—Да кто ихъ разберетъ!—
Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласился!
Борисъ нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

Нѣтъ самостоятельныхъ дѣйствій народа и въ послѣднихъ сценахъ признанія Лжедимитрія и убійства дѣтей Бориса. Народъ опять дѣйствуетъ по указкѣ бояръ. Бояринъ говоритъ рѣчь, приглашая бить челомъ Лжедимитрію, и народъ отвѣчаетъ:

„Что толковать? Бояринъ правду молвилъ:
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!"

По предложенію мужика, взобравшагося на амвонъ, народъ несется толпою вязать, топить Борисова щенка, но останавливается передъ дворцомъ. Приходятъ бояре. Народъ почтительно разступается. Бояре входятъ въ домъ Борисовъ. Народъ недоумѣ-

ваетъ: „Зачѣмъ они пришли?—А, вѣрно, приводить къ присягѣ Ѳеодора Годунова". Выходитъ Мосальскій и объявляетъ неожиданно, что Ѳеодоръ и Марія Годуновы отравились. „Народъ въ ужасѣ молчитъ".

Но послѣ словъ боярина: „Что-жъ вы молчите? Кричите: Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!" — народъ, съ обычной пассивностью, кричитъ: „Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!"

Этими словами оканчивалась трагедія въ рукописи до цензуры III отдѣленія и Николая. И эти слова еще сильнѣе оттѣняли почти автоматическую покорность народа внушеніямъ власти, чѣмъ знаменитая фраза: „народъ безмолвствуетъ", которой заканчивается печатный текстъ.

Рельефно изображая эту пассивность, равнодушную терпимость народа, Пушкинъ говорилъ не какъ историкъ, а какъ политикъ. И его характеристика народа была вѣрна въ приложеніи къ его собственному времени и къ XVIII вѣку, но она менѣе всего подходила къ эпохѣ его трагедіи. Въ эпоху Бориса Годунова и смутнаго времени народъ „безмолвствовалъ" менѣе, чѣмъ когда-либо. Рѣзкая разобщенность между властью и народомъ, въ связи съ культурной разобщенностью верховъ и низовъ общества и въ связи съ усилившимся гнетомъ крѣпостного права, опредѣлилась у насъ особенно въ XVIII в. Раньше, въ XVI—XVII вв., эта разобщенность вообще была менѣе рѣзкой, а въ смутное время особенно. Эпоха смуты есть время не равнодушной терпимости, а дѣйствій народа и силы „народнаго мнѣнія". Народъ не безмолвствовалъ, а дѣйствовалъ и при избраніи Бориса. Избирательный соборъ 1598 года, какъ это выяснилъ В. О. Ключевскій, не былъ избирательной комедіей, не былъ игрушкою въ рукахъ Годунова. Соборъ былъ созванъ безъ намѣреннаго подбора членовъ, по установившимся, хотя и очень несовершеннымъ формамъ представительства того времени. Кромѣ бояръ и придворныхъ чиновъ, въ числѣ болѣе 500 представителей, на соборѣ было до 150 горожанъ и московскихъ дворянъ и до 50 тяглыхъ людей. Послѣ долгаго обсужденія, хотя, конечно, не безъ давленія Бориса, державшаго власть въ своихъ рукахъ, соборъ сознательно и согласно избралъ его, какъ человѣка, изъ всѣхъ кандидатовъ на престолъ наиболѣе выдававшагося личными достоинствами и опытностью въ управленіи. Низшіе классы народа, особенно жители

Москвы, выступающіе въ первыхъ сценахъ трагедіи Пушкина, тоже не пассивно относились къ избранію въ цари Годунова, такъ какъ за время царствованія Ѳеодора Ивановича онъ, какъ главный правитель, сумѣлъ пріобрѣсти широкую популярность. Картина общаго ликованія при избраніи Бориса, которую рисуетъ Карамзинъ и сходно съ нимъ Соловьевъ, основана на многихъ достовѣрныхъ источникахъ [1]).

II.

Равнодушіе народа къ царямъ, къ царямъ именно вообще, а не къ царю Борису, исторически неправильное въ отношеніи ко времени Бориса, составляетъ не узелъ драмы (какъ думалъ Ждановъ), а только фонъ, на которомъ она развивается.

Бѣлинскій, съ шокирующей насъ въ отношеніи Пушкина рѣзкостью, сказалъ, что его Годуновъ „вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару". И въ этомъ Бѣлинскій видѣлъ у Пушкина „рабское" послѣдованіе Карамзину. „Мелодраматичность"— конечно, преувеличеніе, какъ и „рабская" зависимость отъ Карамзина. Но въ существѣ дѣла Бѣлинскій, думается, правъ.

Разсказавъ о торжествѣ избранія Бориса на престолъ, Карамзинъ писалъ: „Сей, человѣческою мудростью надѣленный правитель достигъ престола злодѣйствомъ... Казнь небесная угрожала Царю-преступнику и Царству несчастному".

Эта же неизбѣжность возмездія, гибель, роковымъ образомъ связанная съ преступленіемъ, паденіе Бориса отъ тѣни умерщ-

---

[1]) Въ народной сценѣ трагедіи баба нарочно бросаетъ ребенка на землю, чтобъ онъ плакалъ: „Плачь, баловень! (бросаетъ его объ земь; ребенокъ пищитъ). Ну, то-то же!" Здѣсь, чтобы оттѣнить лицемѣріе народа, Пушкинъ отступилъ отъ историческихъ источниковъ. У Карамзина онъ прочелъ выписку изъ грамоты: „Жены ссущихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху". Это — совсѣмъ иное; это значитъ, что женщины такъ слезно рыдали, что дѣти падали у нихъ съ рукъ, или что „матери кинули своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика" (Карамзинъ). Не болѣе ли это правдоподобно само по себѣ (принимая во вниманіе торжественность момента избранія царя и торжественность процессіи іерарховъ), чѣмъ бросаніе бабами грудныхъ дѣтей объ земь, чтобы они плакали?

вленнаго имъ царевича Димитрія—и составляетъ развитіе драмы Пушкина.

Въ первой же сценѣ трагедіи князь Шуйскій увѣренно разсказывалъ объ „ужасномъ злодѣйствѣ“ Годунова.

И въ кельѣ Пимена идетъ рѣчь о томъ же:

> Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
> Владыкою себѣ цареубійцу
> Мы нарекли.

Эта сцена заканчивается словами Григорія Отрепьева:

> И не уйдешь ты отъ суда мірского,
> Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда,

въ которыхъ Пушкинъ точно перефразируетъ слова Карамзина: „Казнь небесная угрожала царю-преступнику“.

Проходитъ пять лѣтъ, и Борисъ гибнетъ. Онъ самъ объясняетъ причину своей гибели въ монологѣ, столь извѣстномъ, что изъ него достаточно напомнить послѣднюю, резюмирующую его, фразу:

> Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

Нечистая совѣсть парализуетъ его силы, и онъ не выдерживаетъ борьбы съ самозванцемъ, „тѣнью“ убитаго имъ дитяти. Самъ онъ во̀-время умеръ; но развязка драмы—въ трагической смерти его сына за преступленіе отца.

Бѣлинскій утверждалъ, что если бы Пушкинъ правильнѣе понялъ тайну историческаго значенія Годунова, то онъ нашелъ бы въ ней иную тему, если не для драмы, то хоть для поэмы въ драматической формѣ, такую тему, въ которой онъ могъ бы развернуть всю силу своего таланта. Это, конечно, еще вопросъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что, противопоставляя карамзинскому и пушкинскому Борису свое пониманіе тайны его историческаго значенія и паденія, Бѣлинскій правильно указалъ на несоотвѣтствіе замысла Пушкина болѣе сложной исторической дѣйствительности. Новѣйшія историческія изслѣдованія подтверждаютъ основныя черты взгляда Бѣлинскаго на Годунова.

„Борисъ Годуновъ—писалъ онъ—не былъ человѣкомъ ничтожнымъ и даже обыкновеннымъ; напротивъ, это былъ человѣкъ ума великаго, который цѣлою головою стоялъ выше своего народа“. Трагедія его паденія объясняется отнюдь не мученіями совѣсти:

„вѣрно понять Годунова исторически и поэтически значитъ понять необходимость его паденія равно въ обоихъ случаяхъ, виновенъ ли онъ былъ въ смерти царевича, или не виновенъ". Такъ именно теперь ставятъ вопросъ историки при изученіи личности Бориса Годунова и причинъ его паденія.

Борисъ Годуновъ, несомнѣнно, былъ замѣчательной личностью, человѣкомъ рѣдкихъ дарованій. Онъ не только удивлялъ современниковъ своимъ умомъ, но и весь онъ, и своей внѣшностью, и своимъ обращеніемъ производилъ на нихъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ былъ очень привѣтливъ и любезенъ, „свѣтлодушенъ", какъ говорили въ то время. Его „свѣтлодушіе" смягчало, заставляло людей легче признавать ту властность, то право на господство, которое давали ему его умъ и настойчивая воля. Впечатлѣніе отъ этихъ его свойствъ усиливалось его внѣшностью, видной фигурой средняго роста и красотой лица. О личномъ обаяніи Годунова дошло до насъ множество указаній въ различныхъ запискахъ и сказаніяхъ его современниковъ. Въ запискахъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ, находимъ настоящіе панегирики его талантамъ; въ русскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ даже у писателей, враждебныхъ ему,—полное признаніе его дарованій, у другихъ—восторженные отзывы.

Восторженную характеристику его даетъ кн. Котыревъ-Ростовскій въ своей „Повѣсти", восхваляющій и его умъ, и благолѣпіе лица, и краснорѣчіе, и благочестіе, и милости, и искусство управленія. „Бысть же той Борисъ—образомъ своимъ и дѣлы множество людей превзошедъ; никто бы ему отъ царскихъ синклитъ подобенъ во благолѣпіи лица и въ разсуженіи ума его; милостивъ и благочестивъ, паче во многомъ разсуженіи доволенъ, и велерѣчивъ зѣло и въ царствующемъ градѣ многое дивное о себѣ творяше во дни власти своея". Другой русскій писатель, дьякъ Ив. Тимофеевъ въ своемъ „Временникѣ" не находитъ достаточно словъ для похвалъ доброты и милостей Бориса ко всѣмъ безпомощнымъ (въ отвѣтѣхъ всѣмъ сладокъ, безпомощнымъ и вдовицамъ отмститель скоръ), и восхваляетъ его умъ, замѣчая, что у его преемниковъ на престолѣ была только „тѣнь" его разума, какъ „познано" всѣми.

Убіеніе царевича Димитрія никакъ не имѣло того значенія въ жизни Годунова, какое приписывали ему Карамзинъ и слѣ-

домъ за нимъ Пушкинъ. Вина Годунова въ этомъ дѣлѣ представляется очень сомнительной. Бѣлинскій стоялъ на правильной точкѣ зрѣнія, отрицая его вину. Умный и ловкій Борисъ, искушенный въ придворной интригѣ, не могъ такъ неловко обставить убійство, точно нарочно для того, чтобы навлечь на себя подозрѣніе, тогда какъ ему ничего не стоило такъ обставить воспитаніе царевича, чтобы онъ преждевременно умеръ или сталъ неспособнымъ къ правленію. Анализъ сказаній современниковъ смуты, сдѣланный проф. С. Ф. Платоновымъ, даетъ новый аргументъ въ пользу мнѣнія, что Борисъ не былъ причастенъ къ убійству царевича. Современники, авторы этихъ сказаній, писали уже послѣ того, какъ при царѣ Василіи Шуйскомъ церковь объявила Димитрія святымъ и офиціально признала убійцею его Бориса Годунова, и, тѣмъ не менѣе, они, какъ ни авторитетенъ былъ для людей этой эпохи голосъ церкви, видимо, съ недовѣріемъ относятся къ легендѣ объ убійствѣ царевича Борисомъ. Это были люди, хорошо знавшіе событія своего времени, и въ ихъ словахъ о дѣлѣ царевича Димитрія чувствуется, что они чего-то не договариваютъ, что они, какъ будто, знаютъ что-то такое, о чемъ не считаютъ возможнымъ писать. За исключеніемъ автора „Временника", дьяка Тимофеева, всѣ писатели смутной эпохи, какъ замѣчаетъ Платоновъ, „всѣ неохотно и очень осторожно говорятъ объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Димитрія". Такъ, напримѣръ, Авраамій Палицынъ, обличающій Бориса во многихъ и грѣхахъ и беззаконіяхъ, совершенно упускаетъ упомянуть въ числѣ этихъ беззаконій убійство царевича. „Обрушиваясь на Бориса за его гордыню, подозрительность, насилія, за его неуваженіе къ старымъ обычаямъ и непочтеніе къ святынѣ, Палицынъ—замѣчаетъ Платоновъ—вовсе забываетъ о смерти маленькаго царевича и, говоря о «началѣ бѣды во всей Россіи», утверждаетъ, что бѣда началась, какъ возмездіе за преслѣдованіе (Борисомъ) Романовыхъ". И даже для тѣхъ, кто, какъ дьякъ Тимофеевъ, повѣривъ іерархамъ, призналъ Бориса виновнымъ въ угличскомъ дѣлѣ, даже для нихъ это темное дѣло казалось несовмѣстимымъ съ обаяніемъ его личности и они терялись въ недоумѣніяхъ. „Какъ ни старается Тимофеевъ—говоритъ Платоновъ—разрѣшить свои недоумѣнія, въ концѣ концовъ онъ сознается, что не успѣлъ разгадать Бориса и понять: „от-

куду се ему доброе прибысть“. „Въ часѣ же смерти его—заключаетъ Тимофеевъ свою рѣчь о Борисѣ—никто же вѣсть, что возодолѣ“, и какая сторона его дѣлъ перетянула мѣрила (вѣсы), благія его дѣла или злыя?

III.

Какъ же разрѣшить этотъ вопросъ о личности Бориса и о его „часѣ смерти“, который представлялся неразрѣшимымъ дьяку Тимофееву, если то простое рѣшеніе вопроса, какое далъ Карамзинъ и слѣдомъ за нимъ Пушкинъ, а именно гибель Бориса преступника отъ угрызеній совѣсти за убійство царевича, должно быть признано неправильнымъ? Отчего тѣнь царевича Димитрія такъ легко сорвала порфиру, если не съ него самого, то съ его сына?

Соловьевъ такъ пытался разрѣшить этотъ вопросъ. „Для многихъ въ Московскомъ государствѣ—говоритъ онъ—Борисъ и на престолѣ оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Өеодорѣ. Мужъ чудный и сладкорѣчивый продолжалъ устраивать въ Русскомъ государствѣ много достохвальныхъ вещей, попрежнему ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемства, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ. Ради такихъ строеній всенародныхъ Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ всѣмъ любезенъ, Россія цвѣла всѣми благами. И несмотря на это, онъ палъ потому, что, говорятъ русскіе современники, навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли... Послѣ повѣрки ихъ объясненія мы не можемъ не согласиться съ ними... Средства Годунова были велики; но по характеру своему онъ не былъ въ уровень своему положенію“. „Если бы тернъ завистной злобы не помрачилъ цвѣтъ его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царемъ уподобиться“. „Эти слова современника, продолжаетъ Соловьевъ, объясняютъ какъ нельзя лучше дѣло. Годуновъ не могъ... упрочить себя и потомство свое на престолѣ по неумѣнью нравственно возвыситься въ уровень своему высокому положенію. Восходя на престолъ, онъ не могъ освободиться отъ боярскихъ отношеній, отъ боярскихъ чувствъ, продолжалъ питать завистную злобу къ своимъ старымъ соперникамъ... Годуновъ, который, будучи бояриномъ, казался достойнымъ царствовать,

явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ временъ Грознаго, неувѣреннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, не умѣвшимъ владѣть собою, ненаходчивымъ въ случаяхъ важныхъ, рѣшительныхъ".

Бѣлинскій съ удивительной проницательностью далъ болѣе широкое и болѣе правильное объясненіе паденія Годунова. Бѣлинскій имѣлъ въ виду и тѣ отношенія Годунова къ боярству, имѣлъ въ виду тотъ „тернъ завистной злобы", помрачившій добродѣтель Годунова, которымъ Соловьевъ, главнымъ образомъ, объясняетъ его паденіе, какъ видно изъ только-что приведенныхъ его словъ. „Сперва онъ крѣпился,—говоритъ Бѣлинскій—надѣясь лаской и милостью обезоружить тайныхъ враговъ и прекратить неблагопріятные о себѣ толки; но видя, что это не дѣйствуетъ, не вытерпѣлъ, и тогда настала эпоха террора, шпіонства, доносовъ, пытокъ и скоропостижныхъ смертей. У Годунова не было великаго сердца, и потому онъ не могъ не мучиться подозрѣніями, не бояться крамолы, не увлекаться личнымъ мщеніемъ и наконецъ не сдѣлаться тираномъ".

Но Бѣлинскій этому „терну завистной злобы" или, какъ онъ говоритъ, отсутствію въ Годуновѣ „великаго сердца" не придавалъ главнаго значенія, и перенесъ обсужденіе дѣла на болѣе широкую платформу. У Годунова—говоритъ онъ—„былъ только умъ и даровитость, но не было геніальности, тогда какъ судьба его поставила въ такое положеніе, что геніальность была ему необходима. Будь онъ законный наслѣдный царь, онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ... Но онъ былъ выскочка (parvenu) и потому долженъ былъ быть геніемъ или пасть... и палъ".

Затѣмъ, вспоминая Петра Великаго, Бѣлинскій говоритъ, что Годунову въ его положеніи необходимо было проявить „творческую силу, присущую организму генія, какъ его инстинктъ", ввести въ жизнь Россіи новые элементы, а онъ „былъ только умнѣе своего времени, но не выше его".

Въ наши дни эти слова Бѣлинскаго о творческой силѣ генія, вносящаго въ жизнь новые элементы, кажутся очень старомодными. Объясняя исторію, мы теперь все сводимъ къ условіямъ развитія, вовсе не придавая значенія вліянію отдѣльныхъ лично-

стей или, по меньшей мѣрѣ, придавая ему третьестепенное значеніе. И съ этой точки зрѣнія мы не будемъ винить Годунова въ томъ, что онъ не былъ геніемъ.

Но думается все-таки, что Бѣлинскій стоялъ на правильномъ пути въ объясненія паденія Годунова. Въ терминахъ господствовавшей въ его время философіи исторіи онъ правильно указалъ на чрезвычайную трудность и сложность его положенія, какъ на главную причину его паденія. Говоря, что „судьба поставила его въ такое положеніе, что геніальность ему была необходима“, Бѣлинскій, въ сущности, правильно указалъ на чрезвычайную трудность положенія Годунова, требовавшую отъ него для его спасенія чего-то необычайнаго, экстраординарнаго, геніальнаго.

Намъ совершенно неясно посейчасъ, послѣ всѣхъ новыхъ историческихъ изслѣдованій эпохи, что̀ именно необычайно-геніальное долженъ былъ сдѣлать Годуновъ, чтобы укрѣпить свой престолъ, иначе говоря, чтобы остановить надвигавшуюся смуту. Намъ теперь только ясна еще лучше, чѣмъ Бѣлинскому, особенная сложность условій, въ которыхъ ему пришлось дѣйствовать, необычная трудность задачи, выпавшей на его долю. Онъ долженъ былъ предотвратить смутное время или пасть. Смутное время не было случайнымъ, нелѣпымъ броженіемъ, а какъ мы знаемъ теперь послѣ новыхъ изслѣдовапій и особенно капитальнаго изслѣдованія Платонова, было вооруженной борьбою сословій, которою разрѣшились соціальныя противорѣчія XVI вѣка,— вѣка образованія московскаго государства, осложненныя экономическимъ кризисомъ. Насколько естественно вытекла смута изъ этихъ условій, это лучше всего характеризуетъ тотъ фактъ, что не только смута вообще, но даже нѣкоторыя ея событія предсказывались русскими и иностранцами задолго до ея наступленія. Джильсъ Флетчеръ изъ недолгаго наблюденія московскаго общества при Ѳеодорѣ Ивановичѣ сдѣлалъ выводъ, что дѣло идетъ къ открытому междоусобію, къ гражданской войнѣ, и вѣрно предвидѣлъ, что въ этой борьбѣ рѣшающая роль будетъ принадлежать не знати (боярству) и не народной массѣ, а дворянству [1]).

[1]) Флетчеръ говорилъ о войскѣ, но войско и дворянство для того времени почти одно и то же, такъ какъ главпую часть войска составляло конное ополченіе „дворянъ и дѣтей боярскихъ“.

Русскій авторъ Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ, еще при Иванѣ Грозномъ писавшій о грядущей смутѣ, предсказалъ даже частыя смѣны царей въ смутное время: „царіе на своихъ степеняхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися начнутъ“.

Борисъ Годуновъ, этотъ умный и ловкій человѣкъ, понималъ близившуюся опасность смуты, предпринималъ крупныя реформы (какъ, напримѣръ, ограниченіе привилегій-тархановъ духовенства и отмѣна Юрьева дня) и жертвуя интересами боярства и крестьянства интересамъ дворянства, правильно искалъ опоры въ томъ самомъ среднемъ сословіи дворянъ и дѣтей боярскихъ, который, вмѣстѣ съ посадскими людьми, вышелъ побѣдителемъ изъ соціальной борьбы смутнаго времени.

И если сынъ его не удержался на престолѣ въ ту эпоху, когда „царіе на своихъ степеняхъ царскихъ“ начали „почасту премѣнятися“, то причина этому смута, а не „тернъ завистливой злобы“, омрачившій добродѣтель Бориса Годунова, и не отмщеніе за кровь младенца царевича, которое лежитъ въ основѣ драматическаго развитія трагедіи Пушкина.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ [1]).

Біографическій очеркъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, генералъ-адмиралъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, второй сынъ императора Николая Павловича и супруги его императрицы Александры Ѳеодоровны, родился 9 сентября 1827 г., умеръ 13 января 1892 г.

Съ ранняго дѣтства великій князь Константинъ Николаевичъ предназначенъ былъ своимъ родителемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ стать во главѣ русскаго военнаго флота и морского управленія. Когда великому князю не исполнилось еще четырехъ лѣтъ, онъ былъ назначенъ, 22 августа 1831 г., генералъ-адмираломъ и шефомъ гвардейскаго экипажа. Въ слѣдующемъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Государь ввѣрилъ руководство воспитаніемъ великаго князя Ѳедору Петровичу Литке (впослѣдствіи графу), морскому офицеру, составившему себѣ извѣстность трудными морскими экспедиціями въ сѣверныя воды и цѣнными научными трудами по гидрографіи, географіи и физикѣ. Предшествовавшею своею дѣятельностью Ѳ. П. Литке не былъ подготовленъ къ обя-

---

¹) Эта статья напечатана въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“. Въ изданіи „Галлерея русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели освобожденія крестьянъ, подъ ред. С. А. Венгерова“. Спб. 1903 (Прил. къ „Вѣстнику и Библіотекѣ Самообразованія“) Н. П. Сильванскій помѣстилъ очеркъ о В. К. Константинѣ Николаевичѣ, представляющій небольшое извлеченіе изъ этой статьи. Этотъ очеркъ нами не перепечатывается. *Ред.*

занностямъ воспитателя, но онъ съ большою энергіей поспѣшилъ восполнить недостававшія ему свѣдѣнія и въ теченіе 16 лѣтъ онъ исполнялъ обязанности воспитателя, вполнѣ удовлетворяя требованіямъ Государя и многократно удостоиваясь выраженія его благодарности.

Правильныя учебныя занятія начаты были съ семилѣтняго возраста великаго князя. Въ распредѣленіи ихъ Литке строго держался правила, чтобы великій князь никогда не имѣлъ болѣе четырехъ часовыхъ уроковъ въ день, считая въ томъ числѣ уроки рисованія и чистописанія. Только въ послѣдній годъ ученья, передъ заключеніемъ учебныхъ курсовъ, число уроковъ было увеличено до пяти. Графъ Литке писалъ впослѣдствіи, по окончаніи ученья: „успѣхи, оказанные великимъ княземъ по всѣмъ предметамъ, которые, конечно, въ значительной степени должны быть отнесены на счетъ необыкновенныхъ его способностей, доказываютъ, что когда вниманіе учителя посвящено нераздѣльно одному ученику, то четырехъ полныхъ часовъ занятій учителя съ ученикомъ совершенно достаточно". Въ первые годы ученья строго наблюдалось также, чтобы между двумя послѣдовательными уроками всегда былъ часъ промежутка, и чтобы труднѣйшимъ предметамъ посвящены были болѣе ранніе часы, когда голова совершенно свѣжа; въ послѣдніе часы занятій преподавались наиболѣе легкіе предметы—чистописаніе, рисованіе, музыка. Въ промежутокъ между двумя утренними уроками отъ 10 до 11 часовъ великій князь Константинъ вмѣстѣ съ братьями навѣщалъ своихъ родителей и затѣмъ занимался гимнастикой, фехтованіемъ, маршировкой, ружейными пріемами. Отъ 12 до 2 послѣ легкаго завтрака онъ совершалъ прогулку или ѣздилъ верхомъ. Отъ 2 до 3 былъ урокъ, затѣмъ въ 3 часа обѣдъ, послѣ котораго великій князь отправлялся къ императрицѣ, гдѣ оставался до 5. Четвертый урокъ назначался въ 5 часовъ и затѣмъ время до отхода ко сну, въ 9 часовъ, великій князь проводилъ или у императрицы, или въ играхъ съ братьями и сестрами; два раза въ недѣлю въ эти часы назначался урокъ танцевъ. Позднѣе, съ 17-го года возраста великаго князя, этотъ порядокъ занятій былъ измѣненъ: уроки слѣдовали отъ 8 утра до часу, съ перерывомъ отъ 10-ти до 11-ти.

Въ преподаваніи наукъ первоначально рѣшено было слѣдовать „систематическому курсу", составленному В. А. Жуковскимъ для

обученія цесаревича Александра Николаевича, при чемъ Жуковскій же долженъ былъ руководить прохожденіемъ этого курса. Черезъ два года, однако, систематическій курсъ былъ оставленъ; изъ пріемовъ, рекомендовавшихся Жуковскимъ, удержанъ былъ только пріемъ составленія таблицъ, какъ хорошее мнемоническое средство.

Изученію исторіи въ общемъ планѣ преподаванія отведено было видное мѣсто. Русскую исторію преподавалъ великому князю профессоръ И. П. Шульгинъ; для курса о событіяхъ XVIII вѣка Шульгинъ, одинъ изъ первыхъ, допущенъ былъ въ 1844 г. къ изученію секретныхъ дѣлъ Государственнаго архива. Въ продолженіе лекціи, состоявшей всегда изъ свободнаго разсказа, великій князь долженъ былъ дѣлать въ особой тетради краткія замѣтки. По этимъ замѣткамъ на слѣдующемъ урокѣ излагалъ онъ содержаніе лекціи изустно, а затѣмъ въ письменной работѣ. Такимъ образомъ, великій князь прошелъ всю исторію русскую и всеобщую. Эту послѣднюю ему читалъ А. Ѳ. Гриммъ на нѣмецкомъ языкѣ. На урокахъ французскаго и англійскаго языковъ великій князь разсказывалъ на этихъ языкахъ содержаніе послѣдней нѣмецкой исторической лекціи. Статистику и законовѣдѣніе преподавалъ великому князю статсъ-секретарь баронъ (впослѣдствіи графъ) Модестъ Андреевичъ Корфъ; но эти науки въ общемъ планѣ преподаванія занимали второстепенное мѣсто; императоръ Николай рекомендовалъ барону Корфу „долго не останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ“, находя, что „лучшая теорія права—добрая нравственность; а она должна быть въ сердцѣ независимой отъ этихъ отвлеченностей, и имѣть своимъ основаніемъ религію“. Преподаваніе математики и физики поручено было академику Э. Х. Ленцу; военныя науки—фортификацію, артиллерію, стратегію, тактику—преподавали полковникъ Ѳ. Ѳ. Ласковскій, ген.-маіоръ М. Д. Рѣзвой, полковники: Платовъ, М. И. Богдановичъ и Ѳ. И. Горемыкинъ. Ближайшимъ помощникомъ Ѳ. П. Литке по воспитанію великаго князя былъ контръ-адмиралъ Ѳ. С. Лутковскій. Экзамены производились черезъ трехлѣтніе промежутки, въ 1838, 1841 и 1844 годахъ, на 11-мъ, 14-мъ и 17-мъ годахъ возраста великаго князя. На послѣднемъ изъ этихъ экзаменовъ въ присутствіи Государя великій князь обнаружилъ вполнѣ свои блестящія способности; императоръ Николай остался чрезвычайно доволенъ его успѣхами.

Великій князь съ дѣтства проявлялъ большія дарованія и пылкій характеръ. Строгою дисциплиною твердый и суровый Литке стремился выровнять характеръ своего воспитанника. Онъ удовлетворялъ широкой любознательности живого и воспріимчиваго юноши великаго князя, но старался направить его интересъ преимущественно въ область морского дѣла и наукъ, имѣющихъ связь съ мореплаваніемъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, Литке привлекъ своего августѣйшаго воспитанника къ участію въ трудахъ только-что основаннаго имъ Географическаго Общества; 6 августа 1845 г. Константинъ Николаевичъ по избранію общества былъ Высочайше назначенъ его предсѣдателемъ.

Весьма рано Константина Николаевича начали знакомить съ практикою морского дѣла. Въ 1834 г. въ день своего рожденія онъ получилъ первый офицерскій чинъ мичмана и въ слѣдующемъ году, восьмилѣтнимъ мальчикомъ, совершилъ первое морское плаваніе на военномъ суднѣ „Геркулесъ“. Въ 1843 г. великій князь произведенъ былъ въ лейтенанты и въ слѣдующемъ году въ капитанъ-лейтенанты (26 марта) и въ капитаны 2-го ранга (12 августа). Одновременно онъ былъ назначенъ командующимъ бригомъ „Улиссъ“, на которомъ крейсировалъ около Красной Горки. Въ 1844 г., восемнадцати лѣтъ отъ роду, Константинъ Николаевичъ совершилъ большое морское плаваніе на кораблѣ „Ингерманландъ“ изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Весною 1845 г. учебныя занятія великаго князя были пріостановлены и цѣлый годъ былъ посвященъ морскимъ экспедиціямъ. Въ сопровожденіи Литке великій князь отправился сухимъ путемъ на югъ въ Николаевъ, совершилъ морское плаваніе на военномъ суднѣ въ Константинополь, затѣмъ посѣтилъ Францію, Испанію и Англію. Въ числѣ документовъ Военно-ученаго Архива (за № 108) находится „Предположеніе атаки Царя-града съ моря“,—записка, составленная великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ послѣ этого путешествія. Въ запискѣ своей великій князь доказываетъ, что при современномъ состояніи укрѣпленій Босфора съ одной стороны и русскаго Черноморскаго флота—съ другой, атака несомнѣнно увѣнчается успѣхомъ и что затѣмъ, овладѣвъ Дарданеллами, мы окажемся въ полной возможности отразить всякія попытки флотовъ Англіи и Франціи выбить насъ изъ Константинополя. 25 іюня 1846 г. онъ произведенъ былъ въ капитаны I ранга

и затѣмъ вступилъ въ командованіе фрегатомъ „Паллада", на которомъ совершилъ въ 1847 и 1848 гг. двѣ морскія кампаніи. Одновременно съ этимъ въ зимнее время великій князь командовалъ первымъ батальономъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Въ 1847 г. 9 сентября великій князь достигъ совершеннолѣтія; учебныя занятія его были закончены въ мартѣ того же года; но Государь оставилъ при немъ графа Литке въ званіи попечителя. 6 февраля слѣдующаго года состоялось обрученіе великаго князя съ принцессою Александрою-Фредерикою, дочерью герцога Саксенъ-Альтенбургскаго Іосифа, нареченною при св. муропомазаніи великою княжною Александрою Іосифовною. 26 марта великій князь отправился въ Англію и посѣтилъ на пути туда свою высоконареченную невѣсту въ Альтенбургѣ. По возвращеніи великаго князя въ Петербургъ совершено было 30 августа бракосочетаніе Ихъ Высочествъ. Въ тотъ же день Константинъ Николаевичъ произведенъ былъ въ контръ-адмиралы, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества, назначенъ шефомъ Морского кадетскаго корпуса и командующимъ Финляндскимъ полкомъ. По особому желанію императора Николая графъ Литке и послѣ брака великаго князя оставался его попечителемъ въ теченіе двухъ лѣтъ до переѣзда своего въ Ревель, на постъ командира порта.

Въ 1849 г. великій князь совершилъ съ нашими войсками походъ въ Венгрію, участвовалъ въ сраженіяхъ 3 и 5 іюля подъ Вайценомъ, 13 и 14 іюля при устройствѣ переправъ черезъ рѣку Тиссу и 21 іюля подъ Дебречиномъ. Отъ главнокомандующаго дѣйствующей арміей князя Паскевича онъ получилъ орденъ св. Георгія четвертой степени. Въ Высочайшей грамотѣ на этотъ орденъ заявлено, что великій князь, „находясь постоянно при главныхъ силахъ арміи, раздѣлялъ съ войсками всѣ труды похода"; — „въ дѣлахъ подъ Вайценомъ и подъ Дебречиномъ оставался подъ смертоноснымъ дѣйствіемъ непріятельскихъ батарей, а при Тисса-Фюретѣ находился подъ самымъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, отличаясь мужествомъ и самоотверженіемъ". Изъ этого похода великій князь писалъ очень обстоятельныя письма Государю; и Государь говорилъ, что именно на основаніи ихъ онъ составилъ себѣ наиболѣе полное и вѣрное представленіе объ этой кампаніи. Личное участіе въ войнѣ, однако, не увлекло Константина Николаевича; напротивъ того, оно побудило его оставить на-

всегда недавнія мечтанія о военной славѣ и о походѣ на Царьградъ,—мечты, которыя онъ питалъ нѣкоторое время послѣ поѣздки своей въ Константинополь и которыя еще незадолго передъ тѣмъ высказывалъ въ одномъ изъ писемъ къ В. А. Жуковскому.

Участіемъ въ военномъ походѣ закончилась подготовка великаго князя къ правительственной дѣятельности; тотчасъ же послѣ венгерской кампаніи, съ 1850 г., императоръ Николай начинаетъ поручать ему все болѣе и болѣе отвѣтственныя дѣла по высшему государственному управленію и вскорѣ ставитъ его во главѣ управленія морскимъ вѣдомствомъ. 5 сентября 1850 г. великій князь назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ онъ раньше, съ 3 января 1849 г., присутствовалъ безъ права голоса. Съ 1850 же года начинаются тѣсно-дружескія и довѣренныя отношенія между великимъ княземъ и А. В. Головнинымъ, сыномъ извѣстнаго своимъ плѣномъ въ Японіи и литературными трудами адмирала Головнина, впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія. Своимъ государственнымъ развитіемъ великій князь во многомъ былъ обязанъ Головнину, который познакомилъ великаго князя, внѣ служебныхъ отношеній, съ тою плеядою выдающихся общественныхъ дѣятелей, которая постепенно группировалась впослѣдствіи вокругъ великаго князя въ эпоху преобразованій императора Александра II. Въ совмѣстныхъ трудахъ по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности великій князь и Головнинъ были неразлучны до послѣднихъ дней, и дружба ихъ всегда оставалась неизмѣнною и непомраченною.

Уже въ 1850 году великому князю было ввѣрено руководство крупною законодательною работой по морскому вѣдомству, а именно пересмотромъ и общимъ сводомъ морскихъ уставовъ; съ 3 сентября 1850 г. Константинъ Николаевичъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, образованномъ для этой цѣли. Вскорѣ затѣмъ великій князь началъ знакомиться и съ дѣлами управленія морскимъ вѣдомствомъ: 25 іюня 1852 г. Государь назначилъ его товарищемъ начальника главнаго морского штаба, князя А. С. Меншикова, который, состоя въ этой должности, управлялъ морскимъ министерствомъ. Въ слѣдующемъ году, когда князь Меншиковъ отправленъ былъ посломъ въ Константинополь, Константинъ Николаевичъ съ 21 января замѣстилъ его, вступивъ въ управленіе морскимъ министерствомъ. Молодой великій князь ревностно и успѣшно испол-

нялъ свои новыя обязанности; Государь высоко цѣнилъ его дѣятельность; 19 апрѣля великій князь получилъ чинъ вице-адмирала, а 6 декабря того же года ему пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 1 ст., при чемъ Государь выразилъ ему свое особенное благоволеніе въ слѣдующей грамотѣ: „Назначивъ васъ товарищемъ начальника главнаго штаба и слѣдя внимательно за ходомъ служебной дѣятельности вашей, пріятно намъ было удостовѣриться, что вы, вникая во всѣ отрасли сей многосложной части, соотвѣтствуете тѣмъ нашему довѣрію. Возложенный на васъ важный трудъ составленія устава морской службы совершили вы съ отличнымъ успѣхомъ, какъ засвидѣтельствовалъ предъ нами генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ; вступая же за отсутствіемъ его въ управленіе морскимъ министерствомъ, успѣли въ короткое время уменьшить расходы по коммисаріатскому департаменту. Все сіе, радуя родительское сердце, даетъ вамъ право на особенное наше благоволеніе, въ ознаменованіе котораго жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Владиміра первой степени... Мы увѣрены, что, продолжая съ тѣмъ же рвеніемъ дѣйствовать на служебномъ поприщѣ вашемъ, вы доведете управляемую вами часть до желаемаго во всѣхъ отношеніяхъ совершенства и содѣлаетесь достойнымъ, если обстоятельства того потребуютъ, вести флоты наши противъ враговъ отечества къ новой славѣ“.

Въ слѣдующіе, послѣдніе годы царствованія Николая I Константинъ Николаевичъ продолжалъ управлять морскимъ вѣдомствомъ, вводя во флотѣ частичныя улучшенія. Императоръ Александръ II оставилъ въ его рукахъ морское вѣдомство и тотчасъ же по вступленіи на престолъ повелѣлъ ему, 23 февраля 1855 г., управлять какъ флотомъ, такъ и морскимъ министерствомъ, по званію генералъ-адмирала, на правахъ министра.

Въ 1854 и 1855 гг., во время осады Севастополя великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна, между которыми существовали уже ранѣе особенно дружескія и довѣренныя отношенія, положили въ Россіи начало тому, что образовало впослѣдствіи во всемъ мірѣ учрежденія Краснаго Креста.— Въ то время какъ въ Крыму у англичанъ дѣйствовала одиночно Miss Nightingale—въ русскихъ войскахъ арміи и флота около раненыхъ и больныхъ сталъ дѣйствовать цѣлый организованный сонмъ исполнителей предначертаній великаго князя Константина Нико-

лаевича и великой княгини Елены Павловны. Благодѣтельный результатъ этихъ начертаній обратилъ на себя благодарное вниманіе всей Россіи.

Едва кончилась Крымская война, стоившая намъ потери Черноморскаго флота и сопровождавшаяся запретомъ его возобновленія, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ уже положилъ первый камень такого возобновленія подъ видомъ созданія въ Черномъ морѣ Русскаго общества пароходства и торговли, уставъ коего былъ изданъ въ августѣ 1856 г., черезъ пять мѣсяцевъ послѣ заключенія Парижскаго мира. Не прошло пяти лѣтъ, какъ это общество укрѣпило за собою почетное и серьезное мѣсто среди конкурирующихъ въ Средиземномъ морѣ иностранныхъ мореходныхъ компаній.

По окончаніи Крымской войны великій князь генералъ-адмиралъ приступилъ къ важнымъ преобразованіямъ по морскому вѣдомству; но не ограничиваясь ввѣренною ему спеціальною частью, явился дѣятельнымъ, виднымъ участникомъ многихъ реформъ новаго царствованія. Особенно плодотворно и важно было участіе Константина Николаевича въ законодательныхъ работахъ 1857—1861 гг. по дѣлу освобожденія крестьянъ. Не менѣе важнымъ было также нравственное вліяніе великаго князя на направленіе и общій ходъ преобразованій въ первую половину 60-хъ годовъ.

Императоръ Александръ II, признавая необходимость преобразованій, не считалъ возможнымъ провести реформы единственно силою самодержавной власти, разомъ сломивъ сопротивленіе сторонниковъ стараго порядка; Императоръ давалъ свободу борьбѣ мнѣній, борьбѣ стараго съ новымъ; онъ не устранилъ отъ власти авторитетныхъ заслуженныхъ сановниковъ прежняго царствованія и считался съ ихъ мнѣніями, какъ съ отзвукомъ настроенія большинства общества. Въ силу этого дѣятельность великаго князя, смѣлаго сторонника новыхъ идей, пріобрѣла большое значеніе въ общемъ ходѣ преобразовательнаго движенія. Въ концѣ 50-хъ годовъ въ обществѣ составилось довольно вѣрное представленіе объ этой роли Константина Николаевича. Современникъ, академикъ А. В. Никитенко, замѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Великій князь пользуется репутаціей защитника и главы партіи всѣхъ мыслящихъ людей—главы такъ называемаго прогресса“.

Занимаясь спеціально дѣлами морского управленія, вел. кн.

Константинъ Николаевичъ постоянно имѣлъ въ виду обще-государственныя задачи и потребности. Въ письмѣ къ кн. А. И. Барятинскому 24 іюня 1857 г. онъ такъ указываетъ на рядъ предстоящихъ реформъ: „Состояніе нашихъ финансовъ, которое въ высшей степени затруднительно, побуждаетъ неотлагательно сократить по всѣмъ вѣдомствамъ всѣ расходы, безъ которыхъ можно обойтись, и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее, для того, чтобы выйти изъ настоящаго положенія. Положеніе это становится тѣмъ важнѣе, что теперь явились съ новою силою и требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія другіе важные жизненные вопросы внутренней администраціи нашей, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицію нашу такъ, чтобъ народъ находилъ гдѣ-нибудь судъ и расправу, чтобъ приказанія правительства исполнялись и чтобъ высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣзаконнымъ средствамъ. Въ то же время необходимо изыскать новые и притомъ колоссальные источники народнаго богатства, дабы Россія сравнялась въ этомъ отношеніи съ другими государствами: ибо мы не можемъ далѣе себя обманывать и должны сказать, что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и что при томъ бѣднѣе не только матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи“.

Задолго до того, какъ императоръ Александръ II рѣшился приступить къ уничтоженію крѣпостного права, Константинъ Николаевичъ проникся твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости и своевременности этого преобразованія. Въ апрѣлѣ 1855 г. въ разговорѣ объ инвентаряхъ, вводившихся въ юго-западномъ краѣ, онъ замѣтилъ: „вѣдь это подготовляетъ волю; дай Богъ кончить войну, а потомъ начнемъ другое дѣло“. Въ 1856 г., ознакомившись, какъ управляющій морскимъ вѣдомствомъ, съ тягостнымъ положеніемъ охтенскихъ казенныхъ поселянъ, состоявшихъ подъ тѣсною крѣпостною опекой петербургскаго адмиралтейства, великій князь началъ разработку вопроса объ отпускѣ ихъ на волю. Черезъ два года, 10 апрѣля 1858 г., охтенскіе поселяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости и великій князь не замедлилъ возбудить вопросъ объ освобожденіи на тѣхъ же основаніяхъ крестьянъ черноморскихъ адмиралтейскихъ селеній. Горячій и безбоязненный

сторонникъ освобожденія крестьянъ, Константинъ Николаевичъ имѣлъ большое вліяніе на успѣшное разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, рѣшительно вступивъ въ борьбу съ тѣми изъ ближайшихъ сотрудниковъ Императора, которые несочувственно или враждебно относились къ реформѣ, и оказавъ сильную поддержку немногочисленнымъ сторонникамъ освобожденія. Вмѣстѣ съ великою княгиней Еленой Павловною, просвѣщенною и ревностною сторонницей реформъ, Константинъ Николаевичъ повліялъ на рѣшимость Императора немедленно приступить къ этому трудному дѣлу и затѣмъ поддерживалъ своего царственнаго брата въ минуты колебаній.

Въ октябрѣ 1856 г. Н. А. Милютинъ писалъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: „при первомъ приступѣ къ реформѣ (освобожденія крестьянъ) нужна для успѣха дѣла твердая нравственная опора, чтобы придать съ самаго начала твердость идеямъ и убѣжденіямъ, еще столь колеблющимся. Обыкновенный дѣятель, подобный лицу, указанному Вашимъ Высочествомъ, не могъ бы имѣть ни авторитета, ни независимости, необходимыхъ для такой роли. Онъ повредилъ бы себѣ, не достигнувъ цѣли. Беру на себя смѣлость указать единственное лицо, которое обладаетъ всѣмъ необходимымъ, чтобы быть выразителемъ мыслей Вашего Высочества“— Милютинъ имѣлъ при этомъ въ виду великаго князя Константина Николаевича и въ немъ именно неокрѣпшая еще идея реформы нашла себѣ въ самомъ началѣ „твердую опору“.

Первый приступъ къ реформѣ сдѣланъ былъ Государемъ въ отсутствіе великаго князя Константина Николаевича: 3 января 1857 г. образованъ былъ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Великій князь находился въ это время въ далекомъ заграничномъ путешествіи. Выѣхавъ 25 декабря 1856 г. изъ Петербурга, онъ пробылъ нѣкоторое время въ гостяхъ у королевы ганноверской, сестры своей супруги, затѣмъ у ея родителей въ Саксенъ-Альтенбургѣ, посѣтилъ Дрезденъ, Веймаръ, Штутгартъ; въ февралѣ онъ отправился въ Швейцарію и отсюда въ Ниццу, гдѣ произвелъ смотръ русской эскадрѣ. Въ апрѣлѣ великій князь прибылъ въ Парижъ и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, на возвратномъ пути въ Россію, посѣтилъ Англію.

Въ теченіе этого времени секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу, не сочувствовавшій освобожденію крестьянъ, полгода

просуществовалъ безплодно. Лишь только Константинъ Николаевичъ вернулся въ Россію, государь Александръ II назначилъ его въ іюлѣ 1857 г. членомъ названнаго комитета. Вступленіе въ комитетъ великаго князя сразу дало сильный толчокъ движенію вопроса. Въ лицѣ Константина Николаевича комитетъ пріобрѣлъ наиболѣе убѣжденнаго и смѣлаго защитника немедленнаго освобожденія крестьянъ. Принявшись за дѣло со свойственною ему энергіей, великій князь имѣлъ рядъ совѣщаній съ остававшимися въ Петербургѣ въ эти лѣтніе мѣсяцы членами комитета: Орловымъ, Ланскимъ, Чевкинымъ и Ростовцевымъ, и сговорился съ ними о нѣкоторыхъ началахъ преобразованія. Первыя отважныя усилія его, однако, не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій, происходившихъ 14-го, 17-го и 18-го августа, большинство комитета, вопреки настояніямъ великаго князя, оставшагося въ меньшинствѣ, признало необходимымъ вести „дѣло улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“ съ осторожностью и постепенностью, предложивъ для начала ограничиться изданіемъ указа о дозволеніи дворянамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыми селеніями.

Государь утвердилъ мнѣніе большинства комитета; но черезъ три мѣсяца мнѣніе меньшинства, руководимаго великимъ княземъ, восторжествовало. Получивъ адресъ дворянства трехъ сѣверо-западныхъ губерній, выразившаго (по внушенію генералъ-губернатора Назимова) желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Государь приказалъ комитету немедленно обсудить главныя основанія реформъ, предложивъ въ руководство проектъ, составленный ранѣе министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ. Въ восьмидневный срокъ, указанный Государемъ, комитетъ выработалъ знаменитый отвѣтный рескриптъ генералъ-губернатору Назимову 20-го ноября 1857 г.: этимъ рескриптомъ устанавливались главныя начала освобожденія крестьянъ (впослѣдствіи, впрочемъ, измѣненныя) и повелѣвалось открыть дворянскіе комитеты въ трехъ литовскихъ губерніяхъ и общую комиссію въ Вильнѣ, для составленія проектовъ устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ было указано, что „улучшеніе быта крестьянъ“ означаетъ освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Слова „освобожденіе крестьянъ“ были, наконецъ, произнесены.

Но въ рескриптѣ Государя и въ бумагѣ Ланского рѣчь шла пока еще не объ общегосударственной реформѣ, а только о мѣстныхъ преобразованіяхъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ. Опасаясь, чтобы реформа не была локализована противниками освобожденія крестьянъ, великій князь предложилъ комитету разослать рескриптъ и пояснительное отношеніе ко всѣмъ губернаторамъ для свѣдѣнія и соображенія. Благодаря настойчивости великаго князя комитетъ одобрилъ эту мѣру. Незначительная на первый взглядъ мѣра, столь своевременно и смѣло проведенная великимъ княземъ, сильно двинула впередъ все дѣло освобожденія. Разсылкою этихъ бумагъ правительство предложило дворянству всѣхъ губерній слѣдовать примѣру дворянства литовскаго и открыто ставило на очередь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ по всей Россіи. Большинство комитета на другой же день рѣшилось испросить Высочайшее разрѣшеніе на пріостановку разсылки рескрипта,—но было уже поздно: по распоряженію Ланского и Н. А. Милютина бумаги были отпечатаны немедленно, въ ночь на 21-е ноября, и были уже сданы на почту.

Дальнѣйшій сильный толчокъ движенію дѣла дала рѣчь Государя къ петербургскому дворянству 9-го декабря 1857 г. и возвѣщенное въ рескриптѣ 5-го декабря открытіе петербургскаго губернскаго комитета по крестьянскому вопросу. Послѣ этого великому князю, дѣйствовавшему въ согласіи съ великою княгиней Еленой Павловной и Милютинымъ, удалось провести мысль о приданіи дѣлу освобожденія крестьянъ полной гласности. Еще въ августѣ 1857 г. онъ пытался убѣдить членовъ секретнаго комитета въ необходимости огласить предположенныя начала реформы, но тогда встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны большинства комитета; теперь, уступая настойчиво выраженному великимъ княземъ мнѣнію, комитетъ согласился на опубликованіе рескриптовъ и въ особенности министерскихъ циркуляровъ. Въ связи съ этимъ секретный комитетъ 8-го января 1858 г. былъ переименованъ въ „Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу".

Ходъ законодательныхъ работъ по освобожденію крестьянъ подробно изложенъ въ біографіи императора Александра II, а потому здѣсь остается упомянуть лишь объ участіи Константина Николаевича въ сихъ работахъ. Участіе это въ 1858 г. было менѣе значительно, такъ какъ съ открытіемъ редакціонныхъ ко-

миссій къ нимъ перешелъ центръ тяжести работъ по крестьянскому дѣлу и дѣятельность главнаго комитета почти совершенно прекратилась на полтора года. Великій князь не принималъ участія въ отвѣтственной и сложной работѣ этихъ комиссій по окончательному выясненію главныхъ началъ и разработкѣ всѣхъ подробностей реформы. Въ концѣ ноября 1858 г. онъ отправился въ продолжительное путешествіе за границу.

4 декабря великій князь прибылъ въ Виллафранку, отсюда на фрегатѣ „Громобой“ съ русскою эскадрой изъ четырехъ судовъ отплылъ въ Тулонъ и посѣтилъ Парижъ. Съ 22 декабря Константинъ Николаевичъ три мѣсяца прожилъ въ Оливуццѣ близъ Палермо, совершивъ нѣсколько короткихъ поѣздокъ. 6 апрѣля великій князь на фрегатѣ „Громобой“ въ сопровожденіи эскадры, отправился въ Грецію, гдѣ осмотрѣлъ Аѳины, затѣмъ—въ Яффу, посѣтилъ Іерусалимъ, и 25 мая прибылъ въ Константинополь, откуда по Черному морю прослѣдовалъ въ Крымъ. Находясь за границей, великій князь внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что́ дѣлалось на родинѣ, и велъ обширную переписку оффиціальную и частную съ русскими государственными дѣятелями.

Члены редакціонныхъ комиссій, съ Н. А. Милютинымъ во главѣ, защищавшіе преимущественно интересы крестьянъ, стремившіеся къ наибольшему обезпеченію ихъ землей при освобожденіи, знали, что великій князь вполнѣ сочувствуетъ ихъ стремленіямъ, и увѣренность въ этомъ давала имъ бодрость въ борьбѣ съ противниками. Великій князь слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ законопроекта при дѣятельномъ содѣйствіи своего секретаря А. В. Головнина, который, будучи другомъ Н. А. Милютина и пріятелемъ многихъ членовъ комиссій, всегда зналъ, что́ въ нихъ происходило. Благодаря этому великій князь ознакомился не только съ существенными сторонами проекта, но и съ мотивами его, которыхъ редакціонныя комиссіи не успѣли изложить въ объяснительной запискѣ, вслѣдствіе поспѣшности ихъ закрытія. Такимъ образомъ онъ явился вполнѣ подготовленнымъ для выполненія возложенной на него Государемъ задачи предсѣдательства въ главномъ комитетѣ во время обсужденія проекта комиссій.

Назначеніе Константина Николаевича въ октябрѣ 1860 г. предсѣдателемъ главнаго комитета, на мѣсто заболѣвшаго кн. А. Ѳ. Орлова, было радостно встрѣчено сторонниками его взглядовъ на

проведеніе реформы. Назначеніе это давало великому князю возможность оказать сильное вліяніе на успѣшное окончаніе дѣла, которому онъ горячо сочувствовалъ.

Императоръ Александръ II высоко цѣнилъ важность услугъ, оказанныхъ великимъ княземъ дѣлу освобожденія крестьянъ; въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28 января 1861 г. онъ горячо благодарилъ его, поцѣловавъ нѣсколько разъ. Въ рескриптѣ великому князю, подписанномъ въ одинъ день съ утвержденіемъ положенія 19 февраля 1861 г., Государь писалъ: „Я не забуду и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество и какъ другіе члены комитета“. Впослѣдствіи въ день празднованія 25-лѣтія своего восшествія на престолъ Александръ II въ своей рѣчи Государственному Совѣту назвалъ великаго князя „первымъ своимъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ“.

Въ законодательныхъ работахъ по второй важнѣйшей реформѣ 60-хъ годовъ,—общей судебной реформѣ, великій князь не принималъ прямого участія, но въ начальную ея стадію существенно содѣйствовалъ торжеству идей, положенныхъ въ основу судебныхъ уставовъ императора Александра II. Вопросъ объ общемъ преобразованіи суда въ духѣ этихъ идей былъ разрѣшенъ Императоромъ въ сентябрѣ 1862 года, когда имъ утверждены были основныя начала реформы. Между тѣмъ великій князь Константинъ Николаевичъ еще за два года до этого проектировалъ преобразованіе морского судоустройства и судопроизводства на тѣхъ же самыхъ началахъ.

Живо сознавая крайнюю неудовлетворительность и жестокость старыхъ судебныхъ порядковъ, великій князь съ первыхъ же лѣтъ новаго царствованія спѣшилъ устранить нѣкоторые недостатки военно-морского суда частичными мѣропріятіями. Объявленныя по представленіямъ морского министерства Высочайшія повелѣнія 9 марта 1855 г., 4 іюня и 5 октября 1856 г. и 5 мая 1858 г. явились предвѣстниками судебной реформы, устанавливая новый гуманный взглядъ на подсудимыхъ. Этими узаконеніями опредѣлялось, что „лица, состоящія подъ слѣдствіемъ и судомъ, доколѣ не будутъ обвинены, не суть еще преступники и посему могутъ быть лишены свободы единственно для необходимой предосторожности. Во всякомъ случаѣ обращеніе съ ними должно быть согласно съ справедливостью и человѣколюбіемъ“.

Съ другой стороны приняты были мѣры противъ одного изъ главныхъ золъ стараго письменнаго и тайнаго суда—крайней медленности судопроизводства. Съ цѣлью возможнаго ускоренія его и сокращенія переписки Высочайшимъ повелѣніемъ 22 декабря 1858 года отмѣнены были нѣкоторыя судебныя обрядности и установлены новыя правила письмоводства въ судахъ. Въ 1855 г. при аудиторіатскомъ департаментѣ была образована особая комиссія для переработки правилъ о наблюденіи за скорѣйшимъ рѣшеніемъ судныхъ дѣлъ и объ отчетности въ ихъ производствѣ.

Наконецъ, въ военно-морской судъ внесено было до извѣстной степени начало гласности. По распоряженію великаго князя, явившемуся важнымъ нововведеніемъ, наиболѣе любопытныя изъ морскихъ судебныхъ дѣлъ начали оглашаться во всеобщее свѣдѣніе на страницахъ „Морского Сборника".

Но всѣ эти мѣропріятія не измѣняли основныхъ началъ стараго военно-морского судопроизводства и поэтому, естественно, не могли привести къ существенному его улучшенію. Видя единственный исходъ изъ прежняго неудовлетворительнаго положенія военно-морского суда въ коренной реформѣ его, великій князь учредилъ въ іюлѣ 1857 г. при аудиторіатскомъ департаментѣ особый комитетъ по пересмотру свода морскихъ уголовныхъ постановленій, поручивъ ему составить проектъ морского суднаго устава на новыхъ, современныхъ началахъ. Эти новыя для Россіи западно-европейскія начала суда оказались недостаточно извѣстными членамъ комитета и для успѣха ихъ работъ великій князь призналъ необходимымъ прежде всего собрать матеріалы за границей; съ этою цѣлью генералъ-аудиторъ флота, П. Н. Глѣбовъ, былъ командированъ въ 1858 году во Францію и позднѣе, въ 1860 г., юрисконсультъ морского министерства Варрандъ—въ Англію. Результатомъ командировки Глѣбова былъ составленный имъ, примѣнительно къ судебнымъ учрежденіямъ Франціи, проектъ устава морского судоустройства и судопроизводства, въ основу которыхъ положены были начала, чуждыя до того времени русскому процессу: самостоятельность судей, состязательный устный процессъ, гласность уголовнаго процесса и обезпеченіе права защиты обвиняемаго. Это были основныя начала судебныхъ уставовъ 1864 года, морское вѣдомство впервые оглашало ихъ въ Россіи офиціально во всеобщее свѣдѣніе.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 1880 г. великій князь Константинъ Николаевичъ, справедливо гордясь своимъ содѣйствіемъ великой реформѣ 1864 г., замѣтилъ, что проектъ военно-морского судебнаго устава 1860 г. много содѣйствовалъ принятію рѣшенія подвергнуть наше судоустройство и судопроизводство коренному преобразованію, что онъ побудилъ оставить мысль объ улучшеніи прежнихъ судебныхъ порядковъ отдѣльными частичными измѣненіями.

Дѣйствительно, этотъ проектъ, напечатанный въ 1860 г., за два года до утвержденія основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи (29 сентября 1862 г.), тотчасъ же былъ разосланъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, судебнымъ чинамъ (предсѣдателямъ судебныхъ палатъ и губернскимъ прокурорамъ), а также юристамъ, профессорамъ университетовъ. Въ слѣдующемъ же году морское министерство напечатало два тома „Отзывовъ и замѣчаній разныхъ лицъ на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ“.

Этотъ проектъ самъ по себѣ отличался многими существенными недостатками. Провозгласивъ необходимость реформы суда на новыхъ началахъ и формулировавъ ихъ въ самомъ уставѣ и въ объяснительной запискѣ вполнѣ опредѣленно, составители проекта отчасти не сумѣли, отчасти не рѣшились вполнѣ послѣдовательно провести эти начала въ проектированныхъ ими учрежденіяхъ. Настаивая на независимости судебной власти отъ административной, они вслѣдъ затѣмъ, во имя военной дисциплины, безусловно подчиняли слѣдователей командирамъ портовъ, образовывали морскіе суды изъ лицъ, подчиненныхъ тѣмъ же командирамъ и т. п. Старанія составителей ввести состязательный элементъ въ судебный процессъ также не увѣнчались успѣхомъ. Проектъ не удовлетворялъ вообще своею непослѣдовательностью юристовъ и потому впослѣдствіи былъ существенно переработанъ. Онъ имѣлъ, однако, весьма важное значеніе въ общемъ ходѣ судебной реформы, какъ первый офиціальный проектъ, въ которомъ, благодаря рѣшимости великаго князя, безъ всякихъ уступокъ приняты были два великія начала судопроизводства: устное судоговореніе и гласность, и было открыто признано превосходство двухъ другихъ западно-европейскихъ началъ суда: самостоятельности судей и обезпеченія права защиты обвиняемаго. Въ проектѣ ярко вы-

ражено назрѣвшее сознаніе полной неудовлетворительности стараго суда и намѣченъ былъ правильный путь для реформы.

Великій князь, выйдя изъ области подлежащихъ его непосредственному вѣдѣнію вопросовъ морского управленія, и не ожидая почина отъ спеціальныхъ судебныхъ вѣдомствъ, своимъ проектомъ смѣло поставилъ на очередь общую судебную реформу. Всѣ поняли значеніе этого шага великаго князя Константина Николаевича и большинство восторженно привѣтствовало его проектъ, какъ „зарю прекрасной будущности для Россіи". Нѣкоторые находили неудобнымъ преобразовать морскіе суды, оставивъ въ общихъ судахъ всю прежнюю систему; но большинство поддерживало такую частную реформу, въ увѣренности, что „введеніе морского проекта въ дѣйствіе неминуемо повлечетъ коренное преобразованіе всего судоустройства и судопроизводства какъ военнаго, такъ и гражданскаго". „Морское вѣдомство,—писалъ К. П. Побѣдоносцевъ,—хочетъ положить начало, показать примѣръ на практикѣ. Благослови Боже это благое начинаніе морского вѣдомства".

Для переработки первоначальнаго проекта военно-морского судебнаго устава въ 1861 году учреждена была особая комиссія. Въ началѣ 1862 г. дѣйствія ея были пріостановлены, въ виду начавшагося въ это время обсужденія вопроса объ общемъ преобразованіи судебной части въ Имперіи. Затѣмъ, немедленно по утвержденіи основныхъ положеній этой реформы, образована была 2 ноября 1862 г. новая комиссія изъ представителей военнаго и морского вѣдомствъ для начертанія общихъ основныхъ положеній военнаго и военно-морского суда. По утвержденіи Государемъ—25 октября 1865 г.—основныхъ положеній преобразованія военносудной части, выработанъ былъ къ началу 1866 года представителями морского и военнаго вѣдомствъ подробный проектъ уставовъ военно-уголовнаго судоустройства и судопроизводства. Великій князь генералъ-адмиралъ руководилъ этимъ дѣломъ въ полномъ согласіи съ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, неуклонно держась основныхъ принциповъ „Судебныхъ уставовъ" 1864 года. Въ 1866 г., 4 іюля, былъ учрежденъ для обсужденія проекта военно-судебнаго устава особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя. Послѣ подробнаго обсужденія этого проекта въ комитетѣ, онъ былъ исправленъ и утвержденъ Государемъ 15 мая 1867 г.

Кромѣ реформъ крестьянской и судебной имя великаго князя Константина Николаевича тѣсно связано также и съ третьей крупной реформой царствованія Александра II—отмѣной тѣлесныхъ наказаній.

Энергичный противникъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній вообще, великій князь Константинъ Николаевичъ не находилъ возможнымъ дѣлать въ этомъ вопросѣ исключеніе для военно-морской службы и его не останавливалъ примѣръ передовой Англіи, сохранявшей тѣлесныя наказанія во флотѣ. При посредствѣ органа своего вѣдомства, „Морского Сборника“, великій князь первый началъ подготовлять почву для уничтоженія шпицрутеновъ, кошекъ и розогъ. Онъ не только стремился къ отмѣнѣ жестокихъ наказаній, но шелъ гораздо дальше, безусловно воспретивъ, въ 1860 г., морскимъ офицерамъ собственноручныя расправы съ матросами.

Вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній возбужденъ былъ кн. Н. А. Орловымъ въ бытность его посланникомъ въ Брюсселѣ. Въ мартѣ 1861 г. онъ представилъ Государю записку о необходимости этой реформы; въ составленіи записки кн. Орлову помогалъ генералъ-аудиторъ П. Н. Глѣбовъ.

Великій князь тотчасъ же горячо привѣтствовалъ и поддержалъ гуманное начинаніе кн. Орлова. „Тѣлесныя наказанія,— писалъ великій князь въ своемъ офиціальномъ заключеніи по этому вопросу, составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей“. Употребленіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, находилъ онъ, не достигаетъ цѣли: „ни жестокость тѣлесныхъ казней и наказаній, ни частое употребленіе ихъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а, напротивъ, жестокость тѣлесныхъ наказаній и неумѣренное употребленіе ихъ, безъ крайней въ томъ необходимости и безъ достаточнаго зрѣлаго обсужденія проступка виновнаго, могутъ ослаблять силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія“.

Великій князь энергично настаивалъ на неотложности отмѣны наказаній плетьми и шпицрутенами, которыя въ сущности, какъ указывалъ кн. Орловъ, были не только жестокою пыткой, но и

мучительною смертною казнью, такъ какъ наказаніе шпицрутенами весьма часто оканчивалось смертью преступника; великій князь предлагалъ узаконить отмѣну этихъ наказаній по военному и морскому вѣдомствамъ немедленно и не ожидая соотвѣтствующаго распоряженія по гражданскому вѣдомству. Рѣшительный голосъ великаго князя Константина Николаевича особенно повліялъ на изданіе гуманнаго закона 17 апрѣля 1863 г., потому что онъ возставалъ противъ жестокихъ наказаній, хотя и являлся представителемъ морского вѣдомства, въ которомъ необходимость желѣзной дисциплины, казалось, оправдывала строгость наказаній болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Освобожденіе печатнаго слова отъ предварительной цензуры совершилось также въ значительной степени благодаря вліянію великаго князя Константина Николаевича. Дѣйствуя болѣе самостоятельно въ своей спеціальной области морского управленія, онъ первый допустилъ въ концѣ 50-хъ годовъ гласное обсужденіе проектовъ преобразованій, задуманныхъ морскимъ вѣдомствомъ, и не только по военно-морской спеціальности, но даже иногда и по вопросамъ, имѣвшимъ общегосударственное значеніе. На страницахъ органа морского министерства, „Морского Сборника", впервые началось гласное обсужденіе новыхъ началъ воспитанія и судоустройства. Обсужденіе поставленнаго морскимъ министерствомъ вопроса о реформѣ морского воспитанія, естественно, вызывало обсужденіе вопроса о наилучшей системѣ воспитанія вообще. Извѣстныя статьи Пирогова „Вопросы жизни" и „Школа и жизнь", напечатанныя въ „Морскомъ Сборникѣ" въ 1856 и 1860 гг., явились крупною новостью въ нашей литературѣ по той свободѣ, съ которою трактовались въ нихъ новыя гуманныя начала воспитанія. Въ статьяхъ Глѣбова и Яневича-Яневскаго въ 1857 г. впервые допущено было гласное обсужденіе новыхъ началъ судоустройства и судопроизводства.

„Морской Сборникъ", издававшійся подъ ближайшимъ наблюденіемъ великаго князя, превратился въ живой органъ, въ которомъ разрабатывались самые существенные и жгучіе общественные вопросы. Въ мемуарахъ современника Валуева замѣчено объ этомъ времени, что „газеты наши живутъ только перепечатками изъ „Морского Сборника". Журналъ этотъ, естественно, получилъ широкую популярность въ русскомъ обществѣ; число его частныхъ

подписчиковъ возросло въ 1857 г. до 1680. Нѣсколько позднѣе онъ печатался въ количествѣ 5.000 экземпляровъ. Въ гласномъ обсужденіи реформъ великій князь видѣлъ лучшее средство для ихъ успѣха. Онъ считалъ необходимымъ снять покровъ тайны, скрывавшій отъ общества дѣятельность администраціи. По распоряженію его, явившемуся смѣлымъ для того времени нововведеніемъ, въ „Морскомъ Сборникѣ“ начали съ 1853 г. оповѣщаться во всеобщее свѣдѣніе правительственныя распоряженія по морскому вѣдомству, донесенія о плаваніяхъ, извлеченія изъ годовыхъ отчетовъ и ревизій. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 1880 г. великій князь говоритъ, что „такого рода гласность, придаваемая дѣйствіямъ всѣхъ служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, приносила несомнѣнную пользу вліяніемъ страха общественнаго порицанія“. Въ этомъ же отчетѣ онъ, упоминая о томъ, что смѣты до 1858 г. составляли государственную тайну, замѣчаетъ: „Морское министерство было первое, которое уничтожило у себя эту вредную для пользы дѣла таинственность, ввело печатаніе смѣтъ и сдѣлало ихъ такимъ образомъ предметомъ гласнаго обсужденія“.

Великій князь имѣлъ косвенное вліяніе и на нѣкоторыя изъ тѣхъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, въ которыхъ онъ не принималъ непосредственнаго участія, поддерживая дѣятелей, посвящавшихъ имъ свои силы и во многихъ случаяхъ выдвинутыхъ имъ самимъ. Сочувствіе и поддержка Константина Николаевича обезпечены были министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину въ его мѣропріятіяхъ по отношенію къ печати и въ проведеніи университетскаго устава 1863 г. Великій князь высоко цѣнилъ знаменитаго дѣятеля эпохи реформъ Н. А. Милютина и всегда готовъ былъ ему содѣйствовать. Когда въ февралѣ 1861 г. Милютинъ подалъ просьбу объ отпускѣ, видя, что онъ не пользуется полнымъ довѣріемъ Государя, Головнинъ 1 марта сообщилъ ему о слѣдующемъ своемъ разговорѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ: „Я видѣлъ утромъ великаго князя, но мнѣ не удалось убѣдить Его Высочество стать на вашу точку зрѣнія. Великій князь настаивалъ на своемъ мнѣніи, что вы должны быть утверждены въ вашей должности товарища министра“. Вслѣдъ затѣмъ, 3 марта, Головнинъ писалъ Милютину о новомъ разговорѣ съ великимъ княземъ: „Его Высочество долго бесѣдовалъ

со мною. Онъ находилъ, что вы болѣе, чѣмъ кто-либо другой, необходимы для великаго дѣла и что вы должны замѣстить Ланского. Онъ хочетъ самъ переговорить (объ этомъ съ Государемъ). Великій князь относился, какъ сообщаетъ Головнинъ, „съ искренней симпатіей и уваженіемъ къ Милютину"; онъ живо интересовался его планомъ земской реформы. Черезъ день послѣ подписанія манифеста 19 февраля великій князь просилъ Милютина сообщить его мысли по этому вопросу и получилъ отъ него 22 февраля записку о введеніи въ Россіи земскаго самоуправленія.

Предполагавшееся великимъ княземъ назначеніе Н. А. Милютина на постъ министра внутреннихъ дѣлъ не состоялось. Однако, при назначеніи новыхъ министровъ въ концѣ 1861 г. и началѣ 1862 г. Государь выбралъ себѣ нѣсколько новыхъ сотрудниковъ изъ кружка государственныхъ дѣятелей, группировавшихся вокругъ великаго князя Константина Николаевича и одинаково съ нимъ убѣжденныхъ въ необходимости коренныхъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ управленія. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ А. В. Головнинъ, состоявшій нѣсколько лѣтъ, съ 1850 г., секретаремъ при Константинѣ Николаевичѣ; военное министерство ввѣрено было А. Д. Милютину, министерство финансовъ—А. Х. Рейтерну, который преобразовалъ систему счетоводства въ морскомъ вѣдомствѣ.

Горячая пора преобразованій начала 60-хъ годовъ ознаменовалась революціоннымъ движеніемъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ самомъ началѣ этого движенія императоръ Александръ II пытался прекратить его политикой примиренія, избѣгая насилія. Глубоко проникнутый гуманными идеями эпохи, великій князь Константинъ Николаевичъ вполнѣ сочувствовалъ этой системѣ успокоенія Польши и принялъ должность намѣстника императора въ Царствѣ Польскомъ въ наиболѣе критическое время, когда въ царствѣ грозилъ разразиться со дня на день открытый вооруженный мятежъ. 27 мая 1862 г. подписанъ былъ Высочайшій указъ о назначеніи великаго князя на должность намѣстника, съ подчиненіемъ ему на правахъ главнокомандующаго всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ. Другимъ указомъ того же числа Государь облекалъ намѣстника, какъ своего представителя, полною властью, за исключеніемъ власти законодательной и дѣлъ чрезвычайной

важности, подлежавшихъ рѣшенію самого Императора. Поддерживая въ царствѣ порядокъ, безопасность и спокойствіе, великій князь въ предѣлахъ административной власти уполномоченъ былъ дѣйствовать черезъ посредство подчиненныхъ ему начальника гражданскаго управленія, маркиза Велепольскаго, и командующаго войсками. 15-го іюня на жизнь предмѣстника великаго князя, генерала Лидерса, произведено было покушеніе въ Варшавѣ: выстрѣломъ изъ пистолета неизвѣстный ранилъ его тяжело въ лицо. Великій князь Константинъ Николаевичъ поспѣшилъ тогда въ столицу Царства Польскаго на свой опасный постъ. 20 іюня онъ прибылъ въ Варшаву вмѣстѣ съ супругою, Ея Высочествомъ Александрою Іосифовною. На другой же день, 21 іюня, при выходѣ великаго князя изъ театра сдѣланъ былъ и въ него выстрѣлъ изъ пистолета въ упоръ. Пуля, пройдя черезъ эполету, легко ранила его въ плечо.

На пріемѣ въ замкѣ великій князь сказалъ чиновникамъ и почетнымъ лицамъ изъ поляковъ, явившимся поздравить его съ чудеснымъ спасеніемъ: „Вотъ уже второе преступленіе въ одну недѣлю. Провидѣніе охранило меня и я считаю этотъ случай счастливымъ, потому что онъ указываетъ краю на то, какъ далеко зашла зараза. Я глубоко убѣжденъ, что благородная и великодушная польская нація отвергаетъ всякое соучастіе въ покушеніяхъ такого рода, но словъ недостаточно: нужно дѣло. Братъ мой желаетъ вашего счастья. вотъ почему онъ прислалъ меня сюда. Расчитываю на вашу помощь, чтобы я могъ исполнить мою миссію. Дайте мнѣ возможность трудиться вамъ на благо и будьте увѣрены, что я совершу все, что только въ моихъ силахъ“. Обратясь къ графу Замойскому, великій князь спросилъ: „Вы, графъ, одобряете меня? Такъ дайте же руку“ и, взявъ также за руку маркиза Велепольскаго, прибавилъ: „Прошу, господа, вашего содѣйствія. Поддержите меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишенное поддержки націи, остается безсильнымъ“.

Въ полномъ согласіи съ великимъ княземъ-намѣстникомъ маркизъ Велепольскій энергично принялся за исполненіе своей программы примиренія путемъ уступокъ политическимъ притязаніямъ поляковъ. Нѣкоторыя отрасли управленія, почта и пути сообщенія, были изъяты отъ подчиненности подлежащимъ вѣдомствамъ импе-

ріи; всѣ должности мѣстной администраціи отъ высшихъ (главныхъ директоровъ правительственныхъ комиссій и губернаторовъ) и до низшихъ были замѣщены природными поляками; польскій языкъ введенъ въ офиціальную переписку властей. Военное положеніе постепенно отмѣнено было въ пяти губерніяхъ царства. Великій князь намѣстникъ широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ помилованія. Къ концу сентября 1862 г. изъ общаго числа 499 осужденныхъ имъ прощены были 289 человѣкъ.

Но политика примиренія не остановила мятежнаго движенія; революціонныя демонстраціи не прекращались. Въ началѣ слѣдующаго 1863 г. великій князь намѣстникъ увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Военное положеніе, отмѣненное въ нѣсколькихъ губерніяхъ, было вновь введено по всему пространству Царства Польскаго. Объявлено Высочайшее повелѣніе о примѣненіи порядка сокращеннаго военно-полевого суда къ мятежникамъ, взятымъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Прибывшія изъ имперіи войска начали преслѣдованіе отрядовъ повстанцевъ.

Кровавая борьба съ мятежными поляками продолжалась уже полгода, но возстаніе продолжало развиваться. Великій князь всетаки не желалъ принять тѣ крайнія мѣры строгости, при помощи коихъ успѣшно подавлено было возстаніе въ другихъ мѣстностяхъ и оставилъ должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ.

Въ рескриптѣ, тогда же данномъ великому князю, Государь слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ высокую цѣль, преслѣдовавшуюся имъ при управленіи Польшей: „Призвавъ ваше императорское высочество въ прошедшемъ году къ управленію Царствомъ Польскимъ въ качествѣ моего намѣстника, я желалъ выразить мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ. мною Царству дарованнымъ. Самое назначеніе любезнаго мнѣ брата было ручательствомъ моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротворенія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края. Вполнѣ постигнувъ мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя и воодушевленные высокою мыслію примиренія, ваше императорское высочество съ достойнымъ самоотверженіемъ пожертвовали всѣмъ положеніемъ вашимъ въ имперіи,

чтобы на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ моимъ довѣріемъ вамъ указанномъ, усугубить ваше рвеніе на пользу службы и отечества... Народъ польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія вашего императорскаго высочества моимъ намѣстникомъ и вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами оказался недостойнымъ даннаго ему въ лицѣ любезнаго мнѣ брата залога благосклонныхъ намѣреній моихъ"...

Въ концѣ октября 1863 г. великій князь вмѣстѣ съ августѣйшей супругой выѣхалъ черезъ Крымъ въ продолжительное заграничное путешествіе. Первую половину ноября онъ провелъ въ Вѣнѣ, затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ въ германскихъ княжествахъ Баденѣ, Дармштадтѣ и Альтенбургѣ, у родственнаго ему герцога.

1 января 1865 г. великій князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта; но прежде чѣмъ перейти къ изложенію дѣятельности великаго князя въ Совѣтѣ, мы считаемъ удобнымъ представить очеркъ многолѣтняго управленія его морскимъ министерствомъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ находился во главѣ управленія морскимъ вѣдомствомъ 28 лѣтъ, съ 1853 по 1881 годъ.

Время это было однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ переходныхъ періодовъ въ исторіи флотовъ вообще и русскаго въ особенности. Въ кораблестроеніи совершался коренной переворотъ; крупныя техническія открытія и усовершенствованія въ этой области слѣдовали одно за другимъ. Положеніе нашего морского вѣдомства, въ сравненіи съ другими державами, было особенно затруднительнымъ, такъ какъ знанія русскихъ техниковъ оказались далеко не на высотѣ новыхъ требованій кораблестроенія.

Едва успѣли мы съ большими трудами создать въ замѣну отживавшихъ свои дни парусныхъ судовъ нѣсколько военныхъ колесныхъ пароходовъ, какъ введеніе въ военное кораблестроеніе винтовыхъ двигателей уничтожило значеніе этихъ судовъ. Въ крымскую войну Англія и Франція, противопоставивъ намъ вмѣстѣ съ парусными судами и колесными пароходами нѣсколько вновь построенныхъ винтовыхъ кораблей, совершенно парализовали дѣйствія нашего флота. Едва удалось намъ вслѣдъ затѣмъ, по примѣру этихъ державъ, построить деревянныя суда съ винтовыми двигателями, какъ послѣ 1863 г. на смѣну деревяннымъ явились желѣзныя суда, обшитыя бронею, и мы должны были употреблять

новыя чрезвычайныя усилія, чтобы организовать дѣло сооруженія броненосцевъ.

Явившіяся въ 1854 г. въ Черное и Балтійское моря англійскія и французскія суда съ винтовыми двигателями не были для насъ совершенною новостью. Винтовые корабли новаго типа начали сооружаться за границей задолго до того, и наше морское министерство еще въ 1846 году приступило къ постройкѣ перваго русскаго винтового фрегата „Архимедъ". Это судно было спущено на воду въ Петербургѣ въ 1848 году; оно окончило, однако, свою службу въ самомъ же началѣ, потерпѣвъ крушеніе во время пасмурной погоды 6 октября 1850 г. у острова Борнгольма. Учрежденный при морскомъ министерствѣ особый пароходный комитетъ внимательно слѣдилъ за ходомъ усовершенствованій по части примѣненія пара къ военному судостроенію, но, по замѣчанію великаго князя во всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1880 г., „тяжелой машинѣ тогдашней нашей морской администраціи требовалось очень много времени, чтобы при посредствѣ безчисленныхъ письменныхъ и другихъ формальностей довести каждое предположеніе до исполненія"; при томъ считали нужнымъ ждать „дальнѣйшихъ усовершенствованій, послѣдняго слова въ теоріи и практикѣ, и не рѣшались рисковать затратою денегъ". Только черезъ три года послѣ постройки „Архимеда" нашли нужнымъ приступить къ постройкѣ двухъ винтовыхъ фрегатовъ и къ передѣлкѣ, по примѣру Англіи, трехъ парусныхъ кораблей въ винтовые. Корпуса строились въ Россіи, но машины для всѣхъ пяти судовъ были заказаны въ Англіи. Въ виду полной неподготовленности нашихъ казенныхъ адмиралтействъ и заводовъ къ новой, сложной работѣ постройки винтовыхъ механизмовъ, морское вѣдомство не рѣшалось приступить къ постройкѣ машинъ въ Россіи и не принимало мѣръ для подготовки нашихъ техниковъ и заводовъ къ этимъ работамъ. Ближайшій опытъ показалъ настоятельную необходимость строить военныя суда собственными средствами; изъ числа заказанныхъ въ Англіи машинъ мы успѣли получить до Крымской войны только двѣ, а остальныя три были конфискованы англійскимъ правительствомъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло сооруженія новыхъ винтовыхъ кораблей при вступленіи великаго князя Константина Николаевича въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ. Великому

князю предстояла трудная задача создать новый винтовой флотъ; Крымская война заставила спѣшить съ этимъ дѣломъ. Въ декабрѣ 1854 г. императоръ Николай повелѣлъ экстренно соорудить къ навигаціи 1855 г. шхерную паровую флотилію изъ 38 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ. Въ слѣдующемъ году велѣно было изготовить немедленно еще 35 винтовыхъ лодокъ того же типа и приступить къ постройкѣ большихъ винтовыхъ судовъ: 8 кораблей, 3 фрегатовъ и 6 клиперовъ.

Неудачный опытъ изготовленія въ Англіи паровыхъ механизмовъ, окончившійся ихъ конфискаціей, принудилъ морское вѣдомство приступить къ изготовленію машинъ въ Россіи, несмотря на полную неподготовленность казенныхъ верфей и заводовъ. Въ трудные годы тяжелой войны, въ виду непріятеля, великій князь генералъ-адмиралъ долженъ былъ положить начало нашей независимости отъ иностранныхъ заводовъ. Казенные верфи и заводы были наскоро приспособлены къ новымъ работамъ и дѣятельность ихъ доведена до крайняго напряженія: одновременно поручено было частнымъ заводамъ изготовленіе винтовыхъ механизмовъ при содѣйствіи со стороны морского вѣдомства. Благодаря чрезвычайной энергіи, проявленной въ этомъ дѣлѣ морскимъ министерствомъ, менѣе чѣмъ въ два года создана была цѣлая флотилія изъ 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ, построено 14 корветовъ съ артиллеріей по 11 пушекъ, и всѣ эти суда были снабжены механизмами русской работы. Кромѣ того, къ концу войны находились въ постройкѣ 8 кораблей, 3 фрегата и 6 клиперовъ съ винтовыми двигателями; достроены они были уже по окончаніи войны.

Неопытность въ дѣлѣ постройки судовъ новаго типа и вынужденная обстоятельствами чрезмѣрная спѣшность работъ имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ то, что эти первыя русскія винтовыя суда оказались съ большими изъянами; употребленный на нихъ матеріалъ, лѣсъ и желѣзо далеко не удовлетворяли требованіямъ. Такъ, напримѣръ, корабль „Ретвизанъ", спущенный на воду въ 1855 г., черезъ три года, во время плаванія въ Средиземномъ морѣ, получилъ значительный переломъ корпуса. Фрегатъ „Аскольдъ", несмотря на обнаруженныя имъ во время кругосвѣтнаго плаванія прекрасныя морскія качества, также не обладалъ достаточною крѣпостью корпуса и въ 1858 г. штормъ въ Китайскомъ морѣ расшаталъ его во всѣхъ частяхъ.

Несмотря на это, постройка указанныхъ судовъ принесла существенную пользу, какъ первая попытка нашего освобожденія отъ иностранной зависимости въ дѣлѣ судостроенія. Съ этого времени основою судостроительной дѣятельности морского министерства стало: сооруженіе флота въ Россіи изъ русскихъ матеріаловъ силами русскихъ техниковъ и мастеровъ. Съ этою цѣлью морское вѣдомство рѣшило капитально перестроить адмиралтейства, углубить гавани, расширить и построить новые доки, соорудить новые заводы, мастерскія и склады, снабдивъ ихъ соотвѣтствующими машинами и механизмами. Принятъ былъ цѣлый рядъ мѣнъ, чтобы дать возможность русскимъ мастерамъ и техникамъ пріобрѣсти за границей необходимыя знанія и опытность, и чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ иностранные техники и мастера замѣнены были въ нашихъ адмиралтействахъ русскими людьми. Частнымъ заводамъ давались заказы на постройку судовъ и механизмовъ; несмотря на то, что они строились здѣсь медленнѣе, обходились въ первое время дороже и требовали передѣлокъ,—морское вѣдомство не останавливалось передъ пожертвованіями для поддержанія частной судостроительной и механической промышленности, сознавая, что излишнимъ расходомъ мы оплачивали въ этомъ случаѣ нашу самостоятельность въ дѣлѣ, соединенномъ съ безопасностью государства. Трудности и неудачи, сопутствовавшія неуклонному преслѣдованію этихъ цѣлей, доставили главному руководителю дѣла, великому князю, по его собственному признанію, „много тяжкихъ минутъ испытанія и разочарованія“, но со стороны Государя онъ встрѣчалъ постоянно поддержку и полное сочувствіе.

Послѣ экстренныхъ работъ во время войны морское вѣдомство, по заключеніи Парижскаго мира, приступило къ систематическому сооруженію судовъ новаго типа съ винтовыми двигателями. Парусныя суда и колесные пароходо-фрегаты отжили свое время.

Въ 1857 г., во время заграничной поѣздки, великій князь ознакомился съ морскими силами Англіи и Франціи и по возвращеніи въ Россію такъ охарактеризовалъ свое положеніе, какъ главы морского вѣдомства, въ письмѣ къ князю Барятинскому: „Я теперь не что иное, какъ генералъ-адмиралъ безъ флота и который только-что видѣлъ своими глазами гигантскіе флоты и мор-

скіе способы вчерашнихъ враговъ нашихъ. Мнѣ предоставлено довѣріемъ Государя создать Россіи флотъ, ибо нѣтъ у насъ флота". Въ основу одобреннаго затѣмъ Государемъ плана сооруженія флота великій князь положилъ мысль, которая раньше поставлена была цѣлью для дѣятельности морского вѣдомства императоромъ Николаемъ: „Россія должна быть первоклассною морскою державою, занимать въ Европѣ третье мѣсто по силѣ флота послѣ Англіи и Франціи, и должна быть сильнѣе союза второстепенныхъ морскихъ державъ".

Отъ програмы, начертанной великимъ княземъ, пришлось, однако, немедленно отступить вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій. Постройку судовъ по этой программѣ предположено было начать съ 1858 г.; но смѣта морского министерства на этотъ годъ была сокращена почти на 3.000.000 р. и, кромѣ того, министерство должно было передать въ государственное казначейство свои капиталы на сумму болѣе 2.000.000. Въ послѣдующее время до 1862 г. кредиты морского министерства также урѣзывались, такъ что размѣры судостроенія пришлось согласовать не столько съ предначертанною программой, сколько съ затруднительнымъ положеніемъ государственнаго казначейства.

Въ періодъ времени съ 1856 по 1863 г. сооружено было 26 винтовыхъ судовъ: 3 трехдечныхъ корабля, 7 фрегатовъ, 6 корветовъ, 7 клиперовъ и 3 морскія канонерскія лодки. Изъ числа этихъ судовъ только пять было построено за границей; а механизмовъ, несмотря на всѣ усилія морского вѣдомства, только девять удалось изготовить въ Россіи—остальные пришлось заказать за границею.

Постройка этихъ судовъ произведена была въ общемъ весьма успѣшно; при сооруженіи ихъ удалось избѣжать ошибокъ, сдѣланныхъ при работахъ во время Крымской войны; большая часть новыхъ судовъ по своимъ морскимъ и боевымъ качествамъ не уступали судамъ тѣхъ же типовъ сильнѣйшихъ иностранныхъ флотовъ. 70-ти-пушечный фрегатъ „Генералъ-Адмиралъ" стяжалъ славу лучшаго парового и парусната судна не только у насъ, но и за границей. Тревожныя политическія обстоятельства въ 1862 и 1863 гг. дали возможность провѣрить результаты дѣятельности морского вѣдомства по части судостроенія подъ управленіемъ великаго князя и провѣрка оказалась всецѣло въ его пользу: въ

1852 и 1853 гг. морское вѣдомство съ трудомъ могло выбрать изъ многочисленнаго состава балтiйскаго флота для отправленiя въ Тихiй океанъ только три парусныя судна, дошедшiя туда послѣ многочисленныхъ исправленiй въ различныхъ портахъ,—теперь, въ 1862 г., оказалось возможнымъ отправить въ Сѣверную Америку по первому требованiю двѣ эскадры изъ 6-ти винтовыхъ судовъ каждая, вполнѣ отвѣчавшихъ современнымъ требованiямъ, при чемъ одна изъ эскадръ, снаряженная экстренно въ двѣ недѣли, перешла изъ Кронштадта въ Нью-Iоркъ, не зайдя ни въ одинъ портъ.

Между тѣмъ дни этого, только-что созданнаго съ большими усилiями, деревяннаго винтового флота были уже сочтены. Едва лишь морское вѣдомство успѣло прочно организовать постройку новыхъ судовъ, приспособивъ къ тому адмиралтейства и заводы и усвоивъ всѣ улучшенные прiемы, какъ появленiе на западѣ желѣзныхъ броненосныхъ судовъ, на смѣну деревянныхъ, лишь обшитыхъ бронею, заставило насъ снова перестраивать весь флотъ.

Первыя броненосныя суда, батареи, обшитыя желѣзными плитами въ четыре дюйма толщиною, сооружены были во Францiи и испытаны они были впервые въ 1855 г. при взятiи нашей черноморской крѣпости Кинбурна; по примѣру Францiи приступила къ постройкѣ броненосныхъ судовъ и Англiя въ 1859 г.

Морское вѣдомство зорко слѣдило за первыми шагами этихъ державъ въ дѣлѣ пересозданiя флота. Великiй князь генералъ-адмиралъ, начиная съ 1858 г., неоднократно докладывалъ Государю о начинающемся новомъ радикальномъ переворотѣ въ морскомъ судостроенiи и указывалъ на необходимость приступить къ постройкѣ броненосцевъ; каждый годъ, при обсужденiи смѣты морского министерства, онъ обращалъ на это вниманiе Государственнаго Совѣта. Въ ожиданiи отпуска необходимыхъ средствъ на сооруженiе броненосцевъ морское министерство до 1861 г. должно было ограничиваться только предварительными опытами надъ желѣзными плитами и листами для обшивки судовъ. Но въ 1861 г. англiйскiй и французскiй флоты, вслѣдствiе постройки броненосцевъ, получили такой перевѣсъ надъ нашимъ деревяннымъ флотомъ, что медлить долѣе было невозможно. Броненосныя суда нанесли такой же ударъ существованiю деревянныхъ, какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ винтовыя суда парусному флоту. Ве-

ликій князь рѣшился, не ожидая особыхъ ассигнованій, обратить на броненосное судостроеніе всѣ средства ограниченной смѣты своего вѣдомства, оставивъ въ сторонѣ самыя настоятельныя потребности флота, какъ, напримѣръ, практическія плаванія. Въ этомъ году заказано было въ Англіи первое русское броненосное судно—батарея „Первенецъ“ и приглашенъ былъ въ Петербургъ англійскій заводчикъ Митчель и англійскіе мастера, для постройки на Галерномъ островѣ другой броненосной батареи того же типа „Не тронь меня“. Знаменитая побѣда 8 марта 1862 г. броненосца „Мерримакъ“ надъ пятью деревянными, винтовыми и парусными, судами послужила блестящимъ подтвержденіемъ настоятельности начатаго великимъ княземъ сооруженія броненосныхъ судовъ. Но побѣдитель деревянныхъ судовъ „Мерримакъ“, фрегатъ стараго типа, лишь обшитый бронею, въ свою очередь, былъ побѣжденъ, на другой же день послѣ упомянутаго боя, небольшимъ судномъ „Мониторъ“; это былъ вновь изобрѣтенный американцами башенный желѣзный броненосецъ; имя этого судна „Мониторъ“ стало нарицательнымъ. Великій князь генералъ-адмиралъ, получивъ извѣстіе объ этой битвѣ, немедленно командировалъ въ Америку двухъ моряковъ для ознакомленія съ броненосцемъ новаго типа.

Возникшія у насъ съ Англіею въ 1863 г. политическія несогласія по польскому вопросу, грозившія возможностью разрыва съ этою державою, дали сильный толчокъ сооруженію русскаго броненоснаго флота. Особый комитетъ, учрежденный для обсужденія мѣръ по оборонѣ Кронштадта и столицы, призналъ, что Кронштадтъ невозможно отстоять противъ англійскаго флота безъ помощи броненосныхъ судовъ.

При такихъ обстоятельствахъ на морское вѣдомство возложена была задача употребить всѣ возможныя усилія и немедленно соорудить броненосную флотилію для обороны Кронштадта и столицы. Это экстренное порученіе не застало морское вѣдомство неподготовленнымъ. Двѣ броненосныхъ батареи уже строились, одна въ Англіи, другая въ Петербургѣ. Техника броненоснаго желѣзнаго судостроенія заключала въ себѣ много новаго; но русскіе морскіе техники не были уже въ это время столь безпомощными, какъ десять лѣтъ назадъ. Морское министерство дѣйствовало съ чрезвычайною энергіей, соотвѣтствовавшею обстоятельствамъ. Немедленно построены были новые эллинги и мастерскія, отчасти

приспособлены старые. Не прошло года, какъ на воду Кронштадтскаго рейда спущены были 10 мониторовъ американской системы Эриксона и одна двухбашенная броненосная лодка, построенная на русскихъ казенныхъ и частныхъ верфяхъ; команды были обучены заранѣе въ выстроенныхъ на берегу моделяхъ башенъ. Кромѣ того въ 1864—1865 годахъ достроена была приведенная изъ Англіи въ неоконченномъ видѣ батарея „Первенецъ" и двѣ батареи, строившіяся въ Россіи, и кромѣ того передѣланы были въ броненосныя суда два деревянныхъ фрегата.

Эти 16 судовъ, построенныя въ два-три года, послужили началомъ нашего новаго броненоснаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Въ боевомъ отношеніи они оказались вполнѣ удовлетворительными, несмотря на спѣшность ихъ постройки. Въ 1865 г. великій князь ходилъ съ девятью мониторами и двумя батареями въ Швецію для испытанія ихъ въ плаваніи. Это плаваніе, между прочимъ, показало, что наши мониторы, хотя и построенные въ цѣляхъ обороны береговъ, не лишены были до извѣстной степени качествъ мореходныхъ судовъ; они хорошо выдерживали свѣжую погоду и хорошо слушались руля.

Полный переворотъ въ судостроеніи, замѣнившій деревянные корпуса судовъ желѣзными и покрывшій ихъ тяжелой бронею, заставилъ во второй разъ совершенно заново перестроить наши адмиралтейства въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и на Ижорѣ и создать новые казенные заводы. Въ то же время, несмотря на огромныя затрудненія, морскому министерству удалось вызвать къ жизни нѣсколько новыхъ частныхъ заводовъ, желѣзодѣлательныхъ, механическихъ и судостроительныхъ. При посредствѣ постоянныхъ морскихъ агентовъ и инженеровъ, въ большомъ числѣ командированныхъ за границу, министерство слѣдило шагъ за шагомъ за иностранными изобрѣтеніями и усовершенствованіями въ дѣлѣ судостроительной техники. Всѣ новыя броненосныя суда, за исключеніемъ одной упомянутой выше батареи „Первенецъ", были построены въ 1861—1864 гг. въ Россіи; только время отъ времени мы еще обращались къ заграничнымъ заводамъ съ заказами механизмовъ и брони и то по большей части единственно для того, чтобы имѣть образцы для подражанія и дать доступъ русскимъ инженерамъ и мастерамъ на иностранные заводы для изученія производства.

Морское министерство, руководимое великимъ княземъ, шло въ дѣлѣ уничтоженія нашей технической и промышленной зависимости отъ иностранцевъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, впереди другихъ вѣдомствъ. Дѣятельность его въ этомъ направленіи Государь поставилъ въ примѣръ всѣмъ другимъ министрамъ, повелѣвъ 6 октября 1866 г.: „прекратить на будущее время правительственные заказы за границей, подобно тому, какъ это уже приведено въ исполненіе по морскому вѣдомству и затѣмъ всѣ заказы какъ военнаго министерства, такъ и другихъ вѣдомствъ исполнять внутри государства, несмотря ни на какія затрудненія или неудобства, которыя это могло бы представить на первыхъ порахъ". Нашъ посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, какъ съ удовольствіемъ вспоминалъ впослѣдствіи великій князь Константинъ Николаевичъ, весьма сочувственно отозвался о стремленіи его обезпечить независимость Россіи отъ Англіи въ дѣлѣ судостроенія. „Je n'hésite point,—писалъ баронъ Брунновъ кн. А. М. Горчакову въ 1865 г.,—à rendre le plus juste hommage à la prévoyance, avec laquelle le ministère Impérial de la marine a reconnu la nécessité de créer chez nous des établissements maritimes, propres à faire face aux besoins de nos constructions navales. Cette disposition, prise à temps, aura pour résultat de rendre la Russie indépendante du bon vouloir de l'Angleterre, sur lequel il n'est jamais sûr de compter avec trop de confiance".

При сооруженіи первыхъ броненосныхъ судовъ имѣлась въ виду единственно оборона Кронштадта; они должны были противостать иностранному флоту въ случаѣ попытки его форсировать проходъ къ столицѣ. Броненосцы поэтому строились съ малымъ углубленіемъ и по недостаточной быстротѣ хода и поворотливости не годились для дальнихъ плаваній по океану. Такое же оборонительное назначеніе имѣла слѣдующая серія броненосныхъ судовъ, построенныхъ въ періодъ времени съ 1864 по 1867 гг., а именно: два двухбашенныхъ фрегата „Адмиралъ Спиридовъ" и „Адмиралъ Чичаговъ", два трехбашенныхъ фрегата „Адмиралъ Грейгъ" и „Адмиралъ Лазаревъ" и двѣ двухбашенныхъ лодки: „Чародѣйка" и „Русалка". Эти суда по своимъ мореходнымъ качествамъ стояли выше своихъ предшественниковъ и кромѣ главнаго своего назначенія, защиты прибрежій, годились также для плаваній по Финскому заливу и вдоль береговъ Балтійскаго моря.

Къ концу 1869 г. у насъ былъ на Балтійскомъ морѣ броненосный флотъ изъ 23 судовъ, покрытыхъ бронею отъ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ дюймовъ, имѣвшихъ 61390 тоннъ водоизмѣщенія, 7110 номинальныхъ силъ машинъ, 162 орудія большого калибра, которыя выбрасывали съ одного борта (а башенныя суда изъ всѣхъ орудій) залпъ вѣсомъ 24,256 фунтовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ работъ великій князь считалъ выполненнымъ возложенное на него дѣло сооруженія оборонительнаго флота для защиты Кронштадта. Назначенная по его просьбѣ въ 1870 г. Императоромъ особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена, нашла, что новый флотъ вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію и признала нужнымъ, для лучшей обороны Кронштадта, построить еще лишь нѣсколько мелко-сидящихъ канонерскихъ лодокъ. Такихъ лодокъ типа „Ерша", съ машинами въ 30 номинальныхъ силъ, каждая съ однимъ нарѣзнымъ орудіемъ большого калибра, построено было съ 1873 по 1880 годъ пять.

Выполняя программу сооруженія оборонительнаго броненоснаго флота, великій князь, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставлялъ совершенно мысли о будущемъ соперничествѣ съ иностранными флотами въ открытомъ морѣ и, какъ только это представилось возможнымъ, поспѣшилъ положить начало постройки броненосцевъ для дальнихъ плаваній. Въ 1864 г. заложенъ былъ на Галерномъ островѣ нашъ первый мореходный броненосецъ „Князь Пожарскій", по системѣ, только-что изобрѣтенной англійскимъ заводчикомъ Ридомъ. Но это судно вышло весьма неудачнымъ. Послѣ пробныхъ плаваній 1869—1871 гг. фрегатъ былъ передѣланъ по указаніямъ генералъ-адъютанта Попова; въ 1873 г. онъ былъ отправленъ для стаціонарной службы въ Средиземное море и явился первымъ нашимъ броненосцемъ въ дальнихъ водахъ, внѣ Балтійскаго моря. По возвращеніи фрегата въ Кронштадтъ оказалось необходимымъ сдѣлать въ немъ новыя значительныя исправленія по корпусу и механизму; но и послѣ передѣлокъ, продолжавшихся два года, не удалось придать ему скорости хода большей, чѣмъ въ 11,7 узловъ въ часъ.

Фрегатъ „Князь Пожарскій" съ такою слабою скоростью, съ водоизмѣщеніемъ въ 4505 тоннъ, съ броневыми плитами въ 4 и $4^1/_2$ дюйма, стоимостью до $1^1/_2$ милліона рублей, оказывался сла-

бымъ судномъ въ сравненіи съ строившимися въ это время на западѣ новыми броненосцами для дальняго плаванія, громадныхъ, небывалыхъ дотолѣ размѣровъ. Иностранныя броненосныя суда успѣшно совершали уже кругосвѣтныя плаванія; водоизмѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ превышало уже 10.000 тоннъ, толщина брони доходила до 12, а на башняхъ до 14 дюймовъ; 9-ти, 10-ти и 11-ти дюймовая артиллерія входила въ обычное вооруженіе; судовые механизмы доводились до 8.500 индикаторныхъ силъ. Полуторамилліонная затрата на постройку одного судна, еще такъ недавно поражавшая своею громадностью, стала ничтожною въ сравненіи со стоимостью новыхъ иностранныхъ броненосцевъ.

Несмотря на крайнюю тягость такихъ затратъ, мы должны были немедленно приступить къ сооруженію мореходныхъ броненосцевъ новаго типа. При необыкновенно быстромъ ходѣ развитія кораблестроенія и артиллеріи въ дѣлѣ созданія этихъ судовъ нельзя было уже ограничиваться только заимствованіемъ. Для того, чтобы идти по возможности въ уровень съ другими державами, необходима была самостоятельная работа, необходимо было самимъ производить дорогіе и рискованные опыты, такъ какъ, при постоянномъ движеніи впередъ техники судостроенія, рѣшаясь строить судно по испытанному уже на западѣ образцу, мы рисковали создать судно устарѣвшаго типа. Теперь у насъ было уже достаточно знаній и опытности для того, чтобы, идя по слѣдамъ западныхъ судостроителей, до извѣстной степени дѣйствовать самостоятельно. Въ 1867 г. морское министерство приступило къ самостоятельной разработкѣ чертежей башеннаго мореходнаго броненосца и затѣмъ одобрило проектъ двухбашеннаго броненосца, выработанный контръ-адмираломъ Поповымъ, и въ основныхъ чертахъ совпадавшій съ англійскими брустверными мониторами Рида. Въ 1869 г. начата была постройска судна по этому проекту; сначала оно названо было „Крейсеромъ“, а затѣмъ 30 мая 1872 г., въ день празднованія двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго, получило славное имя основателя русскаго флота. Броненосецъ „Петръ Великій“ былъ спущенъ на воду 22 августа 1872 г. и зачисленъ въ судовой списокъ въ рангѣ корабля. Изготовленіе механизма въ 1400 номинальныхъ силъ, броневыхъ плитъ толщиною до 12 дюймовъ и окончательная отдѣлка корпуса продолжались еще болѣе четырехъ лѣтъ, такъ что только въ 1877 г.

корабль могъ начать кампанію въ полной боевой готовности. Медленность постройки этого судна не можетъ быть, однако, поставлена въ упрекъ русскимъ судостроителямъ. Однотипный съ нимъ англійскій броненосецъ „Thunderer“ строился еще болѣе продолжительное время. „Петръ Великій“ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды; въ изданныхъ англичанами таблицахъ ему отведено было первое мѣсто какъ сильнѣйшему броненосцу во всѣхъ иностранныхъ флотахъ 1876 г. Крупнымъ недостаткомъ его была недостаточная быстрота хода; машины, изготовленныя на заводѣ Берда, при испытаніи ихъ не развили обусловленной по контракту индикаторной силы; вмѣсто предполагавшейся по проекту скорости хода въ 14 узловъ, наибольшая средняя скорость получилась въ 12,35 узла. Броненосецъ, кромѣ того, не имѣлъ рангоута и, такимъ образомъ, не могъ парусами возмѣстить недостатокъ машины.

Между тѣмъ, съ конца 60-хъ годовъ иностранцы, сначала американцы, а по примѣру ихъ и англичане, направили главныя усилія на сооруженіе быстроходныхъ броненосцевъ новаго типа, которые удовлетворяли бы всѣмъ требованіямъ океанской крейсерской службы. Новые броненосные крейсеры, имѣя большіе размѣры и грозную артиллерію, вмѣстѣ съ тѣмъ достигали большой скорости хода, благодаря сильнымъ паровымъ машинамъ и большой площади парусности. Въ началѣ 1869 г. великій князь возбудилъ вопросъ о сооруженіи судовъ этого типа для нашего флота, поручивъ контръ-адмиралу Попову составить чертежи быстроходнаго океанскаго крейсера изъ желѣза, съ броневымъ поясомъ по ватерлиніи и съ полнымъ рангоутомъ. Въ 1870 г. съ разрѣшенія Государя начата была постройка по одинаковымъ чертежамъ двухъ судовъ этого типа, фрегатовъ: „Генералъ-Адмиралъ“ и „Герцогъ Эдинбургскій“ (сначала названный „Александръ Невскій“). Вслѣдствіе недостатка средствъ постройка этихъ судовъ была разсрочена на нѣсколько лѣтъ; она значительно затянулась также вслѣдствіе неуспѣшности работъ на строившихъ ихъ частныхъ заводахъ, невскомъ, балтійскомъ и заводѣ Берда (изготовлявшемъ машину для второго фрегата); эти крейсеры были приведены въ полную боевую готовность первый только черезъ девять, а второй черезъ десять лѣтъ. Фрегатъ „Генералъ-Адмиралъ“ былъ спущенъ на воду въ 1873 г.; сооруженіе его было закончено въ 1878 г.,

но онъ не былъ въ этомъ году отправленъ въ дальнее плаваніе, такъ какъ въ механизмѣ его обнаружились существенные недостатки, которые затѣмъ были исправлены лишь черезъ годъ, къ закрытію навигаціи 1879 г.—Фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій“ былъ спущенъ на воду, вслѣдствіе разстройства дѣлъ на балтійскомъ заводѣ, лишь въ 1875 г., а установка машины и вооруженіе его закончены были къ навигаціи 1881 г.

Еще дольше строился третій броненосный крейсеръ, фрегатъ „Мининъ“, начавшій свою морскую службу въ 1878 г. Продолжительность его постройки обусловлена была, однако, не недостатками нашихъ заводовъ, а неоднократными уже во время работъ измѣненіями первоначальнаго проекта судна. Этотъ фрегатъ начали строить въ 1864 г. по типу казематированнаго мореходнаго броненосца, съ машиною въ 450 номинальныхъ силъ; успѣхи кораблестроенія и артиллеріи въ Англіи заставили сдѣлать въ проектѣ, во время постройки, значительныя измѣненія, съ цѣлью снабдить судно машиною въ 800 силъ и вооружить болѣе сильной артиллеріей. Затѣмъ, когда „Мининъ“ уже былъ спущенъ на воду, достройка его была пріостановлена вслѣдствіе гибели однотипнаго съ нимъ англійскаго фрегата „Captain“, опрокинувшагося у береговъ Испаніи. Въ 1874 г. рѣшено было существенно передѣлать корпусъ судна, чтобы обратить его въ океанскій крейсеръ по типу „Генералъ-Адмирала“. Передѣлка эта исполнена была довольно удачно и „Мининъ“ обнаружилъ прекрасныя морскія качества подъ парусами, а подъ одними парами достигъ скорости хода въ 14 узловъ.

Приступая къ постройкѣ судовъ для дальняго плаванія, великій князь имѣлъ въ виду образовать четыре отряда, каждый въ составѣ трехъ крейсеровъ. По плану, начертанному имъ въ 1869 г., четыре отряда необходимы для того, чтобы нашъ флагъ постоянно развѣвался въ водахъ далекаго Тихаго океана. Въ то время, какъ одинъ изъ отрядовъ находится въ Тихомъ океанѣ, другой идетъ туда ему на смѣну, третій возвращается въ Россію; четвертый же отрядъ стоитъ въ Кронштадтѣ, приготовляясь къ трехгодичной службѣ въ океанѣ. Броненосные крейсеры, фрегаты „Генералъ-Адмиралъ“, „Герцогъ Эдинбургскій“, „Мининъ“ и слабѣйшій изъ нихъ „Князь Пожарскій“ должны были стоять во главѣ этихъ четырехъ отрядовъ, въ составъ коихъ входили бы еще по два крей-

сера, не обшитыхъ бронею. Къ сооруженію такихъ вспомогательныхъ судовъ меньшей силы морское министерство приступило въ 1873 г. Суда эти предположено было строить изъ желѣза, безъ брони, съ усовершенствованными машинами, дающими большую скорость хода при значительной экономіи въ топливѣ, и съ нарѣзною артиллеріей. Первымъ построенъ въ 1875 г. клиперъ „Крейсеръ“, затѣмъ совершенно такого же типа и тѣхъ же размѣровъ—еще три клипера: „Джигитъ“, „Разбойникъ“ и „Стрѣлокъ“, въ теченіе 1876—1879 гг. По другой, смѣшанной системѣ (желѣзный корпусъ съ деревянною обшивкой) построены были къ 1881 г. четыре клипера для крейсерской службы: „Наѣздникъ“, „Пластунъ“, „Вѣстникъ“ и „Опричникъ“.

Кромѣ того, въ виду натянутыхъ отношеній нашихъ къ Англіи весною 1878 г. куплено было въ Америкѣ три купеческихъ парохода, которые перестроены были въ военные крейсеры на американскихъ верфяхъ при участіи экстренно посланныхъ въ Америку въ мартѣ 1878 г. русскихъ морскихъ офицеровъ, техниковъ и матросовъ (672 человѣка). Эти крейсеры названы были: „Европа“, „Африка“, „Азія“; къ нимъ присоединился четвертый крейсеръ „Забіяка“, одновременно построенный по нашему заказу въ Америкѣ. Тѣ же политическія обстоятельства вызвали въ январѣ 1878 г. экстренную постройку 100 миноносокъ; изъ нихъ только десять заказаны были въ Германіи; остальныя быстро сооружены были на нашихъ казенныхъ и частныхъ заводахъ, къ концу навигаціи 1878 года.

Въ послѣдній годъ управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ мы имѣли, такимъ образомъ, для дальняго плаванія, одинъ большой броненосецъ „Петръ Великій“, четыре броненосныхъ крейсера и 14 крейсеровъ безъ брони, изъ коихъ 8 построено было въ Россіи и четыре за границей. Этотъ новый нашъ флотъ по качествамъ судовъ былъ въ общемъ ниже лучшихъ иностранныхъ, такъ какъ наши казенные и особенно частные заводы не вполнѣ удовлетворяли строгимъ требованіямъ кораблестроенія. Броненосные крейсеры, наиболѣе сильныя и дорогія суда новаго флота, задуманы были прекрасно. Англичане немедленно заимствовали характеристическія ихъ особенности; въ англійскомъ парламентѣ офиціально было заявлено, что „русскимъ первымъ удалось осуществить идею броненосныхъ крейсеровъ съ

броневымъ поясомъ по ватерлиніи". Но исполненіе этихъ новыхъ судовъ было вообще ниже проектовъ. Мы говорили уже о томъ, какъ долго строились и затѣмъ передѣлывались и чинились не только первыя суда изъ этой серіи „Князь Пожарскій" и „Мининъ", но и сооруженныя позднѣе, лучшія—фрегаты „Генералъ-Адмиралъ" и „Герцогъ Эдинбургскій". И послѣ всѣхъ исправленій навигація 1880 г., несчастная вообще для нашего флота, обнаружила въ нихъ крупные недостатки. Въ ноябрѣ 1880 г., во время жестокаго шторма въ Бискайскомъ заливѣ, на фрегатѣ „Генералъ-Адмиралъ" расшатались палубы и упала за бортъ дымовая труба, потому что, какъ объяснялъ командиръ судна, она была сдѣлана непомѣрно высокой, чтобы усилить тягу и развить контрактное число индикаторныхъ силъ на оффиціальной пробѣ машины. Фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій" при выходѣ изъ Кронштадта въ первое заграничное плаваніе имѣлъ чрезмѣрную суточную прибыль воды: въ носовомъ отдѣленіи 27 дюймовъ, а въ кормовомъ 29. Изъ неброненосныхъ клиперовъ нѣкоторые вышли удачными и обнаружили хорошія морскія качества; машина на клиперѣ „Разбойникъ", изготовленная въ Россіи, развила бо̀льшее число индикаторныхъ силъ, чѣмъ было условлено въ контрактѣ, и дала скорость хода болѣе 12½ узловъ. Хорошую скорость хода имѣлъ также клиперъ смѣшанной системы „Наѣздникъ", благодаря машинѣ, построенной въ Англіи (болѣе 13 узловъ). Зато весьма неудачная машина изготовлена была для перваго изъ этой серіи клиперовъ „Крейсера"; она не дала скорости судну болѣе 8 узловъ; послѣ безуспѣшныхъ исправленій ея рѣшено было поставить совершенно новую машину. Клиперъ „Опричникъ" былъ посланъ въ Средиземное море въ октябрѣ 1880 г. не вполнѣ готовымъ: пробивая ледъ около Кронштадта, онъ не только ободралъ обшивку, но и расшаталъ свой легкій корпусъ; на переходѣ до Кале онъ все время давалъ большую течь и явился въ Гавръ совершеннымъ инвалидомъ; при осмотрѣ клипера въ докѣ оказалось, что у него сильно поврежденъ корпусъ переломился продольный стрингеръ у бимсовъ жилой палубы и одинъ изъ шпангоутовъ далъ трещину) и что у него не проконопачены палубы.

Таковы были въ общихъ чертахъ успѣхи и недостатки нашего судостроенія на Балтійскомъ морѣ. Въ то время, какъ здѣсь сооружался новый флотъ для дальняго плаванія, на Черномъ

морѣ намъ пришлось ограничиться на первое время лишь сооруженіемъ судовъ, спеціально приспособленныхъ для защиты побережья.

Вопросъ о сооруженіи Черноморской оборонительной флотиліи броненосцевъ, возбужденный впервые въ 1863 г., былъ окончательно разрѣшенъ въ январѣ 1870 г. Главныя основанія этого дѣла установлены были особымъ совѣщаніемъ изъ представителей министерствъ военнаго, морского и финансовъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя. Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было произвести на Черномъ морѣ опытъ постройки проектированнаго контръ-адмираломъ Поповымъ круглаго броненоснаго судна. Смѣлая мысль адмирала Попова была осуществлена по энергичнымъ настояніямъ великаго князя. Новые броненосцы, извѣстныя „поповки", возбудили всеобщій интересъ и рѣзко осуждались большинствомъ. Но для правильной оцѣнки этихъ судовъ необходимо принимать во вниманіе тѣ спеціальныя цѣли, которымъ они должны были удовлетворять. При выборѣ типа судовъ для Чернаго моря имѣлось въ виду единственно „дополненіе плавучею обороною береговыхъ укрѣпленій Керченскаго пролива и Днѣпровско-Бугскаго лимана". Эта именно задача поставлена была морскому вѣдомству Государемъ, согласно заключенію особаго совѣщанія, при чемъ велѣно было „всѣ подробности при разработкѣ чертежей строго подчинить требованіямъ военно-сухопутнаго инженернаго вѣдомства". Проектъ адмирала Попова былъ отвѣтомъ на требованія, предъявленныя военнымъ вѣдомствомъ. Круглая форма судна давала ему возможность, при весьма маломъ углубленіи (около 13 футъ) носить самую толстую броню и артиллерію изъ орудій наибольшаго калибра, удовлетворяя цѣли обороны прибрежья. Первая поповка, броненосецъ „Новгородъ" (съ водоизмѣщеніемъ въ 2450 тоннъ, машинами въ 480 силъ и бронею въ 12 дюймовъ) была спущена въ воду въ 1873 году; вторая, болѣе крупныхъ размѣровъ, „Вице-адмиралъ Поповъ"—въ 1876 г. (водоизмѣщеніе 3550 тоннъ, броня—14 и 16 дюймовъ, машина въ 480 силъ). Эти суда несомнѣнно удовлетворили своему назначенію—служить плавучими фортами, въ помощь сухопутнымъ крѣпостямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они оказались не лишенными и извѣстныхъ мореходныхъ качествъ въ отношеніи поворотливости, плавности качки, незначительности размаховъ, устойчивости ору-

дійной платформы. Недостаточная быстрота хода—въ $7^1/_2$ и $8^1/_2$ узловъ—обусловливалась не столько формою судна, сколько слабостью машины. Великій князь, живо интересуясь судьбою идеи круглаго судна, совершилъ лѣтомъ 1879 г. плаваніе на поповкѣ „Вице-адмиралъ Поповъ" изъ Ялты въ Батумъ и обратно и вынесъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Онъ полагалъ, что при дальнѣйшей разработкѣ вопроса круглымъ судамъ можетъ быть дана бо́льшая скорость хода и что они окажутся пригодными для дальнихъ плаваній въ открытомъ морѣ. Но эти ожиданія не сбылись; когда оставлена была защищаемая великимъ княземъ мысль о сооруженіи на Черномъ морѣ судовъ съ исключительно оборонительною цѣлью, оставлена была и разработка типа круглыхъ броненосцевъ.

За время управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ, наравнѣ съ преобразованіемъ военнаго судостроенія, подверглась коренному преобразованію и морская артиллерія.

Неудовлетворительное состояніе нашей морской артиллеріи 40-хъ годовъ не замедлило обратить на себя вниманіе августѣйшаго генералъ-адмирала. На судахъ и въ арсеналахъ находилось до 15.000 орудій, но около половины ихъ было отлито еще въ прошломъ столѣтіи; суда вооружались безъ всякой системы орудіями самыхъ разнообразныхъ системъ и калибровъ. Пользуясь имѣвшимися орудіями, великій князь усилилъ вооруженіе судовъ посредствомъ частичныхъ усовершенствованій и различныхъ новыхъ приспособленій. Вооруженіе было улучшено, насколько возможно, подборомъ соотвѣтствующихъ орудій изъ имѣвшихся запасовъ; станки были исправлены и приспособлены для дальней и быстрой стрѣльбы; введены были новые прицѣлы и новые дальномѣры, которые были проектированы лично великимъ княземъ, и т. д. Производству артиллерійскихъ опытовъ придана была правильная организація. Для этой цѣли была учреждена особая комиссія, сначала временная — въ Кронштадтѣ, затѣмъ съ 1855 г. постоянная — въ Петербургѣ. Для подготовки спеціалистовъ артиллерійскаго дѣла, по мысли великаго князя, изложенной въ докладѣ императору Николаю I, въ іюнѣ 1850 г. учреждено образцовое артиллерійское судно, которое должно было готовить комендоровъ на весь балтійскій флотъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ артиллеріи, судно это замѣнено было цѣлымъ артиллерійскимъ

отрядомъ. Послѣ крымской войны, въ декабрѣ 1857 г., окончательно выработаны были основанія перевооруженія флота. Новыя пушки 60-ти и 36-ти фунтоваго калибра были скоро изготовлены на отечественныхъ олонецкихъ заводахъ, и въ навигацію 1861 г. боевыя суда балтійскаго флота были уже вооружены 1608 орудіями, не уступавшими заграничнымъ и достаточно сильными для дѣйствія по деревяннымъ судамъ того времени.

Это перевооруженіе флота закончено было какъ разъ наканунѣ коренного переворота въ морской артиллеріи, вызваннаго появленіемъ броненосцевъ. Сильнѣйшія пушки старыхъ системъ разомъ оказались безсильными для борьбы противъ новыхъ судовъ, окованныхъ бронею. Артиллерія бросилась искать совершенно новыхъ путей. Началась упорная борьба между бронею и пушкою, незаконченная и донынѣ. Очень скоро измѣнились не только калибръ орудій, но и самый ихъ матеріалъ, конструкція, всѣ принадлежности: станки, снаряды, порохъ. Чугунъ замѣненъ былъ сталью, гладкіе стволы нарѣзными и скрѣпленными рядомъ колецъ, заряжаніе съ дула—заряжаніемъ съ казенной части. Морскія державы, встревоженныя тѣмъ беззащитнымъ положеніемъ, въ которое ихъ вдругъ поставило появленіе броненосныхъ судовъ, не щадили ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы возстановить свою безопасность, создавъ артиллерію, которая могла бы быть грозною для брони.

Наше положеніе было несравненно хуже, чѣмъ другихъ великихъ державъ, такъ какъ наши заводы были не въ силахъ не только соперничать съ иностранными, но даже слѣпо подражать имъ. Морское вѣдомство внимательно слѣдило за артиллерійскими новинками за границей, добытыя свѣдѣнія провѣряло опытами, но это еще не давало намъ пушекъ. Въ августѣ 1861 г., когда перевооруженіе флота только-что было закончено, великій князь представилъ государю свои соображенія о необходимости немедленно положить начало выдѣлкѣ большекалиберныхъ орудій новаго образца и просилъ учредить для разсмотрѣнія этого вопроса комитетъ изъ представителей трехъ заинтересованныхъ вѣдомствъ — морского, военнаго и горнаго. Незадолго передъ тѣмъ русскому горному инженеру Обухову удалось выработать хорошую литую сталь и изготовить 12-ти фунтовую пушку, которая въ началѣ 1861 г. выдержала испытаніе такъ же удовлетворительно, какъ и пушка завода Круппа того же калибра. Успѣхъ работъ Обухова далъ

основаніе комитету, учрежденному подъ предсѣдательствомъ адмирала графа Путятина, признать возможнымъ изготовленіе новой стальной артиллеріи въ Россіи, безъ помощи иностранныхъ заводовъ, пользуясь способомъ литья стали, изобрѣтеннымъ Обуховымъ. Комитетъ призналъ необходимымъ немедленно приступить къ устройству сталепушечнаго завода около Петербурга, какъ пункта, близкаго къ средоточію флота. Министерство финансовъ, однако, не рѣшалось отпустить крупнаго капитала на постройку казеннаго завода для изготовленія новыхъ орудій. Тогда морскому министерству удалось образовать частное товарищество изъ трехъ лицъ, Обухова, Путилова и Кудрявцева, которые, получивъ въ задатокъ отъ морского вѣдомства до 930.000 р., немедленно, въ 1863 г., приступили къ постройкѣ сталелитейнаго завода, получившаго затѣмъ названіе Обуховскаго. Устройство завода пошло на первыхъ порахъ успѣшно. Но черезъ годъ дѣла завода оказались въ весьма критическомъ положеніи, и товарищество въ октябрѣ 1864 г. потребовало новой субсидіи въ 460.000 р. Великій князь рѣшилъ не отступать передъ затратами и довести до конца дѣло созданія русскаго сталепушечнаго завода, чтобы не оставлять снабженіе флота пушками въ зависимости отъ иностранцевъ. Заводу была выдана новая ссуда въ 460.000 р. Долгъ товарищества морскому министерству достигъ 1.300.000 р. и въ виду этого министерство признало необходимымъ взять подъ свой непосредственный надзоръ всѣ операціи завода. Вслѣдъ затѣмъ успѣхи артиллерійской техники привели къ необходимости расширить средства завода, построить новыя мастерскія, пріобрѣсти новые механизмы для отдѣлки орудій, заряжающихся съ казенной части. Вслѣдствіе этого заводу въ іюлѣ 1865 г. была выдана новая ссуда въ 1.300.000 р.; но и эта ссуда была не послѣдней—долгъ завода казнѣ достигъ громадной суммы 4.682.797 р., прежде чѣмъ издѣлія его начали хотя сколько-нибудь погашать выданныя ссуды. Въ 1871 г. заводъ успѣшно выполнилъ заказъ сухопутнаго артиллерійскаго вѣдомства и съ слѣдующаго года поставка орудій, какъ морскому, такъ и военному вѣдомству пошла уже безъ всякихъ остановокъ. Къ 1877 г. заводъ исполнилъ казенныхъ заказовъ на 5.318.000 и началъ быстро погашать свой долгъ. Въ отношеніи достоинства выдѣлываемыхъ пушекъ Обуховскій заводъ сравнялся съ луч-

шими изъ иностранныхъ пушечныхъ заводовъ и пріобрѣлъ всѣ средства для самостоятельнаго совершенствованія конструкціи и выдѣлки орудій, не отставая отъ успѣховъ иностранной техники. Производство пушекъ было прочно водворено въ Россіи. Къ 1880 г. всѣ боевыя суда нашего флота были вооружены нарѣзными стальными пушками, изъ коихъ большая часть была сдѣлана въ Россіи (498 пушекъ было обуховскихъ и 198 крупповскихъ). Энергія великаго князя и его дѣятельнаго сотрудника, адмирала Краббе, въ этомъ дѣлѣ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. „Исторія Обуховскаго завода, говоритъ великій князь въ своемъ отчетѣ въ 1880 г., есть почти вся исторія морской артиллеріи за прошлое двадцатипятилѣтіе. На него мы возлагали всѣ наши надежды; черные дни его неудачъ были тяжелы для лицъ, принявшихъ на себя водвореніе въ Россіи сталепушечнаго производства своею нравственною отвѣтственностью, но они кромѣ того требовали много твердости характера и вѣры, чтобы не отступить предъ неудачами. Успѣхи и безпримѣрное развитіе, котораго достигъ потомъ заводъ, служатъ теперь утѣшеніемъ и гордостью морского вѣдомства“.

Къ числу видныхъ преобразованій, совершившихся въ области военно-морского дѣла—за время управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ—относится также вооруженіе судовъ подводными минами.

По примѣру Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, наше морское вѣдомство въ 60-хъ годахъ самостоятельно занялось разработкой миннаго дѣла. Въ 1868 г. клиперъ „Гайдамакъ“, отправленный въ Тихій океанъ, былъ вооруженъ минами на откидныхъ шестахъ. Въ 1874 г. управленіе минною частью было сосредоточено въ одномъ лицѣ, затѣмъ въ Кронштадтѣ былъ устроенъ минный офицерскій классъ, со школою для нижнихъ чиновъ, для подготовленія матросовъ-минеровъ. Морское вѣдомство внимательно слѣдило за иностранными новинками въ этой области, вводя у насъ сначала цилиндрическія шестовыя мины, которыя были употреблены въ дѣло лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ въ послѣднюю русско-турецкую войну, затѣмъ буксирныя мины Гарвея, ручныя пироксилиновыя мины и др. Наконецъ, у англичанина Уайтгеда въ 1876 г. купленъ былъ секретъ изобрѣтенныхъ имъ самодвижущихся минъ. Нѣсколько офице-

ровъ и матросовъ послано было на заводъ изобрѣтателя и новыя мины начали успѣшно изготовляться въ Россіи.

Рядомъ съ созданіемъ новаго флота, по мѣрѣ быстрыхъ успѣховъ западно-европейской кораблестроительной техники, великому князю генералъ-адмиралу предстояла другая, не менѣе трудная задача обновленія личнаго состава флота, образованія моряковъ, стоящихъ на высотѣ новыхъ требованій военно-морской службы. Длиннымъ рядомъ крупныхъ мѣропріятій, коснувшихся разнообразнѣйшихъ сторонъ жизни морскихъ офицеровъ и матросовъ, положеніе личнаго состава флота было реформировано до основанія.

Уничтоженіе нашего черноморскаго флота въ Крымскую войну произвело избытокъ въ личномъ составѣ офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ реформа кораблестроенія съ необычайно возраставшею дороговизной постройки судовъ, вела къ уменьшенію числа судовъ въ нашемъ флотѣ, также какъ въ иностранныхъ, и къ соотвѣтственному сокращенію морскихъ командъ. Поэтому вскорѣ по заключеніи Парижскаго мира морское вѣдомство приняло мѣры къ уменьшенію излишняго числа офицеровъ, расширивъ увольненіе ихъ на коммерческія суда, на выгодныхъ условіяхъ, и ограничивъ пріемъ въ морскія учебныя заведенія. Вслѣдъ затѣмъ съ Высочайшаго разрѣшенія послѣдовало въ 1859 и 1860 гг. усиленное увольненіе въ резервъ старослужащихъ моряковъ, при чемъ уволено было адмираловъ и генераловъ 21 и 640 штабъ- и оберъ-офицеровъ. Въ то же время приняты были мѣры къ сильному сокращенію числа нижнихъ чиновъ во флотѣ. Въ 1855 г. флотскихъ нижнихъ чиновъ было болѣе 125.000. Въ 1859 г. число ихъ сократилось до 51.663; а съ 1868 по 1879 г. равнялось въ среднемъ 25.000 (отъ 20.986 до 28.920). Столь значительное сокращеніе числа нижнихъ чиновъ обусловлено было отчасти уменьшеніемъ числа военныхъ судовъ, а главнымъ образомъ постоянною заботой великаго князя о возможномъ сокращеніи береговыхъ командъ, такъ называемыхъ „нестроевыхъ“ нижнихъ чиновъ; великій князь при этомъ стремился къ тому, чтобы рекрутскою повинностью не отвлекать отъ плуга и отъ свободнаго промышленнаго труда ни одного лишняго человѣка, за исключеніемъ людей, необходимыхъ для дѣйствительной службы во флотѣ. Начиная съ 1859 г., упразднены были всѣ береговыя команды, не несшія вовсе морской боевой службы: пор-

товыя роты, ластовые экипажи, употреблявшіеся для валовыхъ работъ и карауловъ; въ результатѣ численность береговой команды, превышавшая въ 1855 г. 63.000, пала къ концу 1879 г. до 822 человѣкъ. Казенный рекрутскій трудъ матроса на берегу замѣненъ былъ, гдѣ только было возможно, вольнонаемнымъ. Убѣжденный сторонникъ вольнаго труда, великій князь не остановился предъ возраженіями большинства современныхъ дѣятелей, сжившихся съ старыми порядками и утверждавшихъ, что дѣло созданія и поддержанія флота въ Россіи немыслимо вести безъ помощи казеннаго, подневольнаго труда. Предсказанія этихъ лицъ не оправдались,—замѣчаетъ великій князь въ своемъ отчетѣ въ 1880 г. съ чувствомъ удовлетворенія успѣшностью проведенной имъ реформы.

Въ 1857 г., одновременно съ началомъ упраздненія береговыхъ командъ, великій князь возбудилъ вопросъ объ уничтоженіи въ морскомъ вѣдомствѣ худшаго вида береговой службы—званія денщиковъ, всего менѣе соотвѣтствующаго назначенію военнаго матроса. Но въ этомъ случаѣ ему не удалось немедленно достигнуть поставленной цѣли. Задуманная великимъ княземъ мѣра встрѣчена была столь энергичными возраженіями, что онъ долженъ былъ уступить на время своимъ противникамъ. Тѣмъ не менѣе, начавъ въ 1860 г. съ отмѣны, въ видѣ опыта, назначенія денщиковъ къ береговымъ офицерамъ, великій князь, постепенно сокращая число денщиковъ, достигъ въ 1879 г. полнаго упраздненія этого званія во флотѣ. Казенная прислуга во флотѣ осталась лишь въ видѣ ограниченнаго числа вѣстовыхъ на судахъ во время плаванія. Въ результатѣ этихъ мѣропріятій въ 1880 г. изъ общаго числа нижнихъ чиновъ во флотѣ—93,5% несли дѣйствительную военно-морскую службу, тогда какъ въ 1855 г. число строевыхъ матросовъ равнялось лишь 54,4% общаго числа нижнихъ чиновъ.

Въ видахъ улучшенія личнаго состава флота морское вѣдомство приняло мѣры къ тому, чтобы рекруты во флотъ набирались въ мѣстностяхъ приморскихъ или прирѣчныхъ изъ населенія, свыкшагося съ морскими или рѣчными промыслами. Еще въ 1853 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы изъ губерній Архангельской и Астраханской, какъ прилегающихъ къ морю, всѣ рекруты поступали на укомплектованіе флота. Въ виду не-

многочисленности приморскихъ жителей въ Россіи, морское вѣдомство обратило особенное вниманіе на прирѣчное населеніе и командировало нѣсколько молодыхъ писателей для собранія свѣдѣній о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ особенно развито рѣчное судоходство и промыслы. Въ то же время морское министерство при преобразованіи морскихъ учебныхъ заведеній въ 1862 г. установило новыя правила пріема учениковъ въ морское училище съ такимъ расчетомъ, чтобы флотскими офицерами становились люди, имѣющіе особенную склонность къ мореплаванію. Въ это училище положено было принимать юношей въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ, при чемъ поступающимъ въ училище дозволено было, еще до пріемнаго экзамена, участвовать въ пробныхъ плаваніяхъ на учебныхъ судахъ, чтобы испытать свои способности къ морской службѣ. Эти правила, однако, не достигли цѣли; въ 1873 г. пріемъ молодыхъ людей на пробныя плаванія былъ отмѣненъ, а затѣмъ при морскомъ училищѣ открыты были приготовительные классы для малолѣтнихъ воспитанниковъ отъ 12 лѣтъ.

Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для возвышенія личнаго состава флотскихъ офицеровъ было улучшеніе матеріальнаго ихъ положенія, которое должно было привлечь въ морскую службу лучшія силы. Великій князь возбудилъ вопросъ объ увеличеніи денежнаго содержанія офицеровъ въ первые же годы своего управленія морскимъ вѣдомствомъ, придавая этому вопросу большую важность. Оклады жалованья флотскихъ офицеровъ до 1856 г. были крайне недостаточны; рядомъ узаконеній, начиная съ 1859 г., они были увеличены въ крупныхъ размѣрахъ; постоянные офицерскіе оклады повышены были, смотря по должности, болѣе, чѣмъ въ 3, 2½, 1½ раза (для лейтенанта на 68%); оклады заграничнаго плаванія увеличены отъ 11 до 42%, морского внутренняго плаванія—отъ 30 до 74%. Для лицъ, прослужившихъ долгое время во флотѣ, опредѣлены пособія на воспитаніе дѣтей. Учрежденіе эмеритальной пенсіонной кассы на капиталъ въ 1½ милліона изъ остатковъ по морскому вѣдомству въ скоромъ времени дало возможность прекрасно обезпечивать выходящихъ въ отставку флотскихъ офицеровъ, почти утроивъ размѣры ихъ пенсій.

Особенное вниманіе великій князь обратилъ на реформу морскихъ учебныхъ заведеній. Вопросъ объ этомъ возбужденъ былъ великимъ княземъ въ 1855 г, когда по его просьбѣ назначена

была для ревизіи ихъ особая комиссія изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія и вѣдомства военно-учебныхъ заведеній. Великій князь при этомъ просилъ членовъ комиссіи тщательно обозрѣвать морскія училища, „въ особенное личное ему одолженіе и сообщить ему замѣчанія съ полною откровенностью, не стѣсняясь никакими соображеніями“. На основаніи работъ этой ревизіонной комиссіи адмиралъ графъ Путятинъ выработалъ въ августѣ 1860 г. проекты уставовъ морского кадетскаго корпуса, морской академіи и морского техническаго училища. Затѣмъ учрежденъ былъ особый комитетъ для переработки этихъ проектовъ и для руководства постепеннымъ преобразованіемъ морскихъ учебныхъ заведеній. Въ основу преобразованія положено было начало отдѣленія общаго образованія отъ спеціальнаго и гуманная система воспитанія путемъ убѣжденія, а не страхомъ наказаній. Новая организація морского училища, замѣнившаго прежній морской кадетскій корпусъ, совершена была въ 1867 г., а морского техническаго училища—въ 1873 г. Офицерскій классъ при морскомъ кадетскомъ корпусѣ преобразованъ былъ въ 1862 г. въ морской академическій курсъ. 28 января 1877 г. этотъ курсъ переименованъ въ Николаевскую морскую академію и великій князь назначенъ былъ почетнымъ президентомъ академіи. При этомъ Государь въ рескриптѣ на имя великаго князя выразилъ ему „искреннюю и душевную признательность за неусыпные труды, направленные къ возвышенію и распространенію морского образованія во флотѣ“.

Не ограничиваясь преобразованіемъ морскихъ учебныхъ заведеній, великій князь и другими различными способами старался о распространеніи среди моряковъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ морскихъ знаній. Во исполненіе выраженнаго имъ желанія, съ 1857 г. въ Кронштадтѣ начали ежегодно, въ зимніе мѣсяцы, читаться лекціи для морскихъ офицеровъ какъ по прямой ихъ спеціальности, такъ и по другимъ научнымъ предметамъ; впослѣдствіи такія же чтенія организованы были въ Николаевѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ портахъ. Въ видахъ предоставленія флотскимъ офицерамъ возможности слѣдить за морскою наукой, морской ученый комитетъ издавалъ на средства морского министерства въ большомъ числѣ сочиненія, оригинальныя и переводныя и при устройствѣ въ портахъ морскихъ собраній обра-

щено было особое вниманіе на устройство въ нихъ библіотекъ и читаленъ. Сочувствуя развитію кронштадтской морской библіотеки, великій князь уступилъ въ 1874 г. подъ библіотеку свои комнаты въ морскомъ собраніи Кронштадта. Постояннымъ вниманіемъ великаго князя пользовались занятія моряковъ по разработкѣ исторіи русскаго флота; онъ придалъ этимъ работамъ извѣстную систему и испросилъ ежегодное ассигнованіе суммъ на изданіе трудовъ по русской морской исторіи. Наиболѣе дѣйствительное средство въ дѣлѣ распространенія морскихъ знаній среди офицеровъ великій князь нашелъ въ періодическомъ органѣ морского министерства „Морскомъ Сборникѣ". Журналъ этотъ до 1855 г. не имѣлъ большого распространенія, отчасти потому, что онъ плохо редактировался, а главнымъ образомъ потому, что по цензурнымъ условіямъ того времени не касался дѣятельности русскаго флота. Великій князь обновилъ редакцію журнала и далъ ему возможность стать живымъ органомъ современнаго положенія морского дѣла въ Россіи. Въ немъ обсуждались реформы морской администраціи и разрабатывались спеціальные вопросы морской науки. Журналъ привлекъ къ себѣ интересъ моряковъ, также какъ и всего образованнаго общества, и явился проводникомъ морскихъ знаній въ ихъ среду. Въ теченіе горячаго періода преобразованій журналъ, какъ указано выше, касался вопросовъ, имѣвшихъ широкій общественный интересъ, впослѣдствіи же, съ 1862 г., онъ сосредоточился исключительно на своей спеціальности и въ немъ дѣятельно велась серьезная научная разработка первостепенныхъ вопросовъ морского дѣла.

Великій князь прилагалъ старанія къ улучшенію матеріальнаго и нравственнаго положенія не только морскихъ офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ. Съ теченіемъ времени были существенно улучшены всѣ стороны быта матросовъ, ихъ служебныя работы, помѣщенія, одежда, умственное развитіе. Чрезвычайная смертность флотскихъ нижнихъ чиновъ въ до-реформенное время указывала на необходимость совершеннаго измѣненія условій ихъ жизни. Разслѣдованіе, произведенное въ 1855 г. по приказанію великаго князя, представило безотрадную картину казарменнаго быта матросовъ, въ особенности семейныхъ. Большею частью сырыя, холодныя, худо освѣщаемыя и худо отапливаемыя, тѣсныя матросскія казармы были крайне неудобны для житья и весьма вредны

для здоровья. Не имѣя средствъ на постройку новыхъ казармъ, морское министерство капитальнымъ ремонтомъ улучшило старыя зданія и цѣлымъ рядомъ частичныхъ мѣропріятій и приспособленій сдѣлало ихъ болѣе гигіеничными; уменьшеніе же числа матросовъ и наемъ частныхъ помѣщеній дали возможность болѣе просторно размѣстить матросовъ и обособить холостыхъ отъ семейныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ существенно улучшены были береговые госпитали и обращено было серьезное вниманіе на судовую гигіену. Крайне изнурительныя въ прежнее время валовыя работы матросовъ на судахъ и въ портахъ были облегчены и ограничены предѣлами крайней необходимости. Благодѣтельное вліяніе всѣхъ этихъ мѣропріятій наглядно выразилось въ томъ фактѣ, что смертность нижнихъ чиновъ во флотѣ къ 1880 г. понизилась почти вдвое; тифъ и цынга, тяжкіе недуги флота, утратили свою распространенность и напряженность. Нравственное состояніе матросовъ также улучшилось; прежнія отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ, отличавшіяся патріархальностью и привычкою къ кулачной расправѣ временъ крѣпостного права, замѣнились отношеніями, основанными на строгомъ соблюденіи требованій дисциплины.

Въ заботахъ объ улучшеніи личнаго состава нашего флота великій князь обращалъ особенное вниманіе на дальнія плаванія въ воды Тихаго океана, какъ на лучшую школу для моряковъ. Изъ числа трехъ руководящихъ началъ своей дѣятельности по морскому управленію, онъ ставилъ на первое мѣсто: „возможно большее плаваніе военныхъ судовъ въ дальнихъ моряхъ и океанахъ, необходимое какъ для созданія истинныхъ моряковъ, такъ и для поддержанія международнаго значенія Россіи“. До царствованія Александра II на дальнія плаванія русскихъ судовъ обращали мало вниманія; такъ, за 18 лѣтъ, съ 1834 по 1852 г., было отправлено въ Тихій океанъ только пять судовъ и то по крайней необходимости. За время же управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ наши военныя суда безостановочно отправлялись въ продолжительныя дальнія плаванія, насколько позволяли средства, отпускавшіяся флоту. За исключеніемъ четырехъ лѣтъ (1867—1869 и 1875) число нашихъ судовъ въ Тихомъ океанѣ не падало ниже 10-ти, а повышалось до 24-хъ. Въ то же время въ водахъ, омывающихъ берега западно-европейскихъ государствъ, находи-

лось ежегодно отъ 7 до 18 нашихъ военныхъ судовъ (въ 1865 г.—29 судовъ). Эти дальнія плаванія часто были не вполнѣ благополучными вслѣдствіе недостатковъ вновь построенныхъ судовъ; наши суда нерѣдко, особенно въ первые годы послѣ Крымской войны, едва выйдя изъ Балтійскаго моря, должны были заходить въ иностранные порты для исправленія обнаружившихся недостатковъ постройки или полученныхъ въ морѣ поврежденій и послѣ дальнѣйшаго перехода снова укрываться въ гавань на продолжительное время для починокъ—но тѣмъ не менѣе эти плаванія имѣли огромное и благодѣтельное значеніе для нашего флота.

Русскій военный флагъ развѣвался во всѣхъ иностранныхъ моряхъ гораздо чаще, чѣмъ въ предшествовавшее время, но все же не такъ часто и не всегда тамъ именно, гдѣ слѣдовало бы. Такъ напримѣръ, наши моряки избѣгали полярныхъ водъ, рѣдко посѣщали воды, омывающія сѣверную часть нашего Тихо-океанскаго прибрежья, и мало сдѣлали для охраны ихъ отъ эксплоатаціи иностранцевъ и для изслѣдованія и описанія русскихъ береговъ. Широкому развитію дальнихъ плаваній препятствовалъ недостатокъ средствъ. Такъ въ 1867—1869 гг. смѣта морского министерства была сокращена на нѣсколько милліоновъ и въ эти годы океанскія плаванія были ограничены до крайней степени. Великій князь старался возмѣстить этотъ недостатокъ обученіемъ командъ во внутреннихъ плаваніяхъ. Въ 1858 г. впервые образована была особая эскадра для практическаго плаванія въ водахъ Балтійскаго моря. Эта школа нашихъ моряковъ получила широкое развитіе въ 60-хъ годахъ. Въ 1867 г. установлено во внутреннихъ водахъ очередное плаваніе всѣхъ судовъ флота и во главѣ балтійской практической эскадры поставленъ былъ знатокъ морской тактики, вице-адмиралъ Бутаковъ 1-й, выработавшій постепенно широкую систему морского обученія командъ во время практическихъ плаваній. Иностранные офицеры часто посѣщали балтійскую броненосную эскадру и иностранная печать указывала на примѣнявшіеся здѣсь пріемы обученія команды какъ на образецъ, достойный подражанія.

Возсозданіе русскаго военнаго флота, организація труднаго дѣла сооруженія собственными русскими силами новыхъ военныхъ судовъ и новой морской артиллеріи, обновленіе и образованіе личнаго состава флота,—таковы были главнѣйшія задачи дѣятельности ве-

ликаго князя по его отвѣтственной должности генералъ-адмирала. Въ связи съ ними существенно преобразованы были всѣ стороны военно-морского дѣла въ Россіи. Особенныя старанія приложены были великимъ княземъ къ преобразованію на новыхъ началахъ морского управленія, центральнаго и мѣстнаго, берегового. Послѣ перваго же ознакомленія съ морскою администраціей великій князь убѣдился въ необходимости коренной ея реформы съ цѣлью устраненія сложныхъ обрядностей и порядковъ, отжившихъ свое время, упрощенія и оживленія механизма управленія.

Рядомъ послѣдовательныхъ частичныхъ мѣропріятій онъ началъ немедленно подготовлять общую реформу. Для лучшаго успѣха дѣла великій князь въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, прибѣгнулъ къ содѣйствію гласности; въ „Морскомъ Сборникѣ“ отведенъ былъ особый отдѣлъ для обсужденія предположенныхъ реформъ. Первоначальный проектъ преобразованія морского министерства и управленія портами, составленный въ 1856 г., нѣсколько разъ разсылался разнымъ свѣдущимъ людямъ и перерабатывался по ихъ указаніямъ. Проектъ новаго положенія объ управленіи морскимъ вѣдомствомъ былъ утвержденъ 27 января 1860 г. Основныя начала положенія удостоились полнаго одобренія Государя, который собственноручно написалъ на журналѣ Государственнаго Совѣта, что онъ ставитъ ихъ „въ примѣръ всѣмъ гг. министрамъ и главноуправляющимъ, надѣясь и возлагая на ихъ попеченіе достигнуть того же и по ввѣреннымъ имъ вѣдомствамъ“. Основой реформы была возможно бо́льшая децентрализація управленія. Мѣстнымъ властямъ даны были обширныя права, обезпечена значительная самостоятельность въ рѣшеніи дѣлъ и личная инициатива; на центральное же учрежденіе, на морское министерство, возлагалось лишь общее направленіе и наблюденіе за дѣйствіями мѣстныхъ властей. Командиры главныхъ портовъ и портовъ второго разряда подчинены непосредственно управляющему министерствомъ и генералъ-адмиралу. Всѣ хозяйственныя заготовленія, сосредоточивавшіяся ранѣе въ департаментахъ министерства, переданы командирамъ портовъ; имъ предоставлено составлять проекты работъ и смѣты на предстоящій годъ и вносить свои предположенія на утвержденіе министерства.

Новое положеніе введено было въ дѣйствіе для испытанія на пять лѣтъ. По прошествіи этого срока, въ 1867 г. въ немъ сдѣ-

ланы были измѣненія въ прежнемъ направленіи децентрализаціи управленія и сокращенія и упрощенія дѣлопроизводства. Два департамента, кораблестроительный и комисаріатскій, и два отдѣльныхъ управленія—артиллерійское и строительное—были упразднены, а дѣла ихъ переданы начальству портовъ. Благодаря упрощенію системы управленія и уничтоженію нѣсколькихъ излишнихъ учрежденій и должностей, морское министерство, несмотря на быстрое развитіе флота, могло въ теченіе 25 лѣтъ довольствоваться прежнею суммой, отпускавшейся на содержаніе администраціи (1.632.000 р.), значительно возвысивъ въ то же время оклады служащихъ, сравнительно съ окладами, существовавшими до реформы 1860 г.

Рядомъ съ общею реформою морского управленія преобразована была система счетоводства и отчетности, имѣющихъ важное значеніе въ сложномъ и обширномъ морскомъ хозяйствѣ. Нововведенія морского вѣдомства въ этой области послужили также образцомъ для другихъ вѣдомствъ и были распространены на всю администрацію. Они основаны были на изученіи иностранныхъ, прусской и американской, системъ счетоводства. Великій князь командировалъ за границу съ этою цѣлью статсъ-секретаря Рейтерна и по его представленію посланъ былъ въ командировку отъ государственнаго контроля статсъ-секретарь Татариновъ. Смѣты морского министерства были преобразованы и начали отличаться полною откровенностью и правдивостью. Великій князь оставилъ твердо укоренившійся взглядъ на смѣты, какъ на государственную тайну, и съ 1858 года началъ ихъ печатать и разсылать въ подвѣдомственныя учрежденія для руководства. Затѣмъ всѣ суммы морского вѣдомства были сосредоточены въ одномъ центральномъ казначействѣ и такимъ образомъ впервые примѣнено было начало единства кассы, распространенное нѣсколько позже на всю имперію. Морское вѣдомство первое же ввело у себя въ 1860 г. новую систему контроля, послужившаго основаніемъ для позднѣйшей общей реформы контрольной части по всѣмъ вѣдомствамъ. Составленіе множества приходо-расходныхъ книгъ было отмѣнено, уничтожены двѣ контрольныя инстанціи и взамѣнъ того установленъ порядокъ присылки на ревизію подлинныхъ документовъ.

Этотъ краткій обзоръ дѣятельности великаго князя по управленію морскимъ вѣдомствомъ закончимъ слѣдующими его словами

изъ всеподданнѣйшаго отчета, представленнаго имъ Императору въ 1880 году:

„Не мнѣ рѣшать, дѣйствительно ли въ трудный, пережитый морскимъ вѣдомствомъ періодъ было сдѣлано на пользу флота все возможное, но свидѣтельствую совѣстью предъ Вами, Государь, что всѣ силы ума и самыя пламенныя желанія благъ флоту были мною приложены къ дѣлу, которое Вашему Императорскому Величеству благоугодно было столь продолжительное время оставить на моемъ попеченіи, и что я не отступалъ ни передъ какимъ трудомъ. Уже воспоминанія моего перваго дѣтства соединены были съ флотомъ, неразлучно съ нимъ идетъ вся моя жизнь, и теперь, когда бо̀льшая половина жизни пройдена, интересы флота такъ же близки моему сердцу, какъ и при вступленіи моемъ въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ, при началѣ моей морской карьеры. При такомъ положеніи обстоятельствъ Ваше Императорское Величество не найдете преувеличеннымъ мое увѣреніе, что дѣлу флота я принадлежалъ все это время не по одному сознанію долга службы, но и по чувству глубокой къ нему привязанности, сдѣлавшейся вторымъ моимъ существомъ“.

Заботы о развитіи и преуспѣяніи русскаго флота не поглощали всѣхъ силъ великаго князя Константина Николаевича. Подобно тому, какъ въ періодъ реформъ шестидесятыхъ годовъ великій князь и въ позднѣйшее время, руководя преобразованіями по флоту, близко входя во всѣ дѣла управленія морскимъ вѣдомствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ участвовалъ въ разработкѣ и рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ и по другимъ отраслямъ управленія.

1 января 1865 г. великій князь назначенъ былъ на должность предсѣдателя Государственнаго Совѣта и занималъ ее въ теченіе болѣе 16 лѣтъ. Онъ имѣлъ всѣ данныя для успѣшнаго исполненія обязанностей предсѣдателя этого высшаго государственнаго учрежденія и относился къ нимъ, какъ ко всѣмъ своимъ обязанностямъ вообще, чрезвычайно ревностно и добросовѣстно. „Есть множество свидѣтелей,—сообщаетъ М. И. Семевскій, того непрерывнаго, большого и упорнаго труда, каковой несъ на себѣ въ Государственномъ Совѣтѣ великій князь Константинъ Николаевичъ: каждое сколько-нибудь важное дѣло изучаемо имъ было лично, нерѣдко безъ посредства докладчика; занимая предсѣда-

тельское мѣсто, великій князь всегда приступалъ къ засѣданію лишь послѣ тщательнаго ознакомленія со всѣмъ тѣмъ, что̀ подлежало обсужденію и рѣшенію. Въ началѣ его служенія на посту предсѣдателя Государственнаго Совѣта пылкость и страстность характера великаго князя нѣсколько порывисто проявлялись, но съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ собою и былъ вполнѣ на высотѣ своего положенія, быстро усвоивая суть обсуждавшихся докладовъ, личнымъ разъясненіемъ разсѣевая возникавшіе вопросы и недоумѣнія, сглаживая оттѣнки разномыслія и превосходно приводя собраніе къ единогласнымъ рѣшеніямъ". Великій князь Константинъ Николаевичъ, предсѣдательствуя въ Государственномъ Совѣтѣ, нерѣдко принималъ участіе въ преніяхъ, съ обычною ему рѣшительностью защищая или оспаривая разные законопроекты. Обращаясь теперь къ обзору дѣятельности великаго князя Константина Николаевича въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, мы ограничимся указаніемъ только важнѣйшихъ перемѣнъ въ прежде дѣйствовавшихъ законахъ и учрежденіяхъ, которыя были выработаны Совѣтомъ подъ его предсѣдательствомъ.

Дѣятельность Государственнаго Совѣта во время предсѣдательства въ немъ великаго князя Константина Николаевича была особенно усиленною. Рядъ важныхъ преобразованій, которыя коренньмъ образомъ измѣнили нѣкоторыя стороны издавна сложившагося общественнаго порядка, вызвалъ особое обширное законодательство, имѣвшее предметомъ опредѣлять подробности примѣненія новыхъ законовъ, разрѣшать возникавшіе при исполненіи вопросы и сомнѣнія и согласовать съ новыми учрежденіями прежніе законы и постановленія. Въ разрѣшеніи всѣхъ частныхъ вопросовъ и въ выработкѣ всѣхъ новыхъ мѣропріятій Совѣтъ соблюдалъ неуклонно вѣрность основнымъ началамъ, положеннымъ въ основу великихъ реформъ императора Александра II, и въ значительной степени это объясняется личнымъ участіемъ въ работахъ Совѣта великаго князя Константина Николаевича.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости потребовало цѣлаго ряда мѣръ, изглаживавшихъ постепенно въ разныхъ мѣстностяхъ слѣды прежнихъ отношеній. Такъ въ 1869 г. устроено окончательно, на одинаковыхъ съ государственными крестьянами основаніяхъ, сословіе ямщиковъ (до 10 т. душъ), и государственныхъ крестьянъ Бессарабской области (до 24 т. душъ), учреждена

казенная лѣсная стража, съ освобожденіемъ до 24.000 крестьянъ отъ обязательной службы по охраненію казенныхъ лѣсовъ, исполненіе чего почиталось повинностью столь же тяжелою, какъ рекрутчина. Башкирскія земли окончательно распредѣлены между вотчинниками и такъ называемыми „припущенниками“ и установлены правила о продажѣ этихъ земель. Обнаружившіяся впослѣдствіи злоупотребленія при таковой продажѣ побудили Государственный Совѣтъ въ 1878 г. правила эти пересмотрѣть и переработать.

Съ исполненіемъ мировыми посредниками большей части обязанностей, возложенныхъ на нихъ при освобожденіи крестьянъ, не было уже необходимости сохранять этотъ институтъ, тѣмъ болѣе, что съ открытіемъ мировыхъ и земскихъ учрежденій лучшія силы перестали пополнять составъ мировыхъ посредниковъ, а земства тяготились расходомъ на содержаніе одновременно и мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ. Въ виду этого министерство внутреннихъ дѣлъ представило въ Государственный Совѣтъ проектъ уничтожить должности мировыхъ посредниковъ, а дѣла, подлежавшія ихъ вѣдѣнію, предлагало распредѣлить частью между губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями и состоящими при нихъ временными членами, которыхъ бы приглашалъ съ Высочайшаго соизволенія министръ внутреннихъ дѣлъ изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, а частью—между губернаторами, губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями и уѣздными исправниками. Государственный Совѣтъ нашелъ, что дѣла по крестьянскому самоуправленію необходимо сосредоточить въ такомъ учрежденіи, которое бы ближе стояло къ крестьянамъ и хорошо знало бы мѣстныя условія. Таковыми учрежденіями призваны были стать уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; проектъ ихъ былъ выработанъ главнымъ комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, одобренъ Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утвержденъ 27 іюня 1874 г. Въ 1874 же году на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта былъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ сельской полиціи, но онъ былъ возвращенъ Совѣтомъ для нѣкоторыхъ измѣненій; въ 1879 г. онъ снова былъ представленъ, но снова послѣ всесторонняго обсужденія не признанъ удовлетворительнымъ и обращенъ въ министерство для исправленія и дополненій. Равнымъ

образомъ не былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1880 г. проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ.

16 іюня 1870 г. Высочайше утверждено было городовое положеніе. Еще въ 1867 г. внесены были на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проекты положеній по новому устройству городовъ. Но въ виду послѣдовавшаго вскорѣ назначенія новаго министра внутреннихъ дѣлъ, ген.-адъют. Тимашева, проекты эти были обращены на заключеніе новаго министра, и въ 1869 г. представлены въ Государственный Совѣтъ въ новой редакціи. Государственный Совѣтъ, обозрѣвъ вновь это дѣло въ полномъ его составѣ, нашелъ необходимымъ, во вниманіе къ значительной его сложности, примѣнить нѣкоторыя особыя мѣры для наиболѣе успѣшнаго его разсмотрѣнія и испросилъ Высочайшее соизволеніе учредить особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, изъ высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, съ привлеченіемъ къ участію въ комиссіи, въ качествѣ экспертовъ, городскихъ головъ С.-Петербурга, Москвы и Одессы и нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей городского общественнаго самоуправленія. Этою комиссіею и былъ выработанъ проектъ, который, по одобреніи Государственнымъ Совѣтомъ, удостоился Высочайшаго утвержденія. Одновременно съ утвержденіемъ городового положенія были утверждены правила, выработанныя Государственнымъ Совѣтомъ о приведеніи въ дѣйствіе этого новаго учрежденія.

Особенно много было сдѣлано Государственнымъ Совѣтомъ въ періодъ 1865—1880 г. новыхъ работъ по устройству судебной части въ Имперіи, для согласованія разныхъ частныхъ законоположеній, дѣйствовавшихъ съ прежняго времени, съ новою организаціею судебнаго дѣла. Въ 1869 г. Государственный Совѣтъ издалъ узаконенія, опредѣляющія порядокъ производства опекунскихъ дѣлъ и временныя правила о духовныхъ завѣщаніяхъ, такъ какъ то и другое находилось прежде подъ вѣдѣніемъ гражданскихъ палатъ и съ уничтоженіемъ ихъ многіе частные обряды, обязательные въ нѣкоторыхъ случаяхъ для приданія законной силы завѣщаніямъ, стали невыполнимыми. 8 іюня 1874 г. Высочайше утверждены были правила о гминныхъ судахъ, одобренныя Государственнымъ Совѣтомъ; 19 февраля 1875 г. были Вы-

сочайше утверждены проекты законоположеній о преобразованіи судебной части въ губерніяхъ Царства Польскаго. Этимъ закончено было дѣло, начатое еще въ 1867 г., когда въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 23 сентября 1864 г. была образована особая комиссія при учредительномъ комитетѣ въ Царствѣ Польскомъ, которой и было поручено разработать вопросъ о новой организаціи въ Царствѣ Польскомъ судебной части. Составленный этою комиссіею проектъ былъ въ 1867 г. разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщательномъ комитетѣ, а затѣмъ въ 1871 г. внесенъ въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ подвергся всестороннему обсужденію и нѣкоторымъ измѣненіямъ. Наконецъ, 10 іюня 1877 г. Высочайше утверждены были одобренные Государственнымъ Совѣтомъ временные штаты кассаціонныхъ департаментовъ Сената. По новымъ штатамъ составъ ихъ былъ значительно усиленъ и изъ Государственнаго казначейства на этотъ предметъ опредѣлено ежегодно отпускать приблизительно на 250.000 р. болѣе, чѣмъ расходовалось ранѣе. Совершенно справедливо говоритъ объ этой мѣрѣ предсѣдатель Государственнаго Совѣта въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ: „Издаваемое законоположеніе, безъ сомнѣнія, останется въ лѣтописяхъ отечественнаго законодательства краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того уваженія, съ которымъ русское правительство относится къ дѣлу отправленія правосудія. Въ такое время, когда политическія обстоятельства требовали отъ государственнаго казначейства особаго напряженія и чрезвычайныхъ жертвъ для огражденія достоинства и чести Россіи, когда оказывалось необходимымъ пріостановить новыя изъ казны ассигнованія на весьма полезные предметы, ни министерство финансовъ, ни государственный контроль, ни предсѣдатель и члены департамента экономіи не остановились предъ значительностью расхода, оказавшагося нужнымъ для того, чтобы поставить верховный судъ нашъ въ возможность съ успѣхомъ исполнять свое предназначеніе“. Государственный Совѣтъ обратилъ также вниманіе и на лучшее устройство тюремъ и вообще на положеніе лицъ, отбывающихъ по суду наказаніе. Въ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота и въ составѣ статсъ-секретарей Заблоцкаго-Десятовскаго и князя Оболенскаго и тайныхъ совѣтниковъ Стояновскаго и Побѣдоносцева былъ подробно разсмотрѣнъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ объ устрой-

ствѣ главнаго тюремнаго управленія. Государственный Совѣтъ нашелъ трудъ комиссіи исполненнымъ въ высшей степени хорошо, выразилъ ей единогласно глубокую признательность и проектъ ея, съ незначительными измѣненіями въ частностяхъ, постановилъ поднести на Высочайшее утвержденіе, которое и послѣдовало 27-го февраля 1879 г.

Изъ мѣропріятій по государственному хозяйству, обсужденныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, заслуживаютъ вниманія Высочайше утвержденныя 18 октября 1871 г. правила о продажѣ уральскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ. Еще 24 октября 1864 г. Высочайше одобрено было представленіе министра финансовъ о передачѣ въ частныя руки, путемъ продажи или отдачи въ аренду, тѣхъ казенныхъ заводовъ, которые не возмѣщаютъ цѣнностью вырабатываемыхъ на нихъ продуктовъ ежегодныхъ затратъ казенныхъ денегъ на свое содержаніе. Послѣ разработки этого вопроса въ комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ министръ финансовъ Рейтернъ внесъ въ Государственный Совѣтъ предложеніе о продажѣ нѣкоторыхъ указанныхъ имъ казенныхъ горныхъ заводовъ и золотыхъ пріисковъ и проектъ правилъ и порядковъ таковой продажи. Государственный Совѣтъ, согласившись въ главныхъ основаніяхъ съ проектомъ министра финансовъ, ограничилъ, однако, число заводовъ, предназначенныхъ къ продажѣ, въ проектъ же правилъ внесъ во-1) постановленіе, что предварительно обращенію какого-либо завода въ продажу должно быть обезпечено поземельное устройство водворенныхъ при заводѣ крестьянъ, и во-2) измѣнилъ нѣсколько процедуру продажи и утвержденія торговъ, упростивъ и облегчивъ ее, съ сохраненіемъ, однако, всѣхъ гарантій интересовъ казны.

Большое вниманіе Государственнаго Совѣта было посвящено также развитію кредитныхъ учрежденій. Оживленіе промышленности вызвало чрезвычайно усиленный ростъ разнаго рода кредитныхъ учрежденій: къ 1867 г. число ихъ не превышало 16, а въ слѣдующее пятилѣтіе достигло 76; Совѣтъ постоянно разсматривалъ и утверждалъ уставы этихъ предпріятій, а также и измѣненія въ этихъ уставахъ, вызывавшіяся необходимостью.

Въ 1869 г. дозволено было земствамъ принимать на себя иниціативу въ производствѣ изысканій для новыхъ желѣзнодорожныхъ путей, въ испрашиваніи концессій и гарантій и т. д., но запре-

щено земствамъ непосредственно выполненіе сихъ предпріятій за исключеніемъ устройства небольшихъ побочныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ тѣмъ, однако, чтобы ежегодная приплата по гарантіямъ не превышала 30% мѣстныхъ земскихъ сборовъ.

Наконецъ, цѣлый рядъ мѣръ обсужденъ былъ Государственнымъ Совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича по народному образованію. Впрочемъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ Государь утверждалъ не мнѣніе большинства Совѣта, а мнѣніе меньшинства, въ полномъ довѣріи къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстому. Такъ, Высочайшими повелѣніями 6 іюня 1871 г. и 15 мая 1872 г. введена была классическая система, съ незначительными измѣненіями дѣйствующая и теперь, а ученикамъ реальныхъ училищъ закрытъ былъ доступъ въ университеты—въ обоихъ этихъ случаяхъ Государь утвердилъ мнѣніе не большинства, а меньшинства Совѣта. Отнесясь несочувственно къ предложеніямъ министерства народнаго просвѣщенія въ этомъ вопросѣ, Государственный Совѣтъ встрѣтилъ вполнѣ доброжелательно его проектъ о низшемъ народномъ образованіи. Уѣздныя училища, существовавшія еще по уставу 8 декабря 1828 г., далеко не удовлетворяли своему первоначальному назначенію доставлять дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ со средствами лучшаго нравственнаго воспитанія, и такія свѣдѣнія, которыя по образу ихъ жизни, нуждамъ и упражненіямъ могли быть имъ особенно полезны; курсъ въ этихъ училищахъ былъ чисто теоретическій и вовсе не приспособленный къ потребностямъ лицъ, готовившихся къ практической дѣятельности, кромѣ того преподаваніе велось по методамъ очень устарѣлымъ и вполнѣ неудовлетворительнымъ и лицами, не имѣвшими сколько-нибудь достаточной подготовки. Министерство народнаго просвѣщенія выработало проектъ учрежденія вмѣсто уѣздныхъ училищъ—городскихъ и придало этимъ училищамъ такое устройство, которое бы болѣе удовлетворяло насущнымъ потребностямъ различныхъ классовъ городского населенія; для приготовленія учителей, болѣе соотвѣтствующихъ своему назначенію, рѣшено было устроить нѣсколько учительскихъ семинарій. Всѣ эти предположенія были одобрены Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утверждены 31 мая 1871 г.; въ томъ же году былъ изданъ рядъ постановленій, имѣв-

шихъ предметомъ лучшую организацію школъ для инородческаго населенія губерній Казанской и Иркутской и Крыма; 25 мая 1874 г. утвержденъ былъ разсмотрѣнный и одобренный Государственнымъ Совѣтомъ проектъ министерства народнаго просвѣщенія объ организаціи начальныхъ народныхъ училищъ. Для наблюденія за низшими училищами еще 29 мая 1869 г. учреждена была должность инспекторовъ народныхъ училищъ въ тѣхъ 34 губерніяхъ, въ которыхъ введены были земскія учрежденія; на содержаніе этихъ инспекторовъ, въ пособіе земствамъ при устройствѣ ими народныхъ училищъ и на содержаніе учреждаемыхъ министерствомъ образцовыхъ двухклассныхъ и одноклассныхъ школъ, отпущено по 306.000 р. въ годъ; въ 1876 г., въ виду увеличенія числа народныхъ училищъ, число инспекторовъ увеличено на 74, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ и расходовъ на ихъ содержаніе. Въ 1873 г. устроена учебная часть въ Закавказскомъ краю, гдѣ въ гимназіяхъ обращено особое вниманіе на занятія русскимъ языкомъ, а занятія древнимъ облегчены; въ томъ же году преобразована Петровская земледѣльческая академія, а харьковское и дерптское ветеринарныя училища преобразовали въ институты, съ расширеніемъ программы преподаванія; въ 1874 г. получили новую организацію Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ и Нѣжинскій лицей кн. Безбородко; въ 1876 г. измѣнено положеніе о Технологическомъ институтѣ и молодымъ людямъ, окончившимъ въ немъ курсъ, предоставлено право поступленія на государственную службу; институтъ состоялъ тогда въ вѣдѣніи министерства финансовъ; министерства народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ не согласились съ остальными членами Государственнаго Совѣта въ справедливости и желательности такого постановленія; но Государь его утвердилъ и написалъ на докладѣ: „тѣмъ болѣе, что имѣю въ виду распространить мѣру эту и на всѣ прочія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства“. Наконецъ поставленъ былъ окончательно на очередь и вопросъ объ учрежденіи университета въ Сибири. Вопросъ объ этомъ поднимали еще при императорѣ Александрѣ I и тогда Демидовъ пожертвовалъ на этотъ университетъ 50.000 р.; съ наросшими на этотъ капиталъ процентами и съ другими пожертвованіями имѣлось на постройку зданій для университета 250.000 р.; между тѣмъ необходимо было не менѣе 750.000 р.; министерство фи-

нансовъ находило невозможнымъ отпустить недостающую сумму изъ государственнаго казначейства; Государственный Совѣтъ рѣшилъ, что необходимо приступить къ постройкѣ зданій для университета съ имѣющимися уже средствами, въ надеждѣ, что начало этого дѣла усилитъ приливъ къ нему частныхъ пожертвованій и въ убѣжденіи, что черезъ нѣсколько лѣтъ состояніе финансовъ позволитъ отчислить на этотъ предметъ необходимыя суммы. Мѣстомъ для университета былъ избранъ городъ Томскъ.

26 мая 1869 г. изданъ былъ законъ, окончательно отмѣнившій у насъ наслѣдственность и замкнутость духовнаго сословія. Неудобства прежняго порядка были уже очень чувствительны: множество лицъ духовнаго званія, учившихся по обязанности въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ и не имѣвшихъ никакой подготовки къ какой-либо другой дѣятельности, оставались на цѣлые годы, а иные и навсегда, безъ опредѣленныхъ занятій, не имѣя права поступать никуда на службу по гражданскому вѣдомству, и безъ всякой надежды получить мѣсто въ вѣдомствѣ духовномъ.

По новому закону дѣти лицъ православнаго духовенства не принадлежатъ къ духовному званію и могутъ обращаться, по желанію, къ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, а также поступать въ гражданскую и военную службу; 26 апрѣля 1871 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта сила этого новаго узаконенія была распространена и на лицъ духовнаго происхожденія, родившихся и начавшихъ службу и ранѣе закона 26 мая 1869 г.

Особенно близкое участіе великій князь принималъ въ разработкѣ устава о всеобщей воинской повинности, утвержденнаго 1 января 1874 г. Великій князь предсѣдательствовалъ какъ въ особомъ присутствіи, учрежденномъ при Государственномъ Совѣтѣ въ январѣ 1873 г. для предварительнаго разсмотрѣнія проекта устава воинской повинности, такъ и на засѣданіяхъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, посвященныхъ этому проекту. Защищая положенный въ основу устава принципъ всеобщей воинской повинности, „безъ различія званій и состояній“, тогдашній военный министръ Д. А. Милютинъ нашелъ себѣ сильнаго пособника въ лицѣ Константина Николаевича, вполнѣ сочувствовавшаго указанному принципу, которымъ подтверждались освободительныя начала эпохи преобразованій и который во всѣхъ своихъ важнѣй-

нихъ чертахъ дѣйствуетъ неизмѣнно и по настоящее время. Въ день подписанія устава Государь, благодаря великаго князя за его „теплое участіе“ въ этомъ дѣлѣ, благодарилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и за другіе труды по государственному управленію въ слѣдующихъ словахъ рескрипта 1 января 1874 г.:

„Ваше Императорское Высочество, руководя преніями по столь важному законодательному вопросу, какъ въ особомъ Присутствіи при Государственномъ Совѣтѣ, такъ и въ общемъ Собраніи сего послѣдняго, и постоянно стремясь къ достиженію цѣли, Мною указанной, путемъ всесторонняго обсужденія способовъ приведенія ихъ въ исполненіе, явили новое доказательство рвенія вашего на службу мнѣ и Отечеству. Утвердивъ нынѣ представленный Мнѣ Уставъ о всеобщей воинской повинности, вмѣняю Себѣ въ особенное удовольствіе выразить вашему Императорскому Высочеству мою искреннѣйшую признательность за принятое Вами въ семъ дѣлѣ теплое участіе, встрѣчаемое мною при каждомъ случаѣ возложенія на Васъ особыхъ трудовъ независимо отъ постоянно лежащихъ на Васъ обязанностей, всегда цѣнимыхъ мною съ благодарностью и братскою къ Вамъ привязанностью. Искренно васъ любящій братъ и другъ Александръ“.

Впослѣдствіи, въ полномъ согласіи съ главнымъ дѣятелемъ военной реформы, графомъ Милютинымъ, великій князь Константинъ Николаевичъ много помогъ успѣшному введенію въ дѣйствіе новаго устава. Примѣненіе на практикѣ этого важнаго законоположенія, совершенно измѣнившаго издавна сложившійся у насъ порядокъ отправленія воинской повинности, измѣнявшаго и самый взглядъ на нее, какъ на нѣчто близкое къ наказанію, не могло не возбудить на первыхъ порахъ многихъ сомнѣній и вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ. Въ виду этого упомянутое выше особое присутствіе о воинской повинности было сохранено въ нѣсколько измѣненномъ составѣ на правахъ департамента государственнаго совѣта и предсѣдателемъ его остался Константинъ Николаевичъ. Разрѣшая недоразумѣнія, встрѣченныя на мѣстахъ при выполненіи той или другой статьи устава, особое присутствіе, руководимое великимъ княземъ, помогло гр. Милютину успѣшно исполнить задачу, возложенную на него Государемъ въ рескриптѣ 11 января 1874 г., а именно привести уставъ въ исполненіе „въ томъ же духѣ, въ какомъ онъ составленъ, съ сохраненіемъ твердо

и незыблемо основного начала обязанности каждаго нести воинскую повинность и со всѣми въ отбываніи этой повинности облегченіями, возможными безъ ущерба для существенныхъ интересовъ государства, для силы и достоинства арміи".

Кромѣ особаго присутствія по воинской повинности, Константинъ Николаевичъ въ это время, въ 70-хъ годахъ, предсѣдательствовалъ еще въ двухъ постоянныхъ комитетахъ. Онъ продолжалъ предсѣдательствовать въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, близко слѣдя за главными дѣлами комитета. Одновременно великій князь состоялъ предсѣдателемъ комитета о раненыхъ. Александръ II назначилъ его на этотъ постъ 18 августа 1864 г., въ день пятидесятилѣтія со времени учрежденія комитета, „въ знакъ особеннаго своего участія къ судьбѣ заслуженныхъ воиновъ", при чемъ упомянулъ въ рескриптѣ, что вновь назначенный предсѣдатель самъ „кровію запечатлѣлъ доблестное служеніе престолу и отечеству". По прошествіи десяти лѣтъ, въ 1874 г., Государь въ рескриптѣ великому князю Константину Николаевичу призналъ, что за десятилѣтнее руководство его дѣлами комитета „приняты были многія важныя мѣры къ расширенію правъ раненыхъ и семействъ их на покровительство комитета и къ усиленію способовъ ихъ призрѣнія. Число покровительствуемыхъ комитетомъ лицъ годъ отъ году увеличивалось, размѣры ассигнованій на призрѣніе ихъ постепенно возрастали и однакоже денежныя средства комитета не только не уменьшились, но почти удвоились". Государь при этомъ душевно благодарилъ Константина Николаевича за его „непрестанную заботливость о преуспѣваніи дѣла призрѣнія раненыхъ".

19 февраля 1880 г., въ день двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, Государственный Совѣтъ имѣлъ чрезвычайное собраніе и призналъ священнымъ долгомъ принести Его Императорскому Величеству вѣрноподданническія поздравленія, вмѣстѣ съ выраженіемъ одушевляющихъ Совѣтъ благоговѣйныхъ чувствъ признательности и преданности. Въ журналѣ этого засѣданія сказано между прочимъ: „Государственный Совѣтъ, какъ ближайшій участникъ въ осуществленіи предначертаній Государя по законодательству и высшему управленію, былъ постояннымъ свидѣтелемъ трудовъ Монарха по главнымъ отраслямъ державнаго Его дѣла. Совершившіяся въ настоящее царствованіе пре-

образованія и усовершенствованія въ законахъ, обновившія весь строй государства, являются плодами неисчерпаемой любви Его Императорскаго Величества къ Россіи и неусыпной заботливости Его о благѣ ввѣреннаго Ему Богомъ народа. Совѣтъ имѣлъ высокое счастіе быть призваннымъ къ обсужденію и окончательной разработкѣ законодательныхъ мѣропріятій, память о которыхъ останется неизгладимою въ лѣтописяхъ нашего отечества.

Наиболѣе важное изъ нихъ—освобожденіе крестьянъ—возъимѣло начало отъ лица своего Государя, развивалось и созрѣло подъ непосредственнымъ благотворнымъ вліяніемъ Его Императорскаго Величества и исполнено успѣшно силою державной воли Его, встрѣченной единодушнымъ сочувствіемъ дворянства при спокойствіи и довѣріи сельскаго населенія.

Великое, святое дѣло совершилось. Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за него милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ радостныхъ слезъ оросило русскую землю. Наименованіе Освободителя, въ благодарной памяти народной неразрывно связанное съ именемъ Александра II, будетъ навсегда краснорѣчиво простымъ свидѣтельствомъ того, что̀ прочувствовано русскими сердцами.

Дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и введеніе затѣмъ суда гласнаго, устнаго и равнаго для всѣхъ подданныхъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ по всѣмъ отраслямъ управленія узаконеній и улучшеній, указанныхъ отеческою заботливостью Монарха, дали странѣ новую жизнь. Россія возмужала и развилась.

Не легокъ былъ путь, пройденный Царственнымъ Труженикомъ; не мало разнообразныхъ препонъ дано было Ему побороть. Провидѣнію не угодно было умалить славу Его дѣяній удаленіемъ отъ Него той тяготы, которая по неисповѣдимымъ путямъ Промысла бываетъ неразлучною съ трудомъ созиданія, которая величавѣе проявляетъ духъ избранниковъ Бога и сильнѣе привязываетъ къ нимъ сердца людей. На ряду съ успѣхами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но онѣ не смущали Его сердца, не останавливали и не ослабляли воли, благодѣющей Россіи.

Гордое Вѣнценоснымъ своимъ Вождемъ отечество съ молитвою

торжествуетъ нынѣ двадцатипятилѣтіе Его царствованія. Стекающіяся изъ всѣхъ концовъ обширной Имперіи, отъ всѣхъ сословій и обществъ горячія заявленія о неизмѣнной преданности и благодарности Его Императорскому Величеству, сопровождаемыя щедрыми пожертвованіями на богоугодныя цѣли, свидѣтельствуютъ о безпредѣльной любви къ Монарху Его вѣрноподданныхъ, желающихъ добрыми дѣлами привлечь на Его главу новыя благословенія. Учрежденіе училищъ, облегченіе обремененныхъ и неимущихъ и призрѣніе страждущихъ—вполнѣ достойное чествованіе Царя Освободителя. Богъ Всемогущій да сохранитъ Его на многіе годы!" Совѣтъ постановилъ принести въ полномъ своемъ составѣ вѣрноподданническія поздравленія и вслѣдъ за подписаніемъ сего журнала торжественно отправился въ пріемные покои Его Величества. По выходѣ Государя Императора изложенный выше журналъ былъ прочитанъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, какъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. По выслушаніи журнала Государь отвѣтилъ: „Благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ чувствъ. Благодарю васъ также за ваши труды. Къ прискорбію моему, нѣтъ уже въ живыхъ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ главныхъ законодательныхъ работахъ Моего царствованія. Благодарю всѣхъ ближайшихъ моихъ сотрудниковъ",—продолжалъ Государь, обратясь къ великому князю Константину Николаевичу и обнимая и цѣлуя его, „начиная съ тебя, перваго Моего помощника въ крестьянскомъ дѣлѣ, а также всѣхъ министровъ, бывшихъ и нынѣшнихъ, въ особенности государственнаго канцлера. Надѣюсь, что Совѣтъ будетъ попрежнему помогать Мнѣ въ предстоящихъ еще трудахъ. Уповаю, что Богъ насъ не оставитъ. Молитесь вмѣстѣ со Мною, и Господь выведетъ насъ изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Богъ да хранитъ всѣхъ васъ!"

Немедленно по вступленіи на престолъ Императора Александра III великій князь Константинъ Николаевичъ устранился отъ дѣлъ: 13 іюля 1881 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи его отъ управленія флотомъ и морскимъ вѣдомствомъ, отъ должностей предсѣдателя Государственнаго Совѣта, предсѣдательствующаго въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія и предсѣдателя особаго присутствія о воинской повин-

ности, съ оставленіемъ въ званіяхъ генералъ-адмирала и генералъ-адъютанта.

Послѣ этого великій князь проживалъ въ удаленіи отъ дѣлъ въ своемъ имѣніи Ореанда въ Крыму. Здѣсь въ 1888 г. его постигла тяжкая болѣзнь; скончался онъ въ Павловскѣ 13 января 1892 г.

Съ большимъ интересомъ и любовью великій князь относился къ русской литературѣ, наукѣ и къ русскому музыкальному искусству. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ его письма 50-хъ годовъ, къ сожалѣнію, лишь въ очень незначительномъ количествѣ напечатанныя. Отправляясь въ концѣ 1851 года за границу, въ Венецію, по случаю болѣзни великой княгини Александры Іосифовны, Константинъ Николаевичъ обратился съ просьбою къ М. П. Погодину сообщать ему подробно о московскихъ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ и въ особенности по предмету изученія русскихъ древностей. „Его высочество,—писалъ Головнинъ Погодину, желалъ бы, между прочимъ, получить подробныя извѣстія объ открытыхъ въ послѣднее время древнѣйшихъ спискахъ Нестора. Сверхъ того, великій князь желалъ бы получить „Москвитянинъ“ за весь нынѣшній годъ и получать этотъ журналъ въ теченіе всего будущаго года. Отдавая мнѣ изложенныя приказанія, Его Высочество изволилъ выразиться, что всякое извѣстіе о томъ, что дѣлается для блага Россіи, утѣшительно для русскаго и тѣмъ болѣе вдали отъ отечества“. Получивъ сообщеніе отъ Погодина, великій князь благодарилъ его и просилъ продолжать сообщать о томъ,—„что дѣлается у насъ на пользу русскаго слова и русскаго бытописанія“.

Высоко цѣня талантъ Гоголя, великій князь въ 1851 г. взялъ на себя починъ въ дѣлѣ разрѣшенія новаго посмертнаго изданія его сочиненій. Въ письмѣ къ графу Орлову онъ писалъ слѣдующее: „Въ виду того, что сочиненій Гоголя нѣтъ въ продажѣ, тогда какъ онѣ должны бы находиться въ каждой русской библіотекѣ (даже у меня нѣтъ полнаго собранія оныхъ), я прошу Ваше Сіятельство принять на себя трудъ попросить отъ моего имени члена помянутаго главнаго управленія (по дѣламъ печати) ген.-лейт. Дуббельта постараться, въ особенное мнѣ удовольствіе, чтобы разрѣшеніе комитета (цензуры) на изданіе сочиненій послѣдовало по возможности въ непродолжительномъ времени... Искренно благо-

дарю за покровительство, которое онъ окажетъ сочиненіямъ нашего народнаго писателя, котораго я весьма уважаю, и который своими твореніями доставилъ мнѣ много пріятныхъ минутъ и принесъ истинную пользу.

Русская наука многимъ обязана великому князю Константину Николаевичу; особенно много сдѣлалъ онъ для Русскаго Географическаго Общества. Великій князь не входилъ близко во всѣ дѣла общества только потому, что видѣлъ, что дѣла эти находятся въ надежныхъ рукахъ его просвѣщенныхъ вице-предсѣдателей; но его сочувствіе и поддержка всегда были обезпечены всѣмъ широкимъ предпріятіямъ общества. Астрономической экспедиціи Шварца въ Сибирь 1855 г. великій князь выразилъ свое особенное вниманіе, снабдивъ ее хронометрами и универсальнымъ инструментомъ. Онъ принималъ самое живое участіе въ организованныхъ Географическимъ Обществомъ послѣ Крымской войны экспедиціяхъ, хорасанской и другихъ, въ сопредѣльныя съ Россіею азіатскія страны. Знаменитыя путешествія Пржевальскаго также могли состояться въ значительной степени благодаря поддержкѣ, оказанной Н. М. Пржевальскому августѣйшимъ предсѣдателемъ Географическаго общества. Послѣ кончины перваго предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, всѣ члены выразили единодушное желаніе видѣть своимъ предсѣдателемъ великаго князя Константина Николаевича, и по докладу гр. Д. Н. Блудова Государь Николай Павловичъ 27 ноября 1852 г. утвердилъ великаго князя предсѣдателемъ Общества. Не разъ великій князь и предсѣдательствовалъ въ немъ лично и постоянно живо интересовался его работами; благодаря ходатайству великаго князя во время празднованія 25-лѣтняго юбилея Общества, въ 1861 г., ему назначено было постоянное пособіе въ 5.000 руб. ежегодно.

Великій князь такъ же живо интересовался русскимъ музыкальнымъ искусствомъ. Императорское Русское Музыкальное Общество навсегда сохранитъ благодарную память о своемъ первомъ президентѣ и покровителѣ. Константинъ Николаевичъ принялъ это званіе съ Высочайшаго утвержденія 26 января 1873 г. и тогда же повелѣлъ отпускать консерваторіи изъ собственныхъ суммъ ежегодно 1000 р. на содержаніе столовой и на пособія недостаточнымъ ученикамъ. По его представленію Обществу пожалованъ

былъ 6 апрѣля 1873 г. титулъ Императорскаго. Проектъ новаго устава Общества разработанъ былъ въ главной дирекціи подъ предсѣдательствомъ великаго князя.

16 сентября 1850 г. великій князь былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. Кромѣ того онъ состоялъ почетнымъ членомъ академіи Медикохирургической и Михайловской артиллерійской, а также университетовъ С.-Петербургскаго, Казанскаго и Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго).

Отъ брака съ великой княгиней Александрой Іосифовной великій князь Константинъ Николаевичъ имѣлъ дѣтей: великаго князя Николая Константиновича, род. 2 февраля 1850 г., великую княжну Ольгу Константиновну, род. 22 августа 1851 г., съ 15 октября 1867 г. въ супружествѣ съ Георгомъ I, королемъ греческимъ, великую княгиню Вѣру Константиновну, род. 4 февраля 1854 г., съ 28 апрѣля 1874 г. въ супружествѣ съ герцогомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ; великаго князя Константина Константиновича, род. 10 августа 1858 г., великаго князя Димитрія Константиновича, род. 1 іюня 1860 г., и великаго князя Вячеслава Константиновича, род. 1 іюля 1863 г., въ Варшавѣ, ум. 15 февраля 1879 г. въ С.-Петербургѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Морской Сборникъ за 1857—1881 годы; Сѣверная Пчела, 1848, №№ 194, 195; Сѣверная Почта, 1863, №№ 224—256, 1864, № 185; Правительственный Вѣстникъ, 1874, № 2, 9, 1881, № 155.

Обзоръ дѣятельности морского управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 г. Спб. 1880.

Всеподданнѣйшій отчетъ по морскому вѣдомству за первое двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича. Спб. 1880.

Журналы Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, т. I (1857 – 1859).

Сводъ замѣчаній на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ, ч. I и II. 1861.

Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. 1863.

Отчеты по Государственному Совѣту за время съ 1869 г. по 1892 г.

П. П. Семеновъ. Рѣчь въ память вел. кн. Константина Николаевича — Русская Старина, 1892 г., № 3.

М. И. Семевскій. Вел. кн. Константинъ Николаевичъ—Русская Старина, 1892, № 2.

Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. 7-е изд. 1898.

П. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, тт. I—III.

И. Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи.

П. Милюковъ. Крестьяне—въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Я. Соловьевъ. Крестьянское дѣло—Русская Старина, 1880—1883, тт. 27, 30—34.

P. Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe (N. Milutine).

Записки и дневникъ А. В. Никитенко. Спб. 1893, тт. II и III.

Дневникъ гр. П. А. Валуева—Русская Старина, тт. 70—72.

Записки В. А. Инсарскаго—Русская Старина, 1895, № 7.

Кн. В. П. Мещерскій. Мои воспоминанія, ч. I.

Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, 11.

В. Безобразовъ. Гр. Ѳ. П. Литке. Приложеніе къ LVII тому Записокъ Имнер. Акад. Наукъ, 1888.

П. П. Семеновъ. Исторія полувѣковой дѣятельности Импер. Русск. Географ. Общества, т. I—III. 1896.

С. В. Максимовъ. Литературная экспедиція—Русская Мысль, 1890, № 2.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, т. V, Спб. 1892.

Отчетъ Спб. отдѣленія Импер. Русск. Музык. Общества по консерваторіи 1872—73 г.

Письма вел. кн. Константина Николаевича къ кн. А. И. Барятинскому въ приложеніи къ біографіи кн. Барятинскаго, А. Зиссермана, Русскій Архивъ, 1889. Письма В. А. Жуковскаго къ великому князю за 1840—1849 гг.—Рус. Арх., 1867, с. 1385—1439; изъ письма на стр. 1411 видно, что великій князь высказывалъ В. А. Жуковскому мысль о покореніи Царяграда.

Письма великаго князя къ архіепископу Иннокентію: Русская Старина, 1879 г., т. 23;—къ гр. Орлову: тамъ же, 1873, т. 8.

Русская Старина,—passim, по указателю.

Некрологи и статьи по поводу кончины великаго князя въ слѣд. журналахъ и газетахъ—Вѣстникъ Европы, Русскій Вѣстникъ, Наблюдатель, Морской Сборникъ, 1892, № 2; Новое Время, Новости, Петербургскія Вѣдомости, Русскія Вѣдомости, Московскія Вѣдомости, 1892, 14 января.

Предположеніе объ атакѣ Царя-града съ моря, напечатано въ Присужденіи Макарьевскихъ премій въ 1893 г., въ рецензіи Н. К. Шильдера на книгу А. Н. Петрова Война Россіи съ Турціей. Дунайская кампанія 1853—1854 гг.

Записка гр. Ѳ. П. Литке о воспитаніи вел. кн. Константина Николаевича въ Государственномъ Архивѣ.

Мнѣнія верховниковъ о реформахъ Петра Великаго [1]).

Черезъ полтора года послѣ смерти Петра Великаго, въ іюнѣ 1726 года, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, учрежденномъ незадолго передъ тѣмъ, въ февралѣ, началось обсужденіе вопроса о томъ, какія мѣры слѣдовало принять, въ виду крайняго разоренія крестьянъ и замѣчавшихся безпорядковъ въ управленіи.

---

[1]) Эта статья печатается впервые по неотдѣланной рукописи автора, найденной въ его бумагахъ. Изъ надписи автора на рукописи видно, что статья эта представляетъ рефератъ, прочитанный авторомъ въ Историческомъ Обществѣ при Спб. Университетѣ 30 апрѣля 1897 года и набросанный на бумагу 27—30 апрѣля. Матеріалъ реферата послужилъ и для другого очерка на ту же тему, напечатаннаго въ сборникѣ „О минувшемъ" (Спб., 1909 г., стр. 1—10) подъ заглавіемъ: „Судъ надъ реформой Петра Великаго въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ". Этотъ очеркъ редакція сборника сопроводила слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Необходимо сказать нѣсколько словъ о происхожденіи этой статьи покойнаго Н. П. Павлова-Сильванскаго. По своей службѣ въ Государственномъ Архивѣ, находящемся въ вѣдѣніи Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Н. П. постоянно занимался разборомъ не приведенныхъ еще въ порядокъ бумагъ и документовъ. Нерѣдко вновь открытыя бумаги давали толчокъ къ ученымъ работамъ и изслѣдованіямъ. При министрѣ иностранныхъ дѣлъ В. Н. Ламздорфѣ вошло въ обычай, что министръ—онъ же членъ Императорскаго Историческаго Общества—на годичныхъ собраніяхъ этого Общества, которыя происходятъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора, прочитывалъ докладъ на историческія темы, основанный на новыхъ документахъ и бумагахъ, открытыхъ во время разбора въ подвѣдомственномъ ему учрежденіи. Для одного изъ этихъ докладовъ

Знаменитый петровскій генералъ-прокуроръ Сената Ягужинскій около этого времени представилъ императрицѣ Екатеринѣ I докладъ, въ которомъ обращалъ ея вниманіе, что тогдашнія „коньюнктуры“ требовали скораго прилежнаго разсужденія къ отвращенію внутреннихъ и внѣшнихъ „опасностей“, грозившихъ государству, для цѣлости государства и для облегченія народа, и высказавъ свои соображенія по этимъ вопросамъ, предлагалъ „у всѣхъ господъ министровъ порознь взять на письмѣ мнѣнія, какимъ образомъ въ такихъ коньюнктурахъ поступать“.

Императрица послѣдовала совѣту Ягужинскаго, или Ягушинскаго, какъ самъ онъ писалъ свою фамилію, и предложила на обсужденіе верховниковъ слѣдующіе шесть вопросовъ:

1) какъ облегчить крестьянъ въ уплатѣ подушной подати;

2) какъ пополнить дефицитъ, который образуется въ случаѣ уменьшенія подушной;

3) какъ уменьшить штатъ правительственныхъ учрежденій;

4) какъ исправить юстицію; 5) торговлю; 6) денежное дѣло.

Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта изложили свои мнѣнія въ особыхъ запискахъ. Наиболѣе обстоятельная изъ этихъ записокъ была подписана рейхсъ-маршаломъ свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ, кабинетъ-секретаремъ Петра—Макаровымъ, вице-канцлеромъ барономъ Остерманомъ, а также Алексѣемъ Волковымъ, личнымъ секретаремъ Меншикова. Волковъ не былъ членомъ Совѣта, и присутствіе его подписи на этой запискѣ объясняется тѣмъ, что онъ ее редактировалъ.

Особыя мнѣнія были поданы генералъ-адмираломъ Апракси-

и предназначалась печатаемая нынѣ статья. Самъ Н. П. собирался посвятить отношенію верховниковъ къ реформамъ Петра Великаго особую работу. На эту тему онъ читалъ въ Историческомъ Обществѣ при петербургскомъ университетѣ рефератъ, легшій въ основу служебной работы. Собираясь выпустить отдѣльнымъ изданіемъ собраніе своихъ статей, Н. П. предполагалъ включить сюда и „Судъ надъ Петровскими реформами“, подвергнувъ обработкѣ свой рефератъ. Но его статья и въ томъ первоначальномъ видѣ, въ которомъ она печатается въ настоящемъ изданіи, имѣетъ свое значеніе, между прочимъ и потому, что она основана на матеріалахъ, донынѣ неизвѣстныхъ“.

Рукопись реферата, о которомъ говорится въ этомъ примѣчаніи, и воспроизводится нами. Рефератъ всецѣло устраняетъ очеркъ, который на этомъ основаніи не перепечатывается. *Ред.*

нымъ, президентомъ адмиралтейской коллегіи, кн. Д. М. Голицынымъ, президентомъ камеръ-коллегіи, извѣстнымъ своею образованностью и дѣятельнымъ участіемъ въ конституціонномъ движеніи при воцареніи Анны Іоанновны, затѣмъ П. А. Толстымъ, канцлеромъ гр. Головкинымъ и герцогомъ Голштинскимъ.

Сущность главнѣйшихъ изъ этихъ мнѣній была вкратцѣ на двухъ страницахъ изложена С. М. Соловьевымъ въ „Исторіи Россіи". Общее понятіе о нихъ можно получить изъ напечатаннаго въ числѣ прочихъ документовъ, собранныхъ профессоромъ статистики 30-хъ гг. П. И. Арсеньевымъ, авторомъ исторіи царствованій Екатерины I и Петра II, — указа Екатерины I, 9 января 1727 г., представляющаго изъ себя сводъ этихъ мнѣній и, главнымъ образомъ, буквально повторяющаго разсужденіе записки Меншикова, Макарова и Остермана.

Подлинныя записки верховниковъ хранятся въ Государственномъ Архивѣ. Какъ мнѣ кажется, онѣ заслуживаютъ болѣе обстоятельнаго знакомства съ ними, чѣмъ то, какое можно имѣть изъ указанныхъ печатныхъ источниковъ.

Главная задача моего сегодняшняго сообщенія состоитъ въ ознакомленіи Васъ, Милостивые Государи, вкратцѣ съ мнѣніями верховниковъ по этимъ неизданнымъ запискамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи какъ этихъ мнѣній, такъ и указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, я попытаюсь охарактеризовать законодательную дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта вообще, указать ея отношеніе къ преобразовательной дѣятельности Петра I и главнымъ образомъ къ его преобразованіямъ въ области администраціи и суда.

Ожиданія многихъ людей Западной Европы, ошибочно полагавшихъ, что преобразованія Петра были слѣдствіемъ одной личной воли Петра, что со смертью его всѣ его нововведенія будутъ отвергнуты, не оправдались. Новый порядокъ вещей въ общемъ сохранился и развивался.

Кормило власти удержали ближайшіе сотрудники Петра, люди новой Россіи. Они не отказались отъ усвоенной ими отчасти западно-европейской культуры. Напротивъ, въ первое время, послѣ смерти Петра, Екатерина подчеркивала свою полную солидарность съ нимъ. Она неоднократно заявляла въ указахъ и поручала посламъ объявить за границей, что она „всемѣрно желаетъ всѣ дѣла,

зачатыя трудами блаженныя и вѣчно достойныя памяти его величества на томъ же основаніи исполнить". Она выбиваетъ медаль въ память Петра съ надписью: „виждь (Россія), какову оставилъ тя", поручаетъ бар. Шафирову написать исторію императора. Въ первый мѣсяцъ послѣ смерти Петра, она приводитъ въ исполненіе предначертанія Петра. Въ февралѣ 1725 г. она приглашаетъ иностранныхъ ученыхъ въ Академію наукъ, планъ устройства которой выработанъ былъ уже во всѣхъ подробностяхъ Петромъ, 5 февраля утверждаетъ составленную Петромъ инструкцію капитану датчанину Берингу, отправившемуся въ камчатскую экспедицію, для рѣшенія вопроса, есть ли проливъ между Азіей и Америкой; 23 февраля утверждаетъ выработанные при Петрѣ штаты коллегій. Изъ различныхъ мелкихъ распоряженій, правда, можно видѣть, что она продолжаетъ идти по указанному Петромъ пути заимствованія западно-европейскихъ знаній, по пути усвоенія европейской духовной и внѣшней культуры. Большею частью она исполняетъ или подтверждаетъ соотвѣтствующій указъ Петра, иногда, гораздо рѣже, дѣлаетъ новыя распоряженія того же рода. Въ іюнѣ 1725 года Сенатъ отправляетъ за границу купеческихъ дѣтей для обученія ариѳметикѣ и нѣмецкому языку, вспоминая указъ Петра 1723 года. Въ слѣдующемъ году, давая иностраннымъ купцамъ разрѣшеніе на устройство компаній въ Россіи, правительство обязываетъ ихъ обучать русскихъ коммерческой корреспондеціи [1]). Въ мартѣ 1725 года Синодъ, подтверждая враждебныя монашеству распоряженія Петра, запрещаетъ вновь постригать въ монахи кого-либо безъ разрѣшенія Синода, кромѣ вдовыхъ священниковъ [2]). Въ маѣ 1726 года подтверждаетъ указъ Петра объ обязательномъ ношеніи иностраннаго платья [3]). Узнавъ, что офицеры и рядовые, выходя въ отставку или отпущенные на время „ходятъ съ бородами и въ старинномъ русскомъ платьѣ", указъ запрещаетъ это, грозитъ солдатамъ за ослушаніе батогами, а офицерамъ штрафами и указываетъ двѣ законныя причины ношенія бороды: „естьли кто бывъ боленъ и въ той болѣзни запустилъ бороду" и если кто гдѣ арестованъ былъ.

---

[1]) П. С. З. № 4731, 9 іюня 1725 г.; № 4914, іюня 4, 1726.
[2]) П. С. З. № 4672, 3 марта, 1725 г.
[3]) П. С. З. № 4893, 31 мая 1726 г.

Во многихъ частныхъ распоряженіяхъ Сената видна, какъ замѣчаетъ Филипповъ, его заботливость о томъ, чтобы начинанія Петра не заглохли, чтобы „во всемъ поступано было противъ того, какъ Ея Императорское Величество изволили опредѣлить“. Когда разъ въ Сенатъ поступило прошеніе лифляндцевъ, вызванныхъ въ Россію для обученія крестьянъ снятію хлѣба косами, а не серпами, объ отпускѣ ихъ домой, Сенатъ не прежде рѣшилъ вопросъ объ ихъ отпускѣ, какъ получивъ точныя свѣдѣнія изъ камеръ-коллегіи, насколько и гдѣ крестьяне обучены новому способу снятія хлѣба. Не оставляя заботъ Петра о флотѣ, правительство въ 1726 году по допошенію адмиралтейской коллегіи, вызываетъ изъ Германіи трехъ мастеровъ къ корабельному дѣлу, умѣющихъ рубить лѣсъ и сохранять его.

Вызывая иностранцевъ для обученія русскихъ техническимъ знаніямъ, правительство, согласно завѣту Петра, въ дѣлѣ законодательства также слѣдуя практикѣ Петра, изучаетъ иногда иностранныя законодательства: „беретъ примѣръ съ европейскихъ государствъ“. Устанавливая въ 1726 году пошлины съ дипломовъ на чести графскія, баронскія и на гербы, совѣтъ рѣшилъ „взять примѣръ, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ съ такихъ честей брать положено“ [1]). Вырабатывая новый тарифъ, комиссія о коммерціи начинаетъ совершенно такъ, какъ сдѣлалъ бы Петръ, съ перевода голландскаго тарифа.

Примѣры эти можно бы увеличить. Какъ въ большей части указанныхъ фактовъ, такъ и въ другихъ случаяхъ замѣтно, что правительство большею частью только подтверждаетъ указы Петра и не обнаруживаетъ не только увлеченія, но и особой энергіи въ дѣлѣ ознакомленія русскихъ съ западно-европейской культурой. Нѣтъ ничего похожаго на прежнюю неутомимую дѣятельность Петра въ этой сферѣ: въ дѣятельности правительства замѣчается крайнее ослабленіе вообще. Если оно приводитъ въ исполненіе одни изъ плановъ Петра, большей частью тѣ, которые были уже совершенно выработаны, какъ, напримѣръ, учрежденіе Академіи Наукъ или планъ экспедиціи Беринга, то отъ многихъ другихъ оно отказывается. Современники — Прокоповичъ и Татищевъ съ

[1]) „Историч. бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ“, „Сб. отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ“, т. IX, стр. 107.

сожалѣніемъ указываютъ на нѣкоторыя неисполненныя начинанія Петра. Татищевъ сообщаетъ, что онъ видѣлъ у Ѳеофана Прокоповича роспись содержанія духовнаго вѣдомства, подъ которой рукою Петра было написано: „достальныя (деньги) употребить проповѣдникамъ въ иновѣрцахъ на прибавочныя школы и богадѣльни". „Того же 1724 года", говоритъ Татищевъ, Петръ „изволилъ о учрежденіи училищъ въ монастыряхъ указомъ Синоду подтвердить, но кончиною Его Величества все оное въ забвеніи осталось" [1]).

Въ 1721 году Ѳеофанъ подалъ въ Синодъ проектъ учрежденія академіи-семинаріи, которую предлагалъ назвать Петеръ-Гартенъ, или Петровъ-садъ, Петръ отнесся сочувственно къ этому дѣлу, велѣлъ отпустить на постройку дома большую сумму, 2000 рублей. Домъ былъ построенъ, но за смертью Петра, дѣло это осталось неоконченнымъ. Домъ много лѣтъ пустовалъ безъ ремонта и исправленія, пока не отданъ былъ въ 1743 году полиціймейстеръ-канцеляріи. На учрежденіе семинаріи верховники очевидно посмотрѣли какъ на одно изъ тѣхъ ненужныхъ строеній, затѣянныхъ Петромъ, которыя въ видахъ экономіи они рѣшили отставить.

Записки верховниковъ любопытны какъ мнѣнія объ административныхъ реформахъ ближайшихъ сотрудниковъ Петра. Какъ же относятся они къ административнымъ преобразованіямъ Петра? Совершенно отрицательно. И они относятся къ нимъ такъ не только потому, что результаты реформъ не оправдали надеждъ, возлагавшихся на нихъ Петромъ. Въ запискахъ ихъ отнюдь не видно того, чтобы они разочаровались въ реформѣ и рѣшили исправить ее исключительно потому, что русская дѣйствительность обнаружила ея недостатки. Нельзя не замѣтить, что рѣзко критикуя реформу, они не дорожатъ ея основаніями, мало сочувствуютъ ей вообще и даже нерѣдко не вполнѣ её понимаютъ. И во главѣ этихъ критиковъ реформъ, адмирала Апраксина, канцлера Головкина, предсѣдателя коммерцъ-коллегіи П. Толстого, идетъ правая рука Петра—свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Всѣ они прямо противополагаютъ свои мѣропріятія преобразованіямъ Петра.

„По разсужденіи о нынѣшнемъ состояніи всероссійскаго государства, читаемъ, во мнѣніи Меншикова, Макарова и барона

[1]) Татищевъ. „Росс. Истор.", ч. I, стр. 575.

Остермана, оказывается, что едва-ли не всѣ дѣла, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, въ худомъ порядкѣ находятся и скорѣйшаго исправленія требуютъ, и какимъ неусыпнымъ прилежаніемъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество ни трудился въ установленіи добраго порядку во всѣхъ дѣлахъ, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ и въ сочиненіи пристойныхъ регламентовъ, въ надеждѣ, что уже весьма надлежащій порядокъ во всемъ слѣдовать будетъ, однакожъ, того по се время не видно".

Такъ начинается разсужденіе свѣтлѣйшаго князя, наиболѣе полно выразившее отрицательное отношеніе дѣятелей времени преемниковъ Петра къ его административной реформѣ.

Исходнымъ пунктомъ критики петровскихъ административныхъ реформъ — было разореніе народа. Преобразованіе Россіи было куплено дорогой цѣной. Россія была возведена въ рангъ Европейской державы, какъ выразился Милюковъ, цѣною разоренія страны. Громадные затраты людей и денегъ на шведскую войну вызвали сильный экономическій кризисъ. Но Петръ изъ за него не оставлялъ своихъ дорого стоившихъ преобразованій. Преобразователь сознательно жертвовалъ настоящимъ для будущаго. Крестьянское разореніе при Петрѣ очень безпокоило мыслящихъ представителей общества, добровольцевъ-прожектеровъ.

Теперь, послѣ Петра, это разореніе стало основной заботой его сотрудниковъ, членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ 1725—1726 годахъ это разореніе чувствовалось особенно сильно. Послѣдніе годы царствованія Петра были неурожайными („хлѣбный недородъ"). Въ 1725 году „сначала о плодоносномъ лѣтѣ хотя и была надежда, но потомъ въ жатвенное самое время отъ великихъ и непрестанныхъ дождей и мокроты едва не вездѣ какъ рожь, такъ и яровые хлѣба не были сняты, и съ поля не убраны и многіе проросли".

„Великая скудость крестьянъ, ихъ „крайнее всеконечное разореніе" указывалось верховниками, какъ главная причина проектированной ими отмѣны нѣкоторыхъ учрежденій Петра. Благосостояніе крестьянъ само по себѣ очень мало ихъ занимало,— въ этомъ отличіе ихъ отъ добровольцевъ-прибыльщиковъ. Оно заботилось съ эгоистически-правительственной точки зрѣнія. „Солдатъ съ крестьяниномъ, писалъ Меншиковъ, связанъ, какъ душа

съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата",—и „понеже армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, того ради и о крестьянахъ попеченіе имѣть надлежитъ".

Особенная забота верховниковъ о народной тягости объясняется, съ другой стороны, ихъ опасеніемъ народныхъ волненій. Ливонская плѣнница, особенно въ первый годъ воцаренія, не чувствовала престолъ свой достаточно прочнымъ. Поэтому черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Петра, правительство Екатерины поспѣшило сложить 4 коп. изъ подушнаго сбора: одновременно, зная о томъ, что при постройкѣ полковыхъ квартиръ „народу великая тягость происходитъ", оно поспѣшило сложить эту натуральную повинность [1]). Та же боязнь народныхъ бунтовъ проглядываетъ въ указѣ Сената, изданномъ черезъ 2 мѣсяца послѣ смерти Петра. Признаваясь въ указѣ, что ему „неизвѣстно, не чинится ли отъ сбиравшихъ подати комиссаровъ и офицеровъ уѣзднымъ людямъ какихъ обидъ и излишнихъ сборовъ", Сенатъ тѣмъ не менѣе спѣша предупредить эти опасныя злоупотребленія, строго приказывалъ на всякій случай не чинить такихъ обидъ и не брать лишняго съ крестьянъ [2]). Та же боязнь проглядываетъ и въ запискахъ верховниковъ, когда они настаивали на убавкѣ подушнаго сбора „для скорѣйшаго облегченія крестьянъ и для увеселенія и надежды народной".

Изъ государственныхъ реформъ Петра послѣднихъ лѣтъ его царствованія наиболѣе рѣшительной критикѣ подвергнута была излюбленная имъ, особенно его интересовавшая, поуѣздная расквартировка арміи, расположеніе полковъ на крестьянъ. Мысль эта была приведена въ исполненіе въ 1724 году. Полки были расквартированы по уѣздамъ. Крестьяне должны были построить квартиры для офицеровъ и солдатъ въ своихъ селахъ, часть солдатъ держать въ своихъ избахъ. Полковое начальство принимало близкое участіе въ сборѣ подушной, которая шла на содержаніе войска. Выборный земскій комиссаръ собиралъ подушную, которую передавалъ полковому комиссару, а этотъ послѣдній помогалъ ему въ сборѣ подати, особенно въ сборѣ недоимокъ. Легко

---

[1]) П. С. З., № 4650, 8 февр. 1725 г.; № 4654, 12 февр. 1725 г.

[2]) П. С. З., № 4687, 31 марта 1725 г.

представить себѣ, къ какимъ результатамъ долженъ былъ вести этотъ порядокъ. На практикѣ армія хозяйничала въ уѣздахъ, какъ въ непріятельской завоеванной странѣ.

Реформа эта была, повидимому, личнымъ дѣломъ Петра, плодомъ его личнаго увлеченія шведскимъ порядкомъ содержанія арміи, который, однако, пришлось существенно измѣнить при перенесеніи въ Россію. При самомъ проведеніи она не встрѣчала сочувствія въ его сотрудникахъ. Армія далеко еще не размѣстилась по уѣздамъ, крестьяне только что начали во многихъ мѣстахъ строить полковыя квартиры, какъ со всѣхъ сторонъ, послѣ смерти Петра, послышались голоса противъ реформы.

Въ апрѣлѣ того же года Сенатъ уже пишетъ,—„что земскіе комиссары и находящіеся на вѣчныхъ квартирахъ офицеры платежомъ подушныхъ денегъ такъ принуждаютъ, что крестьяне не токмо пожитки и скотъ распродавать принуждены, но и въ землѣ посѣянный хлѣбъ за безцѣнокъ отдаютъ и оттого необходимо принуждены бѣгать за чужія границы — въ Башкиры и въ Польшу“.

Графъ Толстой въ ноябрѣ 1726 года говоритъ, что крестьяне никакъ не могутъ платить всѣхъ тѣхъ сборовъ, какіе положены на нихъ, такъ какъ кромѣ подушныхъ денегъ съ нихъ правятъ деньги на строеніе штабныхъ и солдатскихъ дворовъ, и всѣ штрафы за прописку душъ, за порубку лѣсовъ, и держаніе бѣглыхъ.—„А когда для правежей присылаются въ села и деревни отъ разныхъ полковъ офицеры и солдаты и прочіе сборщики, тогда бѣдные крестьяне, боясь жестоко правежа и оставя нужную свою крестьянскую работу, бѣгутъ изъ домовъ своихъ и хоронятся по лѣсамъ или кто гдѣ можетъ укрыться. Они и на заплату податей денегъ промыслить не могутъ, а къ тому же еще помѣшательство крестьянамъ въ ихъ крестьянскихъ работахъ, что у нихъ въ домахъ солдаты. И не возмогши крестьянинъ промыслить денегъ на заплату податей, принужденъ продавать скотину, избы и строенія“.

Неизвѣстный авторъ, разсужденіе котораго объ этомъ предметѣ цѣликомъ вошло въ указъ Екатерины 9 января 1727 года, также указывалъ, что крестьянамъ очень тягостно содержаніе полковыхъ дворовъ и солдатскихъ квартиръ, что и „помѣщикамъ и крестьянамъ невозможно миновать отъ обидъ, происходящихъ

отъ солдатъ, а наипаче, когда оные въ отдаленіи будутъ отъ своихъ офицеровъ“ [1]).

Меншиковъ также замѣтилъ, что бѣдные россійскіе крестьяне „не отъ одного хлѣбнаго недороду и подати подушной разоряются и бѣгаютъ, какъ отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками“ [2]). По общему мнѣнію, необходимо было вывести полки изъ уѣздовъ, и поселить ихъ подальше отъ крестьянъ въ особыхъ слободахъ при городахъ, и устранить офицеровъ отъ сбора подати и правежа недоимокъ.

Эти предположенія членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта были осуществлены указами въ февралѣ и мартѣ 1727 года [3]).

Затѣмъ всѣ сановники согласно указывали на необходимость уменьшить сумму подушнаго оклада на 4 коп.—этотъ окладъ былъ уменьшенъ тотчасъ по вступленіи на престолъ Екатерины. Сенатъ въ апрѣлѣ 1725 года пришелъ къ заключенію о необходимости еще уменьшить подушный налогъ. Ягужинскій не раздѣлялъ вообще отрицательнаго отношенія къ административной реформѣ Петра и пессимистическаго взгляда на русскую дѣйствительность петровскаго времени. Представляя доношеніе Сената по этому вопросу Екатеринѣ, онъ сопроводилъ его цѣлымъ рядомъ ограничительныхъ замѣчаній; на указаніе Сената о хлѣбномъ недородѣ, онъ замѣтилъ: „сіе учинилось мѣстами, а въ другихъ мѣстахъ рожь родилась средняя, а яровое, какъ слышно, во всѣхъ мѣстахъ родилось изрядно, а передъ прошлыми годами хлѣбъ вездѣ дешевле и для того сего примѣру, какъ Правительствующій Сенатъ разсудили, ко облегченію крестьянъ показать невозможно“. На разсужденіе Сената о томъ, что крестьяне отъ „несноснаго имъ отягощенія, пришли въ крайнюю нищету и необходимо принуждены побѣгами другъ за другомъ слѣдовать и многіе уже за чужіе границы побѣжали и никакими крѣпкими заставы удержать отъ того не можно“,—Ягужинскій полагалъ, что крестьянъ отъ побѣговъ удержать возможно, примѣняя строго указъ Петра о порученіи надзора за невыходомъ крестьянъ выборнымъ сотникамъ и десятникамъ и круговой отвѣтственности

---

[1]) Арсеньевъ, указ. изд., стр. 92.

[2]) Арсеньевъ, тамъ же, стр. 86.

[3]) П. Милюковъ, „Госуд. хоз. Россіи и реформа Петра Великаго“, стр. 698.

крестьянъ за бѣглыхъ. Но и этотъ Ягужинскій въ своей запискѣ, поданной Екатеринѣ нѣсколько позднѣе, проектировалъ убавку податей съ крестьянъ и указывая на „народное отягощеніе", замѣчалъ, что необходимо „на подданныхъ положить то, что понести могутъ".

Въ засѣданіяхъ Тайнаго Совѣта этотъ вопросъ обсуждался неоднократно. Въ іюнѣ 1726 года Совѣтъ рѣшилъ, что изъ подушныхъ денегъ необходимо учинить сбавку, —„не допуская до послѣдняго и впредь непоправляемаго бѣдства крестьянъ" [1]).

Въ ноябрѣ того же года (1726) Совѣтъ снова „имѣлъ разсужденіе, каковымъ бы образомъ учинить поселянамъ въ сборѣ подушныхъ денегъ облегченіе; ибо до того дойдетъ, „что взять будетъ не съ чего"; члены разсуждали о необходимости сбавки по 12 или по 20 коп. съ души и не остановились ни на какомъ рѣшеніи [2]). Они разсуждали о томъ же въ своихъ мнѣніяхъ, поданныхъ около этого времени. Въ результатѣ, въ началѣ слѣдующаго года были сложены съ крестьянъ подушныя деньги за треть года [3]). По отношенію податной реформы Петра верховники не ограничились тѣмъ, что отмѣнили уѣздную расквартировку арміи, уменьшивъ подушный окладъ, разрѣшили уплачивать часть этого оклада натурой, фуражемъ и провіантомъ, они подвергли сомнѣнію и способъ раскладки налога, главный принципъ поголовщины, въ которомъ прожектеры при Петрѣ видѣли панацею отъ всѣхъ золъ. Меншиковъ, проектируя учредить комиссію для обсужденія податной реформы, поставилъ ея задачей рѣшеніе вопроса: „по чему впредь съ крестьянъ и какимъ образомъ удобнѣе и сколько съ пользою народною, съ душъ такъ, какъ нынѣ, или по примѣру другихъ государствъ съ однихъ работниковъ, кромѣ старыхъ и малолѣтнихъ, а особливо какъ обычай въ Швеціи отъ 10 до 60 лѣтъ, или съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли положить". Любопытно, что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ допетровскіе порядки не пугаютъ верховниковъ; на обсужденіе комиссіи ставится вопросъ о возвращеніи къ подворной системѣ раскладки податей, отвергнутой Петромъ.

---

[1]) Милюковъ, указ. соч., стр. 695.
[2]) Сб. И. Р. И. Общ., т. 56, стр. 325.
[3]) Милюковъ, указ. соч., стр. 699.

Допетровскіе порядки въ области административной не только не пугаютъ, но даже привлекаютъ къ себѣ верховниковъ. Подобно тому, какъ для Петра лучшимъ аргументомъ въ пользу реформъ служила всегда ссылка на примѣръ Запада, такъ для верховниковъ наиболѣе убѣдительнымъ аргументомъ служитъ примѣръ XVII вѣка. Обаяніе европейскихъ порядковъ потеряло для нихъ свою силу.

Административная реформа Петра 1718—1722 гг. имѣла въ основѣ своей два главныхъ принципа: отдѣленіе отъ администраціи суда и финансоваго управленія. Судебная власть принадлежала надворнымъ судамъ; иски до 20 рублей подлежали вѣдѣнію особыхъ судей ассесоровъ, состоявшихъ при воеводахъ. Финансовое управленіе подлежало вѣдѣнію камерировъ или „надзирателей сборовъ", подчиненныхъ камеръ-коллегіи. Они контролируютъ приходо-расходныя вѣдомости губернскихъ властей, надзирая за государственными имуществами и сдачей на откупъ казенныхъ статей. Камериръ не имѣлъ права ни получать, ни расходовать денегъ; сборы, находившіеся подъ его надзоромъ, поступали къ особому чиновнику рентмейстеру-казначею, подчиненному штабсъ-коллегіи.

Этимъ раздѣленіемъ властей, введеніемъ строгой отчетности, опредѣленіемъ всѣмъ новымъ должностямъ штатнаго жалованья, учрежденіемъ органовъ мѣстнаго контроля въ лицѣ провинціалъ-фискаловъ, Петръ надѣялся уничтожить вредныя стороны московской администраціи, казнокрадство, взяточничество, притѣсненіе безправнаго населенія, съ которыми энергично боролся всю свою жизнь. Къ январю 1725 года, когда умеръ Петръ, эта реформа еще только что была исполнена. Введеніе новой провинціальной организаціи затянулось, камерные чиновники лишь года за три передъ тѣмъ, въ 1721—1722 гг., прибыли на мѣста; окончательно инструкція сборщикамъ податей, земскимъ коммисарамъ утверждена была за полгода до смерти Петра—26 іюля 1724 года [1]).

При сложности и новости дѣла и лихорадочной спѣшности, отличавшей работу Петра, въ этой реформѣ естественно были существенные недостатки. Оказалось, что послѣ назначенія вмѣсто прежнихъ земскихъ сборовъ—подушныхъ денегъ и отдачи

---

[1]) Милюковъ, указ. соч., стр. 634.

сбора ихъ земскимъ комиссарамъ, у камериров и рентмейстеровъ противъ прежняго дѣла осталось мало, именно у нихъ остались одни таможенные, кабацкіе и канцелярскіе сборы; причемъ еще многихъ городовъ таможенные сборы положены на магистраты. Съ другой стороны, двойственность провинціальной финансовой администраціи, именно подчиненность камериров камеръ-коллегіи и рентмейстеровъ штатсъ-коллегіи вызываетъ „несогласіе у камериров и рентмейстеровъ въ рапортахъ“ [1]).

Реформа требовала дальнѣйшихъ поправокъ. Указанные недостатки скоро, въ іюнѣ 1726 года, были замѣчены Сенатомъ; и по доношенію Сената Верховный Тайный Совѣтъ рѣшилъ отставить рентмейстеровъ-казначеевъ и передать ихъ дѣло храненія казенныхъ денегъ камерирамъ (указъ 15 іюля 1626 года). Такія поправки были непосредственнымъ продолженіемъ дѣятельности Петра,— согласованіемъ его разновременныхъ указовъ.

Но верховники этимъ не ограничились. Сотрудники Петра, черезъ полтора года послѣ его смерти, подняли вопросъ объ уничтоженіи всей провинціальной администраціи, введенной Петромъ и возвращеніи къ порядкамъ XVII вѣка.

Генералъ-прокуроръ Ягужинскій, одинъ изъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ Петра и наболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ въ послѣдніе годы его царствованія, принимавшій близкое участіе въ коллежской реформѣ,—не касался этого вопроса въ своей запискѣ. Онъ болѣе другихъ, должно быть, сочувствовалъ этой реформѣ, видя въ ней до нѣкоторой степени и свое дѣло,— въ этомъ, быть можетъ, заключалась одна изъ причинъ его удаленія отъ дѣлъ управленія въ 1726 году, когда онъ былъ назначенъ посланникомъ.

Изъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не вполнѣ сочувствовалъ совершенно отрицательному отношенію верховниковъ къ административной реформѣ Петра одинъ только П. А. Толстой, президентъ коммерцъ-коллегіи. На поставленный Екатериной вопросъ объ этомъ, онъ отвѣтилъ уклончиво, указавъ, что когда будутъ сокращены нѣкоторые расходы и будетъ введена экономія въ армейскомъ хозяйствѣ, то тогда, какъ онъ уповаетъ, въ сокращеніи штата не будетъ особой надобности. Меншиковъ былъ осо-

[1]) Милюковъ, указ. соч., 688—689.

бенно близокъ къ Петру въ первую половину царствованія, когда онъ радовалъ Петра тѣмъ, что прекрасно выучился кораблестроенію; Петръ особенно цѣнилъ его быструю сообразительность и энергичную распорядительность во время военныхъ походовъ въ Польшѣ и Украйнѣ и при постройкѣ Петербурга. Въ 1716 году адмиралъ Апраксинъ, находясь въ Финляндіи, прислалъ въ Петербургъ донесеніе объ отчаянномъ положеніи его войска, погибавшаго отъ голода, и требовалъ немедленной присылки провіанта. Меншиковъ явился въ Сенатъ и сталъ упрекать Сенатъ въ нерадѣніи: сенаторы оправдывались тѣмъ, что въ казнѣ нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба, что отъ нихъ нельзя требовать невозможнаго. Князь Меншиковъ, при общемъ шумѣ и протестѣ Сената, осыпалъ ихъ рѣзкими обвиненіями, затѣмъ, выйдя изъ Сената, собственной властью велѣлъ немедленно взять изъ купеческихъ магазиновъ провіанта на 200.000 рублей и нагружать на суда для отправки въ Або къ Апраксину.

Легко можно догодаться, на чью сторону сталъ Петръ, когда ему пришлось разбирать жалобы сенаторовъ на Меншикова, на его дерзкое самовластное отношеніе къ Сенату и самоуправство. Этотъ фактъ прекрасно характеризуетъ свѣтлѣйшаго князя и объясняетъ, за что любилъ его Петръ. Меншиковъ часто безъ инструкціи и приказа поступалъ такъ, какъ сдѣлалъ бы Петръ на его мѣстѣ. Но Меншиковъ могъ замѣнить Петра только въ области администраціи—тамъ, гдѣ приходилось дѣйствовать. Петръ былъ, кромѣ того, еще законодателемъ, преобразователемъ, внимательно изучавшимъ иностранныя учрежденія, инструкціи и законы и лично много работавшимъ надъ редактированіемъ законовъ. Тутъ уже его товарищемъ былъ не Меншиковъ, а ученые иностранцы, Брюсъ, Фикъ, Люберасъ и русскіе люди, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ.

Въ реформахъ 1718—1722 гг. Меншиковъ не игралъ никакой роли, онъ принималъ нѣкоторое участіе лишь въ выработкѣ регламента военной коллегіи въ качествѣ ея предсѣдателя; въ эти годы онъ былъ въ немилости за обнаружившіяся злоупотребленія, взяточничество и казнокрадство.

Административная реформа Петра была для него чужимъ дѣломъ; онъ сталъ главою реакціоннаго движенія въ этой обла-

сти. Къ его мнѣнію присоединились бывшіе въ это время его приспѣшниками баронъ Остерманъ и кабинетъ-секретарь Макаровъ. Того же мнѣнія были канцлеръ Головкинъ, адмиралъ Апраксинъ и князь Голицынъ. Ихъ критика реформъ представляется весьма поверхностной; они сразу отказываются отъ принциповъ реформы раздѣленія властей, не выставляютъ противъ нихъ никакихъ возраженій, какъ видно, даже не сознаютъ ихъ значенія. Ихъ главное возраженіе противъ реформы, что она создала множество правителей, что эти правители служатъ къ великому отягощенію штата. Администрація XVII вѣка представляется имъ въ розовомъ свѣтѣ. Они забыли всѣ жалобы и нареканія на нее, которыя такъ часто слышались въ допетровской Россіи.

Вся расправа и судъ вручалась по прежнему воеводамъ, для обузданія которыхъ и введены были Петромъ всѣ эти камериры и разные управители.

Московскіе воеводы представляются членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта добрыми опекунами народа. „Крестьянству ничто такъ не чувственно, писалъ адмиралъ Апраксинъ, какъ разные имъ командиры; а нынѣ ни одного опекуна такого или подобнаго тому, какъ прежде бывали воеводы, крестьяномъ нѣтъ". Князь Голицынъ, образованнѣйшій вельможа, многому научившійся отъ ученаго Фика и изъ своей богатой библіотеки, предлагалъ „сочинить въ государствѣ губерніи, въ которыхъ губернаторы отправляли всякія дѣла, какъ прежде было, каждый въ своей губерніи, какъ судныя и вотчинныя, такъ и другія". Такіе губернаторы,—„имѣя на себѣ положеніе всѣхъ дѣлъ, будутъ, по мнѣнію Голицына, болѣе о своихъ губерніяхъ печися и подданныхъ защищать и всякимъ охраненіемъ до разоренія не допускать".

Когда въ прежнее время, разсуждалъ Совѣтъ еще раньше подачи этихъ мнѣній, въ іюнѣ 1726 года, были „одни воеводы"— „и всякія дѣла, какъ государевы, такъ и челобитчиковы отправляли одни и были безъ жалованья, и тогда лучшее отъ одного правленія происходило и люди были довольны" [1]). Тутъ уже въ идеализацію прошлаго верховники заходятъ слишкомъ далеко. Извѣстно, какъ „люди были девольны" московскими „опекунами", воеводами безъ жалованья—кормленщиками; петровская реформа

[1]) Сб. И. Г. И. Общ., т. 55, стр. 363,

имѣла именно цѣлью ихъ обузданіе. Только одинъ изъ верховниковъ, канцлеръ Головкинъ, вспомнилъ непригдядныя стороны этой старины и высказываясь противъ губернской реформы 1722 года, вспомнилъ о губернской реформѣ Петра 1710 года. Предлагалъ во всѣхъ городахъ учинить воеводъ, поручивъ имъ всѣ дѣла и подчинить ихъ губернаторамъ,—„только губернаторамъ, замѣтилъ онъ, силы такой одному человѣку дать не безсумнительно, и для того, мнится, дать губернаторамъ въ товарищи асессоровъ, человѣка по три или по четыре, чтобы губернаторы всѣ дѣла съ ними дѣлали обще и подписывались". Головкинъ вспомнилъ о петровскихъ ландратахъ 1713 года, которые для обузданія произвола губернаторовъ, должны были „всѣ дѣла съ нимъ дѣлать и подписывать, а губернаторъ у нихъ долженъ былъ быть не яко властитель, но яко президентъ" (и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать).

Но эта мысль Головкина успѣха не имѣла. Коллегіальное начало, излюбленное Петромъ, не пользовалось сочувствіемъ у верховниковъ. Указами 24 февраля и 15 марта 1727 года областная реформа Петра была отмѣнена, и возстановлена была власть единоличныхъ воеводъ въ провинціяхъ и городахъ, воеводъ, подчиненныхъ столь же единовластнымъ губернаторамъ. Воеводы скоро назначены были въ города, 31 марта (№ 5053), 5 мая уничтожены были надворные суды (№ 5069). Отставлены были камериры и фискалы.

Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ, читаемъ въ запискѣ Меншикова и его положеніи,—„не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной [1]). Другіе члены Совѣта въ своихъ запискахъ также огульно осуждали петровскія административныя реформы:

„Штатъ разсмотрѣть зѣло нужно, писалъ канцлеръ Головкинъ, не токмо такіе люди многіе есть, безъ которыхъ можно пробыть, но и цѣлыя канцеляріи вновь надѣланы, въ которыхъ нужды не видится"... Всѣ эти надѣланныя Петромъ канцеляріи и многіе правители не приносятъ ничего, кромѣ вреда: отъ нихъ, какъ разсуждалъ Совѣтъ 15 іюня 1726 г. [2]), „1) въ дѣлахъ непорядки и продолженіе, 2) въ дачѣ жалованья напрасные убытки,

---

[1]) Ср. п. 8 указа 9 января 1727 г.: Арсеньевъ, указ. изд., стр. 93.

[2]) Сб. И. Р. И. Общ., т. 55, стр. 363.

3) народу отъ многихъ и разныхъ управителей тягости и волокиты".

Такъ разсуждали сотрудники Петра. Но къ какому же выводу пришли они? Они не стали долго раздумывать о томъ, какъ исправить реформу, они вовсе не разсуждали о томъ, какіе изъ этихъ управителей не нужны и какихъ слѣдуетъ оставить. Если не нужны особые финансовые чиновники-камериры, то можетъ быть нуженъ отдѣльный отъ администраціи судъ? можетъ быть нужно сохранить надворные суды? Если не нужны вальдмейстеры (лѣсничіе), то можетъ быть необходимы фискалы, обличавшіе не мало злоупотребленій? или можетъ быть институту фискаловъ слѣдуетъ дать другую организацію, чтобы избѣжать замѣченныхъ въ немъ недостатковъ? Не одинъ изъ этихъ вопросовъ не былъ поставленъ въ Совѣтѣ. Ни одно изъ этихъ учрежденій Петра, посредствомъ которыхъ онъ надѣялся искоренить древнюю московскую неправду, которыя онъ создалъ съ многими трудами, ни одно изъ нихъ не нашло себѣ защитника среди его сотрудниковъ, критиковавшихъ его дѣла.

Надворные суды и камериры, фискалы, земскіе комиссары и вальдмейстеры—все было огуломъ отвергнуто, безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Необходимо, заявилъ Меншиковъ,—„какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей и канцелярій и конторы, земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить и положить всю расправу и судъ попрежнему на губернаторовъ и воеводъ". Слова: и прочихъ тому под. очень характерны въ данномъ случаѣ. Отмѣняя провинціальныя учрежденія Петра, не заботились даже о томъ, чтобы точно опредѣлить, что именно отмѣняется. Эти слова записки Меншикова повторены въ указѣ Екатерины 9 января 1727 года, объявленномъ Верховному Тайному Совѣту [1]), они повторены и въ указѣ 24 февраля того же года, объявленномъ для исполненія во всеобщее свѣдѣніе [2]).

Про новыхъ петровскихъ чиновниковъ Меншиковъ сказалъ, что они „не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ". Но не такими же ли волками были возстановлен-

---

[1]) Арсеньевъ, указ. изд., стр. 94.

[2]) П. С. З. № 5017, п. 5.

ные имъ воеводы, съ тою только разницей, что произволъ ихъ ничѣмъ не сдерживался, въ то время, какъ камериры и комиссары, петровскіе воеводы и надворные суды взаимно сдерживали другъ друга. Петръ искалъ новаго, съ цѣлью наложить узду на произволъ управителей, утвердить законность путемъ раздѣленія властей.

Верховники разомъ отказались отъ этихъ трудныхъ исканій и отвергли петровскую реформу, не попытавшись лучше приспособить ее къ русской дѣйствительности, устранить обнаружившіеся со временемъ ея недостатки. Не долго думая, они вернулись къ несложнымъ порядкамъ старины, забывъ о ея недостаткахъ. Но эти недостатки скоро дали себя знать. Очень скоро начались издаваться указы противъ волокиты и злоупотребленій воеводъ.

Тайный Совѣтъ рѣзко порицалъ петровскіе порядки за строгое взысканіе податей земскими комиссарами и офицерами. Онъ отстранилъ офицеровъ отъ сборовъ и повелѣлъ комиссарамъ не ѣздить въ уѣзды для сбора податей, а ожидать въ городахъ ихъ уплаты. Ожиданіе это было довольно наивно. Очень скоро оказалось, въ маѣ 1727 года, что „поданные, невзирая на такое всемилостивѣйшее опредѣленіе, подушной подати на указанные сроки сами не платятъ огурствомъ своимъ“.

Указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 25 мая рекомендовалъ губернаторамъ въ такихъ случахъ посылать въ уѣзды особыхъ посланныхъ, чтобы править убытки на помѣщикахъ и крестьянахъ.

Чѣмъ же эти посланные должны были быть лучше камерировъ и комиссаровъ? Указъ тутъ же заранѣе приказывалъ губернаторамъ смотрѣть накрѣпко, чтобы эти посланные не чинили плательщикамъ „обидъ и налогъ“ подъ страхомъ смертной казни [1]). Это оказалось недостаточнымъ, и пришлось вернуться къ посылкѣ военныхъ командъ. Только что отстраненные отъ сбора подушной оберъ-офицеры, въ сентябрѣ того же 1727 года посланы были съ командою солдатъ въ уѣзды для сбора подушной [2]).

Законодательная дѣятельность Тайнаго Совѣта рѣзко отличается отъ дѣятельности Петра. Въ противоположность Петру,

---

[1]) П. С. З., № 5079, 25 мая 1727 г.
[2]) П. С. З., № 5148, 2 сент. 1727 г.

верховники всегда уклонялись отъ сложнаго и труднаго исканія новаго, и 30 лѣтъ петровскаго царствованія какъ бы прошли для нихъ безслѣдно въ этомъ отношеніи. Они нерѣдко пользовались въ своихъ мѣропріятіяхъ простымъ пріемомъ точнаго воспроизведенія допетровскихъ порядковъ. Когда возникъ вопросъ о томъ, въ какихъ городахъ должны быть при воеводахъ секретари, они рѣшили его простой справкою о томъ, въ какихъ городахъ въ старину были дьяки, которые были замѣнены секретарями, какъ если бы значеніе тѣхъ или другихъ городовъ не измѣнилось за 30 лѣтъ [1]).

Очень любопытенъ въ этомъ отношеніи указъ 20 марта 1727 года объ уменшеніи числа чиновниковъ вообще, указъ точно возстановлявшій московскую старину. „Въ прежнія времена въ Москвѣ въ приказахъ и въ знатныхъ городахъ—дьяковъ и подьячихъ было умѣренное число, только въ чемъ нужда ко управленію состояла“; ссылаясь на этотъ примѣръ, правительство повелѣло и опредѣленіе учинить по точному примѣру прежнихъ временъ, а именно, какъ было до 1700 года. Тѣ изъ дьяковъ, кто прежде имѣлъ пропитаніе отъ дѣлъ, должны его имѣть такъ и впредь, чтобы не было поврежденія въ Московскомъ государствѣ и челобитчикамъ волокиты, и въ томъ за ними смотрѣть такимъ же образомъ, какъ тогда смотрѣніе имѣли“ [2]).

Враждебное отношеніе верховниковъ къ административной реформѣ Петра выразилось не только въ уничтоженіи его провинціальныхъ учрежденій, они измѣнили многое и въ введенной имъ системѣ центральнаго управленія.

Прежде всего они уничтожили институтъ прокуратуры, которому Петръ придавалъ большое значеніе, надъ устройствомъ котораго самъ много работалъ. По отъѣздѣ Ягужинскаго за границу они оставили его должность незамѣщенной, желая ослабить значеніе Сената. Они не заботились такъ, какъ Петръ, о дѣятельномъ контролѣ учрежденій; прокуроры казались имъ такими же лишними управителями, какъ и вальдмейстера, служащими лишь къ лишнему отягощенію штата. „Первоначально Совѣтъ хотѣлъ, чтобы прокуроры чередовались съ экзекуторами въ ис-

[1]) П. С. З., № 5126, іюля 22 1727 г.; № 5039, 20 марта 1727 г.

[2]) Объ этомъ ср. Сб. И. Р. И. Общ. т. 63, стр. 240.

полненіи обязанностей другъ друга; затѣмъ сталъ увольнять ихъ частью въ отставку, частью въ продолжительный отпускъ"[1]). Наконецъ, въ засѣданіи Совѣта 13 марта 1727 года было рѣшено принципіально, что прокуроры вовсе не нужны. Разсужденіе членовъ Совѣта объ этомъ до насъ не дошло. Въ журналѣ сказано лишь, что въ совѣтѣ „имѣлося разсужденіе согласное о прокурорахъ: имъ быть въ коллегіяхъ въ совѣтникахъ"[2]).

Это было рѣшено согласно, безъ споровъ, которые иначе были бы отмѣчены въ журналѣ. Ни Меншиковъ, ни Апраксинъ, ни Головкинъ, ни Голицынъ, засѣдавшіе въ этотъ день, никто не выступилъ защитникомъ любимаго созданія Петра, польза котораго была такъ ясна и которое было всецѣло, по вступленіи Елизаветы на престолъ, возстановлено въ прежнемъ значеніи.

Другое учрежденіе Петра, имѣвшее цѣлью надзоръ и контроль надъ администраціей,—институтъ фискаловъ, также былъ уничтоженъ Совѣтомъ.

Самъ Петръ признался въ одномъ указѣ, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ". Верховники вмѣстѣ съ массой раздѣляли ненависть къ фискаламъ; Меншиковъ не могъ цѣнить ихъ значенія, имѣлъ личные счеты съ фискалами, потому что фискалы нѣсколько разъ обличали его самого, раскрывая его злоупотребленіе. Генералъ-фискалъ Мякининъ (съ 1724 г.) за это былъ преданъ военному суду 9 іюня 1727 года и затѣмъ сосланъ: преемникъ ему назначенъ не былъ, многіе изъ фискаловъ были уволены, безъ замѣны ихъ другими. Особаго узаконенія издано не было. Совѣтъ довольствовался фактическимъ уничтоженіемъ фискаловъ, не касаясь вопроса по существу[3]).

Кромѣ генералъ-прокурора уничтожена и другая важная должность при Сенатѣ, установленная Петромъ, должность рекетмейстера, принимавшаго и дававшаго надлежащее направленіе дѣламъ по прошенію на Высочайшее имя. Въ наше время дѣло этого рекетмейстера вѣдается чуть не цѣлымъ особымъ министерствомъ.

---

[1]) Филипповъ, „Исторія Сената въ правленіе В. Т. Совѣта и кабинета", I, стр. 229.

[2]) Сб. т. 63, стр. 240, назначеніе состоялось въ тотъ же день, стр. 246.

[3]) Филипповъ, указ. соч., стр. 288—290.

Меншиковъ, какъ мы замѣчаемъ, шелъ впереди другихъ членовъ Совѣта въ дѣлѣ отмѣны петровскихъ узаконеній. Онъ добился отмѣны должности рекстмейстера, даже не встрѣтивъ въ этомъ случаѣ особаго сочувствія въ другихъ членахъ Совѣта.

9 февраля 1727 года Толстой и Апраксинъ разсуждали о томъ, кого назначить на эту должность. Черезъ мѣсяцъ Меншиковъ, узнавъ, что на эту должность никто еще не назначенъ, приказалъ оберъ-секретарю Маслову объявить въ Сенатѣ свое разсужденіе, что лучше всего поручить исполненіе обязанности рекстмейстера Сенатскому оберъ-прокурору. Послѣдній, по разсужденію Меншикова, и безъ того дѣлаетъ Сенату представленія „о всякихъ дѣлахъ", поэтому „приличнѣе быть имѣетъ ему и челобитныя принимать въ неправыхъ вершеніяхъ на коллегіи, также и прочія, гдѣ, по которымъ бить челомъ надлежитъ, разсматривая помѣчать и отсылать". При этомъ Меншиковъ находилъ, что обязанности оберъ-прокурора и генералъ-рекстмейстера почти совпадаютъ, такъ какъ, по его мнѣнію,—„почитай то все было одно, и рекстмейстеръ въ Сенатъ приходить, а представлять долженъ оберъ-прокурору; отъ того двойныхъ людей для одного дѣла и на нихъ жалованья происходить не будетъ" [1]).

Разсужденіе Меншикова, какъ замѣчаетъ профессоръ А. Н. Филипповъ, часто было закономъ, и мысль его немедленно, 6 марта, была исполнена. Это разсужденіе обнаруживаетъ поверхностное отношеніе Меншикова къ исправленію реформы Петра, не только несочувствіе къ ней, но и непониманіе ея. Онъ предлагалъ соединить обязанности рекстмейстера съ обязанностями оберъ-прокурора, чтобы не было двойныхъ людей для одного дѣла, но обязанности этихъ должностей, на самомъ дѣлѣ, были совершенно различны, и „раздѣленіе ихъ функцій, къ которому Петръ Великій пришелъ не сразу, а путемъ долгаго опыта", какъ замѣчаетъ профессоръ Филипповъ,—„имѣло за себя великое оправданіе". „Ихъ функціи были строго разграничены въ указахъ Петра. Начало раздѣленія отдѣльныхъ функцій управленія, положенное въ основу многихъ реформъ Петра Великаго, нуждалось, конечно, въ дальнѣйшемъ развитіи и нечего было думать о тѣхъ небольшихъ выгодахъ, какія могли получаться отъ сокращенія бюджета, при

---

[1]) Филипповъ, указ. соч., стр. 171.

уничтоженіи той или другой должности, въ виду тѣхъ неудобствъ какія неминуемо происходили при соединеніи разнородныхъ обязанностей въ рукахъ одного лица" [1]).

Макаровъ, лучше знакомый съ дѣломъ рекстмейстера, такъ какъ этой должности переданы были обязанности, вѣдавшіяся прежде Макаровымъ въ должности кабинетъ-секретаря, стоялъ за сохраненіе должности рекстмейстера съ тѣмъ только, чтобы онъ подчиненъ былъ не Сенату, но Верховному Тайному Совѣту [2]).

Уничтоживъ провинціальныя учрежденія Петра, разрушивъ стройную организацію Сената, верховники не оставили безъ измѣненія и **коллежскую реформу** Петра.

Они не сочувствовали излюбленному Петромъ коллегіальному началу управленія. Черезъ 4 года послѣ учрежденія коллегій, они рѣзко высказываются противъ коллегіальнаго устройства центральныхъ учрежденій.

По штату петровскихъ коллегій въ нихъ былъ 1 президентъ, 1 вице-президентъ, 4 совѣтника, 4 асессора, всего 10 человѣкъ, не считая канцеляристовъ, копіистовъ, архиваріусовъ, протоколистовъ.

„Въ такомъ множественномъ числѣ, разсуждали члены Совѣта, въ управленіи лучшаго успѣху быть не можетъ, ибо оные всѣ въ слушаніи дѣлъ за едино ухо почитаются и не токмо, чтобъ лучшій способъ былъ, но отъ многаго разногласія въ дѣлахъ остановка и продолженіе, а въ жалованьѣ напрасный убытокъ происходитъ" [3]).

На этомъ основаніи Совѣтъ уменьшилъ втрое нормальный составъ коллежскаго присутствія. Вмѣсто 10 онъ оставилъ въ коллегіяхъ по 6 человѣкъ, разрѣшивъ половинѣ этихъ членовъ быть въ отпуску поперемѣнно.

„Такимъ образомъ, заключалъ докладъ Совѣта императрицѣ, члены коллегій въ дѣлахъ могутъ поступать не надѣясь другъ на друга, какъ нынѣ во многихъ персонахъ происходитъ". Верховники рѣзко критиковали многочисленный составъ коллегій. Они сократили его втрое. На практикѣ скоро оказалось,

---

1) Филипповъ, стр. 172.
2) Ibid. 173.
3) Сб., т. 63, стр. 458—459.

что этого числа было очень недостаточно. Черезъ два года уже коммерцъ-коллегія, указывая на то, что у ней дѣлъ „непрестанно прибавляется", ходатайствовала объ увеличеніи числа ея членовъ, и Сенатъ призналъ ея ходатайство заслуживающимъ полнаго вниманія.

Петръ смотрѣлъ на свои учрежденія, какъ на школу, зная, что сразу они не могли хорошо дѣйствовать. Верховники отступили отъ этого начала реформы. Для той же цѣли Петръ назначилъ во всѣ коллегіи нѣсколько членовъ иноземцевъ, для обученія русскихъ людей. Верховники нашли, что русскіе чиновники достаточно учились, и въ іюнѣ 1726 года Совѣтъ рѣшилъ отпустить значительную часть этихъ „коллежскихъ членовъ иноземцевъ", находя, что они „жалованье получаютъ большое, а нужды въ нихъ не предусмотрѣно". Екатерина не одинъ разъ выказала бо́льшее сочувствіе дѣламъ Петра, чѣмъ его сотрудники. Присутствуя на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Совѣта (9 іюня), она не согласилась отпустить иноземцевъ. Ея Императорское Величество разсуждала, что они должны быть въ службѣ попрежнему,—„понеже оные были приняты на службу при Его Императорскомъ Величествѣ" [1]). По отношенію къ коллегіямъ Совѣтъ принялъ нѣсколько мѣръ по закрытію нѣкоторыхъ изъ нихъ и по созданію новыхъ центральныхъ управленій.

Прежде всего, 16 іюня 1726 года, штатсъ-конторъ-коллегія, вѣдавшая государственные расходы и хранившая государственную казну, была присоединена къ камеръ-коллегіи, вѣдавшей государственные доходы. Это распоряженіе стояло въ тѣсной связи съ уничтоженіемъ подчиненныхъ штатсъ-конторѣ рекстмейстеровъ-казначеевъ и съ передачей ихъ дѣла камерирамъ, подчиненнымъ камеръ-коллегіи, о которой мы уже говорили. Въ томъ же засѣданіи, когда рѣшено было уничтоженіе штатсъ-конторы, какъ особой коллегіи, члены Совѣта 15 іюня 1727 года разсуждали, что дѣла „въ трехъ коллегіяхъ, которыя касаются до купечества, а именно, коммерцъ, мануфактуръ и магистратъ", лучше всего соединить въ одномъ присутственномъ мѣстѣ" [2]).

---

[1]) Сб., т. 55, стр. 362 и 405.

[2]) Сб., т. 55, стр. 363.

Въ запискѣ Меншикова и другихъ читаемъ о ненужности этой коллегіи слѣдующее: „между лишними канцеляріями не только въ губерніяхъ, но и здѣсь въ резиденціи почитается и мануфактуръ-коллегія, и понеже оная безъ Сенату и кабинету никакой важной резолюціи учинить не можетъ, того ради и жалованье напрасно получаетъ". Нѣкоторые члены Совѣта полагали, что взамѣнъ мануфактуръ-коллегіи, слѣдуетъ учинить особую контору при коммерцъ-коллегіи или при Сенатѣ и поручить эту контору сенатору, въ званіи протектора фабрикантовъ (Новосильцевъ) [1]). Меншиковъ и въ этомъ случаѣ обнаружилъ свое рѣшительное предубѣжденіе противъ учрежденій Петра. Онъ настаивалъ въ засѣданіи Совѣта на необходимости передачи дѣлъ мануфактуръ-коллегіи въ коммерцъ-коллегію и не находилъ никакой надобности въ устройствѣ особой конторы при Сенатѣ или при этой коллегіи для вѣдѣнія фабричныхъ дѣлъ [2])—„конторѣ быть не для чего, чтобъ излишнихъ расходовъ не было".

Къ его мнѣнію присоединился князь Голицынъ, который также вообще не видѣлъ пользы отъ многихъ „управительствъ", учрежденныхъ Петромъ. „Какъ въ резиденціи, такъ и внутри государства, писалъ онъ въ своемъ мнѣніи, учинены многія управительства, которыя могутъ два или три подчинены быть одному, а другія и вовсе отставлены, ибо всякому управительству опредѣлено жалованье, которое оно и получаетъ [даромъ]".

Императрица и здѣсь выступила въ роли защитницы петровскихъ учрежденій, хотя въ этомъ вопросѣ очень нерѣшительно. Еще въ предшествующемъ году по другому поводу она высказалась противъ умаленія значенія мануфактуръ-коллегіи: въ засѣданіи Совѣта она разсуждала, что,—„хотя эта коллегія невелика, однакожъ дѣло новое".

Практика не оправдала уничтоженія мануфактуръ-коллегіи. Едва въ февралѣ [3]) разрѣшенъ былъ вопросъ о передачѣ дѣлъ этой коллегіи въ коммерцъ-коллегію, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ усмотрѣно было, что тѣмъ дѣламъ при коммерцъ-коллегіи быть неприлично и велѣно было эти дѣла передать въ особую контору

---

[1]) Арсеньевъ, указ. изд., стр. 94.

[2]) Арсеньевъ, стр. 104.

[3]) П. С. З. № 5017, 24 февр. 1727 г.; Филипповъ, указ. соч., стр. 175.

при Сенатѣ, въ вѣдѣніе сенатора Новосильцева,—„чтобы фабрики не пришли въ слабое состояніе своимъ дѣйствомъ“ [1]).

Не далѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (іюнь), эта контора обратилась къ Сенату съ заявленіемъ, что ей опредѣленными „служителями управиться невозможно“, и потребовала увеличенія своего штата. Взамѣнъ только что уничтоженной коллегіи, явилась контора почти равная ей и по штату и по значенію.

Такъ практика часто не оправдывала торопливой ломки петровскихъ учрежденій. Изъ этого примѣра, вмѣстѣ съ тѣмъ, видно, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Филипповъ, до какой степени не продуманы были рѣшенія Совѣта [2]). Ошибки Петра, замѣтимъ мы, оправдываются тѣмъ, что онъ создавалъ новое, и громаднымъ количествомъ дѣлъ, лежавшихъ на немъ. Горячка реформаціоннаго періода уже прошла, когда Совѣтъ началъ вырабатывать свои мѣропріятія; онъ почти ничего не создавалъ новаго, онъ только разбирался въ дѣлахъ Петра, дѣйствовалъ по готовымъ образцамъ, и отъ него, какъ бывшихъ сотрудниковъ Петра, можно было бы ожидать большей осторожности, большей обдуманности рѣшеній. Уничтоженіе петровскихъ учрежденій Совѣтъ оправдывалъ необходимостью экономіи, крайнимъ умноженіемъ штата. Но замѣчательно, что эта причина выставлялась только тогда, когда рѣчь шла объ уничтоженіи тѣхъ учрежденій, значеніе которыхъ верховники не вполнѣ понимали. Вмѣстѣ съ тѣмъ они образовали нѣсколько новыхъ учрежденій. Возстановили учрежденную при Петрѣ и имъ же скоро уничтоженную ревизіонъ-коллегію. Учредили доимочную канцелярію наподобіе древняго доимочнаго приказа. Наконецъ, образовали двѣ комиссіи, одну о разсмотрѣніи подушнаго сбора, другую—о коммерціи.

Комиссія о коммерціи поручена была барону А. И. Остерману, вице-канцлеру,—„понеже за способнѣе его къ такому дѣлу, члены Совѣта другой персоны не изобрѣли“ [3]). И дѣйствительно, изъ среды верховниковъ трудно было замѣнить кѣмъ-нибудь барона Остермана.

„Широкія натуры русскихъ людей, оставленныхъ Россіи Пе-

---

[1]) Сб. т. 63, с. 363; Филипповъ, стр. 178—179.

[2]) Филипповъ, с. 179.

[3]) Сб., т. 56, стр. 538.

тромъ, говоритъ Соловьевъ, были мало склонны къ постоянному усидчивому труду, къ соображенію, изученію всѣхъ подробностей дѣла, чѣмъ особенно отличался нѣмецъ Остерманъ, имѣвшій также важное преимущество въ образованіи своемъ, въ знаніи языковъ... и вотъ при каждомъ важномъ запутанномъ дѣлѣ баронъ А. И. необходимъ, ибо никто не умѣетъ такъ изучить дѣло, такъ изложить его" [1]).

Эти качества барона Остермана замѣтны и по результатамъ дѣятельности комиссіи о коммерціи. Въ первый же годъ по ея учрежденіи, въ 1727 г., ею издано было много важныхъ распоряженій, выработаны были уставъ о лихтерахъ по выгрузкѣ судовъ, уставъ о соляной продажѣ. Комиссія вызываетъ знающихъ купцовъ, собираетъ свѣдѣнія у губернаторовъ.

Въ мнѣніи, поданномъ Меншиковымъ, Макаровымъ и Остерманомъ начертана была цѣлая программа вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію комиссіи, по всей вѣроятности, составленная Остерманомъ.

Эта часть мнѣнія не вошла въ указъ Екатерины 9 января 1727 года, напечатанный Арсеньевымъ, и потому мы изложимъ ее нынѣ нѣсколько подробнѣе.

Авторы записки признаютъ коммерцію существенной „жилой государственной", ссылаясь на примѣръ Голландіи и Англіи, показывающій,—„какое богатство и силу доброй порядокъ въ купечествѣ государству приноситъ"; и Россійское государство, по ихъ мнѣнію, „къ той коммерціи толь наипаче способно, понеже оное собственныхъ своихъ товаровъ гораздо больше въ другіе краи отпустить можетъ, нежели оному чюжихъ товаровъ потребно". Однако, на дѣлѣ „оное купечество въ россійскомъ государствѣ едва не вовсе ли раззорено", почему и предлагается „немедленно учредить комиссію изъ добрыхъ и совѣстныхъ людей, чтобъ оное купечество разсмотрить и искать сію государственную такъ потребную жилу изъ корени и съ фундамента излѣчить". Записка подвергаетъ рѣшительной критикѣ рядъ мѣропріятій Петра Великаго въ области экономической политики, указывая, что „купечество воли требуетъ", она предлагаетъ комиссіи разсмотрѣть, „не полезнѣе-ли будетъ... купечеству дать волю туда въ своихъ рос-

---

[1]) С. М. Соловьевъ, „Ист. Россіи" кн. IV, стр. 883.

сійскихъ портахъ торговать, куда ему способно и для того такожде отворить портъ Архангельскій. Отъ этого, по мнѣнію авторовъ записки, произойдетъ „вспоможеніе“ и крестьянамъ сѣверной Россіи, такъ какъ они будутъ свободно продавать купцамъ для отпуска за море хлѣбъ, пеньку, ленъ, узкіе холсты, выдѣлка которыхъ убита распоряженіями Петра, и т. п. Кромѣ того, возстановится ихъ заработокъ отъ извознаго промысла и найма на работу въ городахъ. Чтобы отъ возстановленія Архангельскаго торга не упало торговое значеніе Петербурга, комиссіи слѣдуетъ отыскать способы „для содержанія купечества и въ здѣшнемъ городѣ“, напримѣръ, убавкой пошлинъ и предоставленіемъ купечеству иныхъ льготъ, организацiей торговли компаніями—особенно для юфтяного и сальнаго торгу, устанавленіемъ торга пенькою на Петербургъ на казенныя деньги и т. п. Съ другой стороны, авторы записки предлагаютъ комиссіи выработать рядъ мѣропріятій съ цѣлью воспрепятствовать отвлеченію купеческихъ капиталовъ отъ торговли и устранить развившуюся въ торговлѣ конкурренцію купцамъ со стороны помѣщиковъ. „Нынѣ, читаемъ въ запискѣ, многіе посадскіе деревни покупаютъ и, напротивъ того, многіе помѣщики въ торгъ вступили, отчего сіе несходство происходитъ: 1) что ежели-бъ купцы тѣ деньги употребляли въ торгъ, то изъ того таможенному сбору происходило бы пополненіе и общему купечеству пожитокъ; 2) что купцы, оставя свои торги стали больше за деревенскими дѣлами ходить и ябедничать, а помѣщики, оставя должное смотрѣніе за крестьянами, больше за торгами своими пошли: того ради можетъ сія комиссія и о томъ разсужденіе имѣть, не лутче-ли будетъ купечеству запретить впредь деревни покупать, а помѣщикамъ—самимъ торговать, но паче повелѣть имъ крестьянамъ своимъ въ промыслахъ и въ размноженіи всякихъ деревенскихъ заводовъ сильное вспоможеніе учинить“. Наконецъ, комиссія должна была разсудить о петербургскихъ фабрикахъ и мануфактурахъ,—„которыя изъ оныхъ къ пользѣ государственной, а которые къ тягости“, и о „расположеніи“ тѣхъ, которыя будутъ признаны полезными. Подобный пересмотръ результатовъ экономической политики Петра Великаго долженъ былъ, по мнѣнію авторовъ записки, привести къ „расположенію купечества добрымъ порядкомъ“ на пользу государственной казны, увеличеніе народнаго богатства и облегченіе крестьянамъ въ пріобрѣтеніи пропитанія и

уплатѣ податей. Послѣднее, между прочимъ потому, что комиссіи надлежало разсмотрѣть, „купечество не легче-ли податьми крестьянъ обложено и невозможно-ли на оное, особливо, когда имъ вышеупомянутая воля въ купечествѣ дастся, на нихъ податей прибавить".

Къ какому же выводу приходимъ мы послѣ изученія проектовъ и указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ сравненіи съ дѣятельностью Петра Великаго?

Профессоръ Милюковъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ о реформѣ Петра I, смотритъ на мѣропріятія Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ на непосредственное развитіе реформъ Петра, неосуществленныхъ имъ въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни.

Съ предвзятой мыслью о незначительности личнаго вліянія героевъ на историческое развитіе приступилъ названный изслѣдователь къ изученію петровской эпохи. Мы не будемъ спорить противъ того, что при изученіи общаго хода историческаго развитія народа, роль героевъ всегда умаляется и сводится почти къ нулю. Герой едва ли можетъ измѣнить общественныя теченія историческаго процесса. Но при ближайшемъ изученіи событій, въ тѣсныхъ рамкахъ времени и мѣста, нельзя не замѣтить значенія героя, какъ ускоряющаго или замедляющаго фактора. Герои опредѣляютъ нерѣдко хронологію историческаго процесса.

Предвзятая мысль не позволила этому изслѣдователю замѣтить громаднаго значенія личности Петра въ процессѣ реформы даже тамъ, гдѣ это значеніе само бросается въ глаза. И онъ написалъ исторію „реформъ безъ реформатора". Въ другомъ мѣстѣ я старался показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ велико было вліяніе на ходъ реформъ личной инициативы, громадной энергіи и личнаго труда преобразователя. Изъ того, что сказано было мною сегодня, видно, какъ измѣнился ходъ государственныхъ дѣлъ послѣ смерти Петра, какъ ощутительно стало его отсутствіе.

„При Петрѣ, какъ и послѣ его смерти, говоритъ П. Н. Милюковъ, одни и тѣ же лица, одни и тѣ же вопросы, одни и тѣ же пріемы ихъ рѣшенія" [1]). Мы приходимъ къ совершенно иному заключенію. Да, лица, Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, пожалуй, одни и тѣ же, но не вполнѣ, потому что сфера вліянія

---

[1]) Милюковъ, указ. соч., с. 706.

отдѣльныхъ лицъ измѣнилась, верховники оттѣснили почти всѣхъ тѣхъ дѣятелей, которые играли роль въ послѣдніе годы царствованія Петра. Вопросы одни и тѣ же, но совершенно измѣнились пріемы ихъ рѣшеній. Отвергнуты были почти безъ критики многія идеи реформы.

Оказывается, что главнѣйшіе дѣятели петровскаго времени не сочувствовали этимъ идеямъ, что они не были одушевлены вѣрой въ успѣшность той школы, какой были реформы Петра. Оказывается, что никому другому, какъ Петру, принадлежала иниціатива и защита многихъ сторонъ реформы, что онъ же былъ источникомъ одушевленія и энергіи преобразовательнаго движенія.

Такъ критика не оправдывала поспѣшной ломки новыхъ учрежденій, которую члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, бывшіе сотрудники Петра Великаго, предприняли тотчасъ послѣ его смерти, не обнаруживъ ни достаточно уваженія къ его памяти, ни пониманія основныхъ началъ его великой реформы.

Рѣшеніе ихъ, слишкомъ скораго и пристрастнаго суда надъ петровской реформой доказываетъ, что не въ нихъ, а всецѣло въ Петрѣ Великомъ лежалъ источникъ воодушевленія, силы и разума великаго преобразовательнаго движенія.

51
-2